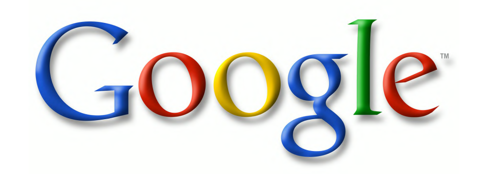

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

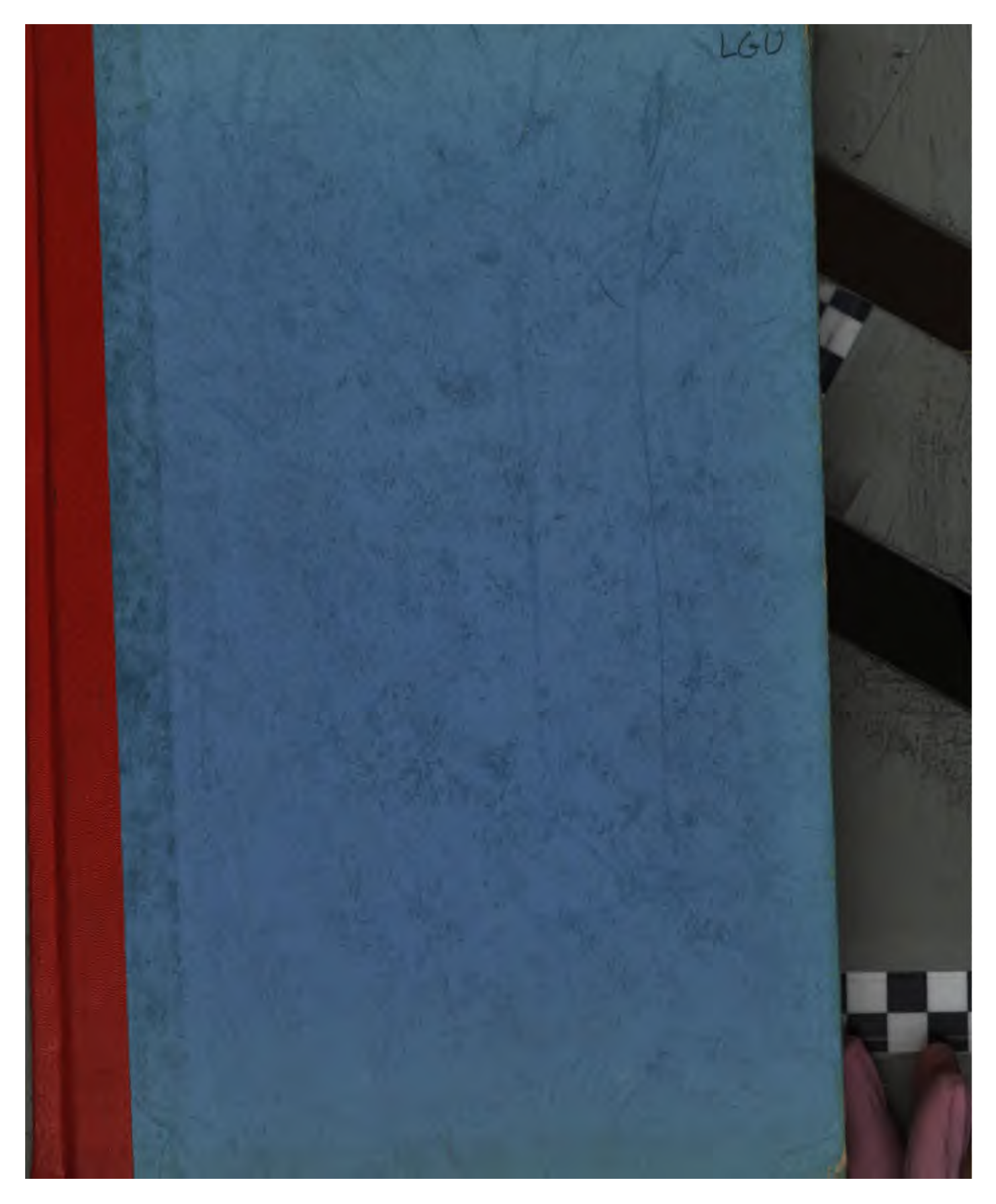
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

LGU

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

39 V

Stat'i po slavianoviedieniiu
II

СТАТЬИ

ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ.

Выпускъ II.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА

В. И. Ламанскаго.

ИЗДАНІЕ ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

D377
S76
v. 2

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1906.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Содержаніе.

Стран.

Приложенія:

Діалектологическая карта сербскаго языка.

На этой картѣ мнѣ хотѣлось представить главнѣйшіе сербскіе діалекты, а въ настоящей статьѣ дать короткое и сжатое объясненіе того, что мнѣ кажется нуждающимся въ объясненіи или потому, что мнѣ пришлось впервые внести новый матеріалъ въ карту или потому, что мнѣ слѣдуетъ обосновать ту или другую точку зрѣнія, съ которой я смотрѣлъ или на группировку сербскихъ говоровъ, или на ихъ внутреннія отношенія вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хочется дать и нѣкоторое, хотя бы и общее, представленіе о ходѣ историческаго развитія сербскихъ діалектовъ, ибо безъ этого трудно понять ихъ настоящее состояніе, какъ оно представлено на картѣ.

При наличности очень скуднаго матеріала, какой представляетъ во многихъ случаяхъ сербская діалектологія, мнѣ приходилось нерѣдко полагаться исключительно на свой матеріалъ, который въ большинствѣ случаевъ еще не изданъ. Но тѣмъ не менѣе мнѣ было невозможно отвѣтить на всѣ вопросы, которые могутъ представиться сербскому діалектологу. Въ такихъ случаяхъ я довольствовался тѣмъ, чтобы вопросы поставить надлежащимъ образомъ, чтобы внести болѣе порядка, болѣе системы, болѣе научной провѣрки въ тотъ матеріалъ, который уже у насъ имѣлся или могъ имѣться. Наконецъ, мнѣ хотѣлось, указывая на проблемы сербской діалектологіи, показать въ то же время и ея теперешніе пробѣлы, все еще очень значительные и очень существенные.

Карта эта, по отношенію къ географическому матеріалу, представляетъ сколокъ съ сорокаверстной карты средней Европы, изданной русскимъ генеральнымъ штабомъ въ 1899 году, приспособленный для моихъ цѣлей.

Въ нее я внесъ все то, что казалось мнѣ существеннымъ и важнымъ для установленія діалектическихъ границъ сербскихъ говоровъ. Все, что представлено на картѣ, освѣщено въ статьѣ — насколько это было для меня возможнымъ, а все, что упоминается въ статьѣ, главнымъ образомъ, пред-

ставлено и на картѣ. Если что-нибудь и не обозначено на картѣ, все-таки можно, по общимъ указаніямъ, которыя даются въ статьѣ, получить и объ этомъ географическое представленіе.

По отношенію къ названіямъ мѣстъ я былъ въ затрудненіи, какой способъ выбрать для передачи ихъ по-русски. Для того, чтобы избѣгнуть недоразумѣній, я порѣшилъ передавать названія или по-сербски (на картѣ и отчасти въ этой статьѣ) или въ русской транскрипціи (въ статьѣ).

Всѣмъ хорошо извѣстно, какое глубокое значеніе имѣетъ изученіе колонизаціи вообще для діалектическаго движенія какого-нибудь языка; вѣдь она — матеріальная основа, на которой оно и совершается. Только параллельнымъ изслѣдованіемъ и того и другого можно приблизиться къ точному пониманію запутанныхъ діалектическихъ отношеній. Поэтому, для того, чтобы картина діалектическихъ развѣтвленій и передвиженій, ниже набросанная, была удобопонятнѣе, привожу здѣсь взглядъ проф. Ст. Станоевича на колонизацію и массовыя передвиженія сербскаго народа, имѣвшія мѣсто въ его историческомъ прошломъ съ XI—XIX ст.

Въ 1040 году, благодаря сербскому возстанію противъ Византіи, было снова возстановлено небольшое сербское княжество въ Зетѣ, которое росло и увеличивалось, въ княженіе трехъ первыхъ владѣтелей своихъ, на востокѣ и, главнымъ образомъ, на сѣверѣ. Ростъ этого государства въ указанномъ направленіи сопровождался, несомнѣнно, и болѣе сильной колонизаціей пріобрѣтенныхъ земель. Но, вскорѣ послѣ смерти *Бодина* и наступившихъ въ слѣдъ за тѣмъ княжескихъ усобицъ (1101 г.), центръ сербскаго государства былъ перемѣщенъ на сѣверъ по близости къ центру первоначальнаго сербскаго княжества, въ бассейнахъ *Рашки* и *Ибара*. Королевство Неманичей, уже съ самаго начала второй половины XII в., начало расширяться въ различныхъ направленіяхъ: на сѣверъ — внизъ по теченію *Южной* и *Западной Моравы*, на югъ — вверхъ по теченію *Ситницы* и внизъ по теченію *Дрима*, на западъ — по направленію къ *Зетѣ* и *Хуму*. Съ этимъ, конечно, шли параллельно и поселенія жителей *Рашки*. Въ это же время образовался и второй сербскій политическій центръ, въ Босніи. Но онъ для насъ, въ первое время своего развитія, даже до полнаго погрома, постигшаго его въ XV в., не имѣетъ большого значенія, ибо его территорія въ этотъ промежутокъ времени большихъ измѣненій въ ростѣ не потерпѣла, такъ что о движеніи ея представителей ничего положительнаго сказать нельзя. Представители же перваго сербскаго самостоятельнаго государства направлялись на югъ и юго-востокъ: ихъ столицы, сначала *Н. Пазаръ*, потомъ *Приштина*, *Призренъ* и, наконецъ, *Скопље* лучше всего свидѣтельствуютъ объ этомъ. Это движеніе достигло своего кульминаціоннаго пункта въ царствованіе Стефана Душана,

когда границы Сербіи доходили на югѣ до *Сереса*, *Солуни* и *Олимпа*, а албанцы подъ натискомъ все новыхъ передвиженій сербскаго элемента уходили вглубь своей страны. Процессъ сплоченія сербскаго элемента съ туземнымъ славянскимъ племенемъ начался въ это время и продолжался много вѣковъ потомъ. Но полнаго торжества сербскій народъ въ этихъ краяхъ все-таки не достигъ, ибо вскорѣ потомъ наплывъ сербскихъ колонистовъ былъ сразу пріостановленъ и направленъ въ совершенно другую сторону.

Этотъ поворотъ совершился, благодаря большимъ завоевательнымъ успѣхамъ, которые турки имѣли на Балк. полуостровѣ въ теченіе многихъ вѣковъ, и съ которыми сербы очень рано должны были считаться. Массовыя передвиженія направляются теперь на сѣверъ. Быть можетъ, они начались немедленно послѣ сраженія на Марицѣ (1371), когда турки заняли всѣ сербскія земли къ югу отъ *Шаръ*—горы; но послѣ несчастнаго *Косовскаго боя* (1389) и взятія турками *Скопља* (1391) сербы должны были, по неволѣ, отступать передъ непріятелемъ и, слѣдовательно, направляться на сѣверъ къ Дунаю. Въ это время турки предпринимаютъ наступательное движеніе и въ *Полимље*, *Хумъ* и *Босну*, что несомнѣнно имѣло результатомъ броженіе въ народонаселеніи Босніи и, въ особенности, Хума. Съ XV вѣка турецкое могущество усиливалось все болѣе и болѣе. Турки пробирались въ сербскія земли все дальше на сѣверъ и сѣверо-западъ и этимъ содѣйствовали все большему, и безъ этого возраставшему, наплыву сербовъ на сѣверъ. Уже князь Лазарь перемѣстилъ столицу далеко на сѣверъ, въ *Крушевацъ*, а *Дюрадь Смедеревацъ* передвинулъ ее еще дальше, въ *Смедерево*. Источники XV в. постоянно упоминаютъ о томъ, какими опустошеніями сопровождались военные походы турокъ, и какъ народонаселеніе бѣжало передъ ихъ нашествіями. У насъ имѣется достаточное основаніе думать, что съ самаго начала XV в. совершались многочисленныя переселенія изъ Хума и Босніи въ сѣверо-западномъ направленіи и изъ Старой Сербіи на сѣверъ; но когда турки положили конецъ сербскому (1459) и боснійскому (1463) государствамъ, начались массовыя передвиженія сербскаго народа на лѣвый берегъ Дуная и Савы, въ земли теперешней Венгріи, въ *Банатъ*, *Сремъ*, *Бачку*, *Бараньу*, *Славонію*, *Горњу Крајину*, *Боснійскую Крајину*, *Крбаву* и *Лику*. Правда, и раньше, послѣ перваго взятія *Смедерева* (1459), переправилось немало сербскихъ семействъ на лѣвый берегъ Дуная, но теперь, послѣ окончательнаго уничтоженія сербской самостоятельности, они такъ и нахлынули сюда съ юга. Переселенія совершались, въ различныхъ размѣрахъ, почти непрерывно и, такимъ образомъ, усиливали сербскій элементъ, уже издревле находившійся въ этихъ странахъ. Родовитыя семейства сербскихъ властелей (дворянъ) Якшичей и Бранковичей уже въ началѣ второй половины XV в. поселились въ Банатѣ, вмѣстѣ съ массой

другихъ сербскихъ семействъ. Въ источникахъ упоминается, что около 1481 года выселилось въ Венгрію изъ окрестностей *Крушевац-а* около 50,000 сербовъ. Къ концу этого столѣтія упоминаются снова переселенія въ Венгрію въ значительныхъ размѣрахъ. Въ это же время упоминаются и переселенія изъ Босніи въ Хорватію и Боснійскую Краину, въ особенности, въ 1520, 1528, 1547, 1562, 1564, 1579, 1582 гг. и позже. Это продолжалось и въ теченіе послѣдующаго, XVII столѣтія, такъ что къ концу этого столѣтія находимъ массу сербскихъ колоній въ *Банатѣ* (на сѣверъ и въ *Поморишьѣ*), *Бачкѣ*, *Сремѣ*, *Бараньѣ* до *Болотнаго озера* (Блатно језеро), въ *Славоніи*, *Хорватіи*, *Истріи*, даже *Хорутаніи*. Это было передвиженіе цѣлаго народа, правда, постепенное, но постоянное, совершавшееся отчасти умышленно, по плану, а отчасти и почти безсознательно, для самозащиты отъ опасностей.

Послѣ послѣдней осады Вѣны (1683) прекратились наступательныя движенія турокъ. Поле военныхъ дѣйствій въ послѣдующіе шесть лѣтъ было перенесено далеко на югъ. Въ 1689 г. Австрія заняла было *Скопље*, *Косово поле* и *Призренъ*, но вскорѣ, изъ-за войны съ Людовикомъ XIV, она должна была оставить эти мѣстности на произволъ туркамъ, занявшимъ снова территорію до Дуная. Такъ какъ представители сербскаго народа въ Старой Сербіи находились въ очень дружественныхъ отношеніяхъ съ Австріей и открыто помогали ей въ войнѣ противъ турокъ, то, по отозваніи ея войскъ съ Балканскаго полуострова имъ, понятно, было невозможно дольше оставаться въ Турціи, и они, дѣйствительно, съ своимъ патріархомъ, Арсеніемъ Чарноевичемъ во главѣ, пошли вслѣдъ за австрійскими войсками и поселились въ количествѣ 80,000 человѣкъ въ Сремѣ, Банатѣ, Бачкѣ, Бараньѣ и вверхъ по Дунаю до *С. Андреи*. Подобное движеніе упоминается и въ XVIII в. (1737), подъ предводительствомъ сербскаго патріарха Арсенія Іовановича — Шакабенты. За исключеніемъ небольшого перерыва (1719—1738), когда Австрія господствовала въ сѣверной части теперешней Сербіи, и когда, желая освободиться отъ ея безпутнаго и плохого правленія, сербскій народъ возвращался въ Турцію, всѣ передвиженія и переселенія сербскаго народа совершались по направленію къ сѣверу, на лѣвый берегъ Савы и Дуная. Это не было пріостановлено и тогда, когда вспыхнуло въ Сербіи возстаніе для освобожденія отъ турокъ, а еще болѣе усилилось послѣ пораженія, которое потерпѣли сербы въ 1813 г. Во время существованія перваго сербскаго государства (съ 1804—1812) свободная Сербія притянула къ себѣ массу угнетенныхъ сородичей изъ теперешней Южной Сербіи, бывшей тогда подъ турками, и Косовскаго вилайета, точно такъ же какъ ея южныя части манятъ и теперь еще сербскій народъ изъ самыхъ различныхъ концовъ сербской земли, находящейся подъ чужимъ господствомъ и правленіемъ. Серб-

ское население Герцеговины во время многократныхъ возстаній, имѣвшихъ мѣсто на ея территоріи въ XIX вѣкѣ, выселялось въ Далмацію, Хорватію и Славонію, тогда какъ сербы-магометане отправлялись и отправляются и понынѣ, со временъ оккупаціи Босніи и Герцеговины австрійцами, въ новопазарскій санджакатъ.

Это только главнѣйшіе моменты, общіе штрихи сербской колонизаціи въ теченіе исторической жизни сербскаго народа. Ея детальная, полная, хорошо написанная картина получится только тогда, когда, послѣ внимательнаго и всесторонняго изслѣдованія историческаго матеріала, сюда относящагося, который до сихъ поръ все еще не собранъ полностью, къ этому дѣлу привлекутся и результаты изученія сербскаго народа и въ другихъ отношеніяхъ — антропогеографическомъ, лингвистическомъ и под. —, могущія вскрыть исторію много внутреннихъ отношеній и связей между различными частями сербскаго народа, не нашедшихъ себѣ мѣста въ лѣтописяхъ.

I.

Благодаря тому, что одинъ изъ сербскихъ народныхъ говоровъ былъ возведенъ Вукомъ Караджичемъ на степень литературнаго языка, во всей сербской наукѣ, поставившей себѣ цѣлью или оправдывать подобную реформу или давать законы этого діалекта, для лучшаго усвоенія его тѣми, для которыхъ онъ не былъ роднымъ говоромъ, строго преслѣдовались черты другихъ діалектовъ. Ихъ нетерпимость въ литературѣ была перенесена и въ науку о сербскомъ языкѣ, которая изъ-за этого должна была оставаться съ сильными и значительными пробѣлами, не заполненными даже до настоящаго времени. Такъ какъ народный діалектъ, такимъ образомъ, сталъ книжнымъ, литературнымъ языкомъ, то его начали и, обратно, отождествлять съ сербскимъ языкомъ вообще, его діалектами, несмотря на то, что въ это время рядомъ съ нимъ жила и развивалась масса другихъ говоровъ. На него такъ смотрѣли долгое время и сами сербы, и свои и иностранные ученые, а отчасти смотрятъ и понынѣ. Къ несчастію, этотъ діалектъ былъ однимъ изъ самыхъ прогрессивныхъ сербскихъ нарѣчій, которое въ своемъ развитіи ушло дальше остальныхъ, такъ что при такомъ взглядѣ на него приходилось большую часть сербскихъ болѣе архаичныхъ говоровъ назвать несербскими и — что самое главное — не воспользоваться ими для исторіи сербскаго языка вообще. Только такимъ образомъ можно объяснить, почему дѣленіе сербскихъ говоровъ отождествлялось до сихъ поръ съ дѣленіемъ того діалекта, который употребляется въ литературѣ, на его говоры или, лучше сказать, діалектическія разновидности. Вѣдь, въ

дѣйствительности, *екавскій* и *икавскій* штокавскіе діалекты представляютъ *теперь* только разновидности одного и того же діалекта, употребляющагося на одной и той же территоріи. Только такимъ образомъ можно понять, почему сербскіе діалекты обыкновенно раздѣляются соотвѣтственно замѣнѣ *ъта* (ѣ) въ нихъ, ибо онъ — т. е. сербскій литературный языкъ въ Бѣлградѣ и въ Босніи и Герцеговинѣ — этимъ и отличается, и почему основные сербскіе діалекты носятъ названія — *восточный*, *южный* и *западный*, ибо указанныя разновидности на самомъ дѣлѣ одна по отношенію къ другой, приблизительно, и занимаютъ такое мѣстоположеніе.

Это — все тотъ же, извѣстный, Вуковскій, такъ трудно и постепенно вошедшій въ сербскую литературу народный языкъ, за торжество котораго въ сербской литературѣ сербская наука поплатилась остальными сербскими діалектами, столь важными для изслѣдованія и прошлаго и настоящаго сербскаго языка. Поэтому, если мы хотимъ дать полную научную группировку сербскихъ говоровъ, намъ придется порвать съ прошлымъ, обратить одинаковое вниманіе на всѣ сербскіе говоры, какіе только можно отмѣтить на Балканскомъ полуостровѣ. Но, къ сожалѣнію, какъ указано, для этого имѣется очень мало хорошаго матеріала, ибо болѣе основательныя изслѣдованія только начинаются.

На прилагаемой діалектической картѣ мнѣ хотѣлось представить настоящее положеніе сербскихъ діалектовъ, и поэтому я ихъ раздѣляю на группы такъ, какъ они сами сформировались съ теченіемъ времени. Другое дѣло, какъ эти группы относятся одна къ другой по сходству или различію своихъ чертъ, по ихъ историческому прошлому и способу образованія; степень близости и примѣненія этихъ условій въ различныхъ діалектахъ можетъ и не совпадать вполнѣ съ отдѣленіемъ каждой группы особо, отдѣльно отъ другихъ, но это въ данномъ случаѣ совершенно посторонній моментъ, который я въ карту вносить не могъ. Самымъ существеннымъ для меня было — констатировать, что̀ представляютъ теперь въ сербскомъ языкѣ отдѣльные діалекты, и каково ихъ размѣщеніе на Балканскомъ полуостровѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я не хотѣлъ, чтобы и ихъ теоретическая сторона осталась невыясненной. Поэтому я въ отдѣлахъ, ниже приводимыхъ, указалъ на всѣ моменты, имѣющіе значеніе для ихъ прошлаго въ томъ или другомъ направленіи, насколько это можно представить въ такой статьѣ, какъ настоящая, и насколько мнѣ это позволяетъ сдѣлать матеріалъ, имѣющійся у меня подъ руками. Теперь же я укажу на взаимное отношеніе діалектовъ и охарактеризую, въ общихъ чертахъ, ходъ ихъ совокупнаго историческаго развитія.

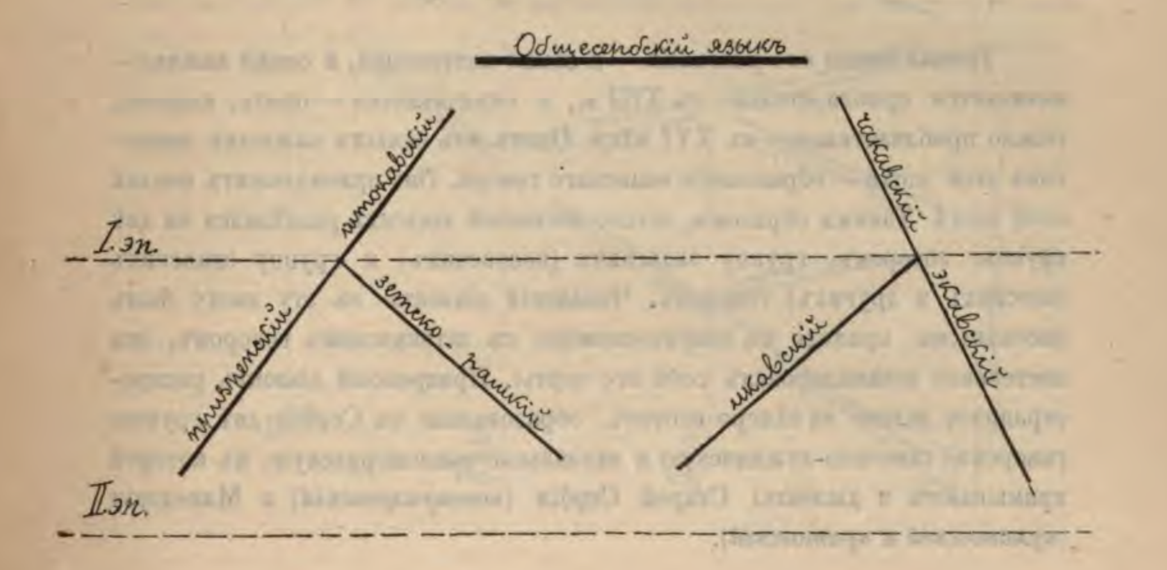
Если направляться съ востока на западъ, можно различить въ сербскомъ языкѣ слѣдующія діалектическія группы:

1. Призренско-тимочскую;
2. Косовско-ресавскую;
3. Центральную (шумадійско-сремскую);
4. Зетско-боснійскую;
5. Островско-истрійскую;
6. Хорватскую.

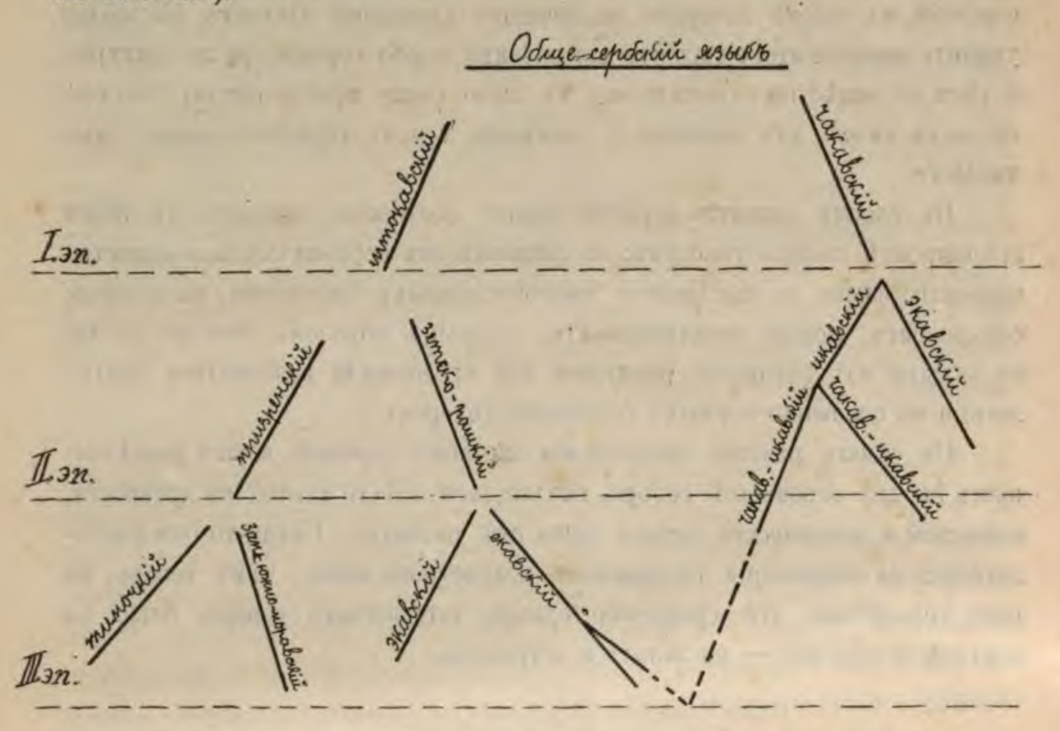
Кайкавскій діалектъ представляетъ смѣшанный говоръ, словенско-сербскій, въ основѣ котораго заключается словенскій діалектъ. Не желая умалять значеніе этого діалекта для развитія сербо-хорватской литературы, я тѣмъ не менѣе не включилъ его въ свою карту просто потому, что онъ не даетъ ничего для развитія и пониманія судебъ сербскаго языка, какъ таковаго.

Въ своемъ развитіи сербскій языкъ постепенно пришелъ къ такой группировкѣ своихъ говоровъ; въ движеніи отъ первоначальнаго единства сербскаго языка до нынѣшнихъ многочисленныхъ діалектовъ, на которые онъ разбитъ, можно констатировать, главнымъ образомъ, четыре эпохи, въ каждую изъ которыхъ развились или продолжали развиваться черты, легшія въ основаніе первыхъ сербскихъ говоровъ..

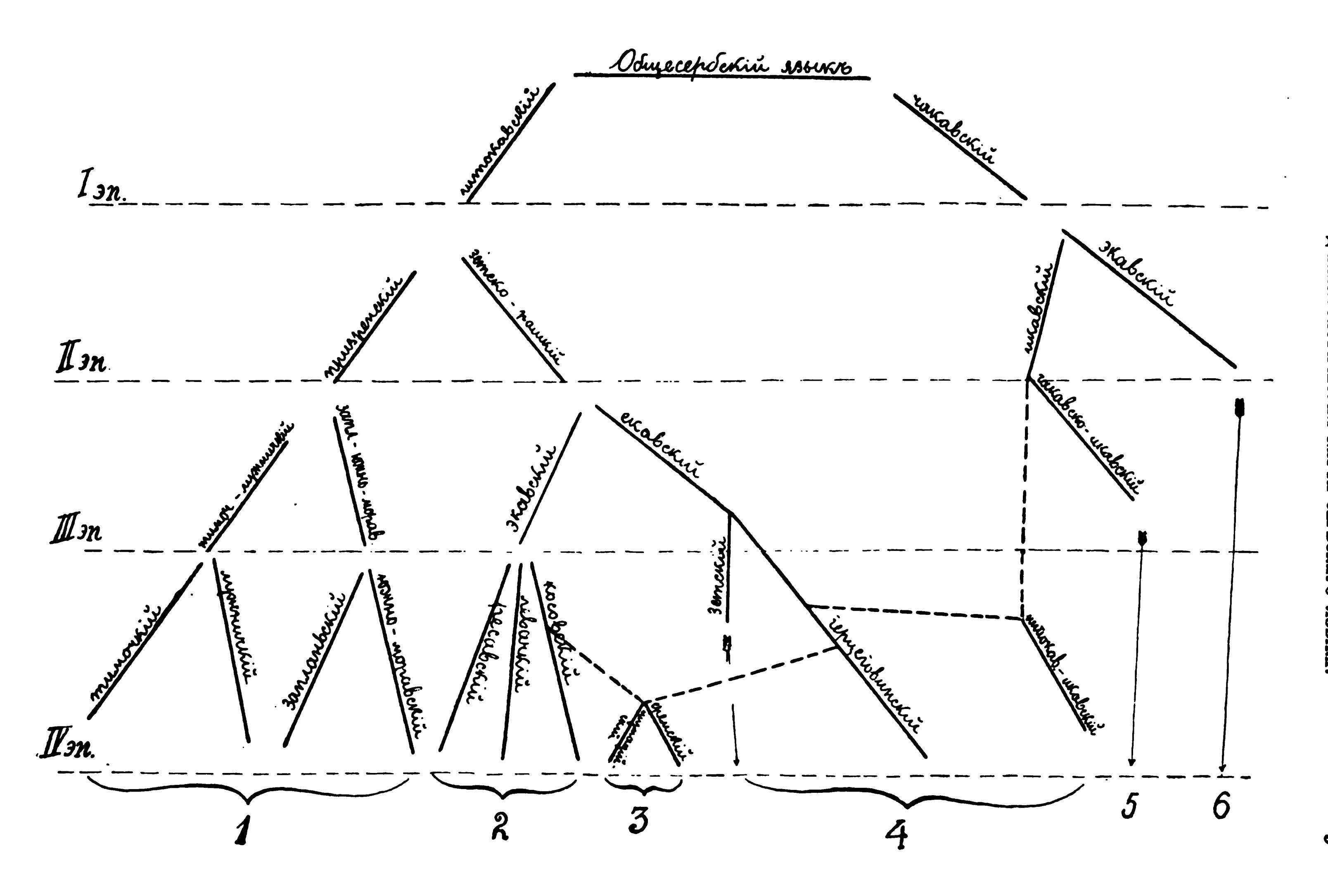
Съ самаго ранняго времени мы застаемъ сербскій языкъ раздѣленнымъ на два основныхъ говора, сходящихся гдѣ-то далеко въ древности, *чакавскій* и *штокавскій* (*первая* эпоха ихъ развитія). Когда-то они располагались на территоріи Балканскаго полуострова иначе, чѣмъ теперь, но одно несомнѣнно, что средоточіе одного, штокавскаго говора, было на востокѣ, а другого — на западѣ и островахъ.

Вторая эпоха ихъ развитія начинается съ незапамятныхъ временъ и продолжается до конца XIII вѣка. Тогда уже опредѣлились главные типы сербскихъ говоровъ слѣдующимъ образомъ. Чакавскій діалектъ, повидимому, раздѣлился на два основныхъ говора: *чакавскій-материковый* (икавскій), который можно, соотвѣтственно географическому распространенію, назвать *хорватскимъ* и *островно-истрійскимъ* (*экавскимъ*); штокавскій же также раздѣлился на два основныхъ говора: *призренскій* и *рашкій* (*зетско-косовскій*).

Третья эпоха ихъ развитія — и самая интересная, и самая важная — начинается приблизительно съ XIII в., а оканчивается — опять, конечно, только приблизительно — къ XVI вѣку. Одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ этой эпохи — образованіе екавскаго говора. Оно принадлежитъ вполнѣ этой эпохѣ. Такимъ образомъ, зетско-косовскій діалектъ раздѣлился на двѣ группы говоровъ, группу экавскихъ (косовскихъ) и группу екавскихъ (зетскихъ и другихъ) говоровъ. Чакавскій діалектъ въ эту эпоху былъ пассивнымъ; приходя въ соприкосновеніе съ штокавскимъ говоромъ, онъ постепенно ассимилировалъ себѣ его черты. Призренскій діалектъ распространился далеко на сѣверо-востокъ, образовавши въ Сербіи двѣ группы говоровъ: тимочско-лужничскую и запланьско-южноморавскую, къ которой примыкаютъ и діалекты Старой Сербіи (*новопризренскій*) и Македоніи (*кумановскій* и *кратовскій*).

Общесербскій языкъ
штокавскій
чакавскій
I эп.
II эп.
III эп.
IV эп.
призренскій
зетско-рашкій
икавскій
экавскій
екавскій
чакавско-икавскій
зап.-южно-морав.
экавскій
зетскій
штокав.-икавскій
тимочкій
лужничкій
заплавскій
южно-моравскій
ресавскій
левачкій
косовскій
герцеговинскій
сремскій
1
2
3
4
5
6

Четвертая эпоха. Уже въ третью эпоху косовскій діалектъ распространился далеко на сѣверъ и сѣверо-востокъ: онъ занялъ *Жупу*, *Левачъ*, *Темнить*, *Мораву*, *Ресаву*, и, несомнѣнно, болѣе западныя части Сербіи. Но тутъ онъ пришелъ въ столкновеніе съ екавскимъ говоромъ и, благодаря тому, что его сношенія съ нимъ въ различныхъ мѣстностяхъ были очень оживленныя, съ теченіемъ времени, главнымъ образомъ, съ XVI по XVIII в., образовался смѣшанный языкъ, который является литературнымъ и административнымъ языкомъ королевства Сербскаго. Это, именно, *срединный* или *центральный* говоръ, по отношенію къ остальнымъ, или *шумадійско-сремскій* по отношенію къ мѣстности, которую занимаетъ. Къ нему примыкаютъ и говоры *Баната* и *Бачки*.

Въ этотъ промежутокъ времени, а также еще и раньше, чакавскій діалектъ потерпѣлъ большія потери въ пользу штокавскихъ діалектовъ. Правда, благодаря ихъ смѣшенію, получился новый штокавскій говоръ, или, лучше, его разновидность (ср. ниже); но чакавскій діалектъ, тѣмъ не менѣе, исчезъ, ограничившись только окраинами своей первоначальной территоріи. Въ это ли время или ранѣе совершилось и обособленіе островныхъ діалектовъ по отношенію къ истрійскому, и образованіе трехъ группъ островныхъ говоровъ, южной, средней и сѣверной, — за неимѣніемъ данныхъ, сказать невозможно. И чакавскій островной діалектъ, на крайнемъ югѣ, пришелъ въ болѣе близкія сношенія съ екавскимъ говоромъ, что дало въ результатѣ смѣшанный ластовскій говоръ, находящійся на ихъ границѣ.

Екавскіе говоры, захватившіе громадныя пространства на сѣверѣ и сѣверо-западѣ отъ своего первоначальнаго мѣстоположенія, раздѣлились на двѣ группы говоровъ: одну, удержавшую болѣе архаичныя черты говора, *зетско-сѣничскую* и другую, болѣе прогрессивную въ этомъ отношеніи, *герцеговинскую*, самую передовую въ измѣненіи старыхъ чертъ. Именно эти говоры, распространившіеся далеко за границы своей первоначальной территоріи, пришли въ соприкосновеніе съ косовскими говорами въ западной Сербіи и дали въ результатѣ своего развитія срединный говоръ, который, благодаря новымъ смѣшеніямъ съ различными косовскими говорами, развилъ изъ себя ту разновидность, которую обыкновенно называютъ кановачскимъ говоромъ, но которую, какъ увидимъ, единственно справедливо назвать *шумадійскимъ* говоромъ.

Въ этой, четвертой, эпохѣ развитія сербскихъ говоровъ находимся мы и теперь; она все еще не закончена. Я говорилъ объ эпохѣ съ XVI по конецъ XVIII вѣка, какъ-бы законченной, только потому, что въ это время черты указанныхъ діалектовъ всетаки настолько опредѣлились, что о говорахъ, которымъ онѣ принадлежали, можно говорить, какъ объ отдѣльныхъ единицахъ.

Такимъ образомъ, отчасти органическимъ развитіемъ сербскихъ говоровъ, отчасти искусственнымъ способомъ, взаимнымъ смѣшеніемъ ихъ въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, получены тѣ теперешнія группы діалектовъ, о которыхъ упомянуто выше. О томъ, какое географическое положеніе занимаютъ эти группы сербскихъ говоровъ, что является ихъ характерными чертами, и почему я сгруппировалъ ихъ именно такимъ образомъ, о всемъ этомъ ниже скажу подробнѣе.

II.

Чакавскіе діалекты. Такъ какъ чакавскіе діалекты больше всего сохранили въ себѣ старины, то мы съ нихъ и начнемъ свое изложеніе. Объ этихъ діалектахъ въ послѣднее время писано больше всего: нѣтъ почти ни одного болѣе значительнаго острова, говоръ котораго не описанъ. Но, несмотря на это, мы все еще не имѣемъ настоящаго представленія объ этихъ говорахъ, мы все еще не знаемъ, какъ ихъ слѣдуетъ сгруппировать. Всѣ описанія очень блѣдны: въ нихъ нѣтъ ни полной физіологической характеристики звуковъ, ни хоть сколько-нибудь удовлетворительнаго собранія морфологическаго и синтактическаго матеріала. Всѣ изслѣдованія, очень напоминающія польскія описанія говоровъ, дѣлаемыя по образцу диссертаціи Малиновскаго, шаблонны, составлены какъ бы по описанію дубровницкаго говора *Будмани* (Rad LXV). Но то, что представляетъ достоинство работы Будмани, описаніе тѣхъ чертъ, которыми дубровницкій діалектъ отличается отъ остальныхъ *штокавскихъ* говоровъ — это, будучи воспроизведено въ описаніи какого-нибудь чакавскаго говора, является недостаточнымъ. Всетаки лучшее описаніе этихъ говоровъ — работка *Милчетича* о говорахъ кварнерскихъ острововъ (Rad CXXI 92 и д.).

Раньше, чѣмъ обратиться къ отдѣльнымъ чакавскимъ говорамъ, укажу на теперешнія границы чакавскихъ діалектовъ вообще.

Граница ихъ по отношенію къ штокавцамъ будетъ указана ниже (VI отдѣлъ), а тутъ мнѣ придется остановиться только на границѣ его по отношенію къ кайкавскому нарѣчію, его распространеніи въ Истріи и на островахъ. Для этого воспользуюсь, въ особенности, работами проф. Решетара.

Въ *Карловацѣ* говорятъ смѣшаннымъ говоромъ[1]), чакавско-кайкав-

---

1) Ср. безполезный споръ *Милчетича* и *Строхала* (*Nast. Vjestnik* I 266 и сл., II 94—96) о говорѣ Карловаца и окрестностей. Въ этомъ городѣ говорятъ теперь преимущественно по штокавски и по кайкавски съ слѣдами чак. говора. На границѣ различныхъ

скимъ. Такимъ смѣшаннымъ говоромъ говорятъ и западнѣе отъ Карловаца на правомъ берегу Купы, на изгибѣ, ею тутъ дѣлаемомъ. Линія Карловац — Драганиħ — Крашиħ — Сошице представляетъ южную границу кайкавскаго говора. Собственно, кайкавское нарѣчіе начинается съ *Речицы* и другихъ мѣстъ на лѣвомъ берегу Купы[1]). Діалектъ, который тутъ въ употребленіи, называется обыкновенно переходнымъ отъ чакавскаго къ кайкавскому; на дѣлѣ же онъ — смѣшанный говоръ. Его описалъ *Строхалъ* въ своемъ изслѣдованіи о говорѣ Стативъ (*Стативе*), одного мѣстечка на указанной территоріи[2]), и всѣхъ остальныхъ мѣстностей *Карловачскаго* уѣзда[3]). Въ предварительныхъ замѣткахъ къ изложенію чертъ діалекта, который употребляется въ упомянуомъ уѣздѣ, указывается на то обстоятельство, что чакавскій діалектъ лучше сохранился въ южной и юго-западной части указаннаго уѣзда (напр. въ *Ладешиќ-драгѣ*, *Нетретиќ-ѣ*, *Брайковѣ брдѣ*, *Стативахъ*, *Елсѣ*, *Дубовац-ѣ*, *Шварчѣ*, *Туран-ѣ*, *Мрзломъ полѣ* и *Дугойресѣ*, а кайкавскій въ *Эрявац-ѣ*, *Озаљ-ѣ*, *Покупљ-ѣ*, *Махично*, *Драганиќ-ѣ* и *Шишљавиќ-ѣ*. Такимъ образомъ, по отношенію къ этимъ діалектамъ едва ли возможно сказать что-нибудь опредѣленнѣе того, что *Купа* все-таки приблизительная граница между чакавцами и кайкавцами вплоть до мѣстечка *Прибањци-Босанци*. Оттуда граница идетъ приблизительно въ *Врбовско*[4]), *Равну гору*, *Делнице*, *Локве*[5]), *Хомер*, откуда она направляется къ западу и идетъ горными цѣпями: *Тисовац*, *Ришњак*, *Снежник*, *Црни Врх*, *Сухи Врх* и *Обруч*, дающими воду рѣкѣ *Купѣ*.

На указанномъ пространствѣ, къ югу отъ кайкавскаго говора, и къ западу отъ штокавскаго (ср. ниже), говорятъ еще по чакавски. Конечно, это только жалкіе остатки болѣе широкаго употребленія этого діалекта въ прежнія времена.

Чакавскій діалектъ еще употребляется въ извѣстныхъ частяхъ Истріи, на островахъ и отчасти въ Далмаціи.

діалектовъ, какъ тутъ, совершенно невозможно съ точностью опредѣлить процентъ одного и процентъ другого говора. Можно только сказать, что тутъ первоначально былъ въ употребленіи чакавскій діалектъ, который въ теченіе времени былъ вытѣсненъ кайкавскимъ. Объ этомъ говорѣ ср. изслѣдованіе *Строхала Jezične osobine u kotaru karlovačkom* (Rad 146, 78 sqq.; 148, 1 sqq).

1) Ср. *Vorl. Berichte* der Balk. Comm. IX 66—67.

2) Godišnje izvješće kr. velike realne gymnasije u Rakovcu u Hrvatskoj za šk. god. 1886/7—1890/91.

3) Ср. выше.

4) Въ окрестныхъ мѣстахъ, *Примишħ-ѣ*, *Вуковѣ*, *Горицѣ* и *Огулинѣ*, говорятъ по чакавски, но съ штокавскимъ удареніемъ. Въ *Мркопаљ-ѣ* говорятъ по штокавски потому, что этотъ городъ заселенъ штокавскими католиками, колонистами. Ср. Решетара о. с. 67—68.

5) Интересное *локварское* нарѣчіе описалъ *Строхалъ* (*Osobine današnjega lokvarskoga narječia* Rad 152, 162 и д.

Въ Истріи[1]) находимъ его далеко не на всемъ протяженіи этого полуострова. Если раздѣлить Истрію, отправляясь отъ устья рѣки *Мирны*, ея теченіемъ и линіей, представляющей южную границу кайкавцевъ *Футьковъ* (потокъ Battonega и мѣстечка: Драгуħ, Хум и Барнобиħ), на двѣ части, то найдемъ *чакавцевъ* въ сѣверной части въ слѣдующихъ мѣстностяхъ. Въ западной половинѣ находимъ ихъ между рѣками *Драгонь-ей* и *Мирной*, хотя и тутъ можно уже констатировать вторженіе италіанскаго элемента, съ одной (нѣкоторыя мѣстности совсѣмъ италіанскія, напр. *Опрталъ*), и кайкавско-словенскаго, съ другой стороны. Все-таки въ церковныхъ приходахъ *Св. Лаврентія* въ *Далъ-ѣ*, *Carsette*, *Штерны*, *Здрењ-а* и отчасти *Грижњан-а* говорятъ все еще по-чакавски. Въ восточной половинѣ говорятъ по чакавски въ области *Тьитьенъ*, граничащей слѣдующими деревнями: *Слум*, *Брест*, *Іеловице*, *Голац*, *Пољане*, *Муне*, *Ланиħше*, *Брıудац*, *Подıаħе* и *Прапроħе*. Съ сѣвера и запада пробирается и сюда кайкавско-словенскій языкъ. Первоначально жители *Тьитьена* пришли изъ Босніи (въ 1532 г.). Къ сѣверу отъ этой области говорятъ смѣшаннымъ кайкавско-чакавскимъ говоромъ, хотя и тутъ когда-то говорили только по чакавски. Къ юго-западу отъ этой области (*Семиħ*, *Лежишħине*, *Горења Вас* и *Долења Вас*) говорятъ также по чакавски, хотя и эти мѣстности населены выходцами изъ Далмаціи (вѣроятно 1557 г., изъ *Клиса*). Къ востоку отъ *Тьитьена* и *Учки* до полосы смѣшаннаго кайкавско-чакавскаго говора, отдѣляющей Тьитьенъ и эту мѣстность отъ словенскаго яз. на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, и заключающей въ себѣ слѣдующія мѣстности: *Скаданчину*, *Обров*, *Подıрад*, *Рачице*, *Вело Брдо*, *Іелшане*, *Мало Брце*, *Рупу*, *Лисац*, *Сушак*[2]) и *Клану* — говорятъ чисто по чакавски. Особенно хорошо по чакавски говорятъ въ Каставѣ. Думаютъ, что жители этой мѣстности представляютъ первоначальныхъ жителей Истріи, чакавцевъ.

Во второй части Истріи, южной, слѣдуетъ различать двѣ группы жителей: старыхъ колонистовъ, занявшихъ эту страну съ самаго начала поселенія сербовъ и хорватовъ — это настоящіе чакавцы (*истряне*, *безяки*), и новыхъ колонистовъ, поселявшихся тутъ съ XV вѣка — это отчасти штокавцы, отчасти почакавленные штокавцы (*влахи*, *морлаки*). Первые занимаютъ восточную часть — судебные округа *Пазинъ* (Pisino) и *Лабинъ*

1) Ср. объ этомъ Решетара *Čakavština* etc. *XIII Archiv* 166 и д., въ особенности 172—176.

2) Этотъ діалектъ описалъ *Строхалъ* въ своемъ изслѣдованіи *Osebine današnjega riečkoga* narječja (Jzvješće kraljevske vel. gymnazije na Rieci 1882—1883), которое вполнѣ достаточно для того, чтобы констатировать указанное смѣшеніе. Это видно и изъ работы проф. *Лескина* Ueber den Dialekt. der «Narodne pripovietke iz hrvatskoga primorja» ges. von Fr. Mikuličić *Archiv Ягича* V 181 и д. Разсказы собраны въ деревнѣ *Красицахъ* (*Красице*), сюда принадлежащей, и представляютъ по отношенію къ языку смѣшеніе двухъ указанныхъ діалектовъ.

и нѣкоторыя деревни уѣзда *Бузетъ* (Pingvente). Вторые же занимаютъ судебный округъ *Мотовунъ* (*Montona*), за исключеніемъ нѣсколькихъ деревень (см. у *Решетара* 170, 174), *Пореч*, *Ровинъ*, *Водњанъ* (Dignano), *Пулъ* и нѣсколькихъ деревень въ *Пазинскомъ* уѣздѣ (Гринтавица, Стамполиħи, Кринга, Св. Петар у шуми и Св. Иванац). Новые колонисты пришли изъ Далмаціи и Черногоріи.

Чакавскій діалектъ сѣверо-восточной Истріи, хорватскаго прибрежья и острова *Крка* описалъ отчасти *Неманиħ* въ своихъ *Čakavisch-kroatische Studien* I (три выпуска Sitzungsberichte вѣнской Академіи CIV B. I Hft. стр. 363, CV B. II Hft. стр. 505, CVIII B. I Hft. стр. 167). Онъ далъ, собственно, только парадигмы склоняемыхъ словъ и партикулы, при чемъ ихъ ударенія онъ отмѣчаетъ только по отношенію къ количеству. Онъ не отмѣчаетъ точно мѣстности, въ которой записалъ ту или другую форму, и опредѣляетъ ихъ звуковую сторону неполно. У него довольно много лексикальнаго матеріала, хотя нельзя не замѣтить, что кое-гдѣ видны и признаки вліянія кайкавскаго говора на эти діалекты, не отмѣченные имъ.

На островахъ говорится по-чакавски до островов *Хвара* и *Виса* включительно; но кое-гдѣ и на островахъ сѣвернѣе только что указанныхъ говорятъ по штокавски: на *Пашмањ-ѣ* (около Задара), на *Вргадѣ* и *Крапањ-ѣ* (въ окрестностяхъ Шибеника), потомъ — въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на различныхъ другихъ островахъ: въ *Маслиницѣ* на Шолтѣ, *Сумартинѣ*, отчасти *Повљѣ*, на остр. *Брачѣ*, въ *Суħурај-ѣ*, *Богомољ-ѣ*, *Гдињ-ѣ* и *Застражишħ-ѣ* на *Хварѣ*. На Стонскомъ полуостровѣ (*Стонски рт*), собственно въ его западной половинѣ до мѣстн. *Јањины*, на островахъ *Корчулѣ* и *Ластовѣ*, которые находятся южнѣе островов *Хвара* и *Виса*, не находимъ уже мѣстоименія *ча*, такъ что ихъ говоры не имѣютъ права на названіе «чакавскихъ» діалектовъ. Но не смотря на это, указанная часть *Стонскаго рта* и островъ *Корчула* принадлежатъ все-таки чакавскому діалекту, чего по отношенію къ ластовскому діалекту сказать нельзя (ср. ниже). На островахъ южнѣе *Ластова* (на *Мљет-ѣ* и др.) находимъ уже штокавскій діалектъ. Всѣ штокавцы на указанныхъ, собственно чакавскихъ, островахъ — съ материка.

О чакавскомъ діалектѣ на материкѣ едва можно говорить. Кое-какіе остатки стараго чакавскаго говора находимъ еще въ мѣстахъ около городовъ: *Задара*, *Шибеника* и *Сплита*, при чемъ около *Задара* теперь уже не слышится *ча*[1]).

---

1) Мѣстности, въ которыхъ это находимъ по указаніямъ проф. Решетара: около *Задара: Новиградъ*, *Врси*, *Привлака*, *Затон*, *Петрчане*, *Кожино*, *Дикло*, *Бибиње*, *Сукошан*, *Турањ*, *Біоград*, *Пакоштане*; около *Шибеника: Варош*, *Злосела*, *Трибун*, *Водице*, *Затон*, *Заблатье*, *Долац*, *Примоштен*, *Рогозница*; около *Сплита: Рачице*, *Севид*, *Виниште*, *Оріовица*, *Марина*, *Трогир*, *Коштел*, городъ *Сплитъ*, область старой республики *Пољице*.

Но несмотря на то, что отъ чакавскаго материковаго діалекта остались очень скудные слѣды, все-таки между нимъ и теперешнимъ островнымъ діалектомъ существуетъ разница, которую нельзя оставить не отмѣченной. Она заключается въ томъ, что на материкѣ *ѣ* переходитъ *всегда* (гдѣ нѣтъ смѣшенія діалектовъ) въ *и*, тогда какъ на островахъ оно сохраняется и какъ *е* (э). Правда, и на островахъ употребляется вмѣсто *ѣ* иногда *и*, но такъ какъ на островахъ нѣтъ послѣдовательно проведеннаго замѣщенія одного изъ этихъ звуковъ другимъ, то въ употребленіи *и* слѣдуетъ видѣть нефонетическое явленіе. Въ виду того, что на материкѣ употреблялось и употребляется только *и* (і), а *е* (э) островнымъ діалектамъ, въ большинствѣ случаевъ, было неоткуда взять, совершенно ясно, что *и* принесено на острова, а такъ какъ извѣстно (ср. выше), что съ материка выселялись колонисты на острова, то, несомнѣнно, оно и принесено оттуда. Такимъ образомъ, чакавскіе діалекты дѣлятся на двѣ группы:

1) икавскую (далматинско-хорватскую) и
2) экавскую, занимающую острова и Истрію.

Конечно, любопытно знать, насколько такая группировка чакавскихъ діалектовъ оправдывается чакавскими древними памятниками, исторіей этого діалекта. Этотъ вопросъ я попытаюсь рѣшить на другомъ мѣстѣ и пока только замѣчу, что въ общемъ болѣе старыя эпохи развитія этихъ діалектовъ не противорѣчатъ сказанному, хотя и тамъ, какъ и тутъ, очень существенъ вопросъ, насколько материкъ вліялъ на острова, и, отчасти, обратно. При этомъ, если принять въ соображеніе, что *и* вм. *ѣ* употреблялось очень послѣдовательно и въ чакавскихъ діалектахъ далеко отъ моря, на материкѣ, конечно въ прежнія времена, а на островахъ оно не употреблялось, то можно придти къ заключенію, что это явленіе началось именно въ тѣхъ чакавскихъ діалектахъ, которые находились дальше вглубь материка, и что оно оттуда быстро распространилось и во всѣхъ другихъ материковыхъ діалектахъ[1]), переходя, отчасти, и на острова.

Ближайшей нашей задачей было бы опредѣленіе дальнѣйшаго развитія чакавскихъ говоровъ и икавскихъ и экавскихъ. Эта задача трудно выполнима по многимъ причинамъ. Самая главная та, что нѣтъ изслѣдованій, касающихся чакавскихъ діалектовъ на всемъ ихъ протяженіи. Поэтому то, что я скажу, укажетъ только на пробѣлы этихъ изслѣдованій и когонибудь, быть можетъ, побудитъ къ детальному и всестороннему изслѣдованію этихъ говоровъ.

---

1) Такое мнѣніе по отношенію только къ *кварнерскимъ островамъ* высказалъ и ихъ лучшій изслѣдователь *Милчетичъ* (Rad CXXI 103—104).

Объ *икавскихъ* діалектахъ *чакавскихъ говоровъ* я не могу ничего положительнаго сказать, во-первыхъ, потому, что отъ этихъ діалектовъ очень мало осталось, что старыя границы ихъ стерлись и, наконецъ, что и то, что осталось, не изслѣдовано удовлетворительно. Но несомнѣнно, что и тутъ есть различія между отдѣльными говорами (ср. употребленіе *ja* въ part. praet. act. или напр. c, z, s, вм. č, ž, š въ *Рѣкѣ, Омишѣ* и *Трогирѣ*).

По отношенію къ *экавскимъ* чакавскимъ говорамъ у насъ больше изслѣдованій, но и тутъ невозможно установить взаимныя отношенія между различными діалектами. Во-первыхъ, невозможно сказать, въ какомъ отношеніи находятся сѣверо-далматинскіе (кварнерскіе) острова по отношенію къ діалекту въ Истріи; образуютъ ли они одно цѣлое или нѣтъ. По описанію *Неманича* казалось бы, что не образуютъ; но его описаніе такъ неполно и неточно по отношенію къ передачѣ звуковыхъ явленій, что на него въ этомъ отношеніи положиться невозможно. Даже на вопросы, какъ относятся другъ къ другу кварнерскіе острова, трудно отвѣтить, ибо описаніе діалекта, напр., острова *Раба* Кушара (Rad CXVIII 1 и д.) даетъ такъ мало матеріала для сравненія съ тѣмъ, что находимъ въ изслѣдованіи объ остальныхъ кварнерскихъ островахъ, что даже объ ихъ главнѣйшихъ особенностяхъ невозможно говорить, какъ слѣдуетъ. О діалектѣ же острова *Пага*, который немного южнѣе *Раба*, намъ уже ничего неизвѣстно, ибо о немъ не говорятъ ни *Кушаръ*, ни *Милчетичъ*, — еще менѣе другіе.

Но все-таки и на основаніи этихъ описаній можно съ увѣренностью сказать, что діалектъ сѣверно-далматинскихъ острововъ отличается отъ діалекта южно-далматинскихъ острововъ, которые и по описаніямъ нѣкоторыхъ ученыхъ (*Облака, Лескина*), и по ихъ утвержденіямъ, образуютъ одно цѣлое. *Лескинъ* (*Zur Kroatischen Dialectologie Dalmatiens*, Berichte über die Verhandlungen der kön. sächs. Gesell. d. Wissenschaften Ph. H. Cl. 1888 III—IV, 203—208) указалъ на то, что *Висъ* и *Хваръ* образуютъ одинъ діалектъ; *Облакъ* же (Archiv XVI 426 sq.) прибавляетъ, что сюда входитъ и островъ *Корчула* съ своимъ діалектомъ. И, дѣйствительно, уже по фонетическимъ особенностямъ, которыя описалъ Лескинъ [2]), можно ихъ выдѣлить въ особую группу. Слѣдовательно для того, чтобы

---

1) О діалектѣ на *Стонскомъ ртѣ* ср. работу *Миласа Današńi trpański dijalekat* (Rad CIII 68 и д.). Мѣстечко *Трпань* находится на зап. сторонѣ полуострова. На полуостровѣ при самомъ материкѣ находится *Стонская волость* (община). Въ ней говорятъ уже по штокавски; въ первой за ней (на полуостровѣ), *Яньинской* общинѣ говорятъ смѣшанно (чакавско-штокавски), въ *Куноской* говорятъ уже по чакавски, а за ней находится мѣстечко говора, который описалъ *Миласъ*. Описаніе его неудовлетворительно. О чакавскомъ въ *Рѣкѣ* ср. *Строхала Osobine današnjega riječkoga narječja* (Rad CXXIV 103 и д.) и изслѣдованіе о немъ, упомянутое выше.

2) Кое-что можно найти и у Аранцы (Ягичевы *Berichte* III 17—18).

дать, хотя бы приблизительную, группировку всѣхъ далматинскихъ діалектовъ, слѣдовало бы опредѣлить еще отношеніе средне-далматинскихъ островов [*Зларин*, *Каприје*, *Жирја*, *Муртер*, *Уљан*, *Сеструњ*, *Ижула гроша* (*Jžula grȍša — Jnsula longa*) и т. д.] къ сѣверно- и южно-далматинскимъ. А языкъ этихъ острововъ какъ разъ хуже всего описанъ, ибо о немъ имѣются кое-какія замѣтки, во всякомъ случаѣ недостаточныя, только у *Аранцы* (op. cit. 60—68). Кажется, что онъ ближе южно-далматинскимъ островнымъ діалектамъ, чѣмъ сѣверно-далматинскимъ, хотя въ немъ есть и кое-какія свои черты, напр. *ја* въ part., если оно только не принесено съ материка. Указанное обстоятельство, а именно, что все-таки можно отмѣтить черты общія, съ одной стороны, сѣверно-далматинскимъ островнымъ діалектамъ, и всѣмъ южно-далматинскимъ, съ другой, заставляетъ насъ сгруппировать всѣ чакавскіе экавскіе островные діалекты въ три группы, при чемъ тутъ еще не предрѣшается вопросъ, что̀ представляютъ средне-далматинскіе островные діалекты, отдѣльное ли цѣлое или смѣшанный діалектъ изъ указанныхъ двухъ.

I. Сѣверно-далматинскіе діалекты острововъ, находящихся противъ далматинскаго берега отъ *Рѣки* до *Задар-а*.

II. Средне-далматинскіе — отъ *Задар*-а до *Шибеника*.

III. Южно-далматинскіе — отъ *Шибеника* до *Стонскаго рта*.

Дальнѣйшія изслѣдованія покажутъ состоятельность или несостоятельность такого дѣленія этихъ діалектовъ. Они покажутъ, можно ли ихъ и болѣе точно, не такъ неопредѣленно, сгруппировать, раздѣлить на болѣе мелкія единицы. Тогда будетъ ясно, было ли достаточное основаніе у Милчетича, когда онъ только на основаніи замѣны ѣ (и то краткаго) въ сѣверно-далматинскихъ говорахъ посредствомъ *а*, *е* или *о* раздѣлилъ ихъ на три группы:

1) *Врбник* и *Омишаљ* на *Кркѣ* съ островомъ *Црес-омъ* и, отчасти, *Лошинь-емъ*,

2) *Добринь* на Кркѣ,

3) *Дубашница*, *Башка*, *Пунат* и *Повица* опять на Кркѣ [1]),

и если это вѣрно, какіе изъ окрестныхъ острововъ примыкаютъ къ той или другой группѣ говоровъ.

III.

Самое архаичное экавское нарѣчіе, именно, то, которое занимаетъ пространство, въ общихъ чертахъ, между Моравой, съ западной стороны, въ

1) Rad CXXI 102.

Сербіи, и среднимъ теченіемъ рѣки Искра, съ восточной стороны, въ Болгаріи. Этотъ діалектъ называется обыкновенно сербско-болгарскимъ, и ученые, соотвѣтственно степени своего ознакомленія съ нимъ и, повидимому, своимъ южно-славянскимъ симпатіямъ, приписываютъ его то сербскому языку, то болгарскому, не стараясь, впрочемъ, изучить его черты, какъ слѣдуетъ. Въ виду этого я предпринималъ нѣсколько поѣздокъ въ различные концы восточной и южной Сербіи для основательнаго изслѣдованія его и поэтому, надѣюсь, буду въ состояніи дать точную границу его распространенія и его развѣтвленія въ Сербіи[1]); по отношенію же къ Болгаріи и восточной Старой Сербіи и Македоніи я буду полагаться отчасти на сводную статью проф. *Цонева* (*Уводъ* въ историята на българский езикъ Сб. Мин. XVIII, отд. оттискъ; ср. и *Кълъ историята не бълларски езикъ* Сб. XIX, отд. отт., въ особенности, приложенную карту), а отчасти на свѣдѣнія, полученныя мною частнымъ образомъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что Цоневъ считаетъ этотъ діалектъ болгарскимъ, несмотря на многочисленныя противорѣчія, въ которыя онъ изъ-за этого впадаетъ, отчасти ихъ и упоминаетъ, но не пытается нисколько разрѣшить ихъ. Остальныя описанія этихъ говоровъ, даже такихъ изслѣдователей какъ Теодоровъ (Пер. Сп. XIX—XX 146. sqq.), не имѣютъ для насъ, да и вообще, большого значенія. Труднѣе всего опредѣлить южную границу этого говора потому, что въ Македоніи вообще, а, въ особенности, въ средней, такое смѣшеніе говоровъ и въ столь различныхъ размѣрахъ, что̀ положительно невозможно, безъ точныхъ изслѣдованій, которыхъ у насъ теперь вовсе нѣтъ, указать, гдѣ прекращается этотъ говоръ, и гдѣ начинается *средне-македонскій*. Тѣмъ болѣе, что средне-македонскій діалектъ, занимающій большую часть Македоніи и имѣющій претензіи сдѣлаться македонскимъ литературнымъ языкомъ, представляетъ и самъ по себѣ смѣшеніе *сербскихъ* сѣверо-македонскихъ (восточно-старо-сербскихъ) говоровъ и южно-македонскихъ или собственно македонскихъ. Степень смѣшенія не вездѣ одинаковая; оно представляетъ процессъ, совершающійся уже много вѣковъ и не успѣвшій еще закончиться. Поэтому я и обозначу эту южную границу гипотетическимъ поясомъ, полосой, въ которой она приблизительно должна находиться.

Восточная часть этихъ діалектовъ занимаетъ западную часть Болга-

---

1) О нѣкоторыхъ говорахъ, принадлежащихъ указанной территоріи, писалъ въ недавнее время *Olaf Broch* (*Die Dialekte des südlichsten Serbiens* въ Schriften der Balkancommission, linguistische Abtheilung III). Онъ даетъ только матеріалъ, который у него переданъ въ общемъ хорошо. Его группировка указанныхъ говоровъ, по моему, не вѣрна. Объ историческомъ моментѣ указанныхъ говоровъ, его отношеніяхъ къ сербскому и болгарскому языкамъ у него или вовсе не говорится, или очень поверхностно. Онъ описалъ, главнымъ образомъ, тотъ діалектъ, который я называю южно-моравскимъ; то, что онъ говоритъ о запланьскомъ, лужничскомъ и тимочскомъ діалектахъ, которые онъ называетъ названіями мѣстностей, гдѣ онъ впервые узналъ о нихъ, — недостаточно.

ріи, охватывающую приблизительно области (самыя восточныя): *Брњгова*, *Кулы*, *Бњлоградчика*, *Берковицы*, *Искреца*, *Брњзника* и *Босилограда*. Ломаная линія, составляющая верхнее теченіе *Струмы*, среднее теченіе *Искра* у *Искреца* и *Кулу* и *Брњгово* представляла бы до нѣкоторой степени эту границу. Какія деревни говорятъ этимъ говоромъ, указано у *Цонева* (l. c. 52); ихъ границу отодвигаетъ *Милетичъ* болѣе на востокъ (ср. *Das Ostbulgarische* 5. sqq. Schriften der Balk. comm. ling. Abth. II; ср. и *Цонева Диалектни студии*, отд. отт. изъ Сб. М. XX). Въ Македоніи и Старой Сербіи этому говору принадлежатъ несомнѣнно діалекты *Призрена*, *Скопской Черногоріи*, *Куманова*, *Кратова*, *Кривой-Паланки* и ихъ окрестностей, причемъ діалекты *Призрена*, *Куманова* и *Скопской Черногоріи* примыкаютъ къ *южноморавскому діалекту*, тогда какъ говоръ *Кратова* и *Кр. Паланки* ближе къ запланьскому говору, хотя, съ другой стороны, онъ имѣетъ и свои особенности, не роднящія его ни съ однимъ изъ этихъ говоровъ; впрочемъ, этотъ говоръ больше, чѣмъ всѣ другіе, подвергся вліянію средне-македонскаго говора.

Какъ далеко эти говоры распространяются на западъ въ Старой Сербіи — это очень трудно сказать, но что они захватываютъ и Призренъ, въ этомъ я самъ убѣдился. Такимъ образомъ, Шаръ-гора не отдѣляетъ ихъ отъ Македоніи, точно такъ же какъ и *Црна Гора* (Кара-дагъ). Они занимаютъ отчасти пространство между Шаръ-горой, Качаникомъ и Црной Горой съ одной стороны, и приблизительно линіей, соединяющей *Призренъ* и *Јањево* по направленію къ сербской границѣ, съ другой стороны. Отчасти эти діалекты идутъ еще дальше на западъ по направленію отъ Яньева къ Приштинѣ, но до какихъ поръ, съ точностью сказать не могу.

Въ Сербіи можно уже точно опредѣлить границу его распространенія. Онъ занимаетъ всю восточную половину Сербіи, недоходя до *Заечара*, а до *Малаго Извора*. По направленію къ сѣверной Сербіи и срединной онъ граничитъ дальше горами: *Тупижницей*, *Ртањемъ*, *Буковикомъ*, спускаясь въ долину *Моравы* у города *Сталаћ-а*. Отсюда направляется онъ на югъ и юго-западъ, главнымъ образомъ, долиной Моравы и только у Дьюниса переправляется на лѣвый берегъ ея, занимая все пространство до горныхъ хребтовъ, вверхъ теченія *дьюнисской* и *рибарской* рѣкъ. Отсюда направляется къ городу *Прокупљ-у*, между горами *Јастребац* и *Мали Јастребац*. Изъ Прокупљ-а граница его направляется къ сербско-турецкой границѣ въ направленіи къ *Приштинњ*, хотя тутъ трудно опредѣлить, что, собственно, принадлежитъ этому говору, и что окрестному *Косовскому* нарѣчію. Но одно несомнѣнно, что всѣ болѣе или менѣе древнія поселенія къ востоку отъ указанной линіи принадлежатъ къ этому говору, а между новѣйшими есть и таковыя, которыя принадлежатъ и другимъ говорамъ. Дѣло

въ томъ, что колонизація этихъ частей Сербіи еще далеко не закончена и, сравнительно, очень новая. Тутъ жили когда-то албанцы, которые, послѣ успѣшной освободительной войны, покинули Сербію и перешли въ Старую Сербію, оставивши за собой пустыя мѣстности, которыя были потомъ заселяемы сербами изъ Черногоріи, Старой Сербіи и Герцеговины. Это относится, главнымъ образомъ, къ мѣстностямъ между *Прокупље* и *Лебане*, въ мѣстностяхъ же къ востоку отъ этой линіи, дальше, на всемъ теченіи *южной (Бинчъ) Моравы* и во всей южной Сербіи (въ *Пољаницѣ*, *Иноюштѣ* и *Пчињ-ѣ*) діалекты тимочско-южно-моравскаго говора. Весь этотъ діалектъ я называю, изслѣдуя его только въ Сербіи, *тимочско-южно-моравскимъ*, опредѣляя такимъ названіемъ и его географическое распространеніе и, въ то же время, его главнѣйшіе діалекты; имѣя же въ виду и его продолженіе въ Македоніи и Старой Сербіи, и его движеніе съ юга на сѣверъ, можно его назвать и *призренско-тимочскимъ*.

Всѣ діалекты Сербіи, которые я понимаю подъ указаннымъ названіемъ, образовывали когда-то съ упомянутыми діалектами западной Болгаріи и восточной Старой Сербіи (сѣв. Македоніи) одно цѣлое, одинъ языкъ. Этотъ діалектъ теперь трудно возстановить потому, что на него вліяли многіе другіе діалекты Старой Сербіи и Македоніи и, быть можетъ, и совершенно другіе, неславянскіе языки, такъ что задача выдѣленія позднѣйшихъ наслоеній на первоначальную основу становится, за неимѣніемъ старыхъ памятниковъ его, трудно выполнимой. Но если все-таки изъ массы чертъ этого діалекта выдѣлить всѣ тѣ, которыя не могли принадлежать ему съ самаго начала, *какъ славянскому*, *сербскому діалекту вообще*, если остановиться только на его славянскихъ чертахъ, то придется смотрѣть на него слѣдующимъ образомъ.

Всѣ фонетическія черты этого діалекта, *за исключеніемъ*, *конечно*, *нѣкоторыхъ его говоровъ въ Македоніи*, *совпадаютъ съ чертами сербскаго языка* въ эпоху его развитія въ XIII вѣкѣ. При этомъ слѣдуетъ имѣть еще то въ виду, что эти черты не только тѣ, которыя можно приписать обще-сербскому языку, но и такія, которыя получились *въ штокавскомъ діалектѣ*, и то какъ результатъ самостоятельнаго развитія этого діалекта въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ его отдѣльной жизни. Это же относится и ко всѣмъ морфологическимъ чертамъ этихъ діалектовъ, насколько онѣ вообще сохранились. Такимъ образомъ, этотъ діалектъ представляетъ собой одинъ изъ штокавскихъ говоровъ, который, какъ кажется, послѣ XIII вѣка не образовывалъ больше съ ними цѣлаго и развивался самостоятельно.

Къ такому взгляду долженъ придти всякій, кто изслѣдуетъ этотъ діалектъ съ положительной стороны, съ точки зрѣнія того матеріала, который

въ немъ сохранился. Ибо не всегда такъ дѣлаютъ. Очень часто опредѣляютъ его принадлежность къ тому или другому балканскому говору на основаніи того, что въ немъ не сохранилось, а что также не сохранилось и въ нѣкоторыхъ другихъ балканскихъ языкахъ. Такой пріемъ ошибоченъ. Руководствуясь имъ, изслѣдователь забываетъ, что этотъ діалектъ и не былъ бы вполнѣ отдѣльнымъ говоромъ, если бы не отдѣлился рано отъ другихъ сербскихъ говоровъ, и что его черты, въ которыхъ онъ совпадаетъ съ другими говорами, были бы положительно непонятны, если бы на нихъ мы не смотрѣли, какъ на таковыя, которыя появились до его отдѣленія отъ другихъ говоровъ. Что совпаденіе почти *всѣхъ его чертъ*, которыя сохранились, съ *однимъ* только балканскимъ говоромъ, несомнѣнно показываетъ его родство съ нимъ — это внѣ сомнѣнія, а что совпаденіе извѣстныхъ утратъ въ данномъ діалектѣ и въ другомъ балканскомъ говорѣ, которыя они оба, впрочемъ, раздѣляютъ еще со многими другими балканскими языками, съ которыми они оба приходили въ близкое соприкосновеніе, не должно еще обозначать ихъ (двухъ) взаимныя вліянія, если нѣтъ какихъ-нибудь другихъ положительныхъ признаковъ такихъ отношеній ихъ, — это также не менѣе ясно. На этихъ вопросахъ я въ другомъ мѣстѣ останавливаюсь очень детально, и поэтому не буду здѣсь этого дѣлать. Только укажу на діалектическія черты, подтверждающія указанныя положенія.

Въ этомъ діалектѣ, какъ указано, сохранились черты и сербской фонетики и морфологіи на той ступени развитія, на какой онѣ находились въ XIII в. Разумѣется, что онѣ позже, въ теченіе времени, подверглись различнымъ измѣненіямъ, но для насъ важно лишь то обстоятельство, что, если и направленіе этого развитія не общее съ тѣмъ, которое наблюдается въ другихъ сербскихъ говорахъ, исходный пунктъ для тѣхъ и другихъ тотъ же.

Фонетическія черты:

ь и *ъ* даютъ одинъ глухой ь (ряда *а*); *ъл*, *лъ*, *ьр*, *рь* между согласными даютъ ḷ, ṛ; ѫ переходитъ всегда въ *у*; ѧ—всегда въ *е*; ѣ даетъ только *е*; *ы*—*и*; *tj* и *dj*, общеславянскія, даютъ всегда ќ и ђ́, которыя отчасти переходятъ въ ч́ и ц́ (ср. ниже); *nj*, *вj*, *мj*, *бj*, общеславянскія, даютъ во всѣхъ положеніяхъ, и въ начальныхъ и въ конечныхъ слогахъ, только *пљ*, *вљ*, *мљ*, *бљ*; если и есть какія-нибудь отступленія — эти отступленія *морфологическаго характера*; *dl*, *tl* общеслав. даютъ всегда только *l*, отступленія и тутъ морфологическаго характера; *въ* въ открытыхъ слогахъ (*вънук*, *вьдова* и т. д.) переходитъ всегда въ *у*.

Всѣ эти основныя явленія фонетики этихъ говоровъ совпадаютъ *вполнѣ съ сербской фонетикой*.

Морфологическія черты.

Вліяніе мягкихъ основъ на твердыя (*руке*, *ноге*); творительный падежъ на *ом* у существ. жен. рода (*силом*); родит. пад. у мѣстоименій и прилагательныхъ на *а*: *тога*, *овога* и т. д.; употребленіе мѣстоименій, какъ въ серб. яз. (*ја*, *ти*, *он*; *овъј*, *онъј*, *тъј* и т. д.); употребленіе окончанія *м* въ перв. л. наст. врем. у всѣхъ глаголовъ; употребленіе въ 3 plur. imperf. *ху*, въ 3 plur. aor. *ше* и т. под.

Все это опять-таки черты *сербскаго языка* и всѣ онѣ появились въ немъ до XIII вѣка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ есть черты, которыя отдѣляютъ эти говоры отъ остальныхъ сербскихъ діалектовъ и показываютъ, что они развивались въ совершенно другой средѣ, чѣмъ всѣ другіе сербскіе говоры. Эти черты или принадлежатъ этимъ діалектамъ, какъ отдѣльнымъ единицамъ, слѣдовательно представляютъ результатъ ихъ самостоятельнаго развитія, или же общи имъ съ другими балканскими языками.

Послѣднія заключаются въ слѣдующемъ:

а) въ потерѣ падежей, за исключеніемъ именительнаго, винительнаго и звательнаго;

б) въ пріобрѣтеніи этими діалектами, впрочемъ не всѣми, члена;

в) въ употребленіи двойного личнаго мѣстоименія;

г) въ исчезновеніи неопредѣленнаго наклоненія.

Большинство этихъ чертъ находимъ и въ болгарскомъ языкѣ, и самымъ естественнымъ было бы, кажется, предположить, что онѣ и появились подъ вліяніемъ такъ близкаго сербскому языку болгарскаго языка.

Такое предположеніе, если дѣло немного лучше разсмотрѣть, *немыслимо* по слѣдующимъ соображеніямъ:

1. Если бы болгарскій языкъ вліялъ на эти діалекты, то необходимо было бы предположить смѣшеніе, гдѣ бы то ни было, этихъ двухъ языковъ. Однако, такого смѣшенія нѣтъ, да его и не могло быть потому, что всѣ діалекты восточной Сербіи подвигаются съ юга на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Вообще, эти діалекты получились отъ колонизаціи съ юга, изъ восточной Старой Сербіи (сѣверной Македоніи). И теперь всѣ новыя явленія возникающія, напримѣръ, въ южно-моравскомъ говорѣ, являются первоначально на крайнемъ югѣ и медленно подвигаются долиной рѣки Моравы на сѣверъ.

2) Для того, чтобы выяснить себѣ происхожденіе указанныхъ чертъ въ этомъ діалектѣ, я очень внимательно искалъ во всей восточной Сербіи чертъ болгарскаго языка для того, чтобы теперешней теоріи о «переходности» этихъ діалектовъ отъ сербскаго языка къ болгарскому придать хотя тѣнь вѣроятія, *но всѣ мои попытки были напрасны: такихъ слѣдовъ въ этихъ діалектахъ, въ большихъ размѣрахъ, нѣтъ.*

Даже если бы такіе слѣды оказались въ дѣйствительности существующими, и въ большомъ количествѣ примѣровъ, указанная гипотеза могла бы имѣть нѣкоторое значеніе, быть можетъ, только по отношенію къ сѣверо-восточнымъ и вообще восточнымъ говорамъ, по отношенію же къ южнымъ и восточно-старосербскимъ — наврядъ ли. Если же обратить вниманіе на то обстоятельство, что всѣ эти діалекты движутся съ юга на сѣверъ, и что указанныя черты принадлежатъ *почти всѣ одинаково* и самымъ южнымъ, и самымъ сѣвернымъ говорамъ на указанной территоріи, то ясно, что эти діалекты принесли ихъ изъ своей прародины, съ юга. Вѣдь, въ коренныхъ македонскихъ говорахъ наблюдаемъ тѣ же явленія, а они помѣщаются рядомъ съ сербскими говорами, даже есть такъ называемый средне-македонскій говоръ, *представляющій въ дѣйствительности смѣшеніе сербскаго языка съ южно-македонскимъ*, такъ что предположеніе объ общемъ постороннемъ вліяніи на тотъ и другой языкъ или о вліяніи македонскихъ говоровъ на сербскіе напрашивается само собой. Впрочемъ, вопросъ о способѣ этого вліянія такой сложный и запутанный, что я здѣсь и не стану его разрѣшать; мнѣ хотѣлось указать только на возможность полученія этими діалектами указанныхъ чертъ въ Старой Сербіи или Македоніи. Извѣстно, что эти черты находятся и въ албанскомъ, румынскомъ и ново-греческомъ языкахъ. Новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что всѣ упомянутыя черты, находящіяся въ языкахъ, занимающихъ восточную половину Балканскаго Полуострова, образовались у всѣхъ ихъ одинаково, переданы нѣкоторыми изъ указанныхъ неславянскихъ языковъ всѣмъ другимъ языкамъ, славянскимъ (македонскому, сербскому и болгарскому) и неславянскимъ. Конечно, сначала могъ подвергнуться такому вліянію лишь одинъ славянскій діалектъ въ одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ своей территоріи и съ своей стороны повліять на другіе славянскіе говоры; но для насъ это здѣсь посторонній вопросъ (впрочемъ, ср. ниже). Естественная граница для распространенія указанныхъ чертъ на Балканскомъ полуостровѣ Шаръгора, Кара-дагъ и горы на берегахъ Южной и Великой Моравы.

Указанные діалекты въ границахъ Сербіи образуютъ нѣсколько отдѣльныхъ говоровъ:

a) группу тимочско-лужничскихъ говоровъ и

b) группу запланьско-южно-моравскую.

Главное отличіе первой группы отъ второй заключается въ томъ, что звуки ќ и ђ выговариваются въ первой, какъ *ч* и џ (дж), а во второй, какъ ќ и ђ', съ различными оттѣнками. Конечно, это не единственное различіе между ними; есть еще масса явленій, присущихъ только одной изъ этихъ группъ: въ тимочско-лужничскомъ діалектѣ развита, напр., палатализація согласныхъ *к* и *г* предъ палатальными гласными (*е* и *и*); въ томъ же діалектѣ упо-

требляется преимущественно членъ и под., но на нихъ я здѣсь останавливаться не буду, а укажу только на границы ихъ въ Сербіи.

Самый южный пунктъ употребленія указанныхъ чертъ это *Крива Феја*. Оттуда идетъ граница къ горѣ *Стрешару*, охватывая всѣ мѣстности, оттороженныя горнымъ хребтомъ, назыв. *Варденикъ*. Оттуда, мимо *Дюрковичскаго рида*, направляется граница къ *Врлой рѣкѣ*, переправляется на ея правый берегъ и идетъ по направленію къ *Власинѣ*, забирая также и ее. Оттуда идетъ граница на сѣверъ *Власинской рѣкой* до мѣстечка, гдѣ она сходится съ *Пустой рѣкой*. Всѣ мѣста на лѣвомъ берегу ея принадлежатъ *запланьскому* діалекту, на правомъ же—*лужничскому*. Дальше идетъ граница *Пустой рекой* до мѣста, гдѣ въ нее впадаютъ рѣчонки Млака и Ропотъ. Оттуда идетъ граница этими потоками до *Сухой Планины*. Потомъ она идетъ этой горой на сѣверъ по направленію къ мѣстечку *Облику* на берегу рѣки *Нишавы*. Направляясь дальше на сѣверъ, она обходитъ *Сићевачку клисуру* (ущелье) и гору *Вишеградъ*, идетъ мимо *Сврлига* и доходитъ на сѣверѣ до мѣстечка *Бели Поток*; оттуда на сѣверъ идетъ она къ горамъ *Слеме* и *Тупижница*. Все съ правой (восточной) стороны отъ этой линіи принадлежитъ *тимочско-лужничскому діалекту*, а съ лѣвой (западной) — *запланьско-южно-моравскому*.

И эти группы успѣли уже образовать изъ себя отдѣльныя нарѣчія. Не всегда одинаковы пути, которыми получилось это, но несомнѣнно, что извѣстныя различія существуютъ, по отношенію и къ фонетикѣ и морфологіи, въ различныхъ частяхъ территоріи этихъ говоровъ.

Первый изъ нихъ, *тимочско-лужничскій*, дѣлится на двѣ группы говоровъ: *тимочскіе* и *лужничскіе говоры*. Главная разница между ними заключается въ выговорѣ *ḷ*. Въ тимочскомъ говорѣ оно выговаривается и теперь еще какъ *l гласная* (*ḷ*), тогда какъ въ лужничскомъ оно произносится какъ *лъ* (*сḷза́* и *слъза́*). Главная граница между обоими говорами рѣка *Нишава*, при чемъ *лужничскій* діалектъ распространяется къ югу отъ Нишавы, *тимочскій* же—къ сѣверу отъ нея. При этомъ слѣдуетъ имѣть еще то въ виду, что весь *пиротскій край* вплоть до *Церева дела* и отъ *Церева дела* на сѣверъ, обходя гору *Стол* и недоходя до *Нишавы* (у мѣстечка *Расница*), принадлежитъ тимочскому діалекту; отъ указаннаго мѣстечка поворачиваетъ граница на сѣверо-западъ и идетъ все время *лѣвымъ берегомъ Нишавы* до *Плеша* и *Гульянской планины*, гдѣ эта граница сходится съ западной границей всего этого говора.

Запланьско-южно-моравскій діалектъ дѣлится на двѣ группы говоровъ: а) *запланьско-сврлишскую* и б) *южно-моравскую*. Главныя различія между этими говорами заключаются въ пріобрѣтеніи южно-моравскимъ діалектомъ

нѣкоторыхъ чертъ, не имѣющихся въ запланьскомъ, или, лучше, не успѣвшихъ охватить и запланьско-сврлишскій говоръ.

Южно-моравскій говоръ занимаетъ, главнымъ образомъ, долину южной (*Бинчъ*) *Моравы* и ея лѣвый берегъ вплоть до линіи, отдѣляющей съ западной стороны эти діалекты отъ остальныхъ сербскихъ говоровъ. По отношенію къ своимъ чертамъ, южно-моравскій діалектъ показываетъ меньше древности, чѣмъ всѣ остальные восточно-сербскіе говоры; его новыя черты невозможно свести къ его основнымъ, старымъ чертамъ, а слѣдуетъ объяснять ихъ вліяніемъ со стороны. При этомъ можно усмотрѣть и различныя эпохи постороннихъ вліяній, направляющихся съ юга на сѣверъ, и, конечно, различные центры, изъ которыхъ они исходили. Этому соотвѣтствуетъ и распространеніе различныхъ чертъ. Волны новыхъ діалектическихъ процессовъ очень не одинаково захватываютъ моравскую долину: то уносятъ ихъ на сѣверъ до *Сталаћ-а* и еще дальше, то довольствуются *Враньской* равниной до *Стубал-а* и *Прибој-а*.

О тѣхъ центрахъ, которые въ томъ или другомъ направленіи вліяли на южно-моравскій діалектъ, трудно мнѣ говорить потому, что діалекты *Старой Сербіи* вовсе не изслѣдованы, такъ что кое-что изъ того, что я теперь скажу, покажется голословнымъ, а мнѣ здѣсь невозможно детально распространяться объ этомъ. Я предполагаю, что обще тимочско-южно-моравскій діалектъ отдѣлился отъ обще-штокавскаго діалекта еще въ то время, когда въ немъ не было значительныхъ діалектическихъ развѣтвленій. Но послѣ этого времени штокавскій діалектъ въ старой Рашкѣ раздѣлился, приблизительно, на двѣ группы діалектовъ: *призренскую*, болѣе южную, и *косовопольскую*, болѣе сѣверную. Въ теченіе времени эти группы разошлись въ своихъ чертахъ, развиваясь болѣе или менѣе самостоятельно. Раньше всѣхъ другихъ діалектовъ именно *призренскій штокавскій* діалектъ началъ вліять на часть первоначально отдѣлившагося тимочско-южно-моравскаго діалекта, оставшагося въ долинѣ Моравы и на лѣвомъ ея берегу. Онъ далъ этому діалекту тотъ спеціальный характеръ, который позволяетъ намъ смотрѣть на него, какъ на отдѣльный діалектъ ($\underset{\circ}{l}$=лу, part. praet. на *ја* и под.). Эти черты доходятъ до мѣстъ, до которыхъ вообще этотъ діалектъ достигаетъ. Потомъ на немъ сказалось сильное вліяніе косовопольскаго діалекта, при томъ въ нѣсколько пріемовъ. Сюда относится употребленіе *ђ* вм. *—јд* — въ случаяхъ, какъ *пођем* (=појдем въ тимочско-лужничскомъ и запланьскомъ), довольно частое употребленіе дат. пад. вм. предлога *на* съ винит. и под. Специфически — македонское вліяніе тоже новѣйшаго происхожденія. Оно ограничено Враньской равниной между горными берегами Южной Моравы до *Стубал-а* и *Прибоя* и только извѣстными грамматическими категоріями (*паднáла*, *седнáло* вм. *паднýло*, *сед-*

нýло, перенесеніе ударенія въ извѣстныхъ случаяхъ, напр., *вóда*, *свúла*, *жéна*, *сéло* и под.).

Въ запланьскомъ діалектѣ наблюдается недостатокъ, неизвѣстность этихъ чертъ. Но въ немъ есть всетаки кое-что, соединяющее его именно съ этимъ діалектомъ: это — употребленіе *ћ* и *ђ* (= тј, дј общеслав.). Отъ тимочско-лужничскаго же діалекта отдѣляютъ его всѣ черты его спеціальнаго развитія. Съ другой стороны, благодаря такому положенію этого діалекта, въ немъ, само собой, масса чертъ общихъ съ тимочско-лужничскимъ говоромъ: это все тѣ черты обще-тимочско-южно-моравскаго говора, которыя не потерпѣли тутъ никакихъ измѣненій, а въ южно-моравскомъ діалектѣ подверглись отчасти чужому вліянію, а отчасти и полному вытѣсненію новыми чертами. Сходство этихъ говоровъ поэтому относительнаго характера. Кромѣ того, слѣдуетъ упомянуть, что запланьскій діалектъ представляетъ узкую полосу между тимочско-лужничскими и южноморавскими говорами, такъ что ихъ вліянія скрещиваются въ немъ. Но, несмотря на это, онъ все-таки представляетъ самостоятельное цѣлое.

Восточная граница запланьскаго діалекта — это западная граница тимочско-лужничскаго говора. Западная же его граница, на югѣ, начинается съ *Власины*, поворачиваетъ на СЗ., идетъ горными хребтами параллельно Моравѣ мимо *Црной Травы* и *Гузевья* и, оставляя на западѣ *Лютежъ* и *Предеянье*, направляется къ *Рупью*. Оттуда она идетъ прямо на сѣверъ, спускаясь *Козарской рѣчицей* въ *Лопушню*. Проходя черезъ *Рамни дел*, идетъ въ *Ломницу*, *Липовицу* и *Пискупово*, потомъ поворачиваетъ на сѣверо-западъ и идетъ горой *Гариной* (выше деревни *Горња Купиновица*) къ *Селичевицѣ* и дальше на сѣверъ, оставляя *Ниш* на западѣ. Оттуда она идетъ на сѣверъ между *Церье-мъ* съ западной и *Грбавчей* съ восточной стороны, спускаясь въ *Пирковацъ*. Изъ Пирковац-а черезъ *Іезеро* направляется граница къ горѣ *Лесковику*, поворачиваетъ на востокъ, обходя *Озрен*, и идетъ дальше на сѣверо-востокъ къ горѣ *Крстатац* и *Слеме*. Тутъ она сходится съ тимочско-лужничскимъ діалектомъ. Къ востоку отъ этой границы — *запланьско-сврлишкій* діалектъ, западно же — *южноморавскій*.

Что касается Болгаріи и отраженій указанныхъ діалектическихъ различій въ ней, то на ея территоріи, за исключеніемъ небольшой части на самомъ югѣ, распространенъ діалектъ, сходящійся въ употребленіи *ч* и *џ* (= тј, дј) съ *тимочско-лужничскимъ* діалектомъ. Южнѣе находимъ уже *ћ* (*ќ*) и *ђ* (*ǵ*). Несомнѣнно, что въ сѣв. Македоніи и южной Старой Сербіи существуетъ нѣсколько діалектическихъ группъ, но я, за неимѣніемъ вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній, не берусь группировать ихъ. Замѣчу только, что въ нихъ, какъ въ запланьско-южно-моравскомъ діалектѣ, упо-

требляется ћ (ḱ) и ђ (ǵ), какъ замѣстители звук. комплексовъ общесл. *tj* и *dj*, и что *призренскій* (собственно *ново-призренскій*) и *кумановскій* діалекты примыкаютъ къ *южно-моравскому* говору, тогда какъ *кратовскій діалектъ* ближе къ запланьскому говору, но всетаки теперь не образуетъ съ нимъ одного цѣлаго.

IV.

Мною указаны выше сѣверныя и западныя границы тимочско-южноморавскаго діалекта. Къ западу отъ послѣднихъ границъ и къ сѣверу отъ *Сталаћ-а*, въ моравской долинѣ далеко на сѣверъ до *Смедерева* (*Семендріи*), на востокъ до *Црной рѣки*, потомъ въ *Кучаѣ*, *Ресавѣ*, *Млавѣ*, *Стигѣ* и *Звиждѣ* вплоть до Дуная, гдѣ начинаются банатскіе говоры, распространяется главнымъ образомъ *косовско-ресавскій* говоръ, который, соотвѣтственно мѣстностямъ, называется *косовскимъ*, *жупскимъ*, *левачскимъ*, *темнитьскимъ*, *паратьинскимъ*, *ягодинскимъ*, *моравскимъ* и *ресавскимъ*. Этотъ говоръ переходитъ и на лѣвый берегъ *Моравы* и тутъ приходитъ въ соприкосновеніе съ шумадійско-сремскимъ говоромъ. Линія, соединяющая *Смедерево*, *Паланку*, *Рачу*, направляющаяся дальше къ Црному Вրху противъ *Ягодины* (собственно *Ягодны*) и оттуда идущая горами, съ которыхъ сливаются притоки *Лепеницѣ* и *Гружѣ*, вплоть до устья *Гружи* въ западную Мораву, опредѣляетъ западную границу левачско-моравскихъ діалектовъ косовско-ресавскаго говора по отношенію къ шумадійскому говору и смѣшанному шумадійско-екавскому говору въ среднемъ и нижнемъ теченіи Гружи. Дальше его граница въ Сербіи идетъ рѣкой *Ибар*, вверхъ по его теченію (*Ибар-Ибра* по сербски), до сербско-турецкой границы.

Этотъ говоръ и въ Сербіи не вездѣ тождественный: на окраинахъ, при столкновеніи его съ другими діалектами, получаются, конечно, видоизмѣненія его, которыя не могутъ быть названы еще отдѣльными діалектами, но все-таки отличаются отъ чистаго типа левачскаго говора, сохранившагося лучше всего въ *Жупѣ* и *Левачѣ*. Такой діалектъ представляетъ говоръ, занимающій рѣку Мораву отъ *Сталаћ-а* на сѣверъ до *Параћина* на обѣихъ сторонахъ ея; на востокъ онъ распространяется до *Бољевац-а*, а на западъ — до горы *Юхоръ*. На лѣвомъ берегу Моравы этотъ діалектъ называется *темнитьскимъ* (Темнить = Темниħ). Онъ представляетъ смѣшеніе южно-моравскаго діалекта съ левачскимъ, при чемъ это смѣшеніе въ долинѣ Моравы и на ея правомъ берегу сильнѣе, чѣмъ на лѣвомъ. У горы *Юхоръ* почти исчезаютъ и послѣдніе слѣды вліянія южно-моравскаго діалекта на этотъ говоръ, тогда какъ на востокѣ, чѣмъ больше приближаемся къ *Бољевац-у*,

тѣмъ чувствительнѣе становится и вліяніе тимочско-лужничскаго діалекта. Подобныя смѣшенія находимъ и сѣвернѣе Паратьина, что вполнѣ зависитъ отъ количества колонизаторовъ, приходившихъ и приходящихъ сюда съ юга. Но несомнѣнно, что въ основѣ всѣхъ этихъ мелкихъ діалектическихъ дробленій одного первоначальнаго діалекта лежитъ все-таки *левачскій говоръ*.

Какъ будетъ ниже указано, граница по отношенію къ екавскому говору идетъ отъ устья рѣки Гружи до устья *Ибар-а* въ западную Мораву; оттуда вверхъ по теченію Ибар-а въ юго-восточной Сербіи и ново-пазарскомъ санджакѣ до *Митровицы*. Отъ *Митровицы* границу можно опредѣлить лишь приблизительно. Она идетъ и дальше правымъ берегомъ Ибар-а, потомъ горами *Мокра гора* и *Проклетія*. Самая южная граница направляется, приблизительно, отъ *Призрена* на западъ къ югу отъ *Ђакова*, а сѣвернѣе арнаутскихъ племенъ *Хаса* и др., по направленію къ *Враницѣ*, одному изъ самыхъ высокихъ утесовъ Проклетіи. Соотвѣтственно мѣстности, которую занимаетъ этотъ діалектъ, мы и дали ему различныя названія: *косовскій* на *Косовомъ полѣ*, *жупскій* въ *Жупѣ*, приблизительно между Ибар-омъ (рѣкой) и горами *Копаоник* и *Мали* и *Велики Іастребац*, *левачскій* въ *Левач-ѣ* (*Лѐвач — Лѐвча* по сербски), между горами на лѣвомъ берегу *Гружи*, горами *Црни Врх*, *Іухор* и Западной Моравой, *темнитьскій* ср. выше, *моравскій* ср. выше, *ресавскій* ср. выше, хотя всѣ эти діалекты представляютъ одинъ и тотъ же основной говоръ, неодинаково сохранившійся въ различныхъ мѣстностяхъ и въ различныхъ направленіяхъ измѣнившійся подъ вліяніемъ различныхъ окрестныхъ говоровъ. Самымъ чистымъ, и поэтому и самымъ интереснымъ, какъ указано, является *жупско-левачскій* говоръ; менѣе интересенъ ресавско-моравскій говоръ. *Левачскій* говоръ тѣмъ интереснѣе другихъ, что не подвергался такъ много чужому вліянію, какъ другіе говоры; но онъ въ то же время, быть можетъ, и самый прогрессивный говоръ этого типа въ измѣненіи старыхъ чертъ; это, конечно, съ нашей точки зрѣнія, его слабая сторона, и въ этомъ отношеніи его далеко оставляетъ за собой *косовскій* говоръ. Онъ, хотя въ извѣстныхъ своихъ частяхъ и довольно сильно испыталъ вліяніе южно-моравскаго говора, все-таки сохранилъ самыя старыя черты. При установленіи общихъ чертъ этихъ говоровъ съ этимъ слѣдуетъ считаться.

Для обозначенія всѣхъ этихъ діалектовъ я пользуюсь названіемъ косовскоресавскій діалектъ, опредѣляющимъ его начальный и конечный пункты. Но ресавскій діалектъ ушелъ и за предѣлы сѣв. Сербіи, въ Банатъ, хотя я и затрудняюсь назвать его и тамъ ресавскимъ говоромъ. Это тотъ діалектъ, которымъ говорятъ сербы въ деревняхъ *Крашовѣ*, *Яблчѣ*, *Нерметѣ*, *Лупакѣ*, *Рафникѣ*, *Водникѣ*, *Клокотитѣ* и кое-гдѣ въ другихъ деревняхъ (напр., въ *Липѣ* у Радны (арадскій уѣздъ), *Отвасѣ*, въ деревнѣ *Királyhegye* въ

докшанскомъ уѣздѣ, въ *Károlyfalva* въ *темишской жупаніи*, а, быть можетъ, и въ *Клоподіи* въ вершецкомъ уѣздѣ; сравни *Милетича Ueber die Sprache und die Herkunft der sog. Krašovaner in Süd-Ungarn*, Archiv XXV 161 sqq. и *Летопис Мат. Српске* 222. 84 и д.). По матеріалу, который приводитъ Милетичъ, трудно сказать что-нибудь положительное; ясно только то, что этотъ діалектъ сербскій. Но, кажется, онъ представляетъ нѣкоторое смѣшеніе съ другими говорами. Въ акцентѣ онъ, главнымъ образомъ, сходится съ ресавскимъ говоромъ, какъ это отмѣтилъ уже Милетичъ. Но я сильно сомнѣваюсь, что его представители переселились сюда въ XV вѣкѣ. Во всякомъ случаѣ, этотъ діалектъ заслуживаетъ внимательнаго и толковаго изслѣдованія [1]).

Пока я указалъ только на внѣшнюю сторону этого діалекта: его распространеніе и смѣшеніе съ другими окрестными говорами. Теперь я укажу на внутреннее отношеніе самихъ косовско-ресавскихъ діалектовъ, какъ таковыхъ, съ одной, и на ихъ отношеніе ихъ къ центральному говору, съ другой стороны. Такимъ образомъ мы укажемъ и на значеніе упомянутыхъ говоровъ для сербскаго языка вообще и его діалектовъ въ частности.

Я здѣсь не буду детально останавливаться на чертахъ этого діалекта, а, къ сожалѣнію, нѣтъ вообще такого изслѣдованія, на которое можно бы было сослаться; поэтому и для того, о чемъ буду говорить, придется сообщить нѣкоторыя черты этого діалекта.

Для развитія сербскаго языка эти діалекты интересны въ томъ смыслѣ, что представляютъ очень чистый, послѣдовательный діалектическій типъ, и поэтому являются лучшими представителями всѣхъ экавскихъ говоровъ. Многіе запутанные вопросы литературнаго экавскаго говора, занимающаго часть Сербіи и засавскія и задунайскія мѣстности, получатъ очень удачное разрѣшеніе, если привлечь къ ихъ изслѣдованію матеріалъ, предлагаемый намъ этимъ говоромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ иногда, какой способъ изслѣдованія слѣдуетъ примѣнить и къ другимъ говорамъ, которые съ этимъ говоромъ находились такъ или иначе въ связи или показываютъ нѣкоторую принципіальное сходство съ ними. Но значеніе этого говора — больше всего для изслѣдованія акцентологическихъ условій рѣшительно всѣхъ грамматическихъ категорій сербскаго языка. Этотъ діалектъ съ такой живучестью сохраняетъ всѣ старинныя черты сербской акцентуаціи и всѣ его отступленія отъ нихъ такъ легко устранимы, что во многихъ

1) Литература объ этихъ говорахъ очень ограничена. О *жупскомъ* говорѣ можно найти нѣсколько хорошихъ замѣчаній въ работкѣ Л. Стояновича Dialektologische Miscellen aus Serbien (*Archiv* Ягича XXV, 212 sqq.). Кое-что отмѣтили о діалектахъ, сюда принадлежащихъ, и Миличевичъ (*Кнежевина Србија; Краљевина Србија* passim), І. Живановичъ (*Особине ресавскога или косовопољског дијалекта* въ *Програм Српске православне вел. гимназије Карловачке* 1881—2 г. Ср. Карловци), Мисирковъ (*Бълг. Прегл.* VI, 121—127) и др.

случаяхъ, гдѣ Вуковскій діалектъ даетъ противорѣчивыя данныя, этотъ діалектъ поможетъ разобраться въ нихъ, и дастъ богатый матеріалъ для сравненій съ остальными сербскими говорами и возстановленія общесербскаго ударенія.

Ресавско-косовскій діалектъ, какъ сказано, отличается отъ другихъ штокавскихъ говоровъ своимъ удареніемъ. Онъ стоитъ, въ этомъ отношеніи, если и не на самой старой ступени развитія сербскаго ударенія, во всякомъ случаѣ на такой, которая показываетъ много старыхъ чертъ. Основнымъ положеніемъ акцентуаціи этого діалекта является слѣдующее:

I. *Удареніе конечныхъ краткихъ слоговъ переходитъ на предшествующій слогъ.*

Тутъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, что этотъ процессъ совершается и въ тѣхъ случаяхъ, когда конечный слогъ открытъ и когда онъ закрытъ, лишь бы онъ былъ краток. Конечно, при этомъ слѣдуетъ исходить изъ обще-сербскаго ударенія. Переходя на предшествующій слогъ, удареніе остается, въ большинствѣ случаевъ, въ особенности въ т. наз. левачскихъ говорахъ, если слогъ кратокъ, короткимъ нисходящимъ (̏), а если онъ долгъ, становится долгимъ восходящимъ (́). Этотъ непараллелизмъ является и въ болѣе сѣверныхъ говорахъ, и въ косовскомъ діалектѣ, хотя, насколько я могъ отмѣтить, иногда такого непараллелизма нѣтъ, а когда слогъ кратокъ, получается, какъ и въ другихъ штокавскихъ говорахъ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, краткій восходящій (̀) акцентъ, отчасти переходящій даже и въ долгій восходящій.

Напр.: *зи́ма*, *до̏шла*, *пову́че*, *се̏лу*, *да̏ска*, *же̏на*, *ру́ка*, *но̏га*, *о̏ца*, *су̏за*, *по̏ток*, *чо̏век* и т. п. все въ левач. говорахъ.

Всѣ исключенія или, лучше, отступленія отъ этого—только кажущіяся и объясняются очень легко употребленіемъ данныхъ словъ въ связи, въ рѣчи. Но на этомъ и подобныхъ вопросахъ я тутъ останавливаться не буду.

Соотвѣтственно указанному правилу, если какое-нибудь удареніе и находится въ концѣ слова, оно не можетъ быть короткимъ или же является принесеннымъ сюда изъ иного положенія въ рѣчи. И, дѣйствительно, въ такихъ случаяхъ является въ этомъ діалектѣ почти исключительно долгое нисходящее удареніе. Нисходящее долгое удареніе и въ другихъ случаяхъ, гдѣ оно новаго происхожденія или по отношенію къ мѣсту или по отношенію къ его происхожденію, сохраняется въ этомъ діалектѣ, такъ что для него несостоятельно положеніе, что долгое нисходящее удареніе находится только на первомъ слогѣ слова. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ эти ударенія, за исключеніемъ первосложныхъ, сравнительно новаго происхожденія. На основаніи этого можно дать и второе положеніе:

II. *Въ косовско-ресавскомъ діалектѣ долгія нисходящія ударенія могутъ стоять на всѣхъ слогахъ.* Напр.: *стоји̑ш, држи̑м, ве̄за̑, зове̑, ноже̑м, лети̑, пӯте̑м, Мӣто̑м, оне̑м, воде̑, жене̑, пречу̑ва, прича̑ње, спљува̑нка, сара̑ни, црешњо̑в, одре̑ши, пољу̑биш, ора̑ње, весели̑ш* и т. д. все въ левачскихъ говорахъ.

Я не стану теперь изслѣдовать вопросъ объ образованіи этого и другихъ удареній, но все-таки не премину упомянуть, что этотъ діалектъ сохранилъ несомнѣнные слѣды *обще-славянскаго переноса удареній, и краткаго и долгаго нисходящихъ, на первоначальный слогъ* гораздо лучше, чѣмъ всѣ остальные сербскіе говоры. Лучшей иллюстраціей этого можетъ послужить родительный падежъ множ. числа, который въ этихъ діалектахъ имѣетъ *всегда или краткое* или *долгое нисходящее удареніе на первомъ слогѣ.* Столь послѣдовательно не сохранилъ этой черты ни одинъ другой сербскій діалектъ. Напр.: *пе̑т ме̑рница, оне̑ ка̏шика, де̏сет во̏деница, пла̏нина, љу̏беница, чо̏бана, сто̏гова, о̏внова, сто̏тина, гро̏бова* и т. п. все въ левачскихъ говорахъ.

Наконецъ, послѣднее, столь же характерное, отступленіе этого діалекта отъ другихъ сербскихъ говоровъ заключается въ сокращеніи всѣхъ долготъ въ этомъ діалектѣ послѣ ударенія, слѣдовательно:

III. *Всѣ долготы за удареніемъ сокращаются.*

Полной долготы въ этихъ діалектахъ я никогда не слышалъ послѣ ударенія. Но въ нѣкоторыхъ, очень рѣдкихъ случаяхъ, я слышалъ что-то, смахивающее на полудолготу, хотя опять-таки обыкновенно слышится полная краткость. Примѣрами этого пусть послужатъ родительные падежи множ. числа, приведенные выше.

На остальныхъ очень интересныхъ деталяхъ ударенія этого діалекта я останавливаться не буду; только упомяну, что въ тѣхъ случаяхъ, когда удареніе шумадійско-сремскаго говора или литературнаго языка уклоняется отъ ударенія т. н. южнаго (екавскаго) говора, оно находитъ себѣ естественное объясненіе въ ударенiи левачскаго говора, такъ что несомнѣнно, что элементы этого говора вошли такъ или иначе въ составъ центральныхъ говоровъ (ср. ниже).

Вторая, очень важная особенность этого говора заключается въ томъ, что этотъ говоръ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ теперешній литературный языкъ имѣетъ *икавскія* или *екавскія* формы, которыя нарушаютъ систему его звуковыхъ соотвѣтствій другимъ говорамъ, имѣетъ свои экавскія формы: *старѐји, младѐји, млађѐји, крупнѐји, ситнѐји* и подоб.; *не́сам, не̏је, гдѐ* и под. Сюда относятся и формы дат. мѣст. сущ. ж. р. *воде̑, жене̑, Мора̏ве, ку̑ће* и под., творит. ед. ч. и косв. пад. м. ч. демонстр. мѣст. *та̑ј: те̑м, те̑(х)* и под. Относительно послѣднихъ формъ въ литературномъ

нарѣчьи можно думать, что онѣ (съ своимъ *и*) самостоятельно явились, по аналогіи существительныхъ и мѣстоименій съ смягченной согласной корня или основы; но разъ есть въ сремско-шумадійскомъ діалектѣ несомнѣнныя свидѣтельства смѣшенія съ екавскимъ (или, впрочемъ, икавскимъ, ср. ниже) говоромъ, напр. *нисам*, *није*, *старији*, (*г*)*ди* и под., а этотъ его старшій братъ имѣетъ чисто экавскія особенности, то очень вѣроятно, что эти черты появились въ шумадійско-сремскмъ говорѣ подъ вліяніемъ смежныхъ съ нимъ екавскихъ, а, быть можетъ, и икавскихъ говоровъ.

Кромѣ того, и въ другихъ чертахъ, въ которыхъ шумадійско-сремскій говоръ расходится съ левачскимъ, онъ совпадаетъ съ екавскимъ діалектомъ.

Напр., теперь въ левачскомъ говорѣ постоянно и единственно употребляется *мѣстный падежъ* существительныхъ безъ конечнаго *ма*, напр., у *Коњу́ва* (= Коњуха), *Лоћика*, *по тра̑пова*, *по бр́да* и т. п. Если обратимъ вниманіе на то, что *ма* въ мѣстномъ падежѣ и получено только въ концѣ XVII в., и что въ засавскихъ и задунайскихъ діалектахъ и теперь еще нѣтъ *ма* въ этомъ падежѣ вездѣ (ср. *на̀ коли*, *на̀ вра̑ти*, *у Бу̑ђа̑нȍвци* и под.), то станетъ яснымъ, почему его вовсе нѣтъ и въ левачскомъ говорѣ, и почему его получили другіе, болѣе сѣверные діалекты только тогда, когда пришли въ соприкосновеніе съ екавскимъ говоромъ.

Это же относится и къ другимъ чертамъ этого говора: напр., неопредѣл. накл. оканчивается въ этомъ говорѣ всегда на *т* (напр., пи́сат, се̏тит, и̑с(т) и т. п.)., тогда какъ въ шумадійско-сремскихъ говорахъ находимъ *ти*, какъ и въ герцоговинскомъ говорѣ, насколько такія формы вообще употребляются въ нихъ и т. п.

Само собой разумѣется, что этотъ говоръ имѣетъ еще не мало *своихъ* мѣстныхъ особенностей, которыя здѣсь не зачѣмъ приводить. Мнѣ хотѣлось только показать значеніе этого говора и указать на его отношеніе къ остальнымъ сербскимъ діалектамъ.

Все это выяснило намъ, или, по крайней мѣрѣ, выдвинуло тѣ моменты, на которые при изслѣдованіи шумадійско-сремскихъ (центральныхъ) говоровъ слѣдуетъ обратить спеціальное вниманіе.

V.

Разница между этимъ говоромъ и цѣлой группой говоровъ шумадійскаго типа — относительнаго характера. Даже, собственно говоря, нельзя было бы сказать, что это вообще два отдѣльныхъ діалекта. Вѣдь, несомнѣнно, что выходцы и переселенцы изъ Старой Сербіи и южной Сербіи,

передвигаясь постепенно съ XV вѣка до нынѣшняго времени на сѣверъ, заняли и *Шумадію,* а точно такъ же и *Сремъ*, *Бачку* и *Банатъ*, такъ что въ ихъ языкѣ должны заключаться не только *основныя* черты косовскаго говора, но и его особенности, развившіяся въ историческую эпоху его существованія и, отчасти, развивающіяся понынѣ. Но въ теченіе указаннаго времени представители косовскаго діалекта приходили въ постоянныя сношенія съ представителями другихъ діалектовъ, въ особенности, екавскаго говора, приходившими сюда изо всѣхъ концовъ сербской земли, гдѣ онъ только употреблялся. Поэтому чужіе элементы, вторгшіеся въ этотъ діалектъ (косовско-левачскій), дали ему признаки особеннаго говора только по отношенію къ косовскому говору, и только явленія другихъ діалектовъ, чуждыя ему, какъ косовскому говору, охватившія и его, могли сдѣлать возможнымъ и вѣроятнымъ предположеніе о самобытномъ появленіи нѣкоторыхъ чертъ его, хотя всѣ онѣ, на самомъ дѣлѣ, сводятся на внѣшнія вліянія. Впрочемъ, нельзя сказать, что этотъ діалектъ не создалъ еще до сихъ поръ и ничего своего (ср. ниже), но это, все-таки, не является еще общей чертой, а мѣстными особенностями его. Этотъ діалектъ я называю *шумадійско-сремскимъ*, *срединнымъ* или *центральнымъ*.

При изслѣдованіи его говоровъ, которые, какъ кажется, еще не сформировались вполнѣ, слѣдуетъ обращать вниманіе на слѣдующіе моменты:

1. Удареніе этихъ говоровъ — перенесенное; оно совпадаетъ съ типомъ ударенія, сказывающимся въ герцеговинскомъ и нѣкоторыхъ боснійскихъ діалектахъ, и вполнѣ отличномъ отъ косовскаго.

2. Развитіе формъ склоненія, въ которомъ косовскіе діалекты разнятся отъ екавскихъ говоровъ, тожественно съ екавскимъ.

3. Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ въ екавскомъ діалектѣ имѣется фонетически или нефонетически *и* вм. *ѣ*, оно имѣется и въ этихъ діалектахъ, напр. *није* (ср. неје косов.), *сикира*, *милији*, *старији*, *паметнији*, *гди*, *ваших*, *добрих*, *многих* (ср. въ јекавскихъ говорахъ *ваших* и *вашијех*, *добрих* и *добријех*, *многих* и *многијех*) и под.

Конечно, нельзя и требовать того, чтобы въ этомъ діалектѣ сохранились всѣ случаи употребленія *и* вмѣсто *ѣ*, которые находимъ въ екавскомъ діалектѣ, уже потому, что отдѣльныя слова, въ которыхъ это употребленіе встрѣчалось, находились въ спеціальныхъ, особенныхъ условіяхъ, а въ другихъ случаяхъ они образовывали часть цѣлой цѣпи подобныхъ и, соотвѣтственно этимологическому происхожденію, съ ними тожественныхъ словъ, въ которыхъ *ѣ* не измѣнялось въ *и*. Такіе случаи могли вліять на первые и вносить въ нихъ снова *ѣ* вмѣсто уже получившагося *и*.

4. Одно только можетъ показаться страннымъ во всемъ этомъ: мы

предположили, что центральный діалектъ является результатомъ смѣшенія въ указанныхъ мѣстностяхъ екавскаго и косовскаго говоровъ, хотя въ немъ ни разу не встрѣчается характерное для всего южнаго діалекта *ије*, такъ что, если со стороны смотрѣть на это предположеніе, то могло бы показаться, что этотъ діалектъ долженъ былъ сознательно и какъ бы намѣренно избѣгать этой черты, что̀, само по себѣ, находилось бы въ противорѣчіи съ основными принципами языка, по которымъ подобныя явленія совершаются всегда безсознательно. На этомъ явленіи намъ слѣдуетъ остановиться немного больше, для того, чтобы это предположеніе сдѣлалось и для другихъ столь же вѣроятнымъ, какъ для меня оно и необходимо и умѣстно. Полную параллель ему представляютъ икавскіе штокавскіе говоры, встрѣчающіеся на каждомъ шагу въ *Босніи и Герцеговинѣ*. О нихъ я буду говорить ниже и прошу сравнить съ этимъ то, что̀ я тамъ говорю.

Для конечнаго рѣшенія этого вопроса, разумѣется, нужно болѣе матеріала, чѣмъ я могу дать въ настоящую минуту; и поэтому пусть это будетъ только напутственными замѣтками, которыя отмѣтитъ для себя будущій изслѣдователь этихъ діалектовъ и отвергнетъ или подтвердитъ ихъ при болѣе детальномъ изслѣдованіи этихъ говоровъ.

Географическое положеніе екавскаго діалекта въ Сербіи въ настоящее время таково, что не представляется очень древнимъ: этотъ діалектъ занимаетъ только высокія горы, отдѣляющія западную Сербію и отчасти южную отъ центральной. Было бы очень рискованно предполагать, что жители этихъ горъ никогда не сходили въ окрестныя равнины или еще не успѣли перейти ихъ рубежъ. Гораздо вѣроятнѣе думать, что они находились также и въ равнинахъ, но не могли устоять передъ натискомъ, все болѣе сильнымъ, экавскаго говора. Поэтому первоначальное смѣшеніе этихъ діалектовъ могло совершиться тутъ въ пользу экавскаго говора, но екавскій діалектъ давалъ въ немъ знать о себѣ указанными чертами, переданными ему такимъ образомъ. Эту гипотезу дѣлаетъ очень вѣроятной тотъ фактъ, что въ этомъ новомъ діалектѣ вовсе — или въ большинствѣ случаевъ — не было примѣровъ съ *ије*, что единственно экавскими пришлецами и автохтонами (относительно) чувствовалось, какъ что-то чужое, принадлежащее другому діалекту. Всѣ другія черты чужого екавскаго діалекта они совершенно безсознательно усвоили. Для пониманія такого отношенія къ чертамъ указаннаго говора со стороны представителей этого діалекта, слѣдуетъ имѣть въ виду тѣ исключительныя обстоятельства, въ которыхъ они находились. Безъ постояннаго, хотя бы и не всегда многочисленнаго наплыва колонизаторовъ съ юга, изъ Левач-а и болѣе южныхъ мѣстностей, немыслимо образованіе этого діалекта; и даже если предположимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ бралъ верхъ екавскій діалектъ, то все-

таки его одолѣвали новые, свѣжіе представители экавскаго говора и вносили въ него снова свои экавскія особенности. Судя по слѣдамъ, оставшимся отъ екавскаго вліянія, слѣдуетъ предположить, что все-таки число екавцевъ терялось въ значительномъ количествѣ экавцевъ, далеко превышавшемъ ихъ. Какъ только данъ былъ первый толчекъ къ такому искусственному разграниченію указанныхъ діалектовъ — а онъ могъ быть, какъ указано, данъ очень легко, то явилась вмѣстѣ съ тѣмъ, и возможность для обособленія его какъ отдѣльнаго цѣлаго. Не слѣдуетъ однако думать, что появленіе первоначальнаго центральнаго говора должно было совершиться на большомъ пространствѣ и у большого количества представителей этого говора; напротивъ, есть основаніе думать, что ихъ абсолютная численность была незначительна. Тутъ былъ важенъ моментъ сплоченія екавскаго и экавскаго говоровъ въ пользу — хотя бы — только съ внѣшней стороны, экавскаго говора. Позже черты этого экавскаго говора переносились и на всѣ другіе экавскіе говоры, съ которыми этотъ экавскій говоръ приходилъ въ соприкосновеніе. Только такимъ образомъ можно понять, откуда въ центральныхъ говорахъ появилось перенесенное удареніе: положительно невозможно или, по крайней мѣрѣ, крайне сомнительно предположеніе, что оно развилось самостоятельно, изъ стараго косовскаго ударенія; невѣроятно оно уже потому, что въ такомъ случаѣ мы должны были бы имѣть во многихъ случаяхъ передвиженіе ударенія на два слога къ началу, ибо передвиженіе съ конечнаго слога на одинъ слогъ къ началу получалось уже въ косовскомъ діалектѣ, а между тѣмъ здѣсь этого нѣтъ; невѣроятно же оно еще болѣе потому, что въ окрестномъ екавскомъ діалектѣ имѣется именно такая, перенесенная, акцентуація. Потомъ было бы крайне сомнительнымъ предположеніе, что въ двухъ смежныхъ говорахъ получились въ нѣкоторыхъ падежахъ склоненія существительныхъ положительно тожественныя окончанія, напр. вм. *е—и* въ дат. и мѣстн. сущ. жен. рода, *ма* въ мѣст. мн. ч. всѣхъ существительныхъ, когда извѣстно, что въ одномъ изъ этихъ діалектовъ (екавскомъ), на всемъ почти его протяженіи, далеко за границами Сербіи, эти окончанія извѣстны теперь, были извѣстны и изстари. Наконецъ, еще одно соображеніе внѣшняго характера. Что Сербія — все-таки центръ указаннаго діалекта, показываетъ и слѣдующее обстоятельство. Характерныя черты этого новаго экавскаго говора находятся въ какой-нибудь мѣстности въ степени тѣмъ бо́льшей, чѣмъ она ближе къ Сербіи. Поэтому въ засавскихъ и задунайскихъ діалектахъ мы все еще и находимъ кое-какія особенности косовскаго діалекта (locat. на *х*, т. е. безъ *ма*), хотя волны центральнаго говора охватили сербскія мѣстности далеко за Савой и Дунаемъ, такъ что эти діалекты входятъ всетаки, главнымъ образомъ, въ область этого говора.

На фонѣ этого діалекта выдвигается новый говоръ, который постепенно забираетъ все большую территорію, хотя его черты въ нѣкоторыхъ случаяхъ только въ зародышѣ, разумѣется, по отношенію къ ихъ распространенію. Это — такъ называемый *кáновачкій* (*кановачки*) говоръ, который я называю *шумадійскимъ*. На него обратилъ вниманіе еще Вукъ Караджичъ, а описалъ его П. Дьордьевичъ. По его описанію[1]), онъ встрѣчается въ *рудничскомъ Качерѣ*, въ большей части *Крагуевачской Лепеницы* и *Крагуевачской* и *Смедеревской Ясеницы*, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣвернѣе *Крагуевац-а* (въ Гружанскомъ и Крагуевачскомъ уѣздахъ, (ср. карту), въ части Вальевской Колубары, въ бѣлградской Колубарѣ, вдоль горы Космая и въ нѣкоторыхъ бѣлградскихъ участкахъ (савскомъ и врачарскомъ). Дунай не представляетъ еще границы, вполнѣ задерживающей движеніе этого діалекта на сѣверъ; напротивъ, черты этого говора, правда, не всѣ, встрѣчаются и въ Банатѣ и кое-гдѣ въ Cремѣ, хотя нельзя сказать, что они вмѣстѣ съ указанной территоріей образуютъ одинъ діалектъ.

Хотя и вѣрны указанія Дьордьевича по отношенію къ мѣсту употребленія указанныхъ чертъ, все-таки такое географическое представленіе объ ихъ распространеніи, по меньшей мѣрѣ странно: на небольшомъ пространствѣ нѣсколькихъ уѣздовъ черты этого говора то являются, то совсѣмъ исчезаютъ. Если онѣ одновременно и самостоятельно успѣли появиться въ нѣсколькихъ концахъ указанной территоріи, то это свидѣтельствовало бы о сильной степени ихъ развитія въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говорахъ, и тогда было бы удивительно, почему онѣ не обобщились на всей ихъ территоріи, которая, съ географической точки зрѣнія, довольно удобна для быстраго распространенія діалект. чертъ. Но разъ этого нѣтъ, значитъ и это новое діалектическое теченіе не такъ сильно. Какъ тогда слѣдуетъ объяснить то обстоятельство, что это теченіе проявилось во многихъ пунктахъ указанныхъ областей. Для того, чтобы понять это, слѣдуетъ обратить вниманіе на нѣкоторыя обстоятельства, которыя при изслѣдованіи говоровъ Шумадіи, сразу бросились мнѣ, въ глаза. Шумадія, центръ молодого сербскаго королевства, не представляетъ, по отношенію къ языку и населенію, одного цѣлаго. Въ этомъ отношеніи можно констатировать нѣсколько наслоеній, которыя сильно затмили ея основу. Многія изъ нихъ сложились очень недавно, чуть-ли не въ наши дни. Если мы сравнимъ относительную древность этихъ наслоеній съ говорами, которые въ нихъ отражаются, то увидимъ, что во всей Шумадіи, занимающей область между рѣками: *Моравой*, *Колубарой*, *Савой и Дунаемъ* и горами *Рудник* и *Црни врх*, указанный діалектъ находится только въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя являются самыми старинными.

---

1) Сравни Archiv Ягича XVI, стр. 132 и д.

Такія поселенія, которыя тоже не автохтонны, относятся, по крайней мѣрѣ, къ XVIII в., хотя многія изъ нихъ сложились и раньше этого времени. Но это здѣсь насъ не касается. Главное то, что представители этого наслоенія, которые, такимъ образомъ, являются и относительными автохтонами въ Шумадіи, говорятъ именно шумадійскимъ (кановачскимъ) говоромъ. Но такъ какъ такихъ поселеній въ теперешней Шумадіи мало, а въ теченіе прошлаго, а отчасти и позапрошлаго столѣтія, колонисты нахлынули въ Шумадію со всѣхъ сторонъ, а, въ особенности, изъ восточной Сербіи, то Шумадія утратила кановачскій типъ говора, какъ господствующій. Онъ разбитъ и разрозненъ, являясь теперь говоромъ отдѣльныхъ деревень и уступая все больше другимъ діалектическимъ типамъ, еще не вполнѣ сформировавшимся и представляющимъ смѣшеніе языка различныхъ пришлецовъ съ основнымъ, шумадійскимъ типомъ. Вотъ почему я считаю болѣе умѣстнымъ называть этотъ діалектическій типъ *шумадійскимъ*, чѣмъ кановачскимъ (соотвѣтственно выговору *као оно* = ка́но — *какъ оно* (*то*), не имѣющему ничего общаго съ другими чертами этого говора). У всего населенія старой Шумадіи есть преданіе, что оно пришло съ юга, изъ Старой Сербіи. Разборъ его чертъ, какъ увидимъ ниже, подтверждаетъ это, но вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ намъ и исправить въ нѣкоторомъ отношеніи такое преданіе: колонизаторы, несомнѣнно, застали въ старой Шумадіи представителей центральнаго говора. Взаимное смѣшеніе ихъ языковъ и сдѣлало возможнымъ появленіе среди представителей центральнаго говора новыхъ діалектическихъ чертъ такого характера, какой имѣютъ черты его шумадійскаго діалектическаго типа.

Онѣ развиваются, главнымъ образомъ, какъ это указано уже у Дьордьевича, въ двухъ направленіяхъ: а) по отношенію къ ударенію и б) по отношенію къ морфологіи. И въ томъ и другомъ отношеніяхъ онѣ кажутся самобытными, хотя, на самомъ дѣлѣ, оказываются далеко не таковыми.

По отношенію къ ударенію не трудно усмотрѣть нѣкоторую связь этого говора съ левачскимъ или косовскимъ. Особенность этого говора заключается въ томъ, что *краткое восходящее удареніе во второмъ слогѣ отъ конца, когда конечный слогъ не долгій, переходитъ въ долгое восходящее*; напр.: *А́врам*, *ма́гла*, *о́тац*, *о́до*, *близи́на*, *мили́на*, *плани́на* и т. д.

Это могло бы казаться ритмическимъ явленіемъ, для котораго, быть можетъ, кто-нибудь придумалъ бы и объясненіе, но мнѣ кажется, что, если привлечь къ дѣлу косовскій діалектъ, то все это намъ представится въ совершенно другомъ свѣтѣ. Я указалъ выше, что въ косовскомъ діалектѣ перенесеніе стараго ударенія бываетъ только съ *конечнаго краткаго* слога на предшествующій, и что въ такомъ случаѣ отчасти получается (и въ краткихъ слогахъ) долгое восходящее удареніе. Если предположимъ, что при-

шельцы оттуда принесли съ собой такое явленіе, то станетъ яснымъ, отчего оно получается только тогда, когда не имѣлось долготы въ конечныхъ слогахъ, — ибо тогда въ косовско-ресавскомъ говорѣ удареніе и не переносилось, а точно такъ же, что въ данномъ случаѣ очень важно, отчего нѣтъ указаннаго удлиненія, напр., въ третьемъ слогѣ отъ конца. Такимъ образомъ, если мы положимъ въ основу этого говора (— на это, вѣдь, мы имѣемъ полное право) центральный діалектическій типъ и если согласимся, что колонизаторы съ юга принесли съ собой перенесенное удареніе только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ являлось удлиненіе, то связь между этими явленіями будетъ несомнѣнна даже въ томъ случаѣ, если предположимъ, что указанное перенесенное удареніе само по себѣ и не было полудолгимъ. Вѣдь, нужно имѣть въ виду, что во всѣхъ другихъ случаяхъ краткое удареніе говора этихъ колонизаторовъ по мѣсту отличалось отъ ударенія туземнаго говора, и только въ этомъ случаѣ оно совпадало по мѣсту, и такъ какъ въ языкѣ туземцевъ оно могло показаться этимъ пришельцамъ болѣе долгимъ, чѣмъ ихъ собственное удареніе, то они, при безсознательномъ, конечно, воспроизведеніи его, могли начать произносить его болѣе протяжно, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Новыя морфологическія черты заключаются въ слѣдующемъ: въ мѣстоименномъ и сложномъ склоненіи въ дательномъ и мѣстномъ падежахъ ед. ч. имѣется окончаніе *ӣм* вм. *ом*, *ем*: *мо̀ӣм сӣну*, *двим чове́ку*, *у на̏шим о̀кругу*, *у јѐднӣм ду̏кату*, *на сло̀ве̄нским језику* и т. д. И это явленіе, появившееся на территоріи центральнаго говора, знавшаго уже въ это время и вм. е (ѣ) во многихъ окончаніяхъ, будетъ намъ вполнѣ понятно и ясно только тогда, когда мы предположимъ косовско-ресавскую *основу* для развитія *этихъ чертъ*. Правда, можно было бы сказать, что *и* изъ формъ какъ *ваших*, *вашима*, *вашим* (род. дат. тв. мн. тв. ед.) проникло и въ формы *вашему*, *вашем* (дат. мѣст. ед.) по аналогіи множеств. числа, въ которомъ оно (*и*) имѣется въ указанныхъ падежахъ; но, хотя это и возможно, все-таки непонятно, отчего это не совершилось и въ другихъ подобныхъ говорахъ. Если же предположимъ, что новые переселенцы съ юга приносили формы съ е (ѣ), то въ ихъ говорѣ могло получиться сначала: *тех—тих*, (форма центральнаго говора), *тем — тим*, *тема — тима*; соотвѣтственно этому и въ формахъ *вашем(у)*, *мојем(у)* и т. д. получилось и *вашим*, *мојим*. Разъ *и* получилось въ нѣкоторыхъ формахъ мѣстоимѣній, такъ что дательный падежъ равнялся творительному, а во всѣхъ падежахъ множ. числа и у другихъ мѣст. имѣлось *и*, какъ и у тѣхъ, то и у мѣстоимѣній и прилагательныхъ, которыя въ указанныхъ падежахъ единст. числа имѣли *ом*, а во множественномъ *и* получено и въ этихъ падежахъ: *тим*, *добрим* вм. *том*, *добром* въ дат. и мѣст. п. единств. ч. Подъ вліяніемъ тожества формъ дат. и

творит. ед. и мн. чиселъ мѣст. и прилаг. муж. рода и дат. и творит. мн. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій жен. рода (собственно въ этихъ падежахъ прил. и мѣстоим. имѣютъ всего одну форму) получилось и уравненіе формы дательн. (мѣстн.) и творительнаго падежей женскаго рода: *том жени*, *мојом сестри*, *у том кући*, *том женом*, *мојом сестром* и под. Это явленіе входитъ, правда, въ характерныя черты этого говора, но для насъ большого значенія не имѣетъ. *Шумадійскій* говоръ, такимъ образомъ, еще разъ доказываетъ, что колонизація съ юга или, скорѣе съ востока постоянно продолжалась, и еще разъ подтверждаетъ нашу гипотезу о происхожденіи и центральныхъ говоровъ. Не слѣдуетъ только думать, что я считаю этотъ діалектъ (шумадійскій) чѣмъ-то древнимъ[1]), явившимся чуть ли не подъ вліяніемъ первыхъ колонизаторовъ съ юга; напротивъ, мнѣ кажется, что онъ образовался въ теченіе долгаго времени послѣ того, какъ получился центральный говоръ подъ вліяніемъ новыхъ переселенцевъ оттуда. Какъ центральный говоръ былъ полученъ, благодаря встрѣчѣ, столкновенію екавско-икавскихъ говоровъ съ экавскими (замѣтимъ, что все, что̀ выше сказано объ отношеніяхъ екавскаго говора въ Сербіи къ экавскому, относится и къ икавскимъ діалектамъ), точно такъ же полученъ и шумадійскій говоръ, благодаря смѣшенію ресавско-косовскаго діалекта съ центральнымъ. Это всего лучше видно на картѣ. Какъ левачскій діалектъ окружаетъ шумадійскій съ востока и отчасти съ юга, точно такъ же съ другой стороны его окружаетъ екавско-икавскій говоръ. Такъ какъ оба этихъ говора (и косовскій и екавско-икавскій) представляютъ чистые, послѣдовательные діалектическіе типы, а шумадійско-сремскій діалектъ раздѣляетъ свои черты и съ тѣмъ и съ другимъ говоромъ, находясь на ихъ границѣ, то ясно, что онъ и появился, благодаря только ихъ смѣшенію. То же самое, только по отношенію къ косовскому и центральному говорамъ, слѣдуетъ сказать и о шумадійскомъ діалектическомъ типѣ.

Такимъ образомъ, являются двѣ полосы въ центральномъ говорѣ Сербіи: одна — крагуевачско-дунайская и другая — вальевско-савская, занимающая пространство между Савой и Дриной. По отношенію къ послѣдней замѣчаются нѣкоторыя архаическія черты, напр., сохраненіе долготы (или, по крайней мѣрѣ, полудолготы) въ конечныхъ слогахъ, слѣды икавскаго произношенія ѣ, и при томъ не только вдоль Дрины, какъ это отмѣтилъ Гиртъ въ своемъ отчетѣ[2]), что̀, впрочемъ, было извѣстно и рань-

1) Какъ, по видимому, П. Дьордьевичъ, op. cit. Черты, на основаніи которыхъ онъ думаетъ это доказать, слѣдуетъ иначе объяснять, чѣмъ онъ.

2) Vorl. Berichte der Balkan-Commission (Wien 1900), 55 sq. Теперь вышло въ свѣтъ и небольшое изслѣдованіе Гирта (*Der ikavische Dialekt im Königreich Serbien* въ Sitzungsberichte der K. K. Akad. d. Wiss. in Wien Phil. Hist. Kl. B. CXLVI), въ которомъ, немного новаго, освѣщающаго вопросъ объ употребленіи этихъ чертъ съ научной точки зрѣнія.

ше его поѣздки туда, но и на правомъ берегу Савы, въ деревняхъ, удаленныхъ отъ Бѣлграда на 2—3 часа ѣзды (Баричъ, Моштаница, Мислодьинъ и др.). Эта полоса, въ общемъ, захватила и Сремъ, хотя небольшія различія между ихъ говорами все-таки существуютъ. Остаются еще діалекты Бачки и Баната[1]). Діалекты Бачки и Баната заключаютъ въ себѣ массу интереснѣйшихъ чертъ; ихъ вокализмъ очень разнообразенъ и отличается отъ вокализма всѣхъ другихъ сербскихъ діалектовъ, который представляетъ очень простые и легко опредѣлимые звуки. Какъ бы они ни были интересны, я все таки на нихъ не буду останавливаться: изслѣдованій о нихъ все еще нѣтъ, а я самъ еще не успѣлъ, какъ слѣдуетъ, познакомиться съ ними. Несомнѣнно, что они отличаются отъ сремскаго діалекта; но есть ли въ нихъ что-нибудь такое, что̀ ихъ объединяетъ въ одно цѣлое, или нѣтъ, — объ этомъ я также ничего не могу сказать. Во всякомъ случаѣ въ нихъ тоже сказывается центральный діалектъ, хотя въ немъ остались кое-какія и старыя черты, роднящія ихъ съ косовско-ресавскимъ діалектомъ и указывающихъ на ихъ происхожденіе съ юга.

Такимъ образомъ, мы установили слѣдующіе типы центральныхъ говоровъ: *шумадійскій и сремскій.*

VI.

Зетско-боснійскіе говоры. Екавскіе говоры изслѣдованы меньше остальныхъ потому, что языкъ Вука Караджича служилъ образцомъ и какъ бы лучшимъ описаніемъ этихъ говоровъ. Только въ послѣднее время, благодаря нѣкоторымъ разногласіямъ (Маретичъ, Решетаръ), начали изслѣдовать ихъ въ ихъ совокупности, при чемъ эта работа еще далеко не закончена и не дала большихъ результатовъ. Решетаръ, правда, попытался свести всѣ екавскіе говоры въ нѣсколько группъ, соотвѣтственно ихъ ударенію (Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten, 13 sqq), но я думаю, что эта его попытка преждевременна. Вѣдь, для того, чтобы различныя эпохи (полосы) развитія «сербо-хорватскаго» ударенія привести въ

1) Здѣсь я не говорю о сѣверныхъ границахъ шумадійско-сремскаго говора въ Бачкѣ и Банатѣ потому, что онѣ не являются естественными, и что я тутъ не могу ничего больше сказать, чѣмъ это показано на картѣ. Ибо я работалъ по указаніямъ, которыя даетъ *Павелъ Балогъ* въ своемъ изслѣдованіи о національностяхъ въ Венгріи, составленномъ на основаніи статистическихъ данныхъ и по графическимъ представленіямъ, которыя онъ прилагаетъ къ своей работѣ (A népfajok Magyarországon, irta Balogh Pál-mellékletekkel: ket szinezett tábla, hét térkép és tizenhárom vázlat. Budapest, kiadja a m. kir. vallás—és közoktatásügyi ministerium 1902; срав. объ этой работѣ и о неточностяхъ, которыя въ картѣ исправлены, *Лет. Мат. Српске* кн. 222, 75 и д.). На основаніи этихъ данныхъ представлено мною и сербское народонаселеніе въ *Бараньѣ.* Кромѣ того, всѣ эти данныя провѣрены и дополнены мною матеріаломъ, заключающимся въ *Шематизам источно-православне српске митрополије Карловачке за 1900 год.* приредио Протојереј *Димитрије Руварац* (Ср. Карловци 1900).

причинную или временную связь, для этого нужно, чтобы эти діалекты представляли *однородное, органическое цѣлое*. Слѣдовательно, раньше сопоставленія ударенія различныхъ говоровъ Босніи, Герцеговины и Далмаціи для установленія ихъ внутреннихъ отношеній, слѣдовало изслѣдовать представителей различныхъ говоровъ этихъ земель, какъ отдѣльныя единицы по отношенію ко всѣмъ чертамъ ихъ говора, по отношенію къ ихъ происхожденію и осѣдлости въ данной мѣстности; ибо зная, что въ западной Босніи, Герцеговинѣ и Далмаціи скрещивались когда-то два различныхъ сербскихъ діалекта — чакавско-икавскій и штокавско-екавскій, можно было ожидать слѣды ихъ смѣшенія въ различныхъ мѣстностяхъ этихъ территорій. *Решетаръ*, предчувствуя, быть можетъ, такого рода замѣчаніе, говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего изслѣдованія (стр. 24), что народонаселеніе сѣверной части сербской земли (около Савы), съ старымъ удареніемъ, представляетъ старое населеніе. Но не въ этомъ вопросъ. Можетъ быть, населеніе и очень старое и опять-таки не представляетъ ничего, находящагося въ органической связи съ населеніемъ, которое тамъ теперь говоритъ екавскимъ нарѣчіемъ. По отношенію къ населенію Босніи и Герцеговины онъ не задается и этимъ вопросомъ. Поэтому я сначала намѣчу границы екавскихъ говоровъ, потомъ укажу на ихъ главнѣйшія проблеммы и снова вернусь къ очень интересной и поучительной работѣ Решетара. Впрочемъ, и то, что̀ мы теперь знаемъ о черногорскихъ говорахъ и діалектическихъ границахъ ихъ — знаемъ изъ діалектическихъ замѣтокъ того же Решетара. (Ср. Vorl. Ber. der Balkan-Commission, 10 sqq., 50 sqq. и op. cit. 21 sqq.).

И въ екавскомъ діалектѣ, точно такъ же какъ и въ экавскомъ, мы должны различать два діалекта, которые, впрочемъ, такъ мало отличаются одинъ отъ другого, что едва заслуживаютъ названіе діалекта. Они представляютъ, собственно, двѣ эпохи въ развитіи этихъ діалектовъ, такъ что разница между ними ни по времени ни по діалектическимъ чертамъ не такова, какой она является въ различныхъ экавскихъ діалектахъ.

По тѣмъ скуднымъ даннымъ, которыя у насъ подъ руками[1]), можно слѣдующимъ образомъ охарактеризовать указанныя діалектическія группы.

I. Болѣе архаическая часть екавскихъ діалектовъ занимаетъ пространство, которое съ восточной стороны отдѣляетъ отъ косовскаго говора рѣка *Ибар* всѣмъ своимъ теченіемъ до *Мокрой Горы* и города *Пеħ*. Оттуда граница идетъ горой *Проклетія*, насколько между ней и Черногоріей сохранилось сербское народонаселеніе; затѣмъ она направляется къ *Скадарскому озеру* мѣстностями, прилегающими къ черногорской границѣ. На сѣ-

1) Ср. то, что о нихъ говоритъ Вукъ Караджичъ (Скупљени гр. и пол. сп. III 3 sqq.), И. Брозъ (Nast. Vjest. I 64—68), Решетаръ (l. c.), Л. Зоре (*Slovinac* 1879, 199).

верѣ она достигаетъ границы Сербіи, собственно, горъ, на ней находящихся. Западную границу не такъ легко опредѣлить. Въ Новопазарскомъ санджакѣ она, приблизительно, доходитъ до линіи, связывающей *Сјеницу* съ *Брсково-мъ* на черногорской границѣ. Въ Черногоріи эта граница проходитъ мимо *Колашина*, *Морачи*, занимаетъ *Пјешивци* и направляется къ *Никшић-у*. Оттуда мимо *Рудине* и *Грахово* спускается въ *Боку которскую* по направленію къ *Котору*. Все, что находится на востокъ отъ этой границы, принадлежитъ къ первой группѣ екавскихъ говоровъ. Ихъ всего лучше назвать *зетско-сѣничскими* или, проще, *зетскими*. Если согласимся въ томъ, что характерная черта ихъ — архаичность, то въ такомъ случаѣ самыми типичными говорами являются тѣ, которые находятся въ древней Зетѣ. Вообще, чѣмъ какой-нибудь діалектъ изъ этой группы говоровъ восточнѣе и южнѣе, тѣмъ онъ и архаичнѣе. Самыми интересными въ этомъ отношеніи являются говоры *Краины*, *Црмницы*, *Рѣчской нахіи*, *Катунской* нах. и др., находящихся на самомъ югѣ. Въ нихъ находимъ глухой гласный, который ученые описываютъ различно, находимъ *x* и др. Самыя же древнія черты удареній находимъ въ плем. *Васојевићи*, одномъ изъ самыхъ восточныхъ племенъ черногорскихъ. Черта, связывающая всѣ эти говоры, — удареніе. Оно или сохраняетъ всегда свое старое мѣсто (Васојевићи) или же переносится съ конечнаго слога на предшествующій, если оно краткое. Если оно не краткое, оно никогда не переносится. Въ этомъ указанные діалекты сходятся съ діалектами косовско-ресавскими, хотя способъ, которымъ совершается указанное перенесеніе ударенія и качество перенесенныхъ удареній не совпадаетъ у нихъ вполнѣ съ тѣмъ, что̀ мы находимъ въ подобныхъ случаяхъ въ другихъ говорахъ. Тутъ замѣчается стремленіе замѣщать всѣ восходящія ударенія нисходящими, а такъ какъ всѣ восходящія ударенія по происхожденію новыя, то, значитъ, есть стремленіе всѣ новыя ударенія замѣнять старыми. Этотъ принципъ Решетаръ кладетъ въ основу дѣленія зетскихъ діалектовъ на болѣе мелкія группы. Но такъ какъ въ нѣкоторыхъ діалектахъ (*Кучи*, *Братоножићи*, *Пипери*) сохраняются оба типа удареній, въ особенности, на долгихъ слогахъ, а по отношенію къ краинскому и др. діалектамъ къ указанному принципу примѣшивается и другой, морфологическій (перенесеніе нисходящаго ударенія на случаи, въ которыхъ оно фонетически не должно было бы находиться), и такъ какъ намъ пока неизвѣстны внутреннія отношенія самихъ представителей этихъ діалектовъ однихъ къ другимъ, то мы пока должны довольствоваться констатированіемъ факта, что параллельно съ употребленіемъ глухого идетъ и указанное измѣненіе качества ударенія.

Въ группѣ діалектовъ, распространяющейся отъ плем. Васојевићи по направленію къ Сѣницѣ, мы уже не находимъ указаннаго стремленія, сказы-

вающагося въ измѣненіи качества ударенія, и уже вовсе нѣтъ глухихъ и другихъ особенностей, хотя все-таки указанное передвиженіе краткаго ударенія съ конечнаго гласнаго на предшествующій слогъ можно констатировать и тутъ.

Но всѣ эти діалекты тѣмъ не менѣе діалекты екавскіе. Эта ихъ особенность (судьба ѣ) показываетъ, что отношенія между различными діалектами Черногоріи не были всегда таковыми, каковы они теперь или какими были нѣсколько раньше. Уже и то обстоятельство, что нѣкоторыя части современной Черногоріи только съ 1878 года начали образовывать одно политическое цѣлое съ ней, а въ этихъ краяхъ Черногоріи говорятъ исключительно младшимъ екавскимъ говоромъ, показываетъ, что между различными діалектами Черногоріи долгое время могли быть и искусственныя границы, которыя также, съ своей стороны, могли способствовать тому, чтобы мѣнялись связи и сношенія между различными частями теперешней черногорской территоріи, а въ зависимости отъ нихъ — и распространеніе различныхъ діалектическихъ чертъ. Поэтому и по отношенію къ народонаселенію и распространенію старыхъ племенъ могли быть въ XIII—XV вѣкахъ другія условія, которыя сдѣлали возможнымъ распространеніе екавизма въ это время во всѣхъ этихъ діалектахъ.

Къ черногорскимъ діалектамъ очень близко примыкаютъ діалекты Боки Которской (Bocca di Cattaro). Бухта которская самая типичная и до нѣкоторой степени самостоятельная въ этомъ отношеніи, хотя и она, тѣмъ не менѣе, не представляетъ органическаго цѣлаго, ибо въ нѣкоторыхъ ея поселеніяхъ живутъ издревле католики, которые на территоріи зетско-боснійскаго діалекта по говору обыкновенно различаются отъ православныхъ. Поэтому и здѣсь одна, сѣверо-западная, часть (бухты) принадлежитъ младшему екавскому говору, другая же, юго-восточная, старшему (зетскому). Удареніе и нѣкоторыя другія особенности которскаго діалекта отличаются отъ подобныхъ особенностей сосѣднихъ екавскихъ говоровъ, такъ что его архаичность объясняли происхожденіемъ самихъ представителей бухты и ихъ болѣе или менѣе замкнутой жизнью, благодаря ихъ принадлежности къ другому вѣроисповѣданію.

Быть можетъ, это и на самомъ дѣлѣ послѣдніе остатки давно вымершихъ, первоначальныхъ жителей Боки, медленно вытѣсненныхъ и выродившихся поселянъ морского прибрежія, благодаря наплыву колонизаторовъ съ герцеговинскихъ и черногорскихъ горъ.

Ихъ удареніе старое, въ общемъ, не знающее перемѣны мѣста, такъ что Решетаръ и называетъ его самымъ древнимъ штокавскимъ удареніемъ, совпадающимъ съ чакавскимъ, и сопоставляетъ его, какъ таковое, съ удареніемъ остальныхъ штокавскихъ діалектовъ. Впрочемъ, объ этомъ см. ниже.

II. Остальная часть болѣе новыхъ, прогрессивныхъ екавскихъ говоровъ является лишь въ рѣдкихъ случаяхъ въ совершенно чистомъ видѣ: они очень часто смѣшиваются съ діалектами, въ которыхъ *ѣ* выговаривается, какъ *и*. Сначала я укажу границу, общую и икавскимъ и екавскимъ штокавскимъ говорамъ, потому что они часто находятся въ смѣшеніи не только на небольшомъ пространствѣ одной области, но и въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, а потомъ я буду говорить объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и значеніи штокавскихъ икавскихъ говоровъ вообще.

Восточной границей екавскаго діалекта въ юго-западной части Сербіи является рѣка *Ибаръ (Ибар)* вплоть до *Краљева* (Краљево). Оттуда она идетъ хребтами горъ, отдѣляющихъ притоки *западной Моравы*, съ одной, а *Гружи*, съ другой стороны. Этимъ опредѣляется граница указаннаго говора вплоть до горы *Рудникъ*. Оттуда она поварачиваетъ на западъ и охватываетъ всю горную западную Сербію, граничащую слѣдующими горами: Сувобор, Маљен, Медведник, Влашић, Цер и Видојевица. Тутъ граница спускается къ рѣкѣ Дрину и направляется вдоль ея теченія до р. Савы[1]).

Дальше на сѣверъ слѣдуетъ опредѣлить границу этого говора въ Сремѣ и Славоніи, что̀ не очень трудно сдѣлать, ибо она опредѣляется приблизительно ихъ политическо-административной границей. Она идетъ, опять-таки въ общихъ чертахъ, по рѣкѣ *Босуту* отъ впаденія Дрины въ Саву до гор. *Винковци* и по линіи между Винковцами и *Осѣкомъ* (Осјек). Насколько граница идетъ сѣвернѣе Дравы, это опредѣляется границами сербскаго яз. въ *Баранѣ*, находящейся между Дунаемъ и Дравой. Эту границу съ точностью опредѣлить трудно потому, что въ первоначальную, сплошную массу жителей Бараньи вошло много чужихъ (мадьярскихъ) элементовъ, разбившихъ ее на мелкія части, сохраняющія кое-гдѣ еще довольно хорошо родной языкъ. Онѣ обозначены на картѣ большими и меньшими окрашенными полями, причемъ католики не отдѣлены отъ православныхъ. Все, что̀ ниже говорится о діалектѣ восточной части Славоніи и Босніи и Герцеговины вообще — относится и къ здѣшнему народонаселенію.

Граница идетъ дальше Дравой прямо на западъ вплоть до мѣстности, въ которой сходятся кайкавскіе говоры съ штокавскими. Эту границу проф. Решетаръ[2]) опредѣляетъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ Балканской коммиссіи слѣдующимъ образомъ. Приблизительно около мѣстечка *Базья*

---

1) Эту границу далъ впервые Милићевић (*Кнежевина Србија* у Беогр. 1876, стр. 571). Она точна только въ общихъ чертахъ.

2) Vorl. Berichte der Balkan-Commission. IX. Vorläufiger Bericht über eine zur Erforschung der Dialectgrenzen in Kroatien und Slavonien unternommene Reise von D-r Milan Rešetar, s. 61 sqq.

(Базье) уже начинается кайкавскій діалектъ. Оттуда граница идетъ чрезъ Вировитницу, Даруваръ въ Пакрацъ. Изъ Пакраца она идетъ ломанной линіей прямо на западъ по направленію къ мѣстечку *Лонъ* на рѣкѣ Савѣ, при чемъ во многихъ мѣстностяхъ къ сѣверу отъ этой границы находятся оштокавленные кайкавцы. Граница идетъ и дальше прямо на западъ рѣкой Савой до гор. *Сисак*, а оттуда рѣкой *Купой* до *Карловаца*. Карловацъ — одна изъ послѣднихъ точекъ, въ которой штокавскій діалектъ соприкасается съ кайкавскимъ. Дальше на западъ можно говорить только о границѣ кайкавскаго и чакавскаго говоровъ, о чемъ уже была рѣчь. Территорія къ западу и сѣверу отъ обозначенной линіи въ общихъ чертахъ кайкавская, хотя есть и цѣлые уѣзды, которые теперь уже не представляютъ кайкавскаго діалекта, а штокавскій. Таковъ почти весь, напр., *беловарскій уѣздъ*, таковъ и *вараждинскій*, хотя и по отношенію къ тому и другому несомнѣнно, что штокавское народонаселеніе новое, а старымъ, основнымъ населеніемъ было кайкавское. Западная граница штокавскихъ діалектовъ опредѣляется восточной границей чакавскаго діалекта въ средней и южной Хорватіи. Діалектическая граница тутъ еще менѣе устойчива, чѣмъ по отношенію къ кайкавцамъ, но все-таки и тутъ можно въ общихъ чертахъ опредѣлить ее ломанной линіей *Карловац*, *Генералски сто*, *Тржић*, *Плашки*, *Синац*, *Лешће* и *Оењ*. Правда, и къ западу отъ этой линіи есть мѣстности, въ которыхъ живутъ штокавскіе колонисты: *Мркопаљ*, *Лич* и *Загон*, совершенно теряющіеся въ значительномъ большинствѣ остальныхъ нештокавцевъ, которые, какъ извѣстно, отнюдь не принадлежатъ къ кайкавцамъ, которые также и тутъ встрѣчаются, чакавцы.

Такимъ образомъ, территоторія икавско-екавскаго нарѣчія или, какъ я называю, зетско-боснійскаго представляетъ ограниченное пространство. На далматинскомъ прибрежіи, прилегающемъ непосредственно къ морю, около самыхъ большихъ далматинскихъ городовъ Сплита, Шибеника и Задара на сѣверъ до подошвы горы Велебитъ, какъ мною указано выше, не мало мѣстностей (деревень), въ которыхъ говорятъ по-чакавски.

Остальная часть народонаселенія указаннаго пространства говоритъ по-*екавско-икавски*, т. е. екавски или икавски, при чемъ тутъ слѣдуетъ имѣть въ виду то, что представители этого говора не представляютъ сплошной массы, говорящей то по икавски, то по екавски, а что *икавцы* всегда *католики* и *магометане*, а *екавцы* преимущественно *православные*. Преимущественно потому, что въ нѣкоторыхъ концахъ Босніи и Герцеговины и ма-

---

1) Ср. въ этомъ отношеніи все еще лучшее изслѣдованіе М. Решетара Die Čakavština und deren einstige und jetzige Grenzen Ягичевъ *Archiv* XIII 93 и д. 161 sq. 361 sq. Для этого вопроса ср. стр. 176 и д. и выше гл. II.

гометане-екавцы, что въ Хорватіи и католики къ востоку отъ указанной границы, а въ Славоніи около Бѣловара, говорятъ также по-екавски и под.

Поэтому указанное отношеніе различныхъ вѣроисповѣданій къ употребленію *и* или *е* вм. *ѣ* не вездѣ одинаково. Оно сказывается особенно ярко въ ниже очерченной полосѣ, которая охватываетъ часть Далмаціи, большую часть Босніи и Герцеговины и восточную половину Славоніи. Конечно, оно находится, только въ меньшихъ размѣрахъ, и въ Хорватіи, Ликѣ и Крбавѣ.

Восточная граница ея на самомъ югѣ начинается съ устья Неретвы, идетъ вверхъ по теченію этой рѣки вплоть до мѣста, гдѣ въ нее впадаетъ *Трстеница*, оттуда идетъ *Трстеницей* до мѣстечка *Брзани*; потомъ, мимо горъ *Бјелашница* и *Игман* съ правой и *Битовња* съ лѣвой стороны, направляется прямо къ Сараеву. Оттуда продолжаетъ идти въ томъ же направленіи между *Романіей* (горой) съ восточной, и *Озреномъ* съ западной стороны, до рѣчки *Біоштицы*, затѣмъ ея теченіемъ до мѣстечка *Олова*. Оттуда идетъ мимо вѣтвей слѣдующихъ горъ: *Звијезда*, *Јежевац* и *Коњух* съ западной и *Височник*, *Явор* и *Яворник* съ восточной стороны. Оттуда идетъ мимо *Спречко поље*, поворачивая къ сѣверо-западу въ нижнюю Тузлу (*Доња Тузла*). Оттуда направляется также на сѣверъ и сѣв.-западъ, обходя гору *Маевицу* и *Вјетерник* до рѣки *Брки*. Теченіемъ этой рѣчки спускается въ Брку на берегу Савы.

Болѣе естественною является западная граница. Въ Далмаціи она опредѣляется теченіемъ рѣки Цетины отъ *Сињ-а* до Адріатическаго моря. Отъ Сињ-а граница пробирается сквозь Динарскія горы по направленію къ *Ливно*. Оттуда она идетъ между горами *Кругъ* и *Чинчеръ*, съ восточной, и *Гламочскимъ полемъ* и горой *Крбљина*, съ западной стороны. Потомъ она направляется къ горѣ *Круњац*, откуда поворачиваетъ на сѣверо-западъ хребтами слѣдующихъ горъ: *Витороі*, *Чардак* и *Црна Гора*. Тутъ она измѣняетъ свое направленіе, слѣдуя на сѣверо-востокъ по изгибу горъ, занимающихъ *Рибникъ* до мѣстечка *Ключъ*. Оттуда граница идетъ къ подошвѣ — съ восточной стороны — горы Грметь (Грмећ). Потомъ направляется на сѣверо-западъ ломанной линіей, проходя, приблизительно, чрезъ слѣдующія мѣстности: *Саницу*, *Іелашиновци*, *Дабар*, *Напреље* до горы *Црквина*. Оттуда идетъ, мимо горы Майданъ, верхнимъ и среднимъ теченіемъ р. Япры и переходитъ оттуда къ городу *Нови*. Изъ г. *Нови* идетъ *Уной* до мѣста, гдѣ она впадаетъ въ *Купу*.

На территоріи, приблизительно отмѣченной выше, можно въ дѣйствительности усмотрѣть указанное различіе: православные — екавцы, остальные — икавцы. Къ востоку отъ этой территоріи въ Босніи

и Герцеговинѣ всѣ — екавцы [1]), къ западу же — преимущественно икавцы.

По отношенію къ Славоніи несомнѣнно то, что и тамъ католики — главнымъ образомъ икавцы, а православные — екавцы. Это же самое относится и къ той части Хорватіи, которая находится между западной политической границей Босніи и указанной линіей, отдѣляющей чакавцевъ отъ штокавцевъ. Такъ какъ, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній, я не могъ графически хорошо представить на картѣ, гдѣ здѣсь и въ указанной полосѣ Босніи и Герцеговинѣ находятся православные, то для того, чтобы дать хотя-бы самое общее представленіе объ ихъ численномъ отношеніи, приведу по *окружьямъ* [2]) статистическія данныя, на которыя, въ общемъ, можно положиться. Въ 1895 году въ Босніи и Герцеговинѣ было всего 673,246 православныхъ, 548,632 магометанъ и 334,142 католиковъ. Всѣ главныя боснійско-герцеговинскія окружья занимаютъ различныя части указанной полосы, такъ что большинство католиковъ и магометанъ и помѣщается тутъ. Получаются слѣдующія процентныя отношенія: въ *сараевскомъ* окружьѣ: 49.09% магом., 31.96% прав., 16.70 католиковъ; въ *баньялучскомъ*: 22.16% — 59.79% — 18.06%; въ *бихачскомъ*: 42.62% — 52.72% — 4.54%; въ *доньотузланскомъ*: 43.39% — 42.02% — 13.68%; въ *травничскомъ*: 29.14% — 32.68% — 37.71%; въ *мостарскомъ*: 25.57% — 34.12% — 40.18% (ср. op. cit. стр. XXVI—XXVIII). По отношенію къ Славоніи, Бараньѣ, Ликѣ, Крбавѣ, Приморью и Хорватской краинѣ у насъ имѣются еще менѣе точныя свѣдѣнія. Намъ придется довольствоваться здѣсь тѣмъ опредѣленіемъ, которое даютъ оффиціальныя данныя хорватской статистики. Конечно, онѣ далеко не всегда точны. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду и то, что жупаніи въ Славоніи не совпадаютъ съ той границей, которую мы отвели штокавскому діалекту въ Славоніи. Въ Бараньѣ 12,739 сербовъ (немного больше хорватовъ), въ *вировитничской*

---

1) Правда, по замѣчаніямъ Д. Шурмина о герцеговинскихъ говорахъ (Nast. Vjestnik III 164 sqq.), казалось бы, что и на востокъ отъ указанной границы кое-гдѣ говорятъ по-икавски (отъ *Фочи* до *Гацкаго поля* и т. д.), но его матеріалъ не надеженъ, ибо онъ изслѣдовалъ только народныя произведенія, нпр. пѣсни, сказки, и т. подобн. Кромѣ того, наличность *и* вм. *ѣ* констатирована и въ предѣлахъ нынѣшней Сербіи, а именно, въ непосредственной близости съ екавскимъ діалектомъ, на правомъ берегу Дрины, въ деревняхъ около Любовіи (ср. *Миличевича* Кнежевина Србија 571 стр.). Гиртъ, который было задался спеціальной цѣлью изслѣдовать икавизмъ западной Сербіи, понялъ свою задачу (какъ это видно по его отчету V. B. III и указанному труду) слишкомъ узко, такъ что и послѣ его работы это явленіе остается невыясненнымъ. Мнѣ извѣстно, что остатки отъ икавизма доходятъ, въ особенности вдоль Савы, до р. Колубары. Пока трудно сказать объ этомъ что-нибудь болѣе достовѣрное. Ср. выше.

2) Для Босніи и Герцеговины я воспользовался данными *Главни резултати пописа житељства у Босни и Херцеговини од 22 Априла* 1895 г. Сарајево 1896, для остальныхъ областей *Ungarisches statistisches Jahrbuch.* Neue Folge IX 1901. Budapest 1902.

жупаніи 39,978 сербовъ и 106,241 хорватовъ, при чемъ тутъ, кромѣ кайкавцевъ, къ хорватамъ причислены и всѣ икавцы (католики); въ *бѣловарской* жупаніи отмѣчено 44,154 серба, а въ *вараждинской* — только 2,219. Въ *Ликѣ* и *Крбавѣ*, въ болѣе широкомъ смыслѣ ихъ географическихъ названій, отмѣчено 107,173 серба и 100,648 хорватовъ, но тутъ включены и икавцы-штокавцы католики и икавцы-чакавцы, которыхъ тутъ также немало. Если эти цифры и не даютъ настоящаго представленія о размѣщеніи указанныхъ разновидностей екавско-икавскаго діалекта, онѣ все-таки даютъ намъ хоть нѣкоторое представленіе о численности екавскаго говора въ указанныхъ странахъ и его отношеніи къ икавскому штокавскому говору.

Первый вопросъ, который можетъ представиться при разсмотрѣніи этихъ діалектовъ, это именно вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находятся эти діалекты другъ къ другу; два ли это различныхъ діалекта или двѣ разновидности одного и того же говора? Какимъ образомъ сложилось такое, на первый взглядъ, искусственное различіе между близкими представителями, несомнѣнно, одной національности, еще болѣе искусственно связанное съ различными вѣроисповѣданіями? Несомнѣнно, что эти вѣроисповѣданія не создали его, а что ихъ связь съ нимъ не случайная — это также внѣ всякаго сомнѣнія.

Обыкновенно разница между икавскимъ и екавскимъ діалектомъ въ Босніи и Герцеговинѣ обозначается очень поверхностно[1]), общими замѣчаніями о томъ, гдѣ ставится вм. *ѣ*—*и*. Кажется, что большинство болѣе или менѣе серьезныхъ изслѣдователей считаетъ эти діалекты собственно видоизмѣненіями одного и того же говора. Даже и такой изслѣдователь сербскихъ діалектовъ, какъ Решетаръ въ введеніи[2]) къ изложенію акцентологическихъ особенностей юго-западныхъ сербско-хорватскихъ діалектовъ не считается съ вопросами о внутреннемъ взаимоотношеніи ихъ. На основаніи того, что онъ приводитъ ихъ въ причинную связь, кажется, будто онъ считаетъ ихъ однородными[3]). Между тѣмъ нѣсколько лѣтъ назадъ онъ задавался цѣлью разобрать вопросы о нихъ и посвятилъ имъ цѣлую главу въ своемъ изслѣдованіи о чакавскомъ діалектѣ[4]). Оспаривая мнѣнія Миклошича (Vergl. Gram. I² 392) и Вука о томъ, что штокавцы-икавцы — оштокавленные чакавцы, онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію. «По моему, рискованно считать всѣхъ икавцевъ оштокавленными чакавцами;

---

1) Ср., напримѣръ, обозначеніе разницы между говорами магометанъ и православныхъ у Шурмина по отношенію къ сараевскому говору. Rad. CXXI 186 и д.

2) Op. cit. 1—40.

3) Такой взглядъ имъ отчасти уже былъ высказанъ. Arch. XIII 164.

4) Archiv XIII 161 и д., въ особенности, 164 и 165.

тѣмъ не менѣе мнѣ хочется выставить, хотя бы пока въ видѣ предположенія, положенія, что изъ штокавцевъ только тѣ икавцы были когда-то чакавцами, которые употребляютъ въ своемъ языкѣ вм. *št* — *šć*. Къ такому заключенію привело меня то обстоятельство, что, насколько мнѣ извѣстно, только такіе штокавцы употребляютъ *šć*, которые живутъ въ тѣхъ краяхъ, относительно которыхъ можно съ вѣроятностью сказать или и доказать, что въ нихъ когда-то говорили по-чакавски, и, наконецъ, тотъ фактъ, что изо всѣхъ чакавскихъ особенностей *šć* послѣднею уступаетъ свое мѣсто чертамъ штокавскаго діалекта (op. cit. 165)».

Врядъ ли можно здѣсь согласиться съ почтеннымъ изслѣдователемъ сербскихъ діалектовъ, и врядъ ли такого рода взглядъ на діалектъ, напримѣръ, между *Цетиной* и *Неретвой* (о немъ тутъ и идетъ рѣчь) можетъ доказывать что бы то ни было по отношенію къ діалектамъ между нижнимъ теченіемъ рѣкъ *Босны* и *Врбаса*. Напротивъ, онъ могъ бы свидѣтельствовать лишь о томъ, что и между р.р. Босной и Врбасомъ былъ когда-то чакавскій діалектъ! Ибо, если мы согласимся съ тѣмъ, что чакавскій діалектъ и въ собственно чакавскихъ краяхъ настолько поддался вліянію штокавскаго, что утратилъ всѣ свои старыя особенности, за исключеніемъ и=ѣ и *šć* вм. št, то съ несомнѣнно большей увѣренностью можемъ мы утверждать это и относительно тѣхъ діалектовъ, которые, правда, утратили и столь характерное *šć*, но которые искони находились въ непосредственномъ соприкосновеніи съ штокавскими говорами и, быть можетъ, находятся и теперь не на своемъ старомъ мѣстѣ.

Повидимому, такими оговорками ничего доказать невозможно, и правильнаго рѣшенія вопроса мы не добьемся, пока кто-нибудь не изслѣдуетъ эти діалекты въ ихъ совокупности, отмѣчая внимательно положительно всѣ ихъ черты.

Но, какъ бы мы ни смотрѣли на историческое прошлое этихъ діалектовъ, теперь уже можно установить слѣдующія два положенія:

1. *Икавскіе діалекты указанной полосы представляютъ теперь штокавскіе діалекты, съ главнымъ, хотя и не единственнымъ отличіемъ отъ нихъ въ видѣ замѣны ѣ посредствомъ и.* Когда я такъ говорю, то имѣю въ виду не только замѣну чакавскаго *ча* или *j* посредствомъ *што* или *ђ* или замѣну столь устойчиваго *šć* посредствомъ *št*, но и параллельное развитіе чертъ склоненія и спряженія екавскихъ и икавскихъ говоровъ. Вѣдь извѣстно, что чакавскіе діалекты отличаются, помимо всего другого, и очень архаичными чертами склоненія и спряженія, которыя въ другихъ діалектахъ или вовсе не сохранились или сохранились въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, совпаденіе фонетическихъ чертъ этихъ діалектовъ съ подобными особенностями штокавскихъ говоровъ, положительно одинаковое направле-

ніе чертъ флексіи у обѣихъ діалектическихъ группъ, *въ большинствѣ случаевъ тождественное удареніе* — все это дѣлаетъ иллюзорнымъ всякій иной взглядъ на эти діалекты, кромѣ того, по которому они — діалекты одного діалектическаго типа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ утаить и другую сторону этихъ, въ высшей степени, интересныхъ діалектовъ, которая могла бы отчасти говорить противъ такого утвержденія, но значеніе которой заключается еще больше въ томъ, что она вскрываетъ передъ нами совершенно другія отношенія указанныхъ діалектовъ въ прошломъ.

2. *Всѣ икавскіе діалекты не совпадаютъ между собой вполнѣ.* Между ними можно установить цѣлую цѣпь переходныхъ ступеней, изъ которыхъ каждая отличается отъ другой или лучшимъ сохраненіемъ или утратой хотя бы и самыхъ незначительныхъ, но тѣмъ не менѣе важныхъ чертъ, приводящихъ всѣ эти діалекты, *гдѣ-то далеко въ древности*, въ связь съ чакавскими діалектами, и *при томъ не островными, а материковыми* (ср. выше).

Всѣ должны согласиться въ томъ, что, гдѣ бы ни находились и теперь икавскіе діалекты, они все-же представляютъ нѣкоторыя отступленія отъ смежныхъ съ ними екавскихъ говоровъ. И почти всѣ эти отступленія не что иное, какъ чакавизмы. Я не спорю, что эти отступленія часто очень незначительны, но тѣмъ не менѣе они интересны для насъ, ибо напоминаютъ намъ каждый разъ чакавскій діалектъ. Поэтому въ различныхъ мѣстныхъ діалектахъ можно усмотрѣть различную степень сплоченія стараго икавскаго-чакавскаго діалекта съ штокавскимъ. Разъ это можно утверждать по отношенію къ различнымъ чертамъ фонетики (ср. ниже), то это относится и къ ударенію. Слѣдовательно, если въ какомъ-нибудь икавскомъ діалектѣ, рядомъ съ многими штокавскими чертами, сохранилось старое неперенесенное удареніе, то это еще никоимъ образомъ не значитъ, что это удареніе штокавское; ибо только въ томъ случаѣ, если намъ удастся указать на тотъ штокавскій-екавскій діалектъ, который могъ повліять въ такомъ направленіи на данный икавскій, и можно будетъ считать это удареніе равносильнымъ съ тѣмъ, которое находимъ въ настоящихъ туземныхъ екавскихъ діалектахъ, и приводить новое удареніе штокавскихъ говоровъ въ непосредственную связь съ этимъ удареніемъ, какъ старымъ штокавскимъ. Соотвѣтственно этому, я и думаю, что Решетаръ былъ не правъ, когда устанавливалъ различныя полосы (зоны) штокавскихъ удареній, пользуясь матеріаломъ и икавскихъ боснійско-герцеговинскихъ діалектовъ. Онъ имѣлъ право на это развѣ только внѣшнимъ образомъ, поскольку эти діалекты теперь на самомъ дѣлѣ діалекты штокавскіе; но на основаніи ихъ внутреннихъ отношеній, которыми ему единственно и слѣдовало руководствоваться, онъ этого дѣлать не могъ. Конечно, и такой фактъ слѣдовало констатировать, и мы ему благодарны за это; но такой матеріалъ показы-

ваетъ только, какъ слабо было вліяніе въ этомъ отношеніи штокавскихъ говоровъ на нѣкоторые икавскіе говоры, или, лучше, какъ иногда икавскій діалектъ рѣшительно отстаивалъ свои старыя черты. Детальное же изученіе происхожденія представителей такихъ говоровъ могло бы выяснить и причины такихъ явленій, могло бы показать, созданы ли такія отношенія между ними новыми переселеніями, или же они болѣе стары.

Остатки, о которыхъ я говорилъ, иногда ничтожны. Но разъ относительно ихъ можно констатировать, что они — чакавскаго происхожденія, отчего тогда, спрашиваю я, не сказать то же самое и объ *и*=*ѣ*, которое всегда сопровождается такими чертами; отчего не сознаться, что оно, чакавское *и*, *искусственно* сохранилось до настоящаго времени въ говорѣ, который теперь является уже вполнѣ штокавскимъ-икавскимъ.

Вопросъ теперь, какъ создалась такая искусственная связь. Этотъ вопросъ сопряженъ съ многими другими: о колонизаціи этой территоріи, о различныхъ передвиженіяхъ, частичныхъ и массовыхъ, о туземномъ народонаселеніи и под. Я укажу только на нѣкоторые моменты, которые мнѣ кажутся самыми важными и нуждающимися больше другихъ въ изслѣдованіи, о которыхъ отчасти была рѣчь въ самомъ началѣ этой статьи.

Восточная граница, которую мы выше отмѣтили, не представляетъ, повидимому, границы распространенія сербовъ-магометанъ съ самыхъ начальныхъ временъ. Скорѣе можно по всему, что̀ намъ извѣстно объ историческомъ прошломъ жителей этой страны, утверждать, что западная граница икавскаго діалекта передвинулась къ востоку, а что екавцы къ востоку отъ восточной границы икавцевъ и вообще между ихъ границами заняли въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ территорію къ западу отъ указанной западной границы. Это совершилось, благодаря историческимъ обстоятельствамъ, сложившимся въ это время въ Босніи и Герцеговинѣ: сербы-магометане занимали все большую и большую территорію, находившуюся въ рукахъ турокъ, ибо они жили, какъ вѣрноподданные солдаты, на особыхъ правахъ, между тѣмъ какъ православные (т. е. остающіеся таковыми), становясь извѣстнаго рода крѣпостными, выселялись изъ своихъ родныхъ мѣстъ за предѣлы турецкаго господства. Такимъ образомъ, они заселяли *Славонію*, *Крбаву*, *Лику* и другія области, занимая отчасти и мѣстности, совершенно опустѣвшія, благодаря турецкимъ нашествіямъ [1]). Слѣдовательно, приспособляясь къ новымъ условіямъ жизни, *сербы-магометане* распро-

---

1) Мѣстность за Уной въ то время въ администрат. языкѣ, точно также какъ и Банія, (мѣстность между Уной и Купой) назывались пустынями. О турецкихъ опустошеніяхъ въ этихъ краяхъ и переселеніяхъ мѣстныхъ жителей ср. М. Грбић Карловачко владичанство I књ. 1891. Г. Карловац.; Tade Smičiklas Dvijestagodišńica oslobodeńa Slavonije 1901. Zagreb; R. Lopašić Spomenici hrvatske krajine. I—III Zagreb. 1884—1889.

странялись все больше въ глубь страны, православные же и католики занимали периферію ея. Такимъ образомъ сложились тѣ географическія отношенія, которыя можно теперь констатировать; хотя въ это время различіе въ употребленіи различныхъ звуковъ вмѣсто ѣ уже существовало у сербовъ-магометанъ, однако этимъ нисколько не предрѣшается вопросъ о немъ, являющійся для насъ самымъ важнымъ.

Условія, сюда относящіяся, повидимому, слѣдуетъ себѣ представить слѣдующимъ образомъ. Раньше турецкаго погрома отношеніе между представителями различныхъ діалектовъ было иное, чѣмъ позже, послѣ этого погрома. Несомнѣнно однако, что въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ старой Зетѣ и Рашкѣ, самостоятельнымъ сербскимъ государствамъ, населеніе было православнымъ, на западѣ же, въ областяхъ, прилегающихъ къ католической Хорватіи и на югѣ — къ Далмаціи — католическимъ. Совершенно случайно, что соотвѣтственно этому размѣстились и діалектическіе центры — екавскій на востокѣ и чакавско-икавскій на западѣ и юго-западѣ. Такимъ образомъ, уже первоначальное народонаселеніе Босніи и Герцеговины было католическо-икавское (чакавское) и православно-екавское. Третья часть народонаселенія боснійско-герцеговинскаго была богомильскою; но какова была роль богомильскаго вѣроисповѣданія въ распространеніи того или другого діалекта, трудно сказать, потому что это зависитъ отъ отношенія, въ которомъ представители этого вѣроисповѣданія находились къ остальнымъ двумъ вѣроисповѣданіямъ, — отъ того, въ какое изъ нихъ они съ теченіемъ времени больше обращались. А этотъ вопросъ историки не только не разрѣшили: по отношенію къ нему какъ разъ существуютъ большія разногласія. Поэтому пока я не буду съ ними считаться, имѣя все-таки въ виду, что богомилы могли увеличить число тѣхъ или другихъ.

Кромѣ того, я не говорю о населеніи серединной Босніи и Герцеговины. Я не говорю о немъ только потому, что я не желаю вносить въ свою гипотезу то, что̀ мнѣ кажется мало надежнымъ.

Но это не значитъ еще, что всѣ католики Босніи были икавцами. Напротивъ, я думаю, что значительная часть ихъ, жившая не на западѣ Босніи, говорила по *штокавски*, и это не только въ Босніи, но и въ Герцеговинѣ, а отчасти и въ Далмаціи. Въ Далмаціи и теперь къ югу отъ Неретвы католики не икавцы. Вѣдь, и весь Дубровникъ таковъ! Такіе католики-штокавцы находились, несомнѣнно, восточнѣе указанныхъ католиковъ-чакавцевъ; но сколько ихъ было, это очень трудно сказать. Къ указанному предположенію приводитъ меня и то обстоятельство, что икавскіе діалекты стали очень рано штокавскими, еще въ то время, когда чакавскій діалектъ еще очень немногимъ отличался отъ штокавскаго; а для того, чтобы предположеніе о быстромъ все-таки сплоченіи *икавцевъ*-

католиковъ и сосѣднихъ *штокавцевъ* было вѣроятнымъ, слѣдуетъ предположить, что и католики могли быть штокавцами. Ибо разъ мы видимъ, что религія и теперь еще раздѣляетъ жителей Босны, что все еще между однородными уже теперь жителями не сглажена разница въ употребленіи замѣстителей ѣ, то тѣмъ больше можно предположить для того стараго времени, что такіе католики очень скоро примкнули къ остальной массѣ ихъ, внесши въ ихъ діалектъ свои штокавскія черты, и принявши отъ нихъ икавизмъ. Такимъ образомъ, благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, въ Босніи создался и сохранился штокавскій икавскій діалектъ. Изъ такого смѣшенія указанныхъ діалектовъ вышелъ діалектъ, который, имѣя черты штокавскихъ говоровъ, сохранилъ нѣкоторыя черты, связывающія его съ чакавскими діалектами, а именно, икавизмъ. Это было или, по крайней мѣрѣ, должно была казаться католикамъ-штокавцамъ чертой, которая ихъ и внѣшнимъ образомъ отдѣляла отъ православныхъ, съ которыми они все-таки приходили въ соприкосновеніе. Они это, конечно, чувствовали какъ бы инстинктивно, принимали эту черту и позже сохраняли ее вмѣстѣ съ своей религіей. Съ теченіемъ времени то, что сначала было только, быть можетъ, смутнымъ, неопредѣленно сознаемымъ фактомъ, стало какъ бы внѣшнимъ признакомъ, какимъ-то знаменемъ извѣстнаго рода религіозной національности, «католической національности» въ западной Босніи и Герцеговинѣ. Оно оттуда распространялось и дальше, не только въ Босніи, но вездѣ, куда переселялись представители этой новой національности. Въ извѣстное время своего развитія икавцы занимали не только западную, но и серединную, отчасти и восточную Боснію (Ср. указанныя мѣстности).

Другая случайность въ развитіи этихъ діалектовъ та, что туркамъ удалось обратить въ магометанство преимущественно жителей западной половины Босніи и Герцеговины. О причинахъ этого, равно и о томъ, почему этого не случилось съ жителями восточной половины этихъ земель, я здѣсь говорить не могу, предоставляя это историкамъ; но могу замѣтить, что это дало въ результатѣ тотъ фактъ, что главная масса сербовъ-магометанъ стала икавской. Такимъ образомъ, я думаю, можно объяснить три явленія въ развитіи этихъ нашихъ діалектовъ:

1) Отчего только католики и магометане икавцы?

2) Откуда въ икавскомъ діалектѣ очень старые штокавскіе элементы и утрата чакавизмовъ, за исключеніемъ икавизма и еще нѣкоторыхъ другихъ чертъ чак. говора? и, наконецъ,

3) Почему разница между икавскими и екавскими діалектами такъ сильно и такъ цѣпко удерживается до настоящаго времени?

Детальное изученіе этихъ діалектовъ, быть можетъ, дастъ иное освѣщеніе тому или другому факту, но, думаю, врядъ ли заставитъ насъ измѣ-

нить основной взглядъ на эти діалекты. Вмѣсто изначальныхъ католиковъ-штокавцевъ, которыхъ мы выше предположили, быть можетъ, можно будетъ доказать фактъ предварительнаго существованія и православныхъ штокавцевъ, только потомъ, при смѣшеніи съ икавскими жителями, обратившихся въ католиковъ; такія и под. представленія, все-таки, не измѣняютъ главнаго нашего положенія. Я не буду больше останавливаться на различныхъ сторонахъ и условіяхъ указаннаго процесса — это увлекло бы меня слишкомъ далеко отъ моей темы — и вернусь ко второму положенію, замѣтивъ еще только, что икавцы, о которыхъ мы говорили, конечно, отчасти населяли всю сѣверную Боснію и даже часть Сербіи, приходя и тутъ въ столкновеніе съ православн. екав. населеніемъ. Въ массѣ православныхъ жителей Сербіи они утратили свое католичество, если только они первоначально принадлежали къ ему, и сплотились съ сербскимъ народонаселеніемъ и въ языкѣ, оставивши слѣды, напоминающіе ихъ старую родину и, быть можетъ, вѣроисповѣданіе, въ икавскихъ примѣтахъ, разсѣянныхъ по западной Сербіи[1]).

Я сказалъ выше, что въ каждомъ икавскомъ говорѣ, помимо самого икавизма, есть черты, хотя бы и самыя незначительныя, наприм. въ морфологіи или лексикѣ, напоминающія намъ чакавскіе діалекты. Но это нисколько не рѣшаетъ вопроса, какъ эти чакавскія особенности проникли въ эти діалекты. На основаніи одного этого нельзя еще утверждать, что основу этихъ діалектовъ образовали чакавскіе говоры, и что это — остатки, быть можетъ, послѣдніе, того діалекта, который, послѣ сплоченія указанныхъ двухъ діалектовъ, разошелся по штокавскимъ икавскимъ говорамъ. Сколько въ этомъ смѣшеніи дѣйствовалъ штокавскій діалектъ, сколько икавскій, сколько было первоначально представителей одного діалекта, сколько другого, — обо всемъ этомъ невозможно ничего положительнаго сказать; тотъ фактъ, что все-таки штокавскій элементъ восторжествовалъ въ икавскомъ говорѣ, позволяетъ намъ думать, что все-же штокавцевъ было больше, чѣмъ чакавцевъ.

Такія обстоятельства, сложившіяся при постепенномъ, естественномъ смѣшеніи указанныхъ діалектовъ, бывали нарушаемы новыми выходцами изъ Далмаціи и Хорватіи, гдѣ уже, несомнѣнно, родина чакавскаго-икавскаго діалекта, такъ что многія свѣжія чакавскія черты въ старыхъ отчасти икавскихъ діалектахъ получались снова. Мнѣ самому пришлось констатировать въ сѣверной Босніи свѣжія икавскія поселенія изъ Далмаціи. Что и на территоріи икавскаго діалекта были различныя «икавскія» передвиженія — это несомнѣнно; поэтому для вполнѣ удовлетвори-

1) Ср. выше.

тельнаго изслѣдованія указанныхъ діалектовъ и *различныхъ штокавскихъ и чакавскихъ наслоеній*, отражающихся въ нихъ, слѣдуетъ точно установить всѣ моменты, повліявшіе на нихъ въ различныхъ направленіяхъ.

Для того, чтобы доказать указанное положеніе объ икавскихъ діалектахъ, приведу нѣсколько примѣровъ, отмѣченныхъ мною въ икавскихъ діалектахъ Герцеговины и средней и сѣверной Босніи. Икавскія формы я не буду отмѣчать потому, что онѣ сами по себѣ въ этомъ случаѣ не характерны.

Напримѣръ, въ діалектѣ города *Любушки* въ западной Герцеговинѣ находимъ, помимо примѣровъ, приводящихъ эти діалекты въ связь съ штокавскими, еще и слѣдующіе: *же̏ја* (жажда); *Ју̀бушкӣ* (= *Льубушки*), *зѐмја*, *зѐмјē*, *ју̏дӣ* (љу́ди), *ко̏јē* (*кољe*); *нарéсле*, *одрéсле*, *гре̏бје*; *ја̏мӣ*, *ја̂мља̄* (ѩти, — ѩмѫ: *јамити*: *јамњати*); *нѐдељо̄н* (instrum.), *сѐбо̄н*; (instr.), *ро̏дјāка* (родијака); *по̏чмē*; *ћу̑вј*, *ћêсто*, *ћо̂ће* и под.; *о̀тека* (= отекао), *ѝша*, *о̀тиша*, *ѝзаша*, *ре̏кā*, *до̀шā*, *дâ*, *про̀пā*, *бѝја*, *пѝја*[1]) и под.

Въ *Езерѣ* (Іезеро) около Яйца: (магомет.): *по̂јде̄ш*, *до̏јдē*, *до̏јдоше*; *ју̑рјев* да̑н; *ѝспашишће*, *пу̑шћāј*; *јѐдно̄ћ*, *возáћа*; *у млини* (loc.); *бѝја* и под.

Въ *Яйцѣ*: *по̀јдē* (маг.), *прóјде* (маг.), *нáјди га* (маг.), *дóјде* (кат.); *ћла̂н* (маг.), *нѐћисто* (маг.), *у̏теће* (кат.), *могу̀чан* (кат.), *сри̏ћа* (маг. кат.), *ћѝсто* (кат.); *на̀мишћена*, *пу́шћало* (кат.); *гре̏бнē* (кат.), *пома̏кнē* (кат.) и др.

---

1) Хотя и въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ находимъ подобныя participia, напр. въ черногорскихъ діалектахъ или въ діалектахъ юго-восточной Сербіи, однако я ихъ здѣсь считаю характерными для чакавскихъ діалектовъ. Эти, на первый взглядъ, очень сходныя образованія произошли въ различныхъ концахъ сербской территоріи различнымъ способомъ и вполнѣ независимо другъ отъ друга. Тутъ я остановлюсь только на тѣхъ, которыя насъ интересуютъ. Я отмѣтилъ такія формы и въ Шибеникѣ, напр. *би̏ја*, *нòсија*, а точно такъ же и на остр. *Мортерѣ*, прилегающемъ къ Шибеничской набережной, напр. *одне̏ја*, *да̏ја*, *доша̏ја*, *имâ*, *ваља̏ја*, *оста̏вија*, *ре̏кај*, *ће̏а*, *могā би нáћи*, *бија̏*, *желе̏а би*, *ре̏кā* и под. Это явленіе въ Шибеникѣ не ново. Оно находится въ далмат. памятникахъ XV в. Ср. примѣры у Решетара, Rad. CXXXVI 106—107.

Эти діалекты (въ Любушки) сохранили болѣе старую ступень развитія этого процесса. Если имѣть въ виду то явленіе мѣстныхъ чакавскихъ говоровъ, что *l* въ концѣ словъ исчезаетъ съ удлиненіемъ предшествующаго ему слога, то получится слѣдующее: *dal* > да̂, *ви̏del* > ви̏дē и под., только въ такихъ случаяхъ, какъ *могl*, получалось *мога* съ краткимъ или долгимъ *a* соотвѣтственно тому, что̀ непосредственно предшествовало исчезновенію конечнаго *l*: *могl* или *могal*. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ получилось чередованіе слѣдующихъ окончаній въ указанныхъ причастіяхъ: *ă* или *ā*: *la*: *lo*. Когда начали сознательно употреблять гласн. *ā̆*, какъ окончаніе для причастій мужескаго рода въ извѣстныхъ случаяхъ, въ которыхъ оно чередовалось съ окончаніемъ *ла*, *ло* для жен. и ср. рода, то и обратно, тамъ, гдѣ не было специфическаго окончанія для мужскаго рода, а въ формахъ остальныхъ родовъ имѣлись окончанія *ла*, *ло*, могло начаться употребляться окончаніе *a* для муж. рода, не смотря на то, что предшествующая ему основа могла кончаться гласной. Поэтому соотвѣтственно *била*: *било*, *носила*: *носило*, *видила*: *видило*, могло получиться и **би̏ а*, **носи̏ а*, **види̏ а* и др., что давало въ результатѣ *би̏ја* etc. Разъ получилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ *ја*, оно начало переноситься и въ формы глаголовъ на *a*, какъ *даја* и под. Это окончаніе употребляется и въ нѣкоторыхъ діалектахъ хорватской «границы». И тутъ оно, по всей вѣроятности, получено изъ окрестныхъ икавскихъ діалектовъ.

Въ *Врбанѣ* (около *Банья-Луки*): *ку̏ћӣшћа* (маг.), *до̑јде̄м* (маг.); *испри́ча* (маг.), *ћуо* (маг.); гре̑бље (маг.), *дӣвјӣ* (маг.), *у̏мр̄* (= *умро*) (маг.); *кад би ја научити* (маг.) и под.

Само собой разумѣется, что и въ екавскихъ діалектахъ, смежныхъ съ икавскимъ, благодаря постояннымъ сношеніямъ между ними, не мало чертъ собственно икавско-штокавскихъ, напр., въ *Кола-хъ* около гор. *Банья-Лука* (гдѣ православные) находимъ *до̑јђе̄м*, *пу̑шћа̄јте да*, 100 *кру̑нӣ*, *објати*, *двйсте* и под., или въ *Грбавицѣ* около *Яйца*: *пи̏ва̑ј*, *до̑јде̄* и под. Иногда даже трудно сказать, какою слѣдуетъ считать какую-нибудь черту: икавскою или екавскою. Наприм., въ дат. мн. ч. находимъ иногда *ом*, *тежа́ком* въ *Колахъ*, что, впрочемъ, встрѣчается и въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ и считается обыкновенно архаизмомъ, застрявшимъ въ нихъ; но мнѣ кажется, что это не вѣрно, а что эти формы представляютъ архаизмы нашихъ икавскихъ штокавскихъ діалектовъ, несмотря на то, что онѣ встрѣчаются въ народныхъ пѣсняхъ. Ибо, разъ въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ формы съ замѣной *ѣ* посредствомъ *и* могутъ чередоваться съ тѣми, въ которыхъ находимъ *ије*, соотвѣтственно числу слоговъ, то тѣмъ болѣе и легче можно понять указанныя уединенныя формы, если особенно имѣть въ виду то обстоятельство, что народныя пѣсни поются икавцами, равно какъ и екавцами.

Что касается самого екавскаго діалекта, какъ таковаго, то, несомнѣнно, въ немъ уже можно отмѣтить и стремленіе къ раздробленію на болѣе мелкія единицы; но благодаря тому, что онѣ еще очень мало изслѣдованы, трудно сказать что-нибудь положительное. Пока можно только замѣтить, что самымъ прогрессивнымъ екавскимъ діалектомъ является екавскій говоръ восточной Герцеговины и части западной Черногоріи (ср. выше). Въ немъ заключается новѣйшій фазисъ екавскихъ говоровъ: появленіе окончанія *ма* въ мѣстномъ падежѣ, утрата или склонность къ утратѣ всѣхъ конечныхъ долготъ, переходъ cons. + ȷ̯ отъ ѣ (ie) въ палатальный согласный и т. д. Этотъ фазисъ его развитія отражается отчасти — но не вполнѣ — и въ дубровницкомъ говорѣ, екавскомъ говорѣ Сербіи и восточной Босніи. Въ екавскихъ говорахъ западной Босніи всего этого не находимъ, напр., тамъ встрѣчается еще мѣстный падежъ на *ѣ* (*х*), *и* (*х*) и под.

Наконецъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о дубровницкомъ говорѣ. О немъ много толковали, но серьезными работами въ этомъ отношеніи являются только работы Будмани [1]) и Решетара [2]). Положеніе, которое

1) Dubrovački dijalekat, kako se sada govori. Rad LXV. 155 sqq.

2) Die ragusanischen Urkunden des XIII—XV Jahrhunderts. Archiv XVI—XVII. О соврем. удареніи въ Дубровн. говорѣ ср. у Решетара Die Betonung etc. 40 и д.; объ удареніи и другихъ его особенностяхъ срав. Будмани Grammatica della lingua serbo-croata. Вѣна. 1867.

занимаетъ этотъ діалектъ по отношенію къ остальнымъ, далеко не самостоятельно. О немъ можно сказать, что онъ пережилъ всѣ эпохи развитія екавскихъ діалектовъ, развивая въ нѣкоторыхъ случаяхъ и свои черты (по отношенію къ *ѣ*, къ ударенію, долготѣ). Значитъ, отношеніе дубровницкаго говора къ герцеговинскому тѣмъ отличается отъ діалекта, представляющаго часть одного цѣлаго съ нимъ, что дубровницкій діалектъ испытывалъ на себѣ вліяніе герцеговинскаго діалекта, но, обратно, съ своей стороны, не вліялъ на него. Это можно объяснить происхожденіемъ славянскаго Дубровника. Романская Рагуза обратилась въ Дубровникъ, только благодаря постоянной славянской колонизаціи. Конечно, колонизація могла совершаться въ двухъ направленіяхъ: могли приходить выходцы изъ чакавскихъ странъ и штокавскихъ. Сколько приходило изъ однѣхъ, сколько изъ другихъ — это должны установить историки, но уже то обстоятельство, что ближайшія окрестности — штокавскія, и что съ самыхъ древнихъ временъ, съ XIII вѣка, развитіе дубровницкаго говора идетъ рука объ руку съ екавскими говорами, свидѣтельствуетъ о томъ, что колонисты, большей частью, были штокавцами. Нельзя умолчать и о томъ, что и въ нынѣшнемъ дубровницкомъ діалектѣ все-таки имѣются кое-какіе, хотя бы и самые незначительные, слѣды икавизма и другихъ чертъ преимущественно чакавскихъ говоровъ. Въ виду того, что основа дубровницкаго говора штокавская, никоимъ образомъ не слѣдуетъ думать, что указанные икавизмы — слѣды стараго икавскаго говора, господствовавшаго въ Дубровникѣ: несомнѣнно, что эти черты остались отчасти какъ слѣды отъ икавцевъ, которые также населяли Дубровникъ и исчезали въ его населеніи, а отчасти появились подъ вліяніемъ писателей икавцевъ, которые писали и жили въ Дубровникѣ, или читались въ немъ и входили вообще въ литературный оборотъ. Извѣстно, что такіе писатели являются въ самомъ началѣ дубровницкой письменности.

Нѣкоторыя спеціальныя черты дубровницкаго говора можно объяснять замкнутой жизнью маленькой республики и, до нѣкоторой степени, обособленнымъ литературнымъ развитіемъ ея. Впрочемъ, эти черты очень незначительны, и, въ большинствѣ случаевъ, являются извѣстнаго рода штокавскими архаизмами.

Кромѣ этихъ, собственно екавскихъ говоровъ, не лишне упомянуть еще объ одномъ, который только испыталъ вліяніе екавскихъ говоровъ. Это — *ластовскій* діалектъ. Онъ считается обыкновенно чакавскимъ діалектомъ[1]), какимъ отчасти представляется и въ дѣйствительности. Нахо-

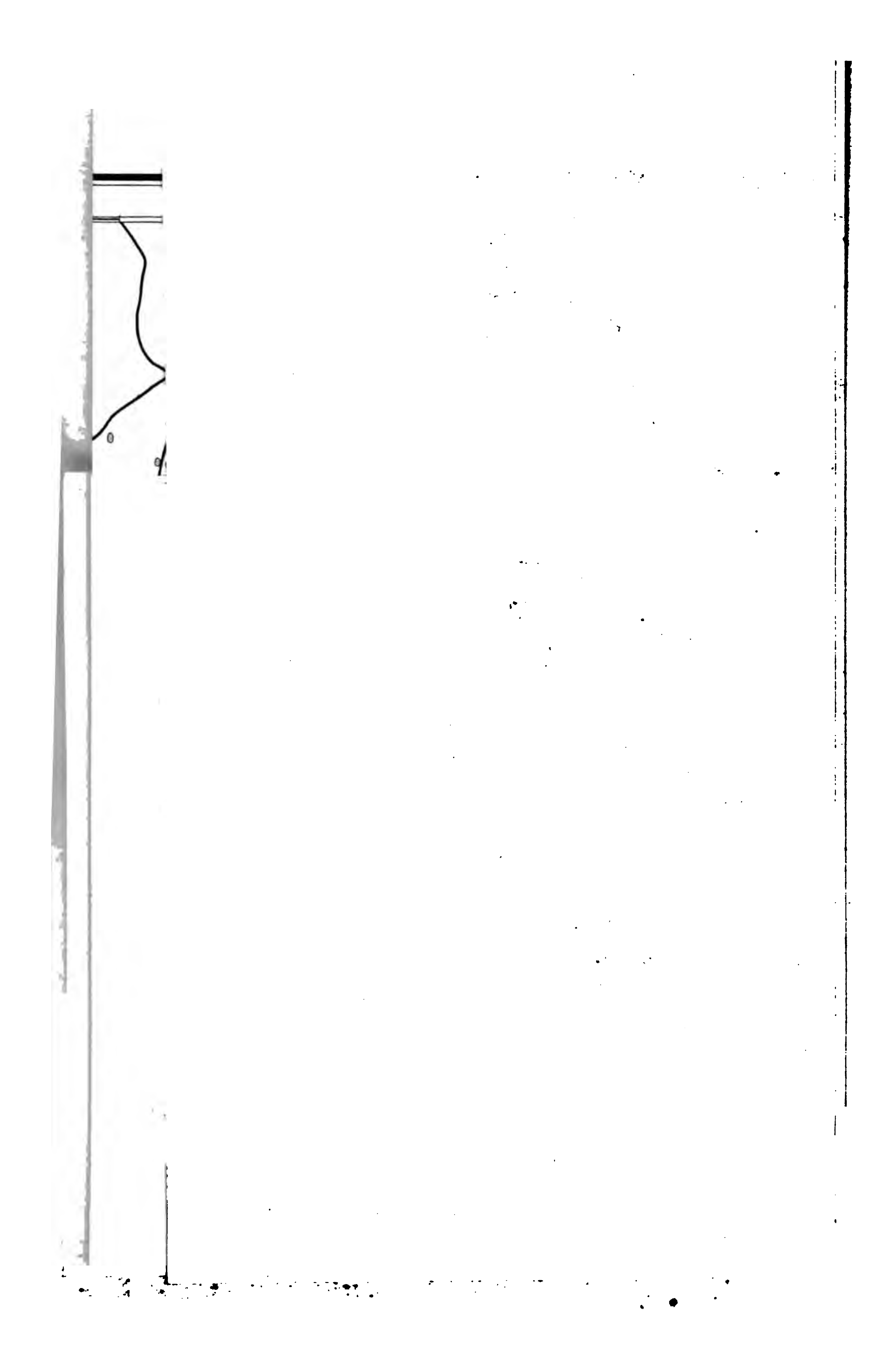
1) Лучшее изслѣдованіе о немъ *Облака* Der Dialect von Lastovo (Archiv XVI, 426 sqq.), хотя и оно не удовлетворяетъ вполнѣ (по отношенію къ ударенію и др.). Срав. еще и *Кушара Glavne osobine lastovskoga narječja*. Nast. Vjest I, 319 sqq.

дясь на островѣ Ластовѣ (Lagosta), онъ въ то же время такъ сильно разнится отъ чакавскихъ островныхъ діалектовъ вообще, что едва можно отдѣлять его отъ говоровъ на материкѣ. Но всетаки онъ представляетъ иной типъ говора, чѣмъ материковые штокавскіе говоры: онъ не представляетъ постепеннаго исчезновенія чакавскихъ особенностей подъ вліяніемъ штокавскихъ говоровъ; это такой говоръ, который, какъ кажется, въ извѣстную эпоху своего развитія принялъ въ себя черты штокавскія (ḷ > о, ѣ = је, пад. оконч. во множеств. числѣ на *ми*, *ма* и под.), при чемъ его развитіе, какъ штокавскаго говора, и остановилось на этомъ. Конечно, вопросъ еще въ томъ, какимъ образомъ совершилось это смѣшеніе: или такъ, что представители штокавскихъ говоровъ пришли на Ластово тогда, когда въ ихъ языкѣ были, главнымъ образомъ, развиты тѣ діалектическія особенности, которыя теперь находимъ въ ластовскомъ говорѣ, какъ штокавскія особенности? или же штокавцы населяли этотъ островъ въ различныя времена, и обобщеніе одной или другой штокавской особенности въ ластовскомъ говорѣ не стоитъ ни въ какой связи съ одновременнымъ развитіемъ подобныхъ особенностей въ другихъ штокавскихъ говорахъ? Это — вопросы, на которыхъ я тутъ останавливаться не могу, и довольствуюсь упоминаніемъ ихъ.

Группировку сербско-хорватскихъ діалектовъ я сдѣлалъ на основаніи развитія діалектическихъ чертъ ихъ въ настоящее время, на основаніи того, какіе изъ сербскихъ говоровъ представляютъ общія черты и развиваются болѣе или менѣе въ одномъ направленіи. Само собою понятно, что разница между ними не всегда одинакова, и что многіе изъ нихъ стоятъ ближе къ однимъ діалектамъ, чѣмъ къ другимъ. Поэтому мнѣ хочется теперь бросить еще разъ взглядъ на ихъ совокупное развитіе, для того, чтобы выдвинуть, подчеркнуть то, что̀ является господствующимъ въ совокупномъ развитіи ихъ, что даетъ ему свой, особенный отпечатокъ.

Многіе діалекты, благодаря своей архаичности, имѣютъ большое значеніе для исторіи сербскаго языка (напр. чакавскіе говоры); но для будущаго сербскаго языка они имѣютъ значеніе только по стольку, по скольку они видоизмѣняютъ его общій видъ, даютъ ему другой оттѣнокъ.

Съ этой точки зрѣнія можно различить въ современномъ развитіи сербскаго языка три теченія, не равносильныя, правда, но въ различныхъ частяхъ сербской земли несомнѣнно господствующія. Всѣ они исходятъ изъ смежныхъ областей, старой Рашки (теперешней Старой Сербіи), старой Зеты и прилегающей къ ней южной Герцеговины (теперешней Черногоріи и части Герцеговины). Самымъ восточнымъ является діалектическое теченіе, направляющееся отъ Призрена къ Софіи и Видину. Оно представляетъ въ основѣ сербскій говоръ, измѣнившійся, правда, подъ чужимъ вліяніемъ,

но еще далеко не утратившій своихъ сербскихъ особенностей, являющихся все-таки господствующими въ его грамматическомъ строѣ.

Второе теченіе, сказывающееся и въ литературномъ языкѣ королевства, направляется отъ Косова поля на сѣверъ въ Сербію, пробирается узкой полосой сквозь горы ея юго-западной и срединной части, видоизмѣняясь до нѣкоторой степени, занимаетъ всю сѣверную Сербію и переходитъ на сѣверъ за ея предѣлы, до послѣднихъ границъ сербскихъ говоровъ въ этомъ направленіи.

Наконецъ, самое сильное и широкое теченіе является у черногорскихъ горъ, съ силой и быстротой многоводнаго горнаго потока пробивающее себѣ путь сквозь Герцеговину и захватывающее собой все, что въ ней и въ Босніи застаетъ на своемъ пути. Оно переходитъ и въ Славонію, Далмацію и Хорватію, останавливаясь только у берега Адріатическаго моря.

Тамъ, гдѣ сербскій языкъ соприкасается съ другими славянскими языками Балканскаго полуострова, являются смѣшанные говоры: кайкавскій на сѣверо-западѣ и средне-македонскій на юго-востокѣ. Какую роль они сыграютъ въ судьбахъ сербскаго языка, трудно сказать даже на основаніи того матеріала, который у насъ теперь имѣется; трудно говорить и о признакахъ, предвѣщающихъ ихъ будущее.

А. Беличъ.

Rusíni jazyka slovenského.

Odpověď panu Vlad. Hnatjukovi.

Píše **Frant. Pastrnek.**

V jižních Uhrách, na dolní zemi, mezi rozmanitými osadníky, kteří přišli ze severních, horních krajin uherských, nalézáme též takové, kteří vypravili se asi před 150 lety ze středu národa uhersko-rusínského a dosud živého povědomí této své příslušnosti nepozbyli. Jsou to osadníci, usazeni ve stolici Báč-Bodrožské mezi Tisou a Dunajem, nejvíce v obcích Kerestúru a Kocuře. O původu, společenských poměrech, národnosti a obecném jazyce těchto osadníků poskytla ponejprve rozprava pana Vladimíra Hnatjuka: Руські оселї в Бачцї (в полудневній Угорщинї), vydaná v Записках Наук. Тов. ім. Шевченка т. XXII, zvl. otisk str. 58, vědomosti podrobné a spolehlivé, vystihující a předstihující všechno, co dříve o nich známo bylo. Ale tato rozprava, jež ponejprve přinášela hojné ukázky nářeční, byla zároveň podnětem, že obecná řeč těchto osadníků kerestúrských a kocurských vzbudila pozornost a na základě rozboru filologického označena byla za nářečí uhersko-slovenské čili uh.-slovácké. Stalo se tak ode mne (v Listech filologických, 1898, 404—406) a též od prof. Al. Sobolevského (Этнографическое Обозрѣніе, 1898, № 4, стр. 147—149). S tímto filologickým určením p. Vlad. Hnatjuk nesouhlasí, nýbrž dokazuje v další rozpravě: Словаки чи Русини? (Причинки до вияснення спору про национальність західних Русинів), vydané opět v Записках Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XLII, zvl. ot. str. 81, že oni osadníci kerestúrští a kocurští jsou Rusíni nejen po národnosti ale i po řeči. Tento zajímavý výklad p. Hnatjukův nebyl dosud předmětem věcného rozboru, ač otázka jest z mnohých příčin nemálo důležita a poučna. Mezi tím rozmnožil neunavný p. Hnatjuk nářeční material sbírkou prosaických textů ze stolic: spišské, šaryšské a zemplinské v severních Uhrách, jakož i písní a popěvků z Kerestúru a Kocury, v knize: Етнографічні материяли з угорьскої Руси. I. Західні угорьско-руські комітати. II.

Бач-Бодрогський комітат. У Львові, 1900, str. 283. (Етнограф. збірник, вид. Етногр. ком. Наук. Тов. ім. Шевченка, т. IX). Přiběřeme-li k tomu menší ukázky, které podal M. Vrabelj, máme nyní možnost, na základě materialu velmi hojného a zajisté též spolehlivého přistoupiti k řešení sporné otázky.

I.

Z rozpravy p. Hnatjukovy: Словаки чи Русини? a z dokladů tam uvedených vychází na jevo, že osadníci Kerestúrští a vůbec Bačvanští, o které běží, jsou Rusíni, a to z těchto rozhodujících důvodů:

1. Sami se tak nazývají: Rusnàk, plur. Rusnàci, sami se považují za Rusíny, odmítajíce, že by byli Slováky, jež jinak, jako sousední osadníky, dobře znají.

2. Vyznáním víry náleží k církvi řeckokatolické (uniatské), nyní pod biskupství křiževské (Križevci v Chorvatsku), kdežto Slováci jsou evangelíci (nejvíce vyznání augšpurského) anebo římští katolíci. S touto příslušností církevní sonvisí, že mají tradicionelní literaturu ruskou, nikoliv slovenskou, dále že i ve školách se užívá knih ruských. Vliv církevní příslušnosti působí též, že se drží spisovné řeči (veliko-)ruské, odmítajíce «fonetiku».

3. Též kroj mají osobitý, rusínský čili rusnácký, a nikoliv slovenský čili slovácký.

4. Odchylný prý od slovenského čili slováckého jest též jejich lidový typus.

Není tudíž pochybnosti, že tyto osadníky Kerestúrské a Kocurské a vůbec Bačvanské sluší považovati po národnosti za Rusíny čili Rusnáky.

A nyní vizme, do které skupiny nářečí slovanských náleží jazyk těchto Rusínů, ovšem pokud se o tom souditi může na základě ukázek uveřejněných předně od p. Vl. Hnatjuka.

Nejdůležitější kriteria poskytuje tu stránka hláskoslovná. Hláskové změny jsou dílem dob různých. Srovnáním s ostatními jazyky slovanskými mohou tyto doby býti poněkud určeny. Tak vzniká chronologie změn hláskových, pro posouzení vzájemné příslušnosti a příbuznosti jednotlivých jazyků a nářečí velmi poučná.

1. Mezi změnami hláskovými starobylostí vyniká západo-slovanská proměna palatalisovaných zubnic *tj*, *dj* v sykavky *c*, *dz*. V textech Kerestúrských a Kocurských nalézáme tu zcela pravidelně *c*, *dz*: *cudzi l'udzi*, *cudza žena*, *cera* (dcera), kompar. *vece*, *vec*, *vecka*, *najvecej*, *pomoc*, *mocňijši*, *noc*, *nocka*, *po polnoci*, *nocuje*, *prenocuj*, *do peca*, *pot pecem*, *na holim pecisku*, *pl'eca*, *za pl'ecami*, *placa* (placení), partic. praet. *duša zatracena*, *pop šve-*

ceni, part. praes. *robjaci*, *chodzaci*, *pachňeca* (páchnoucí, vonící), *vandrujuci*, *suca*, *horuca*, verba iter. *viplacac*, *roskrucac*, *vracac*, *vodu pomucuje — serdeňko zarmucuje*, a jiné doklady; podobně jeví se *dz*, ač slov takových vůbec není mnoho: *medzi*, *žedza* (z pův. žęd-ja, stslov. žęžda), *rdza* (z pův. rъd-ja): *šabľočku zardzavenu*, imperat. *povec* (povedz), plur. *povecce* (povedzte), partic. praet. *odredzeni* (od kmene ręd-), *ukrivdzena*, iterat. *viprovadzala*, *schadzali*, zvláště zřetelně v podst. jméně *na prechacku* (na precházku) a j. Pravidelnými střídnicemi jsou tedy *c*, *dz*. Vedle nich však vyskytují se v textech p. Hnaťjukových i jiné střídnice, ač jen ojediněle. Některé jsou církévne-slovanské, jako ve slovech *nužda*, *meždu*, *od naroždeňa*, *roždestvo*, *osuždenije*, iterat. *prechaždaju* 3. plur., též part. praes. *suščaja* (jsoucí), jež nalézám v jedné duchovní písni (Етн. мат. 126), a j. Původ těchto odchylných střídnic jest jasný; tato slova jsou knižného původu a nemohou býti doklady pro lidové nářečí. Jiného rázu jsou střídnice ruské, které se ojediněle též objevují. Některá z těchto slov činí dojem tvarů knižných, jako partic. *iduči*, *kujuči* v písni (Етн. мат. 145), která jest původu ruského a končí se těmito třemi řádky:

За óсмім пóлком голову схільęл.
Зазýльа льętáла над ньім куйýчі,
Дзівóчкі плакáльі зá ньім ідýчі.

Tu máme též zcela ojedinělé *holovu*, dále *polkom*, tvary rusínské, tak že ruský pramen této písně (ovšem nikoli bezprostřední) nemůže býti pochybný. Nicméně i v této písni čteme tvary, jako *vivedla* (vyvedla), *naimladša*, *zlatne piro*, *viprovadzala* a j., které jsou čistě slovenské.

Podobně prozrazuje knižný původ tvar partic. *patrajuči* v jedné duchovní písni (Етн. мат. 122); v jiné duch. písni čteme však *plačuci*, *lamajuci* (124).

Jinde (148) nalézáme popěvek o těchto dvou verších:

Мачóхі, мачóхі вішайце на сóхі,
А мойу мачóху на найвішу сóху.

Tu máme tedy tvar *mačocha*, s ruským *č*, kdežto bychom jinak předpokládali, že lidový tvar jest *macocha*, s hláskou *c*.

Dosti často se vyskytuje adverbium *choč* a *hoč*, opět s ruským *č*, kdežto slovenský tvar zní *choc*, *hoc* (ačkoliv, — koli). Není lze rozhodnouti, je-li tvar s *č* čerpaný z lidové řeči či spíše z řeči knižné.

Ojedinělé jest *medži*, s rusínským *dž*, též v duchovních písních (121, 123); lidový ráz tohoto *dž* v nářečí kerestúrském (kocurském) není tím nik-

terak dosvědčen, neboť jinak nalézáme, jak již připomenuto, též tvar círk.-slov. *meždu* a lidový *medzi*.

Konečně připomenouti sluší srbsko-chrv. *opština* (obec).

S těmito střídnicemi v ukázkách p. Hnatjukových srovnejme ještě stav v písničkách od M. Vrabelja (Русскій Соловей, Унгваръ 1890) se jevící. Co tu nalézáme? Opět *c*, *dz* nejčastěji: *cudzim* 119, *vecej* 122, 159, *pleco* 122, *slabu moc* 156, *prenocujem* 153, *ne chcem* 153, *chce* 122, *chceli* 106, *povracala* 157, *ne zarmucaj* 156, *povedz* 119, 123, *provadza* 151, *vyprovadzaj* 160. Vedle toho církevně-slovanské tvary *dšteru* 158, *dšteri* 121, *vedzeme ci pomoštnicu* 160, a dále tvary ruské: *do čužiny* 131, *do čužej čužiny* 164, *mačochu* 113, aderb. *choč* 130. Nalézame tudiž opět trojí střídnice: západoslovanské *c*, *dz*, církevně-slovanské *št*, ruské *č*, *ž*. Nepochybuji o tom, že lidové střídnice jsou *c*, *dz*, druhé pak že jsou původu knižného. O střídnicích ruských není lze tak určitě se vyjádřiti. Příslovce *choč* dokládá O. Broch též v ukázce Falkušovské (Studien 42), podobně předložku *meži* (44).

2. Druhá důležitá vlastnost nářečí kerestúrských Rusínů jest, že nemají t. zv. vkladného *l'*. Proto čteme v ukázkách p. Hnatjukových inf. *odrabjac*, *zarabjac*, 3. pl. *zarabjaju*, *stavjaju*, praet. *naochabjali* (ponechali), *poochabjali* (přestali), *oblapjala*, *opravjala*, imper. *opravjajce* a j. Jen v duchovních písních nalézáme takové tvary, jako *na zemlju*, imper. *ňe zochabl'aj*, ale variant téže písně má *ňe ochabjaj*, dále 3. sg. *prijimljajet*, ale vedle toho též *podmovjajet*. Tyto ojedinělé tvary jsou tedy původu knižného. Podobně tvar jména srbského: sg. instr. *zos Serbl'inom*, akk. *Serbl'ina*, vedle pl. nom. *Servijaňi*, *na Servijancoch*, *Serbi*, *Servija*. Není tedy pochybnosti o tom, že v lidové řeči kerestúrských Rusínů t. zv. *l'* epentheticum vůbec není. Pan V. Hnatjuk ovšem namítá, že to jest zjev, který se vyskytuje v mnohých a mnohých nářečích haličských, ba i v jazyce literarním, avšak dokladů pro takové tvrzení neuvádí, domnívaje se zajisté, že věc jest obecně známa. V tom jest malé nedorozumění, zaviněné ostatně mluvnicemi, jež nečiní rozdílu mezi: a) starým, ať tak dím, historickým *l'* epenth. a b) pozdějším vývojem. Tak na př. uvádí M. Osadca (Грам. руского яз., 3. изд., 1876, str. 24) mezi náležitými doklady pro *l'* ep., jako земля, ловлю, любленый, též pozdější здоровлье a dodává v poznámce, že v haličském nářečí se *l'* epenth. «vynechává»: 1) pravidelně v 3. os. množ. č. робятъ, 2) často též v 1. os.: робю, 3) v slovech: здоровье. Ale v prvním a druhém případě neběží o původní stav, nýbrž o pozdější vývoj, zajisté obmezený na určité tvary a určitá nářečí, a jen v druhém případě (робю, любю, ловю) máme před sebou zánik starého, historického *l'* epenth., jehož příčiny a rozsah by náleželo správně vyložiti. Podobně obmezuje se Miklosich (Vergl. Gram. I, 1879, 449) na

některé doklady odchylné, aniž by jich náležitě třídil. Víme, že hlavním pramenem byla Miklosichovi právě mluvnice Osadcova. Ale ani výklady E. Ogonowského (Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, Lemberg, 1880, str. 79) neposkytují správného obrazu o vsutém *l'* v rusínštině, tím méně ovšem V. Naumenkův přehled (Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи, Kіевъ, 1889, str. 41), ač jinak skutečný stav dobře jest tu vystižen. V mluvnici Smal-Stockého a Gartnera (Руска граматика, Львів, 1893, str. 22) správně se sice poukazuje na to, že jest úkolem historické čili porovnávací mluvnice, vyložiti zdánlivé nesrovnalosti v užívání *l* epenth., ale výklad vlastní se nepodává, ač po mém mínění snadno by podán býti mohl. V nářečí kerestúrských Rusínů není vůbec žádného *l'* epenth. — oněch dokladů knižných, jako *na zemlju*, mohu tušim právem nedbati — ani původního (historického) ani pozdějšího; a to jest stav, jakého nenalézáme v žádném rusínském nářečí. Pan V. Hnatjuk poukazuje na některá nářečí, v nichž *l'* epenth. prý se mezi retnice a samohlásky praejotované nevkládá. Jest zapotřebí povšimnouti si těchto nářečí blíže. Na prvním místě uvádí se tu nářečí haličských «Zamišanců», které popsal Jv. Verchratskij (Зап. наук. товар. ім. Шевч., III, 1894, 153 sl.), jenž skutečně praví (p. 168), že v tomto nářečí *l'* se nevsouvá, dokládaje: робю, любю, любят, копю, копят, сыпю, сыпют, любеный, зробеный. Avšak touto poznámkou p. Verchratského věc není odbavena. V připojených ukázkách nalézám: під землю 184 a v slovníčku nacházím: граблы 192, коноплы 196, коноплячок 196, скопленый баран 205, ovšem čtu též v ukázkách 1 sg. любю 187, утопю ся 187. Z toho je viděti, že v nářečí Zamišanců nevymizelo *l'* epenth., nýbrž jen částečně zaniklo, vlivem tvaroslovné analogie a též nářečí polských, které Zamišance obklopuje. Verchratskij sám připomíná, že nářečí Zamišanců náleží do skupiny Łemkův, jichž mluvu popsal obšírněji v Jagićově Archivu XIV (1892), 587 sl., XV (1892), 46 sl. a XVI (1894), 1 sl. Tu praví správněji (XV, 64—65), že *l'* se někdy nevsouvá, jindy však vsouvá; z uvedených dokladů vychází na jevo, že opomenuté *l'* epenth. obmezuje se na 1 sg., na př. терпю, любю, a na part. praet., na př. любеный, tedy na tvary, v nichž tvaroslovná analogie i v jiných slovanských jazycích způsobila zánik původních změn souhláskových. Také při popise nářečí «dolivského» (Зап. Шевч. XXXV—XXXVI) praví Iv. Verchratskij (p. 46), že po retnicích nevyskytuje se *l'* epenth., dokládaje tvary 1 sg. робю a partic. praet. зроб'ено; nicméně i zde nalézám zachované tvary, jako земле 25, зо землы 29, по-під землю 93, кроплы 23, коноплы 44, конопля 52, притрефлее сы (= притрафляє ся) 15, na důkaz, že zánik epenth. *l'* ani v tomto nářečí není všeobecným. Uhersko-ruská nářečí s pohyblivým přízvukem z okolí Munkačeva, které popsal Iv. Verchratskij (Зап.

Шевч. XXVII—XXX, ve Lvově, 1899), uvádí tu p. Hnatjuk neprávem; v těchto nářečích je *l'* epenth. velmi důsledně zachováno a značně rozšířeno: здоро́вля, ве́рбля, жеребля́, Словля́к plur. Словлякы (str. 39). Jinak je tomu v uh.-ruských nářečích s přízvukem stálým, které popisuje Jv. Verchratskij v druhé části svých Знадіб для пізнаня угорско-русских говорів (Зап. Шевч. XL—XLV, у Львові, 1901). To jsou nářečí severních částí stolic šaryšské a zemplínské. Iv. Verchratskij (str. 11 a 47) praví sice, že *l'* epenth. v mnohých obcích se nevyskytuje, nýbrž že se vyslovuje: робю, выробеный a pod. Nicméně máme tu opět důkazy, že obce s nářečím rusínským zachovaly *l'* epenth. a pokud nastala změna, že jest pozdější a způsobena tvaroslovnou analogií a sousedním vlivem jazyka slovenského. Takové důkazy poskytují hojné ukázky nářeční. Vezměme na př. obec Чертыжне (mad. Csertész), snad nejsevernější ve stolici zemplínské. Máme odtud ukázky prosaické dvojí: jedny ve sbírce p. Hnatjukově (Етнограф. матер., 3—21), druhé v rozpravě Iv. Verchratského (Знад. II, 158—164), tedy velmi hojné. Nářečí jest dosti čisté, vlivy slovenské jsou poměrně slabé. Pročetl jsem tyto texty pozorně a vidím, že jest tu *l'* epenth. vždy na svém místě: *zeml'a* (Етн. мат. 17), *na zeml'u* (7, 14, 19), *po zeml'i* (3), *zo zeml'i* (6, 8, 19), *do zeml'i* (18, 19), dále z pozdějšího vývoje: *sklepl'iňa* (14, 15), 3 pl. *ne robl'at* (10), *zhubl'at* (16), kdežto v 1 os. není ve slově *potrafju* (19). Podobně v ukázkách Iv. Verchratského: *na zemlju* (II, 152, 157, 162), *po zemlju* (152), *zhublene* (157), 3 pl. *lamljut* (149), a pozdější *zrobljat* (152, 153), *robljat* (155).

Z toho všeho vysvítá, že *l'* epenth., jmenovitě staré či historické, jest dosud charakteristickou známkou rusínských nářečí; častečný jeho zánik, jenž vyskytuje se tušim v nářečích západních, v sousedství polského a slovenského jazyka, postupuje podle tvaroslovné analogie a jeví se zvláště v partic. praeteriti, dále v 1 osobě sing., též v iterativních slovesech.

Do nářečí slovenských *l'* epenth. nikde neproniklo.

3. Všem veliko-ruským, bělo-ruským a malo-ruským nářečím společny jsou útvary hláskoslovné *torot*, *teret* za praslov. *tort*, *tert*, kdežto v nářečích česko-slovenských s touže důsledností se jeví útvary *trat*, *trět*. Také uhersko-rusínská nářečí drží se vesměs «plnohlasných» útvarů, jak jsem vytkl již v Jagićově Archivu XVI, 501. (Srv. O. Broch, Weitere Studien, Kristiania, 1899, p. 57). V textech kerestúrských a kocurských není žádných «plnohlasných» tvarů. Ojedinělé *holovu* (Етногр. мат. p. 145) v písni vysvětluje se vzorem ruským, právě tak jako ojedinělé tvary *mloda* (161) a všeobecné *chlop*, *chlopci* vlivem polským. Pravidelné tvary v textech kerestúrských a kocurských jsou *trat*, *trět*: *mladi*, *slama*, *chlapci*, *drevo* a t. d. Dokladů tušim uváděti není třeba. Pan Hnatjuk nepopírá, že takový

jest stav v nářečí kerestúrském a kocurském. Nicméně snaží se jej vysvětliti jinak, totiž jako «zbytek jazyka staroruského». Než to jest výklad poněkud mylný. Domnělé «staroruské» tvary jsou vlastně církevně-slovanské, tedy původem jiho-slovanské. Do nejzápadnějších nářečí rusínských, zvláště uhersko-ruských, vnikla některá slova takového tvaru z téhož církevně-slovanského a zároveň knižného jazyka; jiná však jsou tu původu slovenského. Není nesnadno ustanoviti v každém jednotlivém případě, odkud slovo pochází. Nalézáme-li na př. v nářečí marmarošském (Iv. Verchratskij, Ueber die Mundart der Marmaroscher Ruthenen, Stanislau, 1883, p. 17) rčení: побы́то во́рогув на прах (die Feinde wurden gänzlich aufgerieben), je to zajisté původu literárního (прах tudíž tvar círk.-slov.), kdežto lidový útvar se jeví ve rčení розтéр довгáн (тютюн) на пóрох (er zerrieb seinen Rauchtabak zu Staub). A podobně ukazuje zvláštní význam a způsob užívání, že druhotvary toho nářečí: враг, глава, глас, предок jsou literární, kdežto lidové tvary jsou ворог, голова, голос, передок. Při popise jiných nářečí Iv. Verchratskij nepodal takových poučných výkladů; nicméně není pochybnosti, že v nářečí západo-haličských Lemků (srv. Archiv XV, 50), dále v západních nářečích uhersko-ruských (srv. Знадоби I, 24; II, 35) tvary *trat*, *trět* jsou více původu slovenského.

4. Změna původní slovanské skupiny *dl* v *l* je zajisté znakem nářečí rusínských vůči slovenským, které skupinu *dl* zachovávají. Některé rusínské mluvnice neuvádějí žádných odchylek (srv. Osadca, str. 27; Naumenko, str. 81; Smal-Stockij — Gartner str. 15), v jiných nalézáme též odchylky, na př. jідлó (Speise), падлó (Aas), сыдлó (Sattel) ve Studiích Ogonowského (str. 92), *jidło*, *bodło* (Spiess), *bodłyna* (Stachel), *bodłyvyj*, *midłenje* (Flachsbrechen), *padło*, *padłyško* (Aas), *šidło* (Sattel), gen. *jadłôvča* (jalovce), *pavydło*, *povydła*, temné *kódło* (Gezücht) v mluvnici Miklosichově (V Gr. I² 448). Tu jest tedy uvedeno odchylek poměrně hojně, ovšem dialektických, ale není vždy přesně udáno, z kterého nářečí tyto doklady jsou. Podobně počíná si p. Hnatjuk; řada jeho dokladů pro *dl* jest ještě delší: ковáдло, кодло, жрідло, підло, падло, падлина, згірдливо, сїдло, сїдлати a t. d., ale odkud, z kterého nářečí tyto odchylné doklady čerpány jsou, to se nám neprozrazuje. A přece všechno záleží na otázce, nejen v kterých slovech, ale hlavně v kterých nářečích skupina *dl* se objevuje. Některá slova jmenují se zde neprávem, zvláště **sedьlo*, snad i **padьlo*, jiná jsou temná, jako *kodło* (Geschlecht, Gezücht), jiná jsou utvořena později, jako *povydła* (= *povéd-la* za starší *po-vědě-la*), jiná konečně jsou přejata z polštiny (srv. *midłenje* pol. *międlenie*), po případě ze slovenštiny, což někdy není lze rozhodnouti. Do této skupiny náleží slova, která p. Hnatjuk uvádí z rozprav Iv. Verchratského, tykajících se nářečí uhersko-ruských, jmeno-

vitě: ядловиц (Wachholder Iuniperus communis podle pol. *jodła* čsl. *jedla jedle* = Tanne), ядлівчак (Wachholderdrossel Turdus pilaris), мыдло (Seife čsl. *mýdlo mydlo*) мыдліті (čsl. *mydliti* seifen), srv. Знадоби II, str. 51. Takových dokladů uvádí ostatně Iv. Verchratskij z uhersko-ruských nářečí mnohem více: быдля (Vieh, pol. *bydlę*), джвірадло (Spiegel, pol. *zwierciadło*) a j. Знадоби II, 227, 236 a t. d. Některá slova uvádí p. Hnaťjuk neprávem. Tak jmenovitě: sg. рудель pl. рудлы (Röthling Ruticilla, z Krempachu v severní Spiši) — to bude slovo cizí, asi německé; adj бодливый je z **bodъlivyj*; дудла (Baumhöhle) bude snad jen dialektickou obměnou slova *duplja* a pod. (Знадоби II, 56, 64, 76). Ale jakkoliv se tato jednotlivá slova nářečí uhersko-ruských vysvětlí, o tom nemůže býti pochybnosti, že původně skupení souhláskové *dl* v jazyce ruském podléhalo změně v *l*. Tak na př. neuvádí Verchratskij z nářečí Lemků žádné odchylky; naopak tvar сьiўо za obecné сідло, pol. *siodło*, č. *sedlo* Sattel, dodávaje, že łemkovský tvar jest tudíž vlastně rusínský (Arch. XV, 72). Z nářečí Zamišanců nepřipomíná Verchratskij žádné odchylky (Записки III, 170 sl.), ani z nářečí dolivského (Зап. XXXV), ani z nářeěí marmarošského (Ueber die Mundart der Marm. Ruth., 24). V nářečí kerestúrsko-kocurském máme naopak vždy *dl*: *kridlo*, *z jadlovoho dreva*, *do bradla*, *źverkadlo* (zrcadlo), partic. *pojidl'i*, *źedli* (sъn-ěd-li), *privedli*, *ukradli*, *spadla*, *spredla* (sъ-pręd-la), *ohl'adla*, *povedli*, *otpovedli* (po-věd-ě-li), též ve slově *modl'ic*, *modl'il* (= prosil, ve významu srbsko-chorv.), *vimodlili* a j. Životní síla skupiny *dl* jeví se zvláštně ve slově *żedl'arski* = žel'arský (srv. slovenské *želiar* Inwohner, Häusler): *żedl'arski dzivki*, *v żedl'arskej chiži*. Odchylná slova jsou ojedinělá: *mol'ba* podle církevního jazyka, *nasel'ic* snad z původní zásoby rusínské.

5. Významná vlastnost východních nářečí uhersko-slovenských jest mladší palatalisace zubných *t*, *d*. Je to změna, která zasáhla nářečí česko-slovenská tam, kde bezprostředně sousedí s polštinou, v severovýchodní Moravě, ve Slezsku a v severních částech stolic uhersko-slovenských. V nářečích slovenských ve Spiši, Šaryši a Zemplíně jeví se tato změna v tom, že každé *ť* a *ď* t. j. každé *t* a *d* před úzkými čili palatalními samohláskami ь, *e*, *ě*, *ę*, *i* přechází v *c* a *dz*. V lidovém jazyce kerestúrsko-kocurském máme tudíž důsledně: inf. *vožic* (voziť), *bivac* (bývať), *isc* (jíť), *pojsc* (pojíť), *prisc*, *dojsc* a t. d., *pejc* (pět), *dvacec*, *dosc* (dosť), *mac* (máti), *ocec* (otec), *ceńše* (tenší), *dajce* (dajte), *ceplota*, *ceško* (těžko), *cahali* (ťahali), *vicahli* (vytiahli), *ucali* (uťali), *pricisli* (pritiskli), *treci* (tretí), *cicho* (ticho), *z vel'ku radoscu* a t. d.; *dzeń* (deň), *hodzen* (hoden), *l'udze*, *pejdzešat* (padesát), *dzešatok*, *pojdze*, *u vodze* (ve vodě), *z dzecmi*, *dzecko*, *dze* (kde), *hodzina*, *vodzelo* (vodilo), *dzirki* (dírky), *nadzala kudzel'* (nadiela kúdel), *dzijakovi*, *čel'adz* a t. d. Odchylky nejsou četné a vysvětlují se snadno rozmanitým vlivem knižným:

tercha (ťercha, ťarcha), *uterchovana chudoba, pan učiteľ, ďabol, prijateľ, Maďare, zvoditeľ* (svůdce), *na ohňanej ladi* (na parníku), *na ohňanu laďu* (na parník) a j. Zvláště v duchovních písních je odchylek více: *najdete, ďiti* a j. Vlastní rusínská nářečí této proměny neznají. Pan Hnaťjuk sám uznával dříve (srv. rozpravu jeho Русини Пряшівської епархії і їх говори, Зап. Шевч. XXXV), že toto «dzekání» a inf. na —*c* jsou charakteristickými známkami jazyka uherských «Slovjaků» t. j. takových Rusínů, kteří mluví dialektem «slovenským». Tito «Slovjaci», mluvící «slovensky», liší se sice od vlastních «Slováků», kteří mluví «slovácky», avšak příčinou toho rozlišování není různost nářeční (ač i po té stránce jsou některé zvláštnosti), nýbrž spíše povědomí, jež se prýští z různosti náboženského vyznání. «Slovjaci» jsou vlastně, což uznává v této rozpravě též p. Hnaťjuk, poslovenštělí Rusíni, vyznáním «uniaté». Od tohoto, podle mého přesvědčení zcela správného stanoviska, odchyluje se poněkud pan Hnaťjuk v rozpravě «Словаки чи Русини?», chtěje váhu oné různosti oslabiti poukazem, že změna měkkého *ť* v *c*, velmi řídka prý i *ď* v *dz* se vyskytuje i v jiných rusínských nářečích. Všimněme si oněch nářečí, na které p. Hnaťjuk poukazuje. Tu jest především nářečí «dolivské» v Haliči, v kterém se objevují tvary; цьóта (teta) — pol. *ciotka*, по хребцьі — pol. *po grzbiecie*, цьма — pol. *ćma*, цьмук (Nachtfalter, phalaena) — pol. *ćmuk* (Karłowicz, Sł. gw. pol. I), srv. Verchratskij p. 42—43; kdož by o tom pochyboval, že jsou to slova z polštiny převzatá? Podobně nalézáme v nářečí «łemkovském» v Haliči: цьма, цма, plur. госцьі, adv. хоц, хоц-де (irgendwo), риц — pol. *rzyć* (Verchratskij, Arch. f. slav. Phil. XV, 61), v nářečí haličských «Zamišanců» opět хоц, dále дзецко (Зап. Шевч. III, 167, 171). To jsou vesměs ojedinělé zjevy, jakési cizí živly, které obecným stykem vzájemně do lidové řeči vnikají. A tak je tomu též v rusínských nářečích na území uherském. Ta, která se stýkají bezprostředně s polskými a slovenskými, mají tu opět: цма, хоц, рыц, мацери душка (Quendel), též цанвстра (Tornister, lat. canistrum), счина (murus) z původního сціна — pol. *ściana* (Verchratskij, Знадоби II, 45); ona však, která jsou vzdálenější, dále na východ položena, neznají těchto proměn, z těch Verchratskij žádných dokladů neuvádí (srv. Знадоби I, 35; Ueber die Mundart der Marm. Ruth., 22). Není lze tuším pochybovati o tom, že tyto ojedinělé případy z pohraničných nářečí neruší obecného pravidla, jež se jeví v zachování měkkých *ť*, *ď*. Důsledná proměna v *c*, *dz* v nářečí kerestúrsko-kocurském, ve spojení s ostatními mluvnickými jevy, jest tudíž znakem východo-slovenským.

V této souvislosti náleží mi ještě vysloviti se o běloruštině. Pan Hnaťjuk obrací totiž pozornost — ovšem na jiném místě (str. 22) — na zřejmou prý podobu nářečí bačvansko-ruských s běloruskými a otiskuje též

ukázku běloruskou, anižby blíže naznačil, v čem tato do očí prý bijící podoba se projevuje. Snad pomýšlí v první řadě na důsledné *c*, *dz* za měkké *ť*, *ď*. V té příčině se obojí nářečí shodují, právě tak, jako na př. největší část nářečí slezských, která přece náleží ke skupině československé. Tato podružná změna nerozhoduje sama o sobě o příslušnosti k západoslovanským, po případě ruským nářečím, jelikož jest obmezena na určitý kruh nářečí pohraničných a nemůže vyvážiti oněch zakladních znaků, které pronikají celou soustavu jednotlivých jazyků. Běloruština, částečně ukazuje to též krátký text od p. Hnaťjuka uvedený (str. 23), má důsledné *č*, *ž*: ў ноче (v noci), не хочу (str. 23), чужбинà (Nosovič, Словарь); *l'* epenth.: subst. кýпля, inf. купляць, partic. кýпленый (Nosovič); *ere*, *oro*, *olo*: на перóд, дорóга, праполóхаўсе (str. 23). Tyto tři znaky stačí úplně, aby rozhodly o příslušnosti běloruského nářečí ke skupině ruské, a není třeba uváděti znaků dalších. Na této příslušnosti nemění podružné *c*, *dz* nic, tak jak nemění nic na příslušnosti určitých nářečí k celku československému.

6. Podobný relativní význam v nářečí kerestúrsko-kocurském má změna souhlásck *s*, *z* v *š*, *ž* před úzkými čili palatalnými samohláskami a souhláskami: *paše* (pase), *šedňu* (sednou), *šeno* (seno), *košic* (kosiť), *u jišeňi* (v jeseni), *še* (se), *zaš* (zase), *mešac* (měsíc), *šľibodno* (svobodno), *krašňi*, *na švece* (na světě), *ošmejana*, *zašpevali*, *poštred* (prostřed) a t. d.; *u žeme* (v zemi), *žemička*, *na draže* (na dráze), *voželi* (vozili), *vožic* (voziť), *užal* (vzal), *žedli* (sъn-ědli), *vežňu* (vezmou), *zamaržňi* (zamrzne), *hrožňe* (hrozně), *vežme* (vezme) a t. d. Odchylek je tu málo: *kositba*, *do dnes* a pod. Pan Hnaťjuk nenamítá nic, ale uvádí doklady z jiných nářečí rusínských, chtěje patrně říci, že tato změna není neznáma v rusínštině. Vizme, jak se věc má. V nářečí haličských Zamišanců nalézáme několik případů na př. шклянка — pol. *śklanka*, шрібuо, шрібный — pol. *srebro* z pův. *śrebro*, dial. *strzybuo* a j., лишівка (Cantharellus cibarius Eierpilz), коштур (železem okovaná hůl) (Verchratskij, Зап. Шевч. III, 166); podobně v nářečí haličských Lemků: шкўо (pol. dial. szkło), гушлі (pol. gęśli), шадый (pol. szady) a j. (Verchatskij, Arch. XV, 56—57); ojediněle též v nářečí haličských «Dolů»: шпиник a шпоник (sъ-pin-, sъ-pon-), шараньчé (Oedipoda migratoria, Wanderheuschrecke) a шкарупа (v tomto slově jest *š* i v jiných slovanských jazycích, srv. čes. dial. škařupa, Verchratskij, 38); ojediněle též ve východnějších nářečích uhersko-ruských (ve stolici Berežské): шерсть (pol. *sierść szerść*), зашпінкати (häfteln), шкіра (skora), шкрéбати (srv. čes. škrábati), шалáта (Verchatskij, Знадоби I, 33); ojediněle i dále ve stolici Marmarošské: зашкальіты (mit einem Splitter verwunden), шерсть vedle серсть, шерстяньій vedle серстяньій (Verchratskij, Ueber die Mundart der Marm. Ruth., 22); hojněji však jen v oněch uhersko-ruských nářečích ve stol.

Spišské a zvláště Šaryšské, které se stýkají bezprostředně s živly polsko-slovenskými: шершень, шерце, гушениця, reflex. ша a t. d., dále шьино (sěno), шьміяти, шьпівати, шьніг, шьвіт, гушьлі a t. d. (Verchratskij, Знад. II, 40). Změna v *š*, *ž* jeví obdobný obraz podružné změny v *c*, *dz*, tím že se obmezuje na některá slova (шкло a шерсть jako obecná uvádí na př. Osadca, str. 28, 29) a na sousedství polskoslovenské, anižby se kdekoliv byla stala obecným pravidlem, jak ve východních nářečích uherskoslovenských. Verchratskij uvádí na př. (Знадоби II, 128 sl. a 142 sl.) ukázky z obcí saryšských Kružl'ové a Bodrudžalu, které L. Niederle na mapě označuje za čisto slovenské (Národnostná mapa uh. Slováků, Praha 1903), připomínaje (str. 127, pozn.), že jsou to obce poslovenštěné. Podle ukázek p. Verchratského jest však nářečí obou těchto obcí dosti čistě rusínské, nemajíc ani *c*, *dz*, ani *š*, *ž*, než toliko v málo případech, jako: шьвятый a шьятый (svatý), шьміял ся, жьвідал ся, дожьвідувал ся — z Kružl'ové, kdežto v ukázce z Bodrudžalu žádného dokladu nenalézám. Z toho je viděti, že změna v *š*, ž není v žádném nářečí rusínském vyvinutým jevem hláskoslovným, nýbrž že se vyskytuje jen ve slovech, ze sousedních nářečí polských a slovenských přejatých.

7. Také střídnicemi za praslovanskou nosovku ѧ liší se nářečí ruská a československá. V nářečí kerestúrsko-kocurském jeví se týž stav, jako ve východní uherské slovenštině:

a) *žatva*, *ohl'adame še*, *dva mešaci*, *naj praha*, *cahali*, *vicahli*, *uvjažem*, *uvjažce*, *najčašše*, *pjatoho*, *na pamjatku*, *s počatku*, *dzešatok*, *vžac*, *vžal'i*, *zacal'i*, *prijati* (přijatý), *prijal'i*, *počal'i*, *dzivčata*, *ňebožatko*, 3. pl. *muša*, *pokoša*, *kriča*, *oddzel'a*, *chodza*, *šedza*, *viplaca*, *skupja še*, *robja*, *hutorja* a t. d.;

b) *vec*, *vece*, *vecka*, *najvecej*, *najvekšu*, *češko*, *najcešše*, *meso*, *odredzeni*, *spredzeš*, *predla*, *opet*, *dzešec*, *dzevec*, *dzevecero*, *pecero*, *dvacec*, *tricec*, pron. *me*, *ce*, *še a t. d.;*

c) *pejc* (pět), *pejtnac*, *pejdzešat;*

d) *l'ihnul* (od lęg- ?).

Takový stav střídnic za praslovanské *ę* jest příznačným pro východní uhersko-slovenská nářečí a jeví se na př. též v ukázkách p. Hnaťjukových ze vsi Mal'cova ve stolici šaryšské (Етногр. матер. 103—116; L. Niederle zaznamenává Mal'cov na mapě jako ves poloslovenskou, uváděje že má 17% obyvatelstva slovenského a 13. 4% obyv. rusínského). V ukázkách skutečně rusínských takový stav střídnic za psl. *ę* se nejeví. Vezměme na př. ukázky p. Hnaťjukovy ze vsi Krempachu ve Spiši (Етногр. матер. 93—101; na mapě Niederlově jest Krempach zaznamenán jako obec čistě slovenská, mající 96% slovenského obyvatelstva, srv. o tom pozn. na str. 88). Tu čteme pravidelné *'a:* піньазі, пйасть (pęstь), 3 pl. відьат, летьат, мусьат, ўлапйат,

хибйат, смотрйат, a t. d., тісьачку (tisícku, tisícovou bankovku), reflex. сьа a ша, мйа, нещасліввй a t. d.; jen několik slov se odchyluje: найвекший (srv. pol. *większy*, vých.-slovensky *najvekši*), двацеть, дванацеть, (též дванац), což jeví vliv slovenský. Poukazuje-li p. Hnaťjuk na některé doklady ze studií Iv. Verchratského, není pochyby, že jsou to vesměs podobné vlivy polsko-slovenské. Tak v nářečí haličských Zamišanců: счестя, девет, десет, єденайце (Зап. Шевч. III, 162); v nářečí uhersko-ruském v severním Šaryši: месо, щестя, говедо, єденадцет, двададцет (Знадоби II, 26—27); v nářečí haličských Lemků: говедо («als Schimpfwort gebraucht», tedy patrně slovo přejaté), счестя, єденацет, двацет, трицет (Arch. XIV, 608) a t. d. Jsou to vždy cizí živly v těchto pohraničných nářečích, právě takové jako венцей, зайонц a j. v nářečí haličských Dolů (Про говор дол. 26). Dále na východ těchto přejatých slov jest méně. Z okolí Munkáče ve stolici Berežské uvádí Verchratskij jen ojedinělé doklady (Знад. II, 20): витезь (patrně maď. *vitez*), клегиня, кегиня (= кнѧгыни) a z nář. Marmarošského žádné.

8. Znakem maloruských nářečí jest změna tvrdého koncového — *ł* v partic. praet. v souhláskové—*u̯*, kdežto východní uhersko-slovenská nářečí—*l* zachovávají. V nářečí kerestúrsko-kocurském máme vždy — *l: kupel sebe, rucel* (rutil), *cigańil* a t. d. Rozdíl je tak zřejmý, že nemůže býti v odpor brán. Pan Hnaťjuk nicméně uvádí některé doklady z popisu uhersko-ruských nářečí stolice Šaryšské (Iv. Verchratskij, Знадоби II). Přihlédneme-li blíže k ukázkám, nalézáme, že — *ł* trvá v obcích: Lukově, Lvově, Becherově, Varadce, Vyšním Mirošově, Kečkovcích, Vápeníku, Kružl'ové, Vyšním Svidníku, Bodružalu (Знадоби II, 113 sl.). Je to tudíž zjev pozoruhodný, a může vzniknouti otázka, není-li v těchto severo-šaryšských obcích zachováno původní — *ł*. Majíce zřetel na ostatní nářečí maloruská, spíše připustíme, že toto — *ł* jest následkem silného vlivu slovenského.

9. Z tvarů slovesných v nářečí kerestúrsko-kocurském uvedu tyto: 1 sg. *budzem*, *pojdzem*, *pridzem*, *ńi možem*, *privjažem*, *zaprem* (zavru), *odńišem*; 1 pl. vždy — *me: pridzeme*, *pojdeme*, *tu sme*, *že mušime*; 3 pl. *šedńu*, *pašu*, *vežńu*, *co su* a t. d., *hońa*, *visluža*, *ńi jidza*, *robja*, *skupja še* a t. d.; inf. vždy — *c: bivac*, *vožic*, *isc* (jíti), *pojsc*, *dojsc* a t. d. Není tuším třeba doličovati, že souhrn těchto tvarů jest zřejmým svědectvím pro slovenskou povahu nářečí kerestúrsko-kocurského a že doplňuje řadu dokladů s vrchu uvedených, jichž dále rozmnožovati není potřeba. Zvláštnosti nářečí kerestúrsko-kocurského tím ovšem jsou jen naznačeny, daleko ne vyčerpány. Pan Hnaťjuk sám uvádí (str. 17—20) dlouhou řadu hláskoslovných odchylek, doložených v rusínských nářečích západo-haličských a uherských. Než takové všeobecné doklady nestačí. Třeba v každém jednotlivém případě ustanoviti nejen hláskoslovný ráz, nýbrž i zeměpisné rozšíření, z čehož vyjde na

jevo, pokud uvedené odchylky jsou způsobeny vývojem vnitřním a pokud se v nich zračí vliv sousedního živlu, polského a slovenského.

II.

Nářečí kerestúrsko-kocurských Rusínů náleží tedy podle kriterií filologických do skupiny východních, spišsko-šaryšsko-zemplinských, nářečí uhersko-slovenských. Jest všeobecná tradice, dosud ovšem dokumentárně nedoložená, že ruští osadníci kerestúrsko-kocurští přistěhovali se do svých sídel asi před 150 lety ze stolic zemplínské a šaryšské. Rusíni těchto stolic nazývají se nyní «Slovjáci» a mluví «po slovensky». Bačvanští kolonisté těchto názvů neznají, nazývajíce sebe «Rusnak», pl. «Rusnaci» a mluvíce «po rusky». Správně soudí z toho jeden z dopisovatelů p. Hnatjukových, Jurij Bindas, že název «Slovják» jest novějšího původu (Слов. чи Рус., 29), kterého ještě nebylo, když kolonisté bačvanští rodný svůj kraj opustili. Tento závěr platí též o jazyce. *Nářečí kerestúrsko-kocurské jest živou ukázkou poslovenštěného nářečí rusnáckého před 150 lety.* Tím stává se toto nářečí nemálo důležitým předmětem studia filologického a bylo by si přáti, aby co nejzevrubněji popsáno a zaznamenáno bylo. Běží o podrobné vyložení, co v nářečí bačvanských Rusnáků jest slovenským a co ruským. Věc je dosud nesnadná, protože nemáme náležité dialektologie ani slovenské ani rusínské, nýbrž jen jednotlivé popisy a ukázky nářeční. Obtíže vznikají při každé jednotlivé střídnici hláskové, při každém tvaru, při každé syntaktické vazbě.

Vezměme na př. střídnice za praslovanské ъ. V ukázkách p. Hnatjukových nalézáme:

a) *zo*, *zoz*: *zo sobu*, *zomľic* (sъ-mlěti), *zoz hľinom*, *zoz macerami*, *zos chotara*; podobně se jeví *o* ve slovech: *vonka*, *tot* (ten), *na zadok*, *mohol*, *odvezol*, *vidzel som* a t. d.;

b) vedle toho *e*: *kreu̯* (krъvь), *teraz*, *tedi*, *ked*, *vežňu* (vъzьmątь);

c) jiné střídnice: *raž* (rъzь), *zadiždžena chviľa* (dъždь), *gu poledňu*, *gu vichodu*. Co jest v těchto střídnicích slovenským, co ruským majetkem? Odpověď není snadná. V ukázkách falkušovských (O. Broch, Studien) nalézáme též: *zo sobu*, *voš* (vъšь), *vonka*, *zohrac še*, *vojs* (vъ-jíti), *z desok*, *zamok*, *ľubou̯* (ljubъvь), ale vedle toho *kreu̯*, *cerkeu̯*, *nochec* (nogъtь), *kedi*. Z toho vysvítá, že všechny kerestursko-kocurské střídnice za praslov. ъ mohou býti slovenské, některé však že mohou býti též ruské.

Jiný příklad poskytuje skloňování jmen přídavných; v ukázkach p. Hnatjukových čteme vždy sing. gen — *oho*, sing. dat. — *omu*, tedy tvary ruské, které mají též «cotáci» falkušovští (Broch, Studien 36). O těchto tva-

rech možno určitě říci, že jsou původu ruského, tedy v nářečí bačvanských Rusnáků zbytky vlastního nářečí ruského. Koncovky *-oho -omu* jsou též v nářečí «sotáckém» (srv. Broch, Weitere Studien 32), doloženy již ve zpěvníku z r. 1752 (srv. mé Beiträge zur Lautlehre der slovak. Spr. 123), ba sahají dále až do stolice gemerské (t., 123). Vůbec možno říci, že Slováci sice poslovenštili valnou část svých sousedů rusínských, že však tento živel nezanikl beze stopy, nýbrž že vliv svůj zřetelně uplatnil v nářečích slovenských.

Nemálo zajímavé jsou též tvary plur. gen. na *-och*, které v nářečí kerestúrsko-kocurském, jak se podobá, jsou obecné: *nam ńi treba katonacoch* (nám netřeba vojáků), *Rusnacoch*, *barz l'udzoch*, *do putoch*, *kolo tich hńizdoch*, *do magazinoch*, syntakticky též za akkus. pl.: *dobijice katonacoch* (obdržíte vojáky), *poslal dvoch banduroch*, *hońil'i l'udzoch*, ba i za dat. pl.: *gu peńižoch*. Původní lok. plur. je též doložen: *v tich dzirkoch*, *vajcoch*, *v pivńicoch*, *u vodzoch*, *na voloch*. Jakého původu jest tento gen. pluralis? St. Smal-Stockij (Arch. VIII, 1885, 239) nalezl takové tvary u I. Holovackého (Нар. пѣсни III, 262 a IV, 294), doložené v písních haličských Lemků a uherských Rusínů, tedy v sousedství slovenském, a proto soudil, že se vysvětlují též vlivem slovenským. Jinak O. Broch (Weitere Studien, 1899, p. 21) jenž časté užívání gen. plur. tvarů *-och* v nářečí «sotáckém» (v Korumlji) považuje spíše za příznak rusínský. Na které straně jest správný výklad? V uhersko-slovenských nářečích spišských, šaryšskych a zemplínských jest skutečně tento gen. pl. *-och* obecný. (Srv. mé Beiträge, 98). Jak je tomu v sousedních nářečích rusínských? Z nářečí haličských Lemků neuvádí Iv. Verchratskij žádného dokladu (Arch. XVI, 1894, 19 sl.), z nářečí haličských Zamišanců taktéž žádného dokladu (Зап. Шевч. III, 177), z nářečí haličských Dolů jen вдовых (Про говор дол. 67), z nářečí marmarošského žádného (Ueber die Mundart der Marm. Ruth., 28), z nářečí berežského žádného dokladů (Знадоби I, 63 sl.). Teprvé při popise nářečí rusínského ze stolic: spišské, šaryšské a zemplínské praví Iv. Verchratskij (Знадоби II, 73 sl.), že tvar gen. pl. *-och* jest všeobecný u všech kmenů, a uvádí hojně dokladů. O. Broch z nářečí «cotáků» falkušovských a dubravských dokládá gen. pl. nach *-och* jen ojediněle, jako tvary výjimečné: *dńoch* (Studien 54), *maceroch* (55). Na základě tohoto, poměrně kusého materialu není lze řešiti otázku, v kterém nářečí tento novotvar vznikl, ač rozšířenost na straně slovenské jest patrně větší.

Je-li nesnadno, určovati ethnický původ hláskových a tvarových změn, oč obtižnější jest při nynějším stavu slovanské dialektologie stanoviti příslušnost vazeb syntaktických! V ukázkách kerestúrských čteme na př. takovou vazbu: *išpan še pita bandurovi*, *birovovi*, tedy sloveso *pytati* s dati-

vem. Očekáváme při slovese *pъtati pytati* genitiv, který je tu skutečně doložen z mnohých slovanských (srv. Miklosich, Vergl. Gr. IV, 493 sl.) i neslovanských jazyků (funkce ablativní), anebo aspoň akkusativ; avšak odkud vazba dativní? Snad vznikla podle vzoru *modliti sę komu*, podle níž se spojuje i *prositi sę* s dativem. Tak slovensky: *on sa nikomu neklaňal, nikomu sa neprosil* (Hattala) a polsky: *nie prośmy się nikomu* Linde (Miklosich, V, Gr. IV, 597). Takto by se uvedená vazba vysvětlila, ale zbývá otázka, v kterém nářečí se vyvinula, v slovenském či v ruském?

Zůstává tedy při náležitém rozboru nářečí kerestúrsko-kocurského mnoho otázek nerozřešených; nicméně tolik s jistotou říci se může, že jest to nářečí, které nyní, v tom stavu, jenž známe z ukázek páně Hnaťjukových, náleží do skupiny slovenských nářečí šaryšsko-zemplínských. A jelikož není o tom pochybnosti, že lid, tímto nářečím mluvící, podle ethnického původu jest rusínský, máme před sebou nářečí, které si tento rusínský lid osvojil, dokud ještě byl v rodném kraji šaryšsko-zemplínském, pod kulturním a hospodářským vlivem slovenským. K takové základní změně jazykové bylo zajisté zapotřebí dlouhé doby, snad několik století. Mnohé vysvětlení by tu mohly poskytnouti hospodářské dějiny oněch krajů. Podobá se zajisté, že slovenská vrstva, snad zemanská, byla panující, kdežto obyvatelstvo ruské bylo poddané. Ovšem je to pouhá domněnka, která se při této úvaze mimoděk namanuje. Snad bude vůbec lze, vysvětliti vznik východního nářečí uhersko-slovenského — spišsko-šaryšsko-zemplínského — jako výsledek výbojného postupu živlu slovenského na úkor živlu polského a rusínského.

III.

Tyto výklady byly již vysázeny, když mně pan *Gabor Kostelnik Homzov* poslal sbírku svých básní, vydaných pod názvem: *З мойого валала.* Идилски вeньец. Жовква, Печатня ОО. Василіян. 1904. 43 str. Obsahem této knihy jest poetické vylíčení krásného a šťastného života vesnického, jak se jeví po celý rok v rodné obci spisovatelově, v Báč-Kerestúře, při čemž zachováno v celé básni *velmi věrně domácí nářečí.* Pan spisovatel byl tak laskav a zaslal mi na mé požádání celou báseň též v transkripci latinské.

Maje takto po ruce nový pramen lidové řeči kerestúrské, připojuji zde, na základě tohoto pramene, krátký popis hláskoslovný a tvaroslovný, drže se celkem téhož pořádku.

1. Západoslovanské ц, дз jest obecným pravidlem: a) kompar. вец, вецей, вецка; subst. ноц, вноци, полноц; около пеца, pl. пеци; gen. помоци,

adj. моцни, komp. моцньейшим; на плецу; плаца; part. indecl. на — ци: трешаци (trešaci), прериваюци, одглашуюци, указуюци, шпиваюци, льецаци a j.; adj. od těchto participií utvořená: на швицацо (= skvěle), пишацо (= pyšně); 3. pl. мецу (mecu = metají); partic. наквицену (kvítím ozdobenou); verba iterat. врацали, врацаю (3. pl.), наруцали, руца (3 sg.), з окруцаньом a j. Není tu žádné odchylky. b) praep. медзи, медз собу, помедзи, медзитим; subst. на медзу; adj. цудзи; partic. утрудзени (upracovaný), родзеней, зачудзени (udivený); verba iterat. прехадзало, 3. sg. випровадза, сходза; 3 pl. посхадзаю, позихадзаю; zvláště zřetelně v 3 pl. похоцкую. Jediná odchylka jest ve slovech církevně-slovanských: «День божого нарожденя» (str. 34). Jinak odchylky není žádné. Z toho plyne, že v lidové řeči kerestúrské není jiných střídnic, než toliko slovenské ц, дз.

Poznámka. Několikkrát doloženo jest též дз za obecné slovanské з: дзвони задзвоньели, дзвоном одзвоньели, дзвонко, дзвонковим гласом, задзвинѣ (zadzviňi 3 sg.).

2. Vkladné л — epentheticum — se naprosto nevyskytuje, ani starší ani pozdější. Čteme tedy: sg. nom. жем, dat. жеми, instr. жему; partic. облюбене, ньевиробени, схабеней, виставени; verba iter. поставяли, охабяли, 3. pl. схабя, сподабя, наздравяю, též охабаю; podobně i tvary 3. pl. направя, поздравя, трубя a též люба; part. охабя, любяци. Všeobecně slovenské *hrable* nalézáme i zde: з граблями. Jediná odchylka jest církevně-slovanský tvar: вибавленю (vybavl'eňu) na str. 31.

3. Obecným pravidlem jsou tvary *trat* a *trět*. Jediné odchylky jsou: хлопи (10, 16, 41) vedle náležitého хлапец, dále jednou млода (29) vedle obvyklého млада.

4. Obecná jest skupina дл: sg. nom. кридло, plur. gen. кридлох, instr. кридлами, adj. кридлати, pl. брадла («kupi žita l'ebo inšakoho zarna»), зубадла (na koních); видлами; verb. 3 sg. модлѣ (modl'i), 3 pl. помодля ше, part. модльели,модляци; спадла. Odchylné jest *harlo* = hardlo, hrdlo: гарла, гарлом; dále *selo* ve slovese одсельела (vystěhovala), ше одселѣм (= odsel'im).

5. Povšimnutí zasluhuje též zachovaná skupina souhlásková кв a гв: з квета, зос кветами, квиток, на квиткох, квеце (kvítí) виквитало, розквитла, заквицени (kvítím ozdobený), наквицену гвиздочками (hvězdičkami jako kvítím ozdobenou), з гвизду (s hvězdu), гвиздами, на гвиздочку. Vždy zůstává кв, гв, bez výjimky.

6. Střídnice za ъ a ь jsou o a e: вонка, на предок, на задок, статок (statek), сон (sen), пошол (pošel), зос дому (z domu), зос поля (z pole), зос любову (instr.), сом (jsem) a j.; пес (pes), овес (oves), у чести (u cti). Od-

chylně nalézáme e též za ъ ve slově: деском (od «deska»), з дескох (z desek), на дещички (na deščički = na deštičce).

7. Pozoruhodna jest rozmanitost střídnic za původní slabičné р а л: a) шерцо (srdce), церпиц (trpěti), до верху (do vrchu), верхом (vrchem), завершели (završili = dokončili), завершує (3 sg. završuje = končí), сцерпянка (strniště), на сцерпьох (na strništích), перши (první), мертви (mrtvý), верца (3 pl. vrťá, vrtí), змерканье (smrkání, soumrak), též черпаю (3 pl. črpajú); b) зарно (zrno), гарсц (hrsť), на гарсцох (na hrstích obilí), чарни (černý), барз (brzo = velmi), тварде (tvrdé), змарзнуте (zmrznuté), позамарзовала (pozamrzovala), претаргнье (3 sg. pretrhne), витаргнуц (vytrhnúť), гарню ше (3 pl. hrnou se); c) городосци (sg. gen. hrdosti), зморщени (smrštěný); d) кирвави (krvavý), вистирчени (vystrčený); e) бринѣ (3 sg. brní, totiž kosa). Podobně při л: a) слунко (slunko), длуги (dlouhý), яблука (jablka); b) слиза (slza), глѣбоки (hluboký); c) полни (plný), наполнює (3 sg. naplňuje), наполньела (naplnila); d) жовци ше (3 sg. žlutá se, totiž med), жовца ше (3 pl. žlutají se, totiž «hušatka»), забовчує (3 sg. zablčuje, oheň), разбовчани (rozblčený, plamen). V posledních střídnicích je patrný vliv maloruského jazyka.

8. Také za ѣ máme trojí střídnice: a) чловек (člověk), дзецко (děcko), место (místo), хльеба (chleba), хльебик (chlebík), ньевеста (nevěsta), до мехох (do měchů), зос мехом (s měchem), шедзели (seděli), льетали (litali), грєє (hřeje 3 sg.), завєє (zavěje 3 sg.), одбера (odbírá 3 sg.), пресцера (prostírá 3 sg.) a j.; b) писма (píseň), вира (víra), шнѣх (sníh), шнѣгови (sněhový), дзивче (děvče), дзивки (dívky), до хлѣва (do chléva), цивки (cívky), била (bílá), билостриберни (bělostříbrný), зашпивал (zaspíval), ale též витрик (větřík), повишала (pověšela), предвичного (předvěčného, totiž světla, výraz církevní, str. 30), inf. видзиц (viděti), церпиц (trpěti) a j. c) цали (celý), цала (celá), цале (celé), шаце (setí, subst. verb.), сцадзує (3 sg. scezuje, totiž zrno), вицадзели (vycedili), бляди (bledý), блядих (bledých).

9. Střídnice za ѧ jsou dvojí: a) вецей (více), чешки (těžký), глъеда (3 sg. hledá), глъедали (hledali), кльекаю (3 pl. klekají), треше (3 sg. třese), akk. це (tě), refl. ше (se), дзивче (děvče), čistě ruské jest ся (str. 32); b) вяжу (3 pl. vážou), повязане (povázané), оглядаю (3 pl. ohlédají), шяту (svatou), шястоц (svatost), пратки (přadky, přástky), прагали (přahali), спрагнули (spřáhnuli), жадали (žádali), щашлѣвосц (ščašľivosc = štěstí), започала (započala), на початку (na počátku), мешачком (měsíčkem), шущаце (šuščace = šustící, totiž žito), дзивчата (děvčata), 3 pl. коша (kosí), льеца (letí), наваря (navaří) a j.

10. Mladší palatalisace zubnic *ť* a *d* jest všeobecným pravidlem: a) inf. описац, слухац a t. d. (vždy), досц (dosť), мац (mať, máti), понѣзносц

(poňiznost, pokora), цма (tma), цмасте (temné), цемни (temný), оцец (otec), сцернь (strniště), цепли (teplý), ценючки (teňučký), нье гоньце (ne hoňte), сце (jste), пацерки (páterky, růženec), запльецени (zapletený), мацер (máteř), на месце (na místě), у прикльеце (v příkletě), на посцелку (na postelku), уцешує (utěšuje 3 sg.), пресцера (prestiera 3 sg.), сцели (chtěli), плаци (3 sg. platí), сцигнье (stihne), циньом (tínem, stínem), цихе (tiché), уцих (tichl), у чесци (u cti), ци (ti), сцагнье (stáhne), нацагали (natáhali), вицагнули (vytáhnuli), 3 pl. льеца (letí), прехваца (přechvátí), kollekt. лѣсца (lístí), квеца (kvítí) a t. d. Odchylky obvyklé jsou: тераз, тебе, истей (sg. gen. fem.); z církevního jazyka: дате (32), откупитель (35); b) челядз (čeleď), з людзми (s lidmi), прездзень (přes den), свадзба a звадзба (svatba), будзе (3 sg.), идзе (3 sg.), дзвери (dvéře), кудзель (koudel), ньедзеля (neděle), дзеци (děti), видзел (viděl), дзе (kde), дзегдзе (kdekde, kdekoliv), 3 sg. родзи, ходзи a j., дзивей (divé), од дзивчатка (od děvčátka), подзвигнье (3 sg.), вшадзи (všude), шедзаци (šedzaci, seděci), 3 pl. шадза (sedí), видза (vidí), заедза (zajedí), пребудза (probudí) a j. Obvyklé odchylky: еден (jeden); кед (keď); z církevního jazyka: дѣва (30), народил (32), едина (30), дѣдове (dědové, starci).

11. S touže důsledností mění se *s* a *z* v *š* a *ž*: a) ньеше (3 sg. nese), єшень, до єшенѣ (do ješeňi, do jeseně), шестрички (sestřičky), пошедаю (3 pl.), нашмеє (3 sg.), яшньеє (3 sg.), жалошнье (adv.), у шветлье (ve světle), шнѣгови (sněhový), жалошлѣви (žalostlivý), швет (svět), ошльепнье (3 sg. ošl'epňe), у шушеда (u souseda), нье шме (3 sg. ne smí), нашмеяци (part.), крашнье (krásně), клаше (klásí, kollekt.), зашпивал (zazpíval), шиви (sivý), 3 sg. глаши (hlásí), коши (kosí) a j., швички (svíčky), щашлѣвосц (ščašl'ivosc = štěstí), зашвици (3 pl. zasvítí), мешац (měsíc), оштри (ostrý), ошлѣк (oslík), 3 pl. коша (kosí), по кошачкох (po kosačkách), по клашу (po klásí), у яшелькох (u jesliček), dále tvary: reflex. ше a prototéž заш (zase), кед биш (ked bys), якуш (jakousi), 2 sg. ши (jsi), dále ньешка (dneska) a j. Odchylek jest velmi málo. Nalézám jen dvě: весело (veselo), веселе (veselé), весели (veselí, pl.), ale vedle toho вешельме ше (veselme se), вешелѣ (3 sg. veselí), dále jednou на висини (35). b) жем (země), споза жеми, за жему, з жему, жельени (zelený), зжельеньели (zžel'eňeli), жима (zima), жимно жимну, на драже (na dráze), боязлѣви (bázlivý), любежлѣво (l'ubežl'ivo), привеже (3 sg.), вожи (3 sg.), звожує (3 sg.), позвожело (po-zvozilo), 3 sg. пражньеє (prázdní), 3 pl. вежню (vezmou), a j.

12. Zvláště připomenouti sluší zachované starobylé západoslovanské ш v zájmenných tvarech: вше (vždy), шицок (všecek), шицки (všecky), вшадзи (všude) a j.

13. Skupina шч je starší a mladší: ище (ješče), кущик (kúščik), ку-

щичко, блещаци (bleščaci), щашлѣвосц (ščašl'ivosc), спущує (spuščuje, 3. sg.); ale vedle toho čteme též витрик шущи (3 sg. šušči = šustí) a класок засущи (zasušči = zasuští), podobně пущи (3 sg. pustí) a пущел (pustil); konečně i вщас (v čas).

14. Z tvarů časovacích uvádím: 1 sg. берем, пишем; 3 sg. нье да, запатри, розльетує a t. d., vždy bez т; 1 pl. радуйме ше и вешельме, даме; 3 pl. су (jsou), сцу (chtí), иду (jdou), пошедаю (posedají), коша (kosí), льеца (letí) a t. d., vždy bez т; inf. vždy — ц: исц (jíti), зисц (sjíti), jen jednou církevní tvar навеселити (32); dále буц (býti), jako partic. бул (byl); partic. *i* — kmenů: бавели, зноели, мушел, робел a t. d.; partic. zavřených kmenů odsouvají л: вильет (vyletl), розльет (rozlétl), приньес (přinésl), вес (vézl), уцих (utichl), зарип (zarýpl), розбег (rozběhl), обумар (obumrl), též повед биш (pověděl bys).

15. Několik tvarů skloňovacích: a) pron. цо (podle této výslovnosti patří Keresturští mezi «Cotáky»); gen. з нього (z ňoho), його (joho), ale též наньго (naňho), -ого je též koncovka všech přídavných: малого, жадного a t. d.; dat. — ому: младому (vždy); instr. пред ню (pred ňú); nom. pl. дзеци мойо мили; b) subst.: sg. gen. до волѣ (do voľi), podle kmenů tvrdých; lok. по загради (po zahradě), по води, на лавки a t. d.; instr. под тополю, з мацеру; pl. gen. u všech kmenů — ох: рукох, власох, людзох a t. d., jako lok: о часох, о шарканьох, на квиткох; syntakticky tento tvar má též význam akkusativu: орехох там сипаю (ořechy tam sypají).

Rozbor ukazuje, že lidový jazyk kerestúrský, jak se jeví v písních p. Gabora Kostelnika, člena řecko — katolického semináře v Záhřebě, rovná se úplně uhersko-slovenskému nářečí, jež je obecné ve stolicích zemplinské a šaryšské.

Additamenta

ad Miklosichii «Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum» (a. 1862—1865) et Daničićii «Рјечник из књижевних старина српских» (a. 1863—1864).

E serbico codice chartaceo scripto saec. XIV exeunte aut XV—ineunte.

Collegit *M. P.*

А.

Ааронъ, n. pr. Ἀαρών — Aaron.

Авиритъ, v. **Виритъ**.

Агиополитъ, m. ἁγιοπολίτης — hagiopolita (hierosolymitanus).

Амаликъ, m. geogr. ἀμαλήκ — amalecita.

Антиωхїꙗ, n. geogr. Ἀντιόχεια — Antiochia.

Аполониѥ, n. pr. Ἀπολλώνιος — Apollonius.

Арсакиѥ, n. pr. Ἀρσάκιος — Arsacius.

Архїерархъ, m. ἀρχιεράρχης — patriarcha.

Арьнонъ, geogr. Ἀρνών — Arnon.

Б.

Багрѣновидьнъ, adj. πορφυροειδής — purpurae speciem gerens.

Басnованиѥ, n. μυθοπλαστία — fabulosum figmentum.

Безвиньнъ, adj. ἄοινος — vino carens.

Безьпредѣльнъ, adj. ἀόριστος — indefinitus.

Безьчловѣчныи, adj. ἀνάνθρωπος — inhumanus.

Бесчедьнъ, adj. ἄγονος — sterilis.

Бесѣменьно, adv. ἀσπόρως — sine semine.

Благодарьствьно, adv. εὐχαρίστως — animo grato (lepide, feliciter).

Благодрьзостьнѣ, adv. εὐθαρσῶς — confidenter.

Благодѣꙗтель, m. εὐεργέτης — beneficus.

Благомастиѥ, n. εὔχροια — nitidus color.

Благомислиѥ, n. εὔνοια — benevolentia.

Благонаслѣдиѥ, n. εὐκληρία — bona haereditas (bona sors).

Благопочьтеныи, adj. θεοτίμητος —

deo honorabilis (verisimilius — богопочьтеныи).

Благоприязниѥ, n. εὐμένεια — felicitas, benevolentia.

Благорасоудьнъ, adj. εὐκρινής — clarus, distinctus.

Благоспѣшиѥ, n. εὐοδία — expeditum, planum prosperum iter. (Apud Mikl. благоспѣяти εὐοδεῖν — prosperum reddere).

Богатьнѣи, adj. comp. ἁβρότερος — clarior.

Богоглаголивьць, m. θεοφάντωρ — divino afflatu canens (sacerdos, theologus).

Богожрьтьвиꙗ, n. τῶν θεῶν θυσία — sacrificia deorum.

Богозарьнъ, adj. θεαυγής — divina claritate fulgidus.

Боголѣпьнѣ, adv. θεοπρεπῶς — Deo convenienter.

Богоприѥтьница, f. θεοδόχος — Deum excipiens.

Богоприѥтьнъ, adj. θεόληπτος — divinitus locutus.

Богорождьствьнъ, adj. θεογένητος — a Deo genitus.

Богословиѥ, n. θεολογία — theologia in potestate *loquendi de Deo.*

Богосоудительно, adv. θεοκρίτως — ex Dei judicio.

Братооубиистьвиѥ, n. ἀδελφοκτονία — fratricidium.

Бѣдьи, f. pl. ἔνεδρα — insidiae.

Бѣсованиѥ, n. λύσσα — rabies.

Бѣсоначельникъ, m. δαιμονιάρχης — daemoniacae artis praefectus ac princeps.

В.

Валакъ, m. propr. Βαλάκ — Balak.

Валаамъ, n. pr. Βαλαάμ — Balaam.

Великославьнъ, adj. μεγαλόδοξος — magnam habens gloriam.

Видитель, m. θεατής — spectator.

Виритъ, n. geogr. Βηρυτός — Berytus.

Виритьскъ, adj. a geogr. Βηρυτός — berytensis.

Волоуѥ жилы, f. pl. βούνευρα — nervi boum (flagella e nervis bubulis).

Вωдинъ, m. βόθυνος — bothynos (meteorum).

Борей, m. βορέας — boreas.

Възыграниѥ, n. σκίρτημα — saltus (lascivia).

Въконьць, adv. ἄκρως — omnino (eximie).

Въкоупочьстьнъ, adj. ὁμότιμος — qui in pari honore habetur.

Въѡбражениѥ, n. μόρφωσις — formatio; ἐκτύπωμα — origo (effigies expressa).

Въседобръ, adj. πάγκαλος — perpulcher (honestissimus).

Въсельникъ, m. ἔνοικος — inhabitans, incola, inquilinus.

Въсесвещенънъ, adj. πανίερος — sacrosanctus.

Въсесьчиниѥньныи, adj. παναρμόνιος — suavissimus.

Въсиꙗниѥ, n. ἀνατολή — ortus, oriens.

Въсхотѣниѥ, n. δόκησις — opinio (existimatio).

Высокотворьнъ, adj. ὑψοποιός — magnificus.

Вѣмь, adv. πάντως — omnino.

Г.

Галаадовъ, adj. a geogr. Γαλαάδ — Galaad (Galhed, Gilhad).

Гаризиньскъ, adj. a geogr. Γαρίζειν— Garizin.

Гевальскъ, adj. a geogr. Γηβάλ—Gebal.

Гельвоуискыи, adj. a geogr. Γελβὀὲ— Gelboë.

Гивалъ, m. geogr. Γαιβάλ — Hebal

Гивальскыи, adj. a geogr. **Гивалъ**.

Гогоціоущїи, part. pr. ἀρασσόμενος— impingens.

Господа велика, coll. μεγιστᾶνες — magnates.

Гостьба, f. ἄριστον — prandium. (Ap. Mikl. — convivium).

Гребенари, pl. κτεναρίαι — ctenariae, portae regiae, portae aedissophianae (Sanctae Sophiae).

Д.

Дародатель, m. δωτήρ — largitor (donator).

Десетословьнъ, adj. δεκαλογικός, a v. δεκάλογος—decalogus (decem praecepta Dei).

Дидрагъма, f. δίδραχμον — didrachmum.

Диаволигоубительнъ, adj. τοῦ διαβόλου ὀλέθριον — diabolice perniciosus.

Доблистьвьнъ, adj. γενναῖος — generosus (Ap. Mikl. ἀνδρεῖος — fortis).

Докидъ, f. δοκίς — (trabecula) stella quaedam, meteora.

Доминиште, n. οἰκία — domus (domicilium).

Дроуигаръ, m. δρουγγάριος — drungarius (qui drungo seu turmae militari praeest).

Доушегоубьныи, adj. χαλεπός—crudelis (ψυχοφθόρος — animam perdens).

Дѣлательство, n. γεωργία — agricultura.

Є.

Nonnulla vocabula ab є incipientia v. sub ѥ.

Ж.

Живописатель, m. ζωγράφος — pictor.

З.

Завоулонь, adj. a pr. Ζαβουλών — Zabulon.

Законоприѥмьць, m. νομοδόχος — legem excipiens.

Закониници, pl. τὰ νόμιμα — leges.

Запечатлѣние, n. ἐπισφράγισμα — sigillum.

Зарити, vb. διαυγάζειν — perlucere, illucescere.

Звѣроборьць, m. θηριομάχος — bestiarius (qui cum feris decertat).

Звѣрикобразьнъ, adj. θηριώδης — ferus, beluinus, saevus.

Златокрасьнъ, adj. χρυσεόστολος — auro exornatus.

Злодѣистьвьнѣ, adv. κακούργως — maligne.

Злоиютьствие, n. δυσκολία — difficultas morum, morositas.

Злосьвѣтьно, adv. κακοβούλως — temere, imprudenter.

Злоугодьникъ, m. κάκιστος θεραπευτής — pessimus administer.

И.

Изливати, vb. διαχεῖν — diffundere.

Изнеманиѥ (срьдцемь, очесемь), n. ἀνατομή, ἐξόρυξις — effossio.

Изьѡбражениѥ, n. πίναξ — tabula.

Изьрав'нꙗти се, vb. ἐξισȣ̃σθαι — adaequari.

Изращениѥ, n. κίνησις — motus, inceptus.

Изьстоуплѥнь, adj. ἐκστατικός — attonitus.

Исповѣдательно, adv. ὁμολογουμένως — sine controversia.

Истрьзаниѥ, n. ἐκρίζωσις — excussio (evulsio).

Исхльставати, vb. ἀφεῖναι — dimisisse.

К.

Каниклиѥ, m. κανίκλιος — caniclio praefectus.

Кармиловь, adj. a geogr. Καρμήλ — Carmelus.

Квесторнѥвь, adj. a κοιαίστωρ — quaestor.

Комить, f. κομήτης — stella comata, cometa.

Конѥтечьнь, adj. ἱππήλατος — equitabilis.

Красьноѡбразьнь, adj. ὡραιόμορφος — forma speciosus (lucidissimus).

Крьстоподобьнѣ, adv. σταυροειδῶς — in formam crucis.

Кьзнь, f. μηχανή — machinatio, consilium.

Кьзньство, n. ἐπιβȣλή — insidiae.

Кьснительнѣ, adv. διαρκῶς — prope, sufficienter.

Л.

Лихоимьчьскь, adj. πλεονεκτικός — avarus.

Лишитель, m. ἀποστερητής — fraudator, infitiator, qui privat.

Лоуча, (люча), f. μαρμαρυγή — splendor, fulgor.

Льгьконьравыи, adj. κουφογνώμων — levi animo (vir).

Льжесложьнь, adj. ψευδεπίπλασηος — fictus, simulatus.

Лѣчьба, f. φάρμακον — medicamentum.

Любоживотьнь, adj. φιλόζωος — vitae cupidus.

Любовь, f. πόθος — amor.

Любоимѣньство, n. φιλοχρηματία — avaritia.

Любопраздьствьнѣ, adv. φιλεόρτως, ab adj. φιλέορτος — qui amat dies festos.

Любопрѣти се, vb. φιλονεικεῖν — rixari.

Любочьстивьно, adv. φιλοτίμως — studio honoris, ambitiose, comiter.

М.

Магистръ, m. μάγιστρος — magister (officiorum — in palatiis imperatorum).

Малословъ, m. μικρολόγος — breviloquus.

Мариꙗмь, f. propr. Μαριάμ — Maria.

Марїиньин, adj. a pr. Μαρία — marianus.

Матерградьникъ, m. μητροπολίτης— qui metropoli praeest.

Мерьра, f. geogr. Μερρᾶ — Mara.

Мимотеченик, n. παραδρομή — cursus, transitus.

Многопитаник (вм. **многопытаник**); n. πολυπραγμοσύνη — curiositas, inquisitio.

Многопитати (вм. **многопытати**), vb. πολυπραγμονεῖν — sollicite inquirere.

Многооусоугоубити, vb. πολυπλασιάζειν — multiplicare.

Многосоугоубьствовати, vb. πολυπλασιάζειν — multiplicare.

Молитель, m. ἱκέτης — supplex.

Мольць, m. σής — tinea.

Мωѵсωвь, adj. a pr. **Мωѵси**—Μωϋσῆς — Moyses.

Мьсть, f. ἀντίδοσις — retributio.

Н.

Навоухοдоносорь, n. pr. Ναβουχοδονόσωρ — Nabuchodonosor.

Надьдржати, vb. κατακρατεῖν — dominari.

Назарешвь, adj. a ναζωραῖος — nazoraeus.

Насилывати, vb. ἐνδυναστεύειν — regnare, auctoritate obtinere.

Неблазньнѣ, adv. ἀπλανῶς — sine errore.

Небоголюбик, n. ἀφιλοθεΐα — impietas.

Невьзрадити, vb. καταφρονεῖν — contemnere.

Невѣрьникъ, m. δυσσεβέστατος — impiissimus.

Невѣрьствик, n. ἀσέβεια — impietas.

Недовитьнь, adj. ἀνόνητος — inutilis.

Недобль, adj. ἀνενής — ignavus.

Незлопомнѣник, n. ἀμνησικακία — injuriae oblivio.

Некористьнь, adj. ἀνόνητος — inanis, inutilis.

Нелѣпотьнь, adj. ἀπρεπής — indecens, indecorus.

Ненесложьнь, adj. ἀσυντελής — imperfectus, qui non conferat.

Неѡбрѣзаник, n. ἀκροβυστία — praeputium.

Неωразоумѣти, vb. ἀγνοεῖν — ignorare.

Непосредьствьнѣ, adv. ἀμέσως — sine medio, immediate.

Непостоıаньнь, adj. ἀνύποιστος — intolerabilis, non ferendus.

Неприкосьнь, adj. ἄψαυστος — intactus.

Несмѣреньнь, adj. ἀταπείνωτος—sublimis.

Несоупротивьно, adv. ἀναντιῤῥήτως— citra controversiam.

Несьсоудьно, adv. ἀσυγκρίτως — sine ulla comparatione.

Несьсоуждеьно, adv. ἀσυγκρίτως — singulariter, sine comparatione, citra comparationem.

Неоудобьподатьнь, adj. δυσμετάδοτος — qui aegre impertit, in dando parcissimus.

Неѹклоньно, adv. ἀτενῶς — assidue.

Неоутькмень, adj. ἄστατος — instabilis.

Нефдалимль, adj. a pr. Νεφθαλείμ — Nephthalim.

Нефдалимь, m. pr. Νεφθαλείμ — Nephthalim.

Никифорь, m. pr. Νικηφόρος — Nicephorus.

Ношениѥ, n. Ψορά — munificentia.

Ѥговь, pron. poss. αὐτοῦ — ejus.

O et Ѡ.

Обесьмрьтити се, vb. ἀπαθανατισθῆναι — immortalis fieri.

Ѡбидѣти, vb. ἀδικεῖν—nocere (injuriam facere).

Ѡблагодѣтовань, adj. κεχαριτωμένος — gratiosus.

Ѡбитѣль, f. καταγώγιον — habitaculum.

Облиставати, vb. ἀστράπτειν — splendores emittere.

Ѡбражениѥ, n. σχηματισμός — schematismus, figuratio.

Ѡбьвиновениѥ, n. ἔγκλημα — crimen.

Обьщепольвнь, adj. κοινωφελής — omnibus utilis.

Ѡбьѥмьнѣ, adv. συλλήβδην — comprehensim, summatim.

Ѡкрстныѥ островы, m. pl. κυκλάδες νῆσοι — cyclades insulae.

Ѡкриновльшениѥ, n. λεκανομάντεια— divinatio e pelvi.

Онебесити, vb. οὐρανοῦν — terram in coelum mutare.

Ѡпалениѥ, n. φλογισμός — combustio.

Ѡпсикинскь, adj. a geogr. Ὀψίκιον— Opsicium.

Ѡтпоущениѥ милно, n. συμπάθεια— compassio (Adj. **милнь**—ἐλεεινός— miserabilis).

Ѿсвечера, adv. ἀπὸ ἑσπέρας — a vespere.

Ѡтсѣчениѥ, n. ἀποκοπή — abscissio.

Ѡчрьнявати, vb. μελαίνειν — nigrare.

П.

Патриѩрьхь, m. ἀρχιερεύς — pontifex maximus.

Пачеѥстьствьнь, adj. ὑπερφυής — naturae modum excedens.

Писань, adj. γραπτός et γραφείς — scriptus (facie inscriptus).

Плиндь, m. πλίνθος — later.

Пльтию раждаѥмоѥ — κυοφορȣ́μενον, a vb. κυοφορέω — in utero fero.

Пльтоѡбразьнь, adj. σαρκομοιόμορφος — in carne similis.

Пльтоносьць, m. σαρκοφόρος — carne indutus.

Повелии, adj. μείζων — major, amplior.

Повелительнѣ, adv. προστακτικῶς — imperative, imperando.

Повеще, adv. περισσῶς — abunde.

Поѵсегда, adv. καθ' ἑκάστην — quotidie.

Повыше, adv. μειζόνως — magis.

Погорше, adv. χαλεπώτερον — miserabilius.

Погребь, m. κατόρυξις — defossus.

Подвижьнь, adj. ἐναγώριος — militans, certaminum studiosus.

Подьложениѥ, n. ὑποθήκη — consilium.

Погребательнаѩ, adj. pl. τὰ ἐντάφια— lintea (funeralia).

Пожитиѥ, n. τὸ βιώσιμον — vitale (vivendum).

Пожьдательнь, adj. καρτερικός — patientia praeditus, patiens.

Поземльнь, adj. ἐπίγειος — terrestris.

Поклоньнь, adj. προσκυνητός—adorabilis, adorandus.

Помиловании, n. συμπάθεια — compassio.

Помного, adv. πλεῖον et πλεῖστον — magis et plurimum.

Попрѣславьно, adv. παραδοξότερον — mirabilius.

Пороучевати, vb. μηνύειν — nuntiare.

Постъ, m. τεσσαρακοστή — quadragesima (quadragesimale jejunium).

Постьничьство, n. ἄσκησις — exercitia (et νηστεία).

Потрѣблении, n. ἐξαφάνισις — eversio.

Поутврьждати, vb. ἐπιβεβαιοῦν — confirmare.

Празногласии, n. κενοφωνία — garrulitas, sermo vanus.

Праштати, vb. συμπαθεῖν — compati.

Приблизь, adv. πλησίον — prope, juxta.

Прикладнѣ, adv. καταλλήλως — convenienter.

Прикладьство, n. ἀναλογία — proportio (comparatio).

Прилогъ, m. μόλυσμα — macula.

Приобьштьникъ, m. κοινωνός — socius (particeps).

Припрокъ, m. ἀφορμή — argumentum, auxilium, opportunitas.

Прирокъ, m. ἀναβολή — tergiversatio (cognomen).

Присьноживотьнъ, adj. ἀείζωος — vitae perennis, semper vivens.

Присьнозавистьникъ, m. ἀεὶ φθονῶν — qui semper invidet.

Приѥтилиште, n. δίσκος — receptaculum, vas.

Продавьница, f. πρατήριον — forum.

Прозрачьство, n. ὑμήν — membrana (pellicula).

Происходъ, m. πρόοδος — processio (exitus).

Простирании, n. ἀνάτασις — extensio.

Противообразии, n. ἀντιτυπία — durities.

Прьвозлоначельный, adj. ἀρχέκακος — auctor seu origo malorum.

Прьвопастырь, m. ἀρχιποιμήν — primarius pastor.

Прѣдъбыти, vb. προϋπάρχειν — praevenire.

Прѣдъградникъ, m. πρωτοπολίτης — princeps (civitatis).

Прѣдъназнаменати, vb. προσημαίνειν — ante significare, portendere.

Прѣднарицати се, vb. προαναγορεύεσθαι — praenominari.

Прѣдповелѣвати, vb. προτρέπειν — provocare.

Прѣдрьжевати (ѩзыкы), vb. κρατεῖν — subjugare (imperio).

Прѣдъпособникъ, m. πρόμαχος — propugnator.

Прѣдъприѩти, vb. προκαταλαμβάνειν — anticipare, praeoccupare.

Прѣдъприѩтии, n. πρόληψις — praeoccupatio.

Прѣдъсьгрѣшати, vb. προαμαρτάνειν — antepeccare.

Прѣдтечении, n. προδρομή — praecursus.

Прѣдъоудрьжати, vb. προκατέχειν — praeoccupare.

Прѣдъхранении, n. προφυλακή — excubiae.

Прѣзирании, n. παράβασις — transgressio.

Прѣизлити, vb. ὑπερχεῖν — redundare, superfundere.

Прѣимѣньство, n. ὑπεροχή — excellentia.

Прѣимѣти, vb. ὑπερέχειν — superare.

Прѣличити се, vb. μεταβάλλειν—mutari.

Прѣωтьць, m. πάππος — avus.

Прѣпослоушати, vb. καταφρονεῖν — spernere, contemnere.

Прѣсказати, vb. μεθερμηνεύειν — interpretari.

Прѣходнѣ, adv. μεταβατικῶς — transitive.

Прѣподаник, n. μετάδοσις — communicatio.

Прѣсьврьшень, adj. ὑπερτελής — plus quam perfectus (exoriens super).

Прѣсьвѣтовати се, vb. μεταβουλεύεσθαι — consilium mutare.

Прѣкманик, n. διάλειμμα — interstitium.

Пьшеницолишик, n. σιτοδεία — penuria rei frumentariae.

Пьшеницопродавьць, m. σιτοπώλης— renditor frumenti.

Пьшеницоприктик, n. σιτοδοχεῖον — horreum.

Пѣшехождеик, n. πεζοπορία — pedestre iter.

Р.

Рабьнь, adj. οἰκετικός — famularis, servilis.

Раньно, adv. μάστιξι — verberatione.

Распорение, n. ἀνατομή — sectio.

Растакати, vb. σκορπίζειν—dissipare.

Ризоовнажитель, m. λωποδύτης — fur vestium (qui vestimentis exuit et spoliat).

Роукоевьзложеник, n. χειροτονία — ordinatio.

С.

Самовитьнѣ, adv. αὐτομάτως—sponte.

Свокродьнь, adj. ὁμογενής — ejusdem generis.

Свѣтловати се, — vb. φαιδρύνεσθαι— exhilarari et λαμπρύνεσθαι — illustrari, clarescere.

Свѣтлостьнѣ, adv. τηλαυγῶς—clare, splendorem late spargendo.

Свьтѣник, n. λαμπτήριον — lux.

Свѧщен'显оначелик, n. ἱεραρχία — gubernatio sanctorum.

Седекиꙗ, n. pr. Σεδεκία — Sedecia.

Сигель, m. σύγκελλος — syncellus.

Сидоньскь, adj. a geogr. Σίδων — Sidon.

Сикелиꙗ, f. geogr. Σικελία — Sicilia.

Словесьнь, adj. λογικός — ratione praeditus.

Словоу прикм'ници, plur. ἀκροατήριον — auditorium.

Сложеник, n. σύνθημα — symbolum, (compositum, signum, sigillum).

Сповѣсть, f. διήγημα, ἱστορία — narratio, historia.

Сповѣстьнь, adj. ἱστορικός — historicus.

Стадо, n. κλῆρος — haereditas (collegium eorum, qui sacris funguntur).

Страдальчьство, n. ἄθλησις — certamen.

Стражьнъ, adj. τῆς βίγλας — vigil.

Страна, f. χώρα — dignitas, honos (locus et regio).

Стрьжити, vb. ἐπιζεῖν — exulcerare.

Стькмлюти, vb. παρισοῦν — aequiparare.

Стѣна, f. πύργος—turris (=пирьгъ).

Соудь, m. δίκη — jus, judicium.
Соулица, f. πλῆκτρον — flagellum.
Сꙋпротивоборьць, m. ἀντίπαλος — hostis.
Соупротивоѡбратьнь, adj. ἀντίστροφος — eversus.
Соупротивостраствиѥ, n. ἀντιπάθεια— dissensio.
Соуѥгласиѥ, n. εἰκαιομυθία — vaniloquentia.
Съвьзраіщати, vb. προσαυξάνειν — adaugere.
Съвьзыграти, vb. συνασκιρτᾶν — salire.
Съвьнесениѥ, n. συνεισφορά — collatio.
Съвьнити, vb. συνεισιέναι — introire, simul ingredi.
Съвьсельникь, m. σύσκηνος — contubernalis.
Съвьсельница, f. σύσκηνος — contubernalis.
Съвьскрьсати, vb. συνανίστασθαι — surgere, una surgere.
Съвьскрѣсити, vb. συνανιστάναι — consurgere, resurgere.
Съвьсп'ѣвати, vb. συνᾴδειν — concinere.
Сьгнивати се, vb. κατασήπεσθαι — computrescere.
Съдоушьство, n. σύμπνοια — conspiratio.
Съкровиціе, n. ἀποθήκη — arca.
Съкровиціехранитель, m. ταμιοῦχος— dispensator.
Съмѣжати, vb. νύσσειν — compungere.
Съѡбразиѥ, n. συμμορφία — conformatio (similitudo).
Съоружникь, m. συνασπιστής — commilito.
Съповѣдовати, vb. ἀπαγγέλλειν—confiteri, narrare.
Съпосп'ѣваниѥ, n. συνεργία — auxilium, cooperatio.
Съпривлачити, vb. συνέλκειν — contrahere.
Съпризвати, vb. συγκαλεῖν — convocare, congregare.
Съпримѣсити се, vb. ἐγκαταμιγνύναι— se admiscere.
Съприпадениѥ, n. σύμπτωμα — eventus, casus.
Съпросвѣтлити, vb. συμφωτίζειν — collustrare, simul illuminare.
Съпрославлꙗти, vb. συνδοξάζειν — concelebrare.
Съпротивоподобьнь, adj. ἐναντιωματικός — adversativus.
Сьраздѣлитель, m. συμμεριστής — particeps.
Сьраздѣлꙗти, vb. συμμερίζειν — participare.
Съсирати се, vb. μεταπήγνυσθαι — concrescere.
Съслагати, vb. συγκροτεῖν — componere.
Съставлѥниѥ, n. σύστημα — agmen.
Съставьнь, adj. ἐνυπόστατος — substantialis.
Сътеченьно, adv. συνδρόμως — una currendo.
Сътѣскынꙗти, vb. στενοχωρεῖν—angustare.
Сѣменьство, n. σπορά — sementis.

T.

Таив'никъ, m. συμμύστης — initiatus.
Таино, adv. μυστικῶς — mystice.

Таиньнь, adj. μυστηριώδης — mysticus, arcanus.

Таꙗти, vb. τήκειν — conficere, liquefacere.

Тежьбити, vb. ἐρίζειν — contendere.

Тиверїадьскь, adj. a geogr. Τιβεριάς— Tiberias.

Тимбаньствовати, vb. τυμπανίζειν — tympanum pulsare.

Тирьскь, adj. a geogr. Τύρος—Tyrus.

Трижнениѥ, n. ἆθλον — certamen (aerumna).

Троухлитьство, n. σηπεδών—caries.

ОУ.

Оубѣжденниѥ, n. προτροπή — auxilium (exhortatio).

Оудица, f. ἀρθρέμβολα — tormenta, equuleus.

Оудобрениѥ, n. ἐγκαλλώπισμα — ornamentum.

Оукротѣвати, vb. ἐξημεροῦν — conciliare.

Оулишитель, m. ἀποστερητής — fraudator, infitiator (qui privat).

Оумьнивати се, vb. ἐλαττοῦσθαι — diminui.

Оумьнѥньнѣ, adv. ἐλάττων — minus.

Оустворити, vb. οἰκονομεῖν — gubernare, constituere.

Оутварьнѣиши, adj. comp. κοσμιώτερος — speciosior (elegantior).

Оухыщрениѥ, n. ῥᾳδιούργημα — vafritia.

Ф.

Фарань, m. geogr. Φαράν — Pharan.

Х.

Хараньскь, adj. a geogr. Χαῤῥάν — Haran (Charan).

Хоривь, m. geogr. Χωρήβ — Oreb (Horeb, Choreb).

Хранити, vb. ἐπιμελεῖσθαι — curare.

Хоудь, adj. ἀμυδρός (de oratione) — obscurus.

Хоудожьнь, adj. ἐπιτήδειος — aptus, idoneus.

Ч.

Чародѣиствиѥ, n. ἐπαοιδία — incantatio.

Чловѣколюбьно, adv. φιλανθρώπως — humaniter, clementer.

Чловѣконенавистиѥ, n. μισανθρωπία— odium hominum.

Чрѣвоболѣзньнь недоуть, m. δυσεντερία — dysenteria (intestinorum tormina).

Чрѣвобѣсивь, adj. γαστρίμαργος — gulosus, cibi avidus.

Чьстословиѥ, n. σεμνολόγημα — dictum grave, ac magnificum.

Ш.

Шьствь'никь, m. ὁδοιπόρος — viator.

Ꙗ.

Ꙗвьствьнѣ, adv. σαφῶς — manifeste.

Ꙗрость, f. μανία — vesania.

Ѥ et Є.

Ѥвҳаитьскъ, adj. a geogr. Εὐχάϊτα — Euchaita.

Ѥдиноименьство, n. ὁμωνυμία — nominis communitas.

Ѥдиноколѣн'ныи, adj. ὁμόφυλος — ejusdem gentis.

Ѥдинорабьнъ, adj. ὁμόδουλος — conservus.

Ѥдиночьстьнъ, adj. ὁμότιμος — pari dignitate.

Єл'лад'скыи, adj. a geogr. Ἑλλάς — Hellas.

Ѥньгорьфъ, m. ἐγκόλπιος — theca sanctorum reliquias aut vivificae crucis particulas continens.

Ѥроўсалимовъ, adj. a geogr. Ἱερουσαλήμ — Hierosolyma.

Єрьмоньскъ, adj. a geogr. Ἀερμών — Hermon.

Єѳерьскъ, adj. αἰθέριος — aetherius.

Ѳ.

Ѳавѡрьскъ, adj. a geogr. Θαβώρ — Thabor.

Ѳезвитѣнинъ, m. θεσβίτης — thesbites.

Ѳеодѡра, f. pr. Θεοδώρα — Theodora.

Ѳеѡктистъ, m. pr. Θεόκτιστος — Theoctistus.

Ѳеофанъ, m. pr. Θεοφάνης — Theophanes.

Ѳеофиловъ, adj. a pr. Θεόφιλος — Theophilus.

Ѳеофилъ, m. v. s.

Славянскія глоссы у Исаака-бенъ-Моисея изъ Вѣны въ его сочиненіи Оръ-Заруа.

Средневѣковая еврейская литература, увидѣвшая свѣтъ въ различныхъ концахъ Азіи, Африки и Европы, даетъ обильный матеріалъ для исторіи культуры всѣхъ тѣхъ странъ, гдѣ появились различныя произведенія. Конечно, всѣ эти историческія, географическія, бытовыя и т. п. свѣдѣнія даются не спеціально, а большею частью совершенно вскользь, мимоходомъ. Такъ, у нашего автора Исаака Оръ-Заруа мы находимъ тамъ и сямъ свѣдѣнія о крестовыхъ походахъ, о различныхъ способахъ приготовленія сыра въ Нарбоннѣ и въ Богеміи, о приготовленіи консервовъ, о различныхъ мѣрахъ вѣса, о путяхъ сообщенія, о цѣнахъ и способахъ купли и продажи мяса, овощей и другихъ продуктовъ въ Вѣнѣ, Богеміи, о способѣ постройки домовъ въ Вѣнѣ и т. д.

На ряду съ подобными свѣдѣніями, имѣющими интересъ для исторіи культуры, мы находимъ у средневѣковыхъ еврейскихъ авторовъ обильный филологическій матеріалъ.

Дѣло въ томъ, что различные еврейскіе средневѣковые комментаторы Библіи и еще больше кодификаторы, комментаторы и суперъ-комментаторы Талмуда, объясняя какое-либо трудное слово, прибѣгаютъ къ языку той страны, гдѣ они живутъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ массу французскихъ и нѣмецкихъ глоссъ у еврейскихъ авторовъ XI, XII и XIII вѣковъ[1]).

Что касается славянскихъ глоссъ, то мы ихъ иногда встрѣчаемъ не только у авторовъ, жившихъ въ славянскихъ странахъ или нѣмецкихъ странахъ со славянскимъ населеніемъ, но и у такихъ, которые жили въ Италіи, Франціи или Германіи [какъ, напр., р. Гершомъ-б.-Іегуда Маоръ га-Гола, р. Соломонъ-б.-Исаакъ (или Раши), р. Натанъ-б.-Іехіель изъ Рима, р. Эліэзеръ-б.-Натанъ, р. Іосифъ-бенъ-Шимонъ Кара]. Это объясняется торговыми сношеніями евреевъ Восточной и Западной Европы и еще въ большей степени тѣмъ, что къ вышеупомянутымъ великимъ

1) Европейскіе ученые новѣйшаго времени много занимались собираніемъ и объясненіемъ этихъ французскихъ и нѣмецкихъ глоссъ, представляющихъ очень важный матеріалъ для исторіи французскаго и нѣмецкаго языковъ. По разработкѣ французскихъ глоссъ очень много сдѣлалъ членъ Парижской академіи наукъ Арсень Дармстетеръ.

еврейскимъ ученымъ и авторитетамъ стекались ученики со всѣхъ странъ и концовъ Европы, въ томъ числѣ и изъ славянскихъ странъ.

Болѣе чѣмъ у другихъ, мы находимъ славянскихъ[1]) глоссъ у Исаака-бенъ-Моисея изъ Вѣны (приблизительно 1200—1270 года) въ его сочиненіи Оръ-Заруа.

Біографическія данныя о нашемъ авторѣ[2]) довольно скудны; они черпаются главнымъ образомъ изъ самого его произведенія «Оръ-Заруа», представляющаго собой родъ комментарія или компендіума къ Талмуду.

Вспоминая свое дѣтство, Исаакъ-бенъ-Моисей говоритъ:

«Помню, когда былъ ребенкомъ, я видѣлъ изображенія различныхъ птицъ на стѣнахъ синагоги въ Мейссенѣ (Meissen)». Значитъ, дѣтство свое онъ провелъ въ Мейссенѣ. Говоря о Саксоніи, онъ прибавляетъ «въ нашемъ государствѣ». По обычаю того времени, еще будучи молодымъ человѣкомъ, онъ изъ жажды къ знанію отправляется въ различные города учиться у тогдашнихъ знаменитостей. Такъ какъ въ то время Богемія уже славилась знаменитостями въ области еврейской науки, то нашъ авторъ остается тамъ нѣкоторое время, и въ своемъ сочиненіи онъ съ большимъ уваженіемъ упоминаетъ своихъ учителей въ Богеміи (Яковъ-бенъ-Исаакъ га-Лабанъ въ Прагѣ, Эліэзеръ-бенъ-Исаакъ, Авраамъ-бенъ-Азріель[3]) и Исаакъ-бенъ-Мардехай въ Прагѣ). Далѣе мы его видимъ въ Регенсбургѣ, Шпейерѣ, Боннѣ, Вюрцбургѣ и во Франціи: въ Парижѣ и Провансѣ. Въ своемъ произведеніи Оръ-Заруа онъ упоминаетъ и ссылается при рѣшеніи различныхъ религіозныхъ вопросовъ на многочисленныхъ своихъ учителей и другихъ ученыхъ въ вышеупомянутыхъ городахъ.

Время посѣщенія или пребыванія его въ этихъ городахъ въ хронологическомъ порядкѣ еще не установлено[4]).

Дольше всего нашъ авторъ жилъ въ Вѣнѣ, отчего и называется «р. Исаакъ изъ Вѣны» или же по имени своего сочиненія «р. Исаакъ Оръ-

1) Въ средневѣковой еврейской литературѣ славянскій языкъ носитъ названіе «ханаанскаго», а славянскія страны — «страна Ханаанъ». На это впервые обратилъ вниманіе извѣстный еврейскій ученый Цунцъ, положившій основаніе научной разработкѣ еврейской исторіи и исторіи еврейской литературы. См. его примѣчанія къ Itinerary of Benjamin of Tudela» ed. Asher. London. 1840. Т. II-ой, стр. 226—229. и Zunz, Gesammelte Schriften III, 83 и его же Die Ritus, стр. 72.

2) H. Gross. «R. Isaak b. Mose Or Sarua aus Wien» въ «Monatschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums» 1871 годъ, 248 сл. и I. Wellesz «Isaak ben Mose Or Sarua» въ этомъ же журналѣ за 1904 годъ.

3) У Авраама-бенъ-Азріеля имѣются также славянскія глоссы. См. I. Perles «Das Buch Arûgath há-bosem des Abraham ben Asriel» (Anhang II: Altböhmische Glossen) въ «Monatschrift f. Gesch. und Wiss. d. Judenth». 1877 годъ и Prof. Kaufmann въ «Magazin für Jüdische Geschichte und Litteratur» за 1886 годъ (Томъ XIII), стр. 129—160.

4) Извѣстный еврейскій ученый р. Меиръ изъ Ротенбурга называетъ нашего автора своимъ учителемъ въ Вюрцбургѣ; а это могло быть около 1240-го года. Въ Парижѣ онъ былъ около 1215—1217 года.

Заруа». Относительно своего пребыванія въ Венгріи онъ говоритъ (стр. 101а I-го тома Оръ-Заруа): «я авторъ отправился въ землю агарянъ[1]) въ Буданъ и Остригомъ (אוסטרינום), гдѣ имѣются теплые источники»... Буданъ означаетъ Будапештъ, а Остригомъ — славянское названіе венгерскаго города Гранъ.

Говоря о славянскихъ странахъ, онъ иногда выражается: *«.... мы во всѣхъ нашихъ мѣстахъ въ странѣ Ханаанъ»*... Приводя славянское слово, онъ обыкновенно прибавляетъ *«на языкѣ ханаанскомъ»*, но изрѣдка встрѣчаемъ вмѣсто этого: *«то, что мы называемъ»* или *«на нашемъ языкѣ, языкѣ ханаанскомъ»*. Это указываетъ на то, что нашъ авторъ, будучи родомъ изъ Богеміи или Саксоніи, населеніе которой было въ то время славянское, считалъ своимъ роднымъ языкомъ славянскій, который у него, какъ и у всѣхъ евреевъ тѣхъ странъ, былъ разговорнымъ языкомъ. Наконецъ, Вѣна, гдѣ онъ долго прожилъ, была также издревле населена славянскими племенами *Вендами*, на что еще указываетъ латинское названіе Вѣны *Vindobona*.

Что касается его сочиненія «Оръ-Заруа», то оно все время оставалось въ рукописи и издано лишь въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія: I и II томы въ Житомірѣ въ 1862 году, III-ій томъ въ Іерусалимѣ въ 1887 году и IV-ый въ Іерусалимѣ въ 1890 году.

По выходѣ въ свѣтъ первыхъ 2-хъ томовъ Цунцъ помѣстилъ по этому поводу библіографическую замѣтку въ «Hebräische Bibliographie» Steinschneider'а, томъ VIII (1865 годъ, стр. 3), гдѣ онъ, между прочимъ, указалъ, что тамъ имѣется болѣе 25-ти славянскихъ словъ.

Славянскія глоссы первыхъ двухъ томовъ приведены въ статьѣ А. Я. Гаркави «Объ языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси, и о славянскихъ словахъ, встрѣчаемыхъ у еврейскихъ писателей», напечатанной[2]) въ «Трудахъ Восточнаго отдѣленія Императорскаго археологическаго Общества» за 1865 годъ. Гаркави приводитъ 28 славянскихъ глоссъ изъ первыхъ 2-хъ томовъ Оръ-Заруа. Ниже мы даемъ 7 славянскихъ глоссъ изъ первыхъ 2-хъ томовъ, которыя у А. Я. Гаркави не имѣются, затѣмъ славянскія глоссы III-го и IV-го тома Оръ-Заруа и, наконецъ, пытаемся объяснить нѣкоторыя глоссы, которыя у А. Я. Гаркави отмѣчены вопросительнымъ знакомъ.

---

1) Въ средневѣковой еврейской литературѣ Венгрія часто называется «страна агарянъ» (ארץ הגר), хотя у нашего автора мы встрѣчаемъ также названіе «Унгарія (Унгрія)»:..... «а тѣ соленыя рыбы, которыхъ привозятъ изъ Унгаріи (מאונגריאה)».... (Оръ-Заруа т. I, стр. 141а).

2) Вышло также отдѣльной книжкой на еврейскомъ языкѣ: «Die Juden und die slavischen Sprachen». Wilna 1867.

I. גליזט = глезт, голезт чешск. holeň, польск. goleń, русск. голень, церковн.-славянс. **голѣнь, глєзнъ**.

На страницѣ 185а I-го тома Оръ-Заруа талмудическое слово иствира (אסתוירא) объясняется слѣдующимъ образомъ: «..... а сапогъ этотъ долженъ быть настолько высокъ, чтобы покрывать иствира, что̀ называется на ханаанскомъ языкѣ глезт». Слово иствира означаетъ голень. Извѣстный комментаторъ Талмуда р. Соломонъ Ицхаки, или Раши (1040—1105) переводитъ иствира французскимъ словомъ cheville, которое означаетъ голень. Такимъ образомъ, приведенная глосса глезт или голезт представляетъ собою или испорченное церковно-славянское слово **глєзнъ**, или въ XIII вѣкѣ на какомъ-либо славянскомъ нарѣчіи существовало слово голезт [1]).

II. פטא = пта, чешск. pata, польск. pięta, русск. пята.

Тамъ же (на той же стран.): «...... а башмакъ (сапогъ), который не имѣетъ 'акеб (еврейск. עקב), — на иностранномъ языкѣ шола (sole), а на ханаанскомъ языкѣ пта, — и только противъ конца пальцевъ имѣетъ кусочекъ кожи, о которую опираются при ходьбѣ»..... —

III. במוילנא = бмвилна (бамвелна), чешск. bavlna, польск. bawełna, нѣмецк. Baumwolle.

На страницѣ 18а II-го тома Оръ-Заруа: «...... мы дѣлаемъ нити для субботнихъ свѣчей изъ хлопчатой бумаги, что̀ называется на иностранномъ языкѣ котон (coton), а на нашемъ языкѣ, языкѣ ханаанскомъ — бмвилна».

IV. קויטני ויצץ = квитни вицц (кветни вецц), чешск. květný věnec, польск. kwietny (kwiatny) wieniec.

На страницѣ 18б II-го тома Оръ-Заруа читаемъ: «....... Я зналъ одного еврея изъ Вормса, старика могильщика, по имени рабби Бунимъ, отъ котораго я слышалъ, что онъ, идя однажды рано утромъ въ синагогу, увидѣлъ сидящаго предъ синагогой человѣка, на головѣ у котораго вѣнецъ изъ травъ, что̀ называютъ цпл (цфл)?, а на ханаанскомъ языкѣ — квитни вицц (кветни вецц)»...... Слово квитни (кветни) существуетъ въ чешскомъ и польскомъ языкахъ и означаетъ *цвѣтной*. Что же касается слова вицц (вецц), то это, какъ мы полагаемъ, испорченное винц (венц), т. е. вѣнецъ, по-чешски věnec, по-польски wieniec.

V. לוד = лод, чешск. led, польск. lód, русск. ледъ.

На стран. 30а II-го тома Оръ-Заруа объясняется еврейское слово барад (ברד): «что̀ на иностранномъ языкѣ называется глца (glace), а на ханаанскомъ языкѣ — лод».

VI. שטולצי = штолци (столци), Чеш. stolice? польск. stolce?

---

1) Въ древн. чешск. яз. hlezno, а и hlezen, zna см. Gebauer Slovn. Stč. I. 1903. *Ред.*

На стр. 42 а. перваго тома Оръ-Заруа: «..... если отняты (отрѣзаны) обѣ ноги, то соединяютъ два костыля, — что̀ называется штолци (столци), а на иностранномъ языкѣ инкш (испорчен. французск. échasses) — которые человѣкъ кладетъ подъ мышки и привязываетъ къ бедрамъ», и тамъ же, нѣсколько дальше, читаемъ: «..... ишкина (échasses), съ которыми ходятъ въ глинистомъ мѣстѣ, это то, что мы называемъ штолци (столци)».

VII. נוגביצי = ногвици, чешск. nohavice, польск. nogawica (nogawka), срб. nogavica.

На стран. 127а II-го тома Оръ-Заруа объясняется талмудическое слово анфилья (אנפילא), передается ханаанскимъ словомъ ногвици. Анфилья означаетъ туфли.

VIII. אִישְׁנַפֵּנִי = ишнапени (испапени).

Въ Талмудѣ, трактатъ Баба-Меціа на страницѣ 61б читаемъ: «не творите кривды въ законѣ, въ мѣрѣ (длины), въ вѣсѣ и въ мѣрѣ жидкостей». Комментируя это мѣсто Талмуда, авторъ Оръ-Заруа говоритъ (стран. 48а трактата Баба-Меціа III-го тома): «...... въ мѣрѣ жидкостей, это значитъ, чтобы не наливать жидкость вспѣнивъ (вскипятивъ), — т. е. ишкума (éscume, écume) на иностранномъ языкѣ, ишнапени (испапени) на ханаанскомъ языкѣ, — что̀ наполняетъ мѣру, когда наливаешь, а спустя нѣкоторое время (мѣра) оказывается неполной». Слово ишнапени (испапени), очевидно, отъ корня пѣна, но намъ не ясна форма этимологически. Ниже встрѣчается также слово пѣна (пени).

IX. מוטיקא = мотика, чешск. motyka, польск. motyka, русск. мотыка.

На стран. 92б трактата Баба-Меціа III-го тома Оръ-Заруа талмудическое слово мара (מרא, греческ. μάῤῥον, латин. marra, сирійское ܡܪܐ) переводится французскимъ словомъ фишіур (современное франц. pioche) и ханаанскимъ мотика.

X. לופטא = лопта, чешск. lopata, польск. łopata, русск. лопата.

Тамъ же (на той же страницѣ) талмудическое слово збила (זבילא) переводится — «пала (франц. pelle, итальянск. pala), а на ханаанскомъ языкѣ — лопта».

XI. כלדא = клда, чешск. kláda, польск. kłoda, церк.-слав. клада, русск. колода.

На стран. 38а IV-го тома Оръ-Заруа талмудическое слово садан (סדן) переводится нѣмецкимъ шток и ханаанскимъ клда.

XII. רושקי = рошки, русск. рожки, чешск.? польск.? בנקי = бнки чешск. baňka, польск. bańka, русск. банки (баньки).

На стран. 41б IV-го тома Оръ-Заруа: «...... инструментъ, который пускаетъ кровь между плечами, а на ханаанскомъ языкѣ рошки или бнки».

XIII. קונפיצי (קופיצי) = кунпици (купици) קונביצי (קוביצי) = кунбици (кубици).

На стран. 47а, б, IV-го тома Оръ-Заруа вышеуказанныя слова приведены въ шести мѣстахъ какъ названія (деревянныхъ) сосудовъ для вина; каждый разъ приводятся и французскія названія этихъ сосудовъ юштш и кнш (т. е. jattes и channés) и затѣмъ «а на ханаанскомъ языкѣ кунпици и кунбици» или «кубици и кунфици» или купици и кунбици. Вѣроятно, эти слова тождественны съ церк.-слав. кѹпица, словин. kupica, можетъ быть, съ русск. кубъ? кубышка?

XIV. גלווטיצי = главтици, чешск. hlavatice.

На стр. 53а IV-го тома Оръ-Заруа говорится о «компошт»; латинскимъ словомъ composita (итальянск. composta) обозначаются всевозможные фрукты и овощи въ консервахъ: соленые, маринованные, засахаренные, прессованные и т. д. Нашъ авторъ говоритъ: «..... компошт, напримѣръ, тѣ главтици, въ которые не льютъ ни вина ни уксуса, какъ въ этомъ государствѣ, гдѣ ихъ варятъ и привозятъ на телѣгѣ продавать»...... Чешское hlavatice означаетъ капусту.

XV. פִינִי = пени, чешск. pěna, польск. piana, русск. пѣна.

На стр. 64б IV-го тома Оръ-Заруа талмудическое слово уфъя (אופיא) передается ханаанскимъ пени, т. е. пѣна, что оно, въ дѣйствительности, и означаетъ.

XVI. מיטלא = митла, чеш. metla, польск. miotła, рус. метла.

На стр. 65 b IV-го тома Оръ-Заруа: «..... на ханаанскомъ языкѣ митла, которою подметаютъ.....».

XVII. סרובדקא = сровдка, чешск. syrovátka, польск. syrowatka, русск. сыворотка.

На стр. 71б IV-го тома Оръ-Заруа: «вода отъ (кислаго) молока — сровдка на ханаанскомъ языкѣ».

XVIII. אשקרובדא = ишкровда (искровда), церк.-славянск. сквpада, русск. сковорода.

На стр. 76а IV-го тома Оръ-Заруа «...... желѣзная посудина, которою покрываютъ хлѣбъ, когда его пекутъ, — что называютъ ишкудра (échaudoir? chaudière?), а на ханаанскомъ языкѣ ишкровда (искровда)......» Здѣсь, надо полагать, имѣется въ виду нѣчто въ родѣ сковороды.

XIX. קוקליקי = куклики משיתקין = мшиткин (мишиткин).

На страницѣ 51а I-го тома Оръ-Заруа: «...... хлѣбъ, приправленный пряностями, напримѣръ, то, что называютъ на ханаанскомъ языкѣ куклики или что называется на ханаанскомъ языкѣ мшиткин (мишиткин)»..... Эти оба слова у А. Я. Гаркави въ русскомъ и еврейск. изданіи оставлены

безъ объясненія и обозначены вопросительнымъ знакомъ. Намъ кажется, что слово куклики находится въ связи съ польскимъ словомъ kukiełka, которое обозначаетъ родъ булки; слово мшиткин (мишиткин), вѣроятно, обозначаетъ также родъ булочекъ или печенья въ видѣ мышекъ, которыя еще и въ настоящее время называются мышки. Слово мшиткин (мишиткин), конечно, испорченная форма. Видно только, что въ основѣ лежитъ слово мышка (чешск. myška, польск. myszka).

XX. זפונא = зпона, запона, чешск. zápona (záponka), польск. zapona (zaponka), русск. запонка.

На стр. 39a II-го тома Оръ-Заруа: «не дозволяется носить (везти) въ субботу батъ-нефешъ, что̀ называютъ на ханаанскомъ языкѣ зпона, а на нѣмецкомъ вршпн». Это слово у А. Я. Гаркави не объяснено. Намъ кажется, что это слово вполнѣ правильно объяснено у проф. А. Берлинера[1]) нѣмецкимъ словомъ «Fürspan».

Надо замѣтить, что трудное еврейское слово батъ-нефешъ, которое встрѣчается у пророка Исаіи гл. III, переводится извѣстнымъ комментаторомъ р. Соломономъ Ицхаки (1040—1105) въ его комментаріяхъ къ Библіи и Талмуду словомъ нушка, которое означаетъ [2]) застежку, или запонку. Очевидно, нашъ авторъ Исаакъ-бенъ-Моисей Оръ-Заруа объясняетъ еврейское слово батъ-нефешъ двумя словами (нѣмецкимъ и славянскимъ), которыя тождественны съ вышеупомянутымъ нушка. Слѣдовательно, приведенная имъ нѣмецкая глосса вршпан есть не что иное, какъ «Fürspan», а славянская зпона означаетъ запона или запонка, т. е. застежка.

XXI. אושג = ушг (ошг), чеш. ożeg, польск. ożog, ożeg, рус. очагъ.

На стр. 152 b. II-го тома Оръ-Заруа переводится ханаанскимъ словомъ ушг (ошг) еврейское אוד (а не תנור = тануръ, т. е. печь), означающее головень, или нѣчто въ родѣ кочерги или помела, чему вполнѣ соотвѣтствуютъ чеш. ożeg и польск. ożog, ożeg.

И. Ю. Марконъ.

Берлинъ.
Январь 1905 г.

---

1) Prof. A. Berliner. «Aus dem Leben der deutschen Juden im Mittelalter». Berlin 1900. Стр. 67-ая: «Der Frauenmantel wurde oben an Halssaume durch einen Furspan» oder «Nuschke» (nusca im Althochdeutschen), zusammengehalten. Es war dies eine Vorstecknadel, zuweilen auch ein grosser, verzierter Ring, hinter welchem eine Nadel befestigt war. Den heutigen Brochen gleich, dienten solche Haftnadeln zuweilen auch als Schmuckstück; häufig waren sie so eingerichtet, dass man sie vermittels eines kleinen, aus Gold oder Silber gefertigten Schlüssels öffnet».

2) См. M. Landau «Marpe laschon» Odessa 1865, стр. 188—190, гдѣ слово нушка подробно объяснено.

Сверлижскіе отрывки.

I. ВВЕДЕНІЕ.

Сверлижскіе отрывки хранятся въ библіотекѣ Сербской Королевской Академіи (подъ № 63), куда они перешли изъ собранія рукописей Сербскаго Ученаго Дружства. Послѣднее получило ихъ въ даръ отъ извѣстнаго сербскаго этнографа М. Миличевича, который, путешествуя въ 1866 г. по восточной Сербіи, между прочимъ, посѣтилъ городъ (или точнѣе: его развалины) Сверлигъ (въ Княжевацкомъ окр., на правомъ берегу «Сверлижскаго» Тимока между селомъ Нишевцемъ и Варошью). Тамъ были ему переданы, по распоряженію окружного начальника Николаевича, нѣсколько пергаментныхъ листовъ Евангелія, найденныхъ при перестройкѣ одной старой церкви (въ $2\frac{1}{2}$ часахъ пути отъ города), въ тронѣ епископа («у владичину столу»). Какъ видно изъ записи на одномъ изъ отрывковъ, по крайней мѣрѣ, 2 листа рукописи были написаны въ 1279 г. грамматикомъ Воисиломъ (онъ же Константинъ чтецъ), въ городѣ Сверлигѣ, гдѣ (или въ его окрестностяхъ) рукопись и пролежала до путешествія Миличевича почти шесть столѣтій.

Первое печатное извѣстіе о замѣчательномъ открытіи сдѣлалъ Миличевичъ же, въ предисловіи къ изданію памятника Янка Шафарика въ XX (1866 г.) томѣ «Гласника» первой серіи (стр. 244—264). Въ этомъ предисловіи, занимающемъ всего три странички (244—246), Миличевичъ сначала описываетъ мѣстоположеніе Сверлига, потомъ разсказываетъ исторію открытія отрывковъ и, въ заключеніе, разъясняетъ историческое и палеографическое значеніе рукописи. Далѣе слѣдуютъ тексты, приготовленные къ изданію, какъ сказано, Янко Шафарикомъ. Къ сожалѣнію, это изданіе во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительно. Во-первыхъ, оно не можетъ назваться полнымъ: издатель почему-то выпустилъ весь 2 листъ, кромѣ первой строчки, и 12 первыхъ строчекъ л. 2б (т. е. отъ слова фарєсь до

матдан же); сверхъ того, Я. Шафарикъ оставилъ безъ вниманія нѣкоторыя замѣтки писца на поляхъ, напр. на л. 6а внизу имъ выпущена отмѣтка писца: Б ѿ приде нсь ѡ галилеѥ ⁖ Во-вторыхъ, изданіе Шафарика не точно, такъ какъ сдѣлано по господствовавшей тогда системѣ, т. е. съ раскрытіемъ титлъ и безъ вниманія къ надстрочнымъ знакамъ и другимъ мелкимъ аксессуарамъ рукописи. Наконецъ, въ третьихъ, изданіе не свободно и отъ печатныхъ погрѣшностей. Такъ,

на	стр.	248	напечатано	христость	слѣд.	хь
»	»	»	»	сьбудеть	»	сьбоудеть
»	»	»	»	реченоѥ	»	рченоѥ
»	»	249	»	ньмь	»	нимь
»	»	»	»	моѥ	»	моѥ
»	»	»	»	ѡ	»	ѿ
»	»	»	»	вьзрадоваше	»	вьзрадаваше
»	»	»	»	велєю	»	велєю
»	»	250	»	є	»	се
»	»	»	»	земьлоу	»	землоу
»	»	»	»	изьмрѣше	»	измрѣше
»	»	251	»	исхожьдаше	»	исхождаше
»	»	»	»	ѥго	»	єго
»	»	»	»	имами	»	имамы
»	»	»	»	чед	»	чеда
»	»	»	»	ѿвещав	»	ѿвѣщав
»	»	252	»	искоуша ѥи	»	искоушаѥ и
»	»	254	»	ѡшли	»	ѿшли
»	»	»	»	даждь	»	даж
»	»	255	»	разоумеише	»	разоумеаше
»	»	»	»	ѥсмь	»	ѥсмъ
»	»	258	»	рьци	»	рци
»	»	»	»	вьзвѣщающе	»	вьзвѣщающи
»	»	259	»	ѡгьнь	»	ѡгнь

Вслѣдъ за каждымъ отрывкомъ, Я. Шафарикъ напечаталъ сравнительную таблицу его разночтеній и евангелій Ассеманова и Остромирова. Въ концѣ статьи сообщается краткое описаніе всѣхъ трехъ отрывковъ, причемъ, въ противоположность Миличевичу, Я. Шафарикъ считаетъ II-й и III-й принадлежащими различнымъ писцамъ. Въ заключеніе, издатель, резюмируя свои наблюденія надъ текстомъ Сверлижскаго Евангелія, приходитъ къ выводу объ его большемъ сходствѣ съ глаголическимъ тек-

стомъ Ассеманова Евангелія, чѣмъ съ кирилловскимъ Остромирова. Къ статьѣ приложены литографированные снимки записи Евангелія и нѣсколькихъ строчекъ изъ каждаго отрывка.

Запись Евангелія перепечаталъ въ 1879 г. И. И. Срезневскій въ LXXXI № своихъ «Свѣдѣній и замѣтокъ», стр. 22—23. Изъ неточностей самая важная Родословоу вм. Радославоу. Въ небольшомъ примѣчаніи Срезневскій удачно отожествляетъ царя Ивайлу съ Лаханасомъ византійцевъ.

Маленькую замѣтку о нашемъ памятникѣ помѣстилъ въ 1883 г. Г. А. Воскресенскій въ своихъ «Славянскихъ рукописяхъ, хранящихся въ заграничныхъ библіотекахъ: берлинской, пражской, вѣнской, люблянской, загребской и двухъ бѣлградскихъ» (Сборникъ отд. русск. яз. и слов. Спб., 1883 г., XXXI т., стр. 50). Сравнительно со статьей Я. Шафарика, эта замѣтка не представляетъ ничего новаго.

Наконецъ, въ 1901 г. нѣсколько свѣдѣній о Сверлижскихъ отрывкахъ сообщилъ ак. Люб. Стояновичъ въ своемъ «Каталогѣ рукописа и старих штампаних књига. Збирка српске краљевске академије Беогр. 1901» (стр. 4). Всѣ три отрывка сербскій ученый относитъ къ XIII в., причемъ самымъ древнимъ считаетъ II. Въ слѣд. году онъ издалъ запись рукописи въ своемъ собраніи «Старих српских записа» (Кн. I, стр. 12).

Этими замѣтками и ограничивается «литература» о Сверлижскихъ отрывкахъ. Во время нашего пребыванія въ Бѣлградѣ въ апрѣлѣ м. 1903 г., намъ удалось списать ихъ текстъ цѣликомъ. Издавая его теперь, мы слѣдуемъ тѣмъ пріемамъ, которые были примѣнены нами къ изданію грамоты Іоанна Асѣня II (Изв. Русск. Арх. Инст., т. VII, вып. 1).

II. ТЕКСТЫ.

I.

1 л. а л҃д : ѿ прѣѿбраженїи іс҃ѣ:
л҃є : ѿ мѣсечьствоующиимь се: —
л҃ѕ : ѿ просещихъ дидрагьмь: —
л҃з : ѿ глаголющихъ кто ѥсть болии: —
л҃и : ѿ сьтницѣ притьча: —
л҃ѳ : ѿ дльжнѣмь тьмою таланьть: —
м҃ : ѿ вьпрошьши'хъ ѿ ѿпоущенїи жень: —
м҃а : ѿ вьпрошьшиимь бг҃атѣмь іс҃а: —
м҃в : ѿ наѥтыхъ дѣлателиихъ: —
м҃г : ѿ сн҃оу ꙁеведеѡвоу: —
м҃д : ѿ двою слѣпцоу : м҃є : ѿ ослети и жр҃ѣ
вети : м҃ѕ : ѿ слѣпыхъ и хромыхъ
м҃ꙁ : ѿ исьхьши смоковници: —
м҃и : ѿ вьпрошьшихъ г҃а архиѥрѣихъ
и старцихъ : м҃ѳ : ѿ двою сн҃оу
притьча : н҃ : ѿ виноградѣ: —
н҃а : ѿ званьныхъ на бракь: —
н҃в : ѿ вьпрошьшиихъ ѿ киньсоньнѣхъ
н҃г : ѿ садоукеихъ ⁖ н҃д : ѿ вьпрошьши
имь ꙁаконьницѣ ⁖
б н҃є : ѿ томь ѥже кь г҃оу вьпрошенїє:
н҃ѕ : ѿ ѡкаанїи фарисѣи и книжнїкь:
н҃з : ѿ коньчинѣ : н҃и ѿ дн҃и и часѣ: —
н҃ѳ : ѿ десети дв҃ахъ : ꙅ҃ : ѿ приѥмлоущї
хъ таланти : ꙅ҃а : ѿ сьшествиї хв҃ѣ: —
ꙅ҃в : ѿ помаꙁавши г҃а мурома: —
ꙅ҃г : ѿ пасцѣ : ꙅ҃д : ѿ обраꙁѣ таинѣмь: —
ꙅ҃є : ѿ прѣданїи іс҃ѣ : ꙅ҃ѕ : ѿ ѿмѣта
нии петровѣ : ꙅ҃з : ѿ июдинѣ раскаанїи:
ꙅ҃и : ѿ испрошенїи тѣлесе гн҃ѣ:

ТЕТРОЕ҆ВНГЛЬ Є БГМЬ

почина́ємь: ѿ матдеꙗ: —

Мтѳ. I. 1 Книги рождьства і҃с х҃ва: сн҃а
дв҃два: сн҃а авраа́млꙗ̈: 2 а̇
враӓмь роди ї̈саа́ка: ї̈са
а̇кь же роди ї̈ꙗ̈кова: ї̈ꙗ̈
ковь же роди ї̈ю̈доу ї̈
братию̈ ѥго: 3 ї̈ю̈да же
2 а роди фареса: ї̈ зара ѿ дамары:
фаресь же роди ѥсрома: ѥсромь
же роди а̇рама: 4 арам̈ же роди а̇
минадава: амидав же роди на
а̇сона: наа̇сон̈ же роди салмона:
5 салмонь же роди воѿза ѿ раха
вы: воѿзь же роди ѿвида ѿ роу
ды: ѿвидь же роди ї̈ѥсеꙗ: 6 ї̈ѥ
сеи̇ же роди дв҃да цр҃а: дв҃дь цр҃ь
роди соломона: ѿ оўриниѥ: 7 со
ломон̈ же роди ровоа̇ма: ровоа̇
м̈ же роди: авию̈: авиꙗ же роді
а̇са: 8 ась же роди: ї̈ѿса҄фата: ї̈ѿ
асафать же роді ї̈ѿрама: ї̈ѿ
арамь же роди ѿзию̈: 9 ї̈ѿзиꙗ
же роди ї̈ѿдама: ї̈ѿда
м̈ же роди а̇хаза: а̇хаӟ же роди
ѥзекию̈: 10 ѥзекиꙗ же роди ма
насию̈: манасиꙗ же роди а̇мо
на: амон̈ же р҃о ї̈ѿсию̈: 11 ї̈ѿсиꙗ же
л. 6 роди ї̈ѥхонию̈ ї̈ братию̈ ѥго:
вь прѣселениѥ вавулоньскоѥ:
12 по прѣселени же вавулоньсцѣ
мь: ї̈ѥхониꙗ роди саладилꙗ:
саладиль же роди зоровавелѣ:
13 зоровавель же роди а̇виоўда: а̇
виоўдь же роди ѥлиа̇кима: ѥли
а̇кимь же роди а̇зора: 14 азорь же
роди садока: садок̈ же роди ӓха
ма: а̇хам̈ же роди ѥлиоўда: 15 ѥ
лиоўдь же роди ѥлиазара: ѥли
азарь же роди матдана: матда
н же роди ї̈ꙗ̈кова: 16 ї̈ꙗ̈ков же роди
ї̈ѿсифа моужа мариї̈на: ї̈з не
ѥ же роди се і҃сь: глемы х҃ь: 17 Всѣхь
оўво родь ѿ а̇враа́ма до дв҃да
родь: ді҃: ї̈ ѿ дв҃да: до прѣселени
ꙗ вавилоньскаго ро҃: ді҃: ї̈ ѿ прѣ
селениꙗ вавулоньскаго до х҃а ро҃:
ді҃: 18 Іс х҃во рожьство сице бѣ: ѿ
л. 3 а вроученѣ оўво соущи матери ѥ̈
го марии ї̈ѿсифови: прѣжде да
же не снеста се: ѡ̈брѣте се ї̈моу
щии вь чрѣвѣ ѿ дх҃а ст҃а: 19 ї̈ѿсифь
же моужь ѥ̈е праведень сыи: ї̈ не
хотѣ ѡ̈бличити ѥ̈е : вьсхотѣ та
ї̈ поустити ю̈ 20 сице же ѥ̈моу сьмӹ
сльшоу : се анг҃ль гн҃ь вь снѣ ꙗ̈висе
ѥ̈моу гл҃е : ї̈ѿсифе сн҃е дв҃дв : не оў
бои се приѥ̆ти мариѥ̈ жени своѥ̈
е : соущеѥ̆ бо рожденоѥ̈ в неи ѿ дх҃а
ст҃а ѥсть : 21 родить же сн҃ь ї̈ наречеші
ї̈ме ѥ̈моу ї̈с҃ь : ть бо сп҃сеть лоуди
своѥ̈ ѿ грѣхь ї̈хь : 22 Єже все бы҃ да
сьбоудеть се рченоѥ̈ ѿ г҃а пррк҃о
мь глщ҃емь : 23 се дв҃аꙗ приѥ̆млеть
вь чрѣвѣ ї̈ родить сн҃ь : и нарекꙋ
ть ї̈ме ѥ̈моу ѥ̈нма́ноуи̇ль : ѥ̈
же ѥсть сказаѥ̈мо с нами б҃ь : 24 вь
став же ї̈ѿсифь ѿ сна створи ꙗ̈
л. 6. коже повелѣ ѥ̈моу а̇нг҃ль гн҃ь : ї̈
приѥ̈ть женоу своѭ̈ : 25 ї̈ не зна
ше ѥ̈е доньдеже роди сн҃ь свои
прьвѣньць : ї̈ нарче ї̈ме ѥ̈моу
і҃сь : II 1 Ісо҃у же рождьшоу се вь ви
длѣѿмѣ ї̈ю̈дѣи̇сцѣмь вь дн҃и

ӥрода цр҃а : Се вльсви ѿ вьстокь
приӥдоу вь ѥрл҃мь гл҃оуще : 2 где
ѥсть рождей се цр҃ь ӥюдѣӥскь : ви
дѣхомь во ꙁвѣꙁдоу ѥго на вьсто
цѣ : ӥ придохомь поклонити се ѥ
моу : 3 слышав же ӥродь цр҃ь смете
се : ӥ вcь ѥрл҃мь с нимь : 4 ӥ сьбра
все архиѥрѣѥ ӥ книжьникы
людьскиѥ : вьпрашаше ѥ где х҃ь
раждаѥть се : 5 Ѡни же рѣше ѥ
моу вь видлѣѡмѣ ӥюдѣисцѣ
мь : тако во писано ѥсть пррком҃ь :
6 ӥ тий видлеѡме ꙁемл҃е ӥюдова ни
чимже меньша ѥси вь вл҃кахь ӥ...
л. 4 а довахь : ӥс тебе во ӥꙁидеть влк҃а :·
ӥже оупасеть люди моѥ ӥꙁл҃ѣ :
7 Тогда ӥродь тай приꙁвавь вль
хви : ӥ ӥспита ѿ нихь врѣме ꙗ
вльшеѥ се ꙁвѣꙁды : 8 ӥ посла ѥ вь вид-
леѡ
мь рче : шьдше ӥспитайте ӥꙁвѣсть
но ѡ отрочети : ѥгда же ѡбрещете
вьꙁвѣстите ми ꙗко да ӥ аꙁь шьд
поклоню се ѥмоу : 9 ѡни же послоу
шавше цр҃а ӥдоше : ӥ се ꙁвѣꙁда ю
же видѣше на вьстоцѣ ӥдѣше прѣ
д ними : доньдѣже пришьдши ста
врьхоу идѣже бѣ ѡтроче : 10 видѣвь
ше же ꙁвѣꙁдоу вьꙁрадаваше се ра
стию велиѥю ꙁѣло : 11 ӥ вьшьдше вь хра
миноу видѣше ѡтроче : сь мариѥ
ю материю ѥго : ӥ падше покло
нише се ѥмоу : ӥ ѿврьꙁьше скрови
ща своꙗ принесоше ѥмоу дари :
ꙁлато ӥ ливань ӥ ꙁмирноу : 12 ӥ ѿвѣ
л. 6 ть приѥмьше вь снѣ : не вьꙁвра
тити се кь ӥродоу : ӥнѣмь поуте
мь ѡтидоу вь страноу свою : 13 ѡ
ꙁач ⊙ шьдшимь же ӥмь се анг҃ль гн҃ь вь
снѣ ꙗви се ӥѡсифоу гл҃е : вьста
вь поӥми ѡтроче ӥ матерь ѥго :
ӥ бѣжи вь ѥгупеть : ӥ боуди тоу
доньдеже ти рекоу : хощеть бо ӥ
родь ӥскати ѡтрочете да погоуби
ть ѥ : 14 ѡн же вьставь поѥть ѡтроче
ӥ матерь ѥго нощию : ӥ ѡтиде вь ѥ
гупеть : 15 ӥ бѣ тоу до оумртвиꙗ ӥро
дова : да сьбоудеть се рченьноѥ ѿ г҃а
пррком҃ь гл҃щемь : ѿ ѥгупта вьꙁва
хь сн҃ь мой : 16 Тогда ӥродь видѣ ꙗко
пороугань бы ѿ вльхвьвь : раꙁгнѣ
вавь се ꙁѣло пославь ӥꙁби все ѡтро
кы соущеѥ вь видлеѡмѣ : и вь всѣ
хь прѣдѣлѣхь ѥго : ѿ двою лѣтоу :
ӥ ниже по врѣмени ѥже ӥспита ѿ
л. 5 а вльхвьвь: 17 тогда сьбы се рченоѥ ѥре
миѥмь пррком҃ь гл҃ющемь : 18 гл҃ ва
рама слышань бы : плачь ӥ рыданї
ѥ ӥ вьпль многь : рахиль плачоу
щи се чедь своихь : ӥ не хотѣше
оутѣшити се ꙗко не соуть : ко
ꙋмершоу же ӥродоу : се анг҃ль гн҃ь
вь снѣ ꙗви се ӥѡсифоу вь ѥгупь
тѣ гл҃е : 20 вьставь поӥми ѡтроче
ӥ матерь ѥго : ӥ ӥди вь ꙁемл҃оу ӥ
ꙁл҃воу : ӥꙁмрѣше бо ӥскоущей
дш҃е ѡтрочете : 21 ѡн же вьставь по
ѥть ѡтроче ӥ матерь ѥго : ӥ вни
де вь ꙁемл҃оу иꙁл҃воу : 22 слышав же
ꙗко архѣла цртвоуѥть вь ӥюдеї
вь ӥрода мѣсто. ѡц҃а своѥго : оу
боꙗ се тамо ӥти : вѣсть же приѥ
мь вь снѣ : ѡтиде вь страноу га
лилейскоу : 23 ӥ пришьд вьсели се вь
градѣ нарицаѥмѣмь наꙁаредь :
л. 6 ꙗко да сьбоудеть се рченоѥ прркм҃и :
ꙗко наꙁарей нарчеть се : III 1 Вь ти же
дн҃и
приде ӥѡань кртль проповѣдаѥ вь
поустыни ӥюдѣисцѣй 2 гл҃е : покай

те се : приближи бо се цр҃тво нбнок :
3 Сии оубо ѥсть речен кии исаиѥмь пррко
мь глюциемь : гла вьпиюцаго вь поу
стыни : оуготоваите поуть гнь : пра
вик творите стьзы ѥго : 4 Самь же и
ѡа имѣше ризоу свою ѿ власъ вельблю
ждь : и поясь оусмѣнь ѡ чрѣслѣхь ѥ
го : пища же ѥго бѣ акриди и медь
диви : 5 тогда исхождаше к немоу иѥ
рлмь и вса июдѣя : и вса страна иѡ
рданьская : 6 и крьщахоу се вь иѡрда
нѣ ѿ него : исповѣдающе грѣхы сво
ѥ : 7 Видѣв же многи фарисѣѥ и садоу
кеи гредоуще на кр҃щениѥ его : рче и
мь пороженна ѥхиднова кто показа
вамь бѣжати ѿ гредоущаго гнѣва :
л. 6 а 8 створите оубо плодь достоинь пока
ꙗния : 9 и не мните глати в себѣ : ѡца
имамы авраама : глю бо вамь ꙗко
можеть бь ѿ камения сего вьзви
гноути чеда авраамови : 10 се юже се
кира при корѣнѣ дрѣва лежить :
всако оубо дрѣво нетворещее плода
добра посѣкаѥть се : и вь ѡгнь вьмѣ
таѥть се : 11 Азь во кр҃щаю ви водою вь
покаꙗниѥ : греды же по мнѣ крѣпли
мене ѥсть : ѥмоу же нѣсмь досто
ѥнь сапогы понести : ть вы кр҃тить
дхомь стымь и ѡгнемь : 12 Ѥмоуже ло
пата вь роуцѣ ѥго : и потрѣбить гоу
мно своѥ : и сьбереть пшеницоу в жи
тьницоу свою : плѣви же сьжежеть
ѡгнемь негасещимь : 13 Тогда приде
Ис҃ь ѿ галилѣѥ на иѡрдань кь иѡаноу :
кр҃тити се ѿ него : 14 иѡа же вьзбранѣ
ше ѥмоу гле : азь трѣбоую ѿ тебе
В ѿ приде исъ ѡ галилеѥ :·
л. 6 кр҃титисе : ѥли ты гредеши кь мнѣ :
15 Ѿвѣщав же Ис҃ь рче к немоу : ѡстани
нинѣ тако бо подобно ѥсть намь испль
нити всакоу правдоу : тогда ѡста
ви и : 16 И кр҃щь се Ис҃ь. вьзиде абиѥ ѿ
води : и се ѿврьзоше се ѥмоу небса :
и видѣ дхь бжии сьходещь ꙗко го
лоубь : и гредоущь на нь : 17 и се глас сь
небсе гле : сьи ѥсть снь мои вьзлоубе
ныи : ѡ немь же блговолихь : IV 1 Тогда
Ис҃ь вьзведень бы дхомь вь поустыноу
искоусити се ѿ диꙗвола : 2 и поcь се
днии : м : и нощии : м : послѣдь же
вьзаалка (sic.) : 3 и пристоупи искоуша
ѥ и рче ѥмоу : аще снь ѥси бжии рь
ци да камениѥ се хлѣби боудоуть :
4 ѡнь же ѿвѣщавь рче : писано ѥсть
не ѡ хлѣбѣ ѥдиномь живь боуде
ть чл҃кь : нь ѡ всакомь глѣ исходе
щимь изь оусть бжии : 5 тогда по .....
В ѿ вьзвень бы исъ :·

II.

л. 1 а ѡшли бѣхоу въ градъ · да брашна
Іоанн. IV коупетъ · 9 гла ѥмоу жена сама
ренинъı · како тъı июдеи съи ѿ
мене пити просиши · женъı сама
ренини соуще · не прикасаютъ
бо се июдеи самарѣнехъ · 10 Ѿвѣ
ща исъ и рече ѥи · аще бъı вѣдѣла да
ръ бжии · кто ѥстъ глеи ти даж ми
пити · тъı бъı просила оу него : и
далъ ти бъı водоу живоу · 11 гла ѥмоу
жена ги ни почръпалника има
ши · и стоуденъцъ ѥстъ глъбокъ
ѿкоудоу оубо имаши водоу жи
воу · 12 ѥда тъı болъи ѥси ѡца нашего
иꙗкова · иже да намъ стоуденъ
цъ съ · и тъ из него питъ · и снове
ѥго · и скоти ѥго · 13 Ѿвѣща исъ и рече
ѥи. всакъ пиѥи ѿ водъı сеѥ · въ
зъжеждетсе пакъı · 14 а иже пиѥ

тъ ѿ водꙑ юже азъ дамъ кмоу :
не иматъ въжъждедати се въ вѣ
кꙑ · нъ вода юже азъ дамъ кмоу :
л. б боудетъ въ немъ источникъ
водꙑ · въсхлеплющъ въ живо
тъ вѣчнꙑ : 15 гла кмоу жена ги
даж ми сию водоу · да не жежду
ни прихожоу почрьпати · гла
кн ісъ · иди и пригласи моужа
своего · и приди сѣмо · 17 ѿвѣща же
на и ре кмоу · не имамъ моужа :
гла кн ісъ добрѣ ре · ꙗко моужа
не имамъ · 18 е. бо моужи имѣла
кси · и нн҃ѣ иже имаши нѣ ти му
жъ · се въ истиноу ре · 19 гла кмоу
жена · ги виждоу ꙗко прркъ еси :
ѡци нши въ горѣ сеи поклонише
се · и въі глете ꙗко въ крлмѣ кстъ
мѣсто · идѣ же покланѣти се по
бактъ · 21 гла кн ісъ · вѣроу ими ми
жено · ꙗко гредетъ година · егда
ни въ горѣ се и ни въ крлмѣхъ
поклонетъ се · Оцоу 22 въі же кла-
нѣкте
се когоже не вѣсте · ми же кланѣ
кмъ се когоже вѣмꙑ : ꙗко спсе
л. 2 а 1 ктъ по имени · и изгонитъ к : и 4 к
Іоанн. X гда своке ѡвце ижденетъ · прѣдъ
ними ходитъ · и ѡвце по немъ и
доутъ · ꙗко вѣдетъ гла кго · 5 по
тоуждемъ же не идоутъ · нъ бѣ
жетъ ѿ него ꙗко не знаютъ тоу
ждаго гласа · 6 си притчю ре имъ
ісъ · ѡни же не разоумеаше что
бꙑстъ ꙗже ре имъ · 7 гла имъ пакꙑ
ісъ · аминъ аминъ глю вамъ · азъ
кесмъ двъръ ѡвцамъ · 8 вси клико и
хъ приде прѣжде мене · татие су
тъ и разбонници · нъ не послоу
шаше ихъ ѡвце · 9 азъ кесмъ дверъ
мною аще кто вънидетъ спсетъ
се · вънидетъ и изидетъ · и пажи
тъ ѡбрещетъ ·:· <В пе е · не ѿ іѡа ·:·
Ре гъ къ пришъшимъ к немоу
июдеѡмъ · 17 сего ради ме любитъ
ѡцъ · ꙗко азъ полагаю дшоу мою :
да пакꙑ приимоу ю · 18 никто же ѿ
иметъ к . . . . . ѿ мене · нъ азъ
л. б же полагаю ю ѡ себѣ · ѡбластъ и
мамъ положити ю · и ѡбластъ и
мамъ пакꙑ прикти ю · сию запо
вѣдъ прикхъ ѿ ѡца мокго · 19 распъ
ра же пакꙑ бꙑ въ июденхъ · за сло
веса сꙑ · 20 глахоу же мнозꙑ ѿ нихъ.
ꙗко вѣсъ иматъ и неистовъ кстъ
что кго п. . . слоушакте · 21 нни глаху
ꙗко сие глꙑ нѣ соутъ вѣсноующа
го се · еда вѣсъ можетъ слѣпимъ
ѡчи ѿврѣсти ·:· за
22 Бꙑше же тогда ѡбновлениꙗ въ к
рлмлѣхъ · и зима бѣ · 23 и хождаше ісъ
въ црквъ · въ притворѣ соломони
24 ѡбидоу же и июден и глахоу емоу :
доколѣ : ше нше въземлеши · аще
тꙑ кси хъ ръци намъ не ѡбиноу
к се · 25 ѿвѣща имъ ісъ · рѣхъ
вамъ и
не вѣроукте · дѣла ꙗже азъ творю
въ име ѡца мокго та свѣдѣтелъ
ствоютъ ѡ мнѣ · 26 нъ вꙑ не вѣроу
кте · нѣсте бо ѿ ѡвьцъ моимъ · ꙗк

III.

л. 1 а 9 кмоу ѿ мрьтвꙑхъ вьскрьсноу
Іоанн. XX ти 10 идета же пакꙑ оученика
диве.....е кь себѣ : кꙋ и ѿ іѡа
В ѡ мариꙗ стоꙗше оу гроба : вь
нѣ плачющи се · ꙗко же плака
ше с...приниче вь гробь 12 и видѣ
два агла вь ръзахь бѣлахь : сѣ

дещѧ ѥдиного оу главы и ѥди
ного оу ногоу идеже бѣ лежа
ло тѣло и҃сово 13 и гласта ѥи жено
что плачеши се · и гл҃а има...
възеше га моѥго · и не вѣмь...
где положише и 14 и си рекьши
шврати се вьсп... и видѣ иса
стоѥщѧ и не вѣ.... ꙗко и҃съ
ѥсть · 15 гл҃а ѥи исъ.. ...но что пла
чеши се · кого ли ищеши шна
же мнещи ꙗко врьтограда
рь ѥсть гл҃а ѥмоу г҃и аще ты
ѥси възель. повѣждь мнѣ где
ѥси положиль · и азь възмоу и :
16 гл҃а ѥй і҃съ мариѥ шбращь
ши же се шна гл҃а ѥмоу ѥврѣ
искы · раввы : ѥже нарицае
ть се оучителю : 17 гл҃а ѥи і҃съ
не прикасай се мнѣ : неѹбо
л. 6 вьзидь кь ѡ҃цоу моѥмоу · иди
же кь брати моѥй и рци имь · вь
схождоу кь ѡ҃цоу моѥмоу · и ѿ
ц҃оу вашемоу · и б҃оу моѥмоу и
б҃оу вашемоу · 18 приде же мариꙗ
магдалины · възвѣщающи оу
ченикомь · ꙗко видѣ г҃а и си ре
че ѥй ·:· ѥу҃ : д : ѿ иѡ҃а ·:
Соущи поздѣ вь ѥдиноу соубот
Ищи вь нє҃ новоу ·:· ѥу҃ : і ѿ иѡ҃а
XXI 1 Е... ꙗви се и҃съ оученикомь свои
мь · вьставь ѿ мрьтвыхь · на
мори тивериадьсцѣмь · ꙗви
же се имь с҃нце · 2 бѣхоу вькоу
пѣ симонь петрь · и тома на
рицаѥми близньць · и ната
наиль иже бѣ ѿ кань галилѣ
искыѥ · и ѡба с҃ны зеведешва :
и ина два ѿ оученикь · 3 гл҃а и
мь симонь петрь · идоу ры
бы ловити · и рѣше ѥмоу и

демь и мы с тобоѫ и идѫ и
вьлѣзѫ вь корабь · и в тѫ но
щь не ѧсѧ ничесоже · 4 оутрю
же бывшю абиѥ · ста и҃съ при
брѣзѣ · и не познаше же оуче
л. 2 а ници ꙗко и҃съ ѥсть · 5 и ре҃ имь и҃съ
дѣти · имате ли что снѣдно зде :
ѿвѣщаше ниї · ѡнь же ре҃ вьврь
зѣте ѡ десноую страноу мрѣ
жоу · и ѡбрещете · вьврьгоу же :
и к томоу не можахоу привлѣ
.... ѥѥ ѿ множьства рыбь · 7 гл҃а
... оученикь ѥго же люблѣше
и҃съ · петрови г҃ь ѥсть · симонь
же петрь слышавь ꙗко г҃ь ѥсть
пендитомь прѣпоꙗса се · бѣ
бо нагь · и вьврьже се вь море ·
8 а дроузи оученици корабице
мь придоу не бѣше бо дале
че ѿ земле · нь ꙗко двѣстѣ
лакоть · влѣкоуще мрѣжоу
рыбь · 9 ꙗко же излѣзоу на зе
млю · видѣше огнь горещь
и рыбоу на немь лежещоу · и
хлѣбь · 10 и ре҃ и҃съ принесѣте ѿ
рыбь ѥже ѥсте нн҃ѣ : 11 вьлѣзь
же симонь петрь · извлѣче мрѣ
жоу на землю пльноу великы
хь рыбь · р҃ · н҃ · г҃ · и толикоу соу
л. 6 щоу не протрьже се мрѣжа · 12 гл҃а
имь и҃съ придѣте ѡбѣдоуите
и никто же ѿ оученикь не смѣ
ше истезати ѥго · ты кто ѥси :
вѣдеще ꙗко г҃ь ѥсть · 13 приде же
и҃съ и приѥть хлѣбь и да҃ имь ·
и рыбоу такожде · 14 се оуже трети
цею ꙗви се и҃съ оученикомь свои:
мь вьставь ѿ мртвыхь ·:·
Ѥу҃ аі ѿ иѡ҃а Е ѿ вскр҃ь и҃съ ѡ мр҃
вихь · гл҃а симоноу петрю Ищи

Ѳоуботоу Петикостноу ⁘
Чте Ꙁа мрьтвы Ищи · а҃ · въ срѣ · к · не
Ищи в҃ в че · в҃ · не · Ищи г҃ · в срѣ · г҃ ·
не
Ищи · д҃ в че · г҃ · не · Ищи е҃ · к пе г не
На па Ве Ѳу д҃ · Въ по Ꙁлу Ѳу д҃
Въ втр Ꙁлу ꙁ҃ · Въ срѣ Ꙁлу · и҃ Въ че
ꙁлу г҃
Въ пе Ꙁлу аі · Въ су Ꙁлу · в҃ ·
На антипа ку а҃ · мироноси
цамь ку д҃ · ѡ раслаблє ку ꙁ ·
Ѿ самаре ку · и҃ · Ѿ слѣпци ку · г҃ ·
На вꙁнесение ку · г҃ · На сты ѡць · к҃ :
петико ку . . . . не всѣ
сты ку а҃ · Ѿ тоу дрьжи по редоу :

л. 3 Въ име ѡца и сна и стаго дха · аꙁь рабь
бжи
костандинь чьць · а ꙁовомь воисиль
граматикь · написахь книгы сиѥ ·
презвитерю геѡргию · а ꙁовомь попу
радославоу · вь градѣ скрьлиꙁѣ · вь
дни цре ивайла · и при ѥппѣ нише
вьсцѣмь никодимѣ в лѣ г · ѱ҃ · п҃ · ꙁ҃ ·
инди · ꙁ҃ · ѥги стоꙗхоу грьци подь
градомь трьновомь · да млю ви се
ѡци и братиѥ · до кого доидоуть кни
ги сиѥ · чтѣте исправлѣюще · а ме
не грѣшнаго не ꙁлословите · нь па
че блвте · да и ва бь простить · и прѣ
ста ѥго мти амнь амнь амнь:

Примѣчанія.

I. Л. 1 а 7. въпрошьшиіхъ: є какъ-будто исправлено изъ какой-то другой буквы. — 10. ѕеведеѡкоу: первое є какъ будто исправлено изъ другой буквы (а ?). — 12. слѣпыхъ и хромыхъ: ок. -ыхъ здѣсь исправлено изъ ихъ.—17. ѕваньныхъ: первоначально на мѣстѣ ь было и, которое своимъ правымъ бокомъ находилось въ лигатурѣ съ лѣвымъ бокомъ н.

1 б тетроѥвигль: н и г и л и ь находятся въ лигатурѣ.

Л. 2 а 16 строка нѣсколько отступаетъ отъ начала, такъ какъ пергаменъ въ этомъ мѣстѣ подрѣзанъ.

Л. 2 б 6: авиӥуда -- sic. — 20: і киноварное.

Л. 3 б 20 й : послѣ этой буквы оставлено пустое мѣсто, вѣроятно, для буквы ю.

Л. 4 а 3 тогда : т- киноварное — 7. ѡкрещете : головка т сильно выдвинута вверхъ.

Л. 4 б 4. зѧ и очное о окрашены въ киноварь. 14. глщемь : є можно читать и какъ ь. 15. т окрашено въ киноварь.

Л. 5 а 6. соуть : дальше слѣдовало оу, но соскоблено; противъ на поляхъ поставлено киноварное коц. — 6. ѕмершоу : ѕ находится на поляхъ и окрашено въ киноварь.

Л. 5 б 2. Вь : в- киноварное. — 6. сии : с- киноварное. 9. самь : с- киноварное. 14—15. иѡрданьскаѡ : точка надъ р едва замѣтна. — На поляхъ въ вертик. напр. записаны слова: ѵ҃ ѧ ѡ приде іѡа кртль.

Л. 6 а 9. азь : а- киноварное. — 12. сапогы : ы переправлено изъ н. — 17. тогда : т- киноварное.

Л. 6 б 10. тогда : т- киноварное.

II. Л. 1 а 1. ѡшли: нижняя часть титла надъ ѡ стерлась.

Л. 2 а 8. разоумеаше : первое є сильно придвинуто къ а; въ нижней части имѣетъ маленькій отросточекъ. — 16. изидетъ : отъ ъ остался только верхвій крючокъ; остальная часть буквы пропала благодаря дыркѣ. — 22. На мѣстѣ многоточія находилась стертая (вѣроятно писцомъ же) фраза Ѡметъ (sic.) ю, представляющая механическое повтореніе предыдущей.

Л. 2 б 8. п... слоушаюте : отъ п осталась только лѣвая палочка; слѣдовавшее за нимъ о стерлось или стерто. — 9. сию нынѣ : буквы ю ны... можно различить только съ большимъ трудомъ. — 16. дше : вслѣдствіе дырки, отъ д сохранилась только лѣвая ножка.

III. Л. 1 а 3: дивеща се : а можно различить только съ величайшимъ трудомъ.—4. мариѧ : буквы ари едва различимы.—6. се едва различимо.—11. Послѣ има слѣдовало ык, отъ котораго осталась (вслѣдствіе дырки) только лѣвая палочка и слѣды титла и часть буквы к.—12. вѣмь часть буквы ь пострадала вслѣдствіе дырки.—13. си : с можно читать и какъ є.—14. вьспють ю можно читать и какъ є. — 16—15. вѣдюше : юше читается съ трудомъ.

Л. 1 б Б....: слѣдовавшее за этой буквой ѡ пропало вслѣдствіе дырки.

Л. 2 а 3. вьврьзѣте : ь имѣетъ форму ъ. — 6—7. привлѣ.... слѣдовавшія двѣ буквы ци стерты. — 11. пендитомь : лѣвая сторона буквы п стерлась.

Л. 2 б 23. юу : дальше нѣсколько словъ стерто. — Большія буквы въ печатномъ текстѣ = киноварнымъ подлинника.

III. ПАЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ ОСОБЕННОСТИ.

Сверлижское евангеліе состоитъ изъ трехъ отрывковъ, различныхъ по составу своего содержанія и не вполнѣ одинаковыхъ по почерку. Впрочемъ, второй и третій отрывки обнаруживаютъ такое удивительное сходство письма и языка, что, *быть можетъ*, они написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. Первый отрывокъ, напротивъ, рѣзко отличается отъ двухъ другихъ во всѣхъ отношеніяхъ, и по составу относится къ нимъ такъ, какъ тетроевангеліе относится къ апракосу. Послѣднее обстоятельство не можетъ, однако, служить доказательствомъ того, что Сверлижскіе отрывки — остатки, по крайней мѣрѣ, двухъ различныхъ кодексовъ.

Первый отрывокъ состоитъ изъ 6 листовъ первой тетрадки какой-то, вѣроятно, навсегда погибшей рукописи безъ 1-го и 8-го листа. На каждомъ листѣ находится по 20 строкъ текста, писаннаго мелкимъ, четкимъ, довольно красивымъ уставомъ. Весь первый листъ и большую часть второго занимаетъ указатель главамъ, причемъ цифры и начертаніе пр. ѡ окрашены въ киноварь. Въ киноварь окрашено и заглавіе евангелія на 12 стр. сверху второго листа,—высотою въ 2 строки. По обѣимъ сторонамъ его изображены два небольшихъ орнамента. Далѣе слѣдуетъ орнаментированный иниціалъ к высотою въ шесть строкъ. Сравнительно крупныя киноварныя буквы находятся еще на 3 л. б 5, 4 а 3, 4 б 15, 5 б 2, 6, 9, 17, 6 а 9, 17, 6 б 5 и 10. Встрѣчающійся на 4 б 4 иниціалъ ⊙=ѾѾ и на 5 а 7 ⊙̆, повидимому, написаны другимъ почеркомъ, причемъ киноварь ихъ нѣсколько выцвѣла. Тѣмъ же почеркомъ отличаются записи на поляхъ л. 4 б 4, 6 б 11 ꙁа, на 5 а 6, 6 б 10—ко̑, также какъ и записи на поляхъ лл. 5 б (чернилами) и 6 а и б (киноварью).

Кромѣ киноварныхъ иниціаловъ, въ рукописи часто встрѣчаются и обыкновенные черные.

Изъ надстрочныхъ знаковъ чаще всего употребляется двоеточіе, и именно надъ а, ꙗ, ѥ, і, н (преимущественно въ началѣ словъ и серединѣ послѣ гласныхъ), ю, ү, оү, ы, ѡ. Надъ а нерѣдко ставится только одна

точка: **а̇враа̇мь** 1 б 16, **ӥса̇кь** 1 б 17 и т. д. Весьма возможно, что другая точка здѣсь просто не дописана. Это можно съ увѣренностью утверждать, по крайней мѣрѣ, про два случая **ӗсть** 1 а 4 и **ѡ̇** 1 а 8, гдѣ для другой точки оставлено мѣсто. Двоеточіе употребляется также надъ пропущеннымъ глухимъ, ср. **арам҃же** 2 а 3, **амидак҃же** 2 а 4, **асон҃же** 2 а 5, **соломон҃же** 2 а 11, **ровоам҃же** 2 а 12 и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти двѣ точки очень походятъ на черточки. Наконецъ, тѣже два знака ставятся надъ извѣстными группами согласныхъ въ греческихъ словахъ, гдѣ въ другихъ случаяхъ употребляется графическое или неорганическое **ь**: **ем҃мано̄уиль** 3 а 18; **ар҃хиерѣӗ** 2 б 7 и т. д.

Удареній нѣтъ.

Изъ строчныхъ знаковъ употребляется : Въ концѣ строки иногда пишется : —

Относительно употребленія и формы отдѣльныхъ буквъ слѣдуетъ замѣтить слѣд.

ѡ употребляется, кромѣ предлоговъ **ѡ** и **ѿ**, въ началѣ словъ и серединѣ послѣ гласныхъ: **прѣѡ̈браженин** 1 а 1; **ꙁеведеѡ̈коу** 1 а 10; **воѡꙁа** 2 а 6; **воѡ̈ꙁь** 2 а 7; **ѡ̈вида** 2 а 7; **ѡ̈видь** 2 а 8; **иѡ̈асафата** 2 а 13; **ӥѡ̈асафать** 2 а 13; **ӥѡ̈рама** 2 а 14; **ӥѡ̈арамь** 2 а 14; **ѡ̈ꙁию̈** 2 а 15; **ӥѡꙁиꙗ̈** 2 а 15; **ӥѡ̈дама** 2 а 16; **ӥѡ̈дам҃же** 2 а 16; **ӥѡ̈сию̈** 2 а 20; **ӥѡ̈сиꙗ̈** 2 а 20; **ӥѡ̈сифа** 2 б 14; **ӥѡ̈сифови** 3 а 2; **ӥѡ̈сифь** 2 б 4; **ѡ̈бличити** 3 а 6; **ӥѡ̈сифе** 3 а 9; **ӥѡ̈сифь** 3 а 20; **видлеѡ̈мѣ** 3 б 6, 17; **ѡ̈ни же** 3 б 16; **видлеѡ̈ме** 3 б 19; **видлеѡ̈мь** 4 а 5; **ѡ̈ни** 4 а 9; **ѡ̈троче** 4 а 13, 16; **ӥѡ̈сифоу** 4 б 5; **ѡ̈троче** 4 б 6, 10; **ѡ̈трочете** 4 б 9; **ѡ̈нже** 4 б 10; **ѡ̈трокы** 4 б 17; **видлеѡ̈мѣ** 4 б 18; **ӥѡ̈сифоу** 5 а 8; **ѡтроче** 5 а 9, 13; **ѡ̈трочете** 5 а 12; **ѡ̈н҃же** 5 а 12; **ѡ̈ц҃а** 5 а 16; **ӥѡ̈а̇нь** 5 б 3; **иѡа̂** 5 б 10; **ӥѡ̈р'даньскаꙗ̈** 5 б 14; **ӥѡ̈рданѣ** 5 б 15; **ѡ̈ц҃а** 6 а 2; **ѡ̈гнь** 6 а 8; **ѡ̈гнемь** 6 а 13, 17; **ӥѡ̈рдань** 6 а 18; **ӥѡ̈а̂у** 6 а 18; **ӥѡ̈а̂** 6 а 19; **ѿ** 6 а и б 21; **ѡ̈нь** 6 б 17. Рѣдко встрѣчаются исключенія: **ослети** 1 а 11; **отрочети** 4 а 7.

Буква **ȣ** встрѣчается только однажды и притомъ въ концѣ строки: **нарекȣ | ть** 3 а 17—18. Одинъ разъ въ концѣ строки читаемъ **у** вм. **оу**: **ӥѡ̈а̂у** 6 а 18. — Греческое υ передается обыкновенно **у**: **муромь** 1 б 6; **вавулоньскоѥ** 2 б 2; **вавулоньсцѣ** 2 б 3; **вавулоньскаго** 2 б 19; **ӗгупеть** 4 б 7, 11—12; **егупта** 4 б 14; **егупьтѣ** 5 а 8—9. — Вѣроятно, простую описку представляетъ **а̇виӥӱда** 2 б 6 при **авиоӱдь** 2 б 7.

Буква **і** (всегда перечеркнутая), кромѣ слова **і҃сь** и производныхъ отъ него, встрѣчается: а) въ концѣ строки: **приѥмлоущії | хь** 1 а 4; **родї** 2 а 12; **наречешї** 3 а 12; **рыданї | ӗ** 5 а 3; **ӥю̈деї** 5 а 15; **жї | тьницоу** 6 а 15; б) въ поправкахъ: **въпрошьши'хь** 1 а 7; в) изрѣдка въ серединѣ строки: **книжнїкь** 1 б 2; **сьшествиї** 1 б 5.

Изъ знаковъ для глухихъ звуковъ употребляется только ь. Буква ꙑ имѣетъ форму ꙑ.

ѕ, кромѣ какъ въ цифрѣ 6, не встрѣчается.

Изъ іотированныхъ знаковъ употребляются ꙗ, ѥ, ю. Не вполнѣ выдержанно только послѣдній.

Буква ч имѣетъ видъ чаши съ очень маленькой ножкой.

У буквы ꙁ хвостикъ опущенъ внизъ вертикальной линіей.

У буквы ж недостаетъ обыкновенно верхней срединной черточки.

* * *

Второй отрывокъ состоитъ изъ 2 листовъ, рѣзко отличающихся отъ первыхъ палеографическими особенностями. Общій колоритъ его несомнѣнно болѣе архаическаго характера: наклонъ письма скорѣе вправо, чѣмъ влѣво; буквы сравнительно крупнаго размѣра и, по первому впечатлѣнію, очень напоминаютъ письмо Саввина евангелія или Слѣпченскаго Апостола; контуры буквъ нѣсколько толще.

Число строкъ 22.

Изъ украшеній сохранилось только два иниціала: желтая съ киноварной каймой буква р (л. 1 а 17) и такая же, но нѣсколько меньшаго объема буква ѥ (л. 1 б 12). На 2 а 17 киноварью записано Е пе҃ ѥ҃ не҃ ѿ ꙇѡа҃, на 2 а 11 окрашена въ киноварь буква ꙁ слова ꙁа҃.

Большія буквы въ текстѣ не встрѣчаются.

Изъ надстрочныхъ знаковъ употребляется чаще всего точка: ӥюдеи 1 а 3, 1 а 6; ис҃ъ 1 а 7; ѥи 1 а 7; бжии 1 а 8; и 1 а 12; ѥстъ 1 а 12; имаши 1 а 13; иже 1 а 16; иꙁ 1 а 16; и 1 а 17; ѥи 1 а 18; пиѥи 1 а 18; а 1 а 19; иже 1 а 19; юже 1 а 20; аꙁъ 1 а 20; ѥмоу 1 б 8; ꙗко 1 б 9; ѥси 1 б 13; по҃блѥтъ 1 б 17; ꙗко 1 б 18; сеи 1 б 19; и 2 а 1; иꙁгонитъ 2 а 1; и 2 а 1; ѥгда 2 а 1—2; ꙁнаютъ 2 а 6; мною 2 а 15; и 2 а 16; иꙁидетъ 2 а 16; полагаю 2 а 20; ю 2 а 21; ѥ 2 а 22; полагаю 2 б 1; ю 2 б 1; сию 2 б 3; июдеихъ 2 б 5; ѥстъ 2 б 7; и 2 б 13; июдеи 2 б 15; моѥго 2 б 20. Примѣры двоеточія (иногда ″): ӓще 1 а 7; оӱбо 1 а 13; ӥ 1 а 17; пиѥтъ 1 а 19; ӥмѣла 1 б 10; ѿвце 2 а 2; ӥдоутъ 2 а 3—4; ꙁнаютъ 2 а 6, ѿни же 2 а 8; ѿвце 2 а 14; июдеѡмъ 2 а 19; ѿбновлениꙗ 2 б 12; ѿвьцъ 2 б 22. Очень часто употребляется двоеточіе надъ ї въ ъї.

Удареній нѣтъ.

Изъ строчныхъ знаковъ чаще всего употребляется точка. Въ концѣ строкъ нерѣдко видимъ :· Изрѣдка употребляется двоеточіе. Ср. нѥго: 1 а 9; ни҃ѥго: 1 а 14; ѥмоу: 1 а 20; ѥмоу: 1 а 22; вѣчнꙑ: 1 б 3; моужа: 1 б 8; ѥ: 2 а 1; мою: 2 а 19; ѥмоу: 2 б 15.

Ѡ, кромѣ предлога **ѿ**, извѣстно еще въ слѣдующихъ случаяхъ: **ѡц҃а** 1 а 14; **ѡц҃и** 1 б 14; **ѿвцє** 2 а 2, 3; **ѿни** 2 а 8; **ѡвцамъ** 2 а 11; **ѿвцє** 2 а 14; **ѡбрєщєтъ** 2 а 17; **июдєѿмъ** 2 а 19; **ѡц҃ъ** 2 а 20; **ѿвластъ** 2б 1, 2; **ѡц҃а** 2 б 4; **ѡчи** 2 б 11; **ѡбновлєниꙗ** 2 б 12; **ѡбидоу** 2 б 15; **ѡбиноуꙗ сє** 2 б 17; **ѡц҃а** 2 б 20; **ѿвьцъ** 2 б 22.

Одинъ разъ встрѣчается **о**, и то въ поправкѣ: **оцоу** 1 б 20.

Знакъ **ꙋ** вм. **оу** употребляется только въ концѣ строки, именно въ лигатурѣ **кмꙋ** 1 а 10; **жєждꙋ** 1 б 4; **мꙋ | жъ** 1 б 11; **сꙋ | тъ** 2 а 13; **гла | хꙋ** 2 б 8.

Точно также только въ концѣ строки употребляется **ї**: **мї** 1 а 8. Въ словѣ Ἰησοῦς четыре раза написано **і**: **і҃съ** 1 б 6, 9, 17, 2 б 13 и четыре раза **и**: **и҃съ** 1 а 17, 2 а 8, 10, 2 б 18.

ѕ не встрѣчается.

Чрезвычайно рѣдкую въ сербскихъ рукописяхъ черту представляетъ исключительное употребленіе знаковъ **ъ** и **ы**, указывающее на болгарскій оригиналъ отрывка. Знакъ **ь** написанъ только однажды въ концѣ строки: **нихь** 2 б 6.

Неіотированное **є** встрѣчается въ слѣдующихъ случаяхъ: **єси** 1 а 14; **своєго** 1 б 7; **єси** 1 б 13; **єгда** 1 б 18; **татиє** 2 а 12; **ємоу** 2 б 15.

Буква **ч** имѣетъ видъ чаши съ очень низенькой подставкой, у **ꙁ** хвостикъ отличается довольно широкимъ загибомъ, у **ж** отъ верхней части остался только небольшой рудиментъ.

* * *

Мы сказали, что третій и второй отрывки удивительно схожи между собой по почерку. И дѣйствительно, если сличать въ обоихъ отрывкахъ букву за буквой, то мы не найдемъ ни въ одной изъ нихъ никакихъ существенныхъ отличій; полное сходство между обоими отрывками наблюдается и въ отношеніи интерпункціи и надстрочныхъ знаковъ. Почеркъ третьяго отрывка отличается отъ почерка второго только большею сжатостью, такъ ск., сдавленностью, что объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что писецъ, подходя къ концу рукописи, не располагалъ достаточнымъ количествомъ пергамена. Поэтому, онъ и сталъ расходывать его бережнѣе. Если эта гипотеза справедлива, то ее объяснилось бы также: 1) большее число строчекъ въ III отр. сравнительно со II (именно 26—24, а не 22) и 2) исключительное употребленіе знака **ь**, который занимаетъ меньше мѣста въ рукописи, чѣмъ **ъ**. Не будь этой послѣдней черты, можно было бы смѣло считать оба отрывка принадлежащими одному и тому же писцу.

Единственнымъ украшеніемъ рукописи является употребленіе киновари въ отдѣльныхъ буквахъ: **к** 1 а 3, **ѡ** 1 а 3, **Б** 1 а 4, **к** 1 б 8, **ѿ** 1 б 8,

Є 1 б 9, в 1 б 10, и 1 б 10, и 1 б 10, к 1 б 10, Ѡ 1 б 10, Ю 2 б 10, Б 2 б 10, и 2 б 11, Є 2 б 12, п 2 б 12, ч 2 б 13 и т. д.

Большія буквы не встрѣчаются.

Изъ надстрочныхъ знаковъ употребляется преимущественно точка: марија 1 а 4; стоѣше 1 а 4; и 1 а 8; кдиного 1 а 8—10; и 1 а 11; моего 1 а 12; стоѣща 1 а 15; и 1 а 15; ѡна 17; ѣко 1 а 18; єсть 1 а 19; єси 1 а 20; ки 1 а 22; моеи 1 б 2; и 1 б 2; моемоу 1 б 3; вьзвѣщаюци 1 б 6; ѣко 1 б 7; єи 1 б 8; и 1 б 18; ѡба 18; идемь 1 б 21—22; и 1 б 22; идж 1 б 22; ѡнь 2 а 3; ѡ десноую 2 а 4; и 2 а 5; ѡбрещете 2 а 5; єго же 2 а 8; и 2 а 24; ѓ 2 б 6; третицею 2 б 7—8; ѣви 2 б 8; іщи 2 б 13, 14, 15; и 3 а 1; сии 3 а 3; братие 3 а 10. Быть можетъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ недописаннымъ двоеточіемъ, которое также нерѣдко въ рукописи: оученика 1 а 2; ѣкоже 1 а 5; оу 1 а 8; и 1 а 12; ѣко 1 а 15; єси 1 а 21; марие 1 а 22; ѡна 1 а 23; ємоу 1 а 23; еврѣиски 1 а 23—24; оучителю 1 а 25; прикасаю се 1 а 26; моемоу 1 б 2; иди 1 б 1; марија 1 б 5; магдалины 1 б 6; оученикомь 1 б 6—7; тивериадьсцѣмь 1 б 13; ѣви 1 б 13; и 1 б 15; галилѣискыи 1 б 17—18; оученикь 1 б 19; имь 1 б 19—20; оутрю 1 б 24; абие 1 б 25; ѣко 2 а 1; єсть 2 а 1; нии 2 а 3; оученикь 2 а 8; єсть 2 а 10; ѣко 2 а 15; ѣко 2 а 17; ѡгнь 2 а 18; рывоу 2 а 19; рывь 2 а 21; єже 2 а 21; великыхь 2 а 23—24; имь 2 б 2; и 2 б 3; истезати 2 б 4; ты 2 б 4; приеть 2 б 6; оуже 2 б 7; име 3 а 1; геѡргию 3 а 4; а 3 а 4; и 3 а 13. Какъ и во II-мъ отрывкѣ, двоеточіе иногда имѣетъ видъ ″; какъ и во II-мъ, двоеточіе ставится почти всегда надъ ьі, у котораго і, опять таки, какъ и во II-мъ, перечеркнуто.

Ударенія отсутствуютъ.

Изъ строчныхъ знаковъ обыкновенно употребляется точка. Иногда встрѣчается и двоеточіе: себѣ: 1 а 3; гроба: 1 а 4; бѣлахь: 1 а 7; и: 1 а 21; равві: 1 а 24; оучителю: 1 а 25; мнѣ: 1 а 26; зеведеѡва: 1 б 18; же: 2 а 5; нинѣ 2 а 21; єси: 2 б 4; свои: | мь 2 б 8—9. Изрѣдка пишется ⁛ (преимущественно въ концѣ строки).

Знакъ ѡ, кромѣ предлога Ѡ, встрѣчается въ слѣд. случаяхъ: іѡа 1 а 3; ѡ 1 а 4; ѡбрати се 1 а 14; ѡна 1 а 17; ѡбращьши 1 а 22—23; ѡна 1 а 23; ѡцоу 1 б 1; 1 б 3, 3—4; іѡа 1 б 8, 10; ѡба 1 б 18; зеведеѡва 1 б 18; ѡнь 2 а 3; ѡбрещете 2 а 5; ѡгнь 2 а 18; ѡвѣдоуите 2 б 2; іѡа 2 б 10; ѡ 2 б 10; ѡца 3 а 1; геѡргию 3 а 4; ѡци 3 а 10.

Буква ȣ (или ѵ) два раза встрѣчается въ концѣ строки: соуботȣ 1 б 9 и пту 3 а 4 и одинъ разъ въ серединѣ неȣбо 1 а 26.

Буква і (всегда перечеркнутая) два раза встрѣчается въ словѣ ісь 1 а 22, 25 (при иса 1 а 14, ись 1 а 15, ись 1 а 16, ись 1 б 11, ись 1 б 25,

нс҃ь 2 а 1 bis, нс҃ь 2 б 2, 6, 8, 10). Постоянно ї въ словѣ їѡа҆ 1 а 3, б 8, 10, 2 б 10.

Очень рѣдкую въ памятникахъ сербской редакціи особенность представляетъ употребленіе въ четырехъ случаяхъ ѫ: тобоѫ 1 б 22; идѫ 1 б 22; вьлѣзѫ 1 б 23; тѫ 1 б 23 и въ двухъ случаяхъ ѧ: ѧсѧ 1 б 24. Безъ сомнѣнія, юсы проникли сюда изъ болгарскаго оригинала. Довольно странно, что всѣ они сосредоточены въ одномъ мѣстѣ.

Неіотированное є употреблено только однажды: нарицаѥ | ть сє 1 а 24—25. Интересна замѣна ѣ поср. ѥ: вѣдѥшє 1 а 15.

Только графическое значеніе можетъ имѣть ю вм. ѹ въ ѹтрю 1 б 24, петрю 2 б 11 и прєзвитєрю 3 а 4.

IV. ЛИНГВИСТИЧЕСКІЯ ОСОБЕННОСТИ.

И въ лингвистическомъ отношеніи замѣчается между вторымъ и третьимъ отрывкомъ полное сходство, тогда какъ первый рѣзко отличается и отъ того, и отъ другого. Болѣе подробное разсмотрѣніе языка каждаго отрывка подтвердитъ это положеніе.

Въ первомъ отрывкѣ глухіе звуки сохраняются въ слѣдующихъ случаяхъ:

ь = прасл. **ъ**: I. Въ коренныхъ слогахъ: **притьча** N^1 1 а 5, 16; **сьтницѣ** L^1 1 а 5; **вьпль** N^1 5 а 4; **исьхьши** L^1_f 1 а 13; II. Въ суффиксахъ: **ѿврьꙁьше** N^3 4 а 18; **видѣвьше** N^3 4 а 13—14. III. Въ префиксахъ: **сьбра** Aor$^1_3$ 3 б 13; **сьбоудеть** 3 а 15, 4 б 13, 5 б 1; **сьвѫ** 5 а 1; **сьжежеть** 6 а 16; **сьмысльшоу** D^1_m 3 а 7—8; **сьшествиї** L^1 1 б 5; **вьꙁаалка** Aor$^1_3$ 6 б 14; **вьꙁбранѣше** Imf$^1_3$ 6 а 19—20; **вьꙁвахь** Aor$^1_3$ 4 б 14—15; **вьꙁведень** N^1_m 6 б 11; **вьꙁвратити** Inf 4 б 1—2; **вьꙁвѣстите** 4 а 8; **вьꙁвигноути** 6 а 4—5; **вьꙁрадаваше се** Aor$^3_3$ 4 а 14; **вьꙁиде** 6 б 5; **вьꙁлоубеныи** 6 б 9—10; **вьпиюцаго** G^1_m 5 б 7; **вьпрашаше** Imf$^1_3$ 3 б 15; **вьпрошениѥ** N^1 1 б 1; **вьпрошьшиїхь** L_m^3 1 а 7; **вьпрошьшиїхь** L^3_m 1 а 18; **вьпрошьшиїмь** L^1_m 1 а 8, 19—20; **вьставь** N^1_m 4 б 5—6, 10, 5 а 9, 12; **вьстав...** 3 а 19—20; **вьстокь** G^3 3 б 7; **вьстоцѣ** L^1 3 б 10—11, 4 а 11; **вьсели се** Aor$^1_3$ 5 а 19; **вьсхотѣ** Aor$^1_3$ 3 а 6; **вьшьше** N_m^3 4 а 15.

ь = дблг. неорганическому **ъ**: **вльхвь** G^3 4 б 16, 5 а 1 при **вльхви** Ac^3 4 а 3—4; **арьхѣла** 5 а 15; **таланьть** G^3 1 а 6; **дидрагьмь** G^3 1 а 3; **киньсоньнѣхь** L^3 1 а 18. Ср. также **ѥгупь | тѣ** L^1 5 а 8—9 (въ переносѣ) при **ѥгупта** G^1 4 б 14, **ѥгупеть** 4 б 7, 11—12.

ь = прасл. **ь**: I. Въ корняхъ: **тьмоѭ** 1 а 6; **стьꙁы** Ac^3 5 б 9; **рьци** 6 б 15—16; **доньдеже** 3 б 3, 4 б 8; **доньдѣже** 4 а 12; **сьй** 6 б 9; **пришьши** 4 а 12. II. Въ суффиксахъ: **киньсоньнѣхь** L^3 1 а 18; **коньчинѣ** 1 б 3; **книжьникы** Ac^3 3 б 14; **рожьство** N^1 2 б 20; **рождьства** G^1 1 б 14; **ꙁаконьницѣ** L^1 1 а 20; **иꙁвѣстьно** 4 а 6—7; **иѡрданьскаѩ** N^1_f 5 б 14—15;

вавуloньскаго G^1_n 2 б 19; **вавилоньскаго** G^1_n 2 б 18; **вавулоньскоѥ** Ac^1_n 2 б 2; **вавулоньсцѣмь** L^1_n 2 б 3—4; **меньша** N^1_f 3 б 20; **людьскиѥ** Ac_m^3 3 б 15; **мѣсечьствоуюшиимь** L^1 1 а 2; **рождьшоу** D^1_m 3 б 5; **рченьноѥ** 4 б 13; **ѥльшеѥ се** G^1_f 4 а 4—5; **сьмысльшоу** D^1_m 3 а 7—8; **вьпрошьшиимь** L^1_m 1 а 8, 19—20; **вьпрошьшиихь** 1 а 18; **ѕваньныхь** L^3 1 а 17.

Исчезновеніе глухихъ наблюдается въ слѣдующихъ случаяхъ:

ь = прасл. **ъ**. I. Въ корняхъ: **книги** N^3 1 б 11; **книжьникы** Ac^3 3 б 14; **книжнїкь** G^3 1 б 2; **вьѕаалка** Aor^1_3 6 б 14; **сна** G^1 3 а 20; **снѣ** L^1 3 а 8, 4 б 1, 5; 5 а 8, 18; **пославь** N^1 4 б 17; **посла** Aor^1_3 4 а 5; **многь** N^1_m 5 а 4; **многи** Ac^3 5 б 17; **двою** L^2_m 1 а 11, 15; **кто** 1 а 4, 5 б 19; **где** 3 б 8, 15; **вьѕвахь** 4 б 14—15; **приѕвавь** N^1 4 а 3; **ѕваньныхь** L^3 1 а 17. II. Въ суффиксахъ: **шьше** N^3 4 а 6; **ѡшьшимь** D^3_m 4 б 3—4; **падше** N^3 4 а 17; **послоушавше** 4 а 9—10; **помаѕавши** L^1_f 1 б 6. III. Въ префиксахъ: **вниде** Aor^1_3 5 а 14; **скаѕаѥмо** 3 а 19; **створи** Aor^1_3 3 а 20; **створите** 6 а 1; **смете се** 3 б 12—13; **скровища** Ac^3 4 а 18—19; **снеста** Aor^2_3 3 а 3.

Въ концѣ словъ **ь**=**ъ** опускается передъ **же**: **ѡнже** 4 б 10, 5 а 12; **видѣвже** N^1 5 б 17; **ѿвѣщавже** 6 б 2; **слышавже** N^1 3 б 12; **амонже** 2 а 20; **наасонже** 2 а 5; **садок҃же** 2 б 9; **ахам҃же** 2 б 10; **иаковже** 2 б 13; **иѡаже** 6 а 19; **ахаѕже** 2 а 17; **иѡдам҃же** 2 а 16—17; **соломонже** 2 а 10—11.

Изрѣдка выпадаетъ **ь**=**ъ** послѣ предлоговъ: **с нами** 3 а 19; **с нимь** 3 б 13; **прѣд ними** 4 а 11—12.

ь = прасл. **ь** выпадаетъ: I. Въ корняхъ: **нарчеть се** F^1_3 5 б 2; **нарче** Aor^1_3 3 б 4; **рче** Aor^1_3 4 а 6; 5 б 18; 6 б 2; 15, 17; **рченоѥ** N^1_n 3 а 15, 5 а 1, б 1; **рченьноѥ** 4 б 13; **рченый** 5 б 6; **вськ** N^1_m 3 б 13; **все** N^1_n 3 а 14; **вса** N^1_f 5 б 14; **все** Ac^3_m 3 б 14; **всѣхь** G^3 2 б 15; L^3 4 б 18—19; **всако** N^1_n 6 а 7; **всакоу** Ac^1_f 6 б 4; **всакомь** L^1_m 6 б 19; **мнѣ** D^1 6 а 10, б 1; **мните** Imp^3_2 6 а 2; II. Въ суфф.: **дльжнѣмь** L^1_n 1 а 6; **книжнїкь** G^3 1 б 2; **слѣпцоу** L^3 1 а 11; **старцихь** L^3 1 а 15; **правдоу** Ac^1 6 б 4; **гоумно** Ac^1 6 а 14—15; **повно** 6 б 3; **смоковници** L^1 1 а 13.

Передъ **же** **ь** выпущено только въ словѣ **ничимже** I^1 3 б 19—20.

ь = **ъ** переходитъ въ **о** только въ словѣ **смоковници** L^1 1 а 13; чаще наблюдается переходъ **ь** въ **е**: **праведень** N^1_m 3 а 5; **оумерщоу** D^1_m 5 а 7; **поутемь** I^1 4 б 2—3; **ше** N^1_m 4 а 8; **сьшествиї** L^1 1 б 5.

Примѣры **ва рама** 5 а 2—3 и **вьѕаалка** Aor^1_3 6 б 14 не могутъ считаться доказательствомъ перехода **ъ** въ говорѣ писца, такъ какъ они могли произойти опиской подъ вліяніемъ слѣдующаго **а**.

ж и **ѧ** послѣдовательно переходятъ въ **оу** и **е**.

ѣ вм. **е** встрѣчается въ словѣ **корѣнѣ** L^1 6 а 6. Обратнаго явленія — перехода **ѣ** въ **е** не наблюдается.

Иногда ѣ, конечно, только графически замѣняетъ ы: гнѣ G^1_n 1 б 11; ҁоровавелѣ G^1 2 б 5; йҁлѣ 4 а 2; вьҁбранѣше Imf^1_3 6 а 19—20.

Греческій дифтонгъ αι передается черезъ ѣ: галилѣѥ G^1 6 а 18; июдѣйсцѣмь L^1_m 3 б 6, 17—18; июдѣй N^1 5 б 14; июдѣйсцѣй L^1_f 5 б 4; фарисѣй G^3 1 б 2; фарисѣѥ Ac^3 5 б 17; однако, садоукеи Ac^3 5 б 17—18; садоукейх L^3 1 а 20. Греч. дифтонгу ευ также соотвѣтствуетъ ѣ: архиѥрѣѥ Ac^3 3 б 14; архиѥрѣйхь L^3 1 а 14, но и здѣсь попадаются исключенія: наҁарей 5 б 2. Однажды греч. ε замѣнено ѣ: арьхѣла N^1 5 а 15.

Звуки ы и и иногда смѣшиваются:

ы вм. и: роуды G^1 2 а 7—8;

и вм. ы: води G^1 6 б 6; правиѥ Ac^3_f 5 б 8—9; дари Ac^3 4 а 19; таланти Ac^3 1 б 5; книги N^3 1 б 11; людьскиѥ A^3_m 3 б 15; многи Ac^3 5 б 17; йспита Aor^1_3 4 а 4; ти же Ac^3_m 5 б 2; пррки I^3 5 б 1; плѣви Ac^3 6 а 16; секира N^1 6 а 5—6; ви Ac^3 6 а 9; тии 3 б 19.

Въ словахъ: слѣпыхь, хромыхь 1 а 12 и ҁваньныхь L^3_m 1 а 17 ы, повидимому, переправлено изъ и. Тоже слѣдуетъ сказать и объ ы въ словѣ сапогы 6 а 12. Переходный звукъ между ы и и писецъ, вѣроятно, пытался выразить въ сыйце 2 б 20.

Въ греч. словѣ βεθλεέμ наша рукопись вмѣсто третьяго ε постоянно пишетъ ω: видлеώме 3 б 19; видлеώмь Ac^1 4 а 5—6; видлеώмѣ L^1 3 б 5—6, 17.

Нарѣчія юже 4 а 10—11 и идѣже 4 а 13, вѣроятно, представляютъ самостоятельныя образованія къ оуже и идеже. Ср. наши Сложныя мѣстоименія[2], стр. 23, 80.

Интересно удвоеніе и въ словѣ тии (= ты) 3 б 19.

Ассимиляція и стяженіе гласныхъ очень часты: прѣселени L^1 2 б 3; крѣпли N^1_m 6 а 10; глемы N^1_m 2 б 15; хромыхь L^3 1 а 12; слѣпыхь L^3 1 а 12; наѥтыхь L^3 1 а 9; ҁваньныхь L^3 1 а 17; выпиющаго G^1_m 5 б 7; вавулоньскаго G^1_n 2 б 19; вавилоньскаго 2 б 18; гредоущаго 5 б 20; дльжнѣмь L^1_m 1 а 6; таинѣмь L^1_m 1 б 7; крьщахоу Imf_3^3 5 б 15; исхо-жаше Imf^1_3 5 б 13; идоше Aor^1_3 4 а 11; имѣше Imf^1_3 5 б 10; негасещимь I^1_m 6 а 17; исходещимь L^1_m 6 б 19—20; приде Aor^1_3 5 б 3, 6 а 17, 21; придохомь 3 б 11 (при прийдоу Aor^3_3 3 б 8).

Ассимиляцію гласныхъ безъ стяженія имѣемъ въ выпрошьшиимь L^1_m 1 а 8, 19—20; мѣсечьствоующиимь L^1_m 1 а 2.

Вѣроятно, только графическое значеніе имѣютъ слѣдующія написанія: приѥмлоущіхь 1 б 4—5; авраамлā G^1_m 1 б 15; глоуще 3 б 8; лоуди Ac^3 3 а 13; ҁемлоу 5 а 10, 14; вьҁлоубеный 6 б 9—10; цра G^1 3 б 7, 2 а 9, 4 а 10; плачоущи се N^1_f 5 а 4—5.

L epentheticum отсутствуетъ только въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: **въꙁлоублены́и** 6 б 9—10; **приѥ́мь** N^1_m 5 а 17—18; **приѥ́мьше** N^3_m 4 б 1.

Группа ск переходитъ въ сц: **ию́дѣисцѣмь** L^1_m 3 б 6, 17—18; **ию́дѣисцѣи** L^1_f 5 б 4.

Ассимиляція согласныхъ наблюдается въ **где** 3 б 8, 15; **ис тебе** 4 а 1; **испита** 4 а 4; **испрошении** L^1 1 б 11.

Греческимъ произношеніемъ слова обусловлено, вѣроятно, написаніе **ѥ́мманоуи́ль** 3 а 18.

Изъ морфологическихъ особенностей обращаютъ на себя вниманіе только слѣдующія немногія:

D^1 на -ови въ именахъ на -о: **ию́сифови** 3 а 2; **авраа́мови** 6 а 5.

L^1 на -і отъ именъ на согл.: **дни** 1 б 3; **жрѣбети** 1 а 11—12; **отрочети** 4 а 7; **ослети** 1 а 11.

L^3 на -іісһъ (подъ вліяніемъ склоненія прилаг. им.?) слова **дѣлателиихъ** 1 а 9.

Ac^3: **садоукеи** 5 б 17—18.

N^1_f **имоущии** 3 а 3—4.

Окончаніе ы въ Pr^3_1: **имамы** 6 а 3.

Сильный аористъ: **приидоу** 3 б 8; **ѿтидоу** 4 б 3.

Изъ особенностей словообразованія укажемъ на чередованіе суффикса -инь и ѥнь въ одномъ и томъ же прил.: **достоинь** 6 а 1 и **достоѥнь** 6 а 11—12. Интересно употребленіе прилаг. въ функціи сущ.: **дѣлаи** N^1 3 а 16. Описку представляетъ, вѣроятно, **ѿ отрочьти** 4 а 7.

* * *

Во второмъ отрывкѣ глухіе звуки сохранены въ слѣдующихъ случаяхъ:

ъ = прасл. ъ: **въпидетъ** F^1_3 2 а 15, 16; **въсхлеплющъ** N^1_m 1 б 2; **възъждедати се** 1 а 21; **възъжеждетсе** 1 а 18—19; **въземлеши** 2 б 16.

ъ = прасл. ь: I. въ корняхъ: **распъра** N^1 2 б 4—5; **съи** N^1_m 1 а 3; **ръци** I^1_2 2 б 17; **пришъшимъ** D^3_m 2 а 18 и II. въ суффиксахъ: **дверъ** N^1 2 а 11; **стоуденъцъ** N^1 1 а 12; **овьцъ** G^3 2 б 22; **свѣдѣтелъствоютъ** 2 б 20—21.

Напротивъ, исчезли глухіе въ слѣдующихъ случаяхъ:

Прасл. ъ: **притчю** Ac^1 2 а 7; **кто** N^1 1 а 8, 2 а 15, 21; **мною** 2 а 15.

Прасл. ь: **овце** N^3 2 а 3, 14; **овцамъ** D^3 2 а 11; **овце** Ac^3 2 а 2; **почръпалника** G^1 1 а 11; **источникъ** 1 б 1; **вѣчны** Ac^1_m 1 б 3; **мнѣ** L^1 2 б 21; **вси** 2 а 11; **всакъ** N^1 1 а 18; **ѿшли** 1 а 1; **врашна** G^1 1 а 1.

Вокализируются глухіе звуки только по одному разу: **црк°въ** 2 б 14 и **самарѣнехъ** L^3 1 а 6.

Носовые звуки послѣдовательно переходятъ въ **оу** и **е**.

Звукъ ѣ только два раза замѣненъ є: **разоумѣаше** 2 а 8; **самаренинꙑ** N^1_f 1 а 2—3 при **самарѣнехъ** 1 а 6.

Примѣры: **июдеи** N^3 1 а 6, 2 б 16, **июдеѡмъ** D^3 2 а 19 и **июдеихъ** L^3 2 б 5 недостовѣрны, вслѣдствіе греческаго происхожденія слова.

Изрѣдка ѥ замѣняется ѣ: **ѥрлмлѣхъ** 2 б 12—13; **кланѣѥмъ сє** 1 б 21—22; **кланѣѥтє** 1 б 20—21; **покланѣти** 1 б 16; **самарѣнехъ** 1 а 6. Явленіе это, конечно, имѣетъ только графическое значеніе.

Звуки ꙑ и и смѣшиваются довольно часто:

ꙑ вм. и: **сꙑ** Ac^3_n 2 б 6; **мнозꙑ** N^3 2 б 6; **болꙑ** N^1_m 1 а 14.

и вм. ꙑ: **слѣпимъ** D^3_m 2 б 10; **самаренини** G^1_f 1 а 4—5.

Ассимиляція и стяженіе гласныхъ наблюдаются въ слѣд. случаяхъ: **вѣчнꙑ** Ac^1_m 1 б 3; **болꙑ** N^1 1 а 14; **тоуждаго** G^1_m 2 а 6—7; **хождашє** Imf^1_3 2 б 13; **вѣхоу** 1 а 1.

Группа зж переходитъ въ жд: **възъждедати сє** 1 а 21 при **възъжеждєтсє** 1 а 18—19; **ижденетъ** 2 а 2.

Изъ морфологическихъ особенностей достойно упоминанія:

Ок. ꙑ въ Pr^3_1: **вѣмꙑ** 1 б 22;

Aor^3_3 **ѡвидоу** 2 б 15;

Смѣшеніе падежей, именно D^3 съ G^3_f: **ѿ ѡвьцъ моимъ** (или описка?).

Изъ лексическихъ особенностей отмѣтимъ прил. **глъбокъ** 1 а 12 (ср. серб. дубоки).

* * *

Въ третьемъ отрывкѣ глухіе звуки сохраняются въ слѣдующихъ случаяхъ:

ь = прасл. ъ: I. въ суффиксахъ: **рекьши** D^1_f 1 а 13; II. въ префиксахъ: **въспѥть** 1 а 14; **вькоупѣ** 1 б 14—15; **вьзмоу** F^1_1 1 а 21; **вьставь** N^1_m 1 б 12, 2 б 9; **вьврьжє** Aor^1_3 2 а 12; **вьврьгоу** Aor^3_3 2 а 5; **вьврьзѣтє** 2 а 3—4; **вьзидь** N^1_m 1 б 1; **вьлѣзь** N^1_m 2 а 21; **вьлѣзж** Aor^3_3 1 б 23; **вьзидь** Aor^1_1 1 б 1; **вьзєль** 1 а 20; **вьсхождоу** Pr^1_1 1 б 2—3; **вьзвѣщающи** N^1_f 1 б 6; **вьскрь** Aor^1_3 2 б 10; **вьскрьсноути** 1 а 1—2. Въ корнѣ, можетъ быть, только въ **вьнѣ** 1 а 4—5.

ь = прасл. ь только въ суффиксахъ: **чьць** N^1 3 а 2; **близньць** N^1 1 б 16; **множьства** G^1 2 а 7; **нишевьсцѣмь** L^1_m 3 а 6—7; **тивериадьсцѣмь** L^1_n 1 б 13; **ѡбращьши** N^1_f 1 а 22—23.

Исчезновеніе глухихъ наблюдается въ слѣдующихъ случаяхъ:

ь = прасл. ъ: I. въ корняхъ: **множьства** G^1 2 а 7; **книги** N^3 3 а 10—11; **книгꙑ** Ac^3 3 а 3; **зловловитє** 3 а 12; **кто** 2 б 3, 4; **гдє** 1 а 13, 20; **два** 1 а 7; **втр** 2 б 17; II. въ суффиксѣ: **бывшю** D^1 1 б 25; III. въ префиксѣ **взнєниє** Ac^1_n 2 б 22.

ѣ = прасл. ѣ: I. въ корняхъ: чтѣте 3 а 11; чтѣ 2 б 13; мнѣ D^1 1 а 20; всѣ G^3_m 2 б 24; мнѣци N^1_f 1 а 18; рци I^1_2 1 б 2; что 1 а 11, 16; ꙃде 2 а 2; поꙃдѣ 1 б 9; II. въ суффиксахъ: снѣдно Ac^1_n 2 а 2; грѣшнаго. 3 а 12; слѣпци L^1 2 б 21.

Самую оригинальную особенность языка рукописи составляетъ сохраненіе въ нѣсколькихъ случаяхъ носовыхъ звуковъ, которые, вѣроятно, сюда проникли изъ среднеболгарскаго подлинника. Мы говоримъ «вѣроятно», а не «несомнѣнно» потому, что отсутствіе въ текстѣ какихъ-бы то ни было слѣдовъ мѣны юсовъ не исключаетъ возможности *древнеболгарскаго* происхожденія оригинала. Объ этихъ случаяхъ мы уже говорили въ III главѣ.

Кромѣ указанныхъ случаевъ, юсы переходятъ послѣдовательно въ оу и е.

Два раза ѣ замѣняется е: вѣдеше Imf^1_3 1 а 15; самарѣ L^1 2 б 21.

Звукъ ы, конечно, только графически замѣняется ѣ въ слѣдующихъ случаяхъ: исправлѣюще N^3_m 3 а 11; црѣ G^1 3 а 5; люблѣше Imf^1_3 2 а 8.

Звукъ ы смѣшивается съ и:

ы вм. и: рыꙃахъ L^3 1 а 7; равві 1 а 24; авые 1 б 25.

и вм. ы: ки Ac^3 3 а 9; нарицаими N^1_m 1 б 15—16; книги N^3 3 а 10 при книгы Ac^3 3 а 3; кги нар. 3 а 8.

Стяженія гласныхъ довольно часты: брати D^1 1 б 2; приде Aor^1_3 1 б 5, 2 б 5; придѣте Imf^3_2 2 б 2; нарицаими N^1_m 1 б 15—16; мртвыхъ G^3 2 б 9; великыхъ G^1_f 2 а 23—24; грѣшнаго G^1 3 а 12; стоыше Imf^1_3 1 а 4; стоыхоу Imf^3_3 3 а 8; можахоу Imf^3_3 2 а 6; бѣхоу Imf^3_3 1 б 14.

Интересно удвоеніе гласной и въ отрицаніи: нии 2 а 3.

На мягкость палатальныхъ гласныхъ указываетъ плачюще се N^1_f 1 а 5; бывшю D^1_n 1 б 25. Напротивъ, только графическое значеніе, вѣроятно, имѣютъ оутрю D^1 1 б 24; петрю D^1 2 б 11; преꙃвитерю D^1 3 а 4.

Группа ск передъ ѣ изъ дифтонга переходитъ въ сц: тиверіадьсцѣмь L^1_n 1 б 13; нишевьсцѣмь L^1_m 3 а 6—7.

Ассимиляція согласныхъ наблюдается въ где 1 а 13, 20; ꙃде 2 а 2; поꙃдѣ 1 б 9; исправлѣюще 3 а 11.

L epentheticum употребляется очень выдержанно. Единственное исключеніе, — имена корабь 1 б 23, корабицемь I^1 2 а 13—14, — неславянскаго происхожденія.

Изъ морфологическихъ особенностей мы можемъ отмѣтить только форму D^1 петрови 2 а 9, форму сигматическаго Aor^3_3 ысе 1 б 24 и сильные аористы: идета 1 а 2; вьꙃидь 1 б 1.

Изъ лексическихъ особенностей очень интересно нар. кги (ср. наши Сложныя мѣстоименія[2], стр. 112).

V. ТЕКСТУАЛЬНЫЯ ОСОБЕННОСТИ.

Какъ мы уже знаемъ, Сверлижскіе отрывки не однородны по своему составу: въ то время какъ второй и третій фрагменты представляютъ собой евангеліе-апракосъ, первый представляетъ четвероевангеліе. Это обстоятельство, однако, не можетъ приводиться въ доказательство, что обѣ части происходятъ отъ разныхъ рукописей: въ славянской письменности имѣется другой памятникъ, первая часть (точнѣе: три первыя книги) котораго представляетъ четвероевангеліе, а вторая (точнѣе: послѣдняя книга) — евангеліе — апракосъ. Этотъ памятникъ — знаменитое Добромирово евангеліе, подробно изслѣдованное Ягичемъ (Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien, Band CXXXVIII und CXL).

Незначительный объемъ нашихъ отрывковъ не даетъ возможности изслѣдовать ихъ текстъ съ такою же систематичностью, съ какою сдѣлалъ это Ягичъ относительно Добромирова Евангелія. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя особенности текста Сверлижскаго евангелія достаточно рельефны, чтобы, по крайней мѣрѣ, *приблизительно* опредѣлить его мѣсто въ ряду другихъ старыхъ евангельскихъ текстовъ.

Первый вопросъ, который является при изслѣдованіи состава Сверлижскаго евангелія, — это вопросъ объ его отношеніи къ двумъ древнѣйшимъ сербскимъ евангельскимъ текстамъ, — Мирославову и Вуканову. Чтобы хоть отчасти отвѣтить на него, составимъ таблицу главнѣйшихъ разночтеній всѣхъ трехъ евангелій.

	Мирославово.	*Вуканово.*	*Сверлижское.*
		Іоанна IV 8—22.	
1	вѣахѫ	вѣхоу	вѣхоу
2	вь нкь	вь	вь
3	гл҃а жє	гл҃а	гл҃а
4	самарѣнынѣ	самарѣныни	самаренины

	Мирославово.	*Вуканово.*	*Сверлижское.*
5	самарѣныне	самарѣнынн	самаренини
6	бж҃еи	бжиї	бж҃ии
7	ѿкоудоу	ѿкоудю	ѿкоудоу оубо
8	сие	сиѥ	сеѥ
9	вьжеждеть се	вьжеждеть се	въꙁъжеждетсе
10	ѿ воды	водю	ѿ воды
11	вьждедати се	вьждедати се	въꙁъждедати се
12	вода	водю	вода
13	вьслѣплюще	вьслѣплещь	въсхлеплющъ
14	кь немоу	кь немоу	ѥмоу
15	прихож҃оу сѣмо	прихож҃оу сѣмо	прихож҃оу
16	еи	и	ѥи
17	ѿвѣща	и ѿвѣща	ѿвѣща
18	дмю	кь немоу	ѥмоу
19	гл҃а еи	гл҃а	гл҃а ѥи
20	петь бо еси ихь имѣла	петь бо еси моужь имѣла	е҃. бо моужи имѣла ѥси
21	кланѣти се	кланати се	покланѣти се
22	гл҃а еи	и гл҃а	гла ѥи
23	жено вѣроу ми ими	жено вѣроу ми ими	вѣроу ими ми жено
24	гредеть	ꙗко гредеть	ꙗко гредетъ
25	ѥгда ни	ѥгда	егда ни
26	ерл҃имѣ	ѥроусл҃имѣхь	ѥрл҃мѣхъ
27	поклоните се	поклонеть се	поклонетъ се
28	кланѣсте сѧ	кланаѥте се	кланѣѥте се
29	вѣмь	вѣмь	вѣмы
		Іоанна X, 3—9, 17—26.	
30	вѣдеть	ꙁнають	ꙁнаютъ
31	тоуждихь гласа	тоуждихь гл҃	тоуждаго гласа
32	соуть еже	соуть ѥже	бъıстъ ꙗже
33	гл҃аше	гл҃аше	р҃е
34	р҃е же имь і҃сь паки	р҃е же имь і҃сь паки	гл҃а имъ пакъı и҃съ
35	ами҃ ами҃	ами҃	ам҃инъ ам҃инъ
36	все	вьсї	вси
37	еликоже	ѥлико	ѥлико
38	прѣжде мене придеть	прѣжде мене прїде	приде прѣжде мене
39	сп҃сеть се	сп҃сень боудеть	сп҃сетъ се
40	и вьнидеть иꙁидеть	и вьнидеть и иꙁидеть	вънидетъ и иꙁидетъ
41	ѿць любить	ѿць любить	любитъ ѡц҃ъ

	Мирославово.	*Вуканово.*	*Сверлижское.*
42	вьзметь	ȣзьметь	ѿиметъ
43	себѣ	себѣ	ѡ себѣ
44	принети	принети	пакы приѥти
45	принесь	принесь	приѥхъ
46	расьпра же паки	расьпра же	распъра же пакы
47	гл҃ахоу же емю	гл҃ахоу же	гл҃ахоу же
48	бѣсь имать	нѣтъ	ꙗко бѣсъ иматъ
49	слѣпымь	слѣпомь	слѣпимъ
50	очи дати	очи дати	очи ѿврѣсти
51	знаменiѣ	сщ҃енiꙗ	ѡбновлениꙗ
52	ер҃лмѣ	ер҃лимѣхь	ѥр҃млѣхъ
53	цр҃кве	цр҃кве	цр҃квъ
54	соломȣни	соломȣни	соломони
55	обидю и	и обидю же	ѡбидоу же
56	приемлеши	приемлеши	въземлеши
57	та	да	та
		Іоанна XX, 9—18.	
58	идѣахю	идеста	идета
59	бѣлахь ризахь	бѣлахь ризахь	ръızахъ бѣлахъ
60	вь	оу	оу
61	еи она	ѥи ѡна	ѥи
62	и положише	и положише	положише и
63	рекьши	си рекьши	си рекьши
64	вьзврати се	ѡбрати се	ѡбрати се
65	кого	кого	кого ли
66	мнѣ	и мнѣ	мнѣ
67	вьзидь	вьзидохь	вьзидь
68	оученикомь	оученикомь ѥго	оученикомь
		Іоанна XXI, 1—14.	
69	нѣтъ	вьставь ѿ мрьтвыхь	вьставь ѿ мрьтвыхь
70	тивериадьсцѣмь	тивериꙗтьстѣмь	тивериадьсцѣмь
71	сн҃а	сн҃а	ѡба сн҃ы
72	гл҃аше	гл҃аше	и рѣше
73	и изидоше и вьсѣдоу	и изидоше и вьсѣдоше	и идѫ и вьлѣзѫ
74	ѩсе	ѥше	ѩсѧ
75	и не познаше	не познаше	и не познаше
76	гл҃а же	гл҃а же	и рѐ
77	ѥда чьто сьнѣдьно имате	ѥда чьто сн҃ѣдьно имате	имате ли что снѣдно зде

	Мирославово.	*Вуканово.*	*Сверлижское.*
78	Ѿвѣщаше же кмоу нии	Ѿвѣщаше же кмоу нии	Ѿвѣщаше нии
79	страноу кораблѣ	страноу	страноу
80	мрѣже	мрѣжоу	мрѣжоу
81	епендитомь	епеньтитомь	пендитомь
82	прѣпоѣса се	прѣпоꙗсавь се	прѣпоꙗса се
83	а дроузи	дроузи же	а дроузи
84	кораблицемь	корабицемь	корабицемь
85	придоу	придоше	придоу
86	бѣше	бѣхоу	бѣше
87	ꙁемле	Ѿ ꙁемле	Ѿ ꙁемле
88	нь	ноу	нь
89	иꙁлѣꙁю	иꙁвлѣкоше	иꙁлѣꙁоу
90	нѣтъ	горещь	горещь
91	рыбы на немь лежеще	рибоу на мь лежещь	рыбоу на немь лежещоу
92	р҃. н҃. г҃.	н҃. н҃. г҃.	р҃. н҃. г҃.
93	рыбы	рыбоу	рыбоу

Итакъ, изъ 93 разночтеній въ 37 случаяхъ Сверлижское евангеліе не совпадаетъ ни съ Мирославовымъ, ни съ Вукановымъ евангеліемъ, въ 28 оно совпадаетъ только съ первымъ и въ 28 только со вторымъ.

Анализируя первые случаи, не трудно замѣтить, что Сверлижское евангеліе лучше сохраняетъ первоначальный переводъ въ слѣдующихъ 15 случаяхъ:

7) Ѿкоудоу оубо. — Ср. Зогр. отъкждоу оубо; Мар. отъкждѫ оубо; Ассем. отъкждѣ оубо.

9) въꙁъжеждетсе. — Зогр. и Ассем. вьждаждетъсꙗ; Мар. вьжаждетъ сꙗ.

11) вьждедати сꙗ. — Зогр. и Ассем. въждадати сꙗ; Мар. вьждадатъ сꙗ.

20) е҃ бо моужи имѣла кси. Зогр. пꙗть бо імѣла еси; Мар. пꙗть бо мѫжь имѣла еси; Ассем. пꙗть бо мѫжь имѣла еси.

31) тоуждаго гласа. Ср. Зогр. штюждего гласа; Ассем. тоуждаго гласа. Однако, Мар. тоуждихъ гласа.

32) бѫстъ ꙗже. — Зогр. бѣашꙗ ѣже; Мар. бѣшꙗ ѣже. Однако, Ассем. сѫтъ ѣже.

38) приде прѣжде мене. — Зогр. и Мар. приде прѣжде мене; Ассем. приде ихъ прѣжде мене.

43) ѡ себѣ. — Зогр., Мар., Ассем. о себѣ.

44) пакы приѥти. — Зогр., Мар. пакъı прьꙗти; Ассем. прьꙗти.

50) очи ѿврѣсти. — Зогр., Мар., Ассем. очи отврѣсти.

55) ѡбидоу же. — Зогр. и Мар. ѡбидѫ же и; Ассем. обидѫ же и.

56) възѕемлеши. — Зогр. и Ассем. вьѕемлеши; Ассем. иѕемлеши.

58) идета. — Мар. и Ассем. идете. Въ Зогр. нѣтъ.

62) положише и. — Мар. и Ассем. положишѧ и. Въ Зогр. нѣтъ.

71) сн҃ы. — Зогр. сына҃; Мар. сн҃а; Ассем. съına.

Напротивъ, въ 22 чтеніяхъ Сверлижское евангеліе менѣе консервативно, чѣмъ Вуканово или Мирославово.

14) ѥмоу. — Зогр. и Ассем. кь немоу; Мар. къ немоу.

15) прихождоу. — Зогр., Мар. и Ассем. прихождѫ сѣмо.

21) покланѣти сѧ. — Зогр., Мар. и Ассем. кланѣти сѧ.

23) вѣрѫ ими ми жено. — Зогр. жено вѣрѫ ми ими; Мар. жено вѣрѫ ими ми; Ассем. жено вѣрѫ ми ими.

29) вѣмъı. — Зогр., Мар. и Ассем. вѣмь.

33) рⷱ҄е. — Зогр. гл҃ашѧ (?); Мар. гл҃аше; Ассем. глаголаше.

34) гл҃а имъ пакъı ис҃ъ. — Зогр. рече же имъ пакъı ис҃; Мар. рече имъ пакъı ис҃. Ассем. рече имъ исоусъ пакъı.

40) вънидетъ и иѕидетъ. — Зогр., Мар. и Ассем. и вьнидетъ и иѕидетъ.

41) любитъ ѡц҃ъ. — Зогр. оц҃ь любить; Мар. отц҃ъ любитъ; Ассем. отьць любитъ.

42) ѿиметъ. — Зогр. възъметъ; Мар. вьѕьметъ; Ассем. възьметъ.

45) приѥхъ. — Мар. и Ассем. прьꙗсъ; Зогр. прьꙗхъ.

51) ѡбновлениꙗ. — Зогр. свѧщ҃ниѣ; Мар. енкениѣ; Ассем. свѧщениѣ.

53) црк҃въ. — Зогр. цръкъве; Мар. црк҃вь; Ассем. црк҃ы.

54) соломони. — Мар. и Ассем. соломони. — Однако, Зогр.: соломѹни.

59) ръıѕахь бѣлахь. — Мар. бѣлахъ . . . . Ассем. бѣлахъ риѕахъ.

61) ѥи. — Мар. еи она; Ассем., однако, ѥи.

65) кого ли. — Мар. и Ассем. кого.

72) и рѣше. — Зогр., Мар., Ассем. гл҃ашѧ.

73) и идѫ и вьлѣѕѫ. — Зогр. и идѫ и вьсѣдѫ. — Мар. и иѕидѫ и вьсѣдѫ; Ассем. и иѕидѫ и въсѣдѫ.

76) и рⷱ҄е. — Зогр., Мар., Ассем. гл҃а же.

77) имате ли что снѣдно. — Зогр. еда чьто сънѣдьно имате; Мар. еда что сънѣдъно имате; однако, Ассем. имате ли чьто снѣдьно.

78) ѿвѣщаше нии. — Зогр. и Мар. отъвѣшташа же емоу ни; Ассем. ѡтъвѣшташа емоу: ни.

Изъ варіантовъ, общихъ Сверлижскому ев. и Мирославову, слѣдующіе, повидимому, архаическіе:

10) ѿ воды. — Зогр., Мар. и Ассем. ѿ воды.

12) вода. — Зогр., Мар. и Ассем. вода.

16) ки. — Зогр., Мар. и Ассем. ен.

17) ѿвѣща. — Зогр., Мар. и Ассем. отъвѣшта.

18) кмоу. — Зогр., Мар. и Ассем. емоу.

19 и 22) гл҃а ки. — Зогр., Мар. и Ассем. гл҃а ен.

25) егда ни. — Зогр., Мар. и Ассем. егда ни.

35) ам҃нъ ам҃нъ. — Зогр. ам҃ин. ам҃ин.; Мар. аминь амин; Ассем. аминъ, аминъ.

39) сп҃сетъ се. — Зогр. сп҃етъ сѧ, Мар. съп҃стъ, Ассем. съпасетъ.

46) распъра же пакы. — Зогр. распьрѣ же пакы; Мар. распьрѣ же бъıстъ пакъı. Однако, Ассем. распьрѣ же бъıстъ.

48) ꙗко бѣсъ иматъ. — Зогр., Мар. и Ассем. бѣсъ иматъ.

57) та. — Зогр., Мар. и Ассем. та.

66) мнѣ. — Мар. мьнѣ и Ассем. мнѣ.

67) възидь. — Мар. възидъ; Ассем. възидъ.

68) оученикомь. — Мар. и Ассем. оученикомъ.

70) тивериадьсцѣмь. — Зогр. тиверьѣдьсцѣмь; Мар. таворьѣдьсцѣмь. Однако, Ассем. тивериадьстѣмь.

74) ѫсѧ. — Мар. ꙗсѧ; однако, Зогр. и Ассем. ꙗшѧ.

81) пендитомь. — Зогр. епен҆дитомь, Мар. и Ассем. епендитомъ.

82) прѣпоꙗса се. — Зогр., Мар. и Ассем. прѣпоѩса сѧ.

83) а дроузи. — Зогр. а дроузи; Мар. а дроуѕии и Ассем. а дроуѕи.

85) придоу. — Зогр., Мар. и Ассем. придѫ.

86) бѣше. — Зогр., Мар. и Ассем. бѣшѧ.

88) нь. — Зогр., Мар. и Ассем. нь.

89) излѣзоу. — Зогр. и Мар. излѣзѫ. Однако, Ассем. извлѣшѧ.

92) р҃. н҃. г҃. — Зогр., Мар. и Ассем. р҃. н҃. г҃.

Разночтенія, общія Сверлижскому и Мирославову евангеліямъ, чужды, по крайней мѣрѣ, двумъ глаголическимъ текстамъ.

49) слѣпымь. — Зогр. и Мар. слѣпомъ; Ассем. слѣпъıмъ.

75) и не позиаше. — Зогр., Мар. и Ассем. не познашѧ.

Варіанты Сверлижскаго и Вуканова Евангелія совпадаютъ съ глаголическимъ текстомъ:

2) вь. — Зогр., Мар. и Ассем. въ.

4) самаренины. — Зогр., Мар. и Ассем. самарѣнъıни.

6) бж҃ии. — Зогр. бж҃и, Мар. и Ассем. бж҃ии.

8) сеѥ. — Зогр., Мар. и Ассем. сеѭ.

24) ꙗко гредетъ. — Зогр., Мар. и Ассем. ѣко грѧдетъ.

26) ѥрⷭ҇лмѣхъ. — Зогр. и Ассем. ерл҃мѣхъ; Мар. і҃лмѣхъ.

27) кланѣѥте се. — Мар. кланѣате сѧ; Ассем. кланѣте сѧ.

30) ꙁнаютъ. — Зогр., Мар. и Ассем. ꙁнаѭтъ.

36) вси. — Зогр. и Мар. вьси; Ассем. въси.

47) гла҃хоу же. — Зогр. гла҃хѫ же, Мар. глаа҃хѫ же, Ассем. глаголаахѫ же.

52) ѥрⷭ҇лѣхъ. — Зогр. илм҃ѣхъ; Мар. ерслм҃ѣхь; Ассем. нерⷭ҇лмѣ.

60) оу. — Мар. и Ассем. оу.

63) си рекьши. — Ассем. си рекъши; Мар. се рекъши.

64) ѡбрати се. — Мар. и Ассем. обрати сѧ.

69) вьставь ѿ мрьтвыхь. — Ассем. въставъ отъ мрътвъıхъ. Въ Зогр. и Мар. нѣтъ.

79) страноу. — Зогр. и Ассем. странѫ. Однако, Мар. странѫ кораблѣ.

84) корабицемь. — Мар. корабицьмь; Ассем. корабицемь.

87) ѿ ꙁемле. — Зогр. и Мар. отъ ꙁемлѧ; Ассем. отъ ꙁемѧ.

91) рыбоу на немь лежещоу. — Зогр., Мар. и Ассем. рыбѫ на немь лежѧштѫ.

93) рыбоу. — Зогр. и Мар. рыбѫ. — Ассем. ръıбъı.

Варіанты Сверлижскаго и Вуканова евангелій, расходящіеся съ глаголическими текстами:

1) бѣхоу. — Зогр., Мар. и Ассем. бѣахѫ.

3) гл҃а. — Зогр. и Мар. гл҃а же. Ассем., однако, глагола.

4) самаренини. — Зогр., Мар. и Ассем. самарѣнынѧ.

13) въсхлеплющъ. — Зогр. вьслѣплѫштѫѭ; Ассем. въслѣплѭштѧѩ; Мар. въходѧштѧ.

27) поклонетъ се. — Зогр., Мар. и Ассем. поклоните сѧ.

36) ѥлико. — Зогр., Мар. и Ассем. еликоже.

80) мрѣжоу. — Зогр. и Ассем. мрѣжѧ; Мар. мрѣжѫ.

90) горещь. — Зогр., Мар. и Ассем. лежѧщь.

Изъ этого статистическаго обзора варіантовъ ясно, что Вуканово и Сверлижское евангелія немногимъ чаще отступаютъ отъ глаголическихъ рукописей, чѣмъ Мирославово, и потому составъ ихъ текста слѣдуетъ признать только немного моложе, чѣмъ составъ послѣдняго евангелія. Въ частности, Сверлижское ев. ближе, повидимому, къ послѣднему, чѣмъ къ первому.

Подобнымъ же способомъ, намъ слѣдовало бы разсмотрѣть текстуальныя особенности и перваго отрывка Сверлижскаго евангелія. Но такъ какъ соотвѣтствующаго текста Зографскаго и Маріинскаго евангелія не сохранилось, то результатъ такого анализа былъ бы еще болѣе шаткій и условный, чѣмъ предыдущій. Поэтому, мы совсѣмъ воздержимся отъ какихъ бы то ни было сопоставленій.

VI. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ СВЕРЛИЖСКИХЪ ОТРЫВКОВЪ.

Это значеніе заключается, конечно, не въ евангельскихъ текстахъ, а въ записи, сохранившей нѣсколько драгоцѣнныхъ историческихъ указаній. Безъ этой записи мы, во-первыхъ, не знали бы имени того смѣлаго гайдука[1]), который поднялъ знамя возстанія противъ болгарскаго царя Константина Асѣня (1258—1277) и, разбивъ его на-голову въ сраженіи (1277), овладѣлъ тырновскимъ престоломъ, женился на вдовѣ Константина Маріи и довольно долго защищалъ Тырново отъ грековъ и ихъ кандидата въ болгарскіе цари Іоанна Асѣня III. Сверлижскіе отрывки даютъ дату (1 сент. 1278 — 1 сент. 1279 г.) этой осады Тырнова, и въ этомъ состоитъ другая сторона ихъ историческаго значенія. Наконецъ, въ третьихъ, изъ Сверлижскихъ отрывковъ узнаемъ, что нишскимъ епископомъ былъ въ это время нѣкто Никодимъ.

Кто былъ Константинъ чтецъ, онъ же Воисилъ грамматикъ? Проф. Карскій, Славяно-русская палеографія, 311 спрашиваетъ, не представляетъ-ли Воисилъ грамматикъ одно лицо съ **Васѣ** грамматикомъ, писцомъ Апостола 1277 г. Но не говоря уже о томъ, что имя послѣдняго довольно мало напоминаетъ имя Воисила, противъ этого предположенія говоритъ и средне-болгарскій языкъ Апостола. . .[2])

Г. Ильинскій.

—∞◊∞—

1) Византійцы (Пахимеръ, Никифоръ Григора) передаютъ только его прозвище «латукъ», да и то въ греческомъ переводѣ лаханасъ. Срезневскій (Р. Бесѣда 1857, II, 16) полагаетъ, что Пахимерово (I. 431) Κορδοκούβας есть искаженное слав. кръдокъва. Объ этомъ см. Иречка, Исторія болгаръ, 366.

2) Въ заключеніе статьи считаемъ долгомъ принести сердечную благодарность проф. Александру Бѣличу въ Бѣлградѣ за любезную свѣрку третьей корректуры текста съ подлинникомъ.

[illegible] ици ꙗко ни ѥсть и рѣ имь и[illegible]
[illegible]ти имаѳеанъ и тѣсне дно ꙁде
[illegible] вѣщ[illegible]ашениі ѿ нь же рѣ вьвръ
[illegible]тесо деснѫю странѫ мрѣ
[illegible]оу и обрѧщете вьвръгоу [illegible]
н[illegible] томоу не могахоу привлѣ
[illegible]ѥ ѿ множьствъ рыбъ гла
[illegible]оученикъ ѥгоже люблѣше
[illegible]ъ петрови гъ ѥсть симонъ
[illegible] петръ слышавъ ꙗко гъ ѥсть
[illegible]енди томь прѣпоꙗса се бѣ
бо нагъ и вьвръже се вь море
а дроуꙁи оученици кораблицемь
приидоу не бѣше бо далече
ѿ ꙁемле нъ ꙗко дъвѣ сътѣ
лакотъ вл[illegible]коуще мрѣжѫ
рыбъ ꙗко же иꙁлѣꙁоу на ꙁе
млю видѣше ѡгнь слеꙁщь
и рыбѫ належещѫ и
хлѣбъ и рече иь [illegible]
рыб[illegible] ѥ[illegible]
же симонь петръ и[illegible]
моу на ꙁемлю [illegible]
хъ рыбъ [illegible]

III, л. 2а.

Притча про слїпця і хромця.

(Причинок до історії лїтературних взаємин старої Руси).

Не вважаючи на значне число важних і замітних праць про поодинокі появи старорускького письменства лишило ся ще богато точок невияснених. Можемо сказати навіть, що цїлі течії староруського духового житя відомі нам лиш уривками, частками і ждуть іще компетентних робітників. До таких течій належить вплив жидівства на наші віруваня й традиції та на наше старе письменство. Розбираючи ріжні памятки того письменства найчільнїйші російські дослїдники все натикають ся на слїди жидівського впливу. Глухі відгуки жидівської місії бачимо вже в нашій першій лїтописи; про жвавість антижидівської полеміки сьвідчить Толковая Палея, яка разом із тим і з конечности подає масу жидівських традицій, жидівських етимольоґій, жидівських апокріфів і т. и. Нема сумнїву, що й у инших памятках нашого старого письменства, де доси шукано лише греко-византийських взірців, при уважних пошукуванях та порівнанях з жидівськими жерелами, головно з Талмудом, вияснить ся не одно таке, що доси лишаєть ся загадковим. Звернути дослїди в той бік тим цїкавійше, що жидівство X—XIII віків було одним із найважнїйших посередників передачі орієнтальних культурних елементів на захід, так само як у самім орієнтї відіграло важну ролю посередника між старинною цївілїзацією і Арабами та Персами.

В отсїй розвідцї я бажав би прослїдити на однім невеличкім староруськім творі дуже інтересні лїтературні та культурно-історичні взаємини між сходом і заходом і посередництво жидівства в тім процесї в середнїх віках. Коли мої висновки не всюди може покажуть ся переконуючими, то все таки я осягну свою цїль, коли ними побуджу инших, компетентнїйших на сьому полї, до дальших пошукувань і студій.

I. Три редакції притчі.

Ще при кінцї XVII в. автор замітної працї «Оглавленіе книгъ кто ихъ сложилъ» — чи був ним Сильвестр Медведєв (ум. 1691 р.), чи — що

мені бачить ся близшим до правди, учений Київлянин Епіфаній Славинецький — вказуючи деякі звісні йому писаня Кирила Турівського, вичислює між ними також твір «О души и тѣлѣ и преступленіи заповѣди, о воскресеніи тѣлесъ и о судѣ будущемъ и муцѣ». Се очевидно той сам твір, який у рукописах має титул «Притча о человѣчестѣй души и о тѣлеси, и о преступленіи божіихъ заповѣдей и о воскресеніи тѣлесъ человѣчь, и о будущемъ судѣ и муцѣ». Сей твір маємо в старих рукописах у кількох формах, а найкоротша з них, що містить ся в Прологах, має звичайно титул «Притча о слѣпци и о хромци».

Дивна була історія сего твору в дотеперешній науці. Перший видавець, якому по справедливому вислову пок. Сухомлінова належить ся честь властивого відкритя Кирила Турівського для науки, Калайдович, помістив сю притчу в ряді творів Кирилових (Памятники Россійской словесности XII в. Москва 1821, стор. 132—152). Натомісь Сухомлінов у своїй капітальній доси книжці «Рукописи графа А. С. Уварова, томъ второй. Санктпетербургъ 1858» помістив лише в передмові «Притчу Кирилла Туровскаго» (стор. XLVII—LI), а між писанями Кириловими надрукував по трьом копіям проложний текст «О тѣлѣ члчстѣ и о дши и о въскрніи мртвыхъ», твір, який сам Сухомлінов признає неналежним Кириловому перу (op. cit. стор. XLVI). Се пропущене досить просторого Кирилового твору тим тяжше зрозуміти, що проф. Сухомлінов очевидно не сумнівав ся в тому, що весь твір, не менше як і покладена в його основу притча справді твори Кирила Турівського. Митроп. Евгеній у передмові до свого виданя Кирилових творів (Творенія св. о. Кирилла еп. Туровскаго, изданіе преосв. Евгенія. Кіевъ 1880, стор. LXXXIII) пояснює се тим, що проф. Сухомлінов був по троха звязаний пляном виданя, який мав на меті публікацію лише таких текстів, що містили ся в рукописах ґр. Уварова. Але сему перечить увага самого Сухомлінова, що для уставленя поправного тексту творів Кирилових він користував ся 83 рукописами, з яких значна часть належить до Імп. Публ. Бібліотеки в Петербурзі, до Румянцівського музея в Москві, до Троіцко-Сергієвої Лаври і т. и. (тамже ст. 155).

Та ще перед виходом праці Сухомлінова, 1857 р. митроп. Макарій у третім томі своєї «Исторіи русской церкви» не то що висловив сумніви що до Кирилового авторства сеї притчі, а радше поминув її якось мовчки при перечисленю його автентичних творів. Те саме кілька літ пізнійше бачимо і в книзі другого російського єрарха, преосьв. Філарета «Обзоръ писателей духовнаго чина». Аж 1880 р. надрукував знов «Притчу о слѣпомъ и хромомъ» та «Притчу о человѣческой душѣ и о тѣлѣ» в перекладі на сучасну російську мову преосьв. Евгеній у своєму київському виданю творів Кирила Турівського (стор. 69—89).

Одинока звісна нам проба діскусії над тим, на скілько й яку редакцію притчі про сліпця і хромця можна вважати дійсно Кириловим твором, містить ся в капітальній праці проф. Голубінського «Исторія русской церкви» (друге видане першого тому, Москва 1901, стр. 808). По думці проф. Голубінського сама притча «есть собственно переводъ съ греческаго, но трудъ ея русскаго автора состоялъ въ томъ, что вмѣсто краткаго объясненія, которымъ она сопровождается въ подлинникѣ, онъ написалъ къ ней пространное нравоучительное толкованіе. Это послѣднее по манерѣ и по характеру и вообще по всему напоминаетъ намъ сказаніе о черноризчестѣмъ чину... которое есть вся вѣроятность усвоять Кириллу; а потому мы склоняемся къ тому, чтобы видѣть его подлинное сочиненіе и въ настоящемъ случаѣ. Толкованіе съ одной стороны заключаетъ много очень хорошаго — назидательнаго и остроумнаго, а съ другой стороны есть въ немъ перехитренное, натянутое и неудобоо разумѣваемое. Впрочемъ, достоинства несомнительно преобладаютъ въ немъ въ значительной степени надъ недостатками». Знаючи, як остро судить проф. Голубінський Кирила Турівського як оратора (див. op. cit. стр. 803), ми мусимо надати тим більшу ціну похвалї притчі чи властиво її викладу в устах так острого судії.

Одно лише мусимо завважити. Проф. Голубінський говорить як про річ безсумнївну і сконстатовану про те, що сама притча—переклад із грецького, що в грецькім оріґіналі вона має короткий виклад, який Кирило Турівський заступив своїм ширшим. Се остатнє о стілько невірно, що виклад короткої, проложної притчі повторяеть ся дословно і в тій, якої авторство проф. Голубінський признає Кирилови. При твердженю про грецький оріґінал притчі проф. Голубінський покликаєть ся на Сухомлінова стор. XLVII і далї, а тим часом у Сухомлїнова анї на вказаній сторонї і далї до LII, де кінчить ся розмова про сю притчу, анї на попереднїй XLVI стор. нічогісінько не говорить ся про грецький оріґінал сеї притчі. Навпаки, Сухомлїнов каже виразно, що «в Прольоґах XIII, XIV, XV і XVI в. під д. 28 вересня знаходимо короткий опис житя і мук чеського князя Вячеслава і инших сьвятих, а потім притчу про людське тїло, душу і воскресенє мертвих[1]); а в деяких Прольоґах, що не мають руських додатків, нема й Притчі» (op. cit. ст. XLVI).

А коли зважимо, що грецькі Синаксарії, з разу часткові, були зредаґовані супільно уперве аж у X віці в так званий Менольоґій Василия, а

1) Сього не треба брати зовсїм катеґорично, особливо що до пізнїйшого часу. В рукописнім Прольозї XVI в. бібліотеки клирошанського собора в Перемишлї (sign. LII, B. 5) під 28 сент. маємо тілько мученє «ст҃ых мч҃никъ Калитійскихъ Альфіа Алеѯандра, Зосима, Никонеана, Илиодора и Марка» і зараз потім нашу притчу. Та здаєть ся, що тут перед сею статею бракує одної картки рукопису.

потім доповняли ся та перероблювали ся на підставі ріжних жерел головно при константинопольській патріархальній катедрі; коли зважимо, що анї Василиїв Менольоґій, анї пізнїйший Константинопольський Синаксарій, що був остаточно усталений у XII вїцї — він опублїкований 1902 р. на основі множества рукописів Болящистом Іполїтом Делагеєм у «Prolegomena ad Acta Sanctorum Novembris—не мають нїяких притч і складають ся з самих коротких житій; коли зважимо нарештї, що тзв. стишний Прольоґ з віршованим епіґрафом над кождим житієм і з моралїзаційною повісткою, притчею або наукою по ґрупі житій кождого дня появив ся в Греції аж у XII в. і був перекладений на церковно-славянську мову не швидше як у XIV в.[1]), то набирає значної правдоподібности думка, що Кирило Турівський коли й узяв основу своєї притчі з якогось грецького оріґіналу, то в усякім разї сим оріґіналом не була та притча, яку тепер читаємо в руських Прольоґах.

Та поки поведемо дальшу річ, треба нам зупинити ся ще над одним питанєм, яке доси не було як слїд обговорене, а істориками лїтератури рішаєть ся якось занадто поквапно, сумарично. Коли говорити про оріґінал притчі, то треба-ж передовсїм знати, якої притчі оріґінала шукаємо. Як звісно, наші старі рукописи подають нам притчу про слїпця й хромця в трьох редакціях, із яких кожда своєю чергою виявляє в рукописах і друках досить значне число варіянтів. Перша редакція, власне та, що містить ся в Прольоґах, і друга, значно розширена супроти проложної, надрукована в виданю Сухомлїнова не між творами Кирила Турівського, а в передмові, стор. XLVII—LI en regard з проложною (1-ою) редакцією, коли натомісь між текстами Кирилових творів надруковано власне сю проложну редакцію, яку Сухомлїнов і сам не вважає твором Кириловим, ще аж у трьох варіянтах en regard; нарештї третя редакція, переважно, але не зовсїм згідна з другою, але розширена дуже значно інтерпольованими в нїй поученями та упімненями і попереджена невеличкою передмовою, надрукована у-перве в виданю Калайдовича (Памятники Росс. словесности XII в., стор. 132—152) і перекладена відси на нову російську мову преосьв. Евгенїєм (Творенія Кирилла еп. Туровскаго, стор. 73—89), який попередив її також поданою в перекладї з тексту Сухомлїнова притчею другої редакції.

Являєть ся тепер ряд питань, на які доси, скілько знаю, не було дано задовольняючої відповіди, а власне:

1. Як уявляти собі відносини проложної редакції до двох инших: чи вона — їх оріґінал, чи може скорочена (ad hoc для Прольоґа, так само як скорочувано для нього грецькі і славянські житія) перерібка?

---

1) Див. А. И. Пономаревъ, Славянорусскій Прологъ, часть первая (Памятники древне-русской церковно-учительной литературы, вып. II. С.-Петербургъ 1896), стор. X.

2. Як дивити ся на відносини другої й третьої редакції: чи се два окремі твори, написані ріжними авторами, або хоч би й одним автором, але в ріжних часах і при ріжних нагодах, чи може друга редакція, се тільки витяг із третьої?

3. За якою редакцією можемо признати авторство Кирила Турівського: чи за жадною, чи лише за третьою, чи за другою й третьою, чи може за всїма?

Що до першого питаня, то проф. Сухомлїнов, поклавши en regard тексти проложної притчі (1-ої ред.) і тзв. Кирилової (2-ої ред.) і не перевівши їх детального порівнаня говорить як про річ певну та безсумнївну, що «послѣдняя притча (2-я ред.) представляетъ распространеніе и поясненіе мысли и образа опредѣленно выраженныхъ въ первой. Поэтому притчу Кирилла Туровскаго можно признать заимствованною изъ Пролога» (стор. XLVI). Отсе речене мабуть і дало проф. Голубінському підставу до катеґоричного твердженя, буцїм то Кирилова притча — переклад із грецького, хоча нї в якім доси звіснім грецькім Прологї чи Синаксарії оріґінала тої притчі не віднайдено. Менї здаєть ся, що уважне порівнане текстів першої й другої редакції доводить до противної думки, а власне до того, що проложна статя, се тільки скорочене тексту 2-ої редакції. Прошу порівняти прим. ось які уступи:

Перша ред.	Друга ред.
Аще бо оставлю сдѣ отъ престатель моихъ, то потеряють мои трудъ.	Аще оставлю отъ служащихъ ми рабъ, то *свѣдуще мою кротость* потеряють моя благая.

Слова «свѣдуще мою кротость» тут не можна вважати пізнїйшою вставкою; се-ж мотиванє, від якого залежить, чому «домовитий чоловік» не лишає сторожами свойого саду своїх звичайних слуг, а добирає слїпця і хромця.

Перша ред.	Друга ред.
И посадивъ я оу вратъ отъиде.	И посадивъ я оу вратъ *дасть има власть на всѣхъ внѣшнихъ*... и тако отъиде.

Хоча скорочене в проложній статї зрозуміле само собою не вважаючи на свій лякон'їзм, одначе долучена до притчі наука, де подано виклад головних деталїв притчі, показує, що автор її мав перед очима не сей лякон'їчний текст, а ширший. Читаємо там:

Перша ред.	Друга ред.
А яже посади оу вратъ, чл҃коу убо *предасть въ область вся земная.*	А иже ихъ посади оу вратъ—человѣку оубо предасть въ область всю землю.

З порівнаня сих чотирьох форм реченя мусимо догадувати ся, що слова анальоґічні до викладу 1-ої ред. «предасть въ область вся земная» чи «внѣшная» мусїли бути і в початковім уступі першої редакції притчі, так як вони єсть у відповіднім місцї другої редакції. Ще виразнїйше видно се з ось якого реченя:

Перша ред.	Друга ред.
Тогда повелѣ господинъ блюсти слѣпца, дондеже призоветъ хромца.	Тогда повелѣ господинъ блюсти слѣпца въ оукромнѣ мѣстѣ, *идѣже самъ вѣсть*, дондеже приидеть самъ къ винограду.

Анальоґічне речене в викладі в обох редакціях виглядає ось як:

Перша ред.	Друга ред.
И того ради нѣсть мученья душамъ до втораго пришествія, но блюдомы суть *идеже Богъ вѣсть.* Егда же прииде обновити землю і т. д.	И того ради нѣсть мученія душамъ до втораго пришествія, но блюдомы суть, *идѣже Богъ вѣсть.* Егда же пріидетъ обновити землю і т. д.

І тут очевидно авторъ проложної притчі (1-ої ред.), складаючи своє оповіданє, мав перед очима ширший текст, у якому були слова «идѣже самъ вѣсть»; дбаючи про ляконїзм, він вичеркнув їх, та в викладі, бачучи їх важність для доґматичної мети притчі, полишив їх згідно з оріґіналом.

За тим, що скороченя доконував якийсь чоловік не дуже тямучий у Письмі сьвятім, промовляє ще й та обставина, що репродукуючи з тексту другої ред. цитат «тогда вси сущіи въ гробѣхъ» аж до «въ въскресеніе суда» і бажаючи заступити загальну інтродукцію свого оріґінала до сего цитата «якоже самъ Христосъ преже гл҃а» якоюсь спеціяльнїйшою вказівкою, зовсім невдатно покликав ся на сьв. Павла, хоча цитат узято з еванґелія сьв. Івана. Учений грек, або й сам Кирило Турівський був би певне не зробив такої помилки. Отсе головні мотиви, за для яких я схиляю ся до думки, що текст притчі в другій редакції був оріґіналом, а про-

ложний текст (перша ред.) — скороченєм із нього, пізнїйшою, правдоподібно руською роботою.

Тепер у значній мірі упрощуєть ся нам питанє що до відносин другої й третьої редакції нашої притчі. Ми можемо без дальших доказів приняти, що третя редакція, а власне передмова і інтерпольовані виклади та упімненя, звернені головно до монахів, епископів та духовних, вийшли з під пера Кирила Турівського. Про се впевняють нас і зверхнї і внутрішні сьвідоцтва, а головно те, що власне сю форму притчі многі старі рукописи признають Кирилови Турівському; далї замилуванє її автора до алеґоричного викладу, чого зрештою а priori домагала ся сама основа притчі; доказують часті анальоґії в текстї притчі до уступів инших безсумнївних писанях Кирилових, часті запевненя автора про свою грубість та невченість, про те, що він говорить не зі свого вигаду, а з писанія, натяки на те, що його цьвітистого говореня слухали нерадо, а дехто й докоряв йому за се, і скромне відсуванє від себе титула церковного вчителя.

Та зовсім инакше стоїть дїло з самим текстом притчі, який, як уже було сказано, в другій редакції майже тотожний з третьою ред., коли вилучити з неї моралїзаційні вставки та приставки. Сам автор тих приставок трактує притчу як річ окрему, чужу, інтродукує її по своїх перервах звичайно словом «рече», подає, що бере її «отъ божественныхъ писаній» і просить своїх слухачів чи читачів (в однім місцї він каже, що «бувши негідним говорити про се я пишу для пожитку тих, що слухають мене») не ремствувати на його неотесаність і на те, що він «неблаголїпно представляє образ писанія». А в передмові до притчі, заохочуючи до пильного читаня «божественныхъ писаній» додає, що «коли би хто знайшов тут земний скарб — правдиве розумне вияснєнє пророцьких і апостольських писань, то се було би не лише йому самому на спасеніє, але й многим иншим його слухачам». Значить, він і отсю притчу та її виклад уважає частиною такого скарбу, свого рода ключем до кращого зрозуміня апостольських і пророцьких писань. Правда, все те не досить ясно і не вказує жерела, з якого взяв наш автор свою притчу; одно тільки видно, що він відносив ся до того жерела з великою пошаною і клав його мало що не на рівнї з самим сьвятим письмом. Лишаючи на далї пошукуванє за сим жерелом і вертаючи ся до питаня про обопільні відносини редакцій другої й третьої, ми мусимо сказати, що яке-б собі не було те жерело, при його обробленю були можливі ріжні евентуальности. Або наш автор знайшов притчу вже готову в староруськім чи навіть болгарськім перекладї, і тілько доробив до неї свій коментарій, і в такім разї друга редакція була би твором первісним, неналежним Кирилови Турівському, а третя редакція пізнїйшим; можливо, що Кирило й сам доконав перекладу притчі з якогось оріґінала, в якому вона

докладно відповідала теперішньому руському текстови, — і в такім разї все таки друга редакція була би твором первісним, що до якого Кирило Турівський мав би право хиба простого перекладника. Та можлива й така евентуальність, що Кирило Турівський знайшов у своїм жерелї лиш основу сеї притчі і користуючи ся нею більш або менше свобідно, від разу з тою перерібкою писав і свій коментарій, і тілько пізнїйше чи то він сам (при якійсь иншій нагоді), чи то хтось инший вилучив із того коментарія саму епічну основу — притчу, і що таким способом наша третя редакція була твором первісним, а друга редакція його пізнїйшим скороченем. За тою остатньою евентуальністю промовляє на мою думку одна важна обставина: в притчі другої редакції лишив ся один уступ, що зовсїм не належить до епічної основи, а тілько до моралїзаційного коментарія, і в її тексті виглядає як якась зайва парантеза або як ґльоса написана посторонньою рукою з разу на полї рукопису, а лише пізнїйшим копістом втягнена в текст. Цитуючи промову слїпця друга редакція говорить: «Аще бо азъ слѣпъ есмь, но имамъ нозѣ и силенъ есмь могій носити тебе и бремя». І тут до сего остатнього слова дочеплено поясненє — преосьв. Евгенїй справдї бере його в скобки: «Виждь, душевное бремя — грѣхъ; того ради глаголетъ пророкъ, яко «бремя тяжко отяготѣше на мнѣ». І далї йде знов перервана промова слїпця з новою інтродукцією: «Рече же слѣпець: возми кошъ и всяди на мя» і т. д. Читаючи другу редакцію притчі можна би справдї думати, що маємо тут якусь пізнїйшу ґльосу вложену в текст; але заглянувши до тексту інтерпольованої третьої редакції переконуємо ся, що ся вставка містить ся дословно й там як одна частина коментарія, яким отак скрізь поперериваний текст притчі. Значить, той, хто писав чи редаґував текст другої редакції, мав очевидно перед очима ширший текст, поперериваний коментаріями; вичеркуючи скрізь ті коментарії, він полишив сю одиноку вставку, зовсїм зайву для його редакції, і тим самим дав нам доказ, що не друга, а третя редакція була твором первісним, із якого ступнево повставали через вичеркненє Кирилових коментаріїв друга, а через дальше скороченє відповідно до форми й обему проложних статей перша редакція.

II. Жерело Кирилової притчі.

В писанях Кирила Турівського оповіданє про слїпця і хромця — не одинока притча. Навпаки, він незгірше від тогочасних західно-европейських проповідників любить пересипати свою проповідь притчами, барвистими порівнанями, приповідками та загадками, залюбки вживає у всїх своїх писанях матеріялу, сказати б так, фолькльорного, беручи його і з сьвятого

письма, і з отців церкви і з иньших, не все для нас видних жерел. Придивімо ся, як він поступає при сьому, — може се дасть нам деяку вказівку при шуканю жерел нашої притчі.

Вже в передмові до просторого оброблення (3-ої ред.) нашої притчі маємо один інтересний уступ; говорячи про важність навчаня автор каже: «Про се стрічаємо в евангелії притчу, де сказано: всякий книжник, що навчив ся царства небесного, подібний до домовитого мужа, що зі своїх скарбів виносить старе й нове. Коли-ж — говорить (хто?) — догоджуючи зі славолюбства великим нехтує з гордощів богатьома меншими, насьміхаєть ся над ними, ховаючи дар Господній, не даючи його правдивим торговцям, щоб подвоїти царське срібло, т. є. душу людську, то Господь, бачучи його гордий ум, відбере від нього талант, бо Він сам гордим противить ся, а покірним дає благодать». Отжеж у евангеліях ми маємо дві редакції притчі про таланти (Луки XIX, 11—27; Матв. XXV, 14—30), і обі вони зовсім неподібні до притчі нашого автора ані формою, ані змістом. У Луки чоловік «домовитий» вибираєть ся в дорогу до далекого міста, де має одержати царську корону, і дає своїм слугам по талантови, щоб вони заробляли, а по повороті надгороджує двох із них в міру їх заробітка, а карає третього, що не заробив нічого, і надто велить постинати тих, що не хотіли, аби він став царем; а у Матвія про царську корону нема мови, і чоловік відходячи в дорогу дає слугам неоднакові капітали: одному 10 талантів, другому 5, а третьому 1. І значінє притчі у обох евангелистів не те, що у нашого автора; вона має ілюструвати вартість змаганя кождого поодинокого чоловіка до досконалости в міру даних йому сил, а не спеціяльно обовязок книжника — навчати неосьвічених людий і не ховати свойого сьвітла для догоди могутнім темнолюбцям. Відки взяв наш автор отсю окрему редакцію притчі про таланти? Можливо, що з якого византийського коментарія на евангеліє, прим. хоч би з того самого Теофілякта Болгарського, у якого пок. Сухомлінов віднайшов прототип викладу Кирилового до притчі про сліпця і хромця (op. cit. LII), а можливо, що й сам, цитуючи з памяти і покладаючи ся на свій беллетристичний талант, навмисно перемінив евангельську притчу відповідно до своєї спеціяльної цїли.

Далеко інтереснїйший другий приклад, на який звернув увагу пок. Сухомлїнов (op. cit. LIV—LVII), хоча й не присьвятив йому спеціяльнїйшого дослїду. Се приведена у Кирила Турівського в Посланію до Василія игумена Печерського притча про царя і бідарів у ямі. Прототип сеї притчі походить із звісної духовної повісти про Варлаама і Йосафа, але Кирило Турівський подає її в такій формі і з таким відмінним толкованєм, що конечно мусимо шукати якогось иншого оріґінала, ніж грецький і перекла-

дений із нього церковно-славянський текст повісти, або допустити, що наш письменник власним дотепом доконав так значної перерібки. Проф. Сухомлїнов, надрукувавши обі притчі, Варлаамову в грецькім і славянськім текстї й Кирилову en regard (op. cit. LIV—LVI), говорить з приводу Кирилових відмін: «Измѣненье притчи Кирилломъ Туровскимъ могло произойти также подъ вліяніемъ какого-либо разсказа восточнаго происхожденія» і додає, що в індийськім письменстві звісно немало повістий про царів, які не дбають про оруже (так як царь у Кириловій версії), або навіть боять ся його (се вже до Кирилової версії зовсїм не йде), і на доказ наводить одно таке оповідане, де власне царь — боягуз, боїть ся оружя і в часї розруху тратить корону й жите — значить, річ до Кирилової версії нїчим не паралельну.

Менї здаєть ся, що найблизше до Кирилової версії притчї про царя і бідарів підходить та її версія, якої арабський витяг опублїкував проф. Фріц Гоммель у працях VII-го міжнародного конґресу оріенталїстів у Віднї 1887 р.[1]), і якої перерібкою був твір іспанського жида Ібн Хісдая (род. коло 1180, ум. 1240) пз. «Царевич і дервіш», виданий 1890 р. в скороченім нїмецькім перекладї дром Натаном Вайсловіцом з послїсловієм проф. Ф. Гоммеля[2]). Читаємо там (стор. 100) про одного короля, який одної ночи не міг спати, головно тому, бо кілька день перед тим над містом стрясла ся велика і довга злива. І ось «у тій части ночи, коли люди заживають спокою, мовив король до свого вірного везиря: «Чи не любо тобі, щоб ми пішли по містї і поглянули, що дїють люди, а також на слїди дощу, який упав на нас сими днями?» Сей уступ вияснює нам той загадковий «мятежь» у версії Кирила Турівського, в часї якого царь зі своїм слугою пускаєть ся ходити по містї і не може побачити нїчого, «но точию движеніе градоу». Очевидно не можна тут під словом «мятежь» розуміти бунту або взагалї якогось збіговища, а «движеніе градоу» вказувало би скорше на землетрясенє, хоча весь змисл притчї й її дальше толкованє говорить против того. Видно, що Кирило Турівський не зовсїм добре порозумів свій оріґінал, де говорило ся про турботу, яку причинила міщанам довга злива і повінь.

Надто з Ібн-Хісдаєвої версії притчї про царя й бідарів у ямі можемо вияснити ще одну відміну Кирилової версії сеї притчі від грецької. В грецькій версії говорить ся, що царь зі своїм дорадником, ходячи по містї, «видѣста свѣта зарю отъ нѣкоего оконца сіяющоу, и на сію зарю зряще

---

1) Видана також окремо пз. Die älteste arabische Barlaam-Version, von Frtz Hommel. Wien 1888.

2) Dr. Nathan Weisslowits, Prinz und Derwisch. Ein indischer Roman, enthaltend die Jugendgeschte Buddha's, in hebräischer Darstellung aus dem Mittelatter. München 1890.

пріидоша и видѣста подъ землею нѣкое яко пещероу жилище» (Сухом. Рукоп. гр. Уварова стор. LV); натомісь у Кириловій версії дорадник провадить царя «и съ дщерію его, и приведе къ велицѣ горѣ, имоущи многа и различна оружія, въ нейже оузрѣста зарю свѣтлоу, оконце изъ пещеры исходящоу». Ібн-Хісдай на основі арабського взірця оповідає, що царь і його везир ходячи по місті дійшли до місця, яке називано гноєвою площею, бо там міщани звикли були викидати свій гній. Наближаючи ся до тої гноєвої купи вони побачили, що з її нутра било сьвітло. Надійшовши близше знайшли маленький отвір, що позволяв їм заглянути до середини гноєвої купи; в ній була печера» і т. д. (Weisslowitz, op. cit. 96). Будь що будь, образ гноєвої купи жидівського автора далеко близший до образа гори повної оружя у нашого Кирила (і реальнїйший від нього!), нїж образ підземної яскинї в грецькім тексті. А дальші зміни в Кириловій притчі, що царь не дбає про оруже, що в печері бачить богато оружя і сьвітлу постать, яка подає бідарям напій і страву, вияснюють ся не жадним чужим жерелом, а дальшим викладом притчі, тенденцією, яку в данім випадку мав автор і яку за всяку ціну хотів вияснити при помочи сеї притчі, хоч і з ущербом її внутрішньої правдоподібности.

На підставі сеї аналїзи може не занадто сьмілою буде думка, що притчу про царя і бідарів у ямі Кирило Турівський пізнав не з грецького, а з жидівського жерела, в версії девчому зближеній до Ібн-Хісдаевої, і то пізнав правдоподібно не в писанім тексті, а в устній переповідці, і користуючи ся нею для ілюстрованя головних тез свого посланія переробив її будову відповідно до своеї спеціяльної цїли.

До сих двох прикладів, як Кирило Турівський свобідно користував ся своїми жерелами і з яких рук брав мотиви до своїх писань, можна би без сумнїву підшукати більше анальоґій у иньших його писанях. Та се на разї зайве, бож новим, можна сказати, клясичним прикладом сього служить власне притча про слїпця і хромця. Шо й ся притча взята з жидівського жерела, на се вказав іще 1873 р. той сам проф. Сухомлїнов, що загалом поклав найбільші заслуги коло студій над сим нашим старим письменником. На засїданю Відділу рус. языка і словесности Імп. Академії Наук у Петербурзї в цьвітнї 1873 сей учений звернув увагу на статю гебраїста Перлеса, поміщену в Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums у випуску за лютий 1873 р. пз. «Rabbinische Agada's in 1001 Nacht, ein Beitrag zur Geschichte der Wanderung orientalischer Märchen». Проф. Сухомлїнов подав із тої статї текст притчі поміщеної в 1001 ночи (на жаль, без близшого поясненя, в якій редакції, в якім виданю, в якім томі?) і в скороченю повторив оповідане жидівської Гаґадди, що мабуть послужило жерелом арабської притчі. Повний текст сеї жидів-

ської Гаґадди, з Вавилонського Талмуда гл. II (якої книги? якого виданя?)[1]) був поміщений проф. Сухомлїновим при кінцї його майстерної розвідки «Повѣсть о судѣ Шемяки» (Сборникъ отд. р. яз. и слов. т. X, № 6). Надто в комунїкатї «Два семитическія сказанія, встрѣчающихся въ памятникахъ русской литературы» обізгаданих виписок із статї Перлеса додано ще виписку з Gesta Romanorum і повторено думку тогож Перлеса, що леґенда про слїпця і хромця дуже розширена (Сборникъ т. X, стор. LIX—CXI).

Проф. Сухомлїнов не вдавав ся анї в збиране дальших варіянтів притчі, анї в аналїзу тих, що були вказані Перлесом, щоб рішити питане, з яких жерел і якою дорогою дійшов до нашого письменника XII в. прототип його притчі. Щоб по змозї посунути на перед його працю, придивімо ся на сам перед тим трьом версіям, які вказав нїмецький гебраїст.

Отже Талмудова Гаґадда оповідає: «Одного разу Антонїн Пій, що часто розмовляв з раббі Єгудою сьвятим, сказав йому між иншим, що на його думку тїло й душа можуть увільнити ся від загробового засуду. — А то як? — запитав раббі. — А так, — відповів Антонїн, — що тїло може оправдувати себе мовлячи: «Душа винна, бо від коли вона відлучила ся від мене, я лежу в могилї як мертвий камінь». А душа так само може твердити, що тїло нагрішило, бо «від коли я покинула його, лїтаю в повітрі вільна як пташка». Раббі відповів: «Я наведу тобі приклад, що вияснює справу. Жив собі царь, у якого був препишний сад з прегарним виноградником. В ньому він посадив двох сторожів, хромого і слїпого. Раз хромий говорить слїпому: «Бачу в саду прегарний виноград; ану візьми мене на плечі і разом вирушимо на ласощі». Слїпий послухав, хромий сїв на слїпого, а діставши виноград з'їли його. По якімось часї прибув до них господарь саду. На питане господаря, де подів ся прегарний виноград, що був у саду, хромий відпирав ся мовлячи: «Адже я без ніг, то як же я міг зайти до нього?» Тай слїпий так само відпекував ся мовлячи: «Адже я без очий, як же я міг побачити його?» Але що зробив господарь? Він посадив хромого на слїпого і покарав їх обох разом. Подібно до сего господаря поступає Бог з нами: він бере душу, поміщує її на ново в тїло і карає їх обоє разом».

Як бачимо, в отсїй Талмудовій версії маємо всї основні точки Кирилової притчі, епічні й доктрінальні: слїпець і хромець стережуть саду, ласомлять ся на плоди, добирють ся до них так, що слїпець несе хромця на плечах, вибріхують ся заслоняючи ся кождий своїм калїцтвом, і разом приймають кару так як разом крали; а доктріна покладена в основу притчі та, що в загробному житю суд і кара впаде не на душу окремо від тїла анї на

1) Від львівського гебраїста дра Ґріллера я довідав ся, що се оповідане містить ся в трактатї Sanhedrin, 91, гл. 2, зач. 11.

тіло окремо від душі, але на обоє разом. Заховуючи сю саму епічну основу Кирило Турівський декуди развиває її: сліпець і хромець перед доконанем крадіжи змовляють ся і укладають собі плян, як одурити господаря, і ся розмова зложена очевидно під впливом ремінїсценції розмови рабіна з Антоніном. Сліпець оказує ся гіршим від хромця; від нього виходить ініціятива до гріха, він перший відпираєть ся злочину і сам же звертає підозріне на хромця. І в доктрінальнім викладі Кирило приймає головні тези Ґаґадди, але підчеркує дещо виразнійше, головно-ж те, що душу по смерти Бог держить у окрімному місці «сам знає де», поки не зійде на землю, не покличе й тіла на свій суд і не сконфронтує його з душею.

В оповіданю Тисячі й одної ночи хромець і сліпець жебрають разом; один добрий пан наймає їх за сторожів до саду, сам дає їм плодів, але заказує рвати їх більше. Плоди засмакували хромому й сліпому, і вони жалують ся перед третім, сторожем, що не можуть нарвати їх. Сторож остерігає їх і лякає гнївом пана, але вони не дбають про се, певні, що пан не буде підозрівати їх, і просять сторожа, щоб порадив їм, як дістати плодів. Сторож бачучи, що вони не хочуть слухати доброї ради, дає їм злу і говорить сліпому: «Візьми хромого на плечі; він буде вести тебе своїми очима, а ти своїми ногами донесеш його до дерева; я піду геть, а ви робіть собі, що вам хочеть ся». Вони й зробили так, обірвали дерево і наломали чиляк. Перед паном вони відпирають ся, та сей вкидає їх обох у темницю, де вони й гинуть... Значіне сеї притчі ось яке: господарь саду — Бог і Творець, дерево значить житеві пориви, сліпий представляє тіло, хромий душу, а сторож розум, що остерігає від злого, а наводить на добре. Оттому душа й тіло підпадають спільній надгороді і спільній карі.

За першим позирком, навіть при зовсім поверховім порівнаню бачимо, що отсе арабське (чи турецьке?) оповідане пішло з жидівського, що се копія, декуди яркійше підмальована, але декуди схиблена в контурах. Перерібник силкуєть ся нїби оживити оповідане, вводячи ще третього, сторожа, але його ролю малює не дуже вдатно і неконсеквентно. І доктріна в основі та сама, що в жидівському оповіданю, хоча й виказана менше виразно. Що Кирило Турівський не міг користувати ся сею версією, се зовсім ясно, бо поминаючи вже питане віддаленя і язика та не менше важне питане, чи в XII в. Тисяча й одна ніч була вже готова в тій редакції, що містить отсе оповідане, ми бачимо поперед усього, що наш автор не має власне того додатка, який характеризує сю версію, не має зовсім фіґури й ролї третього сторожа.

Оповідане в Gesta Romanorum має будову значно відмінну від старо-руської притчі й отсих обох семітських, тай зложене воно для ілюстрації зовсім иншої доктріни. В однім царстві заповіджено царський бенкет, на

який трубачі закликають усякого, хто схоче прийти, з обіцянкою не лише богатої гостини, але й цінних дарунків. Один слїпець чуючи се говорить до хромого: «Яка шкода, що ми не можемо дістати ся на сей бенкет, бо я не бачу дороги, а ти хоч бачиш, не можеш іти.» Тоді хромець радить слїпому взяти його на плечі і йти за його вказівками; таким робом оба вони таки дібрали ся на бенкет. Проф. Сухомлїнов не подає дальшого викладу сеї притчі; беремо його з латинського тексту. «Король, що дає бенкет — Христос; слїпець-богач, а хромець-монах, хромий на обі ноги, бо не має нїчого свойого власного, але ясно бачить дорогу до вічного бенкету». І кінчить ся наукою: коли ви богачі хочете доступити царства небесного, повинні ви монахів і бідарів носити на своїх плечах, давати їм милостинї. А трубачі, що заповідають бенкет, се вчителї сьвятого письма, проповідники та сповідальники[1]).

Сей перегляд трьох версій притчі, звісних пок. Сухомлїнову, показує нам, що з них лиш одна жидівська могла бути жерелом версії Кирила Турівського. Коли-ж надто зважимо, що не вважаючи на згідність у будові й доктрінї версія Кирила Турівського значно ріжнить ся від жидівської і стилїзацією й диякими деталями; коли зважимо далї, що початок своєї притчі Кирило Турівський майже дословно узяв із евангельської притчі про домовитого чоловіка і його невірних ҩиноградарів (Матв. XXI, 33—34 і Марка XII, 1—2), а виклад притчі, який своєю чергою спричинив деякі відступленя від прототипу, взятий майже дословно з викладу Теофілакта Болгарського на сю евангельську притчу (пор. Сухомлиновъ, Рукоп. Уварова II, ст. LII), то дійдемо до погляду, що основу своєї притчі Кирило Турівський мав по всякій правдоподібности з устної передачі, від жидівських рабінів, і обробив її своїм звичаєм держачи ся старших церковних взірців і черпаючи, де було можна, з готових лїтературних шабльонів, зміняючи при тім і саму конструкцію притчі відповідно до моралїзаційної мети, яку поклав собі при писаню свого твору.

Та не лиш епічна основа Кирилової притчі вказує на її близькість до жидівської традиції. Ще докладнійше переконує про се розбір доктрін та поглядів висловлених у його коментарії до сеї притчі. Обік річий принятих православною церквою бачимо тут не мало такого, що хоч і не відкинене тою церквою виразно, все таки не належить до річий принятих нею, та за те живо нагадує погляди, що були широко розвинені в пізнїйшім жидівськім письменстві.

До таких річий треба зачислити поперед усього основну, провідну думку притчі, а власне ту, що «до другого приходу Христового нема суду

1) Gesta Romanorum von Hermann Oesterley. Berlin 1872, стор. 386.

анї муки для душі всякого чоловіка», що ті душі бережуть ся окремо десь Бог знає де аж до часу, коли Бог на страшнім суді злучить знов душу з тілом і надгородить або покарає їх разом. Ми бачили, що в жидівській Гаґадї власне вся притча виголошуєть ся рабіном Єгудою на доказ того, що по смерти Бог аж тодї карає грішника, коли злучить душу з тїлом. Ся доктріна, зовсїм відмінна від православної доктріни про митарства, не була розвинена християнською церквою; натомісь у жидів доктріна про перемежний стан між смертю одиницї і загальним судом по приходї Месії та відновленю землї вироблена дуже докладно і перейшла значну еволюцію вже в перших віках нашої ери[1]). З разу у жидів панував погляд, що всї душі померших, без ріжницї, чи добрі чи злі, по смерти тїла йдуть у шеоль і пробувають там в ожиданю суду[2]); пізнїйше бачимо такий погляд, що для добрих душ у підземнім сьвітї устроєні окремі поміщеня (promptuaria), а для злих окремі; дехто твердив, що й тут уже одні зазнавали деякої радости, а инші мучили ся трівогою; одначе аж по кінцевім суді одних ждала надгорода в небі, а других кара в пеклї. Дуже часто одначе признаєть ся безсмертність лише душам праведних, які по смерти ждуть своєї вічної надгороди або в підземному сьвітї в схованках, або загалом у царстві померших душ, або під землею, в мирних сховищах бережені ангелами або нарештї під Божим престолом, у «вязанцї житя» аж до остатнього суду[3]). Що до Кирилового погляду, то можна би сказати, що в тій катеґоричній формі він противний напр. поглядови висловленому в евангелській притчі про богача й Лазаря, де сказано, що Лазаря зараз по смерти ангели понесли «на лоно Авраама», се б то до раю, а богача вкинено в огонь на муку і що між обома місцями їх пробутку «пропасть велія утвердися».

Слїди жидівського впливу можна добачити у нашого автора в чисто-рабінськім розріжненю раю від едема (пор. Schürer, op. cit. II, 553) та мабуть і в толкованю слова едем словом «пища». Се толковане, що стрічаєть ся також у напоєній жидівськими елементами Толковій Палеї[4]), не перейшло до нас від Греків, які назву раю — παράδεισος (слово перського

1) Див. про се D. Emil Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. Zweiter Band, Leipzig 1898, стор. 547, 548; пор. також Schwally, Das Leben nach dem Tode nach den Vorstellungen des alten Israel und des Judenthums einschliesslich des Volksglaubens im Zeitalter Christi, 1872.

2) Такий погляд висловлюєть ся прим. у трактакі Bereschit rabba, гл. 12 і Jalkut Schimon Bereschit 19, менше виразно в трактатї Erubin 54 a, див. Dr. Ferdinand Weber, System der altsynagogalen palästinischen Theologie aus Targum, Midrasch und Talmud. Leipzig 1880, стор. 323.

3) Див. Paul Volz, Jüdische Eschatologie von Daniel bis Akiba. Tübingen und Leipzig 1903, стор. 140—144, особливо 145.

4) Пор. Палея Толковая, Москва 1892, стор. 62, а також мої Памятки українсько-руської мови й лїтератури, т. I. Апокріфи старозавітні. У Львові 1896, стор. 16.

походженя) толкують звичайно словом ἡ τρυφή — роскіш. У жидів був вироблений погляд про горішній і долїшній рай; про те, що власне в тім долїшнїм раю пробувають душі по смерти; сей погляд принагідно відбиває ся і в новозавітних книгах сьв. Письма (Христові слова до розбійника: «Днесь со мною будеши въ раи») і у Отців церкви, та з часом уступає місця чисто спірітуальному толкованю[1]).

Інтересний для нас особливо погляд Кирила Турівського, що Бог з разу творить у лонї матери тїло чоловіка з сїмени, а потім по пятьох мїсяцях творить йому душу (Преосв. Евгеній, Творенія Кирилла Туровскаго, стор. 87). У коментарії до Псальмів у Талмудовій книзї Берахот (гл. І, лист 10а) читаемо: «Пять раз повторене «борші нафші» (хвали душе моя) у Давидових Псальмах відностить ся до Бога і до душі, що творить ся в пятім місяци». І далї йде проведених пять анальоґій між душею і Богом: «1. Як Бог наповняе сьвіт, так душа наповняе все тїло; 2. як Бог невидимий, так само й душа; 3. як Бог оживлює сьвіт, так душа тїло; 4. як Бог чистий, так само й душа; 5. як Бог живе в найтайнїйшім тайнику храма (в Сьвятая сьвятих), так і душа в найтайнїйшій скритцї тїла»[2]).

Розуміеть ся, я не думаю, тай як не спеціялїст у сїй справі не маю змоги вичерпувати сю тему. Я певний, що відгуків жидівських вірувань і поглядів у Кирила Турівського знайшлось би значно більше і що ними далась би пояснити значна часть того, що проф. Голубінський називає «неудобовразумительным». І так відгуком жидівської полеміки між фарисеями й саддукеями в перших віках нашої ери можна пояснити Кирилове твердженє, що Авель був сьвященником, а Каін згрішив головно тим, що як непосьвячений вдирав ся до сьвященицького дїйства. На жидівський вплив указує, здаеть ся менї, навіть таке образове реченє нашого автора, як «покаянем ударяти в божі двері» (Преосв. Евгеній, op. cit. 84). Сюди належить аллеґоричне толкованє Адамового гріха в раю, який буцїм то «прежде повелѣнія вошелъ въ святое мѣсто» (ibid.) «изъ едема вошелъ въ рай» (стор. 80). Думаю, що запозикою з жидівських Мідрашів пояснять ся й такі Кирилові цитати, як сей: Бог сказав Каінови: «Будеш стогнати й трясти ся» — таких слів у книзї Битія не знаходимо. Все се, думаю, підпирає той погляд, що Кирило Турівський, пишучи отсю притчу — тай певно не сей один раз — підлягав сильному жидівському впливови, був під живим вражінем якихось добре очитаних жидівських місіонерів.

---

1) Для жидівських поглядів див. Eisenmenger, Entdecktes Judenthum, стор. 297, 317, 388; пор. також Ersch und Gruber, Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste, dritte Sektion, Bd. XI, Leipzig 1838, статя Paradies, стор. 310—311.

2) Сей цитат завдячую ласкавій ввічливости львівського рабіна дра Каро.

III. Лїтературна історія притчі.

Притча про слїпця і хромця, яку ми доси роздивляли головно з огляду на її староруську форму та її безпосереднє жерело, має одначе й по за сими тїсними межами інтересну лїтературну історію, яку нехай буде менї вільно подати тут хоч у неповному нарисї.

Ми вже зазначили істноване двох паростий нашої притчі, а власне жидівської, яка в XII. віцї правдоподібно в устнїй передачі перейшла на Русь, і рівночасно, або пізнїйше, перейшла також до Арабів і дізнавши тут нової перерібки війшла з часом у склад славної збірки «Тисяча й одна ніч», — і західно-европейської, яка в XIV віцї війшла в склад збірки «Gesta Romanorum». Порівнане тих обох паростий показує, що вони дуже далекі одна від одної не лиш епічною канвою, але особливо основною ідеєю, сьвітоглядом, що лежить у їх основі. Бо коли в основі жидівської притчі і її староруського та арабо-турецького відгалужень лежить думка про долю душі по смерти, про суд, відплату за земні дїла, то в основі західно-европейської притчі лежить ідея солїдарної дїяльности для осягненя певної цїли, ідея обопільної помочи двох нещасних. Иншими словами — мета оріентальної притчі наскрізь спірітуальна та трансцендентальна, а мета західно-европейської наскрізь реальна та соціяльна.

Оповідане в Gesta Romanorum було, як і більшість оповідань зведених до купи в тій збірцї, остатнїм випливом досить довгої й інтересної течії — середньовікової проповіди. Вже від X віку, від часу сьв. Домінїка, основника звісного ордена «praedicatorum», Домінїканців, у західно-европейськім проповідництві вкоренила ся мода (перенята також мб. від жидівських рабінів) переплїтати проповіди веселими або страшними притчами та повістками, так званими exempla, якими при помочи більш або менше дотепного викладу ілюстровано певні доґматичні тези або моральні поученя. Один із пізнїйших проповідників, Герольт (Herolt, Promptuarium exemplorum, перше вид. 1476 в.) ось як говорить про се: Legimus enim principem nostrum Dominicum, ordinis praedicatorum fundatorem hoc fecisse... quod ubicumque conversabatur, edificatoriis effluebat sermonibus, abundabat exemplis, quibus ad amorem Christi saeculique contemptum audientium animos provocabat»[1]). Проповіди Домінїка з прикладами не дійшли до нас, та за те у пізнїйших проповідників, починаючи від Якова з Вітрі (Jacobus Vitriacensis, род. в другій половинї XII в., ум. 1240) дійшла до нас значна купа таких прикладів. З часом почали деякі тодїшні

1) Див. T. F. Crane, Mediaeval Sermon-Books and Stories (Proceedings of the American Philosophical Society, 1883, t. XXI), стор. 55.

книжники в інтересї розвою проповідництва складати підручники та вказівки для проповідників (прим. J. Bromyard, Summa praedicantium) та збірки прикладів, так звані Promptuaria exemplorum, із яких деякі, як ось згаданого вже Герольта та Пельбарта Темешварського, повстали вже й по зложеню «Gesta Romanorum». Отжеж учений видавець сеї збірки Герман Естерляй виказує цїлий ряд тих проповідницьких книг, де містить ся притча про слїпця й хромця, як ось: Stephanus de Borbone, Liber de septem Donis, Hubertus de Romanis, Liber de abundantia exemplorum 48, Bromyard, Summa praedicantium A, 21, 27; C, 2, 9; Vincentius Bellovacensis, Speculum morale III, 2, 19, стор. 971; Johannes Junior, Scala celi, Ulm, 1480, 23 b., 74 в.; Martinus Polonus, Sermones cum promptuario exemplorum, 6; Pelbartus de Temesvar, Pomerium sermonum de sanctis, pars aestivalis 4, C.; Johannes Gritsch, Quadragesimale 5, G. Не маючи під рукою анї одного з сих видань я не можу сказати рішучо, чи наша притча була в них поміщена в тій самій формі, в якій маємо її в Gesta Romanorum, хоч се й видаєть ся менї дуже правдоподібним. Отже варто зазначити, що деякі сучасні вчені, які звернули пильну увагу на ті exemla середньовікових проповідників, головно Лєкуа де ля Марш[1]) та Т. Крен у цитованій статї, згідно підносять їх велике культурно-історичне значінє головно за для того, що в них ішли мотиви й елементи східнїх, індийських, перських та арабських оповідань і доктрін на захід Европи[2]). Шляхи та слїди тої мандрівки не всі ще гаразд вияснені не вважаючи на многоважні працї Бенфея, Лїбрехта, Кляустона, Коскена, Веселовского та цїлої фаланґи молодших робітників. І власне наша притча подає нам дуже навчаючий приклад того, як у західно-европейській версії заховала ся старша форма, яка в орієнтальних версіях склеєна з иньшою темою і немов придушена нею в значній мірі заникла, затемнила ся, дійшла до такого рудіментарного стану, що навіть бистре око такого специялїста, яким був Бенфей, могло не добачити її.

В пятій книзї звісної індийської збірки «Паньчатантра» під ч. 12 містить ся оповіданє ось якого змісту: У одного царя вродила ся дочка з трьома грудьми; таке калїцтво вважало ся в Індії віщуном великого нещастя, оттим то цар велить викинути дитину в лїс. Та за радою вірного слуги він лишає її при житю, виховує її оддалїк від себе, а коли доросла, велить викликати по всьому царстві, що хто схоче взяти за жінку царівну

---

1) A. Lecoy de la Marche, La Chaire française du Moyen âge, spécialement au treizième siècle, d'après les manuscrits contemporains, Paris 1868. друге вид. 1886.

2) Пор. про се надто W. A. Clouston, Popular tales and fictions, their migrations and transformations. Edinburgh and London 1887, vol. I, introduction, стор. 11 і далї, а також український переклад доконаний А. Кримським, Львів, 1896, стор. 41—48

з трьома грудьми, дістане сто тисяч червінців. Довго ніхто не похочує сватати її. «Та був у тім самім місті сліпець, і сей мав горбатого поводиря на імя Мантарака, який водив його за наставлену на перед паличку. Коли оба вони почули гуркіт барабана, почали радити ся між собою. «Ходімо, доторкнімо ся барабана. Коли з ласки долї одержимо дївчину і гроші, то за ті гроші проводитимемо час радісно; а коли через сю дївчину й постигне нас смерть, то вона закінчить нашу недолю». Коли оттак нарадили ся, пішов сліпець, доторкнув ся до барабана і сказав: «Я візьму сю дівчину за жінку, коли царь дасть її менї». Царь віддає йому дочку, але велить відвезти його з нею і з горбатим далеко в чужину за велику ріку. Сліпець живе за царські гроші в повній вигоді, горбатий хозяйнує у нього, та царівна вподобала собі його і бажає згладити слїпця зі сьвіта, щоб одружити ся з горбатим. Горбатий знайшов одного дня неживу чорну гадюку і дав її царівнї з тим, щоб вона зварила її та дала слїпому замісь риби, і він умре від гадючої отрути. Царівна крає гадюку, складає в горнецъ, підливає маслянкою і ставить до огню, а маючи сама деяку роботу заставляє слїпого мішати сю ніби то смачну страву. Слїпий мішає нахиливши ся над горшком, а отруйні випари з гадюки розгризають полуди на його очах, так що він відзискує зір. Та тут він бачить, як горбатий цїлує ся з його жінкою. «Бачучи се слїпець і не маючи під рукою ножа, засліплений гнївом прискочив до них, підняв Мантараку за ноги в гору, а що був чоловік дуже сильний, закрутив ним довкола по над своєю головою і шпурнув ним царівнї на груди». Сим способом нехотячи він уздоровлює горбатого, якому від удару простуеть ся хребеті, вздоровлює царівну, якій від удару третя грудь ховаеть ся в тїло[1]).

Бенфей у своїм епохальнім вступі до Паньчатантри (op. cit. I, 510—534) розбирає детально елементи сеї повелї, віднаходить мотив царівни з трьома грудьми та мотив уздоровленя горбатого в старших буддийських леґендах, і прослїджує далї новелїстичну тему чудесного вздоровленя слїпого мужа з приводу невірної жінки зі сходу на захід. На мотив співділаня слїпця й хромця Бенфей не звернув зовсїм уваги, і так само полишив без уваги комбінацію вздоровленя слїпця і чорної гадюки. Стоячи на тім, що основа новелї була первісно буддийська, Бенфей признає одначе, що в тій редакції Паньчатантри, яка дійшла до нас і якій власне він присьвятив свою працю, первісний поважний тон перемінено на гумористичний—«може якимось ворогом буддизму» (op. cit. 511). Що повеля про слїпця женатого на царівнї з трьома грудьми—справдї пізнїйше складане, на се маємо хоч не вповнї, а все таки значний доказ у збірцї Кшемендри пз. Брігат-

1) Theodor Benfey, Pantschatantra. Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen. Leipzig 1859. Zweiter Theil, стор. 355—359.

катаманджарі, в якій між иньшим містить ся також витяг із Паньчатантри в такій формі, як вона читала ся більше менше в першім віці нашої ери. Власне в тім витязі нашої новелї нема[1]). Натомісь у иньшій парости Паньчатантри, редакції старшої від тої, яка заховала ся доси в санскриті, і то заховала ся в турецькім перекладї перської версії, що пішла з пеглевійського перекладу санскритського (затраченого) оріґіналу, в так званім Гумаюн-наме маємо між иньшим апольоґ нз. «Слїпий і видючий», де оповідаєть ся, що слїпий мандрував з видючим женучи перед собою осла, що служив йому за поводиря. Мандрували холодним ранком, і ось слїпий випустив із руки палицю, якою підгоняв свого осла. Тодї він схилив ся на землю і мацаючи руками за палицею намацав гадюку, що закостенїла від холоду і була зовсїм «похожа на Мойсеєву палицю». Слїпий узяв мниму палицю і почав підгоняти нею осла; видючий бачучи се говорить йому, щоб кинув сю палицю, бо се страшна гадюка. Але слїпий не слухає ради, ще й сердить ся на видючого за те, що сей радить йому покинути таку гарну підпору дану йому самим Богом. Та нарештї гадюка ожила від сонячного тепла і вкусила слїпого в руку, так що він тут же вмер[2]).

Досить приглянути ся близше обом сим наростям, щоб переконати ся, що не вважаючи на всю відмінність їх будови у них є дещо спільне між собою. Се неначе disjecta membra якоїсь старшої цїлости, а характер і нарис тої цїлости буде ще зрозумілїйший, коли присунемо до порівнаня ще й західно-европейську версію з Промптуаріїв та з Gesta Romanorum. Співдїланє слїпця і хромця — в Паньчатантрі його зроблено горбатим, а в Гумаюн-наме його ролю роздїлено між неозначеного близше «видючого» і осла ж; їх подорож до великої цїли — в західно-европейській версії детальнїйше говорить ся про подорож, так само в Гумаюн-наме, натомісь Паньчатантра докладнїйше означує цїль — руку царівни. Найбільше змінила ся роля гадюки: в західно-европейській версії вона зовсїм щезла, в Гумаюн-наме вона погубляє, а в Паньчатантрі вздоровлює слїпця. Що думати про ті фраґменти? Чи есть який ґенетичний звязок між ними й жидівсько-арабсько-руською притчою про слїпця і хромця? Не вдаючи ся нї в які апріорні мудрованя можна сказати лиш одно, що вже сам той факт, що на такім широчезнім просторі і на великім протязї часу, а ще до того на старім історичнім шляху, куди від правіків ішла мандрівка ріжнородного культурного добра зі сходу на захід і з заходу на схід, стрічають ся нам такі досить загадкові фраґменти якоїсь очевидно здавна затемненої цїлости,

1) Див. Leo von Mańkowski, Der Auszug aus Pañcatantra in Kshemendras Brihatkathâmañjari. Leipzig 1892, стор. 60—62.

2) Див. Fabeln und Parabeln des Orients, der türkischen Sammlung Humajun-Name entnommen und ins Deutsche übertragen von Souby Bey. Berlin 1903. стор. 28—29.

велить нам догадувати ся, що ся цїлість мусїла колись істнувати і то в такій формі, що робила зрозумілою її мандрівку та її переміни.

Значно далї в давнину, і то в клясичну греко-римську давнину ведуть нас деякі вказівки Естерляя зібрані в примітках до його видання Gesta Romanorum. Бачимо з тих вказівок, що у Греків і Римлян у перших віках нашої ери був досить популярний мотив: слїпий несе хромого і так оба помагаючи собі осягають цїль, якої сам один із них жаден не міг би осягнути. І так у грецькій Антолоґії маємо епіґрам якогось Филипа або як хочуть инші, Ісідора:

Πηρὸς ὁ μὲν γυιός, ὁ δ' ἄρ' ὄμμασιν· ἀμφότεροι δὲ
εἰς αὐτοὺς τὸ τύχης ἔνδεες ἠράνισαν.
τυφλὸς γὰρ λιπόγυιον ἐπωμάδιον βάρος αἴρων,
ταῖς κείνου φωναῖς ἀτραπὸν ὠρθοβάτει.
πάντα δὲ ταῦτ' ἐδίδαξε πικρὴ πάντολμος ἀνάγκη
ἀλλήλοις μερίσαι τοὐλλιπὲς εἰς τέλεον [1]).

Сю саму думку обопільної запомоги в нещастю переповідають на ріжні лади й иньші епіґрами. Ретор Леонїдон пише:

Τυφλὸς ἀλητεύων χωλὸν πόδας ἠέρταζεν
ὄμμασιν ἀλλοτρίοις ἀντερανιζόμενος.
ἄμφω δ' ἠριτελεῖς πρὸς ἑνὸς φύσιν ἡρμόσθησαν
τοὐλλιπὲς ἀλλήλοις ἀντιπαρασχόμενοι [2]).

Довкола сеї самої думки обертають ся також латинські епіґрами Авзонїя, християнського письменника IV. віку.

Insidens caeco graditur pede claudus utroque:
Quo caret alteruter, sumit ab alterutro.
Caecus namque pedes claudo gressumque ministrat,
At claudus caeco lumina pro pedibus [3]).

1) Anthologia graeca, ed. Fr. Jacobs, 1814, т. II, стор. 8. В дословнім перекладї значить: Один немічний на ноги, а другий на очи; оба-ж вони зустрївши ся припадком збирали милостиню. Слїпий, узявши безногого як клунок на плечі, повертаючи ся за його вказівками (досл. голосами) йде просто. Всього того навчила їх прикра і на все відважна потреба — поділяти одному з одним недостаток до кінця.

2) Anthologia Palatina, ed. Becker, VIII, 1, 12; пор. II, 13. В перекладї епіграм Леонїдона виглядає так: Слїпий а простоногий узяв на плечі кривоногого, користуючи ся за се навзаїм його очима; оттак оба калїки злучили ся на здорову єдність, ратуючи один одного в недостатку.

3) Monumenta Germaniae historica, auctores antiquissimi, T. V, ed. Schenkl. Berolini 1883, pars secunda, p. 254.

Щоб показати свою зручність у віршованю той сам автор переробляє зараз сей сам мотив троха иншими словами:

Ambulat insidens caeco pede captus utroque,
atque alterna nihil munia debilitas:
nam caecus claudo pede commodat, ille vicissim
mutua dat caeco lumina pro pedibus.

Перший із тих Авзонієвих епіґрамів передрукував з доданем власного перекладу німецький фацеціоніст XVI. в. Генріх Кірхгоф у своїй збірці Wendunmuth, що вийшла першим виданем без місця др. 1563, другим також 1565, потім у Франкфурті 1573, 1581, 1589, 1598, 1602[3]). Із сього можемо зміркувати популярність сеї книги. Чи то черпаючи з сеї книги, чи просто з Авзонія взяли байкописиці та моралісти XVII—XVIII в. сю тему. Стрічаемо її в Alciatus, Emblemata 1661, Desbillons, Fabulae aesopicae 1768; Burkhard Waldis, Aesopus redivivus; Melander, Joco-seria 1617 і в инших подібних виданях уже в формі байки. Для прикладу трактованя теми наведу лише версію популярного в XVIII. в. німецького байкописа Геллерта.

Der Blinde und der Lahme.

Von ungefähr muss einen Blinden
Ein Lahmer auf der Strasse finden,
Und Jener hofft schon freudenvoll,
Dass ihn der Andre leiten soll.
«Dir — spricht der Lahme — beizustehen?
Ich armer Mann kann selbst nicht gehen;
Doch scheints, dass du zu einer Last
Noch sehr gesunde Schultern hast.
Entschliesse dich mich fortzutragen,
So will ich dir die Stege sagen:
So wird dein starker Fuss mein Bein,
Mein heller Auge deines sein».
Der Lahme hängt mit seinen Krücken
Sich auf des Blinden breiten Rücken;
Vereint wirkt also dieses Paar,
Was einzeln keinem möglich war.

---

3) Її видано на ново в серії Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgard томи XCV—XCVIII. Видане зробив Естерляй (Wendunmuth von Hans Wilhelm Kirchhof, herausg. von Hermann Oesterley. Tübingen 1869), який надто в окремім томі IC подав паралелї до Кірхгофових історій.

Додана до сеї байки моралїзація захвалює в трьох строфах користї солїдарности. Як бачимо, і Геллерт не вибіг по за круг ідей старих грецьких та латинських епіґраматистів. Польський байкопис еп. Красїцкий стягнув сей мотив усього в один рядок: Niósł ślepy kulawego, dobrze im się działo, а далї, мабуть під живими вражінями розгардіяшу серед власного народа, показує, як слїпому навкучило ся слухати рад хромця, як він пробує йти наперекір його вказівкам і як оба пропадають. Байки Красїцкого вийшли 1790 року. Ще й у XIX. віці француський поет Делявінь пробував обробити сю тему в драматичній формі (Moralité de l'aveugle et du boiteux par A. de la Vigne, Paris 1831).

Не вдаючи ся в детальне слїдженє розвою та перемін нашої притчі в західно-европейській лїтературі від XVI. в. ми вернемо ще до Кірхгофового Wendunmuth'а. Знаючи, що сей автор не був учений, але по просту працьовитий компілятор, ми цікаві знати, відки він узяв Авзонієву епіґраму. На се дає нам вказівку вчена увага, якою він попередив її текст. «Solchs haben die Griechen in einer feinen pictur und bildnus gantz artig vorgestellet, als dass ein blinder einen Krüppel auffgefasset und, dahin er begehret, tragen wollte, dieweil aber dem blinden der weg unkäntlich, understund sich der lahme ihm den weg anzuzeigen, und tet ein ieglicher soviel er vormöchte» (Kirchhofs Wendunmuth, ed. Oesterley, III, 361). Дуже правдоподібно, що Кірхгоф узяв сю відомість і заразом епіґрам із книжечки вченого гуманїста Люсцінїя «Joci ac sales», виданої 1524 р. Ся вказівка цїнна о стілько, що виявляє звязок грецьких та латинських епіґрамів з тим старинним малюнком, про який між иншими згадує Люкіян. Тепер відомо, що сей малюнок представляв стародавній міт про Оріона, який осліплений хіосським королем Ойнопіоном, одержав від Гефайста малого хлопця Кедаліона за поводатора, а взявши його на плечі пішов із ним на схід аж туди, де сходить сонце, і там від сонячного жару відзискав назад свій зір[1]). Звісний грецький компілятор Аполльодор оповідає в своїй «Мітольоґічній бібліотецї», що Оріон, який від свойого батька Позейдона мав дар ходити по водї, прибувши до Хіоса почав старати ся о руку Меропи, дочки тамошнього царя Ойнопіона. «Та Ойнопіон підпоїв його, ослїпив сонного і викинув над море. Оріон підняв ся і зайшов на Лемнос до Гефайстової кузнї, вхопив там одного челядника, посадив його собі на плечі і велїв йому показувати дорогу на схід. Коли зайшов туди, впав на нього промінь сонця і привернув йому зір» (Кн. I, гл. 5, уст. 3—5).

Докладнїйше оповідає сей міт старий схолїяст до Аратових Φαινόμενα, на основі якоїсь затраченої Гезіодової поеми. Кажеть ся тут, що Оріон

---

1) Див. L. Preller, Griechische Mythologie, Bd. I, 4-te Auflage Berlin 1894, стор. 451.

гостячи у Ойнопіона, в пянім стані хотів знасилувати дочку свойого господаря і за се був осліплений; що Гефайст добровільно дав йому поводаря Кедаліона, ὃν λαβὼν ἐπὶ τῶν ὤμων ἔφερε τὰς ὁδοὺς αὐτῷ σημαίνοντα· ἐλθὼν δὲ εἰς ἀνατολὰς καὶ ἡλίῳ συμμύξας ὑγιάσθη[1]).

Отся стара леґенда в пізнійших часах мабуть вигасла в народнїй памяти; Овідій у своїх Fasti не згадує про неї, а малюнки по храмах, що виображували Оріона з хлопцем поводарем на плечах, могли бути для маси незрозумілими і толкувати ся як ілюстрація морального припису — помагати один одному в нужді. Виразом такого толкованя були грецькі та латинські епіґрами цитовані висше. Та були инші толкованя. По всякій правдоподібности власне на основі такого малюнка полягає жидівська притча про душу й тїло, і не даром Талмуд переносить її в сферу римської суспільности: вчений рабін розмовляє з римським цїсарем, очевидно в Римі. До Риму переносить нас і инше талмудичне оповідане (в трактатї Aboda-Zara 11 b), де знаходимо немов пародію нашої теми. Равві Єгуда оповідає там іменем р. Самуіла (жив у III. в. по Хр.) про великий празник, який звичайно обходжено в Римі раз на 70 лїт ось яким способом: добре вирослого чоловіка саджали на плечі хромця, який мав на собі «стрій Адама» і шкіру здерту з голови Танаїта Ізмаіла (був покараний смертю під кесарем Гадріяном). Вулицї, якими вони переходили, були мощені дорогим камінем, а коли йшли вулицями, кликали герольди, йдучи перед ними, ось як: «Пора, яку хромець (Яков патріарх) напророчив як пору тріумфу Ізраеля, оказала ся брехнею. Брат нашого пана (Исава, добре вирослого) був брехуном. Хто се бачить тепер, той бачив се, а хто не бачив сего тепер, той більше сего не побачить». А при кінцї додавали: «Горе добре і просто виpослому, коли хромець випростуєть ся»[2]). Се очевидно кумедне перенесене жидівських вірувань (антаґонїзм між Яковом-хромцем і Исавом, нїби то предком усїх невірних, а тим самим і Римлян) на опис римського сьвята Сатурналїй. Для нас важна тут символїзація боротьби між двома расами, двома сьвітоглядами в формі двох людий, із яких один двигає другого на плечех.

Знаючи, що сей образ конець кінцем має своє жерело в мітичній леґендї про Оріона, ми від разу опиняємо ся на ґрунтї, з якого роблять ся нам зрозумілими мандрівки й парости нашої теми. Міт про Оріона належить до тзв. астральних мітів, про які тепер майже напевно можемо сказати, що всї вони прийшли до Греків зі сходу, спеціяльно з Вавилона. Що до нашої леґенди, то її виразні слїди маємо у Жидів. Сузірє Оріона називаєть ся у них Велетнем, а головні елементи самої леґенди заховали ся в

1) H. Düntzer, Die Fragmente der epischen Poesie der Griechen bis zur Zeit Alexanders des Grossen gesammelt. Köln 1870, стор. 49.

2) Сей цитат завдячую молодому гебраістови дру ґріллеру у Львові.

оповіданях про Самсона, що також у Талмуді називає ся сліпцем і йде з поводирем до палати, де відбуваєть ся бенкет Филистимлян. Самсон має перед Филистимлянами грати ролю блазня; жидівська назва сузіря Оріона значить також «блазень» або безбожник; се саме слово як постійний епітет прикладаєть ся також до мітичного вавилонського велетня Німрода[1]). На вавилонське походжене грецької леґенди про Оріона вказує також роля, яку в тій леґенді грає скорпіон, вавилонський символ моря (бога Еа). Греки оповідали, що Оріон полюючи разом з Артемідою хотів знасилувати її і за се Артеміда послала скорпіона, який укусив його в ногу і він від сього вмер[2]). Що сей мотив належав до первісного складу леґенди, а властиво, що в ній грав певну ролю скорпіон, про се сьвідчать бліді її відгуки, які знаходимо в Індії вже в початку нашої ери в формі апольоґів (Гумаюн-наме) або новель (Паньчатантра) — найліпший доказ, що Індийці не запозичили їх від Греків. Місце скорпіона заступила тут гадюка, яка в апольогу спричинює смерть сліпця (як у Греків), а в новелї за посередництвом огню (соняшний промінь!) вертає йому зір.

Та навіть мітичне толковане Оріонової леґенди не вигасло з упадком поганства, а перейшло в християнську леґенду — правдоподібно на сирийськім або египетськім ґрунті. Маю тут на думці леґенду про сьв. Христофора, яка дійшла до нас у кількох версіях і якої найстарші сліди сягають VI. віку нашої ери (Acta Sanctorum Julii, t. VI, 134). Західні парості сеї леґенди надають сему Христофорови велетенський ріст (у Legenda Aurea — 12 ліктів) і велять йому переносити людий через глубоку ріку, поки одної ночи йому не довело ся переносити малого хлопчика, який оказав ся так тяжким, що зігнув хребет велетня так, що його лице доторкнуло ся поверхні води; хлопець оказав ся самим Христом, який тут же й об'явив ся йому і охрестив його. Велетень, що первісно називав ся Offerus, від тепер назвав ся Christophorus і зробив ся горячим проповідником Христової віри. І коли новійші дослідники, такі як Морі (Al. Maury, Essai sur les légendes pieuses du Moyen âge, Paris, 1843, 53—57) та Децель (Heinrich Detzel, Christliche Ikonographie, zweiter Band, Freiburg i. B. 1896, стор. 250—257) не можуть дійти, відки взяла леґенда відомість про велетенський ріст сьв. Христофора, про який нічого не знають найстарші мартірольоґії, то менї здаєть ся, що поставивши обік себе сю леґенду й клясичну леґенду про Оріона, ми матимемо від разу пояснений і велетенський ріст Христофора, і дитину на його

1) Пор. Heinrich Ehrenfried Warnekros, Entwurf der Hebräischen Alterthümer, Weimar 1794, стор. 535.

2) Albert Rehm, Mythographische Untersuchungen über griechische Sternsagen. München 1896, стор. 20, цитат із Евфоріона.

плечех, і розбурхану воду (море), по якій він іде грузнучи ледво по коліна. Ще цікавійші деталї подають грецькі та перекладені з них церковно-славянські тексти, які роблять Христофора песиголовцем. І так у рукописнім Пролозї з XVI. в., який я одержав із місточка Комарна недалеко Львова, читаємо під д. 9 мая: ѡ̓ том ст҃ом Христофорѣ гл҃етъ дивнаа и҆ преславнаа, ꙗ҆́ко песѣю главоу имѣꙗше и҆ ч҃лки ꙗ҆дѧше, послѣди҆ повѣдают ѿ песѣх глав пришедша. страшен же бѣ ѡ҆браз и҆ дивен и҆ не разоумей ꙗ҆зык. бѣ же при Декїи цр҃и ꙗ҆т бы҃ Нани (?) комитом, и не могый гл҃ати греческы. и помл҃и сѧ Бꙋ҃, и҆ послан бы҃ къ немꙋ агг҃лъ Гн҃ъ, и҆ гл҃а е҆мꙋ: «Мꙋжай сѧ и҆ крѣпи҃». и҆ прикоснꙋ оу҆стнꙋ е҆го, и҆ сътвори е҆го гл҃ати греческы. посланы быша ѿ цр҃ѧ въи҆ни ꙗ҆тї е҆го, и҆ жезлꙋ е҆го прозѧбши, и҆ вѣроваша Хв҃ы и҆ съ ним кр҃щена быша въ Антиѡ҆хїи ѿ ст҃го Вавѵлы, ѿ того҃ Христофор наречен бы҃, а прежде бѣ и҆мѧ е҆мꙋ Репревъ». Далї оповідаєть ся коротко про мучеництво сьвятого. Як бачимо, тут нема згадки про велетенський ріст анї не вияснено, чому сей песиголовець був названий Христофором — очевидно леґенда в сих точках неповна. Та маємо тут цікаві вказівки на її єгипетське походжене: Христофор являєть ся в Сирії (в Антіохії) «ѿ песѣх глав», із країни, яку й инші леґенди кладуть десь у глубині Африки, а то й у горішнім Єгипті; його песя голова і додаток, що він їв людий, найлекше поясняють ся тим, що в ньому ми повинні бачити одну з постатий єгипетського пантеону, чи то Анубіса, бога смерти, що власне як такий поїдав людий та проводив у підземний сьвіт, і малював ся в видї чоловіка з песячою або шакальовою головою, або може одну з незлїчених ріжностатий бога Горуса, сина Ізиди, що мав бути по смерти Озіріса королем Єгипту і в якого культї, особливо пізнїйше, коли культ Ізиди перейшов і до Греків, пес грав визначну ролю[1]). Що сей Горус мав якийсь узвязок з мітом про Оріона, доказує єгипетська леґенда про те, що бувши малим хлопцем і живучи в місті Буто по серед багон Дельти, де мати Ізида заховала його перед Сетом, убійцем Озіріса, він був укушений скорпіоном і вмер; на просьбу Ізиди бог Ра зупинив соняшний човен на небі, з нього вийшов бог Тот і своєю чародїйською силою оживив дитину (Wiedemann, op. cit. 114). Чи не повстала й леґенда про Христофора власне зі спарованя того пізно-єгипетського круга понять з християнством? Чи велетень Горус-песиголовець, слїпий духом, бо неосьвічений сьвітлом правдивої віри, який іде по розбурханім морі і гне ся під вагою малої дитини-Христа, не був символом побіди християнства над поганством, тай сама назва χριστόφορος чи не була людово-етимольоґічною перерібкою спарованя імен Χριστός і Ὧρος?

---

1) Див. Dr. A. Wiedemann, Die Religion der alten Ägypter. Münster i. W. 1890, стор. 121.

Як бачимо, наша староруська притча завела нас на великий культурно-історичний шлях і показала нам, хоч у досить іще неясних нарисах, один із тих каналів релігійного синкретизму, що тягнуть ся тисячоліттями і мов той мітичний Океанос величезним перстенем обіймають усі головні парости культурного людства, раз у раз нагадуючи їм, що вони культурно, духово, своїми найкрасшими віруванями і найвисшими ідеями не менше близько посвоячені, як і вузлами раси й фізичної будови.

Др. Іван Франко.

Львів д. 5 лютого 1904.

Вопросъ о происхожденіи болгарскаго царя Ивана-Александра.

Вопросъ о происхожденіи болгарскаго царя Ивана-Александра является весьма важнымъ въ болгарской исторіи, такъ какъ съ нимъ непосредственно связаны два другихъ не менѣе важныхъ вопроса: 1) объ обстоятельствахъ, при которыхъ этотъ болгарскій царь вступилъ на престолъ, и 2) о политическихъ отношеніяхъ его къ сербскому кралю. Отъ разрѣшенія перваго вопроса прямо зависитъ и разрѣшеніе этихъ послѣднихъ въ томъ или другомъ смыслѣ. Въ настоящемъ экскурсѣ мы попытаемся указать сперва, насколько этотъ вопросъ, а вмѣстѣ съ нимъ и два другихъ, правильно разрѣшенъ въ исторической литературѣ, а потомъ, какъ бы могъ быть онъ разрѣшенъ по существующимъ въ настоящее время историческимъ даннымъ.

I.

По принятому въ настоящее время мнѣнію, высказанному болѣе сорока лѣтъ тому назадъ сербскимъ ученымъ Константиномъ Николаевичемъ въ его трудѣ «Српски Комнени», именно въ главѣ: «Александеръ царъ бугарскій и нѣгова династія»[1]), родителями Ив.-Александра были сербскій властель кесарь Воихна, сынъ знаменитаго сербскаго воеводы Новака Гребострека, и Кераца, дочь бдинскаго князя Шишмана Стараго, или сестра убитаго при Вельбуждѣ болгарскаго царя Михаила III, откуда выводится заключеніе, что Ив.-Александръ происходилъ изъ знатнаго сербскаго рода, выросъ и воспитывался въ Сербіи, другими словами, онъ былъ сербомъ. Такъ какъ это мнѣніе, хотя уже устарѣло, принимается также и новѣйшими историками-славистами, которые занимались этимъ вопросомъ, такъ что оно стало какъ бы безспорною истиною, то мы считаемъ нужнымъ разсмотрѣть его подробнѣе.

Главныя положенія этого мнѣнія слѣдующія.

1) Елена, жена Стефана Душана, которая, по Кантакузину[2]), была сестра Ив.-Александра, была сербка, такъ какъ происходила изъ сербскаго

1) Гласник, кн. XII (1860), стр. 454—472.
2) Cantacuzenus, Historia Byzantina, ed. Bonn., II, 338.

рода, слѣдовательно, Ив.-Александръ былъ также изъ сербскаго рода. Это положеніе Николаевичъ доказываетъ, во 1-хъ, на основаніи извѣстія Троношкой лѣтописи, по которой Стефанъ Душанъ женился два раза: первый разъ, еще когда былъ въ заточеніи съ отцомъ въ Константинополѣ, на внукѣ Кантакузина, дещерою же брата крала ишеганскагѡ, дѣвицею прекрасною, богатѣйшею. но сѹщѹ бракѹ безъ времене недорослѣй оуже дѣвицы, испортилъ ложесна ея; сего ради не имѣлъ съ нею никаква порода; второй разъ — на сестрѣ вѹкашиновѣ, ни ѿ каковія высокія фамиліи, но ради красоти ея сопряже ю себы[1]), и, во 2-хъ, на основаніи одного народнаго преданія, записаннаго А. Гильфердингомъ во время его путешествія по Боснѣ, Герцеговинѣ и Старой Сербіи. Это преданіе Гильфердингъ передаетъ намъ такъ: «Стефанъ (Дечанскій) далъ ему (Душану) княженіе въ Скадрѣ (Скутари); молодой князь случайно увидѣлъ дочь стараго воеводы Гребострека, который жилъ въ селѣ Зерзевѣ у Прилѣпа, и влюбился въ нее; они обвѣнчались въ Зерзевской церкви, которая, какъ говорятъ, существуетъ еще. Королева же, мачеха Душана, узнавъ объ этомъ, сказала въ себѣ: «вотъ, сынъ мой хочетъ жениться; я буду ничто передъ его молодою женою, а пожалуй онъ захочетъ самъ царствовать», и послала какого-то француза Балдуина убить Душана. Молодые только что вышли изъ церкви и сидѣли на паперти, когда Балдуинъ, подъѣхавъ, пустилъ въ нихъ стрѣлу; но онъ попалъ не въ королевича, а въ его молодую жену, которая тутъ же испустила духъ. Не помня себя отъ гнѣва, Душанъ пошелъ на своего отца, ни о чемъ не знавшаго, свергнулъ его съ престола и убилъ»[2]). На этихъ двухъ данныхъ собственно Николаевичъ и строитъ свою теорію о сербскомъ происхожденіи Елены, сестры Ив.-Александра. Мы разсмотримъ, насколько эти извѣстія заслуживаютъ довѣрія.

Троношкая лѣтопись, которая дошла до насъ въ спискѣ, сдѣланномъ и пополненномъ іеромонахомъ Іосифомъ (кон. XVIII ст.), по изслѣдованіямъ В. Качановскаго, относится къ XVII и XVIII столѣтію и представляетъ собою документъ, который составленъ какъ по старымъ сербскимъ историческимъ памятникамъ и другимъ документамъ (житіямъ сербскихъ кралей, родословіямъ, хрисовуламъ, надгробнымъ надписямъ), такъ и по народнымъ преданіямъ, еще и по чужимъ источникамъ, какъ-то по исторіи М. Орбини и другимъ, которыхъ авторъ не называетъ по имени. Составитель этой лѣтописи, при всемъ видимомъ старанiи критически относиться къ своимъ разнообразнымъ источникамъ, все-таки привнесъ въ свой трудъ много *невѣрнаго*, что̀ не встрѣчается ни въ одной изъ краткихъ сербскихъ

1) Гласник, V (1853), 65—66 и 69.
2) Гильфердингъ, Собр. соч., т. III, 99—100.

лѣтописей. Поэтому Качановскій и замѣчаетъ, что, «несмотря на позднее происхожденіе этой лѣтописи, ее должно имѣть въ виду при составленіи исторіи Сербскаго государства, *хотя пользоваться ея данными слѣдуетъ чрезвычайно осторожно*. Въ этой лѣтописи можно найти много подробностей, заимствованныхъ изъ народнаго преданія, нерѣдко съ признаками легенды, и за недостаткомъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ источниковъ, иногда приходится ограничиваться ими однѣми»[1]). При такой исторической цѣнности Троношкой лѣтописи, если теперь обратимся къ приведенному выше мѣсту, то не трудно убѣдиться, что оно принадлежитъ къ тѣмъ многимъ невѣрностямъ, которыя встрѣчаются въ ней. Прежде всего никоимъ образомъ нельзя сомнѣваться въ невѣрности извѣстія о первомъ бракѣ Душана[2]), потому что Кантакузинъ, который лучше могъ знать о случаѣ, нигдѣ не упоминаетъ, что Душанъ, будучи еще мальчикомъ, вступалъ въ бракъ съ его внукой, да и это было бы настоящимъ анахронизмомъ, такъ какъ Душанъ и Кантакузинъ были современниками и сверстниками. Не большую историческую цѣнность представляетъ и другое извѣстіе о второмъ бракѣ Душана съ сестрою Вукашина, потому что и оно не содержитъ никакого правдоподобія въ сравненіи съ тѣмъ, что мы знаемъ о женѣ Душана изъ современныхъ источниковъ. Не такъ однако посмотрѣлъ на него Николаевичъ. Онъ, признавая невѣрность троношкаго извѣстія о первомъ бракѣ Душана, принимаетъ второе, которое онъ считаетъ «најистинитіе», и поправляетъ его такъ, что подъ этимъ Вукашиномъ нужно подразумѣвать Оливера, перваго брата Елены, не указывая при этомъ, на какомъ основаніи можно сдѣлать такую замѣну. Принимая такимъ образомъ извѣстіе Троношкой лѣтописи съ этою поправкою, Николаевичъ далѣе пополняетъ его вышеизложеннымъ народнымъ преданіемъ.

Это преданіе собственно не содержитъ въ себѣ ничего исторически вѣрнаго: оно—плодъ фантазіи народа, который хотѣлъ какъ-нибудь объяснить себѣ причину отцеубійства своего любимаго и славнаго краля — Душана. Даже если допустить, что цѣлый разсказъ исторически вѣренъ, т. е. что подобный эпизодъ въ жизни Душана былъ, все-таки онъ не можетъ быть отнесенъ къ царицѣ Еленѣ, такъ какъ героиня разсказа падаетъ мертвою отъ стрѣлы француза Балдуина, а Елена, какъ извѣстно, пережила самого Душана, не говоря уже о томъ, что бракъ Душана съ нею совершился, какъ увидимъ далѣе, совсѣмъ при другихъ обстоятельствахъ. Какъ бы то ни было, но если бы безпристрастный изслѣдователь и захотѣлъ видѣть въ этомъ преданіи хоть долю историчности, онъ бы не могъ

---

1) В. В. Качановскій, Исторія Сербіи и пр. Кіевъ, 1899, т. I, стр. 179.

2) Ср. Т. Д. Флоринскій, Южные славяне и Византія въ XIV вѣка, С.-Петербургъ, 1882, вып. 2, стр. 211, примѣчаніе.

ея найти. Не такъ однако поступилъ Николаевичъ. Не оцѣнивъ критически исторической цѣнности вопроснаго преданія и не указывая на несообразность цѣлаго разсказа съ тѣмъ, чтò исторически вѣрно, онъ, принимая, что преданіе какъ разъ говоритъ объ Еленѣ, вспоминаетъ Гребострека и утверждаетъ, что Елена ведетъ свое происхожденіе именно отъ рода извѣстнаго стараго сербскаго воеводы Новака Гребострека, современника Драгутина и Милутина. Но Николаевичъ не ограничился этимъ. Онъ ставитъ другой вопросъ, въ какомъ родствѣ приходится Елена Новаку Гребостреку, и разрѣшаетъ его по чисто хронологическимъ соображеніямъ въ томъ смыслѣ, что жена Душана могла быть не дочерью этого стараго воеводы, а только его внукою, или же дочерью князя и кесаря Воихны, дѣйствовавшаго еще при Милутинѣ и пережившаго самого Душана (ум. 1357—1360). Но и это отождествленіе Воихны съ отцомъ Елены не можетъ быть принято, потому что оно основывается опять на предположеніи, и то неправдоподобномъ, какъ увидимъ изъ слѣдующаго положенія.

2) Второе положеніе Николаевича можно формулировать такъ: Душановъ деспотъ Оливеръ, въ сербскомъ происхожденіи котораго нельзя сомнѣваться, былъ братомъ царицы Елены, а слѣдовательно и Ив.-Александра. — Тутъ Николаевичъ за главную основу беретъ свидѣтельство Пшинскаго помянника, который гласитъ:

Помѣни, господи, благо цара Стѣфана (царь срьпскыи)
Еленоу царицꙋ
Сына его Оуроша цара
Семшоу, брата царева
Ѳеѡдорꙋ, сестрꙋ царичинꙋ
раба божїа Михаила[1]).

По этому свидѣтельству, у царицы Елены была сестра Ѳеодора, чтò очень возможно, да и неоспоримо. Но тутъ не это важно, а то, что Николаевичъ отождествляетъ эту Ѳеодору съ другою личностью и на основаніи этого отождествленія доказываетъ свое положеніе. Онъ начинаетъ тѣмъ, что указываетъ на находящуюся въ Дечанскомъ монастырѣ надгробную надпись съ слѣдующимъ содержаніемъ: **Въ лѣто ·҂ѕ·ѿ·п·е· мѣсеца ꙗноуара ·л҃а· престави се раба божїа Драгина, ӡов(о)мь Витослава, дьщи Ѹглеше Ненадикы, и сестричина Ѡливере деспота, а жена Бранка Їекпала, и ӡде еи ѣсть гробь, да кто прочте рече: ѿ богь да прости вь вѣки,**

1) Споменикъ, XXIX (1895), стр. 9. — Интересно то, что послѣднія двѣ строки не находятся ни въ одномъ изъ другихъ, извѣстныхъ пока, сербскихъ памятниковъ. Ср. Ст. Новаковичъ, Српски поменици, въ Гласник, кн. XLII (1875), стр. 29 и 31.

аминь[1]). Николаевичъ останавливаетъ тутъ свое вниманіе главнымъ образомъ на томъ, что эта Драгина-Витослава была дочерью Углеши Ненадича и сестра деспота Оливера. «И этотъ Углеша, пишетъ онъ, безъ сомнѣнія братъ Вукашина, хотя и называется Ненадичемъ, потому что ихъ болѣе извѣстное прозвище Мрнявчевичи, вѣроятно, произошло отъ ихъ родного села **М'рнꙗка, чегѡ ради и ӡокаꙗхѹсе Мрнꙗвчевиħи**, прямо говоритъ Троношкій лѣтописецъ»[2]). Каковы основанія Николаевича въ этомъ отождествленіи Углеши Ненадича надписи съ Углешею Мрнявчевичемъ, не видно изъ его словъ; онъ только замѣчаетъ, что «иначе *деспотъ* Оливеръ, *севастократоръ* Деанъ, а особенно *царь* Александръ и *царица* Елена навѣрное не выдали бы своей сестры за кого-нибудь другого Углеши, человѣка ниже и незнатнѣе Углеши *кесаря* и позже *деспота*, брата Вукашинова. Доказательствомъ того, что этотъ самый Углеша былъ своякомъ (пашеногомъ) Душана, служитъ важность и возвышеніе, до котораго достигли Мрнявчевичи въ его царствованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ ошибку, въ которую впалъ троношкій лѣтописецъ, смѣшавъ ихъ съ братьями царицы Елены»[3]). Однако всѣми этими разсужденіями Николаевича нисколько не доказывается, что Углеша Ненадичъ та же самая личность, что и Углеша Мрнявчевичъ, братъ Вукашиновъ, потому что приведенная выше надгробная надпись относится къ 1374 г., когда Углеша, братъ Вукашиновъ, не только былъ уже кесаремъ и деспотомъ, но даже не былъ уже въ живыхъ (ум. 1371 г.); если бы Углеша Ненадичъ надписи былъ одно и то же лицо съ Углешею, Вукашиновымъ братомъ, то, навѣрное, авторъ надписи не пропустилъ бы отмѣтить и его титулъ, какъ онъ дѣлаетъ съ Оливеромъ, и вообще отмѣтить точнѣе эту столь извѣстную въ Сербіи личность. Итакъ, отождествленіе Углеши Ненадича надписи съ Углешею Мрнявчевичемъ оказывается не только ни на чемъ не основаннымъ, но и совсѣмъ произвольнымъ, а отсюда и всѣ дальнѣйшія догадки Николаевича, основанныя на немъ, не могутъ считаться допустимыми, какъ это увидимъ сейчасъ.

«Но мать Драгины-Витославы, продолжаетъ Николаевичъ, и жена Углеши, по-позже монахиня Ефимія, сама говоритъ на хиландарской завѣсѣ, что была **дьщи господина ми кесара Воихне лежащаго здѣ, нѣкогда же деспотица**[4]). Слѣдовательно, Воихна могъ быть настоящимъ отцомъ и всѣхъ другихъ личностей, о которыхъ было-бы доказано, что они

1) Гильфердингъ, Собр. соч. III, стр. 132.—Л. Стояновичъ, Стари српски записи и натписи, Београд, 1902, кн. I, № 143, стр. 46—47, читаетъ Іекпала вм. 'Іекпала.

2) Гласник, V, 69.

3) Гласник, XII, 441.

4) Л. Стояновичъ, указ. соч. № 197, стр. 61.

братья и сестры этой Ефиміи. Объ Оливерѣ говоритъ уже та же самая надгробная надпись ея дочери, называя ее **сестричнл Оливере деспота**; .....Оливеръ, по Епирской хроникѣ, братъ Александра и Елены; а эти двое, по Кантакузину, братъ и сестра и имѣютъ еще одну сестру, которая по одному помяннику **Ѳеωдора сестра царичина (Єлены)**, а послѣ, вѣроятно, та же самая Ефимія монахиня»[1]). Тутъ, прежде всего, должно указать на то, что Ефимія, дочь Воихны и жена деспота Углеши, брата Вукашина, не можетъ быть и сестрою Оливера, потому что, какъ мы уже видѣли, Углеша Ненадичъ надгробной надписи не то же лицо, что̀ и деспотъ Углеша Мрнявчевичъ, а отсюда Воихна не могъ быть отцомъ ни Оливера, ни Ѳеодоры. Точно также нельзя считать доказаннымъ и то, что Оливеръ былъ братомъ царицы Елены. Николаевичъ въ этомъ случаѣ ссылается на Епирскую хронику, именно на слѣдующее мѣсто[2]):

«Брата своего Симеона, рожденнаго отъ троюродной сестры императора Палеолога, почтилъ Стефанъ (Душанъ) титломъ деспота и, отправивъ въ Этолію, назначилъ воеводою этой области. Симеонъ, прибывъ на мѣсто, женился на Ѳомаидѣ, дочери покойнаго деспота Іоанна, которая, потерявъ отца, возложила всю надежду на мать и на юнаго брата. Этого брата ея, по имени Никифора, ромейскій императоръ взялъ себѣ заложникомъ и отвелъ въ Константинополь, гдѣ и назначилъ ему мѣстопребываніе, женивъ его на дочери Кантакузина. Мать же этихъ молодыхъ, Ѳомаиды и Никифора, а *наша царица Анна, вышла замужъ за одного князя отъ болгарскаго рода*[3]), *именуемаго деспотомъ Комниномъ, брата болгарскаго царя Александра и шурина означеннаго выше Стефана*, и поѣхала далеко къ Канинамъ и Бѣлграду, оставивъ Симеона съ женою его Ѳомаидою одного во всемъ деспотствѣ этольскомъ, такъ какъ оно было наслѣдственнымъ удѣломъ ея вмѣстѣ съ братомъ».

Николаевичъ тутъ ссылается главнымъ образомъ на то, что упомянутый здѣсь деспотъ Комнинъ ἐκ τοῦ Βουλγάρων γένους, который былъ братъ Ив.-Александра и шуринъ Душана, т. е. братъ царицы Елены, и женился на деспотицѣ Аннѣ, женѣ деспота Іоанна Кефалонійскаго, былъ несомнѣнно самъ Оливеръ. Этотъ выводъ онъ дѣлаетъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Онъ собралъ всѣ извѣстныя историческія данныя, упоми-

1) Гласник, XII, 441—442.

2) Гласник, XI (1859), 297—298. — Г. Дестунисъ, Историческое сказаніе инока Комнина и Прокла о разныхъ деспотахъ епирскихъ, С.-Петербургъ, 1858, стр. 4—5.

3) Въ текстѣ читается: ἄρχοντά τινα ἐκ τοῦ Βουλγάρων γένους. Дестунисъ переводитъ эту фразу: «одного боярина болгарскаго», что, намъ кажется, не совсѣмъ точно, такъ какъ, если бы авторъ хроники хотѣлъ указать только на его боярство, употребилъ бы тутъ δυνατόν или μεγαδυνάμενον вм. ἄρχοντα: очевидно, что онъ, поставивъ ἄρχοντα, имѣлъ въ виду указать на его высшее чѣмъ боярское, происхожденіе, т. е. изъ царскаго или же, по крайней мѣрѣ, владѣтельнаго болгарскаго рода, поэтому ἄρχοντα мы переводимъ «князя».

нающія имя Оливера и касающіяся его дѣятельности, и останавливается главнымъ образомъ на имени и титулѣ его жены[1]). Во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ тамъ, гдѣ упоминается его жена, она называется двояко: 1) Анною-Марою въ славянской надписи Лѣсновскаго монастыря 1341 г. и въ припискѣ Минеи церкви того же монастыря 1342 г.[2]) и 2) Маріею въ греческой надписи 1349 г., въ греческой надписи на ея изображеніи въ томъ же монастырѣ и въ Лѣсновскомъ помянникѣ[3]), а во всѣхъ славянскихъ извѣстіяхъ она титулуется подроужие кго госпогю или же просто подроужиꙗ кго, подроужїе, и только въ греческихъ надписяхъ она называется βασιλίσσα. На основаніи того, что въ лѣсновской славянской надписи и припискѣ Минеи жена Оливера носитъ имя Анна-Мара, а въ Епирской хроникѣ жена деспота Комнина называется Ἄννα, и также на основаніи того, что въ греческихъ надписяхъ первая титулуется βασιλίσσα, а вторая въ Епирской хроникѣ — βασιλίς, Николаевичъ заключаетъ, что Анна-Мара, жена Оливера, одна и та же личность съ Анной, деспотицей Епирской, а такъ какъ самъ Оливеръ въ извѣстіяхъ послѣ 1346 г. носитъ титулъ деспота, и Комнинъ Епирской хроники также титулуется деспотомъ, то ясно, что Оливеръ тотъ же самый Комнинъ, братъ царя Ив.-Александра и царицы Елены[4]).

Эта догадка Николаевича могла бы быть принята за правдоподобную, если бы не помѣшалъ анахронизмъ, который выступаетъ здѣсь съ полной очевидностью. Отравленіе мужа деспотицей Анной, чтобы стать регентшей своего сына Никифора, какъ и удаленіе ея съ регентства императоромъ Андроникомъ III относятся ко времени не ранѣе 1336 г., а она вышла замужъ за деспота Комнина, по Епирской хроникѣ, послѣ завладѣнія сербовъ Этоліей и Акарнаніей, которое относится ко времени послѣ 1346 г.[5]); слѣдовательно, никоимъ образомъ нельзя принять ни того, что Комнинъ то же самое, что̀ Оливеръ, ни того, что деспотица Анна то же самое, что̀ Анна-Мара, потому что, по надписи и припискѣ Минеи Лѣсновскаго монастыря, Оливеръ еще въ 1341 г. былъ женатъ на Аннѣ-Маріи и имѣлъ уже сына Краика, а по лѣсновскому помяннику, и дочь Дьницу, старше Краика, которую въ 1342 г. Оливеръ предлагалъ Кантакузину выдать за его сына Мануила[6]). Итакъ, если мы не имѣемъ никакого основанія отождествлять деспотицу Анну Епирскую съ Анной-Марой, женою Оливера, то

1) Гласник, XIII (1861), 293—299.
2) Ibidem XIII, 293—296.—Л. Стояновичъ, указ. сочин. № 71, стр. 30 и № 76, стр. 31.
3) Ibidem XIII, 293, 294 и 295.
4) Ibidem, XIII, 299—300.
5) Флоринскій, указ. сочин. II, стр. 169, примѣчаніе, относитъ это событіе къ 1347 г.—Ср. *его же*, Памятники законодательной дѣятельности Душана, Кіевъ, 1888, стр. 85.
6) Cant. II, 290. — Флоринскій, Южн. слав., стр. 86.

и сходство ихъ титуловъ — βασιλίς и βασιλίσσα остается безъ всякаго значенія. Намъ кажется, что женѣ Оливера, равно и самой Аннѣ Епирской, которая была дочерью протовестіарія Андроника Палеолога, присвоенъ титулъ βασιλίσσα потому что она, вѣроятно, была одна изъ византійскихъ принцессъ, что̀ доказывается тѣмъ, во 1-хъ, что этотъ титулъ находится на греческихъ надписяхъ, авторъ которыхъ могъ это лучше знать, а, во 2-хъ, тѣмъ радушнымъ пріемомъ, который Оливеръ оказалъ Кантакузину въ 1342 г. [1]). Кромѣ того, на основаніи свидѣтельства Епирской хроники, что Анна вмѣстѣ съ Комниномъ отправилась вверхъ къ Канинѣ и Бѣлграду (нынѣ Бератъ) [2]), допускается, что въ 1348 г. Оливеръ подъ вліяніемъ своей супруги перемѣнилъ Овчепольскую область на Среднюю Албанію съ городами Каниной и Бѣлградомъ, гдѣ онъ остался, вѣроятно, до конца своей жизни [3]). Однако, по прямому свидѣтельству записи болгарской книги «св. Ефремъ», мы узнаемъ, что Оливеръ и въ 1353 г. былъ великимъ деспотомъ и управителемъ Овчепольской области [4]), слѣдовательно онъ вовсе не перемѣнялъ ея на другую. Далѣе, Николаевичъ, признавая, что Оливеръ женился на Аннѣ Епирской по завоеваніи ея земель Душаномъ, пишетъ: «Имя Комнина, съ которымъ только онъ (Оливеръ) перешелъ въ народныя пѣсни и преданія, онъ не могъ получить отъ этой Комнины, потому что она ему была жена, а не мать. При всемъ томъ эта самая женитьба могла ему напомнить о старомъ Комнинскомъ происхожденіи его племени, а властельская суета побудить его придать себѣ первому это имя, потому что раньше его нѣтъ слѣдовъ, чтобы какіе-нибудь сербы звали себя Комнинами и Комниновичами» [5]). О неубѣдительности высказаннаго тутъ довода, намъ кажется, нечего и говорить, потому что она очевидна; должно однако замѣтить, что, насколько можно судить по существующимъ пока извѣстіямъ, Оливеръ нигдѣ не названъ именемъ Комнина, да и самъ онъ едва ли себя называлъ этимъ именемъ, а потому утверждать, будто женитьба его на Аннѣ Епирской напомнила ему о его комниновскомъ происхожденіи, нѣтъ никакого основанія. Наконецъ, нужно отмѣтить еще и то, что деспотъ Комнинъ, мужъ Анны деспотицы, никоимъ образомъ не можетъ быть отождествленъ съ деспотомъ Оливеромъ еще и потому, что въ Епирской хроникѣ буквально сказано, что Комнинъ былъ болгарскаго рода

1) Флоринскій, ibid., стр. 77 и слѣд. — П. Средковичъ («Историјске расправе, Гласник, LVII (1884), 123—128) думаетъ, что βασιλίσσα Μαρία, жена Оливера, была не кто иная, какъ Марія, жена Дечанскаго и дочь солунскаго деспота Ивана Палеолога, которая по смерти мужа была выдана Душаномъ за Оливера.

2) Изд. Г. Дестуниса, стр. 5: καὶ ἄνω ἐπὶ τὰ Κάνινα καὶ τὰ Βελλάγραδα χωρεῖ.

3) Флоринскій, Южн. слав. II, 169; Памятники, стр. 85.

4) Флоринскій, Памятники, стр. 82, примѣчаніе 2.—Л. Стояновичъ, Записи и пр. № 102, стр. 38.

5) Гласник, XIII, 300.

(ἐκ τοῦ Βουλγάρων γένους), тогда какъ въ сербскомъ происхожденіи Оливера едва ли можетъ быть сомнѣніе; иначе, если Николаевичъ принимаетъ это отождествленіе, то онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ, усвоившіе его мнѣніе, должны признать болгарское происхожденіе не только Ив.-Александра и Елены, но и самого Оливера, чего, конечно, они никогда бы не допустили. — Изъ всего выше изложеннаго ясно становится, что свидѣтельство Епирской хроники не даетъ намъ никакого основанія утверждать, что Оливеръ былъ то же самое лицо, что̀ и деспотъ Комнинъ, а слѣдовательно онъ не могъ быть и братомъ Елены и Ив.-Александра.

Наконецъ, изъ словъ Николаевича не видно, какъ монахиня Ефимія, жена Углеши, метаморфизировалась въ Ѳеодору, сестру Елены и Ив.-Александра, и потому мы не имѣемъ никакого основанія, считать послѣднюю женою Углеши, брата Вукашинова и тѣмъ болѣе женою Углеши Ненадича, такъ какъ мы уже выше видѣли, что этотъ не могъ быть отождествленъ съ деспотомъ Углешею; а разъ нельзя принять, что Ефимія и Ѳеодора — одна и та же личность, то и утвержденіе Николаевича, что кесарь Воихна былъ ея отцомъ, а отсюда и отцомъ Оливера, Елены и Ив.-Александра, остается не только недоказаннымъ, но и недопустимымъ. Изъ того, что намъ даетъ Пшинскій помянникъ, можно заключить, что Ѳеодора въ самомъ дѣлѣ была сестрою Елены, а слѣдовательно и Ив.-Александра, а ея мужемъ могъ быть скорѣе названный послѣ ея въ помянникѣ **рабъ божїи Михаилъ**, неизвѣстная пока личность, которая могла бы попасть въ среду членовъ царскаго семейства только ради своихъ супружескихъ связей съ Ѳеодорой.

Итакъ, оба разсмотрѣнныя выше положенія Николаевича о сербскомъ происхожденіи царицы Елены изъ рода Новака Гребострека, а еще болѣе, что она была дочерью кесаря Воихны и сестрой деспота Оливера (впрочемъ, Николаевичъ доказываетъ, что у нея были и другіе братья, о которыхъ мы тутъ не будемъ говорить), основаны или на произвольномъ толкованіи историческихъ извѣстій, или же на предположеніяхъ, ничѣмъ не обоснованныхъ; поэтому должно навсегда отвергнуть ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мнѣніе о сербскомъ происхожденіи Ив.-Александра.

3) Николаевичъ, однако, не ограничился только доказательствомъ сербскаго происхожденія Ив.-Александра: онъ попробовалъ опредѣлить и родство его съ болгарской династіей. Родство это онъ опредѣляетъ въ двухъ мѣстахъ различно. Въ одномъ мѣстѣ, понимая греч. ἀδελφιδοῦς, которымъ и Кантакузинъ и Григора опредѣляютъ родственныя связи Ив.-Александра съ царемъ Михаиломъ III, т. е. что Ив.-Александръ приходится Михаилу ἀδελφιδοῦς, въ смыслѣ *двоюроднаго брата* (по отцу), и допуская, что Белауръ, дядя Ив.-Александра и Елены, который былъ сербскаго происхож-

денія, потому что Μπελαῦρος = Bela-Uros = Бѣлый Урошъ, происходилъ отъ сербскаго рода жупана Драгоша, тестя Страшимира (= Шишмана) видинскаго, на дочери котораго Шишманъ былъ женатъ уже послѣ побѣды Милутина надъ послѣднимъ, Николаевичъ дѣлаетъ такое произвольное предположеніе: у Драгоша была непоименованная дочь, выданная за Шишмана стараго, а ея братья были: Белауръ и непоименованный отецъ Ив.-Александра, Канинскаго Комнина и царицы Елены. «Такъ трое послѣдніе и ихъ отецъ съ Бѣлымъ-Урошемъ, пишетъ Николаевичъ, были скорѣе quasi, нежели родные ἀδελφιδοῦς и θεῖοι Михаилу Страшимировичу болгарскому, потому что они были ему *двоюродные братья* и *дядья* только по мачехѣ. И это quasi-родство объясняетъ очень хорошо извѣстные раздоры въ той же фамиліи, потому что Драгошевичи, и сыны и внуки, преслѣдовали и истребляли лозу Страшимировича съ корня, а Неманичи въ этомъ очень охотно имъ помогали, навѣрное по политическимъ разсчетамъ, чтобы скорѣе утвердить свое сюзеренство надъ Болгаріей посредствомъ вассаловъ сербскаго происхожденія и втрое имъ обязанныхъ, чѣмъ оставлять на болгарскомъ престолѣ лозу, которая два раза покушалась забить ножъ въ сердце Сербіи»[1]).

На другомъ мѣстѣ Николаевичъ даетъ другое родство. Понимая ἀδελφιδοῦς, которому соотвѣтствуетъ славянское нѣтїа, въ смыслѣ *сынъ брата* или *сестры*, Николаевичъ пишетъ: «Они (Михаилъ и Александръ) не были родственниками *по крови*, а самъ Михаилъ былъ Александру *дядей* (по матери). Оба могли имѣть *по крови* различное происхожденіе, и что касается Александра, изъ Халкокондилы можно понять, что этотъ до сраженія при Землинѣ (Вельбуждѣ) жилъ въ Сербіи, и Дечанскій, говоритъ, водилъ его съ собою въ этотъ самый бой противъ болгаръ. Далѣе, наша царица Елена, его сестра по ясному свидѣтельству Кантакузина, была, по Троношкому лѣтописцу, сербка и домашняя властеличка, только не сестра Вукашинова, а Оливера и Богдана..... Эти ея и Александра братья были опять первые «достоянственици» сербскіе при Душанѣ и устроены въ Сербіи: отсюда и Александръ можетъ быть вмѣстѣ съ ними по происхожденію *сербомъ*»[2]). Родственныя связи бдинскихъ Шишмановичей съ сербской династіей, по Николаевичу, произошли такъ: какъ Милутинъ послѣ своей побѣды надъ Шишманомъ заставилъ послѣдняго взять въ жены дочь его жупана и воеводы Драгоша и женить сына своего Михаила на его дочери Аннѣ или Недѣ, такъ и бракъ Воихны Гребострека съ одною изъ дочерей Шишмана, т. е. съ сестрою Михаила, могъ совершиться на тѣхъ же основаніяхъ, если не тогда еще, то позднѣе. Возможность этого

1) Гласник, XI, 299—301.
2) Гласник, XII, 456.

брака Николаевичъ основываетъ на личномъ пріятельствѣ Шишмана съ Новакомъ Гребострекомъ. «Изъ нашего Троношкаго лѣтописца, пишетъ онъ, можно понять, что Шишманъ и Новакъ Гребострекъ были впослѣдствіи ратными товарищами, потому что, говоритъ, и Шишманъ (навѣрное, по обязанности своего *послушанія* Милутину) участвовалъ въ сербскихъ экспедиціяхъ, подъ командою Новака Гребострека, противъ турокъ и каталонцевъ въ Греціи, и при этомъ, вѣроятнѣе всего, оба товарища и подружились» [1]).

Оба эти опредѣленія Николаевича рѣзко отличаются другъ отъ друга. Однако Николаевичъ въ свое время еще отказался отъ перваго, да оно и не можетъ быть принятымъ потому, во 1-хъ, что оно представляетъ собою простое, ни на чемъ не основанное предположеніе, натянутость и неправдоподобіе котораго и самъ онъ замѣтилъ [2]), и, во 2-хъ, потому что въ житіи Дечанскаго [3]), какъ и въ предисловіи Законника Стефана Душана [4]) прямо сказано, что Белауръ былъ братъ царя Михаила Шишмана. Поэтому мы здѣсь разсмотримъ только второе опредѣленіе.

Прежде всего, если Николаевичъ принялъ, что греческое ἀδελφιδοῦς и славянское нєтїа означаетъ какъ *сынъ брата*, такъ и *сынъ сестры*, то изъ его словъ вовсе не видно, почему, при опредѣленіи родственныхъ отношеній между Михаиломъ и Ив.-Александромъ, непремѣнно должно взять второе значеніе ἀδελφιδοῦς, а какъ разъ это и составляетъ его основное положеніе; а такъ какъ оно является произвольнымъ и недоказаннымъ, то, конечно, и построенія родственныхъ связей между Михаиломъ и Ив.-Александромъ будутъ такими же. Такъ, мѣсто изъ Халкондилы, на которое Николаевичъ ссылается для того, чтобы доказать, что Ив.-Александръ жилъ до Вельбуждской битвы въ Сербіи, слѣдующее: ὅθεν ὁ Τριβαλλῶν ἡγεμὼν ἐπ' αὐτόν (Μιχαῆλον) τε ὥρμητο στρατεύεσθαι, ἐχὼν μεθ' ἑαυτοῦ τοῦ Μιχαήλου ἀδελφιδοῦν Ἀλέξανδρον· τόν τε Μιχαῆλον μάχῃ ἐκράτησε, καὶ Ἀλέξανδρον τὸν ἀδελφιδοῦν αὐτοῦ ἐς τὴν βασιλείαν καταστησάμενος [5]). Откуда Халкондила взялъ это извѣстіе, мы не знаемъ; однако, если сравнить его съ

---

1) Гласник, V, 59. — Тамъ же, XII, 457.

2) Въ Гласникѣ, XII, 454—455 Николаевичъ пишетъ: Што се тиче сродства Александровогъ съ Бугарскомъ династіомъ Страшимировића, ... навели смо веђъ у првомъ делу овога чланка (Гласн. XI, 299—301) неке основе, по коима бы се то сродство пређе имало сматрати као са женске стране, него ли по племену. Само новоизданый еданъ изворъ нашъ и исправніи преводъ грчке речи ἀδελφιδοῦς, у свези са Зерзевскимъ преданіемъ, *обараю хипотезу тамо изражену*, да бы Милутиновъ великій воевода Драгошъ, на место Новака Гребострека, био дедъ Александровъ и нѣгове брађе и сестара, а ови по кћери тога Драгоша у сродству са Бугарскимъ Страшимировићима».

3) Даничичъ, Животи краљева и архиепископа српских, Загреб, 1866, стр. 193.

4) Изданіе Ст. Новаковича 1898 года, стр. 3.

5) Chalkondylas, ed. Bonn. p. 22.

извѣстіемъ Григорія Цамблака, который въ житіи Дечанскаго говоритъ: **и҆ тѡго Михаила въꙁьмше мрътвое и҆ пѡдѡбающа о нѥмь съвръшивше, обычними въ еже прѣоу҆довлѥвати ꙋ҆строивше мрьтваго. и҆ Алеѯандра того нетїа цара поставльше въ своѧ ѡтьлоу҆чишесе**[1]), то не трудно замѣтить, что есть сходство въ послѣднихъ фразахъ у обоихъ, что даетъ намъ достаточно основанія думать, что и Халкондила заимствовалъ свое извѣстіе изъ сербскаго источника, который, по всей вѣроятности, онъ самъ пополнилъ по личнымъ соображеніямъ, а именно: если Александръ былъ поставленъ сербскимъ кралемъ на престолъ, то, естественно, онъ долженъ былъ быть на сторонѣ сербовъ въ Вельбуждскомъ бою. Вообще, по замѣчанію Качановскаго, «къ свѣдѣніямъ его (Халкондила) по исторіи южныхъ славянъ можно и должно относиться съ довѣріемъ, провѣряя ихъ свидѣтельствами другихъ византійскихъ лѣтописцевъ и сербскихъ лѣтописей. Основаніемъ для этого довѣрія можетъ отчасти служить его собственное заявленіе въ началѣ его «Исторіи», что онъ записалъ многое, какъ современникъ и очевидецъ, а многое также по разсказамъ другихъ»[2]). Намъ кажется, что и настоящее извѣстіе онъ отмѣтилъ по разсказамъ другихъ, тѣмъ болѣе, что Халкондила жилъ почти на полтора столѣтія позже данной эпохи, и потому къ нему нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ, а еще болѣе потому, что оно не согласуется ни со свидѣтельствами современныхъ историковъ, Кантакузина и Григоры, какъ увидимъ ниже, ни съ извѣстіями сербскихъ источниковъ, даже съ извѣстіемъ Григорія Цамблака, которые едва ли бы пропустили отмѣтить, что Ив.-Александръ въ Вельбуждскомъ сраженіи участвовалъ на сербской сторонѣ. Итакъ, вышеозначенное извѣстіе Халкондилы теряетъ свое значеніе при ясныхъ свидѣтельствахъ современниковъ, а отсюда предполагать, будто Ив.-Александръ до Вельбуждскаго сраженія жилъ въ Сербіи, нѣтъ никакихъ основаній. — Далѣе, Николаевичъ видитъ доказательство того, что Ив.-Александръ, братъ Елены, не могъ быть кровнымъ родственникомъ Михаила, еще въ его сербскомъ происхожденіи, что̀ также невозможно принять, такъ какъ Елена, какъ мы уже видѣли, не была ни сербскаго происхожденія, ни сестрою Оливера. Также недоказанными и произвольными являются: 1) отождествленіе Николаевичемъ Шишмана Видинскаго, отца Михаила, съ Страцимиромъ, отцомъ Ив.-Александра, потому что, какъ будетъ показано ниже, это двѣ совсѣмъ отдѣльныя личности, и 2) предположеніе Николаевича — на основаніи словъ житія Стеф. Деч., что Стефанъ Дечанскій, по реставраціи Анны съ сыномъ въ Терновѣ, «**посьла нѣкоѥ ѥдины отъ вельмоужь своихъ сь нѣко-**

1) Гласник, XI, 74—75.
2) В. В. Качановскій, назв. соч. стр. 300.

торою честию воискы своке въ помошть кй[1]), и сопоставленія ихъ съ приведеннымъ выше извѣстіемъ Халкондилы (которое, впрочемъ, Николаевичъ перефразируетъ такъ, будто Дечанскій уважилъ просьбу болгаръ только подъ условіемъ, что они примутъ Ив.-Александра, котораго онъ велъ съ собою, чтобы управлять царствомъ и быть опекуномъ молодого Шишмана до его совершеннолѣтія — о чемъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго намека),— будто «Александръ навѣрное былъ тотъ «поглавитый» вельможа Стефана, который отвелъ это оккупаціонное сербское войско въ Болгарію и имѣлъ надъ нею верховное владычество». — Все это сходится, оканчиваетъ Николаевичъ, и съ извѣстіемъ Лукарича, что болгары впослѣдствіи смотрѣли на Александра, какъ на сербскаго губернатора и на совершенно чужого имъ, что̀ также подтверждаетъ его сербское происхожденіе»[2]). Насколько вѣрны эти заключенія Николаевича объ отношеніяхъ Ив.-Александра, уже какъ болгарскаго царя, къ сербскому кралю, мы увидимъ ниже.

Таковы выводы Николаевича о происхожденіи Ив.-Александра, восшествіи его на болгарскій престолъ и политическихъ отношеніяхъ къ сербскому кралю — выводы, которые вполнѣ усвоили новѣйшіе историки-славиcты, или только перефразировавъ ихъ, или же въ нѣкоторыхъ пунктахъ измѣнивъ новыми соображеніями, не отнесшись однако критически къ нимъ[3]).

---

1) Даничичъ, Животи и пр., стр. 195.

2) Гласник, XII, 457—459.

3) Изъ новѣйшихъ историковъ послѣ Николаевича приняли его мнѣніе Ил. Руварацъ, Кральице и царице српске, см. «Матица», издав. А. Хаджичемъ, за 1868 годъ стр. 459, хотя онъ относится съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ мнѣнію Николаевича, и проф. Флоринскій, Южн. славяне, II, стр. 210 и сл. Впрочемъ, взглядъ г. Флоринскаго на политическія отношенія Ив.-Александра къ Стефану Душану представленъ иначе, какъ увидимъ ниже, чѣмъ у Николаевича. — Довольно существенно отъ мнѣнія Николаевича о происхожденіи Ив.-Александра отличается мнѣніе П. Средковича, высказанное имъ въ его статьѣ «Историјске расправе», гдѣ онъ пытается дать новый отвѣтъ на вопросъ: «Ко је била Августија Іелена, прва српска императорица или царица»? (Гласник, LVII, стр. 104 и сл.). Выражаясь о мнѣніи Николаевича, что оно «супротно, како оригиналним и безусловно верним историјским најстаријим документима, тако и народном предању т. ј. песмама», и указывая на то, что главная его цѣль «да пронађем истину, а не и да пишем историју овога питања», Средковичъ, не оговаривая, почему онъ несогласенъ съ мнѣніемъ Николаевича, приступаетъ прямо къ изложенію своего мнѣнія. Онъ начинаетъ утвержденіемъ, что цѣлая область Зеты не представляла одного государства, а два — нижнее и верхнее: нижнее было владѣніемъ Воислава, а верхнимъ управлялъ Гюргъ, и на основаніи разныхъ документовъ устанавливаетъ, что этотъ Гюргъ имѣлъ троихъ сыновей: Страцимира, Гюрга и Балшу, и потому его считаетъ родоначальникомъ зетскихъ владѣтелей. Одинъ изъ Балшичей, именно Гюргъ, сынъ Страцимира, въ одномъ документѣ 1386 г. 27. I называетъ Симеона Неманю своимъ прародителемъ, слѣдов., заключаетъ Средковичъ, Гюргъ I велъ свое происхожденіе изъ рода Немани, именно отъ Вукашина, сына Немани и брата Стефана Первовѣнчаннаго. Далѣе, Средковичъ по нѣкоторымъ дубровницкимъ документамъ признаетъ Гюрга I (однако, не совсѣмъ убѣдительно, потому что едва ли можно принять, что латинское имя Gregorius все равно, что сербское Гюргъ = Georgius) сыномъ князя Вратислава или Вратка, который, по помѣщенной Средковичемъ генеалогической таблицѣ (стр. 107—108), былъ внукъ Вукашина Неманича. Этотъ Вратко въ разныхъ сербскихъ памятникахъ 1333 года назы-

Уже изъ указаннаго выше произвольнаго обращенія съ источниками и стремленія Николаевича видѣть и читать то, чего нѣтъ въ источникахъ,

---

вается «жѹпань Братько», и въ одной грамотѣ Душана 1351 года упомянутъ подъ именемъ «кнезь Братько», что̀, по мнѣнію Средковича, соотвѣтствуетъ comes Vratichus дубровницкаго документа 1334 года, у котораго былъ сынъ Gregorius de Vrach, то есть Гюргъ I. На основаніи этихъ данныхъ, Средковичъ не сомнѣвается, что Вратко до 1333 г. былъ въ меньшемъ чинѣ, именно былъ «челникомъ». Предположеніе это нужно было ему для того, чтобы приспособить къ раньше задуманной мысли другое извѣстіе. Онъ пишетъ: «Овај пак Вратко челник имао је по пшинскоме поменику децу: Гюрю, Іована, Іелену, Теодору, Марѹ и Шаина». Мѣсто, которое здѣсь Средковичъ имѣетъ въ виду, слѣдующее (Споменик, XXIX, стр. 9):

помѣни, господи, благочьстивѹ господоу
раба божіа шликѣра (деспоть)
и т. д., а съ 12-ой строки читаемъ:
раба божіа Гюроу (челниковики)
раба божіа Іωанна
рабоу божію Єлѣноу
рабоу божію Тодорѹ
рабоу божію (име неко избрисао), однако Средковичъ тутъ читаетъ Марѹ, какъ у Николаевича (Гласн. XII, 450)
раба божіа Шанна (. . . анинии).

Въ цѣломъ этомъ ряду именъ нигдѣ не означено, что приведенныя тутъ лица были дѣти Вратка; видно, что поставленное въ скобкахъ слово челниковики, вѣроятно, дало Средковичу право быть такъ смѣлымъ въ своихъ предположеніяхъ, или же считать свои предположенія дѣйствительнымъ фактомъ. Но еще болѣе курьезнымъ является онъ въ объясненіи приведенныхъ выше именъ, гдѣ онъ сопоставляетъ имена членовъ Душанова семейства, поставленныя немного выше въ томъ же помянникѣ. «Гюра или Гюргъ, пишетъ онъ, је отац Страцимира, Гюргя и Балше. Іован је цар блгарски Александр, као што се у својим актима и потписује: «Іоаннь Александерь»; Іелена је српска *прва* царица; о судбини Теодоре овде нећемо да говоримо, а Мара је календарско име «царице» Милице . . . . Кнез Лазар и Душан, то су пашенози . . . И тако млади краљ Душан (1331) препрапраунук Немањин, узео је за жену Немањину прапраунуку . . . . —по Вукану, кћер Враткову, а сестру Гюргя родоначелника зетских господара и Іоанна (Александра) блгарскога цара, ког је Душан и попео на блгарски престо», при чемъ Средковичъ замѣчаетъ, что «и вероватно је сестра Михаила цара блгарскога била удата за Вратка» (110—111). Лучшій примѣръ неразсудительнаго ученаго произвола и отсутствія всякой исторической критики едва ли можно найти! Прежде всего, на чемъ основываетъ Средковичъ свое отождествленіе Гюра помяника со своимъ Гюргомъ Вратковичемъ, не указано; потомъ, если упомянутыя въ поменикѣ раба божіа Єлѣна и раба божіа Тодора были царица Елена и ея сестра Ѳеодора, имена которыхъ написаны немного выше въ томъ же помяникѣ, то зачѣмъ нужно было составителю помянника приводить въ двухъ мѣстахъ одного и того же документа однѣ и тѣ же личности? да и если бы были онѣ однѣ и тѣ же личности, не отмѣтилъ ли бы онъ этого? На какомъ основаніи Средковичъ отождествляетъ эту рабоу божію безъ имени съ Марой (Мара будто было календарное имя Милицы, жены князя Лазаря), или же раба божіа Іоанна съ Ив.-Александромъ, болгарскимъ царемъ, или же раба божіа Шанна (. . . . анинии) съ рабомъ божіемъ Михаила? На всѣ эти вопросы, по нашему мнѣнію, отвѣтъ слѣдующій: Средковичъ принялъ простое совпаденіе собственныхъ именъ въ означенныхъ мѣстахъ Пшинскаго помянника, какъ историческое данное, и на немъ строитъ цѣлую произвольную и ни на чемъ не основанную теорію; и если онъ находитъ, что мнѣніе Николаевича по этому вопросу «противно какъ оригинальнымъ и безусловно вѣрнымъ историческимъ старымъ документамъ, такъ и народному преданію», то мы должны признать, что мнѣніе Средковича противно самой логикѣ и требованіямъ исторической критики.

можно легко убѣдиться, что никоимъ образомъ нельзя принять его мнѣнія, въ которомъ явно проглядываетъ извѣстная тенденція его сербскаго автора. Поэтому является необходимость вновь пересмотрѣть всѣ извѣстія и данныя, которыя мы имѣемъ въ настоящее время о происхожденіи Ив.-Александра и о связанныхъ съ нимъ двухъ вопросахъ: о возшествіи его на престолъ и отношеніяхъ къ сербскому кралю.

II.

Свѣдѣнія о родителяхъ Ив.-Александра пока имѣемъ слѣдующія. Въ Синодикѣ царя Борила въ спискѣ болгарскихъ царицъ читаемъ слѣдующее:

> **Кераци блгочьстивѣи деспотици**
> **матери великаго црѣ іѡанна**
> **(ѧлеѯа)ндра: въсприемшои на сѧ**
> **ѧ҆гͤгелскыи ѡ҆бразъ нареченнои**
> **Ѳеофана, вѣчнаа памѧть: ~**[1]).

Кантакузинъ же отмѣчаетъ, что болгарскіе бояре ἀδελφιδοῦν τοῦ προβεβασιλευκότος Μιχαήλ, Ἀλέξανδρον τὸν Στρεαντζιμήρου ἀπέδειξαν βασιλέα ἑαυτῶν[2]). Изъ этихъ двухъ извѣстій ясно видно, что родители Ив.-Александра были Страцимиръ и деспотица Кераца. Впрочемъ, имя Страцимира мы встрѣчаемъ у Кантакузина и на другомъ мѣстѣ, именно, гдѣ онъ разсказываетъ, что болгарскіе бояре, по смерти бездѣтнаго Тертерія II, τὸν τῆς Βιδύνης ἄρχοντα Μιχαὴλ τὸν παρ' αὐτοῖς δεσπότου τοῦ Στρεαντζιμήρου υἱὸν ἐκ τῶν Μυσῶν καὶ Κομάνων τὰς τοῦ γένους ἕλκοντα σειράς, προσκαλεσάμενοι ἀπέδειξαν βασιλέα ἑαυτῶν[3]). Изъ сопоставленія этихъ двухъ извѣстій Кантакузина не трудно замѣтить ихъ несогласіе, такъ какъ по первому Ив.-Александръ является *племянникомъ* царя Михаила III, а по второму — его *братомъ*. Очевидно, у Кантакузина тутъ есть—именно во второй цитатѣ—недоразумѣніе, которое, впрочемъ, легко можно исправить по другимъ извѣстіямъ. Никифоръ Григора[4]) и Григорій Цамблакъ[5]) называютъ Ив.-Александра также племянникомъ (ἀδελφιδοῦς, **нетїа**) Михаила; кромѣ того, изъ житія Милутина узнаемъ, что Михаилъ, **иже послѣди бысть царь вьсеи**

1) Изданіе Картографическаго института въ Софіи, 1896, стр. 63—64. — Изданіе М. Попруженко, Извѣстія Рус. Археол. Института въ Константинополѣ, т. V, текстъ, стр. 72.

2) Cantac. I, 459.

3) Ibidem, I, 175.

4) Niceph. Gregora's, Historia Byzantina, ed. Bon. 457.

5) Гласник, XI, 75.

ꙁемли бльгарьсцѣи, былъ сыномъ Шишмана, **вь ꙁемли бльгарьсцѣи кнеꙁь, живы въ градѣ рекомѣмь Бьдини**[1]), а въ грамотѣ Дечанскаго 1330 г. онъ прямо названъ **Михаиль Шишьманикь**[2]), изъ чего ясно видно, что во второмъ изъ приведенныхъ выше мѣстъ у Кантакузина вмѣсто *Στρεαντζιμήρου* должно стоять *Σισμάνου*. Это свидѣтельство житія и грамоты, сопоставленное съ послѣднимъ мѣстомъ изъ Кантакузина, также не даетъ намъ права предполагать, какъ это дѣлаетъ Николаевичъ, что Страцимиръ и Шишманъ одно и то же лицо. Это яснѣе всего будетъ видно изъ ниже приведеннаго ряда болгарскихъ царей, начиная съ Георгія Тертерія I Стараго, который мы находимъ въ другомъ спискѣ Синодика, принадлежащемъ проф. М. С. Дринову, которому тутъ высказываемъ свою глубокую благодарность за его любезное сообщеніе подлиннаго текста. Вотъ что мы здѣсь читаемъ:

.......положившоу[3]) дш҃ꙋ свою ꙁа
славеснаго стада х҃а б҃а и҆ сп҃а нашего и҆ свою
кровь пролїавшаго ꙁа ро҃ бльгарьскаго цр҃тва
и҆ прѣмѣнившꙋ на нб҃нѣмь ꙁемльное цр҃тво
вѣчнаа память: георгїю тертерїю старомꙋ
бл҃гочьстивомꙋ цр҃ꙋ вѣчна́а памет:
шишманꙋ бл҃говѣрномꙋ цр҃ꙋ вѣчна̀ паме҃:
деодорꙋ св҃еславꙋ бл҃гочьстивомꙋ цр҃ꙋ вѣчна̀ па҃:
георгїю тертéрїю бл҃гочьстивомꙋ цр҃ꙋ вѣчна́а:
страцими́рꙋ деспотꙋ. и҆ радославꙋ. и҆ димїтрꙋ
братїа҃ е҆го̀ вѣчнаа паме҃: михаи́лꙋ бл҃гочь
стївомꙋ цр҃ꙋ вѣчнаа паме: ї҆ѡа́ннꙋ степанꙋ
цр҃ꙋ сн҃ꙋ бл҃гочьстиваго цр҃ѣ михаи́ла вѣчнаа:
Сим҃ь ꙋбо правовѣрнї и҆ бл҃гочьстивїи при
снопаметнї православні цр҃е бг҃охранимаго
стола бльгарьскаго цр҃тва мимошьшї
и҆ по редꙋ въсѣ ꙋ҆страшающиї[4]). и҆ попеченїе и҆мꙋ.
щиї ѡ христоименитих люде҃ порꙋченїї и҆м бог҃
е҆ли́ко по силѣ, е҆дино нѣкое небрѣженїю
прѣдано бы҃. а҆ще и҆ начи́наемо̀ и҆ми нъ не до
конца съврьшаемо и ·е҆же и҆ не и҆справлено и҆....

---

1) Даничичъ, Животи, 117 и 119.

2) Miklosich, Monum. Serbica, 1858, стр. 100.

3) Передъ этимъ словомъ въ изданіи г. Попруженко (стр. 68) стоитъ а҆ и҆же, которыя, по мнѣнію г. Дринова не на своемъ мѣстѣ и нужно выбросить.

4) По предположенію г. Дринова, это слово ошибочно написано вм. ꙋстраающиї.

На этомъ словѣ, находящемся въ концѣ страницы, обрывается списокъ г. Дринова, дальнѣйшіе листы котораго кѣмъ-то уничтожены. Быть можетъ, вслѣдъ за этимъ общимъ славословіемъ слѣдовало славословіе Ив.-Александра и членовъ его семейства. Какъ бы то ни было, но приведенное мѣсто Синодика ясно свидѣтельствуетъ, что Шишманъ, который здѣсь названъ царемъ, вѣроятно, потому что во время гражданскихъ войнъ въ Болгаріи во второй половинѣ XIII вѣка онъ провозгласилъ себя самостоятельнымъ княземъ Бдина, не одна и та же личность, что и Страцимиръ. Уже то, что имя Страцимира вписано въ ряду болгарскихъ царей, показываетъ, что онъ былъ также членомъ царской фамиліи, какъ и Кераца, мать Ив.-Александра; кромѣ того, если принять во вниманіе, съ одной стороны, то, что и у Кантакузина отецъ Ив.-Александра называется также Страцимиромъ (Στρεαντζιμῆρος), а съ другой — то, что Страцимиръ въ Дриновскомъ спискѣ носитъ титулъ *деспота*, такъ же какъ въ Софійскомъ Кераца титулуется *деспотица*, то мы имѣемъ достаточное основаніе утверждать, что этотъ Страцимиръ былъ мужемъ Керацы и отцомъ Ив.-Александра. Доказательствомъ того, что отецъ Ив.-Александра носилъ имя Страцимира, служитъ еще и тогдашній обычай царской фамиліи Шишмановичей подновлять въ потомствѣ имена своихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Такъ, сынъ царя Михаила отъ Неды или Анны носилъ, какъ видно изъ Синодика, имя Іоанна-Степана[1]), а также и Шишмана, т. е. ему было дано имя дѣда его (Ивана?) Шишмана Стараго, отца Михаила, и вмѣстѣ съ тѣмъ и имя другого его дѣда Стефана Уроша II Милутина, отца Анны[2]); Иванъ Шишманъ, послѣдній болгарскій царь, имѣлъ двухъ сыновей, изъ которыхъ старшій назывался Александромъ[3]), очевидно, по имени дѣда своего Ив.-Александра; нѣтъ сомнѣнія, что и старшій сынъ Ив.-Александра отъ пер-

1) Въ житіи Дечанскаго онъ названъ просто Стефаномъ, Даничичъ, Животи, стр. 196.

2) По Кантакузину (II, 19—20), Михаилъ отъ Анны или Неды имѣлъ двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ назывался Іоанномъ, съ которымъ Анна послѣ терновскаго переворота убѣжала къ Стефану Дечанскому, а другой, старшій, Шишманъ, который искалъ убѣжища у скиѳовъ (татаръ). Очевидно, тутъ у Кантакузина есть опять недоразумѣніе. Онъ, вѣроятно, принялъ двойное имя сына Михаила за имена двухъ отдѣльныхъ личностей, тогда какъ изъ житія Дечанскаго (Даничичъ, Животи, стр. 195) легко можно понять, что Анна была отправлена въ Болгарію съ однимъ сыномъ, а изъ Синодика прямо видно, что у Михаила отъ Анны былъ только одинъ сынъ. Кромѣ того, сообщеніе Кантакузина, что Іоаннъ-Степанъ (= Шишманъ) убѣжалъ послѣ терновскаго переворота къ скиѳамъ, едва ли можно признать правдоподобнымъ, такъ какъ изъ дубровницкихъ историковъ знаемъ, что Анна вмѣстѣ съ сыномъ Шишманомъ уже въ 1332 г. находилась въ Дубровникѣ (Флоринскій, Южн. слав., 215); неправдоподобнымъ покажется оно еще и потому, что если Шишманъ убѣжалъ къ скиѳамъ, т. е. къ татарамъ, то едва ли бы онъ могъ убѣжать изъ рукъ Ив.-Александра, который еще въ 1331 г., въ первомъ году своего царствованія, находился съ татарами въ дружественныхъ отношеніяхъ.

3) Иречекъ, Исторія болгаръ, одес. изд. стр. 454.

вой его жены, Иванъ Страцимиръ, носилъ имя своего дѣда, деспота Страцимира, отца Ив.-Александра.

Но въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ находился деспотъ Страцимиръ къ бдинскимъ Шишмановичамъ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить, если рѣшимъ, въ какомъ родствѣ находился Ив.-Александръ съ царемъ Михаиломъ. Оба современные историки, Кантакузинъ[1]) и Григора[2]), называютъ Ив.-Александра ἀδελφιδοῦς Михаила; а Григорій Цамблакъ, какъ мы уже видѣли, называетъ его **нетїа цара того**, что̀ однозначуще съ греческимъ ἀδελφιδοῦς, слѣдовательно, въ вѣрности этого извѣстія не можетъ быть никакого сомнѣнія[3]). Вопросъ, который при этомъ является, слѣдующій: въ какомъ смыслѣ должно понимать ἀδελφιδοῦς — въ смыслѣ ли *сына брата* или же *сына сестры*, такъ какъ это слово означаетъ то и другое. По свидѣтельству Синодика, Страцимиръ имѣлъ двухъ братьевъ, Радослава и Димитрія, а по другимъ извѣстіямъ у Михаила было также двое братьевъ, Белауръ и Синадинъ[4]). Допустить, что Радославъ и Димитрій были тѣ же лица, что̀ и Белауръ и Синадинъ, нельзя уже потому, что, кромѣ яснаго различія въ именахъ, Белауръ, который былъ врагомъ Ив.-Александра, никоимъ образомъ не могъ попасть въ списокъ болгарскихъ царей Синодика, а потому заключать, что Страцимиръ былъ братомъ Михаила, и понимать ἀδελφιδοῦς въ смыслѣ сына брата дѣло невозможное. Слѣдовательно, остается принять, что Ив.-Александръ былъ сыномъ сестры царя Михаила, а отсюда деспотица Кераца, мать Ив.-Александра, была сестрою царя Михаила, а Страцимиръ деспотъ зятемъ его, чѣмъ и объясняется, что Иванъ

---

1) Cantac. I, 459.

2) Gregoras, 457.

3) Тутъ слѣдуетъ указать еще на одно извѣстіе о родственныхъ связяхъ Ив.-Александра къ Михаилу, которое встрѣчаемъ въ Дечанскомъ помянникѣ. Здѣсь читаемъ: благочьстиваго и приснопоминаего цара Оурошa и Єленоу монахїю: кралы Михаила бльгарскаго, Недоу кралицоу, Єленоу монахїю, и҆ сынь моу Ѧлександарь краль и младомь кралѣ Шишманѣ (Ст. Новаковичъ, Српски поменици XV—XVIII века, Гласник, XLII, 31). Однако, едва ли слѣдуетъ придавать этому свидѣтельству особенное значеніе, во 1-хъ, потому что оно не согласуется съ другими современными извѣстіями, и, во 2-хъ, потому что оно носитъ на себѣ характеръ позднѣйшей прибавки. Вѣроятно, на этомъ свидѣтельствѣ основано и мнѣніе проѳ. Иречка о томъ, что Ив.-Александръ былъ сыномъ Михаила, высказанное имъ въ статьѣ: «Българский царь Срацимиръ Видинский» СПС. кн. I (1882), стр. 36.

4) Cantac. I, 464 и 468. — Даничичъ, Животи, 193. — Предисловіе Законника Ст. Душана, изд. Ст. Новаковича, стр. 3. — Слѣдуетъ ли въ этомъ Синадинѣ видѣть извѣстнаго византійскаго протостратора Θеодора Синадина, который игралъ важную роль при Андроникѣ III и въ борьбѣ Кантакузина съ Апокавкомъ (ср. Cant. I, 504, 509, 512, II, 77, 191; Greg. 623, 626, 634, 635), трудно сказать. По г. Иречку (Княжество Болгарія, болгар. перев. II, 801), который отождествляетъ упомянутаго въ надписи месемврійской иконы Божіей Матери (Сбм. IV, 103) дяди Ив.-Александра съ этимъ протостраторомъ, мы могли бы принять, что дѣйствительно Θеодоръ Синадинъ былъ дядей Ив.-Александра, если бы не помѣшало то обстоятельство, что какъ разъ въ 1342 г., къ которому относится месемврійская надпись, Θеодоръ Синадинъ не жилъ въ Месемвріи, а дѣйствовалъ въ Македоніи (Gregr. 635).

Шишманъ, сынъ Ив.-Александра отъ второй его жены, носилъ имя своего прадѣда (по матери) Шишмана Стараго.

Что же касается происхожденія Страцимира, то едва ли можно отрицать его болгарскій родъ. Кантакузинъ сообщаетъ, что царь Михаилъ велъ свой родъ отъ болгаръ и кумановъ (ἐκ τῶν Μυσῶν καὶ Κομάνων τὰς τοῦ γένους ἕλκοντα σειράς), слѣдовательно, или отецъ Михаила, Шишманъ, былъ куманомъ, а мать его болгаркой, или же наоборотъ. Выходъ изъ этой альтернативы открываетъ намъ до извѣстной степени какъ имя Шишмана, такъ и имена его сыновей, Белаура и Синадина, которыя ясно указываютъ на ихъ куманское происхожденіе, а это даетъ намъ достаточное основаніе думать, что первая жена Шишмана Стараго была болгарка, при томъ, конечно, изъ царскаго рода, потому что только этимъ можно объяснить права Михаила на терновскій престолъ и мирное его избраніе на царство послѣ смерти бездѣтнаго Георгія Тертерія II. Это стремленіе Шишмана породниться съ болгарскимъ царскимъ домомъ и избѣгать всякаго родства съ сербскимъ указываетъ на то, что онъ выдалъ свою дочь за знатнаго болгарскаго боярина, какъ это показываетъ и титулъ Страцимира. Правда, Шишманъ самъ былъ женатъ на дочери сербскаго воеводы Драгоша, а сынъ его Михаилъ — на дочери краля Милутина, но эти браки были принужденные, силою устроенные, а потому при первомъ случаѣ расторгались, какъ это сдѣлалъ Михаилъ съ Анной, вступивши на болгарскій престолъ. Если къ этимъ соображеніямъ прибавимъ и то, что въ данное время не находимъ въ Сербіи ни одного изъ тогдашнихъ государственныхъ мужей съ именемъ Страцимира, то болгарское происхожденіе отца Ив.-Александра остается внѣ всякаго сомнѣнія.

Изъ другихъ членовъ семейства Ив.-Александра намъ извѣстны Елена, жена Душана, и Ѳеодора, ея сестра, о которыхъ мы имѣемъ, какъ уже видѣли, прямыя свидѣтельства, что онѣ были сестрами Александра. Что же касается его брата, прозваннаго Комниномъ, о которомъ мы узнаемъ изъ Епирской хроники, то, не имѣя пока достаточныхъ данныхъ, трудно сказать, кто онъ былъ и какимъ образомъ могъ жениться на деспотицѣ епирской Аннѣ. Конечно, если бы мы рѣшились слѣдовать пріему Николаевича и Средковича, могли бы сдѣлать массу предположеній[1]), но они всегда останутся простыми предположеніями и не только не будутъ шагомъ къ истинѣ, а, напротивъ, еще болѣе затемнятъ ее.

1) Если, напр., предположить, что въ Епирской хроникѣ ошибочно опредѣлено родство деспота Комнина съ Ив.-Александромъ, т. е. что онъ былъ дядей, а не братомъ Ив.-Александра, то было бы возможно съ извѣстной достовѣрностью видѣть въ немъ дядю Ив.-Александра Белаура, которому вполнѣ соотвѣтствовало бы выраженіе ἄρχοντά τινα ἐκ τοῦ Βουλγάρων γένους. Какъ увидимъ ниже, послѣ потушенія его возстанія въ 1332 г. Белауръ убѣжалъ въ Сербію, а оттуда, вѣроятно, послѣ брака Душана съ Еленой, удалился

Итакъ, на основаніи домашнихъ, сербскихъ и византійскихъ свидѣтельствъ ясно доказывается, что Ив.-Александръ не происходилъ ни отъ знатнаго сербскаго рода и даже не могъ расти и воспитываться въ Сербіи, а велъ свой родъ отъ тѣхъ же самыхъ бдинскихъ Шишмановичей, какъ и его предшественникъ, царь Михаилъ, только по женской линіи; а почему, по смерти Михаила, на терновскій престолъ вступила женская линія Шишмановичей, когда еще были представители ихъ рода по мужской линіи, увидимъ ниже. Точно такъ же то, что Ив.-Александръ не могъ жить въ Сербіи до восшествія своего на престолъ и не могъ провожать Стефана Дечанскаго и Душана въ Вельбуждскій бой противъ Михаила, доказывается словами самого Душана, который вотъ что пишетъ въ предисловіи своего «Законника»: а позавидевь злоненавист'никь діаволь нашемоу благомоу житїю и злон'равїемь вьзд'вижє на нась ·з· царевь вь лѣтѣ ·ѕѿлн· мѣсеца їоунїа ·дı· день, рекоуж' и цара грчаскаго (?), Михаила и брата его Белаоура, и Алексен'дра цара Бльгаромь, и Басарабоу Иван'ка, таста Алексен'дра цара, соумегь живоуштих чрьныихь Татарь и господство ѩшко и прочїимь съ-ш-нимь господа. Сїимь въсѣмь пришьдшимь на нась, хотешти, по неразоумїю своемоу, ѩко нѣчто слатко, пожрѣти нась, и землю отьчьствїа нашего разделити себе, вь рабство нима предати [1]). Не можетъ и быть лучшаго и болѣе надежнаго доказательства не только того, что Ив.-Александръ не жилъ въ Сербіи до Вельбуждскаго сраженія и въ немъ не участвовалъ на сторонѣ сербовъ, но и того, что онъ былъ даже союзникомъ и соратникомъ Михаила противъ Дечанскаго и Душана.

во владѣнія Анны епирской, на которой впослѣдствіи, когда ея владѣнія были завоеваны сербами, онъ и могъ жениться по настоянію Душана, который хотѣлъ, вѣроятно, избавиться отъ этой опасной женщины. — Вообще о личности этого деспота Комнина, по нашему мнѣнію, можно сказать то, что Комнинъ было не первоначальнымъ его собственнымъ именемъ, а только его прозвищемъ, какъ это ясно видно изъ самого текста хроники: δεσπότην Κομνηνὸν καλούμενον. Г. Дестунисъ вмѣстѣ съ Мустоксидіемъ предполагаетъ, что этотъ Комнинъ получилъ свое имя «отъ какой-либо изъ своихъ праматерей» (Ср. его изд. Епирской хроники, стр. 5, примѣчаніе 11). Но намъ кажется, что какъ титулъ деспота, такъ и само имя Комнина были даны этому болгарскому князю послѣ его брака съ Анной, которая, лишившись своихъ наслѣдственныхъ владѣній и сдѣлавшись владѣтельницей Канины и Бѣлграда, захотѣла, вѣроятно, сохранить титулъ и родовое имя старыхъ епиро-ѳессалійскихъ владѣтелей. Должно при этомъ замѣтить, что имя «Комнинъ» въ исторіи Епира играетъ ту же самую роль, что и имя «Асѣнь» въ исторіи Болгаріи, т. е. всѣ владѣтели епиро-ѳессалійскіе прибавляли къ своему имени прозвище Комнинъ, чтобы показать свою связь со старой фамиліей знаменитаго епирскаго деспота, а послѣ и солунскаго императора Ѳеодора Ангела Комнина, современника болгарскаго царя Ивана Асѣня II. Этотъ обычай поддерживался даже послѣ присоединенія Епира къ сербскому царству. Такъ, кесарь Прилупъ означенъ въ заглавіи Епирской хроники подъ именемъ Κομνηνός, что̀ ему было дано авторомъ хроники, потому что онъ по смерти Ивана Ангела въ 1349 г. сталъ непосредственнымъ наслѣдникомъ владѣній старыхъ епирскихъ Комниновъ. Это подтверждается и тѣмъ, что нигдѣ на другомъ мѣстѣ Прилупъ не названъ этимъ именемъ, да и самъ онъ едва ли такъ называлъ себя.

1) Изд. Ст. Новаковича, стр. 3.

Отсюда и всякое мнѣніе, что Ив.-Александръ будто бы былъ посланъ въ Болгарію Дечанскимъ съ войскомъ на помощь царицѣ Аннѣ и ея сыну, какъ это думаетъ Николаевичъ, а съ нимъ и всѣ, принявшіе его мнѣніе, остается простымъ предположеніемъ, не подтвержденнымъ никакими доказательствами. Впрочемъ, оба эти мнѣнія Николаевича лучше всего опровергаются обстоятельствами, при которыхъ произошло избраніе Ив.-Александра болгарскимъ царемъ.

Послѣ Вельбуждской битвы 28-го іюля 1330 г., въ которой палъ мертвымъ царь Михаилъ III, Стефанъ Дечанскій, побѣдитель болгаръ, не воспользовался своей блестящей побѣдой такъ, какъ можно было-бы ожидать. Вмѣсто того, чтобы уничтожить независимость Болгаріи и присоединить ее къ сербскому королевству, какъ ему предлагали, по свидѣтельству житія того же краля, болгарскіе бояре, во главѣ съ Михаиловымъ братомъ Белауромъ, онъ ограничился только однимъ желаніемъ—возвратить болгарскій престолъ сестрѣ своей Аннѣ и ея сыну Іоанну-Степану[1]). Каковы были причины, внушившія Дечанскому мысль ограничиться только этимъ желаніемъ, не мѣсто здѣсь говорить. Мы только констатируемъ, что это желаніе Дечанскаго пришлось по сердцу нѣкоторымъ болгарскимъ боярамъ, во-1-хъ, потому, что этимъ актомъ охранялась внутренняя независимость Болгаріи, которая теперь находилась бы только подъ внѣшнимъ вліяніемъ сербскаго короля, и, во 2-хъ, потому, что имъ предоставлялась возможность при слабомъ управленіи женщины съ малолѣтнимъ сыномъ захватить власть въ свои руки и стать господами положенія въ странѣ[2]). Однако прошло не много времени, послѣ того какъ опасность со стороны Сербіи исчезла и царица Анна прибыла въ Терново съ сыномъ и нѣсколькими сербскими вельможами — и между болгарскими боярами не замедлилъ проявиться раздоръ.

По свидѣтельству Никифора Григоры, въ это время въ Терновѣ шла борьба между первой женой убитаго царя Михаила — сербкой Анной и родственниками Михаила, которые держали сторону его второй жены Ѳеодоры, вдовы царя Святослава и сестры императора Андроника III, которая, по прибытіи Анны въ Терново, должна была спасаться бѣгствомъ. Слѣдовательно, здѣсь шла борьба между двумя партіями — сербской и болгарской, которыя оспаривали другъ у друга верховную власть[3]). Борьба

1) Даничичъ, Животи, стр. 193—195.

2) Cantac. I, 430 прямо указываетъ на заинтересованность болгарскихъ бояръ въ этомъ дѣлѣ, говоря: οἱ δυνατοὶ παρὰ Μυσοῖς, τοῦ σφετέρου βασιλέως Μιχαὴλ ἀποθανόντος, εἴτε Στέφανον θεραπεύοντος τὸν Κράλην, εἴθ' ὅ, τι ἕτερον διανοούμενοι, τὴν μὲν βασιλέως ἀδελφὴν ἀπήλασαν μετὰ τῶν τέκνων, τῇ δὲ ἀδελφῇ Στεφάνου, ᾗ πρότερον συνῴκει Μιχαὴλ, ἅμα τέκνοις τά τε βασίλεια παρέδοσαν τῶν Μυσῶν καὶ τὴν ἀρχήν.

3) Gregoras, 457: Ἐς δὲ τοὐπιὸν ἔτος ἀκούων ὁ βασιλεὺς διασπωμένην τὴν τῶν Βουλγά-

эта нашла сильную опору въ сербскихъ междоусобицахъ, когда какъ Дечанскій, такъ и сынъ его Душанъ, занятые своей кровавой борьбой, мало обращали вниманія на то, что̀ творилось въ Терновѣ съ ихъ ставлениками[1]). Еще болѣе обострилась эта борьба, когда императоръ Андроникъ, желая воспользоваться смутнымъ временемъ въ Болгаріи, началъ неожиданную войну съ намѣреніемъ отвоевать обратно занятыя царемъ Михаиломъ южно-болгарскія области, подъ предлогомъ, будто желаетъ отомстить болгарамъ за то, что они изгнали его сестру, царицу Θеодору. Въ короткое время Андроникъ успѣлъ завладѣть всѣми укрѣпленными городами къ югу отъ восточныхъ Балканъ, отъ р. Тунджи до Чернаго моря[2]). Это неожиданное нападеніе и завоеваніе византійцевъ, которымъ правительство Анны не было въ состояніи оказать никакого сопротивленія, и потеря стольких болгарскихъ городовъ были достаточными причинами для того, чтобы въ Терновѣ вспыхнулъ открытый бунтъ недовольныхъ правленіемъ царицы-сербки. Послѣ долгой борьбы[3]) весною 1331 г. терновскіе бояре, протовестіарій Раксина и логоѳетъ Филиппъ, которые, судя по всему, были руководителями противной правительству партіи, свергли съ престола Анну, которая вмѣстѣ съ сыномъ убѣжала къ своему племяннику Душану, и, успѣвъ убѣдить и другихъ болгарскихъ бояръ, провозгласили царемъ Ив.-Александра, племянника убитаго царя Михаила[4]). Съ низверженіемъ и изгнаніемъ Анны и ея сына изъ Болгаріи, пала сила и значеніе приверженцевъ сербской партіи и прежде всѣхъ дяди Ив.-Александра, Белаура, который въ самомъ дѣлѣ стоялъ во главѣ этой партіи.

Изъ житія Дечанскаго мы узнаемъ, что этотъ Белауръ, братъ Михаила, стоялъ во главѣ тѣхъ болгарскихъ вельможъ, которые отправили къ сербскому кралю, когда онъ стоялъ лагеремъ у с. Извора, пословъ съ предложеніемъ присоединить Болгарію къ сербскому королевству[5]). Въ этомъ поступкѣ Белаура ясно проглядываетъ и его цѣль и стремленіе. Мы не знаемъ, было ли заранѣе извѣстно желаніе Дечанскаго Белауру и его соумышленникамъ; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Белауръ былъ однимъ изъ главныхъ лицъ въ правительствѣ Анны, когда она была возвращена на болгарскій престолъ, такъ какъ онъ явно стремился извлечь пользу для себя изъ желанія Дечанскаго, чтобы если не захватить власть

ρων ἀρχὴν ὑπό τε τῆς προτέρας τοῦ Μιχαήλου γυναικὸς ὑπό τε τῶν τοῦ Μιχαήλου συγγενῶν (ἡ γὰρ τοῦ βασιλέως ἀδελφὴ μόλις ἐκεῖθεν φυγοῦσα τὸ ζῆν ἐπορίσατο), πολλῶν οὖν ἐκεῖ μαχουμένων καὶ ὑπὲρ τῆς ἀρχῆς ἀντιποιουμένων.

1) Флоринскій, Южн. слав. II, 59 и сл.

2) Cantac., I, 431. — Gregoras, 458. — К. Радченко, Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ, Кіевъ, 1898, стр. 3 и 4.

3) Gregor. 458: μετὰ πολλοὺς τοὺς περὶ τῆς ἀρχῆς ἀγῶνας.

4) Cantac. I, 458.

5) Даничичъ, Животи, 193.

въ свои руки, то, по крайней мѣрѣ, стать во главѣ управленія отъ имени своего племянника, и какъ дядя — опекунъ молодого царя[1]). Однако его расчеты оказались не вѣрными. Послѣ сверженія и изгнанія царицы Анны и Іоанна-Степана, Белауръ былъ принужденъ покинуть Болгарію вмѣстѣ съ ними и искать защиты у сербскаго краля. Этимъ и объясняется, почему терновскіе бояре выдвинули не Белаура, которому по праву старшинства въ родѣ и по мужской линіи принадлежалъ бы болгарскій престолъ, а его племянника Ив.-Александра, стоявшаго, очевидно, далеко отъ всякаго сербскаго вліянія, которое въ данный моментъ было совсѣмъ непопулярно въ Болгаріи. Это обстоятельство еще разъ подтверждаетъ, что Ив.-Александръ вступилъ на престолъ не только безъ содѣйствія Дечанскаго или Душана, но даже вопреки интересамъ ихъ приверженцевъ въ Болгаріи.

Белауръ однако все еще не терялъ надежды свергнуть своего племянника и возвратить себѣ высокое положеніе съ реставраціей Іоанна-Степана на болгарскомъ престолѣ. Онъ ждалъ только удобнаго момента, каковой ему и представился въ византійской войнѣ. Эту войну Ив.-Александръ началъ скоро по восшествіи своемъ на престолъ, еще въ томъ же 1331 г. Пользуясь тѣмъ, что императоръ Андроникъ былъ занятъ войною съ турками въ Малой Азіи, онъ вторгся въ предѣлы имперіи и, достигнувъ Орестіады, успѣлъ отнять у византійцевъ всѣ утраченные въ предыдущемъ году города и крѣпости, за исключеніемъ Месемвріи, которая осталась въ рукахъ византійцевъ. Такъ удачно совершилъ Ив.-Александръ первый свой походъ и, по словамъ Григоры, съ радостью и большою добычею возвратился въ Терново[2]). Однако этотъ успѣхъ болгарскаго царя не былъ оставленъ безъ вниманія въ Византіи. Какъ только Андроникъ обезпечилъ себя со стороны турокъ, которые отступили отъ Никомидіи, онъ

---

1) Быть можетъ, какъ привязанность Белаура къ Аннѣ и ея сыну, такъ и его притязаніе на власть слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что онъ былъ сыномъ Шишмана Стараго отъ второй его жены, дочери сербскаго воеводы Драгоша, что̀ очень можетъ быть, если только бракъ Шишмана съ дочерью Драгоша должно отнести ко времени вскорѣ послѣ 1292 г., къ которому Шафарикъ относитъ войну Шишмана съ Милутиномъ (Иречекъ, Исторія болгаръ, одес. изд. 373).

2) Gregoras, 458. — Cantac. I, 459, говоритъ объ этомъ походѣ очень кратко и даже не отмѣчаетъ, чѣмъ онъ кончился; онъ какъ будто ставитъ его въ непосредственную связь со вторымъ походомъ Ив.-Александра, вызваннымъ нападеніемъ Андроника. Но по всему видно, что Григора въ изложеніи событій 1331 г. является болѣе послѣдовательнымъ и точнымъ. Вторженіе Ив.-Александра у него представлено одновременнымъ съ нападеніемъ турокъ на Никею, что̀ весьма вѣроятно, такъ какъ имъ объясняется свободное шествіе болгарскаго царя на югъ и мирное возвращеніе южно-болгарскихъ городовъ, потому что всѣ силы и вниманіе Андроника были поглощены дѣйствіями противъ турокъ. Въ такомъ же стѣсненномъ положеніи находился Андроникъ и въ концѣ 1331 г., такъ какъ возобновленное Душаномъ завоеваніе Македоніи въ это время шло также безъ всякаго сопротивленія (Флоринскій, Южн. сл. II, 67 и сл.).

въ началѣ слѣдующаго 1332 года обратился противъ болгаръ. Собравши сильное войско, Андроникъ неожиданно вторгся во владѣнія болгаръ и, производя страшныя опустошенія, въ скоромъ времени занялъ вновь южноболгарскіе города, за исключеніемъ Анхіала, который охранялся болгарскимъ гарнизономъ. Ив.-Александръ, узнавъ о неожиданномъ нападеніи Андроника, собралъ наскоро все свое войско и выступилъ къ Айтосу, гдѣ и расположился лагеремъ въ виду византійскаго войска, расположеннаго у Русокастра. Однако вмѣсто немедленныхъ дѣйствій противъ императора, который напрасно вызывалъ болгаръ на сраженіе, Ив.-Александръ, не медля долго, вступилъ съ Андроникомъ въ переговоры о мирѣ[1]). Нѣтъ сомнѣнія, что это миролюбіе Ив.-Александра должно объяснить нестолько сознаніемъ своего безсилія, сколько тѣмъ критическимъ положеніемъ, въ которомъ онъ очутился въ данный моментъ: къ этому времени именно относится возстаніе его дяди Белаура, потому что, во 1-хъ, исходъ византійской войны зависѣлъ отъ него и, во 2-хъ, потому что какъ разъ въ то время, когда шли переговоры, по разсказу Кантакузина, между Ив.-Александромъ и Андроникомъ, возстаніе уже было поднято, и Белауръ успѣлъ оторвать часть отъ владѣній Ив.-Александра, ограбивъ страну и причинивъ ей много вреда[2]). Въ какомъ соотношеніи находились возстаніе Белаура и нападеніе Андроника, у Кантакузина не показано; но имѣя въ виду, что Ив.-Александръ немедленно, по прибытіи къ Айтосу, вступилъ въ переговоры, должно полагать, что возстаніе вспыхнуло или одновременно съ нападеніемъ Андроника, или же вскорѣ послѣ него. Во всякомъ случаѣ едва ли можно отрицать связь возстанія Белаура съ нападеніемъ Андроника, на которое дядя Ив.-Александра, вѣроятно, очень много разсчитывалъ для того, чтобъ обезпечить себѣ успѣхъ въ борьбѣ съ племянникомъ, а потому и возстаніе нужно отнести къ первой половинѣ 1332 года. Какъ бы то ни было, извѣстіе Кантакузина объ этомъ возстаніи достаточно для того, чтобъ объяснить въ связи съ предшествовавшими событіями, какова была цѣль этого возстанія и вообще какую роль игралъ Белауръ по изгнаніи Анны и Іоанна-Степана изъ Тернова. Положеніе Ив.-Александра было очень затруднительно, но онъ не потерялъ присутствія духа. Онъ послалъ союзные отряды татаръ противъ Белаура, а самъ при Айтосѣ употребилъ всѣ средства для того, чтобъ отвлечь вниманіе императора разными предложеніями о мирѣ, пока снова соберетъ свои силы, и уже тогда ударить на византійцевъ. Его планъ оказался вполнѣ удачнымъ. Насколько можно судить по словамъ Кантакузина, бунтъ Белаура былъ потушенъ; а по возвращеніи татарскихъ отрядовъ, Ив.-Александръ напалъ на визан-

1) Cantac. I, 460 и сл. — Радченко, указ. сочин., стр. 6 и слѣд.
2) Cantac. I, 464.

тійцевъ совсѣмъ неожиданно, и война окончилась знаменитымъ сраженіемъ и миромъ при Русокастрѣ 18-го іюля 1332 года.— Итакъ ту роль, которая приписывается сербскими историками Ив.-Александру, игралъ скорѣе Белауръ, ставшій въ самомъ дѣлѣ во главѣ сербской партіи въ Болгаріи изъ-за своихъ властолюбивыхъ стремленій; и ясно, что избраніе и утвержденіе Ив.-Александра на болгарскомъ престолѣ совершилось только потому, что онъ былъ свободенъ отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ сербскому кралю. Что это такъ, показываютъ и самыя политическія отношенія, въ которыхъ Болгарія стала по отношенію къ Сербіи еще въ самомъ началѣ царствованія Ив.-Александра.

Обыкновенно историки, принявшіе мнѣніе о сербскомъ происхожденіи Ив.-Александра, указываютъ на хронологическое совпаденіе терновскаго переворота съ возстаніемъ Душана противъ своего отца, а также на послѣдовавшій вскорѣ бракъ Душана съ сестрою Ив.-Александра, какъ на событія, которыя заставляютъ предполагать какую-то тѣсную внутреннюю связь между ними и считать безспорнымъ тотъ фактъ, что Душанъ и Ив.-Александръ, взаимно обязанные другъ другу въ достиженіи престола, съ самаго начала ихъ государственной дѣятельности оказываются связанными между собою столько же узами близкаго родства, сколько извѣстною солидарностью цѣлей и стремленій [1]). Однако, если принять во вниманіе, что Ив.-Александръ вовсе не происходилъ изъ сербскаго рода, и если ближе всмотрѣться въ событія первыхъ годовъ царствованія этихъ двухъ государей, то легко убѣдиться, что близкія и мирныя ихъ отношенія основывались совсѣмъ на другихъ началахъ.

Прежде всего государственный переворотъ, произведенный противной правительству Анны партіей въ Болгаріи, не совпадаетъ такъ пунктуально съ переворотомъ Душана въ Сербіи: первый произошелъ въ началѣ весны 1331 г., а второй — въ началѣ осени, въ первыхъ числахъ сентября того же года, слѣдовательно, тутъ былъ довольно продолжительный промежутокъ времени, въ теченіе котораго междоусобіе въ Сербіи могло дать возможность болгарамъ успокоиться послѣ новыхъ перемѣнъ и дать уже извѣстное направленіе ходу событій. Когда Душанъ свергнулъ и убилъ своего отца, провозгласивъ себя самодержавнымъ государемъ Сербіи, избраніе и восшествіе Ив.-Александра на болгарскій престолъ было уже фактомъ совершившимся, къ которому Душанъ не могъ имѣть никакого отношенія, тѣмъ болѣе принять участіе въ немъ. Кромѣ того, нужно отмѣтить и то, что партія протовестіарія Раксины и логоѳета Филиппа не стремилась только къ тому, чтобы свергнуть Анну и ея сына съ болгарскаго

1) Флоринскій, Южн. сл. II, 213—214.

престола; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это дѣйствіе было только внѣшней формы, за которой скрывалась другая цѣль, другое болѣе важное стремленіе — парализировать сербское вліяніе, водворенное въ Болгаріи послѣ Вельбуждскаго сраженія, уничтоженіемъ противной сербской партіи, во главѣ которой стоялъ, какъ мы уже видѣли, дядя Ив.-Александра, Белауръ. Само собою разумѣется, что при такомъ стремленіи немыслимо утверждать, что терновскіе бояре выставили бы кандидатомъ болгарскаго престола лицо, которое было бы ставленикомъ сербскаго краля или находилось бы съ нимъ въ какихъ-нибудь близкихъ отношеніяхъ, слѣдовательно, и тутъ видимъ, что Ив.-Александръ не могъ имѣть какихъ бы то ни было обязательствъ по отношенію къ Душану, такъ какъ его избраніе на царство было дѣломъ чисто внутреннимъ, дѣломъ терновскихъ бояръ. Воцареніе Ив.-Александра скорѣе можно считать неожиданнымъ сюрпризомъ, сдѣланнымъ Душану со стороны болгаръ; и если послѣдній въ первое время еще не оказалъ извѣстнаго сопротивленія новому болгарскому правительству, то къ такому бездѣйствію онъ былъ принужденъ потому, что онъ самъ весь былъ поглощенъ тѣмъ, какъ бы упрочить за собою сербскій престолъ, а позже, когда онъ сталъ уже самодержавнымъ государемъ Сербіи, положеніе дѣлъ было совсѣмъ другое. Едва ли можно утверждать, что Душанъ съ самаго начала уже почувствовалъ себя достаточно укрѣпленнымъ на престолѣ для того, чтобы принять спокойно какія то ни было мѣропріятія для противодѣйствія болгарамъ. Несомнѣнно, у него было много враговъ въ лицѣ властелей его отца, которыхъ онъ немало опасался. Кромѣ того, Вельбуждское сраженіе было еще свѣжо въ памяти болгаръ, которые рано или поздно думали отомстить сербамъ за жестокое пораженіе, такъ что, при такихъ условіяхъ извнѣ и внутри государства, Душанъ не могъ расчитывать на положительный успѣхъ въ случаѣ войны съ болгарами. Наконецъ, сербскій краль не могъ считать себя гарантированнымъ безопасностью и со стороны Византіи, такъ какъ его жестокій поступокъ съ Маріей Палеологъ, женою Дечанскаго, произвелъ въ Константинополѣ не особенно выгодное для него впечатлѣніе: отсюда онъ долженъ былъ ожидать также отомщенія, которому онъ не былъ въ состояніи противостоять, если бы на первыхъ порахъ сталъ во враждебныя отношенія къ болгарамъ. Всѣ эти обстоятельства, окружавшія Душана при восшествіи его на престолъ, и заставили его примириться съ новымъ положеніемъ дѣлъ въ сосѣдней Болгаріи. Но и этого было мало. Когда онъ еще въ качествѣ соправителя своего отца объявилъ себя продолжателемъ завоевательной политики своего дѣда Милутина насчетъ Византійской имперіи и когда, быть можетъ, уже зародилась у него идея занять престолъ восточныхъ императоровъ, Душанъ прекрасно сознавалъ, что для осуществленія этой идеи онъ долженъ

былъ бы поддерживать дружественныя отношенія съ болгарами, которые все же могли ему помѣшать. Вотъ почему онъ не только примирился съ избраніемъ и провозглашеніемъ Ив.-Александра болгарскимъ царемъ, но еще долженъ былъ искать средствъ для сближенія съ нимъ, что̀ дѣйствительно и случилось.

Мы не знаемъ, кто изъ двухъ государей сдѣлалъ первый шагъ къ тому; но несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что мирныя сношенія между Душаномъ и Ив.-Александромъ послѣдовали еще въ первомъ году ихъ воцаренія, вѣроятно тотчасъ же по восшествіи Душана на престолъ и послѣ перваго удачнаго похода Ив.-Александра противъ византійцевъ, въ концѣ 1331 г. Каковы были условія этого соглашенія, также неизвѣстно; однако, на основаніи дальнѣйшихъ отношеній между ними, можно предположить, что Душанъ согласился отказаться отъ всякихъ притязаній на Болгарію и признать полную политическую независимость болгарскаго царя; а Ив.-Александръ съ своей стороны обѣщался быть навсегда его другомъ и не мѣшать ему въ его наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Византіи, такъ какъ онъ отлично сознавалъ политическое превосходство Сербіи въ данную эпоху. Къ этимъ условіямъ, вѣроятно, нужно отнести и оговорку, что изгнанная царица Анна и ея сынъ Іоаннъ-Степанъ покинутъ Сербію, что̀ и случилось, потому что въ слѣдующемъ 1332 году, вѣроятно, послѣ потушенія бунта Белаура, эти изгнанники уже жили въ Дубровникѣ. Но этимъ не опредѣлялись окончательно отношенія между Ив.-Александромъ и Душаномъ. Хотя возстаніе Белаура было потушено и Іоаннъ-Степанъ удалился въ Дубровникъ, однако Ив.-Александръ не могъ считать себя гарантированнымъ въ томъ, что этимъ положенъ конецъ всякимъ другимъ попыткамъ со стороны враждебныхъ ему бояръ, какимъ былъ его дядя Белауръ, поднять снова династическій вопросъ. Изгнанный сынъ Михаила, Іоаннъ-Степанъ, жилъ еще съ своей матерью въ Дубровникѣ, откуда онъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, могъ, подъ покровительствомъ и съ помощью самихъ сербовъ, выступить при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ законный претендентъ на болгарскій престолъ. Чтобы предупредить всѣ эти возможности, Ив.-Александръ, по заключеніи Русокастринскаго мира лѣтомъ 1332 г., обратился къ Душану съ просьбой выдать ему царицу Анну и ея сына. Душанъ въ силу существовавшихъ уже мирныхъ отношеній между Болгаріей и Сербіей обѣщалъ исполнить просьбу Ив.-Александра, но не могъ сдержать обѣщанія, потому что дубровчане отказали категорически выдать ех-царя и его мать. Это обстоятельство немало встревожило болгарскаго царя и заставило его искать другихъ средствъ, чтобъ устранить всякую возможность угрозы со стороны молодого Іоанна-Степана при содѣйствіи сербовъ. Тогда былъ поднятъ вопросъ

о бракѣ Душана съ сестрой Ив.-Александра, Еленою, который и въ самомъ дѣлѣ послѣдовалъ въ концѣ того же 1332 г. или же въ началѣ 1333 года.

Хотя до насъ не дошло подробностей о заключеніи этого брака, всетаки мы не можемъ отрицать его политическаго характера, какъ и всѣхъ тогдашнихъ царскихъ браковъ. Для Душана этотъ бракъ имѣлъ то значеніе, что имъ онъ могъ если не сдѣлать Ив.-Александра своимъ союзникомъ, то, по крайней мѣрѣ, еще тверже укрѣпить дружественныя отношенія съ нимъ и устранить всякую помѣху съ стороны болгарскаго царя въ погонѣ за достиженіемъ своихъ властолюбивыхъ и завоевательныхъ стремленій насчетъ Византіи; съ другой же стороны, этимъ бракомъ Ив.-Александръ могъ считать себя обезпеченнымъ въ томъ, что Душанъ никогда не будетъ поддерживать Іоанна-Степана въ его попыткахъ возвратить себѣ престолъ своего отца. Поэтому очень вѣроятнымъ является и то, что при заключеніи этого брака было уговорено, что Душанъ навсегда не только отказывается поддерживать болгарскаго ех-царя въ его домогательствахъ на болгарскій престолъ, но и избавитъ Ив.-Александра отъ этого претендента. Оно подтверждается тѣмъ, что въ 1334 г. сербскій краль предпринялъ цѣлый походъ противъ Дубровника за его отказъ выдать Анну и ея сына— съ одной стороны[1]), а съ другой и тѣмъ, что самъ Іоаннъ-Степанъ послѣ этого былъ принужденъ покинуть Дубровникъ и искать убѣжище сначала въ Византіи, съ помощью которой онъ надѣялся, можетъ быть, возвратить себѣ отцовскій престолъ[2]), а потомъ въ Неаполѣ, у своего родственника по матери, короля Роберта, гдѣ онъ остался на службѣ и сталъ извѣстенъ подъ именемъ Людовика[3]).

Что же касается показанія дубровницкихъ историковъ Ристича и особенно Лукарича, которое находится въ связи съ вопросомъ о выдачѣ изгнанниковъ, будто Ив.-Александръ обязался быть въ какихъ-то васальныхъ отношеніяхъ къ Душану, выражавшихся въ какихъ-то подаркахъ и обязанности доставлять военную помощь Сербіи, то мы здѣсь не будемъ останавливаться на немъ, потому что профессоръ Т. Д. Флоринскій превосходно выставилъ его несостоятельность и обстоятельно изложилъ вообще дальнѣйшія политическія отношенія между Болгаріей и Сербіей при Ив.-Александрѣ и Стефанѣ Душанѣ[4]), которыя, по его изслѣдованіямъ, г. К. Радченко формулировалъ въ слѣдующихъ словахъ: «Факти-

---

1) Флоринскій, Южн. слав. II, 215, 269.
2) Cantac., II, 19—24.
3) Макушевъ, Исторія болгаръ въ трудѣ К. Иречка въ Ж. М. Н. Пр., 1878, май 72—78.
4) Флоринскій, ibidem, 214—228.

ческая независимось внѣшней политики Болгаріи отъ Сербіи поставлена внѣ всякаго сомнѣнія извѣстіями современниковъ, византійскихъ историковъ Кантакузина и Григоры. Не только оба государя дѣйствуютъ въ своей внѣшней политикѣ вполнѣ самостоятельно, но нерѣдко ихъ интересы расходятся. Иногда Александръ вступаетъ въ союзъ съ одной изъ враждующихъ партій въ Византіи, Душанъ — съ другой. Стефанъ провозгласилъ себя царемъ сербовъ и *грековъ*, Ив.-Александръ все время титулуется царемъ болгаръ и *грековъ*. Византійцы смотрятъ на нихъ не только какъ на совершенно независимыхъ другъ отъ друга владѣтелей, но и какъ на равноправныхъ и почти въ одинаковой мѣрѣ опасныхъ для имперіи»[1]). Мы же къ этому прибавимъ, что только на основѣ взаимнаго признанія этой политической независимости другъ отъ друга могли возникнуть тѣ дружественныя отношенія между Ив.-Александромъ и Стефаномъ Душаномъ, для укрѣпленія которыхъ и состоялся бракъ Душана съ сестрою Ив.-Александра, и которыми ознаменованы ихъ царствованія въ Болгаріи и Сербіи.

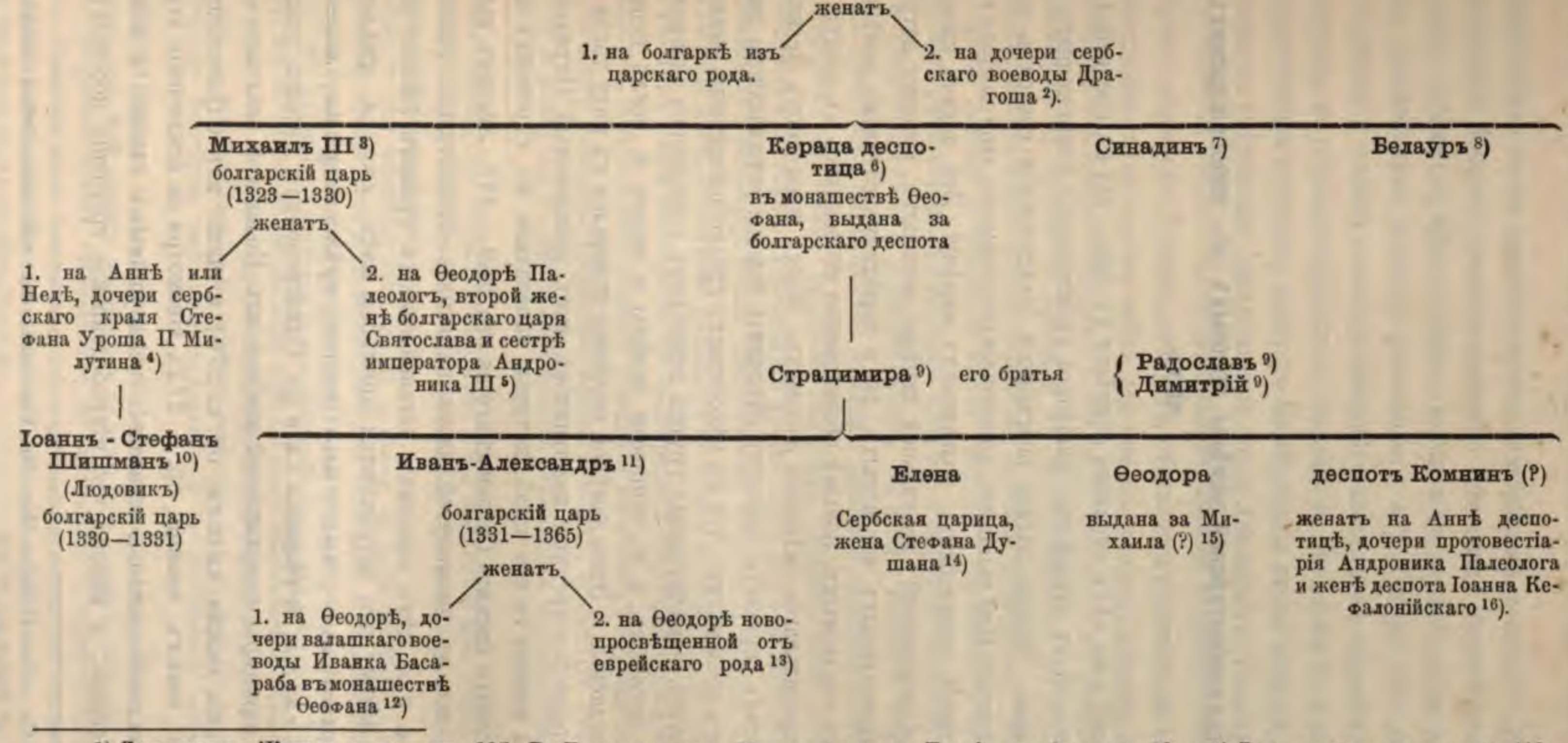
В. Н. Златарскій.

Софія, 24 Марта 1904 г.

---

1) Радченко, указ. сочин. стр. 5.

Родословная болгарскаго царя Ив. Александра.

1) Даничичъ, Животи и пр., стр. 117. В. Григоровичъ, Путеш. по европ. Турціи, изд. 2-ое, стр. 39. — 2) Даничичъ, тамъ же, стр. 119, В. Григоровичъ, тамъ же, стр. 39. — 3) Даничичъ, тамъ же, стр. 119, В. Григоровичъ, тамъ же, 39. Miklosich, Monum. serb. стр. 100. — 4) Даничичъ, тамъ же, стр. 195. Дечанскій помянникъ, Гласник, XLII, стр. 31.—5) Niceph. Gregoras, ed. Bonn. p. 390—391. Cantacuzenus, ed. Bonn. t. I, p. 430.—6) Софійскій Синодикъ царя Борила, изд. Картограф. института, стр. 63.—7) Cantac, t. I, 468.—8) Даничичъ, тамъ же, стр. 193. Законникъ Душана, изд. Новаковича (1898), стр. 3. Cantac., t. I, p. 464. — 9) Дриновскій Синодикъ. — 10) Тамъ же. Даничичъ, тамъ же, стр. 196. Cantac., t. II, p. 19 и сл. — 11) Cantac., t. I, 459. — 12) Закон. Душана, того же изд., стр. 3. Софійскій Синодикъ, того же изд., стр. 64. — 13) Софійскій Синодикъ, тоже изд., стр. 64. Курзоново евангеліе, Сбм. кн. VII, картина 1. — 14) Cantac., t. II, 269 и 338. — 15) Пшинскій помяникъ, Споменик, XXIX (1895), стр. 9. — 16) Епирская хроника, изд. Дестуниса, 1858, стр. 5.

Слѣды среднеболгарской замѣны носовыхъ въ новоболгарскихъ нарѣчіяхъ.

Нынѣ уже нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ среднеболгарской замѣнѣ носовыхъ отразилось особенное произношеніе современнаго болгарскаго языка. Теперь задача болгарской діалектологіи состоитъ въ томъ, чтобы окончательно выяснить фонетическую стоимость этой замѣны въ связи съ фонетикой теперешнихъ болгарскихъ нарѣчій. Эта задача касается не только обыкновенной, правильной замѣны носовыхъ, которая встрѣчается послѣ палатальныхъ согласныхъ, но и нерѣдкихъ случаевъ замѣны послѣ твердыхъ согласныхъ, понынѣ обыкновенно относимыхъ въ особую категорію «неправильнаго» смѣшенія носовыхъ. Когда профессоръ Лескинъ первый сдѣлалъ серіозную попытку объяснить законы «правильной» замѣны[1]), то не могъ не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ среднеболгарскихъ памятникахъ существуетъ замѣчательная группа примѣровъ совершенно «неправильной» замѣны носовыхъ, а въ сущности замѣны ѧ черезъ ѫ послѣ непалатальныхъ согласныхъ. Этою замѣной особенно отличался въ ряду тогда извѣстныхъ среднеболгарскихъ памятниковъ такъ называемый Охридскій апостолъ, а именно та его часть, которая напечатана въ «Древнихъ памятникахъ юсоваго письма» Срезневскаго на стр. 269—276. Лескинъ высказалъ мнѣніе, что въ упомянутой части памятника относительно правописанія буквъ ѫ и ѧ нѣтъ никакихъ установленныхъ правилъ («keine feste Regeln»), потому что встрѣчаются примѣры, какъ: сѫ=сѧ, ходѫ=ходѧ, грѫдѫщє=грѧд—, имѫ=имѧ (nomen), врѣмѫ=врѣмѧ, мѫ=мѧ, на ряду съ сѧ, мѧ, оутѣшишѧ сѧ и пр. Одновременно у Лескина указаны подобные примѣры неправильной замѣны изъ Болонской псалтыри (обидѫи, пасѫи, сѫи, кнѫзи, сѫ=сѧ, ор. с. 270), а также изъ Слѣпченской книги (тѫгота, имѫтъ, имѫщє, ор. с. 272). Несмотря на исключенія этого рода «неправильной» замѣны, оставалось ненарушимымъ главное и общее правило Лескина, а именно, что староболгарское состояніе носовыхъ только

---

1) См. «Bemerkungen über den Vocalismus der mittelbulgarischen Denkmäler», въ Archiv f. sl. Philologie, II. 275.

тогда измѣняется, когда предшествуетъ палатальный вокалъ[1]). Все-таки тогда не удалось Лескину удовлетворительно объяснить фонетическое значеніе и этого «правила», провозгласивъ знакъ ѫ въ замѣнѣ знака ѧ произвольнымъ графическимъ знакомъ смягченнаго ѧ[2]). Теперь уже никто не станетъ отрицать и у знака ѫ самостоятельнаго значенія въ «правильной» замѣнѣ носовыхъ, не отождествляя его съ знакомъ ѧ. Въ этомъ то и состоитъ самая существенная поправка, которую изслѣдованія этого вопроса до сихъ поръ внесли въ объясненіе, предложенное тогда Лескинымъ. Наоборотъ, по вопросу о значеніи помянутой «неправильной» замѣны носовыхъ нисколько не измѣнилось положеніе Лескина, который, считая ее графическою «путаницею», рѣшительно отказывался найти для нея основанія въ какомъ-либо соотвѣтственномъ состояніи болгарскаго языка[3]). Согласно съ этимъ взглядомъ высказался въ послѣднее время и С. М. Кульбакинъ по поводу «неправильной» замѣны носовыхъ въ этомъ же самомъ Охридскомъ апостолѣ, назвавъ прямо замѣну ѧ черезъ ѫ послѣ твердыхъ согласныхъ простымъ «графическимъ смѣшеніемъ ѫ и ѧ», хотя, и по его признанію, примѣры такого смѣшенія многочисленны[4]). Дѣйствительно, въ этомъ вопросѣ количество подобныхъ примѣровъ не имѣло бы важнаго значенія, если бы въ теперешнихъ болгарскихъ нарѣчіяхъ не было никакихъ слѣдовъ этой загадочной замѣны носовыхъ, которая въ послѣднее время стала намъ больше извѣстной и изъ нѣкоторыхъ новооткрытыхъ памятниковъ среднеболгарской письменности XII и XIII вѣка, одинаково важныхъ по этому вопросу съ вышеупомянутыми. Но такъ какъ, наоборотъ, въ болгарскихъ нарѣчіяхъ уже нашлись доказательства, которыя внѣ всякаго сомнѣнія выясняютъ эту замѣну, какъ прямой рефлексъ фонетики среднеболгарскаго языка, respective одного его нарѣчія, то я рѣшаюсь въ нижеслѣдующемъ изложеніи использовать и эти

---

1) «Das ursprüngliche Verhältniss von ѫ und ѧ war ungestört in allen Fällen, wo kein palataler Laut voranging oder gegangen war... Veränderung des Verhältnisses dagegen war eingetreten nach Palatalen», Leskien op. c. 278.

2) «Dass er (der Schreiber) dabei gerade ѫ vorzog, ist Sache der Willkür, ebensogut hätte ѧ genommen werden können. Jedenfalls ist es aber consequent, dass ѫ nun auch auf die Wurzelsilben, in denen ursprünglich Nasalvocal auf Palatal folgte, übertragen ist» (op. c. 280).

3) «... Wo gänzliche Verwirrung in dem Gebrauche von ѫ und ѧ herrscht, kann diese, wie ein Blick auf das heutige Bulgarisch zeigt, nicht auf einem entsprechenden Zustande in der Sprache beruhen; man kann hier nur annehmen, dass die Gleichgiltigkeit gegen ѫ und ѧ, die nach Palatalen in den Endsilben für die Schreiber vorhanden war, sie auch gleichgiltig gegen die ursprüngliche Schreibung nach anderen Lauten und in Wurzelsilben gemacht hat» (op. c. 281).

4) «Первый почеркъ (л. 1—15 и 39 б—40 а) не различаетъ вообще ѫ и ѧ, замѣняя ѧ черезъ ѫ тамъ, гдѣ этой замѣны фонетически не могло быть — послѣ твердыхъ издревле согласныхъ; въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ графическимъ смѣшеніемъ ѫ и ѧ. Примѣры этого графическаго смѣшенія многочисленны» (см. «Матеріалы для характеристики среднеболгарскаго языка. III. Охридскій апостолъ XII вѣка», въ Извѣстіяхъ Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н. 1901, I. 217 ff.).

новыя данныя для окончательнаго разрѣшенія нашего вопроса, послѣ чего уже легче будетъ объяснить и главный вопросъ о причинахъ возникновенія цѣлаго явленія — среднеболгарской замѣны носовыхъ.

I.

Прежде всего намъ нужно обстоятельнѣе перечислить всѣ примѣры неправильной замѣны ѧ черезъ ѫ въ Охридскомъ апостолѣ по изданію Срезневскаго (op. c. 269—276) и описанію Кульбакина (op. c. 217—221). Эти примѣры находятся, какъ уже сказано, на листахъ 1—15 и 39 б—40 а рукописи, писанныхъ однимъ почеркомъ, а въ остальной части рукописи, писанной другимъ почеркомъ, замѣна носовыхъ правильно является послѣ палатальныхъ согласныхъ, а именно ѫ вм. ѧ послѣ j (respect. гласныхъ), *ш*, *ж*, *щ*, *ч*, *ц*, — и ѧ вм. ѫ послѣ л', р', н', п', б', в', м'.

Вотъ всѣ примѣры неправильной замѣны ѧ черезъ ѫ, распредѣленные морфологически[1]):

1) Существительныя: **имѫ** вм. **имѧ** (5 разъ); **въимѫ** вм. **въ имѧ**; **рѫдоу** вм. **рѧдоу**: «**прѣходе по рѫдоу Галатъскѫѧ странѫ**» (274); **въ памѫт**; **кнѫѕемъ** (271).

2) Числительныя: **десѫти**.

3) Мѣстоименія: **сѫ** вм. **сѧ** (всегда пишется такъ); **мѫ** вм. **мѧ** (3 раза), напр. «**г҃ъ посла мѫ**» (270); **въсѫ** вм. **вьсѧ** (acc. pl.; 3 раза).

4) Глаголы (verba finita): **обрѫщѫтъ** (3 pl., 269); **творѫтъ** (3 pl., 273).

5) Инфинитивъ: **свѫзати** (270).

6) Причастія наст. вр. д. зал.: **ходѫ** (269), **грѫдѫще** (270), **грѫдѫщаго** (275), **видѫ**, **видѫще**, **дивѫще сѫ** (270), **творѫща**; **стѫѕаѫ сѫ** (271, 275); **творѫщоумоу** (280), **съглѫдаѫ** (273); **хотѫщю** (274); **осѫѕаѫ**, **висѫщѫ**, **говѫщемъ**, **въводѫща**, **хотѫ**.

7) Причастія пр. вр. стр. зал.: **свѫзанъ** (2 раза); **свѫза́нъı**; **помѫновенъı**.

Кто смотритъ на эти примѣры замѣны ѧ черезъ ѫ, какъ на простое «графическое смѣшеніе» носовыхъ, тотъ въ правѣ ожидать и примѣровъ съ обратною замѣной ѫ черезъ ѧ при подобныхъ условіяхъ; но въ сущности этого не оказывается: за исключеніемъ нѣсколькихъ маловажныхъ случаевъ, гдѣ ѧ является на своемъ мѣстѣ (**ходѧще** 3 а, **тѧ** 3 б, **всѧ** 3 б)[2]), вообще — и по словамъ Кульбакина — «ѫ является въ первомъ почеркѣ и послѣ смягченныхъ согласныхъ, послѣ которыхъ во всѣхъ среднеболгар-

1) Цифры въ скобахъ относятся къ изданію Срезневскаго, а примѣры, не означенные цифрами, см. у Кульбакина op. c.

2) Оставляемъ теперь въ сторонѣ глаголическія строки въ этой части рукописи.

скихъ памятникахъ ѧ сохранялось, а ѫ измѣнялось въ ѧ: **мънѫ** (вм. **мьнѧ**, прич. 13 а), **г҃лѫ** (вм. **глаголѧ**, 7 б, 4 б)» (ор. с. 217).

Итакъ, въ сущности на основаніи этого памятника можно говорить только о «неправильной замѣнѣ» ѧ черезъ ѫ. Во второмъ почеркѣ уже являются обѣ замѣны согласно съ правиломъ Лескина; только и здѣсь замѣчательно то, что и послѣ *j* и *ч* всюду ѧ замѣнено черезъ ѫ: срав., напр., **сеѫ** (gen. sg.), **еѫ** (gen. sg.), **даѫ**, **имѣѫ**, **пиѫи**, **милоуѫ** (причастія), **приѫти** (inf.), **приѫхъ**, **приѫсте**, **приѫтие** и пр. и пр.; **единочѫдааго**, **чѫдо** (19 разъ!), **чѫдъ**, **чѫстъ**, **чѫсти**, **причѫстници**, **причѫстити сѧ**, **причѫстие**, **начѫло**, **начѫхъ**, **начѫшѫ**, **начѫтокъ**, **зачѫтие**, **зачѫлъника** и пр. (см. Кульбакинъ, ор. с. 218—220). Точно такъ же ѫ исключительно замѣняетъ ѧ въ подобныхъ примѣрахъ послѣ *ш*, *ж*, *щ* и *ц*, срав.: **бишѫ**, **бъшѫ**, **рѣшѫ**, **приѫшѫ** и пр. (3. pl. aor); **съдръжѫщие**, **лежѫщааго**, **лежѫтъ**, **слоужѫтъ**, (3. pl. н вр.), **слоужѫщие**, **слоужѫ** (причаст.), **жѫжди**; — **ницѫ** (acc. pl.), **богородицѫ** (gen. sg.), **старцѫ** (acc. pl.) и пр. (ор. с. 218—219).

На основаніи этихъ примѣровъ столь послѣдовательно проведенной какъ «правильной», такъ и «неправильной» замѣны ѧ черезъ ѫ, даже и въ томъ случаѣ, если-бы этотъ памятникъ въ ряду всѣхъ другихъ до сихъ поръ извѣстныхъ оставался съ данною особенностью совершенно одинокимъ, опять не такъ легко различить, въ какихъ случаяхъ ѫ имѣетъ спеціальное фонетическое значеніе, и въ какихъ — графическое. Но, какъ уже сказано, намъ теперь извѣстны и другіе среднеболгарскіе памятники, въ коихъ эта неправильная замѣна ѧ черезъ ѫ занимаетъ очень важное мѣсто. Для своей цѣли я ссылаюсь пока только на «Добромирово» евангеліе» и на «Среднеболгарскій Златоустъ» — оба описанные Ягичемъ [1]).

Добромирово евангеліе, которое безъ сомнѣнія принадлежитъ XII вѣку, при томъ по всей вѣроятности первой половинѣ его, замѣчательно тѣмъ, что въ немъ правильная замѣна ѫ черезъ ѧ почти что не существуетъ (всего 5 примѣровъ: **любѧ**, **възлюбѧ**, **изьгонѧ** — 1. sg. н. вр., **притьчѧ** — acc. sg.; **на земѧ** — acc. sg., ор. с. 26), тогда какъ наоборотъ примѣры замѣны ѧ черезъ ѫ многочисленны. Надо замѣтить, что и въ этой рукописи — два почерка, которые не одинаково относятся къ замѣнѣ юсовъ: первый почеркъ (у Ягича «die Hand A») пишетъ ѫ вм. ѧ предпочтительно послѣ палатальныхъ согласныхъ, а второй почеркъ (B) — и послѣ твердыхъ согласныхъ (ор. с. 29). Примѣры — большею частью причастія, формы 3 pl. наст. времени и 3 pl. сложнаго аориста (см. у Ягича, ор. с. 27—35).

---

1) V. Jagić, *Evangelium Dobromiri*, ein altmacedonisches Denkmal der kirchenslavischen Sprache des XII. Jahrh., Wien, 1898, Sitzungsberichte der phil.-hist. Cl. der K. Ak. d. Wiss. Bd. 133; — *Bericht über einen mittelbulgarischen Zlatoust* des 13—14 Jahrhunderts, Wien, 1898, Sitzungsber. Bd. 139.

1) ѫ вм. ѧ послѣ твердыхъ согласныхъ.

а) *Причастія н. вр. д. з.*: **славѫ, славѫи, ходѫи, исходѫ, творѫ, творѫи, хотѫ, хотѫи, хотѭи, крьстѫ, просѫ, сѣдѫи, сѣдѭи, дивѫсѧ, носѫ, ємѫи** и пр. — **ходѫща, сѣдѫща, творѫщє, любѫщиихъ, хотѫщиихъ, сѫдѫщє, благословѫщє, водѫщє** и пр.

б) *Формы наст. вр. 3 pl.*: **творѫтъ, ѣвѫтьсѧ, оузрѫть, женѫть сѧ, оставѫть, исходѫть, выходѫть, видѫть, вѣдѫть, досадѫть, въсхытѫть, хотѫть** и пр.

2) ѫ вм. ѧ послѣ палатальныхъ согласныхъ.

а) *Причастія наст. вр. д. зал.*: **грѣѭсѧ, пиѭи, сѣѭи, стоѭи, не боѭ сѧ, крыщаѭ, имѣѭ, радоуѭ сѧ; глаголѭ** (40 разъ!), **глаголѭи; оучѫ** (12 разъ), **слоужѫи, возлежѫ, мльчѫ, ищѫи** и пр. — **стоѭща, стоѭщоу, лежѫщь, лежѫщє, лежѫща, дрьжѫщоу, оучѫщѹ, хоулѭщє** и пр.

б) *Формы наст. вр. 3 pl.*: **оустоѭть, бѣжѫть, обложѫть, възложѫть, блажѫть, оутѣшѫть сѧ, слышѫть, разлѫчѫть** и пр.

в) *Формы слож. аор. 3 pl.*: **рѣшѫ, рекошѫ, начѧшѫ, идошѫ, прѣдашѫ. могошѫ, имѣшѫ** и пр.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что всѣ случаи смѣшенія носовыхъ въ Добромировомъ евангеліи находятся исключительно въ конечныхъ слогахъ. Этотъ фактъ указываетъ, что процессъ смѣшенія носовыхъ былъ еще въ своемъ началѣ; это согласуется съ большой древностью памятника. Именно въ виду этого обстоятельства я думаю, что нашъ памятникъ надо отнести къ первой половинѣ XII вѣка. Хотя замѣна носовыхъ тогда была, по свидѣтельству этого памятника, еще въ своемъ зародышѣ, все-таки она уже распространилась и въ такихъ конечныхъ слогахъ, гдѣ вопреки «правилу» первоначально не предшествовала палатальная согласная. Это важно для установленія хронологіи занимающаго насъ процесса. Для опредѣленія фонетическаго характера звука, который писецъ означалъ знакомъ **ѫ**, важны тѣ примѣры въ нашемъ памятникѣ, въ которыхъ **ѫ** является замѣною **ы**, а именно въ причастіяхъ н. вр. д. зал., какъ: **ѣдѫи** и даже **ѣдѭи**, на ряду съ правильными **ѣды, ѣдыи; чьтѫи; идѫ** (тоже: **иды**); **грѣдѫ, грѣдѫи**, даже **грѣдѭи** (на ряду съ **грѣды**); **сѫ, сѫи**, и **сѭи**, даже одинъ разъ и **сєи** вм. **сы** (ор. с. 32). Здѣсь опять умѣстенъ вопросъ: имѣемъ ли мы основанія въ виду всего сказаннаго предполагать, что знакъ **ѫ** имѣлъ спеціальное фонетическое значеніе, различное отъ значенія знака **ѧ**, только въ примѣрахъ второй категоріи, а именно послѣ палатальной согласной? Я долженъ сказать, что не нахожу въ графикѣ нашего памятника ни малѣйшаго основанія для утвердительнаго отвѣта на заданный вопросъ.

Посмотримъ теперь, каково состояніе юсовой замѣны въ третьемъ памятникѣ — Среднеболгарскомъ Златоустѣ, который не менѣе какъ на 100 лѣтъ моложе Добромирова евангелія. Въ Златоустѣ, дѣйствительно, находимъ, что замѣна ѧ черезъ ѫ уже участилась и внутри словъ безотносительно къ качеству предыдущаго согласнаго. Примѣры этой замѣны въ Златоустѣ, какъ ниже увидимъ, совсѣмъ похожи и по качеству и по количеству на примѣры Охридскаго апостола перваго почерка. Съ другой стороны, сходство Златоуста съ Добромировымъ евангеліемъ замѣчательно тѣмъ, что и въ немъ совсѣмъ ничтожно количество примѣровъ замѣны ѫ черезъ ѧ. Пользуюсь только текстомъ изданнаго Ягичемъ слова («Слѡвѡ стго Иѡана Златоустаго по погребение тѣлоу гоу бoу ісоу хоу Иѡсифоу ѿ аримадеѫ и Никодимоу на снѫтие гоу нашемоу по спсніи мѫцѣ дивноу бывшоу» ор. с. 13—56). Весь памятникъ содержитъ 31 слово, такъ что пока можно только приблизительно судить о цѣломъ памятникѣ по нашему вопросу. Въ напечатанной части нашего Златоуста встрѣчаются лишь слѣд. примѣры замѣны ѧ вм. ѫ: на землѧ; ѿ землѧ подъ землѧ бь приходить (с. 15) на ряду съ «заиде слнце подъ землѫ» (15); придохь на землѧ и подь землѧ (51) на ряду съ: «на землѫ приде» (33); глаголѧ (1 sg. 18); глаголѧть (3 pl.), глѧщоу (50), глаголѧще (44, 46, 47 и пр.); молѧ (1 sg. 27; возлѣ молѫ 27 bis), оустроѧ (1 sg. 53); разлѧчи сѧ (21), чѣшѧ (acc. sg. 53); душевнѫѧ (acc. sg. f. 37).

Какъ доказываютъ приведенные примѣры, не можетъ быть и рѣчи о какой-то законности этой замѣны ѧ вм. ѫ. Болѣе развитою оказывается другая замѣна, ѫ вм. ѧ. Опять раздѣлимъ примѣры на двѣ категоріи въ зависимости отъ качества предыдущей согласной.

1. ѫ вм. ѧ послѣ непалатальныхъ согласныхъ.

а) Существительныя: врѣмѫ («вь мало врѣмѫ» 25); врѣмѫ («да разметаѫ врѣмѫ» 52); клѫтва (40); кнѫзи (43, 44, 45; рядомъ: кнѧзи 43, кнѧземь 45); снѫтие (31).

б) Числительное: десѫть («девѧть десѫть и девѧть» 54).

в) Мѣстоименія: сѫ-сѧ («ѩви сѫ 19; сами сѫ ськроушишѫ, 14 и пр.);

г) Глаголы (verba finita): вѫжеши (30), свѫзашѫ (14; рядомъ: «ѫзами свѧза мѫчителѣ» 14; вѧзахѫ 49); ходѫтъ (3 pl. 17); снѫть (3 sg. «и снѫть ба» 28).

д) Инфинитивъ: вьзѫти сѧ (46).

е) Страд. причастія: свѫзань (16, 51, но и: свѧзанъ 37; свѧзана 35, свѧзаньнымь 49, свѧзаньны 49).

ж) Прошед. д. причастіе 1-вое: стѫжавъ (23); осѫгьши (31), потрѫсьшоу (25), освѫщьши («и весь миръ освѫщьши» 30).

з) Причастія наст. вр. д. зал.: приносѫща («ба въ себѣ носѧща и приносѫща», 32); носѫщаго (133); приносѫще (42); сѣдѫ (38), сѣдѫщимь (39), сѣдѫщихъ (35), сѣдѫщен (15); творѫи (47, но и «творѧ» 47); спѫи (50); спѫщен (15, 51), спѫщихъ (13, возлѣ: спѧщимь 15, спѧщихъ, 43); видѫще (33); висѫщаго (27 рядомъ висѧща, 27); глаголѫ (41, 45, 50); велѫщимь (45); мнѫщим сѧ (45).

2. ѫ вм. ѧ послѣ палатальныхъ согласныхъ.

а) Существительныя и прилагательныя: ѡѫтанию (14); землѫ (gen. sg. 18, 54); каплѫ (gen. sg. 22); овцѫ (acc. pl. 54) темницѫ (gen. sg. 54); доушѫ (g. sg. 38); свѣщѫ (acc. pl. 30); ѫдро (38), ѫдри (42) братиѫ (g. sg. 27), сѫдиѫ (nom. pl. 14), безмѫжныѫ (g. sg. fem.), вѣчныѫ (acc. pl. 35), непобѣдимыѫ (acc. pl. 41); странныѫ (acc. pl. 25), вчерашныѫ (nom. pl. f. 13), моѫ (acc. pl. 27; g. sg. 38); кыѫ (acc. pl. 30, 31); недвижимыѫ; своѫ (acc. pl. 47), ѫже (acc. pl. 52); англьскыѫ (acc. pl. 54); своѫ (g. sg. f. 27); твоѫ (g. sg. f. 38); осѫжденыѫ (nom. pl. 14).

б) Глаголы: бѣшѫ (3 pl. imperf. 46); бышѫ, вьзнесошѫ, свѧзашѫ, поучишѫ сѫ, ськроушишѫ, потѫкошѫ сѫ, потыкошѫ сѫ, привьргошѫ (3 pl. aor. 14); приѫхъ (1 sg. 51, 52, 53); приѫть (3 sg. 20, 29); приѫ (3 sg. 21); ѫшѧ («бѣгоу сѧ ѫшѧ» 46); прѣстоѫть (3 pl. 33).

в) Инфинитивъ: приѫти (22, 23).

г) Причастія наст. вр. д. з. лежѫ (19), лежѫща (28), лежѫщимь (52), лежѫщен (51); дрьжѫ (50), дрьжѫщаго (39), оучѫща (24), бѣжѫщаго (26), бѣжѫще (49)—даѫ (23), крыѫ сѧ (23), ꙗвлаѫ сѧ; ꙗвлѣѫ сѧ (19); ѿметаѫ (41), сьдрьжаѫ (29), испльнѣѫ (33), повелѣѫ (51), поѫще (42), настоѫщен (19).

Для опредѣленія звука, означаемаго въ этомъ памятникѣ знакомъ ѫ, имѣютъ значеніе примѣры: потѫкошѫ сѧ (14), вьстѫче (40), гдѣ ѫ замѣняетъ ъ, а также и примѣры: ѿ земѧ раискѫѧ (53), ѿ работѫ (54)—гдѣ ѫ вм. ы.

Сравнивъ всѣ указанные примѣры замѣны носовыхъ въ нашихъ памятникахъ, мы убѣдимся, что дѣйствительно, говоря о правильности или неправильности смѣшенія носовыхъ, надо подразумѣвать только замѣну ѫ вм. ѧ. Эта замѣна, какъ мы видѣли, вообще сильнѣе развита, чѣмъ замѣна ѧ вм. ѫ. Кромѣ того, условія первоначальнаго возникновенія и дальнѣйшаго развитія той и другой замѣны очевидно совершенно различны, почему въ сущности и явились на первый взглядъ неправильныя колебанія въ замѣнѣ ѫ вм. ѧ, какихъ вообще нѣтъ при другой замѣнѣ—ѧ вм. ѫ, и не только въ избранныхъ нами, но и вообще во всѣхъ среднеболгарскихъ па-

мятникахъ. Первоначальныя условія возникновенія замѣны ѧ вм. ѫ очень ясны: эта замѣна всегда является послѣ палатальныхъ согласныхъ и, по своей физіологической природѣ, просто относится къ явленіямъ звуковой ассимиляціи или такъ называемой перегласовки (Umlaut). Слѣды этой замѣны, насколько она уцѣлѣла въ болгарскихъ нарѣчіяхъ, подъ вліяніемъ позднѣйшихъ воздѣйствій морфологической аналогіи, легко опознаются, такъ какъ уцѣлѣвшее чистое ѧ вм. ѫ прямо перешло въ большинствѣ болгарскихъ говоровъ въ є и раздѣлило съ нимъ потомъ одинаковую судьбу. Теперь же, оставивъ въ сторонѣ замѣну ѧ вм. ѫ, обратимъ все вниманіе на замѣну ѫ вм. ѧ, что̀ представляетъ главную задачу настоящей статьи.

Не входя еще въ разборъ вопроса о томъ, каково было произношеніе звука ѫ во время появленія вышеупомянутыхъ памятниковъ, можно покамѣстъ остановиться на предположеніи, что это ѫ въ нашихъ памятникахъ, замѣнявшее ѧ, имѣло ту же фонетическую стоимость, каковую оно имѣло во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ оно стояло на своемъ этимологическомъ мѣстѣ. Держась этого предположенія, приступимъ къ сравнительному обзору нынѣшнихъ болгарскихъ говоровъ, дабы отыскать въ нихъ прямые рефлексы занимающей насъ среднеболгарской замѣны носовыхъ; но тутъ намъ нужно прежде всего для сравненія отобрать изъ среднеболгарскихъ памятниковъ только тѣ категоріи именныхъ и глагольныхъ формъ съ этой замѣной носовыхъ, уцѣлѣвшихъ донынѣ въ новоболгарской морфологіи, благодаря особенности своего развитія. Извѣстно, что всѣ окончанія косвенныхъ именныхъ и мѣстоименныхъ формъ въ новоболгарскомъ языкѣ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ діалектическихъ архаизмовъ) уже исчезли, уступивъ мѣсто общимъ формамъ именительно-винительныхъ падежей. Такимъ образомъ понятно, какой значительный процентъ занимающихъ насъ среднеболгарскихъ именныхъ и мѣстоименныхъ падежныхъ формъ долженъ былъ отпасть изъ нашего сравнительнаго подсчета. Большинство же случаевъ правильной замѣны ѧ черезъ ѫ находится именно въ падежныхъ окончаніяхъ, особенно въ области сложнаго склоненія прилагательныхъ. Точно такъ же и причастія представляютъ наибольшій процентъ примѣровъ съ правильной и неправильной замѣною ѧ черезъ ѫ, ибо вообще причастія, а также и инфинитивъ совершенно вышли изъ употребленія въ новоболгарскомъ языкѣ. Для нашей цѣли слѣдовательно сохраняютъ свое значеніе лишь примѣры съ носовою замѣною въ окончаніяхъ генеральныхъ падежныхъ формъ, затѣмъ примѣры глагольныхъ формъ 3 л. мн. ч. настоящаго времени и сложнаго аориста и всѣ остальные примѣры, которые содержатъ ту же носовую замѣну въ коренныхъ слогахъ. Согласно съ этимъ, изъ всѣхъ примѣровъ Добромирова евангелія, состоящихъ большею частью изъ причастій, для насъ имѣютъ значеніе только глагольныя формы 3 л. мн. ч. наст. вр. и аориста.

Итакъ, по устраненіи негодныхъ для сравненія формъ, изъ вышеприведенныхъ примѣровъ съ замѣною ѫ вм. ѧ, остаются годными лишь слѣдующіе примѣры изъ Охридскаго апостола и среднеболгарскаго Златоуста.

а) Неправильная замѣна ѫ вм. ѧ.

Охридскій апостолъ.	Среднеболгарскій Златоустъ.
1. имѫ (-имѧ, nomen).	1. врѣмѫ.
2. врѣмѫ.	2. врѣмѫ.
3. рѫдъ («по рѫдоу»).	3. клѫтва.
4. памѫт(ь).	4. кнѫзи.
5. кнѫземъ.	5. десѫть.
6. десѫти.	6. сѫ (=сѧ).
7. сѫ (=сѧ).	7. свѫзань.
8. мѫ (=мѧ).	8. свѫзашѫ.
9. свѫзанъ, свѫзаны.	9. вѫжеши
10. помѫновены.	10. ходѫть.
11. обрѫщѫтъ.	11. снѫть (3 sg.).
12. творѫт(ъ).	12. снѫтие.
13. свѫза («свѫзати»).	13. вьзѫ- («вьзѫши») вм. вьзѧ-
14. грѫд- (грѫдѫще и пр.) вм. грѧд-	14. стѫжа- («стѫжавъ») вм. стѧжа-
15. стѫѕа- («стѫѕаѫ сѫ) вм. стѧѕа-	15. осѫг- («осѫгьши») вм. осѧг-
16. сългѫда- («сългѫдаѫ») вм. сългѧда-	16. потрѫс- («потрѫсьшоу») вм. потрѧс-
17. осѫѕа- («осѫѕаѫ») вм. осѧѕа-	17. освѫщ- («освѫщьшоу» вм. освѧт-

Хотя причастія наст. вр. д. зал. въ болгарскомъ языкѣ исчезли, все-таки, въ виду тѣсной морфологической связи основы настоящаго дѣйств. прич. съ формою 3 л. множ. настоящаго времени, можно заключить на основаніи формъ причастій: видѫще, дивѫще сѫ, хотѫщю, висѫщѫ, говѫщемъ, творѫщоумоу (Охридск. апост.) и приносѫща, носѫща, сѣдѫщимь, спѫщихь, видѫще, висѫщаго, велѫщимь, мнѫщим сѧ (Среднеболг. Златоустъ), что рядомъ съ этими формами, по всей вѣроятности, въ говорѣ, отразившемся въ нашихъ памятникахъ, имѣлись и подобныя же формы наст. времени 3 pl. видѫтъ, дивѫть сѫ, хотѫтъ, висѫтъ, говѫтъ, носѫтъ, сѣдѫтъ, спѫтъ, творѫтъ и пр.

И въ самомъ дѣлѣ, одна изъ этихъ предполагаемыхъ формъ, а именно 3 pl. «творѫтъ» фактически встрѣчается въ Охридскомъ апостолѣ (см. выше ч. 12).

Это наше предположеніе подтверждается и многочисленными примѣрами въ Добромировомъ евангеліи, гдѣ не только имѣются причастія въ родѣ указанныхъ, а именно: ходѫщиа, сѣдѫщиа, творѫщие, любѫщиихъ, хотѫщиихъ, сѫдѫщие и пр., но рядомъ съ ними встрѣчается еще большее количество соотвѣтствующихъ формъ наст. времени 3 pl. тоже съ ѫ вм. ѧ: творѫтъ, ѣвѫть сѧ, оузрѫть, оставѫть, исходѫть, видѫть, вѣдѫть, досадѫть, хотѫть и пр. и пр. (см. выше указ. примѣры у Ягича ор. с. 27—35).

Большаго сходства между нашими памятниками въ этомъ отношеніи и желать нельзя.

Насколько господствуетъ единообразіе въ распространеніи неправильной замѣны ѧ черезъ ѫ даже и по отношенію къ отдѣльнымъ словамъ, видно изъ приведенныхъ примѣровъ изъ Болоньской псалтыри, гдѣ тоже встрѣчается слово кнѫзи.

б) Правильная замѣна ѫ вм. ѧ.

Примѣры «правильной» замѣны ѫ вм. ѧ, какъ уже сказано, не такъ многочисленны въ нашемъ Златоустѣ, какъ въ Охридскомъ апостолѣ, потому что мы знакомы только съ одной малой частью содержанія Златоуста, а именно лишь со словомъ, напечатаннымъ у Ягича. Все-таки нѣтъ сомнѣнія, что наши памятники и относительно этой замѣны одинаково сходны между собою, какъ они сходны и примѣрами т. наз. неправильной замѣны. Въ томъ отношеніи и Болоньская псалтырь весьма сходится съ ними. Срав.:

1. Охридскій апостолъ: чѫдо, ч҆ѫдъ, чѫстъ, чѫсти, начѫло, начѫтокъ, зачѫтие, зачѫлъника, причѫстници, причѫститисѧ, жѫжди, слоужѫтъ, лежѫтъ, ѫзыкъ, приѫхъ, приѫсте, приѫтие, приѫшѫ, бышѫ, придошѫ.

2. Среднеболгарскій Златоустъ: шѫтаниѩ, приѫхь, приѫ (3 sg. аор.), приѫть (3 sg.), бышѫ, потѫкошѫ сѫ, прибрьгошѫ и пр.

3. Добромировое евангеліе: оустоѫть, бѣжѫть, обложѫть, возложѫть, слышѫть, разлѫчѫть и пр.

4. Болонская псалтырь: шѫтаниа, начѫло, овчѫ (-овьчѧ, sg. diminutiv.), чѫсть, жѫждѫ, возложѫтъ, ѫзыкъ, бышѫ, прѣсташѫ и пр. (см. Arch. f. sl. Ph. II. 271).

И въ Слѣпченской книгѣ тѣже самые примѣры правильной замѣны: ѫзыки, приѫшѫ, штѫдиши, слоужѫтъ, бѣжашѫ и пр. (ib.).

Подобныхъ примѣровъ правильной замѣны ѫ вм. ѧ можно привести и изъ многихъ другихъ среднеболгарскихъ памятниковъ; но этого пока не нужно, такъ какъ и безъ того достаточно ясно въ этомъ отношеніи согласіе упомянутыхъ памятниковъ, столь различныхъ по мѣсту и по времени своего происхожденія. Если на основаніи этого согласія можно предполагать въ самомъ живомъ языкѣ реальную причину появленія правильной графической замѣны ѫ вм. ѧ, то съ неменьшимъ правомъ можно то же самое предполагать и насчетъ «неправильной» замѣны, и именно на основаніи такого же согласія упомянутыхъ памятниковъ. Все-таки предположеніе, хотя и оправдываемое въ этомъ случаѣ, оставалось бы только предположеніемъ, не имѣющимъ большой убѣдительной силы, если-бы въ теперешнемъ болгарскомъ языкѣ, какъ было сказано въ началѣ этой статьи, не оказалось прямыхъ слѣдовъ той и другой замѣны. Лишь это послѣднее доказательство въ состояніи окончательно освѣтить обѣ данныя замѣны носовыхъ, какъ реальные факты въ среднеболгарскомъ языкѣ.

II.

Теперь перехожу къ упомянутымъ доказательствамъ изъ области болгарской діалектологіи. Надо отвѣтить на вопросъ, насколько оказываются уцѣлѣвшими хотя въ одномъ болгарскомъ нарѣчіи указанныя выше категоріи формъ съ рефлексами правильной и неправильной юсовой замѣны.

Изучая непосредственно болгарскія нарѣчія и имѣя притомъ въ виду и этотъ важный вопросъ нашей исторической фонетики, я наконецъ успѣлъ найти для его разрѣшенія достаточно данныхъ въ болгарскихъ говорахъ рупскаго нарѣчія, преимущественно употребительныхъ въ области Родопскихъ горъ. Одинъ говоръ этого нарѣчія—ахърчелебійскій, уже десять лѣтъ тому назадъ обратилъ на себя особенное вниманіе славистовъ, между прочимъ, и той особенностью, что въ немъ является произношеніе стб. ѧ какъ *'о*, когда оно находится подъ удареніемъ. Извѣстно, что это явленіе, которое тѣсно связано съ подобнымъ же произношеніемъ акцентованнаго старблг. ѣ, объяснялъ нѣсколько разъ и Облакъ, но все-таки не могъ привести данное явленіе въ генетическую связь съ среднеболгарскимъ смѣшеніемъ носовыхъ, хотя оно—самый прямой рефлексъ этого смѣшенія [1]). Сознавая неудовлетворительность своихъ объясненій, самъ Облакъ не разъ указывалъ на необходимость новыхъ изслѣдованій болгарскихъ нарѣчій по

---

1) См. Archiv f. sl. Philologie, XVII. 143, 149—151, 152, 154, 155; Сборникъ Минист. XI. 540, 543, 545. Наконецъ, Облакъ отказался на стр. 580—581 отъ своего толкованія и принялъ мое мнѣніе объ этомъ самомъ вопросѣ, высказанное въ Мин. Сбор. IX. 288 и сл.; см. еще у меня М. Сбор. XIII. 104 и сл.

этому вопросу[1]). Особенно неясною казалась ему замѣна ѧ черезъ *а*—*'ъ* въ нѣкоторыхъ словахъ восточноболгарскихъ нарѣчій, напр. *тъ*, *съ* (тѧ, сѧ), *деса́т* (десѧть), *колъда* (колѧда) и др., что̀ въ сущности опять прямой рефлексъ неправильной среднеболгарской замѣны ѧ черезъ ѫ. По поводу этихъ формъ Облакъ замѣтилъ: «Пока не будетъ собрано большое количество подобной замѣны стб. ѧ, невозможно дать и удовлетворительное объясненіе этой замѣны» (Минист. Сборникъ т. XI, 543). Когда я познакомился съ говоромъ болгарскихъ павликіянъ, который представляетъ одинъ изъ говоровъ рупскаго нарѣчія и который отличается, между прочимъ, и произношеніемъ *'ъ* вм. ѧ въ ударяемыхъ слогахъ, я успѣлъ дать на основаніи данныхъ этого говора болѣе удовлетворительное объясненіе указанной замѣны, занимавшей и Облака (см. у меня Минист. Сбор. XVI—XVII, 411—415). Послѣ того я продолжалъ свои изслѣдованія рупскихъ говоровъ и съ этой цѣлью предпринялъ лѣтомъ 1902 года двухмѣсячную поѣздку въ Родопскія горы, гдѣ на мѣстѣ изучалъ говоры области Чепино и Рупчосъ, посѣтивъ лично всѣ тамошнія болгарскія и помакскія деревни. Матеріалы, собранные мною въ эту поѣздку, послужатъ мнѣ для спеціальной монографіи о Рупскомъ нарѣчіи, которая въ скоромъ времени выйдетъ, какъ дополненіе къ моей восточноболгарской діалектологіи («Das Ostbulgarische», Wien, 1903); въ послѣдней описана только часть рупскихъ говоровъ (см. «Die rupcischen Mundarten», стр. 207—276). На основаніи упомянутыхъ новыхъ матеріаловъ теперь мнѣ совершенно уяснился вопросъ о рефлексахъ среднеболгарской замѣны носовыхъ въ новоболгарскомъ языкѣ. Въ рупскихъ говорахъ центральныхъ и западныхъ Родопскихъ горъ лучше всѣхъ другихъ болгарскихъ говоровъ уцѣлѣли ясные остатки и «правильной» и «неправильной» носовой замѣны. Особенно касательно послѣдней очень цѣненъ для насъ говоръ чепинскихъ помаковъ въ деревнѣ Костандово. Въ этомъ говорѣ я нашелъ именно больше слѣдовъ занимающей насъ неправильной среднеболгарской замѣны ѧ черезъ ѫ въ окончаніяхъ, какъ напр. въ приведенныхъ среднеболгарскихъ формахъ врѣмѫ, имѫ и пр. Съ помощью этого говора въ связи со всѣми сосѣдними въ Родопской области легко можно догадаться о причинахъ возникновенія среднеболгарской носовой замѣны, о чемъ скажу въ другомъ мѣстѣ.

Населеніе деревни Костандово чисто помакское. Эта деревня находится въ Чепинской долинѣ, въ 8 километрахъ отъ деревни Ложене (Лужане) и деревни Баня (Чепинска Баня), которыя считаются центромъ этой маленькой гористой области. Донынѣ были извѣстны особенности

1) См. Arch. f. sl. Phil. XVII. 152: «Zur richtigen Beurtheilung des in mittelbulgarischen Denkmälern vorkommenden Wechsels der beiden Nasalvocale können uns nur die heutigen Dialecte im Zusammenhang mit einigen anderen sprachlichen Eigenschaften der Denkmäler verhelfen».

говора лишь этихъ двухъ деревень и еще сосѣдней къ Ложене болгарской деревни Каменица[1]), такъ что когда въ наукѣ упоминалось «Чепинское нарѣчіе», въ сущности подразумѣвался говоръ упомянутыхъ трехъ деревень, хотя и было небезызвѣстно, что въ сосѣдствѣ съ ними находятся еще другія четыре деревни, а именно: Костандово, Корово, Дорково и Ракитово. При отсутствіи какихъ-либо свѣдѣній о говорѣ этихъ деревень, въ наукѣ установилось мнѣніе, будто и въ нихъ то же самое «нарѣчіе». Я первый открылъ, что дѣло совсѣмъ не такъ, что, напротивъ, въ этихъ сосѣднихъ деревняхъ имѣются еще два, если не три, особенные говора, а именно одинъ, представляемый деревнею Костандово, другой—деревнею Дорково. Говоръ деревни Ракитово больше примыкаетъ къ Костандовскому, такъ что можно его считать только варіантомъ послѣдняго.

Въ Костандовскомъ говорѣ староболгарскія **ъ**, **ь** и **ѫ** совпали въ одно произношеніе, которое первоначально равнялось произношенію **ъ**, скажемъ въ одинъ секундарный $ъ_2$. Мягкій характеръ согласной передъ стб. **ь** сохранился и послѣ случившагося измѣненія **ь** въ $ъ_2$, такъ что въ сущности вмѣсто стб. **ъ** и **ѫ** произносилось $ъ_2$, а вм. **ь**—$'ъ_2$. Уже въ новоболгарскомъ періодѣ этого говора секундарный $ъ_2$ постепенно прояснился въ одинъ широкій *о*-вокалъ, который учленяется при *о*-базисѣ, какъ *а*, т. е. звукъ занимающій середину между *о* и *а*. Этотъ *о*-вокалъ не дифтонгъ. Для болѣе яснаго пониманія широкаго характера этого *о*, я его означалъ знакомъ $о^а$; но для избѣжанія всякаго недоразумѣнія относительно его недифтонговаго характера, на которомъ я рѣшительно настаиваю, можно его означать и знакомъ *ǒ*. Этотъ вокалъ всегда подъ удареніемъ, такъ что излишне будетъ означать его и съ знакомъ ударенія т. е. *ǒ̀*.

Въ большинствѣ рупскихъ говоровъ секундарный еръ ($ъ_2$) является полнымъ гласнымъ лишь въ слогахъ съ удареніемъ; когда же въ слогахъ безъ ударенія секундарный *еръ* остается не вполнѣ выясненнымъ, съ характеромъ слаботемнаго *а*, этотъ слаботемный еръ я означаю съ знакомъ *а̥*. Такъ случилось, напр., въ говорѣ деревень Баня, Ложене, Каменица, гдѣ произносится, напр., «*дǒш*» (стб. **дъждь**), но *да̥ждǒт*» (*дъждът*), *зǒп* (стб. **зѫбъ**), но *за̥бǒт* (=*зъбът*), *л́ǒн* (стб. **льнъ**), но *л́а̥нǒт*. Отъ этого рупскаго фонетическаго правила Костандовскій говоръ отличается важною особенностью, а именно въ немъ секундарный еръ и безъ ударенія перешелъ въ *о*, которое далѣе, вслѣдствіе безакцентности, лабіализировалось, измѣнившись въ болѣе узкое *о* и наконецъ въ *у*. Итакъ, въ Костандовскомъ говорѣ теперь произносятъ подъ удареніемъ *ǒ*, безъ ударенія *у*:

1) вм. стб. ъ, кост. *дǒш дуждǒт*; *ду̀скǒ*—pl. *дǒски* (стб. **дъска**); *ла̀кут* (стб. **лакъть**);

2) вм. стб. ь: *л́оснӧ—л́уснина̀* (льсно); *мъгла̀*—pl. *мо̀гли* (мьгла).

3) вм. стб. ж: *зо̀п* (зѫбъ)—*зубо̀т* (зѫбътъ), pl. *зо̀би*; *мо̀ш—мужо̀т*, pl. *мо̀же* и пр.

То самое *ӧ* учленяется тѣснѣе, какъ обыкновенное, первичное *о* въ этомъ говорѣ, когда безъ ударенія занимаетъ положеніе въ концѣ словъ, срав. напр. *плѐтӧ*, *пѐкӧ* (1 sg. наст. вр. = плетѫ, пекѫ).

Какъ и въ другихъ рупскихъ говорахъ, такъ и въ Костандовскомъ является въ слогахъ подъ удареніемъ стб. ѧ замѣненнымъ этимъ самымъ звукомъ, который заступаетъ и ѫ. Мягкость предшествующей согласной сохранилась и послѣ этого процесса смѣшенія, какъ это случилось и передъ ь. Но замѣчательно въ этомъ говорѣ и то, что ѧ *не во всѣхъ слогахъ, имѣющихъ удареніе, перешло въ* ѫ respective посредствомъ $ъ_2$ въ *ӧ*: тутъ есть колебаніе, кажется, не совсѣмъ безъ правильности. Оно достаточно указываетъ на то, что удареніе въ этомъ замѣнительномъ процессѣ не могло быть первою причиной его появленія. Въ слогахъ безъ ударенія стб. ѧ правильно замѣняется вокаломъ *е*; но и здѣсь есть важное исключеніе, а именно въ конечныхъ слогахъ, гдѣ вм. ѧ въ нѣкоторыхъ грамматическихъ случаяхъ опять произносится *о*, а именно *ӧ*. Очень вѣроятно, что и тутъ первоначально ѧ перешло въ ѫ съ удареніемъ, при чемъ, вѣроятно, это удареніе затѣмъ перемѣстилось на одинъ слогъ влѣво; такъ, напр., говорится *тѐл́ӧ* (стб. телѧ), срав. книж. болг. *телѐ*.

Итакъ, въ Костандовскомъ говорѣ, согласно съ вышеуказанными правилами, произносится:

1. *о̀* respective *ӧ* вм. ѧ̀, или другими словами ѧ̀ замѣнено рефлексомъ ѫ въ коренныхъ слогахъ съ удареніемъ, какъ оно вообще произошло въ большинствѣ остальныхъ рупскихъ говоровъ:

а) *Послѣ первоначально непалатальныхъ согласныхъ*: *м́о̀со* (мѧсо), *кл́о̀тва* (клѧтва), *з́о̀т́* (зѧть), *м́о̀ко* (мѧкъко), *т́о̀шко* (тѧжько), *т́о̀шки* (pl.), *р́о̀т* (рѧдъ), *нар́о̀т*, *в́ро̀т* (всюду=въ рѧдъ), *тр́о̀ска* (трѧска, Fieber); *пр́о̀дена во̀лна* (прѧдена вълна); *пр́о̀ла* (прѧла); *пр́о̀гни* (imperat.): «*пр́о̀гни волѝвето*» (прѧг-); *п́о̀тук* (пѧтъкъ); *гл́о̀дам* (глѧдалѫ), *пос́о̀гно* (посѧгнѫ); *т́о̀гло* (тѧглѫ, 1 sg.).

б) *Послѣ первоначально палатальныхъ согласныхъ: ч́о̀до* (чѧдо), *ч́о̀сто* (чѧсто), *шо̀па* (шѧпа), *жо̀тва* (жѧтва); *ш́о̀там* (шѧтаѭ), *жо̀х* (-жѧхъ), съ значеніемъ «възѧхъ» срав. жо̀ми (imperativ 2. sg. = жьми).

2. *ѐ* и *о̀* вм. ѧ̆ и ѧ̀: *петѐ* (пѧта), pl. *п́о̀ќи*; «*по̀кажи си петѐто*»; «*фтр́о̀са го*»; «*ч́о̀сто ли го тресѐ*» (трѧсетъ); *ѓѐв́ет* (девѧть)—*дев́о̀ќи* (девѧтъі); *ѓѐсет* (десѧть)—*дес́о̀ќи* (десѧтъі); *петна̀сеќ* (пѧтьнадесѧть)—*петнас́о̀ки* и пр.—Срав. еще *пѐќ* (пѧть)—*п́о̀ќи* (пѧтъі).

3. *о* вм. ѫ (-ѧ) въ окончаніи имен. вин. формы ед. ч. *н*- и *т*- основъ:

врѐм'о (врѣмѧ)—pl. временà; *ѝм'о* (имѧ)—pl. *именà; ѓѐк'о* (дѣтѧ), pl. *деца*; *ѐгн'о*, (въ д. Ракитово *jегн'о*), (агнѧ); pl. *ѐгн'ета*; *тѐл'о* (тѣлѧ) pl. *тѐл'ета*; *пѝл'о* (пилѧ) pl. *пѝл'ета*; *кýч'о* (коучѧ, собака), pl. *кучета*.

4. *о* вм. ѫ (-ѧ) въ вин. пад. ед. ч. личныхъ мѣстоименій: *мо* (мѧ): «*тоі мо бôхте*» (онъ меня біетъ); *то* (тѧ): «*тоі то бôхте*»; *со* (сѧ): «*к'и* (=*ты*) *мѝјеш ли со?*».

5. *ô* вм. ѫ (=ѧ) въ оконч. 3 л. мн. ч. наст. времени: *гур'ôт* (горѧтъ), *сп'ôт* (съпѧтъ); *вурт'ôт* (врътѧтъ; 1 л. sg.: *вôрт'о*); *вурв'ôт* (кървѧтъ = ходятъ), *сед'ôт* (сѣдѧтъ), *гост'ôт* (гостѧтъ) *вис'ôт* (висѧтъ) и пр.

Когда удареніе не падаетъ на личное окончаніе, *ô* правильно замѣняется звукомъ *у*: *нôс'ут* (носѧтъ), *вôд'ут* (водѧтъ), *хôд'ут* (ходѧтъ), *тôрп'ут* (тръпѧтъ), *мôл'ут* (молѧтъ) *бôхт'ут* (бъхтѧтъ) и пр.

Совершенно такъ же оканчиваются и глаголы, имѣвшіе въ староболгарскомъ окончаніе -ѫтъ:

а) съ удареніемъ, напр.: *плетôт*, *пекôт*, *мрôт*.

б) безъ ударенія, напр.: *ýмрут*, *бѝјут*, *пѝјут*, *закôл'ут*, *пѝшут* и пр.

6. Въ окончаніи 3 мн. ч. аориста среднеболгарское окончаніе -шѧ и въ рупскомъ нарѣчіи, какъ и во всемъ болгарскомъ языкѣ, измѣнилось въ -хѫ—именно подъ вліяніемъ аналогіи соотвѣтственнаго окончанія имперфекта. Потому и въ Костандовскомъ говорѣ окончаніе 3 л. мн. аориста произносится *-хо*: «*л'едувѐте со стопѝхо*».

7. Въ аористныхъ формахъ ед. ч. глаголовъ наѩти, напѧти и пр. уцѣлѣлъ рефлексъ того же самаго среднеболгарскаго ѫ, которое является замѣной ѧ въ этихъ глаголахъ: срав. 1 sg. *најôх* (наѩхъ), *зајôх* 2 л. sg. *зајô* (заѩхъ, заѩ), 1 л. *нап'ôх*, 2. *нап'ôх* (напѧхъ, напѧ).

Приведенные примѣры, думаю, достаточно убѣждаютъ, что всѣ среднеболгарскіе типы какъ «правильной», такъ и «неправильной» замѣны ѧ черезъ ѫ, насколько ихъ существованіе возможно въ новоболгарскомъ языкѣ, дѣйствительно, имѣются въ Костандовскомъ говорѣ. Нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, гдѣ эта носовая замѣна встрѣчается въ среднеболгарскихъ памятникахъ, можно и не найти въ нашемъ говорѣ, но все-таки они найдутся уцѣлѣвшими въ одномъ изъ сосѣднихъ рупскихъ говоровъ. Такимъ образомъ, нельзя сомнѣваться въ реальномъ существованіи всѣхъ этихъ примѣровъ носовой замѣны и въ среднеболгарскомъ языкѣ. Мнѣнія же, будто эта замѣна носовыхъ противорѣчитъ правилу о «необходимости» палатальнаго согласнаго передъ замѣнившимся носовымъ гласнымъ, нельзя уже всецѣло отстаивать.

Изъ перечисленныхъ случаевъ рефлексовъ носовой замѣны въ нашихъ говорахъ видно, что количество примѣровъ съ первоначально непалатальнымъ согласнымъ передъ бывшимъ носовымъ даже превышаетъ число дру-

гихъ—съ палатальнымъ согласнымъ. Итакъ, ясно, что процессъ смѣшенія ѧ съ ж, хотя повидимому и начался въ словахъ, гдѣ предшествовалъ палаталъ, съ теченіемъ времени однако продолжалъ распространяться, и несмотря на качество предыдущаго согласнаго; а изъ этого слѣдуетъ, что положеніе палатала передъ носовымъ не было самымъ главнымъ и единственнымъ условіемъ замѣны носовыхъ. Мы видѣли, что въ рупскомъ нарѣчіи вообще замѣна ѧ черезъ ж является правильно въ акцентованныхъ слогахъ, и что это—единственное условіе, безъ котораго эта замѣна вообще не выступаетъ. Исключенія, при объясненіи которыхъ можно допустить перемѣщеніе ударенія, какъ было указано выше, не нарушаютъ этого правила. Повидимому, нельзя сомнѣваться, что это условіе—необходимость ударенія—не можетъ быть совершенно новымъ, если въ приведенныхъ примѣрахъ несомнѣнна генетическая связь новоболгарскихъ рефлексовъ носовыхъ съ соотвѣтствующею среднеболгарскою замѣною носовыхъ. Но такъ какъ эта связь очевидна, то мы должны допустить, что и среднеболгарская замѣна носовыхъ управлялась какимъ то факторомъ, который долженъ былъ имѣть какое-нибудь соотношеніе съ удареніемъ.

Такимъ факторомъ могло быть только слоговое количество. Первоначально, когда появились первые типы замѣны ѧ черезъ ж, количество еще могло и совсѣмъ не зависѣть отъ ударенія; но впослѣдствіи, при постепенномъ исчезаніи въ языкѣ,— оно временно нашло себѣ въ удареніи союзника-охранителя. И въ этотъ лишь періодъ акцентованной долготы совершилось смѣшеніе ѧ съ ж въ акцентованныхъ долгихъ слогахъ безотносительно къ качеству предыдущей согласной.

Тогда именно и создались всѣ эти примѣры такъ называемой «неправильной» замѣны носовыхъ. Первоначально этотъ процессъ замѣны начался во всѣхъ болгарскихъ, особенно же въ восточноболгарскихъ нарѣчіяхъ; но дальнѣйшее развитіе этого процесса въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ зависѣло отъ болѣе быстраго или болѣе медленнаго развитія процесса совершеннаго исчезновенія слоговой долготы. На основаніи новыхъ данныхъ изъ области восточноболгарской діалектологіи (см. у меня Das Ostbulgarische с. 152, 216; Мин. Сбор. XVI—XVII, 409, 413), очень вѣроятно, что количество ранѣе исчезло въ сѣверовосточныхъ, чѣмъ въ юговосточныхъ говорахъ; всего же консервативнѣе оказались по отношенію къ количеству именно рупскіе говоры. Поэтому не удивительно, если уже въ среднеболгарскую эпоху языка «неправильная» замѣна ѧ черезъ ж была сильнѣе всего развита въ областяхъ пространнаго рупскаго нарѣчія, достигавшаго на югъ отъ Родопскихъ горъ до Эгейскаго моря. Поэтому и состояніе носовыхъ не одинаково отражалось въ письменныхъ памятникахъ. На этомъ основаніи, независимо отъ другихъ соображеній, можно относить «Среднеболгарскій Златоустъ»

къ памятникамъ, въ коихъ отразилось влiянiе рупскаго нарѣчiя среднеболгарской эпохи. Насколько же занимающая насъ носовая замѣна дѣйствительно развилась подъ влiянiемъ слоговой долготы, этотъ специальный вопросъ составитъ предметъ особой статьи (см. объ этомъ у меня Мин. Сбор. XVI—XVII, 411—413).

Но какова бы и ни была первая и главная причина замѣны ѧ черезъ ѫ, несомнѣнно то, что и теперь начала ея развитiя очевидны во всѣхъ восточноболгарскихъ говорахъ; во-первыхъ, произношенiе личныхъ мѣстоименiй мѧ, тѧ, сѧ, какъ *мъ*, *тъ*, *съ*, respective *ма̥*, *та̥*, *са̥* и даже *ма*, *та*, *са* въ восточноболгарскомъ всѣмъ извѣстно. Извѣстно также сильное распространенiе случаевъ съ рефлексомъ ѫ вм. ѧ послѣ палатальныхъ, какъ напр. въ словахъ *щъпа*, *жътва*, *жъденъ*, *жаден* и пр.; кромѣ того, и произношенiе ′ъ, resp. ′а̥ и ′а вм. ѧ напр. въ *дев′ат*, *дес′ат* и пр. опять то же самое явленiе, какъ и въ Костандовскихъ примѣрахъ ′о вм. ѧ.: *дес′оки*, *дев′оки* и пр. Какъ было уже сказано, Облакъ тщетно старался объяснить особое произношенiе вм. стб. ѧ въ этихъ примѣрахъ, хотя и былъ недалеко отъ истины (см. Минист. Сбор. XI, 543, 581). Въ суффиксныхъ слогахъ замѣна ѧ черезъ ѫ, насколько ея начала были развиты въ другихъ болгарскихъ говорахъ, не могла надолго удержаться вслѣдствiе наступившаго, послѣ изчезновенiя количества, аналогичнаго уравненiя окончанiй формъ подъ влiянiемъ синтактически сродныхъ и болѣе сильныхъ категорiй. Вопреки тому въ 3 л. мн. ч. наст. времени слѣды занимающей насъ замѣны и теперь во всѣхъ восточноболгарскихъ говорахъ вполнѣ ясны: даже и въ книжномъ болгарскомъ языкѣ говорятся и пишутся формы: *хо̀д′ът* (3 pl.), *но̀с′ът*, *търп′ът*, *върт′ът*, *сп′ът* и пр. Разумѣется, что возникновенiе этихъ формъ можно объяснять и иначе—путемъ обыкновенной аналогiи, и потому до сихъ поръ ихъ не брали въ расчетъ, объясняя формы какъ девять и пр.

Очевидно, первыя начала замѣны ѧ черезъ ѫ должно искать въ формахъ, гдѣ ѧ произносилось непосредственно послѣ палатальнаго согласнаго, и лабiализующее воздѣйствiе послѣдняго, поддержанное и количествомъ, привело къ первымъ типамъ занимающей насъ носовой замѣны. Согласный передъ ѧ, если и не бывалъ всегда чисто палатальнымъ, все-таки подъ влiянiемъ ѧ всегда былъ настолько палатализованъ, что уже принадлежалъ къ разряду передне-палатальныхъ. Еще въ концѣ староболгарскаго перiода первоначально твердый согласный передъ ѧ является уже значительно смягченнымъ, такъ что слоги: тѧ, пѧ, рѧ, нѧ, сѧ и пр. въ сущности произносились т́ѧ, ńѧ, ŕѧ, и пр., на что намекаетъ и правописанiе съ ѩ вм. ѧ въ такихъ слогахъ, напр. въ Ассеман. ев.: грѩдѫ, кнѩзь, сѩ, сѩди, въспѩть, отрочѩ и пр., въ Зограф. ев.: десѩть; въ Супрас. мин.: кънѩзи, тѩ, сѩ, протѩгъше и под.

Эта секундарная палатальность предыдущаго согласнаго держалась въ большинствѣ случаевъ въ теченіе всѣхъ стадій, черезъ которыя прошло фонетическое развитіе замѣны ѧ черезъ ѫ до нынѣшняго времени, какъ видно особенно въ примѣрахъ изъ рупскихъ говоровъ, гдѣ акцентованное ѧ правильно является замѣненнымъ черезъ *'ò*. Оттого, по справедливости, нельзя ни въ коемъ случаѣ называть замѣну ѧ черезъ ѫ *«неправильною»*, даже и съ точки зрѣнія главнаго правила носовой замѣны, по которому всегда предполагается палатальный согласный передъ замѣнившеюся носовою.

Въ сосѣдствѣ съ говоромъ деревень Костандово и Ракитово, изъ котораго я бралъ приведенные примѣры замѣны ѧ черезъ *ò*, существуютъ говоры, въ коихъ вмѣсто *ò* еще слышится *ъ*; изъ этого именно *ъ* впослѣдствіи развилось *ò* въ большинствѣ рупскихъ говоровъ. И передъ этимъ *ъ* согласная въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранилась мягкою (*'ъ*). Я уже указалъ на одинъ такой говоръ, въ которомъ произносится *ъ* (*'ъ*), какъ рефлексъ ѫ, замѣнившаго ѧ,—всегда подъ удареніемъ.

Это говоръ болгарскихъ павликіанъ около города Пловдива и ихъ сродниковъ въ Подунайской Болгаріи—около г. Свищова и Никополя, и въ Венгріи—въ Банатѣ (см. Мин. Сборн. XVI—XVII. 410, XIX. 228 и сл.; Das Ostbulgarische 212). Къ говору павликіянъ можно теперь, по отношенію къ замѣнѣ ѧ черезъ *ъ*, еще причислить говоръ деревни Батакъ (сосѣдней съ деревнею Ракитово и Костандово) и говоры деревень Дѣдово, Хвойна и Павелско въ области Рупчосъ; эти говоры я изучалъ лично и собралъ немало примѣровъ изъ народнаго говора. Въ павликіанскомъ говорѣ въ большинствѣ случаевъ уже исчезла мягкость согласнаго передъ *ъ* (=ѧ), срав. *кл'ъ̀тва* (клѧтва), *гл'ъ̀дам* (глѧдаѭ), *т'ъ̀шко* (тѧжько), но и: *тъ̀шко*, *дутъ̀гна*, *тъ̀гли* (тѧг-), *пусъ̀гна* (сѧг-), *упръ̀гна* (прѧг-), *стъ̀гна* (стѧг-), *лъ̀гна* (лѧг-), *зъл* (възѧлъ), *зъ̀х* (възѧ́хъ), *зъ̀* (възѧ, 2, 3 sg:), *зът́* (зѧть) и пр. *пъ̀ди* (пѧди), *чъ̀до* (чѧдо), *чъ̀сто* (чѧсто) и пр. (Das Ostbulg. 212, 220).— Срав. еще: *съ̀дни «ше съ̀дна»* (1 praes. сѧд-); *съ̀днах* (imperf.): «кат *съ̀днаа* та да си јадът»; «бѐше *пъ̀тък*» (пѧтъкъ); *сръ̀ща* ще *сръ̀щна* (сърѧт-); *гувъ̀да* (говѧда); *пугл'ъ̀дам* (1. sg., глѧд-) и др. (гов. дерев. Батакъ); *оп'ъ̀ва* (-пѧ-, 3 sg.), *гл'ъ̀дам* (гов. дерев. Павелско); *з'ъ̀ха* (=възѧшѧ; гов. дерев. Дѣдово).

Послѣ сказаннаго мы имѣемъ право предположить, что въ среднеболгарскихъ памятникахъ вслѣдствіе неточности графики палатальность согласнаго передъ ѫ вм. ѧ хотя и существовала, не была передана традиціональнымъ правописаніемъ носовыхъ слоговъ. Иначе нельзя понять, какимъ образомъ отъ рѫдъ, спѫтъ (3 pl.), глѫда-, десѫти, клѫтва, имѫ и пр. (см. выше), если эти среднеболгарскія слова не произносились, какъ р'ѫдъ, сп'ѫтъ, гл'ѫда, дес'ѫти, кл'ѫтва, им'ѫ и пр., могли развиться теперешнія новоболгарскія (рупскія) формы: *р'от*, *сп'от*, *гл'ода*, *дес'от*, *кл'отва*,

им́о respective *гл́ъда-*, *кл́ътва* и пр. А что предполагаемое произношеніе данныхъ формъ, именно съ мягкостью предыдущаго согласнаго, дѣйствительно должно было существовать, въ этомъ, думаю, послѣ всего сказаннаго трудно сомнѣваться.

Наконецъ, мы не совсѣмъ лишены и примѣровъ фактическаго проявленія предполагаемой мягкости въ самой графикѣ среднеболгарскихъ памятниковъ, хотя и очень рѣдкихъ, срав., напр., въ Добромировомъ евангеліи: «хотѫи» (прич. наст. вр.) и «хотѭи»; «сѣдѫи» и «сѣдѭи» (ор. с. 29); «болѫщихъ» и «хвалѭще» (с. 30). Сюда принадлежатъ и примѣры: «сѫи» на ряду съ сѭи; ѣдѫи — ѣдѭи, грѣдѫи — грѣдѭи (с. 32). Впрочемъ, условное значеніе знака ѫ, равняющагося и знаку ѭ, въ среднеболгарскихъ памятникахъ такъ обыкновенно, что даже и послѣ гласнаго большею частью ѫ замѣщаетъ ѭ, какъ, напр., и въ упомянутыхъ нашихъ памятникахъ, Охрид. Апостолѣ и Среднеболг. Златоустѣ, гдѣ пишутся: прѣѫхъ, пиѫи, даѫ и пр. вм. прѣѭхъ, пиѭи, даѭ и пр.

До сихъ поръ мы почти исключительно касались только замѣны ѧ черезъ ѫ, стараясь установить границы ея фактическаго распространенія въ среднеболгарскомъ языкѣ. Мы наконецъ пришли къ заключенію, что только начала этой замѣны надо искать въ лабіализующемъ вліяніи предшествующихъ палатальныхъ согласныхъ, предполагая однако необходимымъ и второе условіе — а именно акцентованную долготу носового гласнаго. Самую важную опору для предположенія этого второго условія, ставшаго потомъ, съ развитіемъ процесса, единственнымъ факторомъ, обусловливающимъ эту замѣну, мы находимъ въ новоболгарскихъ ея рефлексахъ рупскаго нарѣчія, гдѣ всегда удареніе сопровождаетъ рефлексъ ѫ = ѧ. Будущія изслѣдованія вопроса о роли количества въ этомъ фонетическомъ процессѣ, вѣроятно, подтвердятъ наши предположенія.

Совсѣмъ не тождественнымъ путемъ двигалось развитіе другой замѣны — ѫ черезъ ѧ. Главнымъ внѣшнимъ условіемъ этой замѣны, какъ извѣстно, всегда является присутствіе одного изъ среднепалатальныхъ согласныхъ *л́*, *р́*, *н́*, respective *п́*, *б́*, *в́ м́* передъ носовымъ ѫ для замѣны этого послѣдняго носовымъ ѧ. Рѣдкія исключенія этого правила вообще встрѣчаются въ такихъ грамматическихъ случаяхъ, гдѣ вообще возможна была и замѣна ѧ черезъ ѫ. Мы видѣли уже, что ѫ вм. ѧ всего чаще является въ окончаніи дѣйствительнаго причастія наст. врем., даже и послѣ *л́ р́ н́*, которые передъ ѧ были среднепалатальными, напр. мьнѫ (прич. ед. ч.), глаголѫ, творѫи, велѫщимь, мнѫщимь сѧ и пр. (см. у Кульбакина ор. с. 218, Среднеболг. Златоустъ 45, 47). Очевидно, что законы замѣны ѫ черезъ ѧ не тѣ же, что̀ законы обратной замѣны ѧ черезъ ѫ. Во всякомъ случаѣ, въ развитіи первой никакъ нельзя предполагать участія количества respective

ударенія. И дѣйствительно, замѣна ѫ черезъ ѧ въ среднеболгарскихъ памятникахъ правильно является въ окончаніи формы настоящаго времени 1 л. ед. ч., въ которомъ, какъ извѣстно изъ исторіи славянскаго количества, ѫ не было долгимъ. Итакъ, замѣну ѫ черезъ ѧ можно причислить къ обыкновеннымъ явленіямъ прогрессивной ассимиляціи. Для измѣненія ѫ въ ѧ подъ вліяніемъ предыдущаго согласнаго очень помогалъ и первоначальный фонетическій характеръ носового ѧ, который произносился, какъ широкое *е*, т. е. *ä*—съ предыдущимъ мягкимъ консонантомъ, какъ сказано выше (см. объ этомъ у меня Мин. Сборн. IX. 288—290. XIII. 104, 107, XVI—XVII. 413—415; у Облака, Сбор. XI. 581). Результаты среднеболгарской замѣны ѫ черезъ ѧ впослѣдствіи были по большей части уничтожены новымъ уравнительнымъ процессомъ аналогіи, вновь установившимъ старинное однообразіе флексивныхъ окончаній (нѣсколько такихъ уцѣлѣло въ болгарскомъ языкѣ, напр. въ окончаніи 1 л. ед. ч. наст. времени). Не будь этого процесса, въ новоболгарскихъ говорахъ и нынѣ было бы много слѣдовъ упомянутой замѣны. Въ самомъ дѣлѣ, такіе слѣды немногочисленны; наприм. форма 1 л. ед. ч. наст. времени должна оканчиваться, согласно съ фонетикой большинства восточноболгарскихъ говоровъ, рефлексомъ ѫ—именно ъ тамъ, гдѣ не предшествуетъ палатальный согласный *л́*, *р́*, *н́*, *п́*, *б́*, *в́*, *м́*, а въ противномъ случаѣ — рефлексомъ ѧ, т. е. *е*. Извѣстно, что этого правила до сихъ поръ ни одинъ изъ болгарскихъ говоровъ строго не придерживается, хотя разница между ъ (=ѫ) и *é* (=среднеб. ѧ) во многихъ говорахъ еще существуетъ (см. у меня Das Ostbulgarische, напр. 132, 128 и др.). Въ нарѣчіи деревни Банско (въ Разлогѣ), дѣйствительно, находимъ чистое окончаніе *-е* вм. среднеболг. -ѧ въ той же формѣ, напр. мол*е*, гор*е*, гон*е*, но по аналогіи то же самое окончаніе *-е* замѣнило въ этомъ нарѣчіи и среднеб. ѫ, такъ что говорятъ и *плѐте* (1 sg.).

Въ виду сказаннаго очень замѣчателенъ говоръ упомянутой деревни Ракитово (сосѣдней съ деревнею Костандово), потому что въ немъ лучше всѣхъ сохранилась среднеболгарская замѣна ѫ черезъ ѧ въ окончаніи настоящ. времени 1 л. ед. ч. Въ говорѣ Костандова глаголы въ 1 л. ед. ч. наст. вр. оканчиваются на *ó* или *о* (безъ ударенія), напр. *пекó*, *плѐто*, *бѝјо*, *гд́р́о*, *вдрв́о*, *зàкол́о* и пр. И въ говорѣ д. Ракитово то же самое окончаніе, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ предшествуетъ согласный *л́*, *р́*, *н́*; въ послѣднемъ случаѣ вм. оконч. *о* является *е*, напр. *мдго*, *ндс́о*, но: *мдле*, *отвдре*, *гдне*. Это *е*, несомнѣнно, прямой рефлексъ среднеболгарскаго ѧ=ѫ. Замѣчательно еще, что въ 3 pl. уже слышится полутемное *е*, т. е. *ẹ*: *гон́ẹт*, *мол́ẹт*.

Проф. Л. Милетичъ.

Софія 20/XI. 1904.

Придъ (агырлыкъ) — болгарская кладка.

С. С. Бобчевъ.

Придъ — болгарская кладка — одинъ изъ самыхъ распространенныхъ обычаевъ въ Болгаріи. Это вовсе не провинціализмъ, бытовой или юридическій. Во всѣхъ отвѣтахъ, которые получены мною по вопросамъ моей спеціальной программы объ изученіи болгарскаго юридическаго быта[1]), говорится о существованіи прида въ той или иной формѣ.

«Придъ» живетъ и на гремящихъ берегахъ Вардара и въ живописной Розовой долинѣ, подъ Шипкинскимъ Балканомъ и въ грозныхъ ущельяхъ Родопъ, и въ богатыхъ поляхъ Пловдива, Софіи, Старой-Загоры и Рущука. Вездѣ — въ деревняхъ, селахъ, городахъ — онъ живъ, если не въ чистой своей формѣ, то, по меньшей мѣрѣ, въ фазѣ вымирающихъ символовъ и обрядностей во время свадьбы.

Но, прежде всего, познакомимся съ тѣмъ, что̀ такое «придъ». Въ жизни, а именно въ предбрачныхъ и брачныхъ отношеніяхъ, придъ не только проявляетъ свою живучесть, но игралъ и, по мѣстамъ, играетъ и до сихъ поръ довольно важную роль. «Годежу» (помолвкѣ) и «свадьбѣ» безъ «даровъ» («безъ тънки дари») не бывать; бѣднѣйшіе парень и дѣвушка должны приготовить подарки, насколько дозволяетъ ихъ состояніе, и обмѣняться ими. Если мы остановимся на описаніи обычаевъ и обрядовъ около и во время болгарской свадьбы, то увидимъ, что центральный пунктъ всего — подарки и пирушки[2]). Несмотря на это, народъ говоритъ: «свадба безъ даръ не се връща».

Если, однако, вѣрно, что «свадьба безъ дара не возвращается», тѣмъ болѣе вѣрно, что свадьба безъ прида отмѣняется, помолвка считается уничтоженной. Свадьба во многихъ мѣстахъ не можетъ состояться, если не

---

1) С. С. Бобчевъ, — За събирането и изучването на българскитѣ юридически обичаи. Пловдивъ, 1883 г.

2) Ср. Сборники памятниковъ народнаго творчества Чолакова, бр. Миладиновыхъ, Шапкарева, Иліева, Министерства Народнаго Просвѣщенія, мой «Сборникъ на бълг. юридич. обичаи», т. I, стр. 179—187.

будетъ договорена, и, обыкновенно, если не будетъ уплачена извѣстная сумма денегъ отцу невѣсты со стороны парня или его родителей-представителей.

Обычай этой платы денегъ носитъ не одинаковое названіе, но содержаніе его всеобще и одинаково. Въ Западной Болгаріи, гдѣ лексическое богатство староболгарскаго языка сохраняется очень упорно, обычай называется «придъ», что̀ означаетъ прибавленіе. Въ Южной Болгаріи эта сумма денегъ названа турецкимъ словомъ *агырлыкъ, аарлъкъ, ангырлъкъ* (особенно въ Хасковскомъ и Пловдивскомъ округахъ и въ селахъ Родопъ)[1]; въ «павликенскихъ» (болгаро-католическихъ) селахъ употребляется другое турецкое названіе—баба-хакѫ, т. е. отцовское право. Впрочемъ баба-хакѫ слышится и въ другихъ краяхъ Болгаріи—Сѣверной и Южной,—гдѣ сожительство съ турками не оставило безъ извѣстнаго вліянія народную терминологію[2]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Македоніи это—*вѣнчанина*[3]). Въ Демиръ-Хисарскомъ округѣ (Македонія) говорятъ, что необходимо заранѣе *«да сѣкатъ дъска»*, т. е. договориться о томъ, что̀ родители невѣсты въ правѣ получить, какъ выкупъ ея, невѣсты[4]). Въ Панагюрище—это «бащина правдина»[5]). Говорятъ также—«спапь» и «обуща»[6]).

При помолвкѣ первое и самое важное, о чемъ должны договориться, относится къ тому: сколько парень или его родители должны дать отцу невѣсты. Было время, когда придъ былъ весьма большихъ размѣровъ; парню было даже нелегко найти средства для уплаты прида. Въ настоящемъ ко-

---

1) Нѣкоторые изслѣдователи юридическаго быта дѣлаютъ смѣшеніе въ употребленіи слова *агърлъкъ* (произносится — агырлыкъ) съ турецкими же словами *аалыкъ, агалыкъ, аглыкъ* и *ялыкъ*. Тутъ большая ошибка. Если агырлыкъ, *придъ, баба-хакя*,—цѣна, такъ сказать, невѣсты, или «отцовскаго права», второе — самый обыкновенный даръ, подарокъ, обыкновенно состоящій въ платкѣ — по турецки *аглыкъ, ялыкъ*. Это смѣшеніе встрѣчается и у Богишича (Zbornik, стр. 255—256), гдѣ два раза встрѣчается слово «агырлыкъ»: разъ оно приносится новобрачными на другой день послѣ свадьбы и дается невѣстинымъ родителямъ, другой разъ — въ первый годъ свадьбы, въ день Ивана Купалы, «деверъ» (шаферъ) ведетъ невѣсту на замерзшую воду, дабы она выкупалась, послѣ чего она даетъ ему «агырлыкъ». Богишичъ толкуетъ, что это дѣлается якобы по подобію дара (agirlik), который паша давалъ, когда женился на султанкѣ (Замѣтка Богишича подъ чертой, стр. 256). Но это очевидная ошибка. И, вѣроятно, при переписываніи слово аглыкъ (aglik) или агалыкъ (agalik) сдѣлалось agirlik'омъ. Мы тѣмъ болѣе готовы утверждать это въ виду того обстоятельства, что покойный учитель Стефанъ Захаріевъ, авторъ извѣстнаго важнаго труда «Статистическое описаніе Т. Пазарджикской каази», давшій эти свѣдѣнія Богишичу изъ Т. Пазарджика, не могъ сдѣлать такой грубой ошибки, зная порядочно турецкій языкъ.

2) С. С. Бобчевъ, — Сборникъ и пр., т. I, стр. 179—183.

3) Братія Миладинови, Български народни пѣсни. Загребъ.

Дювернуа толкуетъ это слово такъ: *Вѣнчанина*, т. е. вѣно, что дается женихомъ, предъ обрядомъ вѣнчанія, отцу невѣсты; цѣна невѣсты.

4) Сборникъ за нар. умотв. IV, 35.

5) Чолаковъ, — Сборникъ и пр. 22.

6) Сборникъ Минист. н. пр. за нар. умотв. II, 2 ч. н. 7. 219 стр. Ср. С. С. Бобчевъ,— Сборникъ на български юрид. обичаи, т. I, 179.

роткомъ сообщеніи я намѣренъ изложить нѣкоторыя данныя о болгарскомъ придѣ, объ его сущности, характерныхъ чертахъ, о происхожденіи и развитіи его, а также и о послѣдней фазѣ его жизни.

I.

Прежде всего приведемъ нѣкоторыя изъ собранныхъ мною данныхъ о томъ, когда и какъ въ Болгаріи договаривается и платится «придъ».

Вотъ что сообщилъ мнѣ уроженецъ Тырна, адвокатъ и народный представитель Петръ Важаровъ о Трынскомъ краѣ[1]).

«Придъ—продажная цѣна невѣсты, которой ея родители располагаютъ свободно (съ небольшими исключеніями), какъ вещью, «товаромъ-скотомъ». Не очень давно въ Трынскомъ округѣ не могло быть свадьбы безъ прида, какъ самой обыкновенной купли-продажи безъ «крычмы» (магарыча).

«Родители парня, особенно отецъ, разъ ему понравилась невѣста, устраиваютъ встрѣчу съ отцомъ или матерью ея. При первыхъ еще переговорахъ рѣчь заходитъ о *придѣ*. Если дѣло не пойдетъ на ладъ, то переговоры откладываютъ до другого раза, «кага му дойде врѣмето». А самое удобное время, это *оглед*ъ (смотрины), когда есть и другіе люди—посредники, называемые навалджіи[2]). Тогда, случается, спросятъ и самое невѣсту, которая на вопросъ отца: «Нравится ли тебѣ парень, котораго я тебѣ выбралъ?» отвѣчаетъ: Е, па я знамъ ли, како ти речешъ.... *гледай ти за тебе*, тате, я съмъ си читаво кандисало», т. е. «Ну, такъ почему знать мнѣ, какъ ты скажешь.... *ты смотри про себя*, батюшка, я вполнѣ согласна».—«Ты смотри про себя» значитъ: обрати ты вниманіе на свой придъ.

«Тогда посланецъ парня—отецъ, хозяинъ «задруги» (большой семьи), или другой изъ его близкихъ—спрашиваетъ отца невѣсты:

— Прио (собственное имя), сколько..... хочешь прида отъ парня, моего Тошу[3])?... Знаешь, онъ хорошъ, смирный, умѣетъ денежку копить, «за све га бива» (на всѣ руки мастеръ): бросать камень, бороться—никто не можетъ стать противъ него; да и красавецъ онъ.... не хуже твоей Божурки[4])».

---

1) Трынскій край — одинъ изъ тѣхъ, который составляетъ часть *шоплук*'а, гдѣ болгарскій бытъ и языкъ сохранились въ довольно большой чистотѣ. Трынскій край — называется *Знеполе*.

2) Слово *навалджіи* характерно тѣмъ, что оно болгарскаго происхожденія съ турецкимъ окончаніемъ. Навалджія отъ *навалямъ*, т. е. наступаю, а въ фигуративномъ смыслѣ — убѣждаю, ускоряю. Въ Зап. Болгаріи свадьбы безъ «навалджіевъ» не бываетъ; зато противъ навалджіевъ всегда найдутся и «кудачеи»; кудачъ имѣетъ задачу, противоположную «навалджію»; онъ *кудитъ*, т. е. укоряетъ, портитъ дѣло.

3) Названіе парня; уменьшительное отъ Тодоръ.

4) Названіе невѣсты; уменьшительное отъ «Божура». «Божуръ» — это красный цвѣтокъ — растенія Peonia officinalis,— піонъ, Марьинъ корень.

Присутствующіе начинаютъ убѣждать отца невѣсты, что это, молъ, на самомъ дѣлѣ такъ и есть: «Ей Богу, все это совершенная правда.... Парень не стоитъ больше двухъ паръ.... Видно, что дѣло должно быть. Только давайте *«по скоро да прекинемо придъ»* (скорѣе опредѣлить придъ), «покончить съ торгомъ» и «переломить ноги у черта, которой такъ сильно препятствуетъ».

— Ну, такъ и я вовсе не много запрашиваю: 500 піастровъ, для меня кожухъ» (шуба), для бабы—кожухче (маленькая шуба), снохамъ и дѣтямъ въ домѣ—башмаки.

— О, о, о,... такъ ты запрашиваешь и молоко матери твоей; да поменьше, поменьше. Какъ оно *«редно, да не е освенъ свѣтъ»* (порядочно, не будь внѣ принятаго всѣми). Твой сосѣдъ получилъ только 200 піастровъ, а мы тебѣ даемъ, ну, 300, такъ какъ знаемъ, что твоя Божурка ничего себѣ, стоитъ своихъ денегъ.

— Хорошо! такъ давайте хоть 400 піастровъ.

— Нѣтъ, нельзя такъ, круглымъ числомъ не хорошо; грошомъ больше, грошомъ меньше [1]).

— *Хайде, хайде, честито да е!...* 350 грошей; это ужь справедливо.

— *Честито, честито!* 350! 350! Хаирлия нека е (т. е. счастливо, счастливо! 350, 350! Будь благополучнымъ).

— *Хаирлия, хаирлия* [2])! 350, 350! Гдѣ ты, Божурка, поди цѣловать руки.

«И Божурка приходитъ, цѣлуетъ руки всѣмъ; гости и домашніе пожимаютъ другъ другу руки, и начинается разговоръ о томъ, когда будетъ уплаченъ придъ. Обыкновенно его даютъ въ день «помолвки» (тъкмежъ, годежъ, главежъ), или въ день свадьбы. Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, «когда родители невѣсты и парня имѣютъ другъ къ другу большое довѣріе», возможно отложить уплату «прида» на 1—2 недѣли послѣ свадьбы, и тогда «придъ» приносится съ большей церемоніей.

«Придъ» дается деньгами, вещами, разными подарками, назначенными для отца и матери невѣсты, снохъ, дѣтей и пр. Старшимъ даютъ «кожухи» (шубы), младшимъ обувь, платки или иные мелкіе предметы, невѣстѣ же обязательно — «верхнюю одежу», или какую-либо старую желтицу: пендара, махмудія и пр. [3]).

---

1) *Грошъ* — старинная монета, названіе которой принято турками для обозначенія 40 паръ. Грошъ или піастръ стоитъ приблизительно 20 сантимовъ, около семи копеекъ.

2) Слово *хаирлия* (турецкое) означаетъ благополучный, отъ хаиръ—благополучіе. *Да е хаирлия* употребляется весьма часто во всѣхъ благопожеланіяхъ и напутствованіяхъ.

3) Первый даръ невѣстѣ долженъ быть «желтицей» (червонецъ). Только весьма бѣдные могутъ замѣнить его серебряной монетой, опять-таки старинчаго типа и происхожденія.

«Всѣ стараются возможно скорѣе и легче покончить съ договоромъ «прида», такъ какъ, если парень и невѣста другъ друга полюбили, имъ извѣстенъ способъ «ускорить дѣло» и безъ прида: невѣста можетъ бѣжать къ парню; а бываетъ и такъ, что парень насильственно можетъ похитить ее, «какъ волкъ овцу».

«Рѣдко случается разстроить «дѣло» вслѣдствіе неуплаты прида; но все-таки это бываетъ. Всѣ озабочены тѣмъ, чтобы какъ нибудь удовлетворить требованіямъ обычая.

«Нынѣ «придъ» начинаетъ исчезать. Причина тому: бѣдность родителей парня, добровольное бѣгство невѣсты, насильственная кража и умыканіе. Въ 1898 г. Софійская митрополія отправила окружное посланіе противъ «прида», «торга» и «продажи невѣстъ», однако оно, это посланіе, не могло воздѣйствовать для прекращенія обычая. Ни одинъ священникъ, знающій о придѣ, не посмѣлъ возстать противъ него[1]).

«У насъ нѣсколько пословицъ, въ которыхъ вполнѣ выражены правила продажи невѣсты и прида: «Убава мома, како убава стока, сама се продава.—Кой се жени, онъ си кьесу гледа.—Чедо се бадеява не дава.—Споредъ девойкьу и придъ»[2]).

Радню Адырски, видный старикъ-селянинъ изъ Брѣзова, въ Пловдивскомъ Округѣ, 27 лѣтъ, мнѣ разсказалъ о придѣ слѣдующее: «Безъ «агырлыкъ» и безъ большого агырлыка въ турецкое время никто не выдавалъ свою дочь. Пусть заботится объ этомъ самъ женихъ. Отцы невѣстъ запрашивали и до 1000 грошей. А въ то время 1000 грошей были значительный капиталъ не только для бѣдныхъ, но и для каждаго. О размѣрѣ прида говорили во время помолвки. Прежде всего придъ, и потомъ ужъ другое. Если парень почему либо не согласится или же онъ бѣденъ и не можетъ дать, сколько захочетъ отецъ невѣсты, помолвка не состоится. «Моя дѣвушка не для тебя», скажетъ отецъ парню, и послѣдній уходитъ. Приходитъ другой «мющерія» (кліентъ, охотникъ, покупатель), даетъ извѣстную сумму прида и беретъ невѣсту. Если у невѣсты нѣтъ отца, придъ все же дается. Если отецъ умеръ, отцовское право не умерло. Получаетъ придъ представитель дома, старшій въ домѣ; получаетъ его мать, въ ея отсутствіи — дядя, старшій братъ, словомъ — представитель дома или семьи».

Тодорица Гочева (50—55 лѣтъ) изъ с. Калековецъ (близъ Пловдива) отвѣтила мнѣ: «Какъ не быть агырлыку! есть онъ у насъ, во всѣхъ нашихъ деревняхъ и селахъ. Существовалъ когда-то, есть и теперь. Вѣдь я тоже

1) Свѣдѣнія эти даны въ 1899 г.

2) Въ переводѣ: Хорошая дѣвушка, какъ хорошій товаръ, сама продаетъ себя. — Кто женится, смотритъ на свой кошелекъ. — Дочь не дается даромъ. — По дѣвушкѣ и «придъ».

женила парня три года тому назадъ. Мы бѣдны, понадобилось продать не много пшеницы, не много кукурузы, собрали сто-двѣсти грошей и *выкупились*. Слава богу, отецъ невѣсты, хотя тоже бѣдный, оказался разумнымъ человѣкомъ и не запросилъ много. Въ старину запрашивали по 1000 и больше грошей. Не дать, нѣтъ и невѣсты; хорошо—не хорошо, такъ было; и много бѣдняковъ разорялись на этомъ агырлыкѣ; возьмутъ у какого либо торгаша деньги съ «физомъ» (проценты) по 25—50%, не могутъ ихъ заплатить своевременно—и вотъ молодая супружеская пара пошла по турецкимъ «чифликамъ» (хуторамъ) закабаляться. Но нечего было дѣлать: такъ пошло отъ дѣдовъ и отцовъ».

По словамъ Лачо Каранфилова изъ с. Маркова, близъ Пловдива, у подошвы Среднихъ Родопъ агырлыкъ продолжаетъ существовать въ весьма малыхъ размѣрахъ и переживаніяхъ—въ дареніяхъ обуви и шубы для семьи невѣсты. Турки этого края называютъ агырлыкъ — словомъ *баба-хакы*, т. е. отцовскимъ правомъ. Во время помолвки только ведутъ переговоры объ агырлыкѣ, а рѣшаютъ его размѣръ въ специально для этого назначенный день, когда собираются у невѣсты *на отсѣкъ*. Тогда договариваются о днѣ свадьбы и о количествѣ башмаковъ, которые парень принесетъ въ домъ невѣсты. Торгъ объ «обуви» бываетъ послѣ угощенія. Отецъ невѣсты скажетъ: «Я хочу 40—50 паръ башмаковъ». Послѣ же соглашенія объ обуви отецъ невѣсты спроситъ: «Ами агырлыкъ?» Этотъ обычай обыкновенно сохраняется въ с. Шайтанкюй. Самъ Лачо далъ для своей первой супруги только одинъ червонецъ, для второй же — лишь — обувь. «Но, говорилъ онъ, агырлыкъ сохраняется въ польскихъ краяхъ. Тамъ онъ *законъ*[1]).

«Весьма распространенъ агырлыкъ у цыганъ. Они запрашиваютъ по 3000 — 4000 грошей (піастровъ). Цыганъ — отецъ невѣсты говоритъ парню: «Я тебѣ даю, Хальо, невѣсту—вмѣстѣ съ парой воловъ, съ плугомъ и принадлежностями и съ житницей. Что же ты еще думаешь и не даешь настоящей цѣны?» Цыгану-парню нечего дѣлать. Онъ выбиваеся изъ силъ, продаетъ, что у него есть, и плотитъ, лишь бы получитъ цыганку-невѣсту, которая въ самомъ дѣлѣ приноситъ ему «въ своемъ мѣшкѣ» не только пару воловъ съ плугомъ, но и настоящій «чифликъ» (хуторъ — ферму)».

Замѣчательно, что агырлыкъ или баба-хакы сохранился у помаковъ — болгарскихъ мусульманъ. Обыкновенно въ этихъ мѣстностяхъ

---

1) Здѣсь слово «законъ» народъ употребляетъ въ смыслѣ обычая. Какъ у сербовъ, такъ и у болгаръ, слово «законъ» имѣетъ троякій смыслъ: 1) обычая, consuetudo, coutume; 2) вѣры, religio и 3) закона, lex. Объ этомъ см. *мою статью*: «Обычай и законъ» въ «Лѣтопись на Бълг. Книжовно Дружество» за 1903 г. Ср. Вук Караџић, — Рјечник, слово «законъ»; Ѳ. Зигель, — Законникъ Стефана Душана, Спб. 1872, стр. 115.

агырлыкъ переродился въ обувь, одежу, главнымъ же образомъ въ «кожухи» (шубы).

Въ моемъ «Сборникѣ на бълг. юр. обичаи» напечатаны данныя объ агырлыкѣ изъ Сѣверной Болгаріи (Елена, Лѣсковецъ, Рущукскій Округъ), изъ Южной Болгаріи (Казанлыкъ, Копривщица, Стара-Загора, Хасково) и изъ Македоніи (Струга, Скопье, Ахы-Челеби и пр.)[1]).

По этимъ даннымъ агырлыкъ существуетъ во всѣхъ названныхъ мѣстностяхъ. Въ Ахы-Челеби[2]) агырлыкъ—это «пары за спапъ», т. е. деньги на одежду, отъ 20 до 500 піастровъ. Это какъ бы вознагражденіе отцу невѣсты за расходы по приготовленію одежи невѣсты[3]). Въ Стругѣ[4]) парень даетъ отцу невѣсты 10 піастровъ, а этотъ ему возвращаетъ одинъ піастръ, «хаиръ-парасѫ»—турецкій терминъ, означающій «деньги на счастье». Во всѣхъ селахъ Стругскаго уѣзда парень даетъ еще 200—300 піастровъ *баба-хакѫ* (отцовское право). Въ Скопскихъ (Ускюбскихъ) селахъ во время «яблоки» («на ябалка»), день формальной помолвки, договариваются, сколько піастровъ отецъ парня даетъ невѣстинымъ родителямъ, сколько паръ «обуви» (башмаковъ) ея братьямъ, кромѣ того по «кожуху»—отцу и матери ея. Агырлыкъ по общему правилу дается за 10—15 дней до свадьбы, между тѣмъ какъ дары приносятся, когда родственники парня придутъ за невѣстой[5]).

Въ Хасковскихъ селахъ, напр. въ Добричѣ, даютъ *баба-хакѫ* отъ 300 до 800 піастровъ. Независимо отъ этого, обмѣниваются подарками, и парень обязанъ дать братьямъ невѣсты «ботуши» (сапоги), сестрамъ—«обуща» (башмаки), остальнымъ родственникамъ — маленькіе подарки.

Въ Демиръ-Хисарскихъ селахъ (Македонія), въ четвергъ до свадьбы, происходитъ «сѣчѐне на дъскàта», т. е. договариваются о томъ, чтò долженъ заплатить парень за дѣвушку. Во время торга отецъ дѣвушки говоритъ: «*Ну, такъ, ставьте, вѣдь знаете старый обычай*». Отецъ парня поставитъ: а) 50 піастровъ *баба-хакѫ* — за то, что вырастили дѣвушку, б) 30 піастровъ за сундукъ, т. е. выкупъ невѣсти-

1) См. С. С. Бобчевъ, — Сборникъ на българскитѣ юридически обичаи, ч. I, отд. 1. Семейно право. Пловдивъ, 1897 г., стр. 302. — Второй томъ этого «Сборника», содержащій «Вещи; — Наслѣдованіе; Обязательства» вышелъ въ Софіи въ 1902 г., стр. 320.

2) Ахы-Челеби — это край южнаго склона Среднихъ Родопъ, въ бассейнѣ р. Арды, гдѣ живутъ болгары неотуреченные и ахряне—болгары отуреченные. Обычаи у тѣхъ и другихъ — общіе, съ незначительными исключеніями.

3) С. С. Бобчевъ, — Сборникъ на бълг. юр. обичаи, ч. I, стр.

4) Струга — въ Македоніи, на сѣв. берегу Охридскаго озера; весьма красивый городъ. Ея обитатели говорятъ: «Као Струга нема друга», т. е. «какъ городъ Струга, нѣтъ другого».

5) К. А. Шапкаревъ, — Сборникъ за народни умотворения, III, 50—59. Ср. мой «Сборникъ», I, стр. 181.

наго приданаго, в) 10 піастровъ, если отецъ парня не привезъ жаренаго овна для угощенія[1]).

Въ *Хисарѣ* (Карловскій уѣздъ) агырлыкъ—до 300—400 піастровъ. Здѣсь принято, что отецъ невѣсты на эти деньги покупаетъ «обувь» для своей родни[2]). Въ Панагюрище и окрестныхъ селахъ «бащинска правдиня» договаривается во время «зàпива», когда отецъ дѣвушки запрашиваетъ 300—500 піастровъ, кромѣ того для помолвки.

Половина договореннаго агырлыка вносится, немного спустя, вмѣстѣ съ привозомъ обѣщанныхъ для помолвки предметовъ. Другая половина платится на другой день послѣ свадьбы, въ понедѣльникъ, если невѣста окажется дѣвственницей[3]).

Въ Хаджи-Елесскомъ уѣздѣ въ агырлыкъ взимается до 800 піастровъ. Если агырлыкъ не будетъ уплаченъ заранѣе, то, когда пойдутъ за невѣстой, ее не пускаютъ, пока не уплатятъ все, что̀ слѣдуетъ и что̀ условлено[4]).

Въ Казанлыкѣ даютъ *баба-хакы* въ размѣрѣ, зависящемъ отъ состоянія парня или его родителей. Обычай имѣетъ цѣлью помочь отцу невѣсты докончить приготовленіе «чеиза» (приданаго) своей дочери. Въ Старой-Загорѣ отцу невѣсты приносили *заранѣе обувь и овна*. Кромѣ того, давали *баба-хакы*: богатые — до 1000 піастровъ, средніе — до 800, *болѣе* бѣдные — до 500—600. Эти деньги должно было перечесть *на доскѣ* и только послѣ этого соглашались «отступить» невѣсту[5]).

Въ нѣкоторыхъ селахъ Тырнова, Елены, Рущука даютъ тоже баба-хакж, но обыкновенно въ формѣ подарковъ. Въ Лѣсковцѣ названіе это не употребляется, а говорятъ «деньги на обувь» (обуща)[6]).

Въ Радомирскихъ селахъ, спустя нѣсколько дней послѣ помолвки, отецъ парня съ нѣкоторыми изъ своихъ близкихъ отправляется къ отцу невѣсты для «уговора» или для «прѣдаваніе». Оно состоитъ въ слѣдующемъ: отецъ парня обязуется по мѣстному обычаю заплатить отъ 100 до 1000 піастровъ, смотря по тому 1) каково его состояніе и 2) каково приданое, которое невѣста принесетъ парню. Поэтому и отецъ невѣсты долженъ сказать,

---

1) Сборникъ болг. министерство нар. просв., IV, 35.

2) С. С. Бобчевъ, — Материалы за българското обичайно право. Наука, 1883, I стр. 36.

3) Этотъ обычай описанъ такъ только у Чолакова. Я не могъ его провѣрить. На мои запросы никто не подтвердилъ сообщеннаго Чолаковымъ (См. Сборникъ, 22). Во всякомъ случаѣ, этотъ двукратный вносъ «агырлыка» напоминаетъ китайскую «куплю невѣсты», гдѣ во время сговора платится половина суммы, другая — въ день свадьбы (Letourneau, L'évolution du mariage, 145).

4) Сборникъ мин. за нар. ум., II. 46.

5) Свѣдѣнія доставлены мнѣ старымъ народнымъ учителемъ Г. П. Русескимъ.

6) С. С. Бобчевъ, — Сборникъ, стр. 130, 136, 182.

сколько и какіе предметы, одежды, башмаки онъ намѣренъ дать дочери и родственникамъ парня[1]).

Вообще придъ жизненнѣе всего проявлялся и проявляется въ Западной Болгаріи, т. е. въ уѣздахъ Видинскомъ, Ломскомъ, Бѣлоградчикскомъ, Кулскомъ, Царибродскомъ, Вратченскомъ, Трынскомъ и Софійскомъ. Въ этихъ мѣстностяхъ во время «огледа» (смотрины) творится именно настоящій торгъ. Переговоры открываетъ отецъ парня.

— Ну, сватъ! мы видѣли, говоритъ онъ, «юницу» (телицу); она намъ понравилась: теперь очередь за тобой; что̀ захочешъ за нее, посмотримъ.

— Что̀ дашь, не увидишь, отвѣчаетъ отецъ дѣвушки. Скажи, что̀ ты даешь.

Тогда отецъ парня вынимаетъ свою «кесію» (кошелекъ) и начинаетъ ставить по одной монетѣ, а отецъ дѣвушки говоритъ постоянно: «еще, свате, еще». Это «еще» продолжается до тѣхъ поръ, пока и присутствующіе вмѣшаются и скажутъ: «Ну, будетъ же; достаточно! Больше — отъ Бога».

— Это вовсе немного, объясняетъ отецъ дѣвушки; вѣдь, вѣдь моя юница словно левъ.

Этотъ выкупъ доходитъ отъ 100—500 піастровъ. Если гдѣ-либо не даютъ денегъ, то тамъ торгуются о «дарахъ»: сколько мужской и женской обуви, сколько кожуховъ (шубъ), сколько съѣстныхъ припасовъ долженъ привезти отецъ парня, когда придетъ за молодою, и т. д.

По словамъ Д. Маринова, собиравшаго данныя о народномъ бытѣ въ западномъ краѣ Болгаріи[2]), «этотъ торгъ вовсе не переговоры между родственниками и будущими близкими; это скорѣе тотъ торгъ, тотъ цыганскій споръ, который встрѣчается развѣ только по базарамъ, гдѣ продаютъ коней, воловъ или буйволовъ».

Народныя пѣсни болгаръ также содержатъ нѣкоторые слѣды этого прида. Мы приведемъ здѣсь одну, касающуюся Маріи, внучки Марка Кралевича, которую Мурадъ-бедже просилъ въ жены. Она не знала, что̀ ему отвѣтить, и вотъ обращается къ своему дядѣ Кралевичу Марку и объясняетъ ему:

Ево иматъ три години дена
Ка ме проситъ, бедже, Мурадъ бедже,
Той ме проситъ, та я го не зе'амъ

Но, наконецъ, онъ сталъ очень и очень много настаивать и еще требовалъ, чтобы она сдѣлалась турчанкой.

---

1) Свящ. Либеновъ, — Сборникъ Нар. Умотворенія. Софія. 1896. Стр. 75—76.
2) Д. Мариновъ, — Жива старина. III. Стр. 62—64.

Говореше Марко Кралевике:
«А е гиди киръ бѣла Марио!
А Марио, моя мила мнуко,
Аль то'а тебе брига нашла?
Посакай му *скжпа вѣнчанина*,
Вѣнчанина на три бѣли градо'и,
Посакай му три руди планинье,
Три планинье со сѐ руди овци,
Съ руди овци, со млади овчари»[1]).

II.

Насколько мнѣ удалось сдѣлать нѣкоторыя сравнительныя изслѣдованія въ области народныхъ обычаевъ южныхъ и другихъ славянъ по отношенію къ «приду», я позволяю себѣ думать, что агырлыкъ, т.-е. плата за невѣсту ея отцу какого-либо вознагражденія въ такой рѣзкой и весьма распространенной формѣ едва ли существуетъ въ другой славянской странѣ. Слѣды обычая, подобнаго агырлыку, существуютъ у многихъ народовъ, и славянскихъ и не славянскихъ, арійскихъ и не арійскихъ; но только у болѣе первобытныхъ племенъ эта видоизмѣненная форма старинной купли невѣсты сохранилась въ такой рѣзкой формѣ.

Я не стану заниматься здѣсь подробнымъ изложеніемъ данныхъ объ «агырлыкѣ» у другихъ народовъ. Для цѣли моего сообщенія достаточно только замѣтить, во-первыхъ, что *придъ* не можетъ считаться исключительно болгарскимъ или славянскимъ обычаемъ, во вторыхъ, что онъ сравнительно больше сохранился среди болгаръ, да главнымъ образомъ потому, что во многихъ мѣстностяхъ народный бытъ менѣе всего затронутъ внѣшними культурными или иными вліяніями.

Болгарскій придъ имѣетъ свое подобіе въ сербскомъ такъ названномъ «братскомъ» и «дѣвичьемъ дарѣ», или «ябукѣ»[2]), въ украинской и вообще русской кладкѣ, въ «калымѣ» и «ирадѣ», у нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ, главнымъ образомъ татаръ[3]). Этотъ обычай не далекъ даже отъ ирландскаго loglonamnais и средневѣковаго maritagium'а[4]). Придъ однако живетъ и проявляетъ свое существованіе какъ-то выпуклѣе, рѣзче и напоминаетъ

---

1) Бр. Миладинови,—Пѣсни. № 123.—Выше объяснено, что въ Македоніи *вѣнчанина*, и до сихъ поръ,—деньги, которыя парень даетъ для выкупа невѣсты.

2) Д-ръ Смилянић, Глас српскои ак. № 40, стр. 234.

3) М. М. Ковалевскій, Первобытное право, выпускъ II. Семья. М. 1886. См. на стр. 123 и слѣд. II. 100; Терещенко, Бытъ русскаго народа, II, стр. 170; Ѳ. К. Волковъ, Свадбарски обряди (въ Сборникъ на Минист. на Народн. Просвѣщение за нар. ум. III, 146).

4) М. М. Ковалевскій, О. с. II, 41 и 128.

яснѣе плату за невѣсту, по мѣстамъ же это настоящая плата, выкупъ родителями парня невѣсты у ея отца.

Какъ ни близки и сосѣдни Болгарія и Сербія, особенно, какъ ни близки тѣ округи, которые пограничны между собою, однако сербскіе изслѣдователи еще не дали намъ данныхъ, дабы судить, что названіе *придъ*, или «бащина правдина» существуетъ среди сербовъ. Тѣмъ не менѣе, по моимъ личнымъ изслѣдованіямъ въ Пиротскомъ округѣ и Зайчарскомъ уѣздѣ, слово придъ извѣстно. Въ студіи д-ра Смилянича «Отмице» и пр.[1]) помѣщены довольно обстоятельственныя данныя о томъ, что въ Сербіи съ давнихъ временъ извѣстно существованіе платы денегъ со стороны парня невѣстѣ. Въ Сербіи эта плата носитъ разныя названія. Таковы: *братинско*, *братски дар*, *девојачки дар*, *капар*, *јабука*, *аманет*, *обележје*. Но, какъ сообщаетъ и самъ Смилячичъ, «ябука, обележје, въ юго-западной Сербіи—*обилежје* или *капар*,—это деньги, которыя парень и его отецъ даютъ невѣстѣ, когда она даетъ слово, что пойдетъ за парня». Съ этого момента дѣвушка отмѣчена, или «капаросана»[2]).

Однако это еще не настоящій «придъ», къ которому скорѣе приближается *братинско*, обычай, согласно которому отцу невѣсты дается сумма денегъ «для дома» (у кућу) и нѣкоторыя вещи для его родственниковъ[3]). Этотъ обычай особенно распространенъ въ Шумадіи. Вокругъ да около «братскаго дара» или «новаца у кукьу» водятся почти такіе же переговоры, какъ объ агырлыкѣ. Отецъ невѣсты старается по возможности больше сорвать, а отецъ парня—меньше дать. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Сербіи «чизме» (сапоги) замѣстили деньги, а въ восточныхъ мѣстностяхъ эту роль сыграла «шуба»[4]).

Въ Босніи и Герцеговинѣ для невѣсты даютъ 10—15 талеровъ. Объ этой суммѣ дѣлаютъ уговоръ до свадьбы. Тотъ же настоящій торгъ, который мы видѣли раньше. Во всякомъ случаѣ, до свадьбы отецъ парня долженъ дать какую-либо сумму въ видѣ задатка (*капаръ*). Въ противномъ случаѣ, у него отбираютъ напр. ружье, что̀ считается очень обиднымъ, и поэтому отецъ парня самъ ищетъ и скорѣе находитъ возможность внести необходимый задатокъ[5]).

Въ южной Далмаціи, недѣля до свадьбы, отцы парня и невѣсты идутъ на базаръ съ своими знакомыми. Отецъ парня служитъ водкой. Онъ первый беретъ «боцу» (сосудъ) съ водкой, на которой яблоко, а на немъ заткнутъ

1) D-r Смиљанић, Отмице (Глас Српској Кр. Ак. № 40).
2) Глас, № 40. 234.
3) Вл. Радоевић, въ ж. Караџић'а за мѣс. мартъ 1901. Стр. 60.
4) Д-ръ Смилянић, Отмице, 236.
5) Л Гругеђ-Бјелокосић, Из народа и о народу.

червонецъ, названный *секинъ*; эту «боцу» онъ подаетъ отцу невѣсты, который беретъ червонецъ и кладетъ себѣ въ карманъ, а боцу даетъ старшему изъ присутствующихъ. Этотъ червонецъ отецъ невѣсты задерживаетъ для дома («у кукьу»). Этотъ обрядъ—давать «секинъ» на яблоко — вызвалъ возникновеніе особаго летучаго слова, поговорки: «продалъ дочь за секинъ» [1]).

Переходя къ восточнымъ славянамъ, можно указать на то, что «кладка», о которой даютъ намъ достаточно свѣдѣній Ефименко, Пахманъ и М. М. Ковалевскій, въ дѣйствительности подходитъ къ болгарскому приду. Пахманъ, въ своемъ трудѣ «Обычное гр. право въ Россіи», сообщаетъ, какъ сами крестьяне заявляли, что у нихъ принято, чтобы женихъ платилъ за невѣсту отцу ея деньги, кладку, что женихъ покупаетъ невѣсту, платя за нее выводъ [2]). Кладка встрѣчается и въ Россіи довольно часто въ различныхъ, даже весьма отдаленныхъ, одна отъ другой, мѣстностяхъ. Для этого предбрачнаго взноса, идущаго со стороны жениха и передаваемаго его отцомъ родителямъ невѣсты, существуютъ и довольно распространены многія другія названія кромѣ кладки, какъ-то: «вкладъ», «столовыя деньги», «выводныя деньги», «выводъ», «выговоръ», «выходъ», «рощеное» [3]). И въ Россіи бываетъ такъ, что иногда кладка идетъ на справку невѣстѣ приданаго; иногда же кладка—это награда невѣстѣ [4]). Пахманъ заключаетъ, что обычай давать кладку не только извѣстенъ на Руси, но и весьма распространенъ въ русскомъ крестьянскомъ быту [5]). Относительно же юридическаго значенія кладки, тотъ же авторъ заключаетъ, что «это плата за самую невѣсту, какъ за работную силу, которой съ выходомъ дѣвушки замужъ лишается семья». Такимъ образомъ, и сопоставляя кладку съ калымомъ [6]), можно смотрѣть на обычай давать кладку, какъ на продолжающую существовать въ народѣ древнюю форму заключенія брака посредствомъ покупки невѣсты. Пахманъ однако спѣшитъ оговориться, что съ «выраженіемъ плата за невѣсту», по

---

1) М. М. Ковалевскій (Первобытное право. II. 1901) передаетъ съ нѣкоторыми ошибками этотъ обычай. Онъ сообщаетъ, что яблоко кладется на стаканъ съ водкой (а это не на стаканъ, а на «боцу»), что на яблоко положена «мелкая монета»—секинь, а секинь или цехинъ—настоящій золотой червонецъ стоимостью въ 9 рубл. серебромъ. Кромѣ того, М. М. сообщаетъ, какъ будто этотъ обычай происходилъ въ Болгаріи, въ Рисан . . , а это настоящій сербскій обычай, происходящій въ южной Далмаціи. Рисан — городокъ въ южной Далмаціи.

2) Пахманъ, Обычное гр. право въ Россіи, стр. 61.

3) Это названіе употребляется, какъ свидѣтельствуетъ Пахманъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Олонецкой губерніи и означаетъ, что платится родителямъ невѣсты за то, что воспитали дочь, вырастили. Об. гр. право въ Россіи. 60.

4) Ibid. 61.

5) Ibid.

6) Въ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ русское населеніе живетъ вмѣстѣ съ татарами, крестьяне заявили, что кладка есть тотъ же татарскій калымъ, т. е. плата за невѣсту. Ср. «Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ» (1873—1874). V I. 48—49. 195—196.

крайней мѣрѣ, въ настоящее время, у самихъ крестьянъ едва ли соединяется представленіе о покупкѣ въ такомъ же смыслѣ, какъ это слово примѣняется къ куплѣ вещей; въ немъ сохранилось лишь стародавнее воззрѣніе безъ прежняго содержанія. Теперь и размѣры кладки невелики, а дается она обыкновенно на свадебные расходы и наряды для невѣсты[1]). Наконецъ, Пахманъ заключаетъ, что «съ точки зрѣнія юридической, подъ кладкою слѣдуетъ разумѣть не плату за невѣсту, а дареніе, дѣлаемое со стороны жениха подъ условіемъ заключенія брака»[2]). Размѣръ кладки различенъ съ трехъ до триста рублей[3]). Обычай кладки, по Пахману, неизвѣстенъ, между прочимъ, въ Малороссіи, въ Харьковской губерніи. Въ Кіевской и Екатеринославской губерніяхъ кладки замѣняются свадебными подарками, хотя и послѣдніе бываютъ предметомъ особаго соглашенія[4]).

Я не стану входить въ подробныя изслѣдованія глубокой старины, дабы отыскивать происхожденіе прида и излагать исторію его эволюціи. Кажется, приведенныя данныя достаточны для того, чтобы заключить съ положительностью, что придъ не что иное, какъ продолженіе въ болѣе или менѣе смягченной формѣ древняго обычая покупать невѣстъ. Купля же невѣстъ въ глубокую старину была одной изъ самыхъ распространенныхъ формъ заключенія брака.

Объ всеобщей же распространенности прида въ Болгаріи едва ли можетъ быть сомнѣніе послѣ обстоятельственнаго изложенія данныхъ, собранныхъ со всѣхъ мѣстностей. Также ясно и то, что агырлыкъ не очень далекъ отъ купли невѣстъ.

Какъ извѣстно, существованіе этого способа заключенія брачнаго союза—купли невѣсты—идетъ рядомъ съ умычкой или хищеніемъ невѣстъ; но во всякомъ случаѣ существуетъ много данныхъ, чтобы заключить о позднѣйшемъ по времени появленіи обычая купли невѣстъ.

Умычка или хищеніе невѣстъ обыкновенно приводила къ вооруженному столкновенію двухъ родовъ — парня и невѣсты. Происходили драки, происходили настоящія сраженія, кровопролитія, убійства. Это положеніе вещей не могло наконецъ не вызвать реакцію и пріостановленіе ею путемъ хотя бы помиренія двухъ сторонъ. А извѣстно, что въ старину, при каждомъ миреніи, наказанія замѣщались всевозможными «вирами», «вергелдами», штрафами и денежными уплатами за нанесенный вредъ. Первый денежный выкупъ со стороны парня, совершившаго хищеніе невѣсты, былъ ея же вергелдъ, который впослѣдствіи сдѣлался платой за невѣсту.

---

1) Пахманъ, Об. русское право, 62.
2) Ibid.
3) Ibid. 64.
4) Ibid. 64. См. и замѣтка № 8.

Это объясненіе мнѣ кажется весьма правдоподобнымъ. Оно поддерживается такимъ знающимъ соціологомъ, каковъ былъ покойный D-r Charles Letourneau[1]), такимъ юристомъ, каковъ Raul de la Grasserie[2]), русскими профессорами Сергѣевичемъ[3]) и М. М. Ковалевскимъ[4]).

Въ болгарскихъ памятникахъ встрѣчается наказаніе въ видѣ виры за похищеніе невѣсты, специальное названіе которой «дѣвичій разбой». Постепенно дѣвичій разбой, кажется, сдѣлался добровольнымъ вознагражденіемъ или платой за невѣсту ея родителямъ со стороны парня или его отца.

Существованіе купли невѣсты у болгаръ и вообще у южныхъ славянъ доказывается цѣлымъ рядомъ данныхъ, переживаній и обломковъ, заключающихся въ богатомъ фольклорномъ сокровищѣ: въ пѣсняхъ, обрядахъ и обычаяхъ, совершаемыхъ особенно при свадьбѣ. Въ Болгаріи и до сихъ поръ говорятъ: «Бу̀лка се купу̀ва, чѐдо не мо̀же», «жена̀ съ пари̑ се купува» (въ Прилѣпскомъ округѣ[5]). Есть пѣсенка: «Вали̑ вали̑ дъждъ, да се роди̑ чени̑ца, да си ку̀пя жени̑ца». Впрочемъ, я не стану приводить цѣлый рядъ пѣсенъ, изъ которыхъ видно, что «невѣсты» покупались[6]), что дѣвушка не можетъ дѣлать выбора: вѣдь она продана[7]), что много разъ задатку даютъ за ней, какъ за какое-то животное[8]). Самая помолвка въ Болгаріи носитъ наименованія: *годежъ*, *главежъ*, *мъна*, *мънка*, *сговоръ*, — слова, означающія *торгъ*, *договоръ*, *условіе* и свидѣтельствующіе, что это — актъ, при которомъ дѣлаются такіе же переговоры, какъ при продажѣ животнаго: тутъ дается «равунъ» (задатокъ)[3]), или «нишанъ», «аманетъ», состоящій въ нѣсколькихъ золотыхъ или — у самыхъ бѣдныхъ — серебряныхъ грошахъ.

«Агырлыкъ», какъ мы замѣтили, немногимъ отмѣнилъ старѣйшую форму заключенія брачнаго союза. Онъ только низвелъ одной ступенью, но не очень удалилъ заключеніе брака отъ его формы — купли-продажи.

III.

Изъ сравнительно-историческаго изученія болгарскихъ юридическихъ обычаевъ и, вообще, фольклорныхъ данныхъ можно придти къ заключенію,

1) D-r Ch. Letourneau, L'évol. du mariage, 127, 188.

2) Raul de la Grasserie, Des regimes matrimoniaux (Rev. gen. du droit 1903).

3) Сергѣевичъ, Лекціи, 375.

4) М. М. Ковалевскій, Первобытное право.

5) Сборникъ (на Министерството на Нар. Просв.) за народни умотвор. I ч. 210 стр. №772.

6) Скрий ме, брайно, въ сиво стадо
— Не мога, сестро, ни да те погледна,
Че си скжпо прѣкупена —
Вcѣка сплитка—и дукато (См. Стоиловъ, Нар. Умотв. № 257).

7) Отъ сега си продадена
Продадена, заложена (См. П. Безсоновъ, Болг. п. М. 1855, стр. 21).

8) Сб. за Нар. Ум. IV. 1 ч. № 772.—4. 161 д.

что *придъ* (агырлыкъ)—видоизмѣненіе столь распространенной старинной формы брака—купли невѣст. Дѣйствительное, впрочемъ, значеніе прида, съ точки зрѣнія историко-юридической, не что иное какъ этапъ, ступень по пути эволюціи платы за невѣсту. Придъ смягченная или обрядовая форма этой платы; по мѣстамъ все дѣлаютъ такъ, чтобы старинная купля невѣсты проявилась во всѣхъ своихъ рѣзкихъ чертахъ и подробностяхъ; по мѣстамъ это чуть ли не настоящая купля, при которой иногда творится и такой самый торгъ, какъ на рынкѣ скота.

Впрочемъ и народъ не особенно стѣсняется въ своихъ объясненіяхъ представить истинный характеръ, настоящее внутреннее значеніе прида. Какъ ни трудно добиться точныхъ отвѣтовъ у народной массы по какому бы то ни было вопросу, касающемуся его быта, я старался собрать данныя по интересующему насъ предмету. Изъ этихъ данныхъ легко можно сдѣлать выводъ, что народъ смотритъ на придъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія экономическаго, трудового начала. Ты даешь готовую рабочую силу, лишаешь себя одной работницы; справедливость требуетъ, по народному понятію, чтобы тотъ, который пріобрѣлъ эту силу, тебя, лишившагося ея, вознаградилъ. Вотъ почему «агырлыкъ» считается и толкуется нѣкоторыми какъ вознагражденіе за уступленную работницу. Придъ, такимъ образомъ,—плата этой рабочей силы, ея эквивалентъ.

Есть однако и иное объясненіе, кажется, имѣющее цѣлью до нѣкоторой степени прикрыть или смягчить настоящую куплю-продажу невѣсты. Агырлыкъ, по этому объясненію, дается какъ выкупъ отцовскаго права; это, какъ говорятъ, *баба-хакы*, *бащина правдина*. Подобное толкованіе замѣтно и въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ, между прочимъ—въ всеизвѣстной въ Болгаріи исторической пѣснѣ о женитьбѣ сестры послѣдняго болгарскаго царя Иоанна Шишмана—Тамары или Мары за султана Мурада[1]). Исторія разсказываетъ, что Мара, послѣ того какъ вышла замужъ за турецкаго султана, сохранила свою православную вѣру[2]). Народное преданіе, сохранившееся въ пѣсняхъ, твердитъ, что султанъ Мурадъ предложилъ Марѣ, «бѣлой болгаркѣ, потурчиться» и сдѣлаться «бѣлой ханымой», «дабы сидѣть на высокомъ чердакѣ» (кіоскѣ) и «низать бѣлыхъ маргаритовъ». Народная концепція о положеніи Мары такова, что она могла бы пойти замужъ за султана, но на то необходимо было согласіе ея

---

1) Иречекъ,—Исторія болгаръ (русск. перев.; Одесское изданіе 1878). Стр. 420.

2) Въ болгарскомъ «поменикѣ» читается: «Кирѣ Тамаръ; дочери великаго царя Іоанна Александра, великой госпожѣ, которая была отдана Амиру Амурату за болгарскій народъ» и, будучи его супругой, сохранила христіанскую вѣру и спасла свой народъ, «хорошо и благочестиво провела жизнь и въ мирѣ скончалась, вѣчная ей память!» См. Иречекъ, Истор. 428;—Раковски, Нѣсколько рѣчи о Асѣню, 52; С. С. Бобчевъ, Агърлъкъ (придъ), стр. 73.

матери (отецъ ея — въ то время царь Іоаннъ Александръ — не былъ въ живыхъ)[1]. И вотъ Мара обращается къ своей матери и спрашиваетъ ее:

«Струва ли халалъ кърмата,
Кърмата дѣтъ я й кърмила
Шетнята дѣтъ ѝ й шетала»[2].

Мать Мары даетъ свое согласіе и отпускаетъ ей какъ право за кормленіе грудью, такъ и право за присмотръ, но лишь подъ условіемъ:

«Ако ти цярятъ харижe
Цариградъ половината
И Султанъ Селимъ джамия,
Черкова да я направишъ[3]).

Такимъ образомъ народное понятіе обосновываетъ родительское право «прида» заботами «уходомъ», кормленіемъ грудью ребенка и дальнѣйшимъ «служеніемъ» около вскормленія дѣвушки. Нужно было выкупить это «кормленіе» и «служеніе».

Подобное толкованіе находится еще въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ отвѣтахъ, полученныхъ нами при изслѣдованіяхъ объ «агырлыкѣ». Въ Добричѣ «на моминъ баща се плаща баба-хакъ по причина че отхранилъ момата»[4]. Въ Брѣзовѣ (Абрашлари) и въ другихъ мѣстностяхъ, если отецъ умеръ, агырлыкъ получаетъ его замѣститель, его, такъ сказать, ayant droit, старшій въ домѣ.

Это толкованіе сближаетъ болгарское народное правовоззрѣніе на придъ съ германскимъ, согласно которому мужъ обязанъ платить выкупъ mundium'a у лица, которому право это принадлежитъ до брака. Мужъ долженъ былъ уплатить цѣну невѣсты, «pretium», которая обыкновенно равнялась ея вергелду. Подобные браки по Zoepfl'у, считались connubia venalia, и считались болѣе обезпечивающими право мужа надъ женой[5].

Въ дальнѣйшей эволюціи самого прида мы встрѣчаемъ его, какъ бы выкупъ того приданаго, которое начинаютъ приготовлять для невѣсты и ко-

---

1) Отецъ Тамары, Иоанъ Александръ, умеръ въ 1365 г., а Мара вышла замужъ въ 1366 г. вслѣдствіе союзнаго договора, заключеннаго между ея братомъ, царемъ И. Шишманомъ, и Мурадомъ (Иречекъ, стр. 424).

2) Т.-е. «Даруетъ ли ей кормленіе грудью, кормленіе которымъ она ее питала, и уходъ за ней, служеніе, которымъ она ее окружала».

3) «Если султанъ тебѣ подаритъ половину Царьграда и мечеть султана Селима, чтобы ты ее превратила въ церковь».

4) С. С. Бобчевъ, Сборникъ, I. 179. Въ Добричѣ отцу невѣсты платится агырлыкъ за то, что онъ вскормилъ невѣсту.

5) Zoepfl, Deutsche Rechtsgeschichte, 314 стр. и слѣд.

торое отвозится въ домъ мужа. «Агырлыкъ платится для «спапа» (чеизъ, дрѣхи), т.-е. приданаго—сообщаютъ изъ Ахы-Гелеби[1]). Но это объясненіе получается уже въ мѣстностяхъ, гдѣ агырлыкъ, въ самомъ дѣлѣ, начинаетъ уже употребляться хотя бы отчасти для приготовленія самаго приданаго невѣсты.

Разсматривая эволюцію самого прида въ Болгаріи, мы можемъ прослѣдить очевидные фазисы его замѣненія иными формами и постепеннаго его вымиранія. Наконецъ, мы можемъ замѣтить, какъ онъ остается жить только въ нѣкоторыхъ переживаніяхъ и обломкахъ, или же—въ символахъ и обрядахъ.

Дѣло наконецъ доходитъ до того, что агырлыкъ поглощается тѣми подарками, которые родители невѣсты даютъ своей дочери, и, наконецъ, исчезаетъ.

Причины же исчезновенія кроются въ самой эволюціи, которую претерпѣли брачные обычаи и обрядности подъ вліяніемъ, съ одной стороны, новыхъ культурныхъ вѣяній, а съ другой,—новыхъ экономическихъ условій и соображеній.

Нѣкоторые отцы семейства, которые не нуждались въ выкупѣ своихъ дочерей и относились съ любовью къ судьбѣ ихъ, начали суммы этого выкупа употреблять на приготовленіе всевозможнаго одѣянія и снабжать возможно большимъ приданымъ невѣсту. Вообще въ самую глубокую старину замѣтно, что слово «вѣно», которое означало плату за невѣсту, начинаетъ означать приданое. Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Библіи слово «вѣно» употреблено вмѣсто слово «приданое». Въ переводѣ славянской Библіи «вѣно» употреблено какъ приданое, хотя оно обозначаетъ тамъ же плату за невѣсту: «И даде его (градъ Газеръ) Фараонъ въ вѣно дщери своей»[2]).

Если «вѣно» отъ значенія платы за невѣсту, вмѣстѣ съ эволюціей этой платы и превращеніемъ ея въ приданое, стало употребляться вмѣсто названія самого приданаго[3]), то болѣе всего ясно это положеніе доказывается на почвѣ болгарскаго обычнаго права о придѣ.

Въ Старозагорскихъ селахъ родители невѣсты, кромѣ «чеиза», приготовленнаго ими къ свадьбѣ, возвращаютъ невѣстѣ и половину *баба-хакы*. Эта возвращенная часть называется *кебинь*, что̀ собственно означаетъ приданое. «Кебинь» дается мужу, чтобы онъ охранялъ ее и умножалъ съ года въ годъ, но онъ всегда оставался peculium жены. Всѣ другіе предметы, одежды, платье, посуды и др. вещи, уносимыя невѣстой въ своемъ «сун-

1) С. С. Бобчевъ, Сборникъ, I, 179—180.
2) Іисусъ Навинъ, 16, 10.
3) Шпилевскій, Семейн. власти. 36.

дукѣ», называются «чеизъ». Деньги только—кебинь. Такимъ образомъ «кебинь» и «чеизъ», хотя и равнозначущіе почти по смыслу и содержанію, различаются по своему происхожденію[1]). Въ Евджилери «бабы-хакы дается для невѣстинаго платья». При этомъ, обращаетъ вниманіе обстоятельство, которое констатируется во всѣхъ полученныхъ мною отвѣтахъ при собираніи матеріаловъ по данному вопросу: *размѣръ «баба-хакы» всегда ставился въ зависимость отъ размѣра «чеиза»* (приданаго), т.-е., если невѣста приготовила побольше «чеиза», то и размѣръ требуемаго «баба-хакы» больше. Въ Евджилери если дѣвушка приготовила 8—9 комплектовъ платья, даютъ «баба-хакы» до 800—900 піастровъ. Въ Ахы-Челеби отцу невѣсты даютъ деньги для «спапа» (платья)[2]). Въ Казанлыкѣ «агырлыкъ» даютъ для «чеиза». Въ селахъ Скопскаго округа (Македоніи), послѣ полученія подарковъ, которые нужно дать родственникамъ невѣсты, и прежде чѣмъ «передать» (теслимить—турецкое слово, означающее—traditio), рѣшаютъ о *капарѣ*—это «зестра» (приданое), которую парень даетъ не другому кому, а самой невѣстѣ и, въ случаѣ развода, эту сумму, какъ peculium жены, мужъ обязанъ заплатить сполна разведенной. Во время уговора «кебиня» опять происходитъ какъ бы настоящій торгъ о лошади. Родители невѣсты запрашиваютъ 1000 или 500 піастровъ, родители или представители парня даютъ одну пару ($^1/_{40}$ піастра) и потомъ одни уступаютъ по парѣ, и дѣло кончается иногда 15—20 піастрами[3]).

Я сказалъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ придъ началъ вымирать, а въ другихъ—совсѣмъ исчезъ; но собственно онъ нигдѣ не исчезъ окончательно, а все-таки сохранился въ новыхъ формахъ или низведенъ къ одному лишь символическому обряду. При болгарской свадьбѣ сохранилась масса примѣровъ переживанія агырлыка. Укажемъ прежде всего на то, что въ нѣкоторыхъ «павликянскихъ» (болгаро-католическихъ) селахъ Филиппопольскаго округа парень долженъ дать отцу невѣсты установленную сумму—14 піастровъ—ни больше ни меньше.

Хотя и трудно было мнѣ добраться до причины этой строго опредѣленной нормы павликянскаго «баба-хакы», но, судя по другимъ даннымъ, можно смѣло поддерживать, что объясненіе кроется въ запрещеніи взимать и давать «агырлыкъ», наложенное со стороны павликянскаго духовенства. Не только духовенство въ Болгаріи, но и другіе видные и передовые факторы заботились отмѣнить агырлыкъ въ виду нѣкоторыхъ его опасныхъ вліяній на экономическое и моральное положеніе молодыхъ брачущихся.

1) С. С. Бобчевъ, Сборникъ, I, 186.
2) С. С. Бобчевъ, Сборникъ, I, 179.
3) Шапкаревъ, Сборникъ, III, 98, 99.
4) Ibid.

Если въ Сербіи Карагеоргій издалъ указъ, которымъ воспретилъ продажу невѣсты и куплю ея за сумму больше 12 піастровъ и, такимъ образомъ, уничтожилъ почти значеніе обычая[1]), то въ Болгаріи еще во время турецкаго владычества появилось нѣсколько Карагеоргіевцевъ, и они, хотя и не съ формальными указами, содѣйствовали вымиранію и исчезновенію агырлыка.

Для селъ Брѣзовскаго уѣзда вотъ что сдѣлалъ мѣстный «чорбаджи» дѣдушка Радньо: около сорока лѣтъ тому назадъ онъ пригласилъ къ себѣ священника и сказалъ ему, что «впередъ агырлыкъ будетъ только сто (100) піастровъ; если кѣмъ-нибудь будетъ уговоренъ больше этого размѣра, священникъ не долженъ благословлять бракъ. Замѣчательное распоряженіе Брѣзовскаго законодателя нашло послушныхъ исполнителей. Причины тому не очень замысловаты. Вотъ какъ мнѣ ихъ объяснилъ внукъ дѣдушки Радню, который носитъ его же имя и имѣетъ 72 года отъ роду: «Агырлыкъ, хотя и исконный обычай, сталъ было ненавистенъ поселянамъ. У кого было кое какое имущество, тотъ выплачивалъ агырлыкъ, но зато лишался средствъ для дальнѣйшаго обработыванія своихъ нивъ, ливадъ, виноградниковъ; онъ вынуждался продать какое-либо изъ своихъ имуществъ. У котораго не было имущества для продажи, онъ долженъ былъ найти денегъ «за большой фаизъ (процентъ)». Но «фаизъ» растетъ быстро; годъ, два послѣ свадьбы, занятые 100 піастровъ удвоились и утроились. Для того чтобы платить ихъ, молодой мужъ долженъ былъ, не одинъ, а съ своей женой, отправляться работать по турецкимъ чифликамъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, молодое хозяйство разорялось, и честь супруговъ подвергалась тяжелому испытанію. . . .»[2]).

Такія же воспретительныя мѣры были приняты въ многихъ краяхъ Болгаріи. Особенно священники вмѣшались и на первыхъ порахъ установили меньшія нормы, до 100 піастровъ maximum, а въ иныхъ мѣстахъ— Добралыкѣ (въ Средней Родопѣ)—и совсѣмъ запретили агырлыкъ, какъ что-то весьма «грѣхотное» (грѣшное). Это случилось, впрочемъ, недавно, послѣ освобожденія, когда было предписано Пловдивской Митрополіей, что если кто желаетъ считать «годежь» (помолвку) нерасторгаемымъ или—по меньшей мѣрѣ—имѣть основанія для иска проторь и убытковъ вслѣдствіе расторженія помолвки, то необходимо при заключеніи помолвки—«годежа» присутствовать священнику[3]).

---

1) По сербскимъ источникамъ, Карагеоргій «забрањуе оцу који удаје девојку да узме у кућу више 12 гроша. Ко буде више узео, изгубиће све, па потом још кажњен бити» (Глас, свезка LXIV); Други разред, № 40, стр. 232.

2) Подробности см. въ моей обширной студіи на болгарскомъ языкѣ «Агырлыкъ» (придъ) въ изданіи Болг. Книж. Дружества «Періодическое Списаніе», кн. LXIV.

3) Ibid.

Такимъ образомъ ускорялось все болѣе и болѣе вымираніе агырлыка. Однако это вымираніе не происходило сразу. Агырлыкъ начиналъ въ иныхъ мѣстностяхъ новую жизнь въ формѣ «обуща» (обуви), «спапа» (платья), «шуби» и другихъ обязательныхъ подарковъ. Во многихъ мѣстностяхъ даже не слышно слова «агырлыкъ», «придъ», «баба-хакы»; ихъ мѣсто занимаютъ «папуци», «обуща», «кожухи», «спапъ» и др. Если въ Ахы-Челеби парень или его родители даютъ на «спапъ», въ Тырновскомъ округѣ молодой даетъ для «обувы» или для «кожуху». Въ нѣкоторыхъ селахъ Родопъ парень обязанъ дать безусловно «обувь», «кожухъ»[1]).

У марваковъ (въ Македоніи) договариваются, что родители парня принесутъ безусловно въ домъ невѣсты для свадьбы 50 окъ виноградпаго вина, 25 окъ мяса, 10 окъ капусты, 10 окъ риса, 5 свѣчей. Если они этого не принесутъ, то не бывать свадьбѣ[2]). Тотъ же самый обычай сохраняется въ Ускюпскихъ селахъ относительно заранѣе договоренныхъ подарковъ[3]).

Между обрядностями при помолвкѣ и свадьбѣ сохранился и до сихъ поръ обычай давать какую-либо монету—золотую или хоть серебряную со стороны парня обыкновенно самой невѣстѣ. Помолвка безъ такой монеты, называемой «нишанъ» (знакъ), невозможна; со стороны невѣсты никакихъ монетъ не надо; она даетъ платки. Такимъ образомъ послѣднее проявленіе агырлыка нашло себѣ мѣсто въ этихъ и иныхъ символахъ[4]).

Съ другой стороны, придъ послужилъ источникомъ приданаго. Это становится ясно, когда вникнешь въ описанные нами выше обычаи. Изъ обычая въ Старой-Загорѣ, называемаго *кебинъ*, половина агырлыка, выдѣляемаго, какъ часть для невѣсты, и изъ другого обычая въ Евджилери, гдѣ агырлыкъ дѣлится между невѣстой и ея отцомъ, легко заключить о дальнѣйшемъ развитіи приданаго. Даже въ послѣдней формѣ агырлыка, когда онъ дается, какъ обязательная «обувь», платье и пр., парень или его родители являются пособниками въ приготовленіи невѣстинаго приданаго. Да и самое слово «придъ», которое ничто иное, какъ эквивалентъ приданаго, не напоминаетъ ли тоже возникновеніе приданаго отъ прида? Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи приданое носитъ названіе «придань».

Впрочемъ, это другая область изслѣдованія, въ которую мы не намѣрены здѣсь входить. Наша задача имѣла болѣе скромные предѣлы: кон-

---

1) С. С. Бобчевъ, Сборникъ, I.

2) С. Верковичъ, Описаніе быта македонскихъ болгаръ. Москва, стр. 31.

3) Шапкаревъ, Сборникъ на нар. умотв. II, стр. 126, 129.

4) Въ моемъ «Сборникѣ на нар. юрид. обычаи» читатель найдетъ цѣлый рядъ описанныхъ символовъ при помолвкѣ и свадьбѣ. См. стр. 125—139. Ср. В. Чолаковъ, Сборникъ;— много подробностей и интересныхъ данныхъ о символахъ при свадьбѣ, напоминающихъ агырлыкъ, напечатаны въ осьмнадцати томахъ «Сборника за Нар. Умотв.», изданнаго болг. министерствомъ народнаго просвѣщенія.

статировать, что въ Болгаріи больше, кажется, чѣмъ во всѣхъ другихъ славянскихъ земляхъ сохраненъ, распространенъ и продолжаетъ жить старинный обычай «прида», и что онъ, хотя и вымираетъ постепенно, не исчезъ окончательно, а продолжаетъ жить въ разныхъ новыхъ формахъ, переживаніяхъ и обрядныхъ символахъ.

С. С. Бобчевъ.

Софія, 15 августа 1904 г.

Рефлексъ словъ вида трът-трьт и тлът-тльт въ мадьярскихъ заимствованіяхъ изъ славянскаго языка.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я пытался доказать, что наблюдаемое нынѣ въ мадьярскомъ языкѣ славянское вліяніе явилось не на прежней родинѣ этого языка, въ южной Руси, а лишь на нынѣшней его родинѣ. — Тогда же я кратко указалъ и на то, что это вліяніе прежде всего слѣдуетъ приписать тѣмъ славянамъ, которые говорили однимъ изъ болгарскихъ нарѣчій, въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, и обѣщалъ при случаѣ доказать, что болгарскій характеръ этого языка подтверждается не только немногими случаями рефлекса болгарскихъ **шт**, **жд**, но и многими такими словами, которымъ въ старо-славянскомъ соотвѣтствуютъ слова съ **-ръ-рь**, **лъ-ль** (см. Archiv f. slav. Phil. XXII, стр. 486). Съ тѣхъ поръ я часто касался этого вопроса, но очень кратко (*Magyar Nyelvőr* XXIX, 1900, стр. 563—566; *Nyelvtudományi Közlemények* XXXIII, 1903, стр. 217; *Magyar Nyelvőr* XXXIII, 1904, стр. 93). Мнѣ не приходилось еще въ связи обсудить относящіеся сюда случаи.

Чтобы понять рефлексы **трът-трьт** и **тлът-тльт** и отсюда заключить относительно лежащей въ основѣ ихъ славянской звуковой группы, для этого нужно прежде всего уяснить себѣ, какъ рефлектируется **ъ**, **ь** въ мадьярскихъ словахъ, помимо этой группировки, при чемъ, понятно, насъ интересуютъ только *сильные* **ъ**, **ь**, не исчезающіе въ славянскихъ языкахъ. Особенно важной для правильнаго пониманія вопроса является замѣна свободно стоящаго **ъ**; къ счастью, мы имѣемъ здѣсь какъ разъ нѣсколько совершенно ясныхъ и надежныхъ случаевъ: мъхъ—*moh*—Moos, ръжь—*rozs*—Roggen: бъръ—milii genus: *bor* въ *bor*köles [köles=просо]—panicum=гречиха, а, быть можетъ, и *doh*—dumpfer Geruch—болг. дъхъ, серб. дах—срв. русск. *дох*лецъ въ значеніи «протухлое яйцо» и русск. за*дх*лый, что можно перевести мад. *dohos*[1]). Если же мы противопоставимъ этимъ слу-

1) Сопоставленіе дъхъ-*doh* не вполнѣ надежно, потому что мадьярское *o* можетъ соотвѣтствовать также и славянскому ѹ, какъ напр. *csoda* (рѣже *csuda*) произошло изъ чоудо, такъ можно было бы объяснить и мад. *doh* изъ слав. доухъ (срв. русс. духъ и словен. duh въ подобномъ значеніи).

чаямъ льнъ—*len*—Flachs, то мы въ правѣ предположить, что имѣемъ дѣло съ такимъ славянскимъ языкомъ, который точно различаетъ **ъ** и **ь**, какъ это далѣе подтверждается и такими случаями, какъ: остьнъ—stimulus—*ösztön* и оцьтъ-ecet-Essig; ибо *ösztön* и *ecet* находятъ себѣ объясненіе проще всего закономъ мадьярской звуковой гармоніи (срв. мое разсужденіе въ «Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н. VII, стр. 279, кн. IV, прим. 1, отдѣльный оттискъ «Нѣсколько замѣчаній» на 34 стр.), изъ **osztén*, **océt* съ закрытымъ *é*.—Что эти рефлексы **ъ** и **ь** превосходно разъясняются предположеніемъ болгарскаго вліянія, это не нуждается въ дальнѣйшихъ доказательствахъ; предполагать русское вліяніе препятствуетъ намъ весь habitus языка, насколько можно конструировать его на основаніи заимствованныхъ славянскихъ словъ въ мадьярскомъ языкѣ (срв. мое разсужденіе въ «Archiv f. slav. Phil.» XXII, особ. стр. 477 и 486).

Если теперь мы предположимъ то же болгарское вліяніе и въ словахъ съ звуковой группой **трът-трьт**, то намъ тотчасъ же станетъ ясно, что съ однимъ болгарскимъ языкомъ, какъ онъ можетъ быть конструированъ нами на основаніи старо-славянскихъ источниковъ, съ сохранившимся, по крайности, еще тамъ и сямъ различіемъ **трът** и **трьт** и съ столь строго выдержаннымъ послѣдованіемъ звуковъ (**ъ** и **ь** постоянно *послѣ* **р**), мы обойтись не можемъ. Мадьярскія слова совершенно ясно показываютъ, что **трът** и **трьт** вполнѣ слились, и кромѣ того, уполномочиваютъ насъ предположить, что глухой гласный звукъ, сопровождавшій **р**, звучалъ гораздо чаще *передъ* **р**, чѣмъ послѣ него. То обстоятельство, однако, что этотъ глухой звукъ въ извѣстныхъ случаяхъ слѣдовалъ за **р**, и притомъ совершенно такъ же, какъ это мы знаемъ въ цѣломъ рядѣ болгарскихъ нарѣчій, по моему мнѣнію, ясно указываетъ на то, что тотъ языкъ, которому принадлежитъ большинство славянскихъ словъ въ мадьярщинѣ, слѣдуетъ считать языкомъ болгарскимъ. Прежде всего я постараюсь показать совершенное совпаденіе **трът** и **трьт** на нѣсколькихъ ясныхъ примѣрахъ, которые не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и первоначальному **ъ** звуковой группы **трът** соотвѣтствовалъ въ мадьярскомъ языкѣ всегда только палатальный гласный.

Такъ какъ до открытія этого звукового закона сомнѣвались въ славянскомъ происхожденіи *görcs*—«Krampf» и *görbe*—«krumm», то я начну со слова, которое, благодаря своему большому объему, носитъ на себѣ столь явный славянскій отпечатокъ, что никогда нельзя было сомнѣваться въ его славянскомъ происхожденіи. «Гончаръ»—въ старомъ мадьярскомъ языкѣ, а по ту сторону Дуная еще и теперь—gérencsér, göröncsér, т.-е. не что иное, какъ гръньчарь. Мадьярское слово возникло, посредствомъ присущаго мадьярскому языку уподобленія палатальныхъ и гортанныхъ глас-

ныхъ, изъ *gérëncsár*, а послѣднее—изъ болѣе древняго **grëncsár* путемъ разрѣшенія необычной въ началѣ словъ группы согласныхъ. Еще нынѣ часто встрѣчающееся названіе мѣстности *Gerencsér* дошло до насъ въ одномъ случаѣ и въ формѣ *Girinchar* (г. Gérëncsár[1]): Item dedit Sanctus rex villam *Girinchar* въ 1109 г., между тѣмъ какъ обыкновенно мы находимъ это слово болѣе новымъ *é* въ старыхъ документахъ и какъ мѣстное названіе (1251. de villa *Gerunchér* — г. Gérëncsér — vocata; 1388. In possessione Gerencher vocata), и какъ личное имя (1389. Mathe *Gherencher* и Petrus *Gerencher*, 1402. Georgium dictum *Gerencher* — срв. русскую фамилію Гончаровъ!)—см. Magyar Oklevél-Szótár 1902—1906,—Мадьярскій словарь грамотъ. Мадьярское слово, въ началѣ имѣющее форму **grëncsár*, не можетъ быть объяснено иначе, какъ только изъ формы *гр^{ъ}нчарь*, въ которой р^{ъ} обозначаетъ такое *р*, за которымъ слѣдуетъ глухой гласный звукъ, *отличный* отъ свободно стоящаго ъ. По моему мнѣнію, это *гр^{ъ}нчарь*, согласно съ прочими явленіями, слѣдуетъ считать болгарскимъ, и въ широкой области славянскихъ языковъ ничто не стоитъ столь близко къ нему, какъ нынѣшнее болгарское *грънчарь* (срв. грънчарь у Цонева—Программа за изучване българскитѣ народни говори, Софія 1900, стр. 10; *грънчар(ин)ъ* въ нѣмецко-болгарскомъ словарѣ Миладинова подъ «Töpfer»; *грънча́р* въ придопскомъ нарѣчьѣ у Лаврова — Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особ. болгарскаго яз. Москва 1893, стр. 45.—Дювернуа приводитъ въ своемъ словарѣ только *грънчяринъ*, съ чѣмъ слѣдуетъ сравнить *грънчерин* изъ Ловеча у Цонева—За източнобългарски вокализмъ, стр. 59). — Какъ извѣстно, положеніе гласной послѣ *р* въ болгарскомъ *грънчарь* объясняется стеченіемъ согласныхъ, образовавшимся отъ ранняго исчезновенія стоящаго внутри словъ *ь* (срв. *гърне* у Цонева въ другомъ мѣстѣ), и я безъ колебанія отношу исчезновеніе *ь* внутри слова къ особенностямъ болгарскаго нарѣчья, воздѣйствовавшаго на мадьярскій языкъ, уже для того времени, когда въ мадьярскій языкъ проникло большинство славянскихъ словъ[2]).—Положеніе гласнаго *послѣ р* (gérëncsér, болѣе древн. Gérëncsár, которое надо производить отъ *grëncsár) находитъ себѣ подтвержденіе въ мадьярскомъ словѣ, и кромѣ того, ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло

---

1) Закрытое *é* часто передается въ старыхъ документахъ посредствомъ *i*; *ch* употреблялось когда-то вмѣсто нынѣшняго *cs* (срв. и нынѣ еще древнія названія фамилій *Zichy*, *Forgách*, *Szechényi*); послѣдовательное обозначеніе долгихъ гласныхъ развилось очень поздно. Наконецъ отмѣчу разъ навсегда, что въ обыкновенномъ письмѣ не отличаютъ открытаго *e* отъ закрытаго *é* (означаемаго въ мадьярскихъ лингвистическихъ сочиненіяхъ обыкновенно знакомъ *ë*).

2) Сравни мадьярскія *roncsika* и *rocska*, происходящія, по моему мнѣнію, отъ болгарскаго ржчька, съ исчезнувшимъ ь. См. Извѣстія отд. русск. яз. и слов. VII. 1902, кн. IV, стр. 265 (Отдѣльный оттискъ, стр. 20), гдѣ я еще не высказался такъ категорически.

не съ обычнымъ рефлексомъ ѫ (которому соотвѣтствуетъ о); и такъ какъ, сверхъ того, по сосѣдству съ Угорщиной мы нигдѣ болѣе не находимъ славянской формы, на основаніи которой можно было бы объяснять это слово, а грънчарь болѣе всего подходитъ къ явленіямъ, извѣстнымъ намъ иначе изъ болгарскаго языка, то я и считаю мадьярское *gérëncsér* самой вѣрной исходной точкой нашихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Если же мы въ **grëncsár*>*gérëncsér*, *göröncsér*, вмѣсто никогда не бывшаго палатальнымъ ръ, находимъ—*rë rö*, то мы нисколько не удивимся, что въ мадьярскомъ языкѣ находимъ и *görcs*—судорога «Krampf» и *görbe*—кривой, несмотря на то, что въ соотвѣтствующихъ славянскихъ словахъ могъ находиться первоначально только ъ (а не ь). При объясненіи современнаго положенія гласнаго въ мадьярскомъ языкѣ *передъ r* мы должны исходить не изъ того произношенія, на которое указываетъ манера письма въ древнѣйшихъ болгарскихъ, такъ называемыхъ цер.-славянскихъ памятникахъ, а изъ предположенія о такомъ измѣненіи гласнаго элемента, какое столь хорошо извѣстно намъ въ современномъ болгарскомъ языкѣ: ър предъ простымъ согласнымъ, ръ предъ группами согласныхъ. При такомъ предположеніи *görcs* объясняется очень просто изъ болг. гърчь, съ той же самой звуковой послѣдовательностью, которую мы находимъ въ болг. *гърчи се*—«корчится»; срв. румынскій глаголъ а *sgărci*<болг. *сгърчи*—между тѣмъ, какъ въ упоминаемомъ Дювернуа *гръчка*—«корча» гласный элементъ находится *послѣ* р[1]). Хотя и нельзя со всей достовѣрностью доказать въ болгарскомъ языкѣ первоначальное *гърчь*—упоминаемое Милетичемъ *гърч* можно отнести къ сербскому вліянію,—все-таки мадьярское слово можетъ быть болгарскаго происхожденія. Если мы производимъ м.-русск. корчити отъ корчь, польск. kurczyć отъ kurcz, словац. krčit' отъ krč, словен. krčiti отъ krč, серб. *грчити* отъ *грч*, то мы въ правѣ и подлинно народное болгарское *гърчи*, о древности котораго свидѣтельствуетъ его переходъ въ румынскій языкъ, произвести отъ *гърчь*. Если бы даже кто-нибудь пожелалъ высказать утвержденіе, что Болгары въ Болгаріи никогда не могли имѣть этого слова, ибо иначе оно должно было бы оказаться въ вост.-болгарскомъ нарѣчіи или найтись въ церк.-славянскихъ источникахъ, то все же было бы вполнѣ основательно предположеніе, что Болгары въ Венгріи могли знать это слово.

Послѣднее замѣчаніе, могущее кому-нибудь показаться слишкомъ осмотрительнымъ, я сдѣлалъ для того, чтобы предостеречь отъ очень опаснаго направленія, которое представлено у насъ молодымъ изслѣдователемъ,

---

1) Милетичъ пишетъ мнѣ изъ Софіи: «форма «гръчка» (Krampf) азъ не зная, но зная *гърчей* [срв. рум. *cărceiй*) и *гърч* (Запад. Бълг.) и скреч (Krampf) повече въ источ. Бълг.

г. Мелихомъ. Слово, котораго онъ не находитъ въ древнихъ болгарскихъ памятникахъ, по возможности же на томъ самомъ мѣстѣ перевода евангелія, на которомъ находится соотвѣтствующее мадьярское слово, является уже очень подозрительнымъ. Если же вдобавокъ нельзя найти этого слова въ нынѣшнемъ болгарскомъ языкѣ или, если и можно найти, то только въ дальнѣйшемъ образованіи или съ нѣсколько другимъ значеніемъ,—то у Мелиха готовъ приговоръ: данное мадьярское слово не можетъ происходить изъ болгарскаго. За этими, очень часто поверхностными, выводами слѣдуютъ небольшія картограммы, долженствующія сдѣлать очевидной невозможность болгарскаго вліянія въ данномъ случаѣ, на самомъ же дѣлѣ являющіяся чистѣйшей забавой, тѣмъ болѣе, что онѣ очень часто представляютъ намъ нынѣшнее фактическое положеніе — а никакъ не положеніе въ IX и X вв.—и то въ предѣлахъ *нынѣшней* Болгаріи, между тѣмъ какъ мадьяры подверглись этому вліянію, признаваемому и Мелихомъ очень значительнымъ, несомнѣнно не въ этихъ областяхъ.

Такимъ образомъ небольшія карты Мелиха, долженствующія наглядно представить процессъ заимствованія, заключаютъ въ себѣ всегда очень значительный falsum, falsum loci, и къ тому же еще и другую, хронологическую ложь. Ниже я еще буду имѣть случай показать на нѣкоторыхъ примѣрахъ, какъ Мелихъ пытается обосновать свою исходную точку, пока же я не позволю ему ввести меня своими указаніями въ заблужденіе. Я исхожу изъ того предположенія, что въ виду лишь очень побудительныхъ основаній можно отказаться отъ мысли объяснять мадьярскія слова изъ болгарскаго языка; этой точки зрѣнія я твердо держусь и здѣсь. Я прибавлю еще, что мадьяр. *görcs* въ чисто звуковомъ отношеніи можно объяснить и изъ хорватско-сербскаго *грч*, такъ какъ гласный элементъ въ *r̥* заключается въ первой части этого слова; я не согласенъ, однако, съ тѣмъ, что *всю совокупность* явленій можно объяснить изъ другого языка, кромѣ болгарскаго.—Правда, *görcs* и цѣлый рядъ другихъ словъ, въ которыхъ гласный—съ самаго начала—является *передъ r*, можно, нужды ради, объяснить и на основаніи другихъ южнославянскихъ языковъ; но всѣ случаи, гдѣ гласный стоялъ въ мадьярскомъ языкѣ первоначально послѣ *r*, исключаютъ возможность вліянія другихъ южно-славянскихъ языковъ: вышеупомянутое *gérëncsér* (< **grëncsár*), или, напр., *kërészt (krészt)* и др., болгарское происхожденіе которыхъ можно очень легко доказать, пришлось бы безъ всякой причины отдѣлить отъ прочихъ словъ.

Послѣ этого отступленія я перехожу къ слову *görbe*. Звуковая сторона этого слова не представляетъ уже никакихъ трудностей: это слово, согласно съ вышесказаннымъ, совершенно соотвѣтствуетъ болгарскому *гърба*, которое опять ближе всего подходитъ къ современному болгарскому *гърба*—горбъ

(срв. Цоневъ—За источнобълг. вокализъмъ, стр. 59, *гърбъ*, т.-е. по его правописанію *гърба*; и письмо Милетича отъ 22 ноября 1900 г.[1]): «*Гърб* значитъ Rücken, а *гърбúца* и *гърба*—Buckel»). Мадьярское слово значитъ первоначально—«горбатый», о чемъ свидѣтельствуютъ кодексы. Значеніе слова, слѣдовательно, вполнѣ совпадаетъ съ значеніемъ болгарскаго слова, если только обратить вниманіе на то, что въ мадьярскомъ языкѣ существительныя часто употребляются вмѣсто прилагательныхъ (*ezüst*—серебро, *ezüst óra*—серебряные часы, *arany*—золото, *arany óra*—золотые часы,—*vitéz*<витѧзь, храбрый—употребляется какъ существительное и какъ прилагательное, напр. говорятъ: *vitéz férfiú*, *vitéz katona*—храбрый мужъ, храбрый солдатъ). Нѣкоторыя же славянскія существительныя употребляются вообще, какъ прилагательныя (*bolond*<блѫдъ, глупый; *gonosz*<гноусъ, злой; *kondor*<кѫдрь, кудрявый; *izgága* употребляется нынѣ исключительно, какъ прилагательное, въ значеніи—сварливый, хотя древній языкъ употреблялъ еще это слово въ значеніи существительныхъ—ríха, ссора, брань<изгага—πυρῶσις στομάχου). Въ виду этого употребленіе *görbe* въ значеніи—кривой—прилагательнаго не можетъ удивлять насъ и не нуждается въ дальнѣйшемъ оправданіи при производствѣ этого слова отъ существительнаго гърба. Мнѣніе же, будто въ мадьярскомъ скорѣе слѣдовало бы ожидать *gorba, какъ думали прежде, основывается на ошибочномъ предположеніи, что ъ и въ соединеніи съ ρ долженъ рефлектироваться мадьярскимъ *о*; вмѣсто церк.-слав. ρъ мы должны, напротивъ того, ожидать какъ разъ рефлексъ съ палатальнымъ гласнымъ: гърба <**görba*, а затѣмъ, въ силу обычнаго въ мадьярскомъ языкѣ уподобленія гласныхъ, *görbe*.

Я обращалъ особенное вниманіе на то, чтобъ основаніе всѣхъ нашихъ дальнѣйшихъ построеній было прочно: поэтому я и началъ съ самаго очевиднаго и не подлежащаго никакому сомнѣнію случая, съ gérencsér<грънчарь, отсюда перешелъ къ *görcs*, прямой рефлексъ котораго гърчь и теперь еще существуетъ, по крайней мѣрѣ, въ западно-болгарскомъ и съ большой достовѣрностью можетъ быть предположенъ въ качествѣ обще-болгарскаго; наконецъ я дошелъ до *görbe*<гърба, не признаннаго до сихъ поръ безспорно славянскимъ только потому, что нельзя было объяснить себѣ, отчего здѣсь старо-слав. ъ соотвѣтствуетъ не *о*, а *ö*. Именно въ виду того, что для меня очень важно, чтобы тотчасъ же съ начала изслѣдованія не вкралось неправильнаго предположенія, я и считаю необходимымъ вкратцѣ упомянуть о томъ, что пока Simonyi (Шимони), еще до появленія моего вышеизложеннаго рѣшенія звуковой проблемы, призналъ очень вѣроятнымъ сла-

1) Прочія письменныя сообщенія, полученныя мной, благодаря любезности моего многоуважаемаго друга въ Софіи, относятся къ новѣйшему времени (4 марта 1904 г.); только еще при словѣ bürü воспользуюсь я сообщеніями вышеупомянутаго письма.

вянское происхожденіе слова *görbe* (см. Magyar. Nyelv, B. Pest 1889, II, стр. 214), Munkácsi (Мункачи), почти одновременно съ появленіемъ моихъ первыхъ разсужденій объ этомъ предметѣ, и, повидимому, еще прежде, чѣмъ могъ узнать о нихъ, пытался совсѣмъ иначе объяснить это мадьярское слово. Этотъ опытъ объясненія можно прочитать въ его большомъ трудѣ объ арійскихъ и кавказскихъ элементахъ мадьярскаго языка (*Árja és Kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben* I, B. Pest, 1901, VII, 672). Совершенно причудливый способъ объясненія мадьярскихъ словъ этимъ, впрочемъ очень заслуженнымъ въ другихъ областяхъ изслѣдователемъ, на основаніи его поверхностныхъ знаній арійскихъ и мало обслѣдованныхъ спеціалистами кавказскихъ языковъ, ниже всякой критики. Не желая терять слишкомъ много мѣста, я для иллюстраціи упомянутаго сочиненія укажу только на то, что авторъ видитъ въ *görbe* кавказское прилагательное образованіе къ мадьярскому *kör*—коло, находя между прочимъ необходимый для того кавказскій образовательный слогъ—*b* въ грузинскомъ *partho—b*, что мы находимъ въ совершенно ненадежномъ трудѣ Еркерта (*Die Sprachen des kaukasischen Stammes*, Wien 1895), наряду съ *fartho*, въ статьѣ «breit». Между тѣмъ это *partho — b*, оказывается, не что иное, какъ явная *опечатка*, вмѣсто *p̕ art̕ od*, обычнаго нарѣчія отъ *p̕ art̕ o* («*fartho*» и вообще *f* въ грузинскомъ нѣтъ!). Той же цѣны и всѣ другія доказательства существованія образовательнаго слога—*b* въ кавказскихъ языкахъ, какъ я это подробно доказалъ въ *Nyelvtudományi Közlemények* XXXIII, 216—223; опытъ объясненія г. Мункачи вообще можно упомянуть только, какъ курьезъ.

Разъ намъ удалось на основаніи *gérëncsér—göröncsér*, *görcs*, *görbe* придти къ предположенію, что для старо-славянскаго *ръ* мы должны въ мадьярскомъ ожидать постоянно такой рефлексъ, въ которомъ *r* сопровождается палатальнымъ звукомъ (*ё* или *ö*), даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ славянскомъ не можетъ быть даже и рѣчи о первоначальной палатализаціи этой группы, то намъ нельзя уже видѣть въ мадьярскомъ *kërëszt* (древ. *krëszt*)—«крестъ» вѣрное отраженіе старо-слав. крьстъ съ рь. Мадьярское *kërëszt* звучало бы съ *ё* (а не *о*) и въ томъ случаѣ, если бы въ старославянскомъ постоянно находилось крьстъ, и если бы таково было единственное оправдываемое этимологіей написаніе слова. Столь же случайнымъ считаю я совпаденіе послѣдовательности звуковъ въ старо-мадьярскомъ и старо-славянскомъ: въ мадьярскомъ появляется первоначально *krëszt*[1]) не потому, что въ старо-славянскомъ ь или ъ стоитъ *послѣ* р—да мадьяры

---

1) 1256. In divisione duarum viarum que vulgo dicitur *cryst ut* (читай krészt út—нынѣ kereszt út—перекрёстокъ); 1268/1422. Ad conpitum quod vulgo *Kristuth* dicitur, см. *Oklevél—Szótár* подъ *kereszt-út*.

заимствовали это слово не отъ болгаръ въ окрестностяхъ Солуни, языкомъ которыхъ, должно быть, воспользовался Кириллъ въ своемъ переводѣ библіи, а отъ болгаръ, найденныхъ ими въ своей новой родинѣ и произносившихъ, судя по такимъ доселѣ обслѣдованнымъ случаямъ, какъ *gérêncsér*<**grêncsár*, *görcs* и *görbe*, слабый гласный то *передъ*, то *послѣ* г, смотря по конфигураціи слова. Мадьярское *krészt*, ставшее въ силу мадьярскаго звукового закона *kérészt*, соотвѣтствуетъ такимъ образомъ слову кр^{ъ}стъ, прекрасно согласующемуся съ нынѣшнимъ болгарскимъ *кръстъ*; такъ же точно объясняется самостоятельно заимствованное *kérésztel*—«крестить» словомъ кр^{ъ}стити, а kéresztyén—kérésztény — «христіанинъ» словомъ кр^{ъ}стианъ. — И подобно тому, какъ мы нынѣ еще встрѣчаемъ въ говорѣ с. Сухо произношеніе, напоминающее правописаніе древне-славянскихъ памятниковъ съ ихъ неподвижной послѣдовательностью звуковъ, въ то время какъ на несравненно болѣе широкомъ пространствѣ наблюдается колебаніе между **ър** и **ръ**, въ зависимости отъ одного или нѣсколькихъ послѣдующихъ согласныхъ, точно такъ же намъ ничто не мѣшаетъ предположить, что уже въ IX стол. существовало такого же рода различіе между тѣмъ нарѣчіемъ, которымъ говорилъ Кириллъ, и которое въ древнѣйшихъ славянскихъ памятникахъ фиксировано въ **ръ**, **рь**, и тѣмъ, которые слышали Мадьяры въ области, лежавшей далеко отъ родины Кирилла. И дѣйствительно, если не желать насилія надъ тѣми фактами, которые выступаютъ передъ нами въ мадьярщинѣ, то эти-то самые факты и побуждаютъ насъ къ вышеизложенному предположенію. Посмотримъ теперь, насколько оно подтверждается тѣми случаями, которые и далѣе предстанутъ передъ нами.

Кто объясняетъ мадьярское *kérészt* старо-болгарскимъ **крьстъ**, съ ясно еще отличимымъ отъ **ъ** произношеніемъ **ь**, тотъ ради объясненія одного слова лишаетъ себя возможности просто объяснить другіе подобные случаи: онъ вообще не будетъ знать, что̀ сдѣлать съ *gérêncsér* = грънъчарь, а *görcs* и *görbe* ему придется совсѣмъ отдѣлить отъ старыхъ, заимствованныхъ изъ болгарскаго элементовъ.—Вмѣсто того, чтобы сразу отказаться отъ одного способа объясненія для всѣхъ случаевъ, я постараюсь лучше изслѣдовать, въ какой степени можно понять эти явленія на основаніи извѣстныхъ намъ законовъ болгарской фонетики. Поэтому я и перехожу къ ряду новыхъ примѣровъ: *pérzsél*, *borda*, *kormány*, *csorba*, *gérlice*, *vörse*—*varsa* (*hörcsök*).

Миклошичъ, ставитъ *përzsël* (*pörzsöl*)—«обжигаетъ» въ Slav. Elemente im Magyarischen подъ **пражити**, съ которымъ, однако, это слово не стоитъ въ—прямой, по крайней мѣрѣ—связи, соотвѣтствуя, какъ это правильно признается въ Этимологическомъ словарѣ, старо-слав. **пръжити**, и позволяя заключать о выговорѣ п^{ъ}ржити (срв. болгарское ържи).

Borda—*бёрдо*, Weberkamm, въ противоположность старо-славянскому

бръдо, объясняется очень просто словомъ б^ърдо (срв. болг. бърдо), которому въ мадьярскомъ яз. ближайшимъ образомъ могло бы соотвѣтствовать „**bĕrda*, **bŏrda*: *o* возникло здѣсь совершенно такъ же, какъ въ *kormány*, *csorba* и др., т. е. отъ ассимиляціи съ слѣдующимъ гортаннымъ звукомъ. Мадьярскій языкъ примѣняетъ и въ заимствованныхъ словахъ звуковую гармонію: изъ **челѧдь** возникли *család* и *cseléd!*

Kormány—корма[1]), Steuerruder происходятъ отъ **korma*, которое, согласно нашимъ вышеприведеннымъ выводамъ, образовалось изъ древняго **kĕrma* **kŏrma*. Оканчивающееся на *ma* слово примкнуло къ туземнымъ образованіямъ на *mány*, подобно тому, какъ хозяинъ (трактирщикъ)—не **korcsmár*, а съ дальнѣйшимъ мадьярскимъ образованіемъ—*korcsmáros*, какъ мясникъ—*mészáros*, а не **mészár*, такъ какъ въ мадьярскомъ яз. тотъ, кто чѣмъ-нибудь занимается, какъ напр. *lakatos*—слесарь (lakat—замóкъ), *asztalos*—столяръ (asztal—столъ) и др., часто обозначается именно такого рода образованіемъ.—Предполагаемое **kĕrma*—**kŏrma* я объясняю изъ к^ърма (срв. болг. кърма).

Csorba—«брешь, щербатый», тоже не представляетъ никакой трудности, если только примемъ, что мадьяры встрѣтили въ своей новой родинѣ болгаръ, которые, произнося пешть, маштеха—о чемъ свидѣтельствуютъ мадьярскія *Pest-pest* и *mostoha*—не диссимилировали, однако, начальнаго шч- въ шт, или же, до наступленія этой диссимиляціи, уже упростили его въ ч—о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, *csuka*—болг. щука (извѣстно, что болг. щ звучитъ, какъ шт) и *csáva*—болг. щава, дубильная кислота (Дювер.). Объ этихъ словахъ я говорилъ въ своей статьѣ, п. з. «*Нѣсколько замѣчаній на сочиненіе В. И. Ягича объ исторіи происхожденія церк.-слав. языка*» (стр. 14—16). Извѣстія 1902 г. кн. 4, стр. 259—261. Тамъ же указалъ я на старослав. чоуждь рядомъ съ штоуждь, далѣе, на болг. и серб. четка: русск. щетка, на серб. четина рядомъ съ рѣже встрѣчаемымъ штетина—русск. щетина. На основаніи высказаннаго тамъ мною, я не вижу никакихъ препятствій къ объясненію *csorba* изъ того же нарѣчія, изъ котораго произошли мадьярскія *Pest-pest* и *mostoha*—почему я и предполагаю существованіе формъ *шч^ърба* или *ч^ърба*, изъ которыхъ явилось ближайшимъ образомъ cserba, діалектически живущее еще и нынѣ. Въ мадьярскомъ csorba слились 2 славянскихъ слова, прилагательное и существительное. Прилагательное *csorba* соотвѣтствуетъ болгарскому прилагательному (щърбъ), щърба, щърбо[2]), а въ Историческомъ словарѣ мадьярскаго языка объ-

---

1) *Kormány* въ переносномъ значеніи значитъ «правительство», а производный глаголъ kormányoz значитъ править и управлять, какъ итал. governare.

2) Мадьярскій языкъ, не зная грамматическаго рода, не имѣетъ и различія, которое существуетъ въ болгарскомъ языкѣ между щърбъ—щърба—щърбо; оттого и произошло, что

ясняется слѣдующимъ образомъ: 1) mancus, mutilus—выщербленный, зазубренный, и 2) edentulus, беззубый. Послѣднее значеніе заимствовано изъ одного стараго словаря, но и нынѣ употребляется еще народомъ: *csorba* означаетъ человѣка, у котораго нѣтъ одного или нѣсколькихъ переднихъ зубовъ. Именно, благодаря этому значенію, csorba употребляется въ старыхъ грамотахъ въ качествѣ личнаго названія: Stephano dicto *chorba*, Nicolai dicti *chorba*, Andream dictum *chorba* и т. д.—и т. д. срв. Oklevél-Szótár[1]).

Существительное *csorba*, въ литературѣ чаще употребляемое, чѣмъ прилагательное (срв. между прочимъ Историческій словарь, опредѣляющій значеніе слова, такъ: lacuna, hiatus—M. A.[2]) [defectus-mangel, lücke, fehler]), я произвожу также отъ болгарскаго *шчърба—*чърба, несмотря на то, что знаю соотвѣтствующее болгарское существительное только по нѣмецко-болгарскому словарю Миладинова: Scharte—щърба, щърбина. Дювернуа упоминаетъ только прилагательное, такъ же и Цоневъ въ своей Программѣ стр. 11. Существованіе слова «Щърбина», (имѣющагося въ френско-болгарскомъ рѣчникѣ Маркова подъ «brêche») удостовѣрено однако уже румынскимъ ştirbínă—«Lücke»; объ очень же вѣроятномъ существованіи слова щърба въ томъ же значеніи свидѣтельствуютъ двойныя формы прочихъ славянскихъ языковъ: русск. *щерба—щербина*, польск. *szczerba—szczerbina*, луж. серб. *šćérba—šćérbina*, чеш. *štěrba—štěrbina*, слов. *štrba—štrbina*, словен. *ščrba—ščrbina*.

Gérlice—жаворонокъ, объясняю изъ болгарскаго *гърлица > **gérlica*, посредствомъ ассимиляціи конечнаго—*a* съ предыдущими палатальными гласными. Въ виду этого очень трудно понять, какимъ образомъ могъ Мелихъ *(Melich)* отрицать даже возможность болгарскаго происхожденія этого слова (см. N*yelvtudományi Közlemenyek* XXXII, 1902 г., стр. 402—406). Мелихъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Значеніе, фонетика и географическое распространеніе слова свидѣтельствуютъ прежде всего о словенскомъ вліяніи». Чтобы Мелихъ могъ найти что-нибудь словенское въ

въ его языкѣ обыкновенно отражаются однѣ формы женскаго и средняго рода славянскихъ прилагательныхъ, долженствующія въ мадьярскомъ языкѣ слиться въ звуковомъ отношеніи [срв. бразда > baráz*da* и чоудо > csod*a*]: (драгъ) драга—драго > *drága*, (нѣмъ) нѣма—нѣмо > néma, (чистъ) чиста—чисто > tiszta, (тѫпъ) тѫпа-тѫпо > *tompa*, (грѫбъ) грѫба-грѫбо > *goromba*.

1) Немного иначе объясняетъ происхожденіе соотвѣтствующаго словацкаго имени Josef Holuby въ своей прекрасной небольшой статьѣ п. з. *O rodinných menách Bošáčkej doliny:* «Štrba by nebol nikdy k tomu menu prišiel, keby bol mal všetky zuby zdravé; ale že mu ich viac chýbalo, pre tu štrbinu, ked'už mal v hube hodnú tmu, dostal to priczvisko»—см. Slovenské Pohl'ady XIX, стр. 197.

2) M. A. = Molnár Albert—Dictionarium Ungarico-latinum. Norimberga 1604, изъ котораго и было взято въ историч. словарь значеніе «edentulus»—csorba.

«значеніи» слова—совершенно невозможно; источникомъ того, что Мелихъ все-таки обращаетъ вниманіе на это значеніе, является болгарское слово *grъlica*, упоминаемое въ этимологическомъ словарѣ Миклошича. Мнѣ неизвѣстно, гдѣ Миклошичъ нашелъ это болгарское слово въ значеніи «горлица—Turteltaube»; Мелихъ долженъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, предположить, что Миклошичъ ошибся въ обозначеніи болгарскаго *grъlica*, только не долженъ былъ онъ заставлять читателя думать, будто Миклошичъ привелъ болг. слово grъlica въ совершенно иномъ значеніи, а между тѣмъ Мелихъ пишетъ: «Въ этимологическомъ словарѣ— (scil. Миклошича—авт.)—находимъ [bulg.] *grъlica*, только безъ опредѣленнаго значенія. Въ нынѣшнемъ болгарскомъ *grъlica* обозначаетъ не «горлицу», а только *болѣзнь горла* (срв. Дювернуа)».—Это рѣшительное извращеніе того, что̀ находимъ у Миклошича, у котораго говорится: 2) gerdla: *asl.* grъlica turteltaube. grъličistь; kagrъličistь, *nsl.* grlica. *b* grъlica: daneben grъgъlica, grъlъbica [sic!] gurguvica. *s.* grlica. *č.* hrdlice. *p.* gardlica, garlica». см. Etym. Wörtb. стр. 63, внизу.—Мелихъ затѣмъ продолжаетъ: «Для обозначенія горлицы имѣются въ нынѣшнемъ болгарскомъ слѣдующія названія: *grъlovica*, *grъgurica*, *gurgurica*, *grъgъlica*, *grъlъvica*, *gurguvica*, *trъtъrъ*, *gѫrlička* (срв. Mikl. Etym. Wb. Dict. abr., переводъ свят. письма, Duvernois, Rylec), ib. стр. 404.—Можно бы подумать, что Мелихъ въ этой путаницѣ болгарскихъ горлицъ просмотрѣлъ напослѣдокъ упомянутое *gѫrlička*, являющееся ничѣмъ инымъ, какъ уменьшительнымъ существительнымъ отъ слова *гърлица*, существованіе котораго можно предположить съ аподиктической достовѣрностью; но нѣтъ! Мелихъ начинаетъ все это диковинное мѣсто особенно настойчивымъ указаніемъ на то, что горлица называется въ Рылецкомъ переводѣ библіи *gѫrlička* (ib. стр. 403), однако онъ придерживается буквы и не дѣлаетъ никакихъ выводовъ, хотя они сами напрашиваются: «Не въ томъ вопросѣ, продолжаетъ онъ на 405 стр., возможна ли въ болгарскомъ языкѣ форма *gъrlica*, *grъlica*, такъ какъ объ ея существованіи можно бы заключать на основаніи и Рылецкой фор. *gѫrlička*; мы должны держаться факта, а онъ таковъ, что въ данномъ случаѣ горлица не называется *gъrlica*». Оспаривать подобнаго рода пониманіе языковыхъ явленій доводами разума нѣтъ никакой возможности, да—къ счастью—и не нужно. Такъ какъ Мелихъ счелъ нужнымъ и въ этомъ случаѣ изобразить выводы своего изслѣдованія на картѣ, гдѣ на болгарской территоріи можно читать: «trъtъr, gъrlička, gъrgorica [sic!]», то я прежде всего тоже беру карту въ руки и спрашиваю, получила ли мѣстность *Gъrlica*, на самой болгарской границѣ въ Добруджѣ (см. карту въ сочиненіи Милетича Das Ostbulgarische въ Schriften der Balkankommission linguist. Abt. II) свое названіе отъ «болѣзни горла», или же, подобно боснійской *Grlica*, слѣдуетъ объяснять его названіемъ птицы?

Наконецъ я позволю себѣ привести одно мѣсто изъ письма Милетича отъ 4 марта 1904 г., окончательно посрамляющее всѣ хитросплетенія Мелиха: «*Гърлица* се употрѣбява често въ значение на Turteltaube»!!

Чтобы не пропустить ни единаго момента, я выпишу еще одно мѣсто изъ сочиненія Мелиха, могущее очень легко ввести въ заблужденіе тѣхъ, кто не знаетъ ближе исторіи мадьярскаго языка: «Если мы примемъ во вниманіе, говоритъ Мелихъ на 405 стр., что рядомъ съ *gërlice* существуетъ въ мадьярскомъ языкѣ и форма *gerle* (срв. Діалект. Словарь *gille, gelle*) и, что только въ словенскомъ языкѣ рядомъ съ *grъlica* находится *grla* (срв. Miklosich-Slav. Elem., Pleteršnik), то мы еще болѣе укрѣпимся во мнѣніи, что наше *gërle*, *gërlice* словенскаго происхожденія». Но спрашиваю я, знаетъ ли вообще болѣе старый мадьярскій языкъ это *gerle*? Не будетъ ли скорѣе это слово сравнительно недавнимъ новообразованіемъ отъ *gerlice*, появившимся въ смѣшанной области, гдѣ—*ice* еще живѣе, чѣмъ гдѣ-либо, могло чувствоваться въ качествѣ уменьшительнаго суффикса, такъ какъ рядомъ съ мадьярскимъ языкомъ слышалась славянская рѣчь съ окончаніями *-ica*, *-ca*, *-ce* въ ея словахъ? Въ Историческомъ словарѣ мадьярскаго языка находимъ множество доказательствъ въ пользу *gerlice*: два раза произведенную отъ этой формы ласкательную форму *gerlicécske*, прилагательное *gerlicényi* «instar turturis, wie eine Turteltaube», однажды вмѣсто простого *gerlice* находимъ образованное по образцу нѣмецкаго *Turteltaube* *gerlice-galamb* [galamb = Taube], на другомъ мѣстѣ опять сложное *gerlice-madár* [madár = птица], но нѣтъ и слѣда *gerle!* Даже и въ открытыхъ впослѣдствіи старыхъ словаряхъ не обрѣтается *gerle*, латинское turtur переводится *gerlice!* Знающій исторію слова врядъ ли рѣшится доискиваться въ *gerle* чего-то словенскаго, соединять его съ заимствованіемъ слова *gërlice*. Видѣть въ *gerle* указанія на происхожденіе *gërlice*—грубое заблужденіе: *gerle* не вошло вмѣстѣ съ *gerlice* въ мадьярскій языкъ; его можно объяснять, какъ угодно—только, объясняя слово *gërlice*, о немъ не стóитъ и упоминать. Szily (Сили—съ нѣмец. l), авторитетный знатокъ древнихъ мадьярскихъ памятниковъ говоритъ въ своемъ словарѣ неологизмовъ при *gerle* слѣдующее: «Палоци[1]) сократили *gerlice* въ *gerle*, отсюда это слово перешло въ литературный языкъ. Оно находится уже въ Tzs. (1835)» Итакъ мы встрѣчаемъ слово *gerle*—*уже* 1835 (!) въ небольшомъ карманномъ словарѣ тогдашняго мадьярскаго ученаго общества!!

Мы видѣли, что «значеніе» слова совсѣмъ не можетъ свидѣтельствовать въ пользу словенскаго происхожденія слова *gerlice*; мы находимъ, что

---

1) Палоци живутъ далеко отъ словенъ въ сосѣдствѣ съ словаками въ стóлицахъ Borsod, Gömör, Heves и Nógrád.

краткая форма *gerle* вообще не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о томъ, какой славянскій языкъ далъ мадьярскому слово *gerlice*; «географическаго распространенія слова» славянскаго слова Мелихъ совсѣмъ не зналъ и уже поэтому не могъ придти къ какому-нибудь положительному выводу; остается еще «фонетика». Все мое разсужденіе должно дать отчетъ въ томъ, что *gërlice* по звуковымъ основаніямъ можетъ быть болгарскимъ. Мелихъ обѣщается въ своемъ широко задуманномъ изслѣдованіи о славянскомъ элементѣ въ мадьярскомъ языкѣ заняться и этимъ вопросомъ; однако пройдутъ еще годы, пока онъ такъ далеко подвинется; пока же онъ довольствуется утвержденіемъ: «въ мадьярскомъ языкѣ *gërlice* не можетъ произойти отъ **grьlica*, а только отъ *grlica*» (стр. 405)». Можетъ ли происходить мадьяр. *gërlice* отъ грълица или нѣтъ, это насъ вовсе не интересуетъ; Мелихъ могъ уже тогда знать изъ различныхъ намековъ, что я исхожу изъ болгарскаго произношенія гърлица respect. гᵊрлица, съ помощью котораго мадьярское *gërlice* объясняется очень легко; существованія же гърлица нельзя отрицать и въ древне-болгарскомъ, напротивъ, оно дѣлается очень вѣроятнымъ, благодаря свидѣтельству соотвѣтствующаго мадьярскаго слова.

Перехожу къ слову *varsa* «верша». Рядомъ съ *varsa*, вмѣсто котораго мы въ древнихъ памятникахъ многократно находимъ *vorsa*, нынѣшній языкъ знаетъ еще *verse* и *vörse*, формы съ палатальной вокализаціей. Первоначальную форму слѣдуетъ видѣть въ **vėrsa*, изъ которой, благодаря ассимиляціи въ разныхъ направленіяхъ, возникли *vorsa* и *vėrse*; путемъ обычнаго уподобленія непосредственно другъ за другомъ слѣдующихъ гласныхъ получились формы *varsa* и *verse*, между тѣмъ какъ *vörse* образовалось посредствомъ усиленной губной артикуляціи—все совсѣмъ обыкновенныя явленія въ мадьярскомъ языкѣ. Это слово можно бы, слѣдовательно, вполнѣ спокойно объяснить болгарскимъ *върша; а такъ какъ, безъ сомнѣнія, соотвѣтствующее слово было извѣстно всѣмъ славянамъ, слѣдовательно, разумѣется, и предкамъ нынѣшнихъ болгаръ, то можно спокойно предположить, что дѣйствительно было такое болгарское слово. Мелихъ, который, повидимому, думаетъ, что слова не могутъ исчезать въ языкѣ, отрицаетъ и здѣсь болгарское происхожденіе слова и заключаетъ свое наблюденіе такъ: «На основаніи приведенныхъ мной доказательствъ, я считаю слово *varsa* не болгарскимъ, а словомъ, заимствованнымъ изъ словенскаго языка на территоріи Венгріи, о чемъ свидѣтельствуетъ и приведенное географическое распространеніе» (Nyelvtudományi Közlemények XXXIII, 1903, стр. 68). И затѣмъ слѣдуетъ чертежъ, на основаніи котораго кто-нибудь другой врядъ ли рѣшился бы придти къ такому выводу, къ какому пришелъ Мелихъ. Правда, судя по чертежу, мадьярское *varsa* стоитъ всего ближе къ отмѣченному между Муромъ и Дравой (слѣдовательно угорско-словинскому) *vrša*; теперь

однако я спрашиваю, по какому праву во всей странѣ извѣстное мадьярское слово занесено именно на территорію по ту сторону Дуная, выше Блатнаго озера? Почему оно искусственно помѣщено вблизи словенской области, т. е. почему извращены факты на этой картѣ? И потомъ не видимъ ли мы повсюду вокругъ насъ одно и то же слово: срв.—серб. *vrša*, чеш. *vrše*, польс. *wiersza*, русск. *верша*? Можетъ ли быть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ общеславянскимъ словомъ, которое принесено изъ прародины, и которое, слѣдовательно, болгары могли утерять въ своей нынѣшней родинѣ, хотя и должны были нѣкогда имѣть его?—Мы утверждаемся еще больше въ нашемъ предположеніи въ виду того, что и не внесенное на карту луж. серб. *wjerša* означаетъ то же самое, подобно тому, какъ и отмѣченное на картѣ словацкое уменьшительное *vrška* (рядомъ съ которымъ Bernolák знаетъ и *vrša*, между тѣмъ какъ Loos и Fančovič приводятъ только fem. *vrš*). Отмѣченное же на самой болгарской границѣ румынское *vuršo* дѣлаетъ предположеніе достовѣрностью, такъ какъ румынское *vîrşa* можетъ быть только болгарскаго происхожденія. Мелихъ не въ состояніи признать этого только по своему ослѣпленію. «Въ валашскомъ, говоритъ онъ, встрѣчается, правда, именно въ пунктѣ соприкосновенія съ болгарами, слово *vúršo*, и такимъ образомъ можно было бы заключать, что это слово существуетъ можетъ быть и въ болгарскомъ языкѣ. Но ни Миклошичъ, ни Дювернуа, ни Цанковъ не знаютъ въ болгарскомъ языкѣ слова *vrša*, **vъrša*, **vrъša*, не нашелъ я его и въ народныхъ текстахъ». ib. стр. 67. и сл.—Очень странно, что Мелихъ изъ существованія румынскаго *vîrşa* не заключилъ о необходимости существованія этого слова въ древнемъ болгарскомъ языкѣ, что онъ такъ упрямо держится нынѣшняго запаса словъ болгарскаго языка, хотя вопросъ въ томъ, могли ли болгары имѣть это слово за много сотъ лѣтъ.—Человѣкъ можетъ быть различнаго мнѣнія о цѣнности положительныхъ указаній на то, что болгары должны были знать это слово; одно, однако, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: нельзя защищать никакими научными доводами утвержденія, будто болгары вообще не могли знать этого слова.

Въ остальной части статьи Мелихъ старается объяснить происхожденіе славянскаго выраженія слова, первоначальное воззрѣніе, на которомъ основывается оно. Онъ признаетъ совсѣмъ правильно, что **връша* основывается на *връхъ*—верхъ; но когда онъ говоритъ: «мы легко поймемъ это названіе, если взглянемъ на рыболовныя снасти, изображенныя въ книгѣ Отто Германа (МНК. стр. 159)», то едва ли онъ оказывается на правильномъ пути. Изображенная на соотвѣтствующей страницѣ извѣстнаго сочиненія Германа объ угорскомъ рыболовствѣ (*A magyar halászat könyve*) рыболовная снасть дѣйствительно имѣетъ въ нижней части острый, ворон-

кообразный видъ, но все-таки трудно понять, какимъ образомъ эта сложная плетенка могла получить свое названіе отъ слова «верхъ», въ его первоначальномъ значеніи. По моему мнѣнію, болгарское слово указываетъ намъ на болѣе вѣрный путь. Мелихъ, правда, увѣряетъ насъ, что «въ болгарскихъ словаряхъ не встрѣчается близкаго къ мад. *varsa* слова» ib. стр. 67; дѣло, однако, обстоитъ не совсѣмъ такъ. У Дювернуа я нахожу одно, въ звуковомъ отношеніи очень близкое слово, образованное, навѣрно, тоже отъ врьхъ (болг. вързхъ), а именно «*връши* с. мн. вѣтви (ср. русск. овершье)». Что это слово является собирательнымъ существительнымъ и должно писаться *връше* или *върше*, явствуетъ уже изъ цитатъ Дювернуа; ибо послѣдній примѣръ гласитъ: «как' га фатй отъ *вършито*» (а не *вършитѣ!*); кромѣ того вѣрное правописаніе слова приводится въ «Выпускѣ III, стр. XXV»: «Врѣши (е) Врѣше». У Дювернуа имѣется еще и единственное число «Връшь ж. ж. овершье, вѣтвь», что̀, однако, будетъ ошибкой, такъ какъ въ единственномъ примѣрѣ къ этому слову мы не находимъ ничего другого, какъ только тождественное, по формѣ и значенію, съ только что упомянутымъ *връши* слово *върши*: «кършѫть имъ *върши* два три пѫти». Это болгарское *върше*, произносимое часто, по причинѣ неударяемаго *-е*, какъ върши, произошло такъ же отъ вързхъ, какъ и русское сучье отъ сукъ; что̀ же касается значенія, то множественное число слова вързхъ: *върхове* «вершина (горы́), холмъ, верхушка (дерева)» въ своемъ значеніи очень близко къ значенію слова *върше*, срв. напр.: «Найде дре'о кипаро'о; Во корен-отъ змехъ му лежитъ, на вѫрво'и же славей пеитъ». Если теперь мы примемъ во вниманіе, что верша — плетушка, то намъ естественнѣе всего предположить, что славянская врьша была первоначально менѣе сложной плетенкой изъ тонкихъ вѣтокъ — ежегодно срѣзываемыхъ «верхушекъ» вѣтвей, подобно тому, какъ нѣмецкая (Fisch-) *Reuse*, въ своемъ происхожденіи, связана съ словомъ *Rohr*, и первоначально обозначаетъ, слѣдовательно, подобное плетеніе изъ камыша.

Въ ряду столь многихъ ошибокъ мы находимъ наконецъ у Мелиха, въ самомъ концѣ его наблюденій, одно тонкое замѣчаніе, сто́ющее того, чтобы быть отмѣченнымъ: «Части *varsa*, говоритъ онъ, именно *vörcsök (verseg, versek)* и *tömlöcz* во всякомъ случаѣ славянскаго происхожденія», ib. стр. 68. *Tömlöc* «тюрьма»—славянскимъ «тьмница» и произошло отъ болѣе древняго *tömnöc* путемъ диссимиляціи—въ древнѣйшемъ памятникѣ мадьярскаго языка это слово пишется *timnuc* (читай *tëmnöc*). Не такъ просто обстоитъ дѣло съ *vörsök (vörcsök)*, *versek*, *verseg*. Обычное значеніе слова «узкое отверстіе верши» не можетъ быть объяснено, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, изъ славянскаго *вършькъ; во всякомъ случаѣ слѣдуетъ отмѣтить, что — исключая небольшую изолированную область, гдѣ *vörsök*

обозначаетъ курятникъ изъ прутьевъ — это слово соединено по всей странѣ съ *varsa (verse, vörse)*, какъ названіе части верши. Вопросъ осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что можно бы, пожалуй, видѣть въ этомъ словѣ мадьярское образованіе отъ *verse—vörse*, хотя образовательный суффиксъ *-k* нынѣ уже не употребляется.

Сюда же отношу я и древнее *esztergár*—токарь, объясняемое мною болгарскимъ *стъргарь. Это слово, какъ и упомянутыя при словѣ *kormány—korcsmáros* (< *кръчмарь) и *mészáros* (< мѧсарь), приняло рано мадьярскій образовательный суффиксъ, и такимъ образомъ возникло извѣстное изъ древнѣйшихъ памятниковъ слово *esztergáros*, давшее затѣмъ, посредствомъ диссимиляціи, нынѣ единственно извѣстное *esztergályos*. *Eszterga*—«токарный станокъ», которое Миклошичъ ошибочно производитъ отъ строугъ, не славянское, а мадьярское отвлеченное слово. Примѣняя въ объясненіи слова такое узкое пониманіе, какое сплошь и рядомъ встрѣчаемъ мы у Мелиха, намъ дѣйствительно было бы очень трудно объяснить мадьярское слово славянскимъ. Въ звуковомъ отношеніи, правда, можно было бы очень легко объяснить это слово словенскимъ *strgár*, что̀ и дѣлаетъ Simonyi-Elvonás 1904 г. 16 стр.; Мелихъ, однако, постоянно строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы и значеніе подходило точнѣйшимъ образомъ, а въ этомъ отношеніи словенское слово уже не подходитъ къ мадьярскому, такъ какъ слов. *strgár* значитъ: 1) *Schaber*, *Kratzer*; 2) трубочистъ; 3) мастеръ ложки; 4) коростель. «Токарь» же называется въ словенскомъ *strugár*, что̀ опять въ звуковомъ отношеніи не совпадаетъ съ мадьярскимъ словомъ. Но въ виду того, что словенскіе *strgár* и *strugár* скрещиваются (*strugár* употребляется и какъ *strgár* въ значеніи 2) «трубочистъ»), я не вижу ни малѣйшаго препятствія для предположенія, что въ болгарскомъ языкѣ существуютъ рядомъ *стъргарь* и *стругарь* въ значеніи «токарь»; первое, какъ примитивное образованіе отъ глагола стъргати, второе же, какъ вторичное образованіе отъ существ. стругъ—и насколько могли быть здѣсь шатки границы, ясно и изъ того, что въ болгарскомъ яз. стъргъ употребляется и вмѣсто стругъ!

Я перехожу теперь къ слову *hörcsök—hörcsög* «хомякъ», которое я не могу оставить безъ упоминанія, такъ какъ оно въ высокой степени интересно со славянской точки зрѣнія. Такъ какъ Будмани въ Словарѣ хорватской Академіи при словѣ *hȓčak* говоритъ: «Biće stara riječ, isporedi slovač. *chrček*», то является на сцену и мадьярское *hörcsök* и требуетъ себѣ мѣста. Мелихъ еще не высказался объ этомъ словѣ; я однако убѣжденъ въ томъ, что онъ счелъ бы чудовищнымъ мнѣніе о возможности болгарскаго происхожденія мадьярскаго слова въ виду его распространенности по всей странѣ и, слѣдовательно, вѣроятно, древняго заимствованія. Вѣроятно, онъ приложилъ бы сюда и двѣ карты: на одной онъ изобразилъ бы распростра-

неніе славянскихъ названій, на другой—распространеніе самого животнаго. Первая карта показала бы, что названіе, близкое къ *hörcsök*, встрѣчается, кромѣ хорвато-сербскаго и словацкаго языка, только еще въ словенскомъ (hrček), но тамъ оно не родное, такъ какъ и само животное неизвѣстно народу; что болгарскіе зоологи называютъ животное или хамстеръ—какъ нѣмцы, или же хомякъ—какъ русскіе. Изъ другой карты явствовало бы, что въ Болгаріи *вообще нѣтъ никакого хомяка*, что такимъ образомъ, понятно, не можетъ существовать и никакого туземнаго, народнаго названія для этого животнаго. Но и 10 картъ, начерченныхъ по методу Мелиха, ничего не доказали-бы. Основой для моихъ выводовъ является то соображеніе, что и болгарскіе славяне вышли изъ той страны, гдѣ были извѣстны хомяки, что слѣдовательно они несомнѣнно имѣли и названіе для нихъ, и что это названіе могло быть, конечно, такое же, какое мы находимъ у хорватовъ и сербовъ. Мадьяры могли, слѣдовательно, слышать отъ встрѣченныхъ ими въ Венгріи болгаръ и слово хърчькъ, которому точно могло бы соотвѣтствовать отмѣченное въ двухъ старыхъ словаряхъ мадьярское *herchek* (чит. hércsék)—форма съ конечнымъ *-g (hörcsög* рядомъ съ *hörcsök)* возникла позднѣе въ мадьярскомъ языкѣ въ силу извѣстнаго звукового стремленія. А даже если бы болгары, утвердившіеся во Венгріи, уже ранѣе, во время своихъ передвиженій, утратили названіе хомяка, такъ намъ ничто не мѣшаетъ предположить, что они въ самой Венгріи, гдѣ имъ столь часто попадалось это животное, заимствовали названіе хърчькъ отъ славянскихъ сосѣдей и затѣмъ сообщили его мадьярамъ съ множествомъ другихъ словъ. Въ доказательство существованія этого слова у болгаръ нельзя указывать на румынское *hirciog* (произноси—хырчогъ), такъ какъ это слово указываетъ на мад. *hörcsög*, какъ свой источникъ.

Такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ общеславянскимъ словомъ, такъ какъ для меня совершенно неясны и старыя его отношенія къ очень похоже звучащему чешскому *křeček*[1]), то я и поставилъ это слово, при сопоставленіи трактуемой группы, лишь въ концѣ и въ скобкахъ. Я перехожу къ новой, произвольно составленной группѣ словъ *csötörtök*, *csötört*, *szömörcsök*, *berena*, *bürü*, *gerezna*, *morotva*, которыя всѣ подтверждаютъ предыдущіе результаты и вновь даютъ имъ опору.

Не приходится терять лишнихъ словъ для доказательства звукового соотвѣтствія *csötörtök—csütörtök* слову четвръткъ (болг. четвъртъкъ); все дѣло въ томъ, какъ представить себѣ распространеніе общеславянскихъ на-

---

1) Gebauer объясняетъ *křeček* синонимомъ *skřeček*=польск. *skrzeczek* чрезъ отпаденіе *s* (Historická mluvnice jazyka česk. I, стр. 489, § 408). Здѣсь слѣдуетъ указать еще на латинское неклассическое названіе *cricetus*—римляне не знали хомяка.

званій дней недѣли, и можетъ ли кто-нибудь установить, при помощи подходящихъ доводовъ, вѣроятность того, что болгары, жившіе въ Венгріи, не знали этихъ названій до прибытія мадьяръ въ страну. Я считаю это невозможнымъ—и потому произвожу *csötörtök*,—какъ и *szerda—szereda*, *péntek*, *szombat*, изъ того славянскаго языка, который вообще оказалъ сильнѣйшее вліяніе на мадьярскій языкъ.

Къ *csötörtök*, вмѣсто котораго въ литературномъ языкѣ употребляется *csütörtök*, а діалектически говорится и *csètèrtèk*, примыкаетъ и устарѣлое *csètèrt—csötört* = четвъртъ въ значеніи «modius, мѣра хлѣба» (срв. Словарь документовъ 1470. Una metreta pisi vulgo *chethewrt*—чит. csètört;—1519. De tritico quartus vulgo *chethert*; 1528. Farine *cheterth* quinque; 1593/1628. csötőrt; 1643. csötert; также безъ *-t*: 1524. Trituratorum frugum *cheter* XVI. На другомъ мѣстѣ подъ 1665 г. говорится о *czetert* баранины; въ Седмиградьѣ слова *csètèrt*, *csütört*, *cseterkt*, *csètèr*, *csetèr*, *cseter* еще и нынѣ очень распространены въ значеніи длиннаго куска бревна (первоначально—четвертая часть расколотаго пня).

Мадьярское *szömörcsök* «сморчокъ» отвѣчаетъ «*смърчькъ» (= болг. *смърчъкъ), котораго я, правда, не могу доказать для болгарскаго языка, но которое мы, въ силу созвучія русск. *сморчокъ*, чеш.-слов. *smrček*, серб.-хорв. *smrčak* и словен. smrček, въ правѣ считать общеславянскимъ.

Я намѣренно разсмотрѣлъ послѣ *kèrèszt* > кръстъ цѣлый рядъ словъ, которыя не могутъ быть поставлены ни въ какую связь съ *kèrèszt*, если мы хотимъ объяснить это слово изъ старославянскаго **крьстъ**, со строгимъ соблюденіемъ церковнаго правописанія: *perzsel* < пържити, *borda* < бърдо, *kormány* < кърма, *csorba* < *шчърба, *gèrlice* < гърлица, vèrse < върша, *èszt-tèrgár* < *стъргарь; *hörcsök* < *хърчькъ, *csötörtök* < четвъртъкъ, *csötört* < четвърть, *szömörcsök* < смърчькъ—всѣ эти слова, подобно разсмотрѣннымъ нами передъ *kèrèszt* словамъ *görcs* < гърчь и *görbe* < гърба, свидѣтельствуютъ противъ предположенія, будто бы мадьяры слышали болгарское произношеніе, съ неподвижной звуковой послѣдовательностью **ръ — рь**. По моему мнѣнію, намъ нельзя производить всѣ эти слова прямо изъ другого славянскаго языка, въ которомъ **трът-трьт** дали *tr̥t*, то есть произвольно отрывать ихъ отъ такихъ словъ, какъ *krèszt—kèrèszt* < кръстъ и **grèncsár—gèrèncsér* < грънчарь, если имѣется возможность соединить обѣ группы и совсѣмъ просто объяснить ихъ изъ общаго источника. Кромѣ болгарскаго, я не знаю другого славянскаго языка, звуковые законы котораго дали бы намъ болѣе прочную основу для объясненія обѣихъ группъ, т. е. всѣхъ относящихся сюда словъ—и я нахожу, что все это вполнѣ отвѣчаетъ цѣлому Habitus воспринятыхъ мадьярскимъ языкомъ славянскихъ словъ.—Даже самъ Мелихъ, стремясь, въ силу не всегда понятныхъ мнѣ

причинъ, доказать словенское вліяніе, все-таки соглашается съ тѣмъ, что «въ мадьярскомъ языкѣ имѣется значительное число болгарскихъ элементовъ» (Nyelvtudományi Közlemények XXXIII, стр. 71). Правда, онъ думаетъ, не успѣвъ, однако, своими неудачными попытками убѣдить меня въ этомъ, что «это болгарское наслоеніе можно очень легко доказать не только въ звуковомъ отношеніи, но и съ помощью географическаго распространенія словъ» (ibid.). Если твердо стоять на томъ — и, повидимому, Мелихъ твердо стоитъ на этомъ, — что старославянскому **ръ** и **рь** должны соотвѣтствовать въ мадьярскомъ языкѣ — съ одной стороны *ro*, съ другой же *-ré*, то рефлексы словъ вида **трът-трьт** остаются запечатанной семью печатями загадкой; если же, напротивъ, исходить изъ живого болгарскаго языка и рѣшиться предположить для языка IX и X столѣтія то, что теперь слышно въ Болгаріи на каждомъ шагу, то сразу станетъ все ясно. — Насъ не можетъ сбивать съ толку то обстоятельство, что до сихъ поръ мы болѣе находили такіе случаи, гдѣ гласный въ мадьярскомъ языкѣ стоитъ *передъ r*: эти случаи преобладаютъ въ простыхъ словахъ и живого болгарскаго языка. Кромѣ того, для меня было важно настойчиво указать на то, что даже въ такихъ случаяхъ, какъ *krëszt-kërëszt*, гдѣ само собой напрашивается объясненіе изъ дошедшей до насъ формы старославянскаго слова (крьстъ), мы должны обращать болѣе вниманія на живой разговорный языкъ, чѣмъ на письменный. Поэтому-то я упомянулъ до сихъ поръ рядомъ съ *kërëszt* < ст. мад. *krëszt* только *одно* слово, гдѣ гласный звукъ первоначально слѣдовалъ за *r* (*gërëncsér* < **grëncsár*) — существуютъ, однако, и другіе того же рода случаи, какъ напр. *bërëna*, *bürü*, *gerezna*, *morotva*, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и переходимъ.

Bërëna — бревно, не общеизвѣстное слово въ мадьярскомъ языкѣ; въ старательно обработанномъ Словарѣ документовъ *(Oklevél-Szótár)*, заключающемъ столь много интереснаго и для насъ славистовъ, оно не отдѣлено надлежащимъ образомъ отъ общеизвѣстнаго *borona* «борона» и устарѣвшаго *borona*, *barana* — плетень, которыя возводятся къ *брана* и не имѣютъ ничего общаго съ *bërëna*. Въ этомъ Словарѣ мы читаемъ подъ *Borona*: «s. trabs, lignum; balken... 1406: Duodecim ligna edificio domus apta vulgo *Berena* dicta»; форма *berena* упоминается еще въ 1601 г., а рядомъ съ ней въ 1638 г. ф. *barona* — съ тѣмъ же значеніемъ — образованная посредствомъ ассимиляціи. Діалектически это слово живетъ еще и теперь въ различныхъ формахъ: *bërëna*, *berena*, *borona* и, съ потерей второго гласнаго, *borna*. Звуковое развитіе изъ бр*ъ*вно (ст.-слав. бръвьно, болг. *бръвно) представляется нѣсколько затруднительнымъ въ виду того, что слѣдовало бы прежде всего ожидать **brëvna*, *bërëvna* и что трудно объяснить безслѣдное

исчезновеніе *v*[1]). Въ виду этой звуковой сомнительности—впрочемъ, не столь важной, чтобы отдѣлять мад. *berena* отъ однозначущихъ славянскихъ словъ — представляется маловажнымъ то обстоятельство, что нельзя доказать существованія этого слова спеціально въ болгарскомъ языкѣ («b. *(brъvno)*» въ Этим. Слов. Миклошича мнѣ непонятно), ибо остальные славянскіе языки не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ общеславянскимъ выраженіемъ (срв. ст.-слав. *бръвьно*, рус. *бервено* и пр., польс. *bierzwiono*, чеш. *břevno*, словац. *brvna*, серб.-хорв. *брвно*), а румынское *bîrnă* окончательно подтверждаетъ, что это слово не могло отсутствовать въ болгарскомъ языкѣ.

На ряду съ *berena* я упомяну и *bürü*, которое побудило меня впервые разсмотрѣть рефлексы славянскихъ **трът-трьт** въ мадьярскомъ языкѣ (срв. Magyar-Nyelvőr XXIX, 1900, стр. 560—566). Въ предыдущемъ выпускѣ упомянутаго журнала Мелихъ пытался объяснить изъ словенскаго языка діалектическое сл. *bürü*, употребляемое только по ту сторону Дуная и обозначающее «мостикъ» черезъ ровъ, ручей. Мелихъ смѣшиваетъ *брьвь* (изъ bьrvь)—ponticulus (см. Archiv. f. sl. Phil. XI, стр. 124) съ *бръвь* (изъ brъvь)—supercilium, изъясняя первое старой основой на *ŭ*, и конструируетъ, по аналогіи со словенскимъ kri = ст.-слав. *кры*, угро-словенское **bri*, которому въ мадьярскомъ діалектѣ, ближайшемъ къ словенской территоріи, соотвѣтствуетъ яко-бы слово **brü*, какъ тамъ, дѣйствительно, вмѣсто общемадьярскихъ словъ *mi*, *ti*, *ki*, говорятъ *mü*, *tü*, *kü*, съ округленіемъ губъ. Путемъ Мелиха, конечно, не захочетъ пойти ни одинъ славистъ—да и нѣтъ ни малѣйшей къ тому причины: мы можемъ очень хорошо объяснить это слово, какъ и другія похожія слова.

Обслѣдованное выше слово бръвьно можетъ быть объяснено, какъ дальнѣйшее образованіе слова бръвь (resp. брьвь), которое въ своемъ значеніи превосходно подходитъ сюда; Миклошичъ и переводитъ его совершенно правильно словомъ «δόκος», trabs и «ponticulus», но ставитъ его ошибочно подъ словомъ «бръвь «ὀφρύς» supercilium», съ которымъ оно не имѣетъ ничего общаго; подобнымъ образомъ Востоковъ бръвь 1. бревно 2 бровь.

Напротивъ совершенно обособленно стоятъ эти слова въ «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка»: слово, которое здѣсь интересуетъ насъ, мы находимъ подъ *брьвь* «бревно, δόκος, trabs, asser» и *берьвь*, «плотъ, береговая плотина, ratis». Этому брьвь соотвѣтствуетъ малорусское берва «Stegbrücke», которое такъ же перешло въ группу основъ на *a*, какъ и соотвѣтствующее слову бръвь «supercilium» слово брова. Различіе обоихъ

1) Не слѣдуетъ ли предположить въ болгарскомъ языкѣ еще и форму *бърно рядомъ съ бръвно? срв. русск. берно и бревно! и рум. bîrnă, очень легко объясняемое болгарскимъ *бърно.

словъ обнаруживаетъ столь же рѣзко, какъ малорусскій языкъ, и чешскій языкъ: břev gen. břvi, «ponticulus» и brv или brva «supercilium, въ то время какъ въ хорвато-сербскомъ языкѣ эти слова, естественно, должны совпадать, такъ что въ Словарѣ хорватской Академіи подъ Brv f. palpebra, ponticulus мы читаемъ непосредственно рядомъ другъ съ другомъ оба значенія. Второе значеніе обозначено здѣсь такъ:

Daska ili greda, što se metne preko vode, da samo ļudi mogu prelaziti. Въ словенскомъ языкѣ *brv* значитъ только 1. мостикъ. 2. лавка въ (доска) лодкѣ — бровь же называется *obrv*, *obrva*. На основаніи этихъ данныхъ, я въ своей вышеупомянутой статьѣ пришелъ къ заключенію о болгарскомъ словѣ *бръвь*, въ которомъ гласный звучитъ, какъ въ словахъ кръвь, връвь, стръвь (срв. Цоневъ—За източнобългарскій вокализмъ, стр. 60[1]), не передъ, а *послѣ р*. Любезное сообщеніе Милетича подтвердило мое предположеніе; онъ сообщилъ мнѣ письмомъ отъ 22 ноября 1900 г. изъ Софіи; «Думата *бръв*, *бръвта* е извѣстна по нашитѣ диалекти (по цѣла источна Болгария) въ смисълъ на греда (дъска, пънь) която служи мостъ прѣко нѣкой язъ, потокъ и прч.». Слѣдовательно, въ болгарскомъ языкѣ существуетъ *бръвь* точно въ такомъ же значеніи, какъ мад. *bürü*, которое въ звуковомъ отношеніи можно легко объяснить изъ болг. брᵊвь. Если болгарскому *рѣ* соотвѣтствуетъ въ мадьярскомъ *ré—rö*, какъ мы это до сихъ поръ наблюдали, то слѣдовало бы ожидать вмѣсто *брᵊвь* — *brév, *bröv, съ разрѣшеніемъ трудной группы согласныхъ въ началѣ слова bérév—böröv.

Закрытый же слогъ *év-öv* переходитъ, послѣ вокализаціи *v*, въ *ő*: *köv*- (acc. sing. *köv-et*, plur *köv-ek*, прилаг. *köv-es*—каменистый) даетъ въ nom. sing. *kő*—камень; совершенно такъ же, какъ *av*, *ov* превращаются въ закрытомъ слогѣ въ *ó* (поставъ > posztó — сукно, подъковъ > patkó — подкова)—слѣдовательно **böröv* должно было дать **berő*. Это *bérő* мы имѣемъ, м. б., въ словѣ *berw* грамотъ: Ad quendam fluvium parvulum ubi pedites possunt per lignum transire vulgo Serynaberw vocatum; 1462. Ad lucum ubi pedites per lignum possunt pertransire vulgo zeryna *berw* (см. Словарь документовъ подъ словомъ *bürü*). Такъ какъ однако *w* можно читать одинаково, какъ *ő*, *ű* и какъ *ü*,—то редакторъ Словаря документовъ имѣлъ основаніе

---

1) Само собой понятно, что предположеніе о произношеніи брᵊвь въ тѣ древнія времена было бы очень мало вѣроятнымъ, если бы объясненіе Цонева относительно нынѣшняго произношенія было основательнымъ. «Въ думитѣ, говоритъ онъ, *кръв*, *връв*, *стръв* (четѝ: кръф и пр.) трѣба да се мисли едно *т* на края, което да е причинило неправилното произношеніе на ъ (слѣдъ *р*), защото въ мн. ч. се говори наистина покрай *връвй* и *връфти*, а може и членната форма (кръфтѣ) да е причинила такова произношеніе. Общепринятое произношеніе *пръвъ* рядомъ съ *първи* (срв. Цоневъ—Программа стр. 11: пръвъ, първенъ, първенци, пръвница) ясно свидѣтельствуетъ, однако, о томъ, что не послѣдующее *т*, вызвало произношеніе кръвь и пр., а только стремленіе избѣжать въ окончаніи соединенія—*рв*.

прочитать это слово, какъ *berü*. Это конечное—*ü*, въ живыхъ до сихъ поръ формахъ *börü* и *bürü*, возникло здѣсь благодаря звуковой тенденціи, обнаруживающейся въ той области, гдѣ это слово извѣстно теперь, и состоящей въ томъ, что долгое *ő*, возникшее изъ *ėu*—*ŏu*, переходитъ въ *ű*, гезр. въ *ü*, благодаря принятому по ту сторону Дуная сокращенію гласной *ű*. Такимъ образомъ изъ древняго **bérő*, **börő* возникло прежде всего *börü*, засвидѣтельствованное дважды въ Историч. словарѣ по переводу Коменскаго, а въ силу ассимиляціи слѣдующихъ другъ за другомъ гласныхъ—*bürü*.

Интересно слово *gérézna*[1])—косматая матерія, косматое платье—которое легко можно объяснить сл. кръзно—такъ какъ въ мадьярскомъ языкѣ переходъ *k* въ *g* не рѣдкость, и можетъ быть доказанъ и въ иностранныхъ словахъ (напр. старослав. кѫдрь соотвѣтствуютъ *kondor* и *göndör*—кудрявый): *gérézna* произошло отъ болѣе древняго **grézna*—**krézna*, соотвѣтствующаго сл. кръзно. Какъ въ Венгріи вмѣстѣ съ измѣняющеюся модой пришло въ забвеніе и названіе одѣянія, такъ точно исчезло это слово и изъ большинства славянскихъ языковъ. Сербскій языкъ не знаетъ уже больше никакого **крзно*, хотя въ старославянскомъ Словарѣ (Lexicon Palaeoslov.) Миклошича *кръзно*, «vestis pellicea» приведено изъ сербскаго источника (3 раза); производное *крзнар* Караджичъ отмѣчаетъ только въ Хорватіи—въ Сербіи употребляется *кожухар* или турецкое ħурчија. То же самое и въ русскомъ языкѣ, срв. *Матеріалы для словаря древнерусскаго языка:* кързно = корьзно = кръзно = корозно — плащъ. Устарѣлымъ является и чеш. krzno—plašt' kožešinou podšívaný (*Gebauer*—Historická mluvnice jazyka českého, I, 67). Только въ словенскомъ языкѣ, повидимому, живетъ еще это слово krzno—косматая шкура, кожухъ; krznár—мѣховщикъ, krznáš—волосатое животное, krznína—сырье, шкура и пр.

Изъ этого никто, однако, не захочетъ заключать, что мад. *gérézna*, которое должно возникнуть изъ **grézna* и въ звуковомъ отношеніи, конечно, не можетъ быть объяснено словенскимъ словомъ, должно быть словенскаго происхожденія и никакъ не можетъ быть болгарскимъ, хотя его, съ звуковой точки зрѣнія, безъ труда можно произвести изъ болгарскаго языка. Въ жизни языковъ имѣются болѣе надежныя указанія, чѣмъ случайное сохраненіе слова! Наконецъ, можно еще упомянуть словац. grznár—мѣховщикъ, которое *Bernolák* обозначилъ звѣздочкой, какъ «vulgare, i. e. culinare et bar-

---

1) Чтобы опредѣлить значеніе этого устарѣлаго слова срв. въ Словарѣ документовъ: 1471. *Gerezna* proprium de pellibus kralyk factum; Unam mastrucam vulgo *gerezna* (тотъ же годъ); 1516. Pro pellibus vel *gerezna* hermellina; 1556. Una *gerezna* sub veste. Еще больше данныхъ находимъ мы въ Историческомъ словарѣ. Въ обоихъ словаряхъ приводится и цѣлый рядъ сложныхъ словъ.

barum vocabulum». *Loos* приводитъ еще и *grzna*, переводимое имъ мадьярскимъ gerezna, szűcsbőr и нѣм. Pelzwerk. Я не могъ твердо установить[1]), извѣстно ли народу это слово, приводимое и Янчовичемъ; напротивъ, вполнѣ достовѣрнымъ является слово grznár—мѣховщикъ; но какъ обозначеніе ремесленника, обработывающаго мѣха, съ тѣхъ поръ, какъ мѣховое платье вышло изъ моды, устарѣло и это слово. Миклошичъ не приводитъ словац. слова, остальныя же данныя мы находимъ въ Этимологическомъ словарѣ вмѣстѣ, хотя и безъ всякой исторической перспективы: kürzno: asl. *krъzno* pelz; nsl. *krzno*, *krznar*; s. *krznar*; č. *krzno;* r. *korzno*».

Точно такъ же непонятнымъ уже словомъ является *morotva*; Словарь нарѣчій приводитъ только остатки этого слова въ значеніи: «todtes Wasser, todter Flussarm, wässriges Röhricht». Древніе источники знаютъ очень хорошо это слово, особенно ясно выступающее въ значеніи «рыбный прудъ»; Molnár Albert объясняетъ его вотъ какъ: Marotva: «locus vel piscina cum claustro», а при существительномъ *Gyalmostó*, *marotva*: «piscina cum claustro piscaturae»; въ Словарѣ документовъ мы читаемъ: «1337. Quadam piscina *Muruthwa* vocata in qua novem tracciones piscium volgo Tanya vocate; 1344. Piscinam nostram *Moruthwa* vocatam; 1437. Piscinam wlgariter *Morothwa* nuncupatam; 1489 Quandam piscinam *Morothwa* vocatam; 1499. Piscine *Morothwa* alio nomine Holtthyza[2]) vocate, и т. д.». Слово это употребляется и для обозначенія большихъ стоячихъ водъ, прудовъ; основнымъ понятіемъ, очевидно, является понятіе стоячей, «мертвой воды», и такимъ образомъ это слово, безъ сомнѣнія, соотвѣтствуетъ ст.-слав. мрътва. Это слово отлично входитъ въ рядъ уже разсмотрѣнныхъ словъ. Мы исходимъ изъ болгарскаго произношенія *мрътва* (срв. болг. мрътва), которое первоначально даетъ мад. **mrétva*—**mërétva*,—ставшее потомъ въ силу ассимиляціи *morotva*. Объясненію этого слова прямо изъ встрѣчающейся намъ въ др.-слав. источникахъ формы мрътва, съ яснымъ ъ и правильной замѣной его мадьярскимъ *o*, препятствуютъ доселѣ извѣстные факты; не только множество словъ въ родѣ гърба, > *görbe*, гърчь > *görcs*, гдѣ гласный стоитъ передъ *r* и притомъ всегда въ согласіи съ распространенѣйшимъ произношеніемъ современныхъ болгаръ, показываютъ, что такого рода объясненіе прямо недопустимо, это обнаруживаютъ и слова въ родѣ göröncsér, gërézna, въ которыхъ первоначально гласный стоялъ лишь *послѣ r* (*gréncsár и *grézna), и которыя не могли произойти изъ грънчарь, кръзно, съ обычнымъ, яснымъ ъ, которому въ мадьяр. соотвѣтствуетъ *o*.

Я перехожу теперь къ слову, наблюденія надъ которымъ рѣшительно

---

1) *Kott*, знающій *grzna* только по словарю Loos-а, приводитъ рядомъ и *grzno*, а n. = grzna, kožešina, kůže ovčí s vlnou na ní. Baranica, kučma ušitá z grzna. Slov. Dbš. Obyč. 10.

2) *Holtthyza* = holt Tisza значитъ «Мертвая Тиса».

доказываютъ, какое цѣнное разъясненіе исторіи мадьярскаго языка заключается въ туземныхъ, по-латыни написанныхъ документахъ. Это богатство только теперь стало вполнѣ доступнымъ, когда мадьярская Академія Наукъ образцово издала богатый матеріалъ, собранный въ различныхъ архивахъ преждевременно умершимъ Szamota[1]). Чтобы познакомить славистовъ съ характеромъ этого столь важнаго и для нихъ труда, я привожу изъ него дословно статью *barlang*, напередъ замѣчая, что и Историческій словарь знаетъ только форму *barlang* и полученную отсюда посредствомъ ассимиляціи форму *ballang*.—«*Barlang*, *barlag*: antrum, lustrum, latebra, caverna, cavea, specus, spelunca, spelaeum, tumba, latibulum; höhle, grotte. Ny Sz.[2]) 1248: In Watka Pobor et *Borlogv* [a. m.[3]) barlang?] fecit introduci (Veszpr. 109, Szántó 1). 1310: Possessionem *Barlag* vocatam (Veszpr. 2, Barlag). 1313: Paulum de *Borlog* (Veszpr. 108, Vámos 1). 1357: Ad speluncam Bohomil *porloga* dictam (Akad. 3). Ad quendam montem *Borloghyg* vocatum (u o.[4]). 1463: Attigissent siluam Medwe *Barlaga* vocatam (Lelesz Prot. IV, 110). 1467: Venissent ad montem *Barlanghege* (Lelesz Met. Bereg 21)».

Итакъ, предъ нами множество данныхъ, въ которыхъ это слово является еще въ древнейшей формѣ. Прежде всего, несомнѣнно, что *n* передъ *g* развилось лишь позже; не столь достовѣрно, слѣдуетъ ли *o*, употребляемое въ старыхъ документахъ вмѣсто *o* и вмѣсто сильно закрытаго мадьярскаго *a*, читать всегда, какъ *a*, какъ это полагаетъ редакторъ словаря *Zolnai*. Написанія въ родѣ *Borlog* можно читать одинаково хорошо, и какъ *Borlag*; если же это слово произошло многократно разъясненнымъ способомъ изъ болгарскаго бърлогъ, такъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ ожидать прежде всего **bėrlag*, а затѣмъ, въ силу происшедшей ассимиляціи, *borlag*.—*Barlag* я считаю болѣе поздней формой, возникшей изъ болѣе древняго *borlag* посредствомъ не рѣдкаго вообще въ мадьярскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ языкахъ, уподобленія двухъ сосѣднихъ гласныхъ, встрѣтившагося намъ уже въ словѣ *vorsa* > *varsa*. Нынѣшнее значеніе «пещера» вполнѣ ясно выступаетъ въ двухъ мѣстахъ: Ad speluncam Bohomil *porloga* dictam»—и Attigissent siluam Medwe *Barlaga* vocatam; находящееся въ обоихъ случаяхъ конечное *-a* есть суффиксъ, обозначающій владѣніе: *barlang* = пещера, *barlanga* = его пещера, *medve barlanga* = медвѣжья пещера. Въ латин-

1) На заглавномъ листѣ, подъ главнымъ заглавіемъ *Magyar Oklevël-Szotár* (= Венгерскій словарь документовъ) мы читаемъ: «Собраніе мадьярскихъ словъ, встрѣчающихся въ старыхъ документахъ и другихъ сочиненіяхъ, въ бо́льшей своей части составленное г. Szamota István, по порученію Имп. Акад. Наукъ редактированное въ видѣ словаря г-омъ Zolnai Gyula, Budapest 1902—1906.

2) Ny Sz. = *Nyelvtörténeti Szótár*, т. е. «Историческій словарь», 3 тома, Будапештъ 1890—1893.

3) a. m. *annyi mint*, т. е. «столько, что».

4) u o. = *ugyanott*, т. е. ibidem.

скихъ документахъ мадьярскія слова и вообще часто являются въ расширенной формѣ: такая же конструкція, какъ *medve barlang-a* и *Barlanghege* (чит. Barlanghegye), рядомъ съ *Borloghyg* (чит. Borlag- или Barlaghegy) — *hegy* = гора, *hegy-e* = его гора. То обстоятельство, что лѣсъ называется медвѣжьей пещерой, приводитъ намъ на память, что въ «Матеріалахъ для словаря древне-русск. яз.» находимъ рядомъ съ *бърлогъ* = latibulum и *берлога* = *берлогъ* въ значеніи «лѣсъ, sylva, ὕλη, и что рум. *bîrlog* значитъ въ особенности «медвѣжья пещера» [1]) Это румынское *bîrlog* является болѣе надежнымъ доказательствомъ, чѣмъ значительное распространеніе слова въ славянскомъ языкѣ, что это слово нѣкогда многократно употреблялось и въ болгарскомъ языкѣ. Словарь Дювернуа, правда, не знаетъ этого слова, и Милетичъ не имѣлъ подъ рукой ни одного подтверждающаго свидѣтельства «Бърлог-имало го въ Прилѣпско, но не зная да ли въ значението на сръб. хърв. *brlog*») — мнѣ же, при чтеніи болгарскихъ текстовъ это слово встрѣтилось только однажды: «Да ли затуй ти прѣдадохъ прѣстолътъ, да то направишъ *бърлога* на грѣховетѣ» Болг. Прѣгледъ I, XI—XII. кн. 141. стр. [послѣднія три слова мадьяръ передалъ бы сложнымъ *bűnbarlang* — *bűn* = грѣхъ].

Перехожу теперь къ слову *morva—murva*, неупотребляемому въ литературномъ языкѣ—только ботаники употребляютъ выраженіе *morva*-levelek (levél листъ) для обозначенія прицвѣтнаго листка (bractea)—помимо того, очень извѣстному, хотя бы въ часто измѣняющейся формѣ. Кромѣ приведенныхъ у Миклошича формъ *morva*, *murva*, *murha*, *murgya*, *murugya*, *murugy*, *murnya*, мы находимъ въ словарѣ нарѣчій еще *murja* и *muruggya*,,—напротивъ формы *murugy* не обозначено въ немъ, и поэтому мы не считаемъ ее доказанной. Всѣ эти различныя формы встрѣчаются въ значеніи: «отруби (полусотлѣвшаго) сѣна, соломы, скотной кормы, камыша»; наряду съ этимъ выступаютъ и другія значенія такъ напр.: *murva*, *murnya* приводится въ значеніи—«песокъ, известковая пыль, щебень при проведеніи дорогъ». Пока насъ интересуетъ только форма *morva*, которая въ Историческомъ словарѣ подтверждена свидѣтельствами 3 источниковъ, а въ Діалектическомъ словарѣ встрѣчается только однажды въ видѣ *morvajja* [murva-alja?], и форма *murva*. Выраженіе *morva*, очевидно, древнѣе и соотвѣтствуетъ сл. мърва, давшему первоначально **mérva*, а затѣмъ, въ силу ассимиляціи закрытаго *é* съ гортаннымъ *-a*, *morva*. Въ формѣ *murva* заключается дальнѣйшее перегласованіе *o* подъ вліяніемъ окружающихъ его звуковъ—какъ напримѣръ, вмѣсто обычнаго *morszol*—

1) Dr. *H. Tiktin*—Rumänisch—deutsches Wörterbuch: «bîrlog—1. Höhle grosser Raubtiere.—Bes. des Bären. 2. Lager des Schweines».

дробить и *morzsa*—крошка діалектически употребляется *murzsol*, *murzsa*, срв. и широкораспространенное *mustoha* рядомъ съ обычнымъ *mostoha* < маштеха.

Значеніе мадьярсьаго слова превосходно совпадаетъ съ значеніемъ славянскаго, какъ оно представляется намъ въ польскомъ, малорусскомъ, словацкомъ, словенскомъ, чешскомъ и сербскомъ языкахъ. Польское *mierzwa* передается посредствомъ «смятая солома, постилка, навозъ изъ соломы»; то же значитъ малорус. *мерва*; словац. *mrva* Бернолакъ разъясняетъ такъ— «stramentum comminutum, frustilla (segmenta) straminis; die Bröcklein, Bröcklinge von Stroh; слов. *mrva* Миклошичу въ Этимолог. слов. значитъ schlechtes Viehfutter (по Плетершнику мн. ч. *mrve* между прочимъ=senen drobir); по словарю Ранка мор.-чеш. *mrva* = «Wirrstroh» (впрочемъ, онъ переводитъ чешское слово и какъ Splitter, Schiefer, Dünger, Mist, Düngungsmittel); со всѣмъ этимъ въ согласіи и луж. серб. *mjerwa*—«смятая солома». Это согласіе въ различныхъ славянскихъ языкахъ приводитъ къ мысли о томъ, что значеніе, найденное нами въ мадьярскомъ словѣ, было общеславянскимъ, что слѣдовательно и болгары могли употреблять свое мъ̊рва въ подобномъ же значеніи.—Дювернуа переводитъ мрьва, мръвка— «кусокъ мяса», Миклошичъ же приводитъ это слово, какъ въ Старославянскомъ Лексиконѣ, такъ и въ Этимологическомъ Слов. со значеніемъ «glutasche»; но первоначально это слово, очевидно, обозначало вообще все мелкое, раздробленное, что̀ явствуетъ и изъ дружески сообщенныхъ мнѣ проф. Милетичемъ данныхъ: *мърва* значи горещa жерова (glutasche), означава и ситни вѫглища («ситенъ кюмуръ») — напр. въ Ловечъ. Сѫщата дума значи и «троха» («дай ми *мърва* хлѣбъ») у рупцитѣ напр. въ планина Странджа».

Я не думаю здѣсь далѣе изслѣдовать, насколько прочія формы, встрѣчаемыя нами въ Діалектическомъ словарѣ подъ *murva*, могутъ быть цѣликомъ или отчасти возведены къ слову *мъ̊рва* или не заключается-ли въ одной части ихъ славянское производное *мъ̊рвина* (ср. словен. *mrvina*=drobtina): такого рода изслѣдованіе было бы слишкомъ обширнымъ, не давая притомъ ничего новаго для рѣшенія главнаго вопроса.

Съ *morva-murva* я соединяю созвучное *morvány*, которое употребляется исключительно мадьярами живущими среди словаковъ—и уже потому должно быть явно признано заимствованіемъ изъ *словацкаго* языка. Значеніе слова въ обоихъ языкахъ одинаково: завитой калачъ, играющій большую роль при свадебныхъ обрядахъ. Интереснымъ является это слово потому, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ діалектическимъ словомъ, которое, благодаря своему географическому распространенію, несомнѣнно указываетъ на свой источникъ. Отсюда мы узнаемъ, что звуковое *r̥* (въ словацкомъ это слово звучитъ *mrváň*) одинаково могло дать какъ *ér*, такъ—передъ гортан-

нымъ согласнымъ слѣдующаго слога—и *or*, точно такъ, какъ болгарское *ъ*р*. Кромѣ этого, мы узнаемъ еще нѣчто, что̀ очень цѣнно для насъ именно теперь, когда о древности словацко-мадьярскаго соприкосновенія въ верхней части Венгріи спорятъ не всегда съ научными аргументами въ рукахъ[1]). Мы находимъ мадьярское слово въ двухъ старыхъ Глоссаріяхъ 1-ой полов. XV столѣтія, въ совершенно нынѣшней формѣ (*moruan* слѣдуетъ во всякомъ случаѣ читать *morvány*). Писецъ одного Глоссарія называетъ себя въ послѣсловіи Георгіемъ «De regno dicto Sclavonÿe»!—Отъ этого *morvány* слѣдуетъ отличать *murvány*, употребляемое на верхней Тисѣ въ сложномъ словѣ *murvány-hal* [hal = рыба]—«мелкая рыба» и являющееся новообразованіемъ *morva* — *murva* съ мадьярскимъ окончаніемъ, ср. кърма > *kormány*, см. выше стр. 1235.

Прежде чѣмъ перейти къ словамъ *murok*, *korcsma*, *görög*, которыми я думаю заключить разсмотрѣніе принадлежащихъ сюда случаевъ, я хочу вкратцѣ разсмотрѣть еще остальныя слова, упоминаніе о которыхъ слѣдовало бы ожидать здѣсь послѣ статьи Миклошича о славянскихъ элементахъ въ мадьярскомъ языкѣ.

Принимая во вниманіе пеструю смѣсь, представляемую часто формами какого-нибудь одного славянскаго языка (какъ напр. *Šulek* приводитъ въ своемъ *Imenik*-ѣ *brstan*, *brstran*, *bršljan*, *bršta*, *brštan*, какъ наименованіе Hedera helix), я не рѣшаюсь вводить въ кругъ своихъ розысканій венг. *borostyán* и діалектическое *boroszlán*. *Borostyán*, встрѣчающееся въ значеніи «плющъ, лауръ, сирень», повидимому, предполагаетъ слово **бръштянъ*; однако, я знаю только болгарское *бршлянъ*, въ звуковомъ отношеніи скорѣе подходящее къ діалектическому *boroszlán* — сирень, причемъ, однако бросается въ глаза появленіе *sz* вм. *s* = *š*.

Мадьярскому *korcsolya* — спуски «Schrotleiter» (въ новѣйшее время и «конекъ») Миклошичъ противопоставляетъ только соотвѣтствующее словацкое слово; ибо хорвато-сербс. *krčalo*, по его справедливому позднѣйшему замѣчанію въ Этимологическомъ словарѣ, не имѣетъ съ мадьярскимъ словомъ ничего общаго. Повидимому въ самомъ словацкомъ языкѣ это слово совсѣмъ новое; ибо по Loos-у (знающему впрочемъ, только форму *korčuľa*), оно имѣетъ совсѣмъ модерное значеніе — «конекъ». *Kott* совершенно правильно замѣчаетъ въ Dodatky, т. VI, при сл. *korčula*—«der Schlittschuh» «Slov. z maď» и разсматриваетъ здѣсь только эту форму, въ то время какъ въ I. т. онъ приводитъ изъ Палковича сомнительную форму *krčula* líha» — ословаченную форму *krčula* я нахожу еще только у Янчовича въ словацко-мадьярской части его словаря, въ мад. словац. мы читаемъ только форму

1) Я это писалъ въ началѣ 1904 г.

korčula. Вполнѣ вѣроятно, что Янчовичъ зналъ это слово только въ значеніи «Schlittschuh», но нельзя съ аподиктической достовѣрностью утверждать это, такъ какъ онъ противопоставляетъ это слово мадьярскому *korcsolya*, слову съ двойнымъ значеніемъ.

Точно такъ же словац. *trnác*, угро-словен. *trnac*, и употребляемое угроруссами *торнацъ*—atrium, не что иное, какъ заимствованіе изъ мадьярскаго *tornác*—«дворъ, Vorhof, Flur, Hausflur», что̀ Миклошичъ правильно отмѣтилъ въ «Fremdwörter»...

Тюркскими, а не славянскими оказываются *korsó*—«кувшинъ» и *tarhonya*—«сухое тертое тѣсто», на что̀ я уже указалъ въ моей статьѣ «Нѣсколько замѣчаній» стр. 54 (= Извѣстія отд. русск. яз. VII, кн. 4, стр. 299); напротивъ, *mormol*—murmeln и, очевидно, также *marha*—скотъ оказывается *нѣмецкаго* происхожденія.

Въ «Этимологическомъ словарѣ» Миклошичъ уже не повторяетъ (подъ *ter*—и *berdo*) фантастическаго объясненія *tilos*—«запрещенный» и *bérc*—«горы»; ровно и *tilo* «Hanfbreche», объясненное имъ съ помощью *trlo*, было иначе объяснено, какъ онъ вспоминаетъ въ «Этимолог. Слов.» 353 в.

Сопоставленіе *görgicse* «Gründling» въ серб. *гргеч* «perca fluvialis» самъ Миклошичъ отмѣчаетъ, какъ сомнительное; очевидно сербское слово происходитъ отъ мадьярскаго.

Перейду теперь къ словамъ *murok*, *korcsma*, *görög*, объясненіе которыхъ сопряжено съ затрудненіями.

Murok—морковь, *Möhre*, съ корнемъ *murk*- (acc. sing. murkot, срв. и прилагат. *murkos* въ «Историч. слов.»), можно по-просту считать позднимъ производнымъ отъ незасвидѣтельственнаго **morok* (acc. **morkot*), какъ это показываютъ приведенные подъ *morva—murva* факты. Судя по наблюдаемому вообще въ мадьярскомъ языкѣ развитію, можно предположить 2 случая: гласный второго слога въ словѣ *murok* могъ появиться позже, или *o* второго слога было тамъ издревле. При первомъ предположеніи, слово представляется мнѣ загадкой, такъ какъ принимаемое Миклошичемъ слово **мръкы*, resp. болгар. *мъркы*, могло бы дать по моимъ изслѣдованіямъ, пожалуй, мадьярское **mėrk—*mörk*[1]), но никакъ не **mork (murk)*. Нельзя было бы объяснить это слово и звуковымъ *r̥*, т. е. предположеніемъ происхожденія изъ другого славянскаго языка, ибо и тогда слѣдовало бы ожидать появленія *ė* или *ö*, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и діалектическое *merkőce* въ Бараньскомъ комитатѣ, соотвѣтствующее хорв.-серб. мрквица. Только тотъ можетъ производить *murok* отъ **мръкы*, кто упорно придерживается письменнаго преданія нашихъ старослав.

---

1) Отъ отпаденія -ы, срв. тыквы > tök, «тыква».

памятниковъ и кто имѣетъ мужество утверждать, что въ мадьярскомъ языкѣ мы должны вмѣсто *рѣ* ожидать *ro*, какъ вмѣсто одиноко стоящаго ѣ—о (мъхъ > moh). Но, думается, я достаточно уже показалъ, что не далеко уйдешь, держась такъ буквы: на такомъ основаніи можно было бы еще объяснить *kereszt* изъ *крьстъ*, *morotva* < *mrotva изъ мрътва и, можетъ быть, еще одно или другое слово. Но для насъ осталось бы совсѣмъ непонятно, почему изъ *гръчь, гръба, кръзно, грънчарь получилось *görcs*, *görbe*, *gérézna*, *göröncsér*; цѣлый рядъ формъ, отлично согласующихся съ извѣстнымъ намъ изъ современнаго болгарскаго языка колеблющимся положеніемъ гласнаго элемента—то передъ *р*, то послѣ него, получилъ бы натянутое объясненіе. Поэтому я и считаю неизбѣжно ошибочнымъ каждое объясненіе, основанное на этомъ предположеніи, но и я самъ не рѣшаюсь браться за объясненіе слова, особенно когда свидѣтельства о мадьярскомъ словѣ столь новы (данныя въ Историческомъ словарѣ мадьяр. яз. начинаются лишь съ XVII стол.), что нѣтъ возможности правильно возсоздать по нимъ исторію слова въ мадьярскомъ языкѣ.

При объясненіи *korcsma*, *korcsmáros* мы наталкиваемся не на столь непреодолимыя затрудненія. Предполагая, что мадьяры не слышали уже больше слабаго произношенія ь у славянъ, которыхъ они застали въ своей новой родинѣ, можно было бы, по нашимъ прежнимъ соображеніямъ, ожидать вмѣсто старослав. **кръчьма** форму кр'чма (срв. болг. кръчма). На основаніи же выше разсмотрѣнныхъ аналогическихъ случаевъ слѣдовало бы предположить прежде всего **korocsma*, возникшее изъ **krécsma—*krocsma*, что̀, однако, еще ничѣмъ не засвидѣтельствовано. Но такъ какъ въ мадьярскомъ языкѣ гласный второго слога очень часто позже исчезаетъ (срв. мои изслѣдованія о томъ въ Archiv-ѣ f. slav. Phil. XXII, стр. 464—468), то не исключена возможность, что когда-то въ развитіи слова была и форма **korocsma*. Правда въ трехсложныхъ словахъ средній гласный обыкновенно исчезаетъ только въ такихъ случаяхъ, если передъ и за нимъ стоялъ простой согласный; но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы изъ **korocsma* не могло произойти возможное для произношенія и дѣйствительно употребляемое въ нынѣшнемъ мадьярскомъ языкѣ *korcsma*. Воевода—войвода > *vajda* и господа > *gazda* вполнѣ наглядно показываютъ, что полное исчезновеніе средняго гласнаго иногда имѣетъ мѣсто даже и въ томъ случаѣ, когда отъ этого получалась не произносимая, по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ, комбинація: *vajvda и **gazpda*, resp. **gazbda*. То же явленіе наблюдаемъ и въ корнѣ слова *korcsmáros*—трактирщикъ, которое соотвѣтствовало бы слову кр'чмарь—*os* мадьярскій суффиксъ, встрѣчаемый напр. и въ сущ. *mészáros* < **мѧсарь**.

Здѣсь кто-нибудь могъ бы спросить, не исчезъ ли гласный второго

слога въ цѣломъ рядѣ словъ, какъ это возможно оказалось, по моему, въ словѣ *korcsma*, такъ, что мы могли бы исходить изъ такого произношенія, которое, повидимому, указывается старо-церк.-славянскими источниками? Не могъ ли въ словахъ *görcs*, *görbe*, *perzsel*, *borda*, *kormány*, *csorba*, *gerlice*, *verse*—*varsa (hörcsök)*, *csütörtök*, *csötört*, *szömörcsök*, *barlang*, *morva*—*murva* повсюду исчезнуть гласный второго слова, и не могутъ ли всѣ эти слова быть объяснены такими формами, гдѣ гласный элементъ въ славянскомъ словѣ выговаривался *послѣ р*, т. е. формами въ родѣ: *гръчь, гръба, пръжити, *брьдо (Weberkamm), кръма, щръба, *грълица, *врьша, (*хръчькъ), четврьтькъ, четврьть, *смръчькъ, бръдогъ, мръва? Подобное предположеніе было бы, по моему твердому убѣжденію, крайне насильственнымъ; ибо, если исходный пунктъ всегда и повсюду былъ одинаковъ, т. е. первоначально гласный постоянно находился послѣ *р*, то было бы удивительной игрой случая то обстоятельство, что въ мадьярскомъ языкѣ мы находимъ ту же звуковую послѣдовательность, что и въ современномъ болгарскомъ, т. е. находимъ гласный передъ *r* только въ томъ случаѣ, если и въ болгарскомъ эта звуковая послѣдовательность является обычной. Можетъ быть, кто-нибудь предположитъ, что гласный второго слова въ родѣ *göröncsér*, *kereszt*, *morotva* сохранился, благодаря послѣдующей группѣ согласныхъ, между тѣмъ какъ передъ простымъ согласнымъ онъ исчезъ, что такимъ образомъ совпаденія мадьярскаго языка съ современнымъ болгарскимъ, въ случаяхъ въ родѣ *görbe*: гърба—принадлежатъ къ вторичнымъ новообразованіямъ и потому совершенно случайны. Имѣя здѣсь дѣло только съ незначительнымъ числомъ словъ, мы могли бы принять подобное объясненіе; но для цѣлаго ряда словъ это предположеніе явилось бы извращеніемъ исторіи мадьярскаго языка. Исторія мадьярскаго языка вовсе не позволяетъ намъ утверждать, будто краткій гласный второго слога долженъ исчезать въ словахъ, имѣющихъ болѣе двухъ слоговъ. Я не хочу ссылаться на *szolga*, происшедшее изъ славянскаго слоуга черезъ вполнѣ завѣренную промежуточную форму *szuluga*, resp. *szologa* (см. Archiv f. slav. Phil. XXII, стр. 467), хотя среди нашихъ словъ имѣются и такія, которыя относятся къ тому старому времени, когда мы встрѣчаемъ еще *Zuluga* (читай *szuluga*, или *szologa*); и все-таки нѣтъ и слѣда гласнаго послѣ *r* въ тѣхъ словахъ, которыя и въ болгарскомъ яз. имѣютъ теперь гласный передъ *r*; я довольствуюсь указаніемъ на то, что въ многихъ случаяхъ краткій гласный второго слога трехсложныхъ словъ сохранился до сихъ поръ, хотя передъ и за нимъ стоялъ лишь одинъ согласный: вечеры > *vacsora*, гобино > *gabona* (рѣже *gabna*), гомила > *gomolya*, кобыла > *kabala*, комора > *kamara* > *kamra*, лобода > *laboda*, мочило > *mocsolya*, неволя > *nyavolya*, носило > *nyoszolya*, оужина > *ozsonna*, *рокыта > *rakottya* и *rekettye*. Сюда же слѣ-

дуетъ присоединить и (вноукъ) вноука > *unoka*, такъ какъ вокализація начальнаго *v* во всякомъ случаѣ произошла въ очень древнее время. Изъ этихъ примѣровъ, далеко не исчерпывающихъ всего круга явленій, можно усмотрѣть, что предположеніе, будто бы *borda*, *kormány* и имъ подобныя слова звучали первоначально **broda* < бръдо, *kromány < кръма и т. д., будто изъ нихъ затѣмъ образовались **boroda*, **koromány* и др., и будто только позже исчезъ средній гласный, построено на очень ненадежномъ основаніи. — Невѣроятность подобнаго предположенія видна еще и изъ слѣдующаго соображенія. Начальныя группы согласныхъ разрѣшаются въ мадьярскомъ яз. не тотчасъ же: (драгъ) драга, драго звучитъ еще нынѣ *drága;* славянское братъ еще въ древнѣйшемъ мадьярскомъ памятникѣ писано *brat* (чит. *brát*) и только позднѣе становится *barát; kereszt*, какъ мы это видѣли ранѣе, можно очень часто встрѣтить въ видѣ болѣе древняго и болѣе близкаго къ славянскому *kreszt;*; трудно понять, почему какъ разъ ни одно изъ этихъ словъ не дошло въ такого рода формѣ или, по крайней мѣрѣ, въ какой-нибудь развившейся отсюда переходной формѣ (съ *ére-*, *-oro-*), хотя нѣкоторые изъ нихъ встрѣчаются довольно часто и уже довольно рано въ латинскихъ грамотахъ. Нѣкоторыя слова, въ родѣ, напр., *görcs*, представляли бы непреодолимыя трудности для такого предположенія: слѣдовало бы предположить, что изъ **grőcs* произошло **görőcs*, и что, вопреки всякой аналогіи, *ő* второго слога исчезло. Однимъ словомъ, что̀, по нашему мнѣнію, возможно при объясненіи *korcsma*, то не можетъ считаться нами за общій принципъ объясненія прочихъ словъ, если только мы не желаемъ на каждомъ шагу натолкнуться на противорѣчія съ явленіями, извѣстными намъ изъ историческаго развитія мадьярскаго языка.

Перехожу къ слову *görög*—«грекъ» и «греческій» (существительное и прилагательное). *Мелихъ* совсѣмъ недавно разсматривалъ это слово и пришелъ къ заключенію, что оно происходитъ изъ одного изъ югославянскихъ языковъ: «югославянское» грькъ дало, по его мнѣнію, **grék*, **grök* > *görék* (такъ слѣдуетъ произносить одинъ разъ встрѣчаемое *gevrek*», **görök*, *görög* (см. Nyelvtudományi Közlemények XXXIII, 1903 г., 236—239 стр.). Я не знаю, къ какому другому югославянскому языку, кромѣ болгарскаго, можемъ мы отнести слово *грькъ*—съ гласнымъ *ь послѣ р*, или съ другимъ гласнымъ элементомъ — во время прибытія мадьяръ на ихъ нынѣшнюю родину; не придаю я также особеннаго значенія тому, что намъ слѣдовало бы отправляться отъ написанія *грькъ*, а не *гръкъ*, а на основаніи выше сказаннаго я скорѣе думаю, что мадьярскую форму слова было бы очень легко объяснить и изъ первоначальнаго *гръкъ*, если бы только гласный элементъ, вопреки общему правилу, дѣйствительно произносился и въ болгарскомъ яз. послѣ *р*, если-бы т. е. слово, согласно нашему обозначенію, зву-

чало гр^ъкъ. Что касается нынѣшняго произношенія, то Мелихъ, повидимому, не сомнѣвается въ томъ, что дѣйствительно существуетъ такое болгарское *гръкъ*, но онъ ссылается только на Дювернуа и Цанкова, на которыхъ въ данномъ случаѣ нельзя положиться, такъ что болгарскія *«grъk, gзrk, grŭk, gŭrk»* Мелиха ни на шагъ не подвигаютъ рѣшенія вопроса. У Цонева, въ его изслѣдованіи о болг. вокализмѣ, мы встрѣчаемъ рядомъ съ «гърк» («гъркин'ъ») прилагательное «грѫцки» (стр. 59), а въ его *Программѣ* «гъркъ, гъркиня» стоитъ рядомъ съ «грѫцки» (стр. 10). Милетичъ однако пишетъ мнѣ, что употребительно и произношеніе «гръкъ» (*«грък* и *гърк* и двѣтѣ форми ги има»)—а мад. *görög* даетъ намъ право предположить, что это произношеніе, вѣроятно, опираясь на прилагательное (срв. у Цонева—гърк: грѫцки), очень рано развилось и въ тѣхъ нарѣчіяхъ, въ которыхъ, при данной конфигураціи слова, слѣдовало бы ожидать произношеніе гъркъ. Въ словѣ *görög ö* второго слога не исчезаетъ въ склоненіи (acc. sing. *görö-göt*, nom. plur. *görögök*), принадлежитъ, слѣдовательно, къ основѣ—слѣдовательно, мы имѣемъ всѣ причины считать это *ö* болѣе древнимъ, чѣмъ *ö* перваго слога и вмѣстѣ съ Мелихомъ предполагать болѣе древнюю мадьяр. форму **grëk—*grök*. Въ остальномъ мое мнѣніе существенно отлично отъ мнѣнія Мелиха, придающаго большое значеніе тому, что въ Зографскомъ кодексѣ стои́тъ грькъ, а не гръкъ, и что форма съ ь является первоначальной; въ своемъ увлеченіи доказательствомъ изначальности ь въ этомъ словѣ Мелихъ идетъ такъ далеко, что ссылается даже на написаніе Vita Methodii!

Говоря о *görög*, можно мимоходомъ упомянуть и народныя названія *szerb* и *horvát*. Въ звуковомъ отношеніи оба слова столь же легко могутъ быть объяснены болгарскими *с^ърбъ* и *х^ърватъ*, какъ и хорвато-сербскимъ *срб* и *хрват*; рѣшеніе вопроса въ ту или другую сторону — если вообще оно возможно и мыслимо—должно опереться на историческія данныя.

Заканчивая разсужденіе о группѣ тръ т-трьт, я считаю не лишнимъ затронуть одинъ вопросъ, рѣшеніе котораго, м. б., возможно найти въ связи съ указанной группой: можно ли намъ предположить для слова кѫдрь произношеніе кѫдър и такимъ образомъ конструировать первоначальное мад. **kondör*, изъ котораго посредствомъ ассимиляціи въ двухъ различныхъ направленіяхъ образовались — *kondor* и *(*köndör) göndör?* Слова *kondor* и *göndör* имѣютъ въ мадьяр. языкѣ одно и то же значеніе, притомъ превосходно подходящее къ значенію славянскаго слова: «кудрявый, курчавый». Употребленіе славянскаго существительнаго въ мадьярскомъ яз. въ качествѣ прилагательнаго оказывается, какъ мы видѣли при обсужденіи görbe, совершенно обычнымъ явленіемъ: такъ *görög* обозначаетъ и грека и «греческій»; и только-что упомянутыя *szerb*, *horvát* означаютъ существительное и

прилагательное; *német* = нѣмецъ и нѣмецкій; *angol* = англичанинъ и англійскій; такъ же точно *francia*, *spanyol* и т. д.—однимъ словомъ, мадьярскій языкъ не разграничиваетъ рѣзко существительнаго отъ прилагательнаго.

Переходя теперь къ группѣ **тлът-тльт**, для которой, имѣется уже гораздо менѣе значительный матеріалъ, мы принуждены отчасти опереться на выводы, относящіеся къ группѣ трът-трьт, лишь бы такимъ способомъ прійти къ результатамъ, наполовину надежнымъ. Поэтому я и считаю краткое обозрѣніе относящихся сюда случаевъ только прибавленіемъ къ 1-ой части, которая и явится главнымъ основаніемъ для окончательнаго рѣшенія вопроса.

Какъ бы незначительно ни было число относящихся сюда случаевъ, все же, думается, найдутся въ мадьярскомъ яз. указанія, которыя уполномочиваютъ насъ предположить, что въ словахъ вида **тлът-тльт** гласный элементъ звучалъ то *передъ*, то *за* согласнымъ. Правда, звуковой оттѣнокъ этого слабаго гласнаго элемента, кажется, былъ въ этихъ соединеніяхъ иной, чѣмъ въ *ᵊр-рᵊ*, что̀ въ достаточной степени объясняется физіологическимъ различіемъ того согласнаго, къ которому примыкалъ гласный звукъ—тамъ *r*, здѣсь *ł*. Объясняя *görcs* изъ *гᵊрчь*, а *dolg-* (nom. sg. *dolog*, acc. *dolg*-ot, nom. pl. *dolg*-ok) изъ слова дᵊлгъ, я прошу всегда имѣть въ виду звуковую окраску слабаго гласнаго элемента, обусловленную различіемъ слѣдующаго (въ другихъ случаяхъ и предшествующаго звуку ᵊ) согласнаго, какъ явленіе, само собою разумѣющееся или, по крайней мѣрѣ, легко понятное.

Мое предположеніе, что, примыкающій къ согласному *ł*, гласный звукъ отличался отъ гласнаго звука въ *ᵊр-рᵊ*, основываю на слѣдующихъ трехъ случаяхъ: дᵊлгъ > *dolg-* (*dolog*); хᵊлмъ > ст.-мад. *holm* (нынѣ *halom*) и стлᵊпъ > *oszlop*; остальные случаи *bolha* < бᵊлха, *bolgár* < българе, *kolbász* < кᵊлбаса и *csolnak* (обыкн. *csónak*) < чᵊлнъкъ «челнокъ» не даютъ никакого указанія на звуковой оттѣнокъ гласнаго элемента, сопровождающаго *ł*, такъ какъ мадьярское *o* вполнѣ могло бы возникнуть путемъ ассимиляціи съ слѣдующимъ гортаннымъ гласнымъ и такъ основываться на *ė*. Уже въ этомъ случаѣ мы видимъ, какъ, при всемъ томъ, что можемъ сказать о рефлексѣ **тлът-тльт** въ венгер. яз., мы въ сильной степени должны основываться на результатахъ, полученныхъ при изслѣдованіи формы **трът-трьт**. И перемѣна положенія гласнаго [въ *oszlop послѣ l*, а въ *dolg-(dolog)*, *holm* (*halom*, acc. *halm*-ot), *bolha*, *bolgár*, *kolbász*, *csolnak передъ l*] не находитъ себѣ подтвержденія въ большомъ количествѣ примѣровъ, какъ это было при ранѣе обслѣдованной группѣ словъ; только посредствомъ ссылки на аналогію случаевъ съ *ᵊр-рᵊ* обособленное, въ виду случаевъ съ *-ol*, слово *oszlop*, получаетъ своеобразное значеніе, и мы такимъ образомъ по-

лучаемъ право выставить, по крайней мѣрѣ, предположеніе о соотвѣтствующемъ болгарскомъ произношеніи.—Однако прежде всего я думаю разсмотрѣть въ отдѣльности тѣ слова, о которыхъ можно кое-что замѣтить, чтобы такимъ образомъ возможно яснѣе представить читателю тотъ матеріалъ, на которомъ я строю свой заключительный выводъ.

Нѣтъ причины останавливаться дольше на *bolha* $<$ б^{ъ}лха (срв. болг. бълха) и *bolgár* $<$ б^{ъ}лгаре (болг. българе); относительно *kolbász* $<$ к^{ъ}лбаса слѣдуетъ замѣтить, что, хотя это слово нынѣ совсѣмъ неизвѣстно въ болгарскомъ языкѣ, однако, въ виду существованія его во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ, не можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ предположеніе о существованіи его когда-то и въ болгарскомъ языкѣ. Поэтому я займусь только существительными *dolog*, *oszlop*, *holm—halom* и *csolnak—csónak*.

Dolog въ звуковомъ отношеніи превосходно соотвѣтствуетъ предположенному мной *д^{ъ}лгъ*; именно, основа этого слова звучитъ *dolg-* (acc. sing. *dolg*-ot, nom. pl. *dolg*-ok), и *o* второго слога въ nom. sing. *dolog* развилось лишь позже, что̀, какъ мы увидимъ ниже при *holm—halom*, является совсѣмъ обычнымъ явленіемъ въ мадьярскомъ языкѣ. Очень легко можно понять развитіе значенія слова, если исходить изъ оборотовъ рѣчи, въ родѣ: ez nem az én dolgom = это не мое дѣло»; такъ какъ «исполненіе долга» въ многихъ случаяхъ выражается въ исполненіи какой-нибудь работы, то изъ первоначальнаго значенія слова «долгъ», наряду съ простымъ «дѣло», развилось и значеніе «работа»: глаголъ *dolgozni* значитъ просто «работать», прилагат. *dolgos* — «работящій», въ то время какъ *dolog* значитъ «дѣло, вещь, работа». У Цонева нѣтъ соотвѣтствующаго болг. слова «дългъ» какъ въ его работѣ о восточноболгарскомъ вокализмѣ стр. 60, такъ и въ Программѣ стр. 11; поэтому я привожу соотвѣтствующій примѣръ изъ хорошей школьной книги: «Читанка за четвърто отдѣленіе. Составилъ Д. Ивановъ—второе изданіе. Търново 1897», стр. 8: «Тамъ намѣрилъ затворенъ единъ човѣкъ за *дългъ*. *Дългътъ* му билъ хиляда лева». На той же страницѣ мы читаемъ дальше и «длъжникъ»,— съ иной звуковой послѣдовательностью, въ виду слѣдующихъ двухъ согласныхъ, съ чѣмъ можно сравнить часто употребляемыя производныя: длъжѫ — «я долженъ» и длъжен, длъжна, длъжно—«должный».

Мадьярское *oszlop*—столпъ я произвожу отъ стл^{ъ}пъ. Правда я не могу указать на соотвѣтствующее «стлъпъ» въ болгарскомъ языкѣ; но у насъ есть надежные опорные пункты для предположенія о такомъ произношеніи. Во первыхъ, мы замѣчаемъ въ односложныхъ словахъ типа **тлът** рѣшительную наклонность къ звуковой послѣдовательности **лъ**, такъ что Цоневъ въ своей статьѣ о восточноболгарскомъ вокализмѣ указалъ только одно

слово вълк, какъ исключеніе[1]) изъ этого правила. Правда, онъ не приводитъ нашего слова, должно быть, потому, что въ говорѣ Ловеча, служившемъ для него исходнымъ пунктомъ, этого слова нѣтъ — мы только-что видѣли, что и дългъ не отмѣчено здѣсь.

Въ своей «Програмѣ» стр. 11, Цоневъ пишетъ стълпъ, но и здѣсь явно выступаетъ тенденція слѣдованія гласнаго элемента за *л* и передъ простыми согласными въ словахъ односложныхъ: рядомъ съ вълкъ и жълтъ Цоневъ пишетъ тутъ же глъчъ, жлъчъ. млъкъ (imperat къ praes. «мълчишъ»!), плътъ, плъхъ; кромѣ того, вслѣдъ за стълпъ идетъ этимологически связанное съ нимъ с(т)ълба»—лѣстница, въ которомъ т могло исчезнуть только въ положеніи передъ *л*. Если стълба чередуется съ сълба, какъ это ясно изъ примѣровъ у Дювернуа, то послѣднее можетъ быть объяснено лишь произношеніемъ *стлъба, изъ котораго ближайшимъ образомъ развилось употребляемое въ восточно-болгарскомъ—какъ пишетъ мнѣ Милетичъ—слово слъба.—Въ виду этого я не вижу никакой необходимости объяснять мадьярское *ozslop* старославянскимъ стлъпъ, а вмѣстѣ съ нимъ и *dolg-* (*dolog*), *holm* (*halom*), *bolgár*, *bolha*, kolbász и csolnak (csónak) производить отъ длъгъ, хлъмъ, блъгаре, блъха, клъбаса, чльнъкъ; такое рабское слѣдованіе правописанію нашихъ старо-слав. памятниковъ не приводитъ насъ кратчайшимъ и простѣйшимъ путемъ къ пониманію мадьярскихъ формъ: всѣ основанія, приведенныя мною противъ этого уже при трът-трьт, и здѣсь говорятъ противъ такого пониманія.

Съ той поры, какъ Словарь грамотъ далъ намъ цѣлый рядъ указаній на болѣе древнюю форму *holm*, намъ представляется очень простымъ положеніе дѣла при словѣ *halom* (основа: *halm-*, acc. *halm*-ot. nom. pl. *halm*-ok). Это *holm* соотвѣтствовало бы вполнѣ—какъ въ звукахъ, такъ и въ значеніи—слову хълмъ, въ виду чего легкое сомнѣніе, высказанное когда-то мной насчетъ возможности сопоставленія мадьярскаго слова со славянскимъ, совершенно исчезаетъ при новомъ пониманіи звуковаго развитія. Мелихъ, правда, отвергаетъ мнѣніе Миклошича о славянскомъ происхожденіи слова *halom*, забывая въ своемъ увлеченіи представить намъ и свои основанія для этого; тѣмъ болѣе поражаетъ насъ та увѣренность, съ которой онъ предлагаетъ свои измышленныя данныя: «Dass wir es in unserem

---

1) Цоневъ—«За източнобългарския вокализъмъ», стр. 60: «Само односложнитѣ думи, колкото ги има, като че не вървятъ подъ никакво правило, защото се говори отъ одна страна споредъ правилото: *вълк*, *кльст* (тлъстъ), но отъ друга: *плъх*, *плът*, *глъч*, *злъч*, *млъч* или *млък* (импер. отъ мълчѣ) и *длъж* (präpos. на длъж)—повече односложни нѣма». Цоневъ, какъ извѣстно, опирается на ловечское нарѣчіе. Милетичъ же упоминаетъ, какъ разъ въ статьѣ п. з. «Die Mundarten von Loveč, Trojan und Gabrovo», и произношеніе вльк: «In einsilbigen Worten bleibt öfters der Halbvocal auch gegen die Regel nach den Liquiden, z. B. *vlьk*, aber vълкъ, pl. vълci. См. *Das Ostbulgarische*, стр. 187, § 8.

Falle mit einer alten deutschen Entlehnung zu thun haben, liegt auf der Hand.» см. *Lumtzer* u. *Melich — Deutsche Ortsnamen und Lehnwörter,* Innsbruck 1900, стр. 125. Мадьярское *halom* является якобы нижненѣмецкимъ holm и такимъ образомъ открываетъ будто бы далекія перспективы въ древнія колонизаціонныя отношенія Венгріи: «Man wird das Wort mit einer ungarländischen von Niederdeutschland ausgegangenen Colonisation in Zusammenhang bringen müssen» ib. 126 стр. Я рѣшительно не понимаю, почему мы должны сдѣлать это и почему мы обязаны слѣдовать за авторомъ въ его слишкомъ смѣлыхъ умозрѣніяхъ, если у насъ имѣется столь простое объясненіе, въ связи съ несомнѣнно мощнымъ вліяніемъ славянскихъ языковъ. Не считаясь такимъ образомъ больше съ объясненіемъ Мелиха, я попытаюсь показать, что это слово, по крайней мѣрѣ, *можетъ* быть и славянскимъ.

Послѣ предыдущихъ разсужденій я считаю лишнимъ доказывать, что часто встрѣчаемое въ старыхъ грамотахъ мад. *holm* вполнѣ соотвѣтствуетъ фонетически слову хълмъ. Какъ изъ древняго holm образовалось нынѣшнее *halm-* (именит. п. звучитъ *halom*—съ гласнымъ вторичнаго образованія между конечными согласными; acc. однако *halmot*, nom. pl. *halmok*, прилагат. *halmos*=холмистый), на это указываетъ уже Мелихъ ib. стр. 124: это слово подверглось вліянію аналогіи мадьярскихъ образованій на—*alom* (корень—*alm*), въ силу чего древніе *holm*, *holmot*, *holmok* дали нынѣшніе *halom*, *halmot*, *halmok*; срв. hatalom (раньше еще hatalm) — сила, hatalmat, adj. hatalmas — сильный; *uralom* — господство, *uralmat; lakodalom* — «свадьба», *lakodalmat* и т. д. Съ этимъ словомъ случилось тоже самое, что̀ и съ неразъясненнымъ еще надлежаще словомъ malom = мельница [1]), которое въ старыхъ грамотахъ пишется *molun* (съ *n*!) [2]) и—съ присоединеніемъ притяжательнаго суффикса 3 лица—mol*n*a (= нынѣшнему *malma* «его мельница») см. Словарь грамотъ подъ словомъ *malom*], нынѣ, однако, является въ той же совершенно формѣ, какъ и только-что упомянутая группа словъ: *malom*, *malmot*, *malmok*. Если бы кто сталъ сомнѣваться въ болгарскомъ происхожденіи слова *halom*, потому только, что оно не упоминается не только Цанковымъ, но и Дювернуа и Цоневымъ (въ ряду односложныхъ словъ типа тлът- Вокал. стр. 60), а у Миклошича приводится только въ скобкахъ и съ другимъ значеніемъ: «(b. *hlъm* thal)», то эти сомнѣнія могутъ легко разсѣяться. Списокъ словъ Цанкова — безъ притязаній на полноту; Цоневъ же исходитъ изъ своего родного нарѣчія, въ которомъ слово хълмъ возможно и неизвѣстно; у Дювернуа хълмъ, въ дѣйствительности, приве-

1) Szinnyei повторяетъ старое объясненіе изъ *mlin (Nyelvtudományi Közleményck* XXIII, 1903, стр. 148, не объясняя, однако, перехода слова въ рядъ гортанныхъ гласныхъ.

2) Мельникъ называется еще нынѣ molnár!

дено, только не на надлежащемъ мѣстѣ, при томъ именно въ такомъ значеніи, какое имѣетъ мадьярское *halom* и русское «холмъ»: «при подножіето на одинъ хълмъ»—см. въ Дополненіяхъ къ Словарю стр. 23; и въ нѣмецко-болгарскомъ словарѣ Миладинова мы находимъ подъ словомъ «Hügel» на первомъ мѣстѣ—хълмъ, а Милетичъ подтверждаетъ это: *хълмъ*—има и у народа, въ источна България; «хълмисто мѣсто» и пр.

Намъ остается еще сказать о словѣ *csónak*—лодка, челнокъ, древнѣйшей формой котораго слѣдуетъ считать *csolnok*, встрѣчаемое нѣсколько разъ въ Историческомъ словарѣ мад. языка[1]) и подтверждаемое снова Словаремъ грамотъ. Принимая во вниманіе полученные доселѣ результаты, я склоненъ производить это *csolnok* отъ ч'лнъкъ, не отрицая, разумѣется, и того, что *csolnok* могло возникнуть путемъ ассимиляціи и изъ **csël-nok*. Только у насъ нѣтъ надежныхъ поводовъ предполагать, что рефлексъ формы **тльт** долженъ былъ отличаться отъ рефлекса формы **тлът**; а такъ какъ формы **трът и трьт**, какъ мы уже видѣли, совпали, или, по крайней мѣрѣ, были восприняты мадьярами, какъ одна звуковая группа, то я предполагаю, что и *чльнъкъ перешло въ *ч'лнъкъ, а отъ прежней палатальной окраски не осталось никакого слѣда. Именно при словахъ типа тлът—тльт намъ приходится обратиться къ заключеніямъ по аналогіи, которыя намъ слѣдуетъ строить на основаніи несравненно болѣе богатаго количества фактовъ другой группы, словъ типа трът—трьт. Въ болгарскомъ языкѣ, впрочемъ, отсутствуютъ *чълнъкъ, и *чълнъ; вмѣсто послѣдняго мы находимъ чунъ (срв. серб. чу̑н). По сообщенію мнѣ Милетича, есть еще чо̀лнецъ: «Въ Охридско се назва чо̀лнец (kleiner Kahn)». Едва ли кто-нибудь на этомъ основаніи рѣшится утверждать, что въ болгарскомъ языкѣ совсѣмъ не было выраженія *чълнъ, рефлексы котораго оказываются во всѣхъ, безъ исключенія, славянскихъ языкахъ. Совсѣмъ другой вопросъ, можемъ ли мы предполагать, что въ болгарскомъ языкѣ существовало когда-то и уменьшительное *ч'лнъкъ. По моему, мы можемъ предполагать и это, ибо и названное уменьшительное — общеславянское: рус. челнокъ, польс. czołnek. чшск. člunek, слц. člnok, хорв-серб. чу̑нак, словен. čolnek. Итакъ, оба слова—и коренное и уменьшительное, проходятъ по всѣмъ славянскимъ языкамъ, не исключая даже и не упомянутаго до сихъ поръ луж. сербскаго, въ которомъ čolnk—«ткацкій челнокъ» какъ по своему образованію, такъ и по первоначальному значенію тождественно съ приведенными словами остальныхъ славянскихъ языковъ, только употребляется въ настоящее время въ примѣненіи къ орудію ткацкаго дѣла (челнокъ), въ то время какъ въ прочихъ

---

1) Въ словарѣ слѣдуетъ пропустить турецкое «*czanak* М. А.» = лодкообразный сосудъ, scaphium, а не «лодка»—срв. серб. чанак. *Csónak* произошло, кажется, путемъ диссимиляціи изъ *csónok* въ такихъ формахъ, какъ csónokot (acc. sing) > *csónakot*.

языкахъ обозначаетъ и лодку для плаванья (челнокъ, челнъ). И этотъ примѣръ лучше всякаго другого прямо обнаруживаетъ то, какъ ничего не доказываютъ въ наукѣ объ языкѣ карты, начерченныя à la Мелихъ. Несмотря на то, что языковой составъ болгарскаго языка пока еще не достаточно извѣстенъ намъ, и что мы, вслѣдствіе очень своеобразнаго прошлаго болгарскаго литературнаго языка, съ большимъ трудомъ можемъ уяснить себѣ историческую жизнь болгарскихъ словъ — вообще часто очень сложныя отношенія, съ которыми приходится имѣть дѣло при представленіи изначальнаго языковаго запаса какого-нибудь народа, не могутъ быть представлены съ помощью нѣсколькихъ грубыхъ линій съ такой наглядностью, чтобы и профанъ могъ овладѣть ими.

Мадьярское *pele* «glis esculentus, glis quercinus, glis avellanarius, glis myoxa» (Діалектическій словарь), кажется, говоритъ противъ моего предположенія, что болгарскому *лъ—ъл* въ мадьярскомъ языкѣ должно соотвѣтствовать *lo—ol*. Болѣе древняя форма этого слова—*pelĕh;* въ болгарскомъ ему соотвѣтствуетъ *плъхъ* (Цоневъ—Вокализъмъ, стр. 60, и Програма, стр. 12), а для болѣе стараго времени—если только мое предположеніе правильно—слѣдовало бы ожидать *ploh > poloh. Въ этомъ *pelĕh* кто-нибудь могъ бы, пожалуй, усмотрѣть явный признакъ того, что первоначальная палатальная группа тльт (въ польскомъ наше слово звучитъ pilch) должна была звучать какъ разъ иначе и восприниматься слухомъ мадьяръ тоже иначе, чѣмъ тлът;—у насъ, однако, есть нѣсколько основаній не соглашаться съ этимъ. Сарвашъ (Szarvas) объяснилъ слово *pelĕh* посредствомъ его перехода изъ ряда гортанныхъ гласныхъ въ рядъ палатальныхъ, — явленія, не совсѣмъ рѣдкаго въ мадьярскомъ языкѣ: славянское (тѫпъ) тѫпа-тѫпо дало въ мадьярскомъ языкѣ *tompa*, а въ діалектахъ имѣется и *tömpe*. Это явленіе было разсмотрѣно мною очень подробно въ статьѣ п. з. *Ung. csésze «Schale zum Trinken»*, Revue Orientale II. Budapest 1901, стр. 293 и сл:, гдѣ я, между прочимъ, объяснилъ происхожденіе мад. *csésze*—отъ слав. чаша, *köszméte* «Stachelbeere» — отъ слав. *космата переходомъ въ рядъ палатальныхъ гласныхъ; тамъ же упомянулъ я и о діалектическомъ *tömpe*, говоря на той же страницѣ слѣдующее: «обращаю вниманіе спеціалистовъ еще на *colop-cölöp* «Pfahl», особенно интересное, если именно удастся доказать тожество его съ *oszlop* «Säule = старослав. стлъпъ». Другое объясненіе слова дано Мелихомъ, который произвелъ *pele* отъ нѣмецкаго тожественнаго по значенію слова *billich, bilch* (*Magyar Nyelvőr* XXIV. 1895, стр. 351), не повторивъ, однако, этого объясненія въ нѣмецкой переработкѣ 1900 г. Lumtzer und Melich — *Deutsche Ortsnamen und Lehnwörter*).

Одно только не подлежитъ сомнѣнію, что *pelĕh* нельзя считать доказательствомъ того, будто тльт—въ мадьяр. яз. рефлектируется иначе, чѣмъ

тлът; въ виду недостатка данныхъ, намъ нельзя рѣшить здѣсь съ полной достовѣрностью вопроса о звуковомъ оттѣнкѣ гласнаго. Что же касается вопроса о положеніи гласнаго, передъ—или послѣ *л*, такъ онъ или вовсе не затрагивается словомъ *pelèh*, если считать его *нѣмецкаго*, а не славянскаго происхожденія, или же придется отвѣтить на него въ духѣ нашихъ предыдущихъ результатовъ, т. е. произвести слова—*pelèh* отъ болѣе древняго **plèh*, если только оно, дѣйствительно, славянскаго происхожденія и соотвѣтствуетъ слову пл*хъ.

Подводя итоги нашему изслѣдованію, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: I. Группы **трът-трьт** совершенно совпали въ томъ языкѣ, изъ котораго проникло въ мадьярскій языкъ большинство славянскихъ заимствованій; гласный звукъ приближался къ мадьярскому звуку *ė—ö* или, по крайней мѣрѣ, передавался этимъ звукомъ; мѣсто гласнаго элемента измѣнялось такъ же, какъ мы видимъ это въ современныхъ восточноболгарскихъ діалектахъ. II. **тлът-тльт**, *можетъ быть*, также совсѣмъ совпали, чего, однако, въ виду недостатка данныхъ, нельзя утверждать съ полной достовѣрностью; всячески гласный элементъ группы **тлът** звучалъ иначе, чѣмъ въ группѣ **трът**, рефлектируясь мадьярскимъ звукомъ *o*; положеніе этого гласнаго элемента, передъ л или послѣ него, колебалось такъ же, какъ и въ группахъ **трът-трьт**.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что гласный элементъ въ мадьяр. рефлексахъ группъ **трът** и **трьт** былъ совершенно тождественъ: старо-слав. *гръчь, грънчарь, гръба, кръзно соотвѣтствуютъ мадьярскіе *görcs*, *gėrėncsėr-göröncsėr*, *görbe*, *gėrėzna* точно такъ какъ, и старо-слав. крьстъ—мадьяр. *kėrėszt* (діалект. *köröszt*); совпаденіе гласнаго элемента и въ группахъ **плът** и **пльт**, въ томъ именно смыслѣ, что этотъ элементъ въ виду сосѣдняго *ł* принялъ другую звуковую окраску, чѣмъ въ группахъ **трът-трьт**—только мое предположеніе. Не думаю, чтобы мнѣ слѣдовало ожидать сильнаго противорѣчія въ этомъ пунктѣ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ вопросомъ о томъ, достаточно ли убѣдительны мои разсужденія о вѣроятности перемѣны положенія гласнаго элемента — то передъ р, то послѣ него—уже въ столь древнее время. Быть можетъ, тотъ или другой изслѣдователь, имѣя въ виду старославянскую традицію, найдетъ, что я слишкомъ модернизирую тотъ болгарскій языкъ, который мадьяры нашли въ своей нынѣшней родинѣ. Въ пользу, однако, древности этого явленія въ болгарскомъ языкѣ и рѣзкости его развитія уже въ ту пору говорятъ, повидимому, и славянскія заимствованія румынскаго языка[1]). Къ сожалѣ-

1) Что подобное предположеніе не заключаетъ въ себѣ, по существу дѣла, ничего невозможнаго, доказываютъ и слова лучшаго болгарскаго языковѣда, Милетича: «Trotz der traditionellen Einförmigkeit, könnte man annehmen, dass schon zu der Zeit, als unsere ältesten

нію, я могу только указать на этотъ вопросъ, котораго до сихъ поръ еще не пробовали рѣшить научнымъ образомъ. Тиктинъ хотя и довольно близокъ къ правильному рѣшенію этого вопроса, очевидно не знаетъ болгарскаго звукового закона, который далъ бы ему въ руки ключъ къ надлежащему рѣшенію вопроса. Обратимся къ его изложенію, имѣя въ виду болгарскій звуковой законъ:

«*lŭ*, *rŭ* zwischen Konsonanten—nach Mikl.'s Ansicht als silbenbildendes *l*, *r* zu fassen (Gr. I, 210), während die Mehrzahl der übrigen Slavisten dem *ŭ* auch hier vokalischen Wert beimisst—gilt im Rum. *îl*, *îr*: *stîlp* stlŭpŭ, **gîlt gît* *glŭtŭ (№ 73), *cîrpâ* krŭpa, *tîlmáciŭ* tlŭmačĭ, *bîrlóg* brŭlogŭ; mit *i* für *î* nach № 85: **ciln cin* člŭnŭ, *cirtâ* črŭta, *ştirb* štrŭbŭ. Doppelt—durch Lautfolge und â für î—abweichend *îndrâznì* neben dem regelrechten Stammwort *dîrz* drŭzŭ.

Im Mold. pflegt für *rŭ* vor mehrfacher Konsonanz nicht *îr*, sondern das bequemere *rî* zu stehen: *cricîmâ crîşmâ* krŭčima, *vrîstâ* vrŭsta, *cricnì* krŭknati, *(s)crîşc*, und *(s)crîşnì* vgl. skrŭžitati gegenüber wal. *circîmâ circîumâ*, *vîrstâ*, *circnì*, *(s)cîrşc*, *(s)cîrşnì*. Hierher gehört wahrscheinlich auch *crîsnic* mold. ʽArt Fischnetz' und *cîrsnic* Poen., *crâsnic* Ptb. ʽKüster', beide wohl krŭstŭnikŭ.

Die ursprüngliche Lautfolge scheint im Rumänischen allgemein *lî*, *rî* gewesen zu sein, so dass das Mold. in den letztgenannten Fällen die ältere Stufe bewahrt haben dürfte. Wenigstens finden sich keine Beispiele der Umstellung von *îr* zu rî (etwa crîpâ f. cîrpâ), wohl aber solche des umgekehrten Verfahrens». Gröber Zeitschrift f. rom. Phil. XII, 1888, 240.

Если въ Молдавіи предъ группами согласныхъ стоитъ rî, а не îr, какъ въ другихъ областяхъ, и если, по увѣренію такого тонкаго наблюдателя румынскаго языка, какъ Тиктинъ, rî древнѣе îr, какъ о томъ свидѣтельствуетъ исторія развитія звуковъ рум. языка, то мы поймемъ это на основаніи болгарскаго языка, давшаго румынскому языку бо́льшую часть славянскихъ реченій. Конечно Тиктинъ поспѣшно заключаетъ отсюда, что вообще *lî*, *rî* было первоначальной звуковой послѣдовательностью въ рум. яз., даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ слѣдовалъ одинъ согласный, и это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что онъ не знаетъ болгарской живой рѣчи. Предъ нами одинъ случай, упомянутый Тиктинымъ, въ которомъ болгарская перемѣна гласнаго сохранилась всецѣло; это—*dîrz* «dreist, kühn» < болг. дързъ (ст.-слав. дръзъ—audax) и *îndrâznì* (infin.) «wagen» < în (= лат. in)+бол. дръзнѫ. Трудность детальнаго изслѣдованія даннаго случая заключается въ томъ, что ходячіе румынскіе словари не даютъ намъ никакихъ свѣдѣній о діалек-

Denkmäler geschrieben wurden, rъ (lъ) in einigen Dialecten nach der besagten Regel auch schon ъr(ъl) gesprochen wurde». Arch. f. slav. Phil. XX, стр. 597.

тическихъ формахъ, а древніе кирилловскіе источники часто пишутъ ръ тамъ, гдѣ живой звукъ слѣдовало бы передавать при помощи *ър*. Я приведу нѣсколько примѣровъ подобнаго условнаго правописанія изъ Воронецскаго кодекса и такимъ образомъ покажу, чего стóятъ ссылки на подобнаго рода написанія [1]).

Старославянскому кръма, болг. кърма въ румынскомъ соотвѣтствуетъ *cârmă*—корма. Это слово встрѣчаемъ два раза въ Cod. Vor., разъ, какъ nom. sg. кърма, другой разъ, какъ gen. pl. кърмелорȣ; румын. производное отсюда *cârmitoare* передается, согласно произношенію, какъ кърмитоаре, но вмѣсто нынѣшняго *cârmáciŭ* = болг. *кърмачъ* «кормчій» мы находимъ тамъ же кръмачiи, хотя нельзя, разумѣется, предположить никакого различія въ произношеніи перваго слога.

Болгарскому свършѫ—«окончу» вполнѣ соотвѣтствуетъ румынское *sfîrşésc*, infin. (a) *sfîrşî* отражаетъ въ себѣ даже окончательный гласный болгарской основы; у насъ нѣтъ ни малѣйшаго права и основанія предполагать, что когда-то въ рум. яз. глухой звукъ *î* (приблизительно = русс. ы) звучалъ *послѣ r*, хотя въ нашемъ кодексѣ послѣдовательно встрѣчаемъ написанія сфръшеску, а сфръши и т. д. во всѣхъ формахъ и производныхъ (особенно часто ptc. praet. pass. сфръшитȣ). Если бы на основаніи этого кто-нибудь захотѣлъ сдѣлать иное заключеніе, помимо того, что правописаніе церковно-славянскихъ памятниковъ въ значительной степени повліяло на писца кодекса, то онъ могъ бы придти къ очень страннымъ выводамъ. Такъ, напримѣръ, онъ долженъ былъ бы предположить, что рум. *vîrtós*—«сильный», происшедшее отъ латинскаго virtuosus, первоначально звучало **vrîtos*, о чемъ не можетъ быть и рѣчи (въ Cod. Vor. мы встрѣчаемъ четыре раза написаніе врътосу, resp. врътȏ и только одинъ разъ соотвѣтствующее дѣйствительному произношенію вѫртȏ).

Изъ этого видимъ, что изслѣдователь этого вопроса въ румынскомъ языкѣ наталкивается на препятствія, которыя можетъ устранить только тотъ, кто точно знаетъ нынѣшніе діалекты и не ограниченъ обычными словарями; такой изслѣдователь сможетъ пролить свѣтъ и на пестрое правописаніе древнихъ, кириллицей написанныхъ, памятниковъ и, несмотря на условное, до извѣстной степени, правописаніе—собрать разбросанные тамъ и сямъ слѣды дѣйствительнаго произношенія звука для научнаго ихъ использованія. Вообще, основательное изученіе румынскаго языка дастъ очень много новаго для славистики; оно внесетъ новый свѣтъ и въ тотъ вопросъ, который занимаетъ насъ здѣсь [2]).

---

1) Соотвѣтствующія мѣста очень легко найти по обстоятельному указателю въ изданіи Сбіеры: *Codicele Voronéţean*, Cernăuţ 1885.

2) Послѣ того, какъ эти строки были уже написаны, мнѣ попала въ руки только что

Я заканчиваю мое изслѣдованіе.— Желая избѣжать недоразумѣній, настойчиво заявляю, что это изслѣдованіе является лишь первымъ опытомъ научнаго объясненія мадьярскихъ рефлексовъ группъ **трът-трьт и тлът-тльт**, въ которомъ, кромѣ того, я вовсе не стремился доказать относительно того или другого отдѣльнаго слова, что оно *должно* быть болгарскаго происхожденія и вовсе *не можетъ* быть объяснено изъ другого славянскаго языка. Я только пытался показать, что большинство случаевъ удается просто и безъ натяжекъ объяснить изъ болгарскаго языка, признавая, конечно, и то, что не удается болѣе простое объясненіе всѣхъ случаевъ въ ихъ совокупности. Это обстоятельство утверждаетъ меня въ мнѣніи, что большинство славянскихъ заимствованій въ мадьярскомъ языкѣ происходитъ изъ болгарскаго діалекта. Что я далекъ отъ желанія объяснять все болгарскимъ языкомъ, объ этомъ я высказывался уже нѣсколько разъ, въ послѣдній разъ въ своей статьѣ п. з. «Нѣсколько замѣчаній на сочиненіе В. И. Ягича», стр. 16. (= Извѣстія VII, 1902, кн. IV, стр. 261), а еще рѣшительнѣе въ написанной болѣе 10 лѣтъ тому назадъ статьѣ, *A szláv szók a magyar nyelvben* Budapest 1893 г., гдѣ я говорю: «Если мы обратимъ вниманіе на нѣсколько словъ *megye*, *ragya*, *parittya*, *gatya* [*kútya*] и противопоставимъ ихъ раньше разсмотрѣннымъ, съ *zsd* и *st*: *mesgye*, *rozsda*, *pest*, *mostoha* и вспомнимъ, какъ рѣдко можно найти въ заимствованныхъ славянскихъ словахъ характеристическія звуковыя явленія, по которымъ можно рѣшительно опредѣлить ихъ происхожденіе изъ того или другого слав. языка— такъ мы убѣдимся въ невозможности точно опредѣлить границу, между областями тѣхъ славянскихъ языковъ, которые вліяли на мадьярскій языкъ. Особенно трудно, почти и невозможно опредѣлить хотя бы только въ общихъ чертахъ ту область, за которой мы должны, по свидѣтельству только-что приведенныхъ словъ, особенно же по чрезвычайно важному, въ данномъ случаѣ, свидѣтельству слова *megye*, признать хорвато-сербскій характеръ. Для возможности хотя бы частичнаго выдѣленія другъ отъ друга словъ, идущихъ изъ разныхъ источниковъ, мы должны принимать во вниманіе каждое звуковое явленіе, которое обѣщаетъ дать намъ болѣе или менѣе надежное хотя бы до извѣстной степени, основаніе для нашего изслѣдованія». (стр. 18).

Я еще и нынѣ считаю очень труднымъ дѣломъ осуществить въ подробностяхъ распредѣленіе заимствованій на основаніи того, какому славян-

---

вышедшая книжка, правда, по своему плану, не содержащая детальной разработки нашего вопроса, но довольно ясно указывающая на то, что болгарское правописаніе группъ **трът-трьт и тлът-тльт** совершенно условно и что оно перешло и въ написанные кириллицей румынскіе памятники см. Ilie Barbulescu Fonetica alfabetului cirilic în textele române. Bucuresci. 1904, стр. 408—432.

скому языку обязаны мы тѣмъ или другимъ словомъ, и я нахожу тщетной надежду пріобрѣсти твердое руководство къ тому, наряду съ звуковыми моментами, въ географическомъ распространеніи среди славянскихъ языковъ отдѣльныхъ словъ. По крайней мѣрѣ, попытки Мелиха въ этомъ направленіи, не могли убѣдить меня въ томъ, будто «болгарскія наслоенія можно отлично доказать не только на основаніи фонетическихъ законовъ, но и на основаніи географическаго распространенія (славянскихъ) словъ», см. Nyelvtudományi *Közlemények* XXXIII (1903) стр. 71. Поэтому-то я и признаю болѣе важнымъ именно точный анализъ звуковыхъ вопросовъ, хотя и не думаю, чтобы намъ удалось при помощи этого анализа пойти далѣе установленія довольно общихъ точекъ зрѣнія—при сотняхъ и сотняхъ отдѣльныхъ словъ мы не находимъ никакой прочной опоры для опредѣленія происхожденія даннаго слова изъ того или другого славянскаго языка. Мы можемъ только набросать въ общихъ чертахъ исторію славянскаго вліянія, связывая немногочисленные случаи, гдѣ предъ нами выступаютъ исключительно характеристическія черты, съ оцѣнкой общихъ явленій, позволяющихъ угадывать весь Habitus того языка, изъ котораго, повидимому, пришло въ мадьярскій языкъ большинство славянскихъ словъ. Само собой разумѣется, что изслѣдователь обязанъ принимать во вниманіе всѣ возможные моменты, которые могутъ пролить хотя какой-нибудь свѣтъ на вопросъ. Такимъ образомъ я, вмѣстѣ съ другими, обратилъ вниманіе на культурно-историческіе моменты и охотно признаю, что и географическое распространеніе слова часто является единственнымъ вѣрнымъ путеводителемъ, напримѣръ, при діалектическихъ выраженіяхъ мадьярскаго языка, употребленіе которыхъ ограничивается очень опредѣленной небольшой областью; только мы находимъ въ такихъ случаяхъ ключъ къ рѣшенію вопроса въ географическомъ распространеніи мадьярскаго слова, а не въ географическомъ распространеніи слова славянскаго, о чемъ Мелихъ исключительно говоритъ. Мое изслѣдованіе свидѣтельствуетъ о томъ, что мы находимся лишь въ самомъ началѣ нашей задачи; но изъ него же, надѣюсь, явствуетъ и то, какъ настоятельно приходится желать, чтобы славянскіе элементы въ мадьярскомъ языкѣ, равно и въ румынскомъ, были основательно изслѣдованы не только нами мадьярами (и румынами), но и болгарами, которые, конечно, совершенно иначе, чѣмъ, мы, могутъ располагать всѣмъ словарнымъ богатствомъ болгарскаго языка.

Д-ръ Оскаръ Ашботъ.

О подложности грамоты князя Θеодора Коріатовича 1360 г.

Es ist unleugbar, dass selbst die hervorragendsten Männer der Kirche, Geistliche, deren Frömmigkeit und rechtschaffener Lebenswandel hochgepriesen wird— — zu Fälschung und Betrug ihre Zuflucht nahmen, wenn es galt den Besitzstand, die Rechte, das Ansehen ihrer Kirchen zu mehren oder zu vertheidigen.

(Bresslau, Handbuch der Urkundenlehre. 1889. стр. 11).

Używano ich (Korjatowiczów) nazwiska do podrabiania dokumentów.

(K. Stadnicki, Synowie Gedymina. 1881. I, стр. 139, пр. 24).

Подлинность грамоты 1360 г., которою князь Θеодоръ Коріатовичъ основалъ монастырь св. Николая близъ Мукачева въ Бережской столицѣ сѣверо-восточной Угріи и назначилъ ему опредѣленные доходы, со времени «Notitia Fundationis Koriathovitsianae» Базиловича[1])—значитъ, болѣе 100 лѣтъ—не подвергалась никакому сомнѣнію[2]). Во всѣхъ сочиненіяхъ, такъ или иначе касающихся угорской Руси, а также литовскихъ князей XIV в. (Коріатовичей), упоминается объ основаніи Θеодоромъ Мукачевскаго монастыря, какъ о непреложномъ фактѣ. Этотъ монастырь сталъ впослѣдствіи каθедрой угрорусскихъ епископовъ, сначала православныхъ, потомъ уніатскихъ, былъ нѣсколько столѣтій центромъ не только церковной, но и вообще всей духовной жизни угрорусскаго народа. Понятно, что каждому, интересующемуся прошлымъ угроруссовъ, приходится непремѣнно остановиться на судьбахъ монастыря св. Николая.

Оригиналъ грамоты хранится въ архивѣ Прессбургскаго капитула[3]).

---

1) I. Basilovits (ordinis s. Basilii Magni in monasterio de monte Csernek ad Munkacs protohegumenus), Brevis notitia Fundationis Theodori, olim Ducis de Munkacs, pro religiosis Ruthenis ordinis S. Basilii Magni. Cassoviae. Pp. I, II, III — 1799; p. IV — 1804; pp. V, VI—1805.

2) Ранѣе Базиловича графъ Баттьяни въ Leges ecclesiasticae Regni Hungariae 1785 г. доказывалъ ея подложность, основываясь на грамотѣ Іоанна Корвина Гуньяда 1493 г. См. ниже приложеніе I.

3) О внѣшнемъ видѣ грамоты см. ниже «Этюдъ» И. И. Холодняка. На оборотѣ грамоты написано: A⁰ 1634. Athanasius Krupecky, Episcopus Premisliensis et Samboriensis.

Доселѣ грамота была извѣстна лишь по изданію Базиловича, перепечатавшаго текстъ ея изъ «Episcopi Agrienses» Шмитта[1]). Въ этомъ изданіи оригиналъ далеко не точно переданъ, исправлены ошибки, стерта характерная для XIV в. орѳографія[2]). Поэтому мы надѣемся, что facsimile фотографическаго снимка, сдѣланнаго по нашему заказу въ натуральную величину съ оригинала однимъ прессбургскимъ фотографомъ, не будетъ признано излишнимъ[3]).

Стрыйковскій надолго внесъ путаницу въ біографію Өеодора Коріатовича. Съ его словъ повторялось, что Өеодоръ, сынъ Коріата Гедиминовича, былъ княземъ Подолья во время Ольгерда, возсталъ противъ него и долженъ былъ въ 1339 г. удалиться въ Угрію, гдѣ и скончался. Въ концѣ же XIV в. владѣлъ Подольемъ какой-то другой Өеодоръ Коріатовичъ, не желавшій признать власть Витовта, около 1394 г. побѣжденный послѣднимъ и умершій въ Вильнѣ въ заточеніи.

Конечно, были вносимы разныя поправки и измѣненія въ разсказъ Стрыйковскаго: одни (Нарушевичъ, Энгель)[4]) отодвигали прибытіе Өеодора въ Угрію къ 1352—1354 г., другіе (Легоцкій)[5]) считали, что и въ половинѣ XIV в. и въ концѣ его является въ Угрію одинъ и тотъ же Өеодоръ Коріатовичъ. Но борьба его съ Ольгердомъ за Подолье и переселеніе въ половинѣ XIV в. въ Угрію, гдѣ ему были дарованы угорскими королями Мукачевскій замокъ и Мукачевская доминія,—все это считалось исторически достовѣрнымъ.

К. Стадницкій[6]) доказалъ несостоятельность соображеній Стрыйковскаго и выяснилъ причины недоразумѣнія. Намъ остается только повторить выводы Стадницкаго.

Въ дѣйствительности существовалъ только *одинъ* Өеодоръ Коріатовичъ, 4-й сынъ Коріата. Өеодоръ наслѣдовалъ отъ отца Новгородъ Литовскій. По смерти трехъ старшихъ братьевъ[7]) онъ переселился въ Подолье, гдѣ и сталъ княжить. Вступивъ въ столкновеніе съ Витовтомъ, онъ въ 1393 г. долженъ былъ покинуть Подолье и удалиться въ Угрію, гдѣ владѣлъ Мука-

---

1) N. Schmitth, Episcopi Agrienses. 1768. (Basilovits, Praefatio ad Lectorem.) Сочиненія Шмитта мы не могли найти въ С.-Петербургѣ.

2) См. Приложеніе IV.

3) Табл. I.

4) Engel, Geschichte von Halitsch und Wladimir. II, 1792.

5) I, 157. См. ниже.

6) K. Stadnicki, Synowie Gedymina. Wyd. nowe. Lwów. 1881. I, 159—181.

7) Юрій † послѣ 1374 г.; Александръ † послѣ 1380; Константинъ † послѣ 1389 г. Ср. Wolff, Kniaziowe litewsko-ruscy. Warszawa. 1895, стр. 177.

чевомъ и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ. Ссылаясь на Шараневича[1]), Стадницкій передаетъ, что въ Лелесскомъ аббатствѣ (Земплинской сто́лицы) хранится нѣсколько грамотъ Өеодора и въ одной изъ нихъ 1408 г. онъ именуется: Princeps Theodorius, dux Podoliae et comes comitatus Beregh. По его смерти остались двѣ дочери, Анна и Марія[2]).

Иные считаютъ, что не Витовтъ, а Ягайло въ 1393 г. захватилъ Өеодора въ плѣнъ, освободившись изъ котораго, послѣдній удалился въ Угрію[3]).

Здѣсь конечно не мѣсто разбираться въ этихъ противорѣчіяхъ.

Мы имѣемъ возможность значительно пополнить свѣдѣнія о пребываніи Өеодора Коріатовича въ Угріи. Занимаясь въ архивѣ упомянутаго Лелесскаго конвента—къ сожалѣнію, слишкомъ короткое время—мы, между прочимъ, сдѣлали выписки и изъ нѣкоторыхъ документовъ, касающихся Өеодора. Впослѣдствіи мы ознакомились съ монографіей «Бережская сто́лица» г. Т. Легоцкаго[4]), мѣстнаго Мукачевскаго ученаго, страстнаго археолога, крайне добросовѣстнаго и неутомимаго труженика, изучившаго мѣстные архивы и добывшаго изъ нихъ множество матеріаловъ. Оказалось, что въ его монографіи значительная часть документовъ уже отмѣчена, и передано вкратцѣ ихъ содержаніе[5])—къ сожалѣнію большею частію только помадьярски, между тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ важно было бы знать подлинный латинскій текстъ. Кое-что однако въ нашихъ выпискахъ нашлось такое, чего нѣтъ у Легоцкаго, но также и наоборотъ. Печатая въ приложеніи II вкратцѣ содержаніе документовъ, отмѣченныхъ и Легоцкимъ и нами, сообщаемъ здѣсь добытые результаты.

Князь Өеодоръ явился въ Угрію, конечно, не одинокимъ. Кромѣ семьи, съ нимъ переселились и братъ его, князь Василій[6]) (родной ли братъ, или только близкій родственникъ, рѣшить не беремся), и родственники (?) ихъ: Станиславъ, сынъ Іоанна, Іоаннъ, Петръ, Георгій и Богданъ. Въ другомъ мѣстѣ Легоцкій называетъ еще въ числѣ родственниковъ Андрея Пана Kaffai (Kaffai Pán Endre)[7]) и Helele Kaffai.

---

1) J. Szaraniewicz, Rządy Władysława xięcia Opolskiego na Rusi. Bibl. Ossol. IV. 1864, стр. 287. Шараневичу сообщены были эти свѣдѣнія И. Бидерманомъ, тогда проф. въ Инсбрукѣ.

2) Шараневичъ, l. c.: Его вдовѣ и дочерямъ Аннѣ и Маріи Сигизмундъ даровалъ доходы въ Марамарошѣ.

3) A. Prochaska, Podole lennem korony 1352—1340. Kraków. 1895, стр. 7 и пр. Годъ освобожденія Өеодора — 1403, разумѣется, не вѣренъ.

4) T. Lehoczky, Beregvármegye monographiája. Ungvár. I (459 стр.) и II—(501 стр.)—1881; III (860 стр.) 1882.

5) I, 138—140.

6) Стадницкій, стр. 180—181, упоминаетъ о Василіи Коріатовичѣ, выдавшемъ на себя запись Ягайлѣ въ 1403 г., но считаетъ его происходящимъ изъ другаго рода. Очевидно Стадницкій ошибся. Ср. Wolff, Ród Gedymina. Kraków. 1886, стр. 71.

7) I, 138 и III, 534. Bidermann, Die Ungarischen Ruthenen. Innsbruck. 1862, стр. 8, пр. 2.

Прямо ли изъ Подолья прибылъ Ѳеодоръ въ Угрію, или же, можетъ быть, справедливо извѣстіе Стрыйковскаго, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ Витовтомъ (или Ягайломъ—см. выше) и потомъ освобожденъ, не знаемъ. Но въ 1398 г. Ѳеодоръ уже владѣетъ Мукачевомъ и жалуетъ, съ согласія короля Сигизмунда, Станиславу и др. лицамъ село Sarkad, входившее въ составъ Мукачевской доминіи [1]).

Ѳеодоръ титулуется первый разъ, какъ dux Podoliae et dominus de Munkács, въ 1401 г.. Мукачевская доминія остается за нимъ до смерти [2]).

Кромѣ того, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ занимаетъ должность наджупана (comes, főispán) Бережской столицы, а именно въ 1404, 1406, 1407, 1408 гг., при чемъ въ 1404 г. именуется наджупаномъ не только Бережскимъ, но и Уйварскимъ. Въ составленномъ Легоцкимъ по архивнымъ даннымъ спискѣ Бережскихъ наджупановъ онъ упоминается еще въ 1400 и 1411 гг. [3]). Въ 1412 г. эту должность занимаетъ уже другое лицо— палатинъ Николай Garai [3]). Скончался Ѳеодоръ въ 1414 г., повидимому въ Угріи.

Вдова его, Walha [4]), носитъ титулъ ducissa de Munkács, слѣдовательно за ней сохранена была Мукачевская доминія (вся или нѣтъ, не знаемъ): въ 1417 г. упоминается о принадлежности ей села Мукачевской доминіи [5]), Макарьева (Makaria, Бережской ст.). Въ 1416 и 1417 гг. комендантами Мукачевскаго замка названы вышеупомянутые родственники Ѳеодора Kaffai Андрей Панъ и Helele [6]). Послѣдній въ 1415 и 1418 г. именуется officialis ducissae de Munkács.

Кромѣ того вдовѣ Ѳеодора и дочерямъ Аннѣ и Маріи принадлежали значительныя владѣнія въ Мараморошѣ, доходы съ которыхъ за два года исчислялись въ 500 золотыхъ флориновъ.

Послѣдній разъ ducissa de Munkács упоминается въ 1418 г.

Послѣ нея владѣлъ Мукачевомъ Матвѣй Pálóczy, вскорѣ послѣ него извѣстный Стефанъ Лазаревичъ († 1427 г.), а въ 1428 г. Юрій Бранковичъ [7]).

Такимъ образомъ всѣ достовѣрныя документальныя данныя свидѣтель-

---

ссылаясь на Szirmay, Not. com. Ugocs. p. 138 сообщаетъ, что въ одной грамотѣ 1416 г. упоминается Ondrej Pan de Kaffa (Andreas, Herr v. Kaffa).

1) Опись Мукачевскихъ владѣній 1731 г. Leh. III, 596.

2) Можетъ быть онъ владѣлъ также и Маковицей? (См. Приложеніе III, стр. 294).

3) Leh. I, 353.

4) L. Thuróczi, Hungaria suis cum regibus. 1729, называетъ ее Доминикой, Дулишковичъ, Историч. черты Угрорусскихъ (II, 14), замѣняетъ это имя соотвѣтствующимъ греческимъ—Киріака.

5) Опись 1731 г. Leh. III, 596.

6) Leh. I, 140 и III, 354.

7) Leh. III, 543.

ствуютъ о пребыванiи Θеодора Корiатовича въ Угрiи съ конца XIV в. до 2-го десятилѣтiя XV в.

Тѣмъ не менѣе Стадницкiй, Легоцкiй[1]) и др.[2]) считаютъ несомнѣннымъ, что Θеодоръ и ранѣе, именно въ половинѣ XIV в., былъ уже въ Угрiи и владѣлъ Мукачевомъ.

Основанiемъ для такого ихъ мнѣнiя служатъ: во-первыхъ, извѣстiя позднѣйшихъ мадьярскихъ историковъ о слѣдахъ дѣятельности Корiатовича въ Угрiи и во-вторыхъ—грамота 1360 г.

Въ приложенiи III вкратцѣ излагаемъ помѣщенныя у Стадницкаго извѣстiя мадьярскихъ историковъ, дополнивъ ихъ изъ другихъ источниковъ.

Всѣ эти извѣстiя свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что среди угрорусскаго населенiя сохранилось много преданiй о Θеодорѣ Корiатовичѣ[3]), и что съ его именемъ связывали различныя полезныя начинанiя, но исторической достовѣрности эти, поздно записанныя и неизвѣстно когда возникшiя, преданiя имѣть, конечно, не могутъ. Время дѣятельности Θеодора Корiатовича по бóльшей части въ нихъ не опредѣляется, какъ это и слѣдуетъ ожидать отъ народныхъ воспоминанiй. Только у Иштванфи и Туроци мы находимъ болѣе точныя даты: «въ царствованiе Карла и Людовика, въ 1370 (1360) г. при Людовикѣ I», но онѣ далеко не могутъ имѣть значенiя непреложнаго свидѣтельства и въ виду ихъ поздняго происхожденiя и въ виду того, что оба автора (а ужъ Туроци—непремѣнно) могли быть прямо или косвенно знакомы какъ съ выводами Стрыйковскаго, такъ и съ грамотой 1360 г.

Такимъ образомъ *единственнымъ* доказательствомъ того, что Θеодоръ Корiатовичъ былъ въ Угрiи въ половинѣ XIV в., остается грамота 1360 г., и это уже само по себѣ заставляетъ отнестись къ ней не съ особымъ довѣрiемъ.

Но мало того: *до конца XVII в. наша грамота скрыта какъ бы подъ спудомъ.*

---

1) Легоцкiй (I, 137) полагаетъ, что пребыванiе его здѣсь было непродолжительнымъ, Стадницкiй же—многолѣтнимъ: Taka czynność, takie fundacye, jeżeli, jak kroniki węgierskie mówią, (т. е. собственно только Туроци), twierdza Munkacs stanęła dopiero w r. 1370., wskazują na długoletni pobyt T. na ziemi węgierskiej». О фундацiяхъ скажемъ ниже; что же касается 1370 г., то тутъ, повидимому, вкралась ошибка. Цитаты изъ мадьярскихъ хроникъ взяты Стадницкимъ, кажется, изъ Notitia Базиловича, а у послѣдняго стоитъ въ выдержкѣ изъ Туроци: ad annum MCCCLX, а не MCCCLXX, какъ напечатано Стадницкимъ. Самаго сочиненiя Туроци у насъ, къ сожалѣнiю, подъ руками не было.

Wolff, Kniaziowie litewsko-ruscy, стр. 177 ссылается на Стадницкаго.

Тоже и Грушевскiй, Исторiя Украïни—Руси. Львôвъ, 1903, т. IV, стр. 148.

2) Литературу предмета см. Леонтовичъ, Очеркъ исторiи литовско-русскаго права; стр. 347, 359 и сл.; Prochaska, Podole lennem korony, passim.

3) Возможно, конечно, что нѣкоторыя изъ преданiй не были чисто народными, а возникли, такъ сказать, искусственно, книжнымъ путемъ, имѣя точку опоры въ преданiи объ основанiи Корiатовичемъ Мукачевскаго монастыря, считавшемся въ XVII, XVIII вв. неоспоримымъ фактомъ.

У Базиловича въ 1-ой части напечатано около 40 разнаго рода документовъ[1]), относящихся ко времени до 1690 г. Изъ этихъ документовъ только въ *девяти*[2]) (два—XV в., остальные—XVII в.) идетъ вполнѣ или отчасти рѣчь о владѣніяхъ и доходахъ монастырскихъ и, слѣдовательно, естественно ожидать найти именно въ нихъ хотя бы какой-нибудь намекъ на грамоту 1360 г.[3]).

Разсмотримъ же эти документы.

1) Матвѣя Корвина 1458 г. въ пользу пресвитера Луки, котораго ad plebaniam ruthenicalem S. Nicolai prope possessionem Munkacs, Monostor vocatam— —auctoritate nostra Regia, qua hujusmodi plebania more praedecessorum nostrorum regum Hungariae ad nostram collationem pertinere dignoscitur, duximus eligendum et nominandum eandemque eidem simul cum duabus possessionibus, puta Bubowisthye et Lauka vocatis, ad eandem plebaniam ab antiquo spectantibus, pariterque cunctis ipsarum plebaniae et possessionum utilitatibus, proventibus и т. д. duximus denuo et ex novo dandam et conferendam— —.

2) Его же 1488 г. въ пользу того же Луки. Король приказываетъ разобрать дѣло о насиліяхъ, нанесенныхъ Бенедиктомъ, плебаномъ de Iwany, монахамъ Луки, собиравшимъ десятину вина.

Въ этихъ ближайшихъ по времени къ Ѳеодору Коріатовичу грамотахъ нѣтъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ указаній на грамоту 1360 г., ничего не говорится объ основаніи монастыря Ѳеодоромъ, и даже имя его не упоминается. Изъ всѣхъ дарованныхъ по грамотѣ 1360 г. доходовъ упоминается только о сборѣ десятины вина (вѣроятно въ Jwany-hegg); Бобовиште и Лавка оказываются принадлежащими монастырю не по дарованію Ѳеодоромъ, а ab antiquo (съ незапамятныхъ временъ). Наконецъ вмѣсто monasterium, claustrum S. Nicolai, говорится въ первой грамотѣ о какой-то plebania ruthenicalis S. Nicolai prope possessionem Munkacs, Monostor vocata.

Полное молчаніе 1-ой грамоты о Ѳеодорѣ Коріатовичѣ особенно странно въ виду того, что *только за семь лѣтъ до ея изданія* отецъ Матвѣя Корвина, Янъ Гуньядъ, въ грамотѣ отъ 10-го января 1451 г. подтвердилъ горожанамъ Мукачева право пользованія тѣми лѣсами, которыми они

1) Мы не касаемся вопроса о подлинности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Замѣтимъ только, что будущему историку угрорусскаго народа слѣдуетъ отнестись къ нимъ съ крайней осторожностью.

2) Грамота императора Фердинанда I 1552 г. должна быть оставлена въ сторонѣ. Въ ней императоръ разрѣшаетъ епископу Ладиславу возстановить мельницу на р. Латорицѣ близъ самаго монастыря, quod molendinum tempore desolationis— —claustri perierat. Въ грамотѣ 1360 г. упоминается мельница, но не у монастыря, а при селѣ Бобовище.

3) Въ остальныхъ 30 и подавно нѣтъ ничего ни о Ѳеодорѣ Коріатовичѣ, ни о нашей грамотѣ.

пользовались *при князѣ Өеодорѣ*, Матвѣѣ (т. е. Pálóczy) и сербскомъ деспотѣ[1]).

Перейдемъ къ XVII в.

Въ 1640 г. комендантъ находившагося въ рукахъ Георгія I Ракоци Мукачевскаго замка I. Балингъ арестовалъ принявшаго унію епископа Василія Тарасовича и захватилъ монастырь и принадлежащее ему имущество и доходы. Императоръ Фердинандъ III употребилъ всѣ усилія къ освобожденію епископа и къ возвращенію захваченнаго Балингомъ. Сохранилась цѣлая переписка (1641 г.) по этому дѣлу. Для насъ имѣютъ значеніе:

3) Письмо Фердинанда III къ Балингу: арестъ епископа былъ произведенъ nulla habita Ecclesiasticae praerogativae et Privilegiorum a divis condam Hungariae Regibus, Praedecessoribus nostris Monasterio illius loci attributorum. Арестъ епископа и конфискація имуществъ etiam *primaevae fundationi illius monasterii* plurimum derogare videretur— —.

4) Въ инструкціи Фердинанда III S. Eorsy, отправленному имъ къ Ракоци, повторяется почти буквально: quod factum— —*primaevae insuper fundationi illius beneficii* plurimum derogare manifestum est.

5) Протестъ Гевешскаго архидьякона S. Varro отъ имени Тарасовича передъ Ягерскимъ капитуломъ: Балингъ—арестовалъ епископа, bona quoque universa— —*ex vi fundationis* ad idem monasterium spectantia— —occupasset— —.

6) Протестъ протопопа Іоанна Маринца отъ имени того же Тарасовича передъ графомъ I. Другетомъ, наджупаномъ Бережскимъ и Земплинскимъ: Балингъ арестовалъ епископа, bona insuper universa— —ad idem monasterium *ex antiqua fundatione* spectantia— —occupasset.

Такимъ образомъ и въ этихъ документахъ нѣтъ ничего о грамотѣ 1360 г. и о Өеодорѣ Коріатовичѣ. Говорится только о какой-то antiqua fundatio и о привилегіяхъ, данныхъ монастырю предшественниками Фердинанда III, угорскими королями.

7) Столь же неопредѣленныя выраженія находимъ мы въ декретѣ императора Леопольда I 1659 г., которымъ онъ назначаетъ Петра Парөенія Мукачевскимъ епископомъ: повелѣваемъ omnia,— —ad dictum episcopatum *ex fundatione* vel quolibet modo pertinentia,— —manibus dicti episcopi assignare— —.

8) Въ 1660 г. Мукачевъ находился въ рукахъ вдовы Георгія II Ракоци, Софіи Батори. Императоръ Леопольдъ I поручаетъ Прессбургской королевской камерѣ отправить кого-нибудь изъ совѣтниковъ камеры къ Софіи, чтобъ убѣдить ее дозволить Петру Парөенію вступить въ дѣйствительное

1) Leh. III, 431—изъ Мукачевскаго городского архива.

обладаніе каөедрой и монастыремъ со всѣми его владѣніями и доходами. Между прочимъ въ декретѣ говорится: Ex relatione— —Archiepiscopi Strigoniensis intelligimus in comitatu de Beregh— —in Munkács— — exstare monasterium Ordinis s. Basilii, *a piis principibus et regibus Hungariae ante aliquos centenos annos fundatum*, decimis, colonis и т. д. dotatum ita, ut ibi *episcopus Gr. R.* ex ordine Basilianorum *Catholicae Romanae Ecclesiae unitorum* resideret, episcopum ageret и т. д.; de quibus omnibus *literae fundationales et originales ac donationales haberentur de facto.*— — Quare— —mandamus, ut— —quempiam ex consiliariis camerae nostrae— —ad— —Principissam viduam *cum donationalibus ipsis literis ac eorum paribus* expedire non intermittatis, qui— —Parthenium installare— —debeat— —.

9) Прессбургская камера въ исполненіе повелѣнія императора въ томъ же году постановляетъ, чтобы одинъ изъ совѣтниковъ acceptis ad se literis Suae Majestatis— — ad eandem— —Principissam— —proficiscatur, praesentatisque— —iisdem literis Suae Majestatis— —eandem omnibus modis et argumentis tam *ex ipsis donationalibus Regiis*, quam mandato Suae Majestatis— —disponat, ut se— —Suae Majestatis voluntati— —accomodet— —.

Такимъ образомъ, по словамъ Леопольда, монастырь *основанъ угорскими королями*, сохранилась и грамота—*literae fundationales* (очевидно, данная кѣмъ-нибудь изъ *королей угорскихъ*—Прессбургская камера называетъ ее *donationales regiae*), которая въ *оригиналѣ и копіи* и должна быть представлена Софіи. Въ этой грамотѣ, будто бы, говорится не только объ основаніи монастыря, но и объ *учрежденіи* въ немъ *каөедры уніатскаго епископа.*

Очевидно, если такая грамота и была *(никакихъ слѣдовъ подобной грамоты мы потомъ не находимъ)*, она ничего общаго не имѣетъ съ грамотой 1360 г.

Такимъ образомъ, *въ теченіе 330 лѣтъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія ни о грамотѣ 1360 г., ни о Өеодорѣ Коріатовичѣ*, и если въ XVII в. и говорится о какой-то fundatio, litterae fundationales, то разумѣется, очевидно, не наша грамота, хотя она въ 1634 г. уже существовала и находилась въ рукахъ у Аөанасія Крупецкаго[1]).

Только когда примасъ Угріи, кардиналъ Леопольдъ Колоничъ, для фактическаго осуществленія бывшей до него лишь номинальной уніи призвалъ на Мукачевскую каөедру Іосифа де-Камелисъ и позаботился о лучшемъ матеріальномъ его обезпеченіи, *только тогда въ первый разъ* появляется на свѣтъ грамота 1360 г.

1) См. выше стр. 270, пр. 3.

Въ 1690 г., по просьбѣ Іосифа де-Камелисъ, Прессбургскій капитулъ выдалъ ему транссумптъ хранившихся въ Прессбургѣ грамотъ: Коріатовича 1360 г., Матвѣя Корвина 1458 и 1488 гг. На основаніи грамоты 1360 г. Колоничъ, бывшій въ то же время опекуномъ малолѣтнихъ Франца и Юліаны Ракоци, приказалъ администратору всѣхъ Ракоціевскихъ имѣній, Ф. Клобушицкому, торжественно передать Іосифу де-Камелисъ какъ Бобовиште и Лавку, такъ и другіе, упомянутые въ грамотѣ, доходы монастыря. Для приданія бо̀льшаго авторитета этому акту императоръ Леопольдъ I въ 1693 г. своимъ декретомъ подтвердилъ грамоту 1360 г. вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими документами о вводѣ Іосифа де-Камелисъ во владѣніе монастыремъ. Іосифъ де-Камелисъ передалъ въ 1694 г. декретъ Леопольда на храненіе въ архивъ Ягерскаго капитула[1]). Съ этихъ поръ грамота 1360 г. пріобрѣтаетъ незыблемый авторитетъ.

Такова загадочная исторія нашей грамоты.

Остановимся теперь на закрѣпленномъ грамотой фактѣ: *въ половинѣ XIV в. Мукачевомъ владѣлъ князь Θеодоръ Коріатовичъ*. Намъ этотъ фактъ кажется весьма сомнительнымъ, именно, по слѣдующимъ основаніямъ.

Во-первыхъ, мало вѣроятно, чтобы очень молодому человѣку—вѣдь послѣ 1360 г. Θеодоръ жилъ еще 54 года, а Мукачевъ получилъ, очевидно, ранѣе 1360 г. — притомъ одному изъ второстепенныхъ литовскихъ князей (4-му сыну 4-го сына Гедимина), который врядъ ли успѣлъ уже оказать серьезныя услуги Угріи и отъ котораго врядъ ли угорскіе короли могли разсчитывать извлечь особыя для себя выгоды, вручена была такая важная пограничная крѣпость, какъ Мукачевъ[2]), такое громадное имѣніе, какъ Мукачевская доминія. Въ доминіи онъ пользуется столь широкою властью, что, не обращаясь за разрѣшеніемъ или подтвержденіемъ къ королю, основываетъ монастырь, да еще православный[3]), даетъ ему населенныя земли и другіе доходы, между тѣмъ какъ въ 1398 г. для пожалованія приближеннымъ одного только села требуется подтвержденіе короля.

Во-вторыхъ, Легоцкій приводитъ рядъ архивныхъ данныхъ, доказывающихъ, повидимому, что съ 1353 г. въ Мукачевской доминіи распоряжалась королева Елизавета, а послѣ нея—жена Сигизмунда, Марія. Только по смерти Маріи въ 1395 г. доминія перешла къ Сигизмунду[4]).

---

1) Basil. II, 1—5.

2) Уже въ 1332 г. Мукачевъ называется castrum. Leh. III, 543.

3) Во время ревностныхъ къ католичеству Анжуйцевъ.

4) Въ 1353 г. Елизавета даетъ жителямъ Берегсаса, а въ 1354 городу Вари право рубить дрова in silvis reginalibus. Въ 1364 г. издаетъ распоряженіе противъ Бережскаго

Обратимся наконецъ къ самой грамотѣ.

1) *Nos Teodorus Keriatovich, Dei gracia dux de Munkach.* Конечно, въ 1360 г. Ѳеодоръ не былъ еще dux Podoliae и, значитъ, не могъ такъ и титуловаться, но во всякомъ случаѣ малообычно употребленіе *отчества* въ титулѣ владѣтельнаго лица, да еще въ латинской грамотѣ—не по латыни (въ родѣ напр. filius Koriat или скорѣе filius Michaelis, alias Koriat)[1]), а на народномъ языкѣ, въ данномъ случаѣ на русскомъ[2]). Особенно это неумѣстно въ грамотѣ, назначенной не для родины, а для чуждой страны, гдѣ имя отца Ѳеодора врядъ ли могло вызвать какое-нибудь опредѣленное представленіе. Сомнительна и форма Keriatovich вм. Koriatovich[3]).

2) *De proventibus eiusdem castri nostri Munkach teneantur dare— — centum florenos longos.*

Florenus longus, мад. vonás forint, по Чапловичу еще въ концѣ XVIII в. употреблялся въ сдѣлкахъ, какъ воображаемая денежная единица[4]), и равнялся 3 маріашамъ или 51 кр. Какъ монета, florenus longus = 57 кр. и его антитезъ, florenus brevis, kurta forint = 50 кр., употреблялись, по словамъ Симончича[5]), до 1723 г. Въ XVII в. florenus longus приравнивался къ florenus Rhenensis = 60 кр. Такъ въ письмѣ Л. Колонича къ С. Краснаи[6]) по дѣлу о передачѣ Іосифу де-Камелисъ доходовъ, опредѣленныхъ грамотой 1360 г.: centum florenos longos, id est Rhenenses. Въ діаріи Камелиса[7]): Pro anno 1692 accepi— —pecuniarum Rhen. flor. centum.

Когда вошли въ употребленіе floreni longi, мы сказать не умѣемъ. Въ словарѣ Бартала подъ florenus longus указано: см. vonás forintones. Подъ

поджупана Іоанна за его насилія въ Eszény (Саболчской стóлицы на границѣ Бережской). Въ 1376 г. даруетъ городу Мукачеву право имѣть свою печать; въ 1378 г. подтверждаетъ валахамъ и кнезамъ (kenézek) Бережской Крайны ихъ привилегіи. Въ томъ же году даетъ причисленнымъ къ Бережской стóлицѣ valachi reginales привилегій и учреждаетъ должность кнеза (kenézség). Leh. I, 138.

Послѣдняя грамота подтверждена королевой Маріей въ 1383 г. Ср. Bidermann, Die Ungarischen Ruthenen, II, 48: Im J. 1383 übertrug die Königin Maria im Einverständnisse mit der Königin—Wittwe Elisabeth das Keneziat über alle in den Komitaten Beregh und Szathmár befindlichen Rumänen den drei Söhnen des weiland Stanislo, welcher Wajda der rumänischen Ortschaft Kereczke in der Marmaros gewesen war. (Szirmay, Szathmár Vármegye. Ofen. 1809. I, 8).

1) Стадницкій I, 141, пр. 27.

2) Хотя такія титулованія и встрѣчаются. См. Radzimiński, Arch. ks. Lubartowiczów Sanguszków. 1887 г. I, № XXVII, a. 1420: Nos Boleslaus alias Swidrigaill D. gr. dux Olgarthowicz.

3) Отмѣтимъ, кстати, что буква K написана позднѣе всего текста. См. снимокъ.

4) Gibt es auch eingebildete Münzen, zum Beispiel: Vonás Gulden. Csaplovics, Gemälde von Ungern. Pest. 1829. II, 108.

5) I. Simonchicz, Dissertatio de Numismatica Hungariae Diplomaticae accomodata. Vienna. 1794. См. Bartal, Glossarium mediae et infimae latinitatis regni Hungariae. Budapest. 1901. подъ словомъ: kurta forint.

6) Basil. II, 13.

7) Ib. II, 14.

vonás forintones помѣщена выдержка изъ Нумизматики Симончича, гдѣ дѣлается ссылка *только* на нашу грамоту 1360 г. Далѣе Симончичъ пишетъ: Hos florenos longos censet esse vonás forintones = 51 kr. Cl. Pray; ego vero— —inquam esse auri florenos majores; nihil enim facilius commutatur, quam magnus et longus. То же самое повторяетъ Симончичъ въ своей Dissertatio epistolica, адресованной Базиловичу и напечатанной послѣднимъ IV, 245—250.

Симончичъ такимъ образомъ считалъ florenus longus *необычнымъ* для XIV в. и не соглашался съ Праемъ, отождествлявшимъ floreni longi грамоты 1360 съ позднѣйшими floreni longi—vonás forintones. Но такъ какъ Симончичъ не имѣлъ никакихъ сомнѣній въ подлинности нашей грамоты, то ему естественно было предположить, что этотъ необычный терминъ есть лишь не вполнѣ точное обозначеніе какой-нибудь дѣйствительно тогда употреблявшейся монеты, и, конечно, auri floreni majores ближе всего подходятъ по смыслу къ floreni lóngi.

Намъ лично тоже помнится, что въ угорскихъ историческихъ документахъ XIII, XIV вв. не встрѣчается florenus longus. Во время пребыванія нашего въ 1890 или 1891 г. въ Будапештѣ (кажется) мы бесѣдовали между прочимъ объ этомъ съ извѣстнымъ мадьярскимъ историкомъ, каноникомъ Поромъ (Pór), и онъ подтвердилъ наше наблюденіе, высказавъ, что въ XIV в. florenus longus въ Угріи еще не былъ въ ходу. Слова его тогда же были нами записаны.

Итакъ, florenus longus служитъ, повидимому, сильнымъ аргументомъ противъ подлинности грамоты.

3) Грубыя ошибки въ латинскомъ языкѣ[1]), хотя и являются очень странными, не могутъ, однако, служить доказательствомъ подложности. Въ далекой окраинѣ Угріи у Өеодора Коріатовича могло не найтись подъ рукою достаточно знающаго латинскій языкъ человѣка для составленія концепта грамоты.

4) Палеографическая сторона имѣетъ, конечно, особо важное значеніе. По нѣкоторымъ изъ вышеприведенныхъ соображеній грамота 1360 г. давно казалась намъ подозрительной. Когда же мы въ Пресбургѣ ознакомились съ оригиналомъ ея, эти подозрѣнія перешли почти что въ увѣренность. Намъ бросился въ глаза характеръ буквъ, не только рѣзко отличающійся

---

1) Monasterium— —*quem;* ad *eundem* (monasterium); de monte, *que* vocatur; de campo illius ville, *qua* vocatur; quatuor vasa *vina;* claustro— —*quem* nos fundavimus; quicunque— —istam donacionem nostram non *obstaret* (Bas.—observaret) vel contradiceret; cum anima nostra *litem* habeat *protrahendi*; literas nostras sigili nostri appensione roboratas eidem claustro nostro duximus *roboratas.*

отъ обычнаго въ XIV в. письма грамотъ [1]), но сравнительно мало напоминающій и письмо книгъ того времени. И самый почеркъ показался намъ нѣсколько неестественнымъ, напряженнымъ: писецъ точно скорѣе вырисовывалъ непривычныя для него начертанія.

Будучи однако, такъ сказать, начетчикомъ, а не палеографомъ-спеціалистомъ, мы могли только высказать въ общихъ чертахъ наши сомнѣнія, но не чувствовали себя способными доказать ихъ. Поэтому мы обратились къ многоуважаемому проф. И. И. Холодняку съ просьбой принять на себя трудъ оцѣнки грамоты съ палеографической точки зрѣнія. Результаты своихъ наблюденій онъ изложилъ въ печатаемомъ ниже «Палеографическомъ этюдѣ», за который приносимъ ему глубокую благодарность. Его выводъ: «*XIV в. во всякомъ случаѣ она принадлежать не можетъ*»—дѣлаетъ уже окончательно несомнѣнной *подложность грамоты Ѳеодора Коріатовича 1360 г.*

Но съ установленіемъ ея подложности возбуждаются дальнѣйшіе вопросы:

1) Кѣмъ была поддѣлана грамота?

Опредѣленныхъ лицъ, конечно, назвать нѣтъ возможности, но, очевидно, is fecit, cui prodest, т.-е. виновниками подлога могли быть только лица, судьба которыхъ такъ или иначе была связана съ судьбой монастыря — какой-нибудь выдающійся членъ монашеской братіи, игуменъ, или Мукачевскій епископъ или, наконецъ, можетъ быть, и посторонняя вообще монастырю личность, но по какимъ либо своимъ особымъ цѣлямъ или ad majorem Dei gloriam считавшая нужнымъ лучше обезпечить Мукачевскую каѳедру или монастырь.

2-й и 3-й вопросы: въ какое время совершенъ подлогъ, и почему грамота помѣчена именно 1360 г.?

На нихъ врядъ ли возможно дать сколько-нибудь удовлетворительные отвѣты за полнымъ отсутствіемъ положительныхъ данныхъ.

Судя по датѣ грамоты, она могла быть составлена лишь тогда, когда было забыто дѣйствительное время жизни и дѣятельности Ѳеодора Коріатовича въ Угріи — значитъ, много лѣтъ спустя по его смерти. Если грамота Іоанна Корвина 1493 г. подлинна—намъ, по крайней мѣрѣ, она скорѣе кажется таковой—то наша грамота является уже вторичнымъ подлогомъ [2]), послѣ того какъ первая подложная грамота не достигла своей цѣли и была

---

1) На табл. III и IV предлагаемъ образцы письма грамотъ XIII и XIV вв. изъ ближайшихъ къ восточной Угріи мѣстностей—Польши и Трансильваніи. Снимки №№ 1, 2, 3 и 6 были любезно предоставлены въ наше распоряженіе С. Л. Пташицкимъ, остальные собраны нами въ Угріи.

2) Грамота 1493 г. признана подложной не наша 1360 г. грамота, а какая-то иная. См. приложеніе I, стр. 290.

кассирована, и, слѣдовательно, время ея возникновенія лежитъ между 1493 и 1634 годами.

Еще одно соображеніе.

Выборъ для датировки года изъ половины XIV в. не можетъ ли быть объясненъ вліяніемъ Стрыйковскаго? Тогда подлогъ пришлось бы отнести къ концу XVI и къ началу XVII в., когда православной церкви угрожала опасность не только отъ католичества, но и отъ мадьяръ кальвинистовъ, отнимавшихъ имущества и доходы у православныхъ, и когда православные дѣятели (хотя бы нѣкоторые), видя въ принятіи уніи исходъ изъ своего тяжелаго положенія, могли разсчитывать, что въ такомъ случаѣ австрійское правительство не будетъ особенно строго относиться къ предъявляемымъ грамотамъ[1]).

Отвергая подлинность грамоты 1360 г., мы, однако, вовсе не думаемъ также рѣшительно отвергать достовѣрность мѣстнаго преданія объ основаніи Мукачевскаго монастыря Ѳеодоромъ Коріатовичемъ. Весьма возможно, что монастырь дѣйствительно имъ былъ основанъ, но, конечно, не въ 1360 г., а между 1393—1398 и 1414 годами. Но возможно (и даже вѣроятнѣе) и то, что монастырь существовалъ уже до Ѳеодора и, можетъ быть, задолго; Ѳеодоръ же принялъ на себя заботы о монастырѣ, улучшилъ его матеріальное положеніе, а въ народной памяти превратился въ основателя его.

Точно также мы не рѣшились бы доказывать, что монастырь не по праву пользовался упомянутыми въ грамотѣ владѣніями и доходами.

Монастырь могъ получить или дѣйствительно отъ князя Ѳеодора или отъ другихъ лицъ раньше его или даже послѣ него все, что̀ упомянуто въ грамотѣ, но только—или не было сдѣлано письменнаго акта или, хотя таковой и былъ сдѣланъ, но со временемъ былъ утраченъ, и монастырь продолжалъ antiqua consuetudine пользоваться дарованнымъ. Когда же у монастыря стали отбирать имущество или когда стала угрожать хоть опасность этого, естественно могла явиться мысль подкрѣпить свое право по давности фактическаго владѣнія формальнымъ доказательствомъ.

Этимъ кончаемъ наши замѣчанія, уступая слово И. И. Холодняку.

А. Петровъ.

Лѣто 1905 г.

---

1) Простой ли случайностью можно считать то, что помѣтка на оборотѣ грамоты (см. выше стр. 270, пр. 3) сдѣлана именно дѣятельнымъ пропагандистомъ уніи, епископомъ Аѳанасіемъ Крупецкимъ?

Палеографическій этюдъ.

(Посвящается В. И. Ламанскому).

Предложенный нашему разсмотрѣнію документъ—грамота князя Ѳеодора Коріатовича монастырю св. Николая близъ гор. Мукачева на владѣніе доходами съ нѣсколькихъ поименованныхъ въ текстѣ угодій, т.-е. частная donatio весьма обыкновеннаго типа. Актъ писанъ на пергаменѣ, $3\frac{1}{2} \times 8$ вершковъ, въ 21 строку *вдоль* листа; печати въ настоящее время не имѣетъ, но слѣды проколовъ для шнура еще видны. Объ этой сторонѣ внѣшности документа нѣтъ надобности распространяться, такъ какъ она никакихъ особыхъ замѣчаній не вызываетъ; зато полное право на наше вниманіе имѣетъ *письмо*, къ анализу котораго и переходимъ.

Документъ датированъ «anno D(omi)ni (M)CCCLX», т.-е. 1360-мъ годомъ, съ пропускомъ цифры M, что уже само по себѣ является не совсѣмъ обычнымъ; во всякомъ случаѣ составитель документа желалъ пріурочить его къ XIV вѣку.

Для начертанія текста онъ избралъ однако не обиходный *курсивъ* или *полукурсивъ* XIV вѣка, который, особенно во 2-й половинѣ столѣтія въ своихъ болѣе округлыхъ и разгонистыхъ разновидностяхъ составляетъ прямой переходъ къ обиходному же письму XV вѣка, и для мало-мальски опытнаго писца не долженъ составлять никакой особой трудности,— а избралъ *книжный минускулъ*, т. е. письмо, хотя и употреблявшееся для документовъ, но не бывшее для нихъ обиходнымъ, и значительно болѣе трудное для исполненія.

Но здѣсь и начинается рядъ крупныхъ палеографическихъ недоразумѣній.

Мы видимъ прежде всего, уже на первый взглядъ, и чѣмъ внимательнѣе вглядываемся, тѣмъ въ большей степени, какую-то шаткость, неувѣренность почерка, которая можетъ происходить отъ двухъ, главнымъ образомъ, причинъ: или отъ неопытности писавшаго вообще, или отъ малой привычки его именно къ тому почерку, которымъ онъ пишетъ данный текстъ; но тщательный анализъ ductus'овъ писца нашей рукописи долженъ, думается намъ, убѣдить всякаго въ томъ, что хотя его латынь и оставляетъ желать бо̀льшей правильности, хотя бы даже въ предѣлахъ знанія языка въ то̀ время и въ той мѣстности, но рука его неопытной въ ars scribendi названа быть не можетъ: *нажимы* пера выдержаны вездѣ довольно ровно,

нижніе *срѣзы* литеръ даютъ вездѣ почти тотъ же уголъ, *круглоты* ведены увѣренно, наконецъ литеры, за которыя писецъ, такъ сказать, не опасается, напр. круглое s, начертаны довольно смѣло и привычно; но иное дѣло, если мы представимъ себѣ писца *опытнаго вообще*, но не набившаго себѣ руку именно въ *воспроизводимомъ* имъ въ данный моментъ почеркѣ, который онъ *копируетъ*, но не которымъ онъ самъ *пишетъ* обыкновенно,—тогда и получится именно та картина, которая представлена на нашей таблицѣ[1]) въ 1-мъ столбцѣ: особенно характерны начертанія a, b, d, f, h, n, p(ro), s (longa), t и u; нельзя ни минуты допустить предположенія, что такое разнообразіе ductus'овъ происходитъ изъ неопытности *вообще*, а не изъ неопытности именно *въ этомъ минускулѣ*, воспроизвести который понадобилось нашему писцу для извѣстной цѣли; видно притомъ, что *послѣднія* строки документа писаны нѣсколько тверже и увѣреннѣе *начальныхъ*, какъ будто къ концу пишущій въ извѣстной степени *овладѣлъ* своимъ письмомъ.

Какого же времени письмена онъ пытается воспроизвесть? Что это вообще говоря *не есть минускулъ* половины XIV вѣка—говорить нѣтъ надобности: если въ частностяхъ начертаній кое-гдѣ замѣтны типичные изломы и развилинки этой эпохи, то несходства гораздо больше.

Для сравненія мы сопоставили на нашей таблицѣ нѣсколько типичныхъ образчиковъ обычнаго книжнаго и отчасти документальнаго минускула ближайшихъ періодовъ, т.-е. XIII и XIV вѣковъ, воспользовавшись для XIII вѣка—1) cod. Monac. Chroust, IX, 9—10; 2) id. IX, 8; 3) id. IV, 7; 4) id. IV, 10; 5) cod. Vindob. Staatsarch. n. 341, id. VIII, 10; для XIV в. 1) cod. Berol. theol. fol. n. 136 (Arndt 59) и 2) cod. Berol. lat. Q. n. 291 (Arndt 58).

Изъ этого сопоставленія ясно видно, что наиболѣе близки начертанія нашего документа не къ XIV, *а именно къ XIII вѣку*, хотя грамота датирована XIV-мъ: таже фигура *a* (въ XIV в. оно въ минускулѣ обыкновенно закрытое, въ курсивѣ и полукурсивѣ—открытое), d (большого и малаго), f, h (особенно строчнаго), n (прописное и строчное писаны въ нашемъ документѣ одной фигурой), o (большого и малаго), q, r, s, t (прописное t документа—изъ ранней эпохи), u; за XIII в. говоритъ также и сильное преобладаніе округлостей надъ изломами. Надстрочные знаки—обычнаго минускульнаго типа, только въ словѣ po[r]cos (стрк. 8 сверх.) допущенъ надстрочный знакъ для r довольно мало употребительной формы.

Изъ сказаннаго вытекаетъ: 1) что писецъ копировалъ рукопись минускульнаго типа XIII вѣка; это *не могъ быть* конечно *оригиналъ* документа, такъ какъ онъ долженъ былъ относиться къ XIV-му; желая *создать* такой

---

1) Табл. II.

оригиналъ и не имѣя для этого подъ руками хорошихъ образцовъ письма *надлежащей* эпохи, писецъ взялъ «scripturam antiquiorem» *ближайшей*, но до нѣкоторой степени невольно приблизилъ ее къ XIV-му вѣку; 2) что подделка эта совершена или съ цѣлью возсоздать утраченный оригиналъ, или (что̀ вѣроятнѣе)—составить *подложный* документъ для какихъ-либо опредѣленныхъ цѣлей, установить которыя можетъ историческій анализъ нашей рукописи.

XIV-му вѣку во всякомъ случаѣ она принадлежать не можетъ.

И. Холоднякъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Грамота Іоанна Корвина Гуньяда отъ 1493 г.

Архіепископъ Трансильваніи графъ И. Баттьяни въ «Leges ecclesiasticae Regni Hungariae». Albae Carolinae. 1785. I, 514—516 рѣшительно доказывалъ подложность грамоты Ѳеодора Коріатовича 1360 г., опираясь на грамоту Іоанна Корвина Гуньяда 1493 г., хранящуюся въ архивѣ Ягерскаго капитула. Баттьяни издалъ ее въ своемъ трудѣ, списавъ, по его словамъ, ex ipso originali, verum mendose exarato, summa integritate. Еще ранѣе Баттьяни въ 1725 г. Мукачевскій католическій плебанъ Фердинандъ Левъ (Lew) представилъ эту грамоту Ягерскому капитулу, прося выдать засвидѣтельствованную съ нея копію[1]), что̀ и было сдѣлано капитуломъ съ замѣткой: печати у грамоты нѣтъ, хотя и видны ея слѣды[2]). Оригиналъ, вѣроятно, оставленъ былъ въ архивѣ капитула, гдѣ и могъ имъ впослѣдствіи воспользоваться гр. Баттьяни. Надо, впрочемъ, замѣтить, что оба списка съ оригинала не вполнѣ тождественны, хотя Баттьяни, какъ онъ заявляетъ, списывалъ summa integritate, капитулъ—de verbo ad verbum, diminutione et augmento absque omni, но, повидимому, одинаково неточно.

Приводимъ, по изданію Баттьяни[3]), мѣста грамоты, имѣющія отношенія

---

1) Nos Capitulum Ecclesiae Agriensis, и т. д. quod— —Ferdinandus Lew, Plebanus Munkacsiensis— —exhibuerit— —nobis— —quasdam literas— —Ioannis Corvini de Hunyad— —confirmationales seu collationales ratione certarum Decimarum ad plebaniam Munkacsiensem spectantium (Basil. II, 49—50).

2) Ib.: literas, licet quidem absque sigillo pendente, nihilominus tamen sigilli loco (!) apparentes.

3) Отмѣчаемъ въ скобкахъ отступленія Ягерскаго транссумпта (Basil. II, 50—54).

къ оцѣнкѣ подлинности предъявленной епископомъ Іоанномъ грамоты Өеодора Коріатовича.

Commissio propria dominis Ducis. (Яг. Commissio— —Ducis-нѣтъ). Nos Iohannes Corvinus de Hunyad, Sclavoniae, Opaviae, Liptoviaeque Dux etc.— —Cum nos aestate proxima in castro nostro Soklos (Szoklos) constituti fuissemus, venit coram nobis— —Iohannes episcopus Ruthenus ritum Graecorum tenens, in claustro s. Nicolai supra oppidum nostrum Muvvkách (Munkács) fundati (fundato) degens, exhibuitque nobis quasdam sex litteras, unas— —condam Theodorici, Ducis Godoliae (Podoliae) assertas (conscriptas), alias (alteras) Despoti Magni, Rascianorum idiomate confectas, tertias avi nostri Iohannis de Hunyad, gubernatoris olim regni Hungariae, quartas et quintas genitoris nostri— —Mathiae, Hungariae Bohemiae etc. regis, sextas autem conventus ecclesiae s. Crucis de Lelesz, penes quas idem Iohannes episcopus Rutenus curavit nobis supplicari, ut quasdam decimas vinorum de promontorio Levathka (Levaska) ac (Яг.-нѣтъ) item frugum et bladorum de medio jobagionum (jobbadiorum) nostrorum, in Oroszwég et oppido Munkáth (Munkács и далѣе) comoran(tium), proven(ientes) ac septem porcos de incolis Oroszwég eidem faceremus reddere et restituere. Ad cujus supplicationem animum nostrum cum inclinassemus et litteras praenotatas perspicacius intuiti fuissemus fecissemusque cum secretario et consiliariis perspicere, visum nobis fuit una cum eisdem originales litteras— —Theoderici (Theodorici) ducis false et inique fuisse confectas; proinde, quia animus noster erat castrum nostrum Munkách proxime visitare, distulimus in adventum nostrum ad castrum— —Munkách negotium hoc terminandum. Ubi cum jamjam adventassemus, rursum denuo— —Iohannes, episcopus Rutenus, praesentiam nostram adiens (adveniens), supplicavit nobis, quatenus litteras memoratas eidem confirmare et proventus annotatos eidem administrari facere dignaremur. Ex opposito adstitit coram nobis— —Dionisius, artium liberalium magister, ecclesiae s. Martini episcopi et confessoris in oppido Munkách fundatae plebanus, proponens, qualiter— —Iohannes, episcopus Ruhtenus (Ruthenus), falsis litteris mediantibus jura plebaniae suae diruere molitus sit, quodque (quomodoque) praedecessor ejusdem episcopi Lucas, presbyter Ruthenus, in dicto claustro s. Nicolai olim commorans, ab avo et genitore nostro— —false et inique semper (Яг.-нѣтъ) litteras impetrasset, allegans semper (insuper), quoniam indignum et ss. Patrum sancitis contrarium foret, ut christiani suas decimas schismaticis dare debeant. Advenerunt (advenientes) praeterea coram nobis populi et jobagiones— —christiani,— —exorantes (exorando), quatenus dignaremur annuere, ut decimas eorum non schismaticis, sed plebano ipsorum darent, prout— —Elisabeth, avia nostra, et genitor noster

jam prius statuissent. Itaque — — vires litterarum perspicacius nos intendere volentes, cum his doctis viris, qui ad latus nostrum tunc adhaerebant, litteras adnotatas (praenotatas), per — — Iohannem episcopum exhibitas, diligentissime cum cura et studio jussimus perspicere et pro evidentiori causa fecimus inquirere veteres litteras — — ducis Theodorici investigan(do), si his litteris, quas — — Iohannes episcopus exhibuit, responderent. Cumque unae litterae dicti — — ducis per rectorem hospitalis, Dominicum de Thúr in Zar (Szasz) commorantem, oblatae fuissent, vidimus et cognovimus nulla ex parte litteris his, per episcopum exhibitis, respondere, et titulum, et sigillum longe diversum fore. Insuper per alia plura documenta cognovimus eas ipsas litteras nomine — — Theoderici (Theodorici) ducis, saepedicto claustro confectas et per Iohannem episcopum exhibitas, falsas, iniquas et viribus carituras esse, quia etiam cognovimus apertissime pargamenum pollitum et priorem scripturam de eo deletam esse, et, per consequens, alias omnes litteras ratione ejusdem a (et) — — Despoto, Ioanne gubernatore avo et rege Matthia, genitore nostro (nostris), — — ac conventu (conventus) s. Crucis de Lelesz ac etiam per nos datas indebite et injuste fuisse confectas; quas quidem sex litteras similiter et nostras, prius praetextu rei hujusce (hujuscemodi) datas, suadente justicia et juris aequitate cassavimus cassamusque et viribus destitutas esse censemus praesentium per vigorem. Cumque — — Ioannes episcopus Ruthenus cognovisset litteras suas falsas et iniquas esse, ultro sponte (et sponte) renunciavit decimis vinorum, bladorum et frugum de promontorio Lewathka (Levaska) et jobbagionibus (a jobbadionibus) oppidi nostri Munkács et Oroszvég, christianis scilicet, claustro suo provenien(tibus) et pervenire (provenire) debentibus, profitens, quod — — Dionisius plebanus et sui successores perpetuo recipere possent, nec hoc pareteremittens (!—praetermittendo), ut de ceteris et ab his, qui ritum colunt Graecum, decimas vinorum et bladorum de promontorio Lewathka (Levaska) . . . . (въ Яг. этотъ пропускъ оригинала не отмѣченъ) et idem ratione septem porcorum de medio nostrorum jobagionum, in Oroszvég commorantium, praefato claustro s. Nicolai ante tempora dari solitorum— —Dionisius plebanus et Iohannes episcopus in hujusmodi devenerunt ordinationem et (ordinem) unionem— —. In cujus rei testimonium (memoriam)— —praesentes litteras nostras majoris sigilli nostri appensione (appressione) communitas — — Dionisio plebano suisque successoribus universis duximus concedendas. Datum in castro nostro Munkách in festo b. Dorotheae — — anno 1493. Lecta et correcta in decimatione bladorum.

Отрицательное отношеніе гр. Баттьяни къ грамотѣ 1360 г. было однимъ изъ главныхъ побужденій, заставившихъ Базиловича приняться за

свой трудъ[1]). Базиловичъ въ свою очередь объявляетъ грамоту Іоанна Корвина подложной[2]).

Дулишковичъ II, 12 (т.-е. собственно Лучкаи, Historia Carpatho-Ruthenorum)[3]), ссылаясь на какія-то рукописи, указываетъ и предполагаемыхъ виновниковъ поддѣлки: «Рукопись—Archiepiscopi—подъ заглавіемъ Munkács, гдѣ пишется: quod opus hoc sit productum Martini Rosznyák de ordine Eremitarum s. Augustini, qui opus suum continuationi Conciliorum Péterfyanorum deserviens a 600 fl. vendidit memorato comiti de Battyány. Въ той рукописи еще и то стоитъ, какъ бы то Берегсаскій органистъ имѣлъ быти сочинителемъ той мнимой Іоанно-Корвиновой грамоты, хотя въ рукописи иной Мукачейскій порохъ Левъ Фердинандъ сочинителемъ пишется быти ея и то про взору, ut 1725 tempore resignationis a comite Schönborn large dotetur»[4]).

Эти, неизвѣстно какія, кѣмъ и когда составленныя рукописи передаютъ, очевидно, ходившіе между тогдашнимъ угро-русскимъ духовенствомъ противорѣчивые слухи, не имѣющіе, конечно, силы доказательства. Первый варіантъ обвиняетъ гр. Баттьяни прямо во лжи.

Полемизируя съ Баттьяни, Базиловичъ приводитъ и аргументы въ защиту грамоты 1360 г. и противъ грамоты Іоанна Корвина, но аргументы его весьма слабы и часто наивны[5]).

1) «Почему съ 1493 до 1725 г., т.-е. 232 г. грамота Іоанна Корвина не появлялась на свѣтъ»?

Но это само по себѣ не доказываетъ еще ея подложности. И грамота Θеодора Коріатовича 330 лѣтъ, — значитъ, еще долѣе, — не появлялась на свѣтъ.

2) «У грамоты Іоанна Корвина нѣтъ печати».

Но слѣды ея видны, и нѣтъ ничего удивительнаго, что къ XVIII в. печать могла утратиться, особенно если грамота хранилась при плебаніи, а не въ какомъ-нибудь locus publicus, въ родѣ Лелесскаго конвента. На грамотѣ 1360 г. печати теперь тоже нѣтъ, да и въ транссумптѣ 1690 г. хотя, правда, не сказано объ отсутствіи печати, но не подчеркнута и ея наличность, между тѣмъ при томъ существенномъ значеніи, которое получила тогда грамота 1360 г., мы въ правѣ были бы ожидать, что *о печати будетъ* упомянуто.

---

1) Praefatio.

2) II, 55: qui eas (litteras) confinxit, non tam facile etiam sigillum ducis eisdem appendendum effingere et effabricare poterat.

3) См. нашу статью: Старая вѣра и унія въ XVII—XVIII вв. (Новый сборникъ славянов. учен. Лам. стр. 203).

4) Въ 1726 г. Мукачевская доминія передана гр. Францу Лотарю Шёнборну.

5) II, 55—72.

3) «Объявленная Іоанномъ Корвиномъ подложной грамота начинается: Nos Theodoricus dux Podoliae. Quid opus fingere fuit quemdam Theodoricum ducem Podoliae? inauditum, discutiantur Archiva Regni, Prothocola, Historici, nullibi tamen nomen Theodorici ducis Podoliae nullibi ejusdem memoriam, aut vestigium reperire quisquam poterit. *Ѳеодоръ Коріатовичъ*, вотъ кто основатель монастыря!»

Но именно *подлинныя грамоты* только и знаютъ Theodorum, ducem Podoliae[1]).

4) «Если грамота, которую представилъ епископъ Іоаннъ, признана подлогомъ, почему же Іоаннъ Корвинъ не наказалъ обманщика, не лишилъ его монастыря, не отнялъ Бобовиште, Лавку и другіе доходы, дозволилъ ему вступить съ плебаномъ Діонисіемъ въ полюбовную сдѣлку».

Но, во-первыхъ, епископъ Іоаннъ не былъ и обвиненъ въ подлогѣ. Онъ представилъ подложную грамоту, составленную задолго до него, вмѣстѣ съ пятью подлинными, ее подтверждавшими, и могъ быть bona fide увѣренъ въ ея подлинности. Когда же ему было объявлено рѣшеніе, онъ тотчасъ же ultro et sponte отказался отъ своихъ притязаній, такъ что подвергать его наказанію было бы совершенно несправедливымъ. Во-вторыхъ, о Бобовиштѣ и Лавкѣ не было, очевидно, и рѣчи въ грамотѣ. Въ третьихъ, добровольная сдѣлка могла быть допущена потому, что и при подложности грамоты монастырь могъ имѣть на нѣкоторые доходы просто право давности.

5) Когда Швартнеръ, авторъ «Introductio in rem diplomaticam— — praecipue hungaricam». Budae. 1802 г., отнесся скептически къ возраженіямъ Базиловича[2]), послѣдній, въ доказательство подлинности грамоты 1360 г., беретъ изъ того же Швартнера четыре слѣдующіе признака, свойственные, де, подлиннымъ грамотамъ XIII и XIV вв. и отличающіе ихъ отъ подложныхъ: «а) надъ і рѣдко ставится точка, чаще акцентъ, а еще чаще и то и другое отсутствуютъ; б) вм. ae постоянно пишется e; в) много встрѣчается сокращеній; г) длина пергамента больше ширины, и продолжаетъ: In questionato diplomate litera *i* rarius puncto notatur, *e* pro *ae* ponitur, in voce Koriatovits litera *k* cum *o* coarctata ac conjuncta apparet (!),— —denique in membrana magis longa illud descriptum— —asservatur— —; genuinum proinde est et authenticum, nullique suspicioni obnoxium»[3]).

---

1) Theodoricus, можетъ быть, просто невѣрно прочтено вм. Theodorius, Theodorus.

2) Praeluserunt illi (quarto bello diplomatico) jamjam comes I. Battyani et I. Basilovits: ille explodendo diploma, *quod defensoribus omnino opus habet*, hic tuendo illud, *dubiis attamen criticorum etiam post haec adhuc obnoxium* (Basil. VI, 21).

3) Ib. VI, 22.

Что эти послѣднія доказательства Базиловича не имѣютъ никакого значенія, распространяться, конечно, не стоитъ.

Не ознакомившись съ оригиналомъ грамоты Іоанна Корвина, мы не можемъ категорически высказаться о ея подлинности или подложности. Но все-таки она производитъ на насъ впечатлѣніе скорѣе *подлинной* грамоты, чѣмъ поддѣлки, и *менѣе всего*—поддѣлки XVIII в.

1) Титулъ Θеодора—dux Podoliae, какъ уже сказано, *дѣйствительно* употреблялся, чего въ XVIII в., какъ видно изъ словъ Базиловича, совершенно не знали.

2) Первая грамота, подтверждавшая грамоту Θеодора, была выдана *Великимъ Деспотомъ по-сербски*, и, на самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, послѣ Θеодора короткое время владѣли Мукачевомъ Стефанъ Лазаревичъ и Юрій Бранковичъ[1]). Врядъ ли память о нихъ долго хранилась, а въ XVIII в. и подавно ничего о нихъ не было извѣстно.

3) Пять грамотъ, подтверждавшихъ грамоту 1360 г., были, какъ можно судить по контексту, кассированы не потому, чтобы и онѣ были подложны, а потому, что онѣ подтверждали подложную. Кассированныя грамоты, конечно, были перечеркнуты или уничтожены и, во всякомъ случаѣ, изъяты изъ рукъ епископа Іоанна. И, дѣйствительно, изъ всѣхъ документовъ, напечатанныхъ у Базиловича, нѣтъ ни одного, который бы подтверждалъ (litterae confirmationales) какую-нибудь грамоту Θеодора Коріатовича.

Въ заключеніе обращаемъ вниманіе на обстоятельство, ускользнувшее и отъ Баттьяни и отъ Базиловича. Объявленная въ 1493 г. подложной грамота Θеодора, князя Подолья, *вовсе не есть извѣстная намъ грамота 1360 г., а какая-то другая, до насъ не дошедшая.*

Во-первыхъ, выдаватель ея именовалъ себя не Teodorus Keriatovich, а Theodor<ic>us dux Podoliae; во-вторыхъ, она—палимпсестъ, чего совсѣмъ нельзя сказать о грамотѣ 1360 г., въ третьихъ—содержаніе ея гораздо у̀же, чѣмъ грамоты 1360 г. Ее Ягерскій капитулъ опредѣляетъ, какъ litterae confirmationales seu collationales ratione certarum *decimarum*, ad plebaniam Munkacsiensem spectantium[2]) и, дѣйствительно, въ грамотѣ Іоанна Корвина объ этихъ decimae (да еще о sedem porci) только и идетъ споръ, а обо всемъ остальномъ, что̀ пожаловано по грамотѣ 1360 г., и рѣчи нѣтъ.

Наконецъ, въ грамотѣ Іоанна Корвина нѣтъ и намека на то, чтобы Θеодоръ былъ основателемъ монастыря.

---

1) См. выше стр. 273.
2) Basil. II, 50.

Эта неизвѣстная подложная грамота—если, конечно, подлинность Корвиновой будетъ признана доказанной—составлена была скоро по смерти Ѳеодора Коріатовича. *Великій деспотъ сербскій*, очевидно, или Стефанъ Лазаревичъ или Юрій Бранковичъ. Послѣдній владѣлъ Мукачевомъ въ 1428 г., и, слѣдовательно, подложная грамота возникла между 1414 и 1428 годами[1]).

II.

Документы, относящіеся къ пребыванію Ѳеодора Коріатовича въ Угріи[2]).

*1) 1398 г. Король Сигизмундъ Лелесскому конвенту: Ввести во владѣніе помѣстьемъ Sarkad Станислава, сына Іоанна, Іоанна, Петра, Георгія и Богдана, родственниковъ (rokonait) Ѳеодора и его брата (testvér—собств. кровнаго) Василія, тоже князя (herczeg) Подолья; помѣстье это пожаловано съ утвержденія короля за вѣрную службу Станислава.

2) 1401 г., acta № 2[3]). То же:— —Illustris princeps dominus Theodorus, dux Podoliae et dominus de Monkacs, жаловался намъ, что Georgius et Cosma, filii Nicolai, Michael et Iohannes, filii Emerici de Kirsanow— — напали на его jobbagiones ad silvam ipsius domini ducis, ad castrum suum Munkacs praedictum pertinentem— —.

Конвентъ отвѣчаетъ: произведенное слѣдствіе подтвердило справедливость жалобы.

*3) 1404 г. Король Сигизмундъ за вѣрную службу князя Подолья, наджупана Бережскаго и Уйварскаго, жалуетъ ему 300 золотыхъ флориновъ, изъ тѣхъ 20.000 фл., которые долженъ въ это время уплатить городъ Кошицы. Деньги получены Ѳеодоромъ въ день Рождества Богородицы, какъ это видно изъ его подлинной росписки, находящейся въ Кошицкомъ городскомъ архивѣ. На ней еще сохранился поврежденный отпечатокъ круглой въ 3 сент. діаметромъ печати зеленаго воска, изображающей всад-

1) У Легоцкаго (III, 173) сообщено—безъ указанія источника—слѣдующее извѣстіе: «въ XV в. Бобовиште и Лавка были возвращены Мукачевской доминіи; вѣроятно потому, что въ 1458 г. Іоаннъ Hollós поставилъ подъ сомнѣніе подлинность грамоты Коріатовича 1360 г.». Важно было бы знать, дѣйствительно ли въ документѣ, содержаніе котораго здѣсь передается, точно обозначено, что выражено было сомнѣніе въ подлинности грамоты *именно 1360 г.*, или же 1360-й годъ добавленъ Легоцкимъ? Во всякомъ случаѣ любопытно, что уже такъ рано казались подозрительными грамоты Ѳеодора Коріатовича. Какъ, однако, согласовать извѣстіе Легоцкаго съ грамотой М. Корвина 1458 г.? Оставляемъ вопросъ открытымъ.

2) №№ 1—2 и 4—15 взяты изъ Лелесскаго, № 3 изъ Кошицкаго городского архива. Только у Легоцкаго (*) отмѣчены №№ 1, 3, 8, 10, 11, 14, только у насъ (**)—5, 6, 7, 12, 13; №№ 2, 4, 9, 15 отмѣчены обоими.

3) Акты Лелесскаго архива расположены по годамъ въ отдѣльныхъ связкахъ, и въ каждой связкѣ особая нумерація. До 1553 г. они заново переписаны въ Protocolla и составленъ подробный Elenchus.

III.

Преданія о дѣятельности Ѳеодора Коріатовича въ Угріи.

К. Отадницкій I, 174—177, и пр. 73, 74, 80, 81.

1) N. Istvanffi Pannonus, Regni Hungariae Historiae. Coloniae Agrippinae. 1622: Мукачевскій замокъ выстроенъ Ѳеодоромъ Коріатовичемъ (Queriatovicsius) съ согласія королей Карла и Людовика.

2) M. Szent-Ivany, Curiosiora— —Miscellanea. Tyrnaviae. 1689— то же самое (почти буквально выписано изъ Иштванфи).

3) L. Thuróczi, Hungaria suis cum regibus. Tyrnaviae. 1729: Мукачевскій замокъ построилъ Ѳеодоръ Коріатовичъ (Kierathoviensis) при Людовикѣ I въ 1370 г. (у Базиловича—1360 г.). Онъ же близъ Мукачева основалъ мужской монастырь св. Николая, а жена его Доминика—женскій; послѣдній теперь въ развалинахъ.

4) S. Katona, Historia critica Regum Hungariae Stirpis Mixtae. Budae. 1788—1790: Катона въ 1779 г. видѣлъ вырѣзанное на главныхъ воротахъ Мукачевскаго замка имя Ѳеодора Коріатовича.

5) I. Basilovits, Notitia и т. д.: Ѳеодоръ Коріатовичъ построилъ въ Берегсасѣ костелъ и госпиталь для католиковъ (Praefatio и II, 65).

Наши дополненія.

6) I. Дулишковичъ, Историческія черты угро-русскихъ. Унгваръ. 1877 г. сообщаетъ (III, 164, 165 прим.) письмо Берната, чиновника гр. Аспермонта, къ епископу Мануилу отъ 22-го января 1762 г.: § 4. In dominii Makovicza pagis parochias Gr. R. suas excisas habere appertinentias, easque determinatas transactio Quiriatkovicsiana usu a saeculis continuato ac urbariis antiquissimis firmata testatur, ex qua ad cassam publicam comitatensem nil contribuunt— —. § 5. Juxta transactionem Quiriatkovichianam cum dominis dominii Makovicza jus patronatus dominis comitibus ab Aspermont tanquam stipulatum competere, quali, transactionali jure, usu ac praxi continuis firmato, privari non possunt.

7) Korabinsky, Geogr. Lex. 1786, p. 794: Ѳеодоръ Коріатовичъ построилъ русскую церковь въ Шаторъ-алья-Уйгель (Дул. II, 13 пр.).

8) Basilovits, Notitia и т. д.: Епископъ Іоаннникій (Зейканъ) въ 1661 г. на средства Константина, валашскаго воеводы, выстроилъ въ Мукачевскомъ монастырѣ каменную церковь вмѣсто старинной деревянной и помѣстилъ съ

rassent, quarum vigore idem nobiles de Komlós, ipsum Theodorum ducem in causam attrahendo,— —novissime eandem possessionem reobtinuissent et nunc in dominium ejusdem vigore litterarum praefati comitis Symonis adjudicatoriarum se statui facere conarentur in praejudicium juris nostri valde magnum — —. Вызовите ихъ къ намъ со всѣми ихъ документами.

*10) 1414 г. Постановлено привести князя Өеодора къ присягѣ по процессу его съ Петромъ Salánki.

*11) Въ томъ же 1414 г. въ указѣ королевскомъ, данномъ въ Вышеградѣ, относительно процесса Salánki съ княземъ Өеодоромъ, о послѣднемъ говорится, какъ уже о покойномъ.

**12) 1415 г. № 73. Король Сигизмундъ Лелесскому конвенту: Dicitur nobis in personis Georgii et Jacobi, filiorum Galli de Zeech, quomodo ......)[1]) Theodori, ducis Podoliae, temporibus jam praeteritis, possessionem ipsorum Chesfalu,— —in comitatu de(...)[1]) existentem, omni sine lege fuisset depraedatus ac universas res et bona ipsius possessionis non modici valoris abstulisset et spoliasset. Вызовите въ судъ praefatum Helele и произведите слѣдствіе.

Конвентъ: Слѣдствіе произведено. Helele, familiaris dicti condam Theodori ducis, вызванъ in possessione, Vari vocata, officiolatu videlicet suo.

**13) 1416 г. № 11. То же: Dicitur nobis in personis— —dominae relictae condam Theodori ducis ac— —Annuska et Maria— —filiarum suarum, quod Stanislaus de Dolha in anno, cujus secunda instaret revolutio, contra voluntatem et absque consensu ipsarum collectam et proventus, ipsis in Marmarusio provenire debentes, pro se recipiendo, eisdem quingentorum florenorum auri dampna intulisset potentia mediante. Произведите слѣдствіе.

*14) 1417 г. Вдова князя Өеодора Walha и дочь Annus ведутъ процессъ противъ Георгія и Станислава Dolhai изъ-за насильственныхъ дѣйствій послѣднихъ въ ихъ владѣніяхъ въ Марамарошѣ и Макарьевѣ.

15) 1418 г., № 63. Сигизмундъ Лелесскому конвенту: Жалуются Jacobus, filius Galli de Zeech, ac Georgius, filius Jacobi de eadem, quod Helele, officialis ducissae de Munkach, temporibus proxime praeteritis ad possessionem eorundem Chedfalva veniendo, quemdam jobagionem ipsorum— —non recepta licentia nec justo terragio[2]) deposito ac aliis debitis minime persolutis unacum universis rebus et bonis ejusdem ad possessionem Váry̆, officiolatum suum, traduxisset moraturum— —lite tamen inter ipsos pendente.

---

1) Точки въ оригиналѣ.
2) Terragium = census agrarius (Bartal).

IV.

Текстъ грамоты 1360 г. въ оригиналѣ[1]).

Nos Teodorus Keriatovich dei gr*aci*a dux de munkach Vniuerſis *et* ſingulis tam preſentib*us* q*uam* futuris

preſentes viſuris harum ſerie pate facimus Quod Nos p*ro* ſalute a*nim*e no*ſt*re fecimus co*n*ſtrue*re et* edifica*re*

monaſteriu*m* S*anct*i Nicolai epi*ſcop*i et *con*feſſoris p*ro*pe opidu*m* no*ſt*ru*m* munkach q*uem* ad ritu*m* et more*m* greco*rum* uel

rutheno*rum con*ſecrare: Et ad eunde*m* monachos ruthenos conſtituim*us* qui in pe*r*petuu*m* ibi d*e*o ſeruia*n*t

Et ad ſuſtentac*ionem* e*orun*de*m* monacho*rum* rutheno*rum* de no*ſt*ris p*ro*prijs bonis dedim*us* et donauim*us* duas poſſe*ſſ*io*n*es

villas Bobouijſche et lauca cu*m* omn*i*b*us* p*ro*ue*n*tib*us* et contribucionib*us* ab antiquis t*em*po*r*ib*us* ad eaſde*m* de iure pro

uenire debe*n*tib*us* ſimu*l*cu*m* decimis frugu*m* et vino*rum* ac Bobouijſche cu*m* fluuio et mole*n*dino. Ita q*u*od de eade*m*

Bobouijſche om*n*i anno Tenea*n*tur dare ſex po*r*cos eiſde*m* monachis et de lauca om*n*i anno quatu*or* porcos

Deinde v*er*o decimas vino*rum* de mo*n*te Juanijheg. Et ſimiliter de mo*n*te q*ue* voc*a*tur lelijechoka in metis ei*us*

Opidi n*ost*ri munkach cu*m* alijs mo*n*ticulis a mo*n*te lelijechoka. vſq*ue* monaſterium adiace*n*tib*us* decimas vino*rum*

conceſſim*us* eide*m* claustro. Et eciam decimas frugum et alio*rum* de campo illi*us* ville qua vocatur

Orozvijg in eade*m* munkach exiſten*t*e verſus monaſteriu*m* om*n*i*n*o *con*ceſſim*us* p*re*dicto claustro: Et ecia*m*

de eade*m* Orozvijg om*n*ib*us* annis Teneantur dare eiſde*m* monachis ſeptem porcos: Ite*m* de p*ro*uentib*us*

eiuſde*m* caſtri no*ſt*ri munkach Tenea*n*tur dare fruges dece*m* cubulos et totide*m* siligines et quatuor vaſa

vina et centu*m* sales et centu*m* florenos longos: Ite*m* iſta om*n*ia p*re*ſcripta dedim*us* donauim*us et con*tulim*us*

---

1) Курсивомъ напечатаны буквы, скрытыя подъ знакомъ сокращеній. Вмѣсто *i*, ı и оригинала напечатаны вездѣ *i*.

IV.

Текстъ грамоты 1360 г. въ изданіи Базиловича (I, 11—13)[1].

Nos Theodorus Keriatovich, Dei gratia Dux de Munkács Universis et Singulis, tam praesentibus, quam futuris,

praesentes visuris. Harum serie patefacimus. Quod nos pro salute animae nostrae fecimus construere, et aedificare

Monasterium Sancti Nicolai Episcopi et Confessoris, prope Oppidum nostrum Munkács, quod ad Ritum, et morem Graecorum, vel

Ruthenorum consecrare: et ad idem Monachos Ruthenos constituimus, qui in perpetuum ibi Domino serviant,

et ad sustentationem eorundem Monachorum Ruthenorum de Nostris propriis Bonis dedimus, et donavimus duas Possessiones

Villas, Bobovische et Lauka, cum omnibus Proventibus et Contributionibus, ab antiquis temporibus ad easdem de Jure provenire debentibus, simul cum decimis frugum, et vinorum, ac Bobobysche cum fluvio, et molendino. Ita quod de eadem

Bobovysche omni Anno teneantur dare sex porcos eisdem Monachis, et de Lauka omni Anno quatuor porcos.

Deinde vero decimas vinorum de monte Ivány-hegy, et similiter de monte, qui vocatur Lelyechoka, in metis ejus

Oppidi nostri Munkács, cum aliis monticulis; a monte Lelyechoka usque ad Monasterium adjacentibus decimas vinorum

concessimus eidem Claustro: et etiam decimas frugum et aliorum de campo illius Villae, quae vocatur

Orozvig in eadem Munkács existentis versus Monasterium omnino concessimus praedicto Claustro: et etiam

de eadem Oroszvig omnibus annis teneantur dare eisdem Monachis septem porcos: Item de proventibus

ejusdem castri nostri Munkách teneantur dare fruges decem cubulos, et totidem siliginis, et quatuor vasa

vini, et centum sales, et centum florenos longos. Item ista omnia praescripta dedimus, donavimus, et contulimus

---

1) Разрядкой отмѣчены важнѣйшія отступленія отъ оригинала.

p*er*petue et irreuocabil*ite*r tene*n*du*m* poſſide*n*du*m* p*a*riter et habe*n*du*m* p*re*dicto clauſtro n*o*ſ*t*ro p*ro* refrigerio a*ni*me n*o*ſ*t*re .

que*m* nos fundauimu*s* vbi ecia*m* ſepulcru*m* n*o*ſ*t*r*u*m collocar*e* fecimu*s*: Ita eciam *con*firmauimu*s* Q*uod* quicu*n*qu*e* ex .

filijs aut *generacion*ib*us* uel poſteritati*bus* n*o*ſ*t*ris u*e*l aliqui alij iſta*m* donac*ionem* n*o*ſ*t*r*am* non obſtaret uel *con*tradiceret

a*ut* p*re*dicto clauſtro p*er*ſoluer*e* nollet extu*n*c ip*ſ*e cora*m* o*mn*ipotenti deo cum a*ni*m*a* n*o*ſ*t*ra litem habeat p*ro*trahendi: In cuiu*s*

rei firmitate*m* et p*er*petuitate*m* p*re*ſentes l*ite*ras n*o*ſ*t*ras sigili n*o*ſ*t*ri appe*n*ſione roboratas eide*m* clauſro n*o*ſ*t*ro duxi*mus*

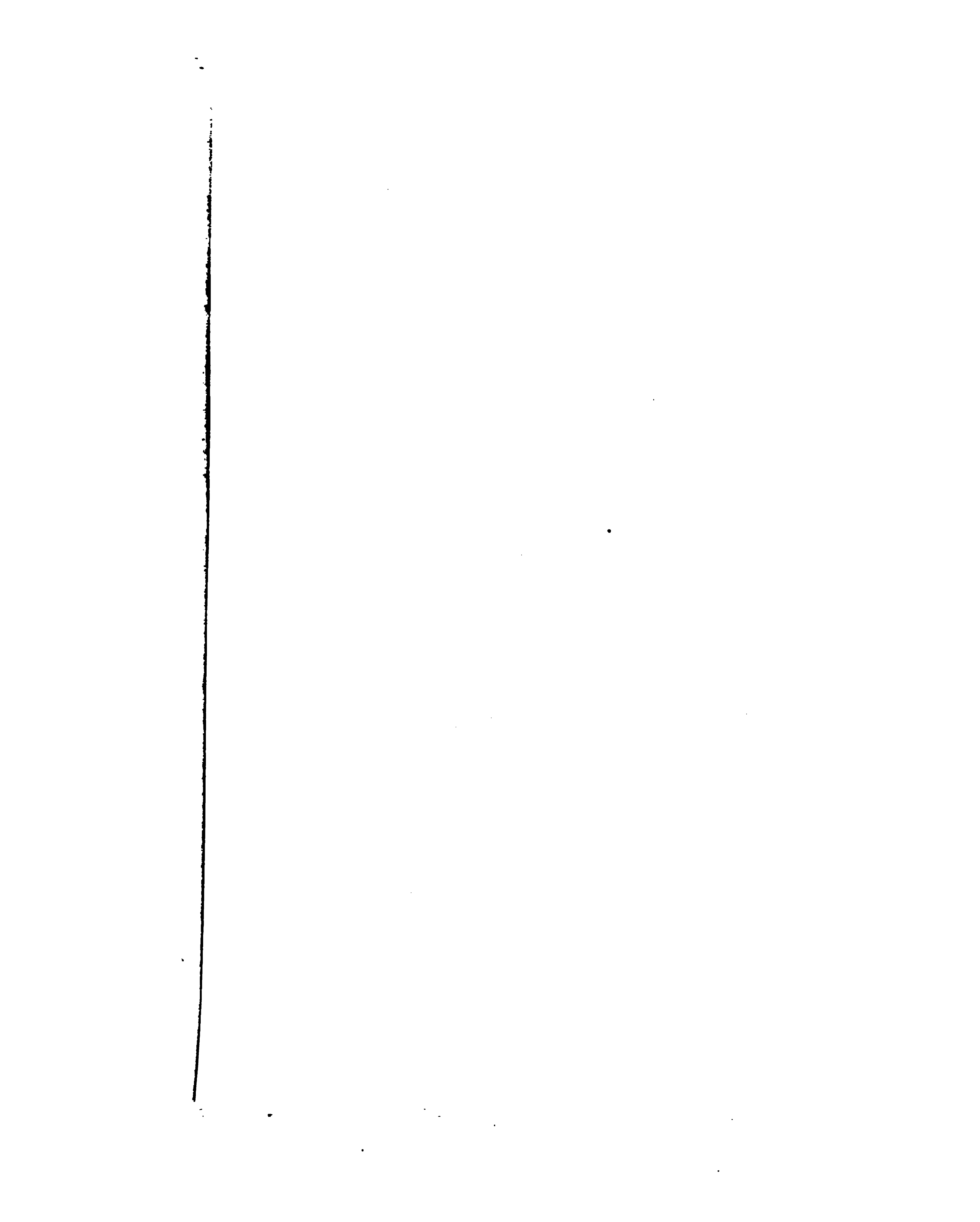
roboratas: Dat*um* in munkach octauo die menſis marcij Anno d*omi*ni. .C. C. C. L. X..

N..s tam presentib9 q3 futuris
n(ost)re fecimus cõstrue' 7 edificar
ad ritu3 et more3 grecoꝝ uel
gin in ppetuu3 ibi d(e)o seruia
edim9 et donauim9 duas poss
antiquis t(em)p(o)rib9 ad easde3 [illegible]
o et molēdino Ita q(uo)d de ea
auca omi anno quatuo' [illegible]
ottur lempechoren in metis
iu3 adiacētib9 decimas vin
no illi9 ville qua vocatur
n9 p(re)dicto claustro : Et [illegible]
n porcos : Ite3 de prouentib9
de3 siligines et quatuor [illegible]
a pta dedim9 donauim9 7 [illegible]
petuo m(e)o p(ro) refrigerio aie m(e)e
confirmauim9 Q(uo)d quicu(n)q(ue) ex
non obstaret ul' contradiceret
p(re)d(ic)tu3 habeat p(ro)trahendi : Insup(er)
ratas eide(m) claustro m(e)o [illegible]
LX.

Грамота 1360 г.	XIII в.	XIV в.
= et	= et	
= pro		

Письмо грамоты и минускулы XIII и XIV вв.

perpetue, et irrevocabiliter tenenda, possidenda, pariter et habenda praedicto Claustro nostro, pro refrigerio animae nostrae,

quod nos fundavimus, ubi etiam sepulchrum nostrum collocari fecimus. Ita etiam confirmavimus: quod quicunque ex

filiis, aut generationibus, vel Posteritatibus nostris, vel aliqui alii istam donationem nostram non observaret, vel contradiceret,

aut praedicto Claustro persolvere nollet, ex tunc ipse coram Omnipotenti Deo cum anima nostra litem habeat protrahendi. In cujus

rei firmitatem et perpetuitatem praesentes Literas nostras Sigilli nostri appensione roboratas eidem Claustro nostro duximus

roboratas. Datum in Munkacs octavo die Mensis Martii, Anno Domini M. CCC. LX.

Введеніе въ науку о славянскомъ стихосложеніи.

Wczorajsza, wcale nowa Słowiańska nauka,
Lecz Bóg zasiał ją w ziarnach szeroko przed wieki.
Józef B. Zaleski, Pyłki.

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, въ «Шлейхеровскую» пору языкознанія, когда «индо-европейскій языкъ» представлялся умамъ ученыхъ величиною дѣйствительною въ такой степени, что, по крайней мѣрѣ, самъ Шлейхеръ пытался даже сочинять на немъ басни, также будто-бы «индо-европейскія», нѣкоторые языковѣды помышляли и объ «индо-европейскомъ» стихосложеніи, къ которому стихосложеніе отдѣльныхъ языковъ индо-европейской семьи должно относиться такъ-же, какъ сами эти языки относятся къ общему индо-европейскому языку. Мысль о первоначальномъ единствѣ индо-европейскихъ языковъ между прочимъ и въ стихосложеніи принадлежитъ извѣстному знатоку греческаго стихосложенія и языковѣду-любителю Рудольфу Вестфалю, человѣку необыкновенно способному и даровитому, но чрезмѣрно быстрому и смѣлому на выводы и обобщенія. Онъ еще въ 50-ыхъ годахъ, изучая Зендавесту по изданію Вестергорда (Westergaard), наткнулся по мѣстамъ на размѣренную рѣчь и скоро убѣдился въ наличности строкъ изъ одинаковаго числа слоговъ, въ которыхъ однако онъ не могъ отъискать никакого признака ритма. Отсюда онъ вывелъ, что древніе Иранцы строили свои стихи только на основаніи счета слоговъ, и что таково было нѣкогда индо-европейское стихосложеніе вообще. Уже и первое изъ этихъ заключеній было поспѣшно, такъ какъ 1) онъ изслѣдовалъ въ Авестѣ не всѣ мѣста, содержащія въ себѣ стихи, 2) при разъискиваніи основы авестійскаго стихосложенія онъ безсознательно руководился тѣми понятіями о стихѣ, какія онъ составилъ себѣ по количественнымъ (квантитативнымъ) стихамъ греческимъ и по качественнымъ (тоническимъ) нѣмецкимъ, 3) слоговое (силлабическое) стихосложеніе онъ понималъ съ одной стороны слишкомъ отвлеченно, не приписывая въ немъ ударенію ровно никакого значенія, съ другой — слишкомъ узко, соединяя его, опять-таки безсознательно, съ такимъ звуковымъ строемъ, при которомъ стихи стопные возможны лишь на качественной основѣ, какъ

напр. во французскомъ языкѣ, пригодномъ не только для чисто слоговыхъ стиховъ, подобныхъ слѣдующему (Boileau, Art Poétique, chant III):

Mais en vain le public, prompt à le mépriser,

но и для качественно-стопныхъ, каковъ идущій за выше приведеннымъ:

De son mérite faux le veut désabuser,

или въ польскомъ, гдѣ на ряду со слоговымъ стихомъ въ родѣ:

Ostrzegam tylko wcześnie, niech brat Tadeusza

возможенъ построенный въ правильныхъ стопахъ по удареніямъ:

Nie namawia, kochać się w Zosie nie przymusza
(Mickiewicz, Pan Tadeusz III),

тогда какъ слоговые стихи бываютъ и на количественной основѣ, напр. въ ведійскихъ размѣрахъ и въ шлокѣ, да и въ Авестѣ нерѣдки стихи въ родѣ:

ā9 mē a(i)ęm paⁱti aoxta Haomō ašaṇa, dūraoṣō:
«azem ahmi, Zaratuṣtra, Haomō, ašaṇa, dūraoṣō»

съ некратными (ирраціональными) анапестами и спондеями, какъ у Индѣйцевъ (см. мой «Опытъ ритмическаго объясненія древне-индѣйскаго эпико-дидактическаго размѣра çlokas» во II томѣ «Трудовъ Восточной коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества»). Если такъ, что-же сказать о поспѣшности перенесенія приписаннаго Иранцамъ слогового стихосложенія въ индо-европейскій праязыкъ? Послѣ этого неудивительно, что и стихи русскихъ народныхъ пѣсенъ Вестфаль свелъ на простой счетъ слоговъ, прославляя при томъ Русскихъ за сохраненіе древнѣйшаго стихотворнаго склада (Русскій Вѣстникъ, 1879 г.). И въ самомъ дѣлѣ нѣкоторыя изъ немногихъ русскихъ пѣсенъ, ему извѣстныхъ, при сравненіи ихъ словъ съ напѣвами оказываются слоговыми, какъ и многіе стихи въ Авестѣ; но и тамъ и здѣсь такой складъ представляетъ собою позднѣйшее явленіе. Слоговое стихосложеніе вообще возникаетъ на развалинахъ какого-нибудь иного, но всегда стопнаго или, пожалуй, тактоваго, въ которомъ сильныя и слабыя единицы слѣдуютъ другъ за другомъ въ опредѣленномъ порядкѣ, хотя-бы число слоговъ, составляющихъ стопу, не было постоянно

и одинаково во всей пѣснѣ, слабыя единицы кое-гдѣ даже совсѣмъ отсутствовали и взаимное равенство стопъ устанавливалось посредствомъ передышекъ (паузъ) или растяженія сильныхъ единицъ свыше ихъ обычной длительности, что̀ возможно только при пѣніи. Но вѣдь народная поэзія и не знаетъ стиховъ помимо пѣнія, почему и не нуждается въ словесномъ выраженіи всѣхъ ритмическихъ единицъ.

Такое стихосложеніе во всей его дикой неправильности мы находимъ у Нѣмцевъ даже въ письменности до Отфрида Вейссенбургскаго (IX в.) или, точнѣе, до того времени, когда его стихотворная сводка Евангелій распространилась и ея складъ, воспринимаемый слухомъ и безъ помощи пѣнія, укоренился, по крайней мѣрѣ, между пишущими стихотворцами. Однако и въ этихъ новыхъ стихахъ, не смотря на то, что въ основаніи ихъ лежало подражаніе осьмисложнымъ стихамъ ямбическаго склада, употребительнымъ въ латинскихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, какъ «Veni creator Spiritus» Амвросія Медіоланскаго, слабыя части стопъ нерѣдко выпускались и потому были возможны не только такіе стихи, какъ

Thû mohtis, quad siu, einan ruam
Joh ein gifuari mir giduan,

но и

Einan kuninc weiz ih,
Heizit hêr Hludwîc[1]),

т. е. число слоговъ колебалось между осмью и пятью — колебаніе ничтожное сравнительно съ тѣмъ, что̀ мы видимъ напр. въ Muspilli, но все-таки отсюда еще далеко до слогового равенства стиховъ, къ какому привыкли не только Французы и Поляки, но и мы, Русскіе, хотя, когда слагаемъ свои стихи, обращаемъ вниманіе не на число слоговъ, а на ихъ относительную силу. Отфридово стихосложеніе, какъ возникло, такъ и утвердилось у верхнихъ Нѣмцевъ и перешло цѣликомъ изъ древне-верхне-нѣмецкаго языка въ средне-верхне-нѣмецкій, въ которомъ однако оно стало самобытнѣе и разнообразнѣе вслѣдствіе допущенія не только другихъ размѣровъ, но и двухъ короткихъ слоговъ на мѣстѣ сильнаго времени стопы даже безъ

1) Знакомъ долготы обозначены въ нѣмецкихъ стихахъ здѣсь и ниже слоги долгіе по природѣ или по положенію внутри слова (чѣмъ обусловливается возможность второстепеннаго ударенія на слѣдующемъ слогѣ того-же слова) и также всѣ закрытые подъ удареніемъ. Знакомъ ≍ въ скобкахъ изображены передышки, иногда едва слышныя, на мѣстѣ ритмическихъ единицъ, не наполненныхъ рѣчью, знакомъ ⌣ — растяженіе долгой гласной или короткой съ послѣдующею длительной согласной свыше обычной мѣры.

пропуска слабой (что̀ Лахманъ пытался устранять, по крайней мѣрѣ, въ выговорѣ исключеніемъ одной изъ гласныхъ), откуда напр. въ Der Nibelunge Nôt:

Gunthêr und Hagne, die reken vil balt,
Lobeten mit untriuwen ein pirsen in den walt,

гдѣ въ первомъ стихѣ десять слоговъ, во второмъ — тринадцать; но такъ какъ въ средне-верхне-нѣмецкомъ стихосложеніи былъ разрѣшенъ двусложный безударный приступъ (анакруза), какъ напр. въ томъ-же Der Nibelunge Nôt:

Nû wer was, der ûfem schilde vor dem Wasgensteine saz?,

длина того-же стиха могла доходить до пятнадцати—шестнадцати слоговъ. Нижніе Нѣмцы, усвоивъ себѣ стопное стихосложеніе, никогда не отказывались отъ выраженія слабой части стопы двумя слогами, и вотъ, путемъ все возроставшаго общенія между двумя вѣтвями нѣмецкаго племени, приблизительно въ XIV в. образовалось обще-нѣмецкое стихосложеніе, ставшее вскорѣ обще-германскимъ, — стихосложеніе стопное, но какое?[2])

Wer wagt es, Rittersmann oder Knapp,
Zu tauchen in diesen Schlund?
Einen goldnen Becher werf' ich hinab;
Verschlungen schon hat ihn der schwarze Mund

(Schiller)

или:

Farewell, ye odours of earth, that die,
Passing away like a lover's sigh;

---

2) Во всѣхъ примѣрахъ изъ языковъ со стихосложеніемъ качественнымъ, т. е. основаннымъ на разговорномъ удареніи и принимающимъ въ расчетъ долготу (въ языкахъ, ея не утратившихъ) лишь какъ замѣну разговорнаго ударенія въ сильной части стопы, знаки долготы и краткости разставлены здѣсь не по дѣйствительной длительности слоговъ въ обычной рѣчи, а сообразно съ тою продолжительностью каждаго слога, какая слышится при строго размѣренномъ чтеніи или, еще болѣе, въ напѣвѣ, точно соотвѣтствующемъ строю стиха. То-же относится — mutatis mutandis — къ слоговымъ примѣрамъ французскимъ и польскимъ.

My feast is now of the tooba tree,
Whose scent is a breath of eternity

(Thomas Moor)

или, нѣсколько иначе:

Ved Syriens mörkeblaa Middelhavs-Strand,
Hvar Pinjeskover ender i Bejruts gule Sand,
Hvor Franker og Tyrk deres Lystridt ride,
Der holde to Ryttere Side om Side

(Christian Richardt)[3])

и еще смѣлѣе, совсѣмъ по-старинному:

Han stirrer og han stirrer;
Kun Luft og kun Vand!
«Pinta» forude, —
Men ak — ikke Land!

(онъ-же).

У Нѣмцевъ переняли пѣсенный складъ Лужичане[4]), напр.:

Tsi molje kerchow wón wobrajtowa,
Na jeje rówčku wón pozasta.
«Stawaj ty horje, holečo!
Daj mi te moje zawdanki zas'»

---

3) Тотъ-же размѣръ въ шведской народной пѣснѣ:

Dina svartbruna sköna ögon, din rosenröda mun
Hava lagt uppå mitt hjerta en börda så tung.
Halsbandet uppå halsen det glimmar som rödan guld,
Derföra vill jag vara lilla vännen så huld.

4) Отчасти и самыя пѣсни; ср. напр. пѣсню Ja stejach horkach na gori съ нѣмецкою Ich stand auf hohem Berge и въ особенности съ датскою Jeg gik mig op paa höie Bierg, которая впрочемъ сама, вѣроятно, заимствована у Нѣмцевъ, только съ извода, болѣе близкаго къ лужицкому. Ср. также Štrekelj, Slovenske narodne pesmi 1285—1293.

и даже съ сильнѣйшими стяженіями:

Bez nimaj sedžeła holička,
Rjana, bjeła, čerwena,[5])

но и съ болѣе смѣлыми разложеніями:

Štyrjo jej hercy piskachu,
Hólcy pak z karanami zej'rawachu.
Wy, štyrjo hercy, nepiskajće,
Hólcy pak z karanami nezej'rawajće

или

Hólcy pak z karanami zej'rawachu.
Hólcy pak z karanami nezej'rawajće.

Отъ Нѣмцевъ-же вольные стихи у Словѣнцевъ, напр.

Zvȇdel sem nȇkaj nóvega
Od svójga dekléta zaljúbljenga:
Ona si zbîra drûzega
In zâme ne mâra nič vèč (у Штрекля 2173—2178 по пяти изводамъ).

И такъ въ лужицкихъ стихахъ одного и того-же размѣра, состоящаго въ совершенно правильномъ видѣ изъ десяти слоговъ, мы находимъ разницу въ пять слоговъ — отъ двѣнадцати до семи. Впрочемъ почти такова-же она и во второмъ скандинавскомъ (датскомъ) примѣрѣ — отъ семи до пяти. Какъ бы то ни было, германское стихосложеніе, отчасти перешедшее и къ Славянамъ, сохранило въ значительной мѣрѣ свой древній

---

5) Приблизительно такъ въ пѣснѣ «Wosredźa wulkeho Wóseka», но въ сходной съ нею по началу «Wóše mi horńeho Wujezda» два стиха, соотвѣтствующіе приведеннымъ здѣсь, поются народомъ такъ (L. Haupt i L. Smoleŕ I, VIII):

Ha, pod lipu sydała holička
Rjana, bjeła, čerwena —

одинъ изъ примѣровъ того, какъ различна можетъ быть ритмика стиха съ одной стороны — въ чтеніи и съ другой — въ напѣвѣ.

строй, не имѣющій ничего общаго со счетомъ слоговъ. О самобытныхъ остаткахъ того-же строя у Славянъ рѣчь впереди. Есть они и въ языкахъ количественныхъ, каковъ греческій. Такъ называемый пентаметръ слылъ у позднѣйшихъ Грековъ изобрѣтеніемъ Мимнерма (VI в. до Р. Х.), о чемъ древнѣйшее свидѣтельство принадлежитъ Гермесіанакту (IV в. до Р. Х.):

Μίμνερμος δέ, τὸν ἡδὺν ὃς εὕρετο πολλὸν ἀνατλὰς
ἦχον καὶ μαλακοῦ πνεῦμ' ἀπὸ πενταμέτρου.

Здѣсь-же мы встрѣчаемъ впервые и названіе «пентаметръ», а на столѣтіе раньше Критій выражается еще такъ:

Οὐ γάρ πως ἦν τοὔνομ' ἐφαρμόζειν ἐλεγείῳ,

откуда позже, когда ἐλέγειος, прилагательное отъ древняго существительнаго ἔλεγος, употреблялось уже только въ видѣ существительнаго ἐλεγεία, образовано другое названіе того-же размѣра — ἐλεγειακός. Какъ извѣстно, онъ является во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ только въ соединеніи съ гексаметромъ, и оба эти стиха вмѣстѣ назывались нѣкогда просто ἔπη, т. е. такъ-же, какъ и одни гексаметры. И въ самомъ дѣлѣ — элегическій стихъ есть по своему строю, ужь конечно, не «пентаметръ», не пятистопный стихъ, а тотъ-же гексаметръ, стихъ изъ шести дактилей, только съ передышками, равными слабой части дактиля, или растяженіями сильной части до длительности цѣлой стопы. Въ двустишіи, каково напр. Тиртеево

Τεθνάμεναι γὰρ καλὸν ἐνὶ προμάχοισι πεσόντα
ἄνδρ' ἀγαθὸν περὶ ᾗ πατρίδι μαρνάμενον,

второй стихъ, очевидно, равенъ первому и представляетъ собою лишь его видоизмѣненіе. Однообразное сочетаніе обоихъ видовъ того-же стиха, т. е. дактилическаго шестистопнаго, поочередно то полнаго (или почти полнаго, какъ въ приведенномъ примѣрѣ), то съ передышками или растяженіями въ серединѣ и въ концѣ, есть уже дѣло сознательнаго искусства, а въ народномъ пѣснопѣніи эти два вида употреблялись, по всей вѣроятности, безразлично, какъ величины вполнѣ равныя, и даже, можетъ быть, различно видоизмѣнялись, хоть-бы напр. такъ:

–⏕|–⏕|–⏕|–⏕|–⏕|–(‿)

или такъ:

–⏕|–⏕|–(‿)|–⏕|–⏕|–⏓

Мало того: мыслимо и

–⏕|–(‿)|–⏕|–(‿)|–⏕|–⏓

и т. п., которыя могутъ, пожалуй, встрѣтиться отчасти въ безграмотныхъ надгробныхъ надписяхъ, но скорѣе въ видѣ случайныхъ искаженій, чѣмъ остатковъ сѣдой старины, какими ихъ считалъ Узенеръ (Altgriechischer Versbau. Bonn 1887). Что въ письменности изо всѣхъ этихъ видовъ удержалось только два, тому причины 1) ихъ ритмическая ясность, 2) ихъ безусловная противоположность, а что утвердилось сочетаніе полнаго стиха впереди съ урѣзаннымъ послѣ него, а не наоборотъ, какъ хотѣлъ въ V в. до Р. Х. Діонисій «Мѣдный» (Χαλκοῦς), это зависѣло отъ соображенія музыкальнаго, выраженнаго Шиллеромъ въ извѣстной эпиграммѣ:

Im Hexameter steigt des Springquells flüssige Säule,
Im Pentameter drauf fällt sie melodisch herab,

а именно: полное завершеніе (каденція) легче дается на сильномъ или хоть полусильномъ звукѣ, чѣмъ на слабомъ, который годится скорѣе для половиннаго завершенія. Потому-же напр. у Анакреонта въ трохеяхъ:

Πῶλε Θρηκίη, τί δή με λοξὸν ὄμμασιν βλέπουσα
νηλεῶς φεύγεις, δοκεῖς δέ μ' οὐδὲν εἰδέναι σοφόν

и въ подражаніи Пушкина:

Кобылица молодая,
Честь кавказскаго тавра,

а не наоборотъ. Слѣдъ первоначальной свободы въ составленіи стопъ можно подозрѣвать между прочимъ и въ Анакреонтовыхъ логаэдахъ (съ дактилями, равными трохею):

Πολλὰ μὲν ἐν δουρὶ τιθεὶς αὐχένα, πολλὰ δ' ἐν τροχῷ,
πολλὰ δὲ νῶτον σκυτίνῃ μάστιγι θωμιχθείς, κόμην
πώγωνά τ' ἐκτετιλμένος,

какъ и вообще въ такъ называемыхъ хоріамбахъ, т. е. стихахъ изъ ускоренныхъ дактилей съ усѣченными или стянутыми трохеями, хотя въ такихъ стихахъ почти вездѣ соблюдается одинаковое число слоговъ, что̀ естественно при стихосложеніи строго стопномъ. Уклоненіе отъ начала равносложности особенно удивительно въ древне-индѣйскихъ количественно-слоговыхъ шлокахъ, напр. во второмъ стихѣ 10-аго двустишія 6-ой книги законовъ Ману:

ṛkṣeṣṭyagrâyaṇaṃ caiva câturmasyâni câharet
uttarâyaṇaṃ ca kramaço dâkṣasyâyanam êva ca.

Такой удлинненный на одинъ слогъ приступъ вообще рѣдокъ и встрѣчается по большей части въ шлокахъ не особенно древнихъ, но едва-ли можно видѣть въ этой неправильности одно изъ позднихъ явленій, знаменующихъ собою разложеніе этого стариннаго размѣра, такъ какъ именно число слоговъ есть такой внѣшній признакъ, который легче всего соблюсти даже послѣ того, какъ первоначальная основа размѣра уже утратила свою жизненность, сдѣлавшись недоступна непосредственному воспріятію слухомъ вслѣдствіе измѣненій въ звуковомъ строѣ языка. Естественнѣе, кажется, предположить, что это нарушеніе законнаго числа слоговъ есть черта древняя, но сохранившаяся только въ стихахъ необразованныхъ или полуобразованныхъ людей и забравшаяся въ письменность одновременно съ другими заносами изъ низшихъ общественныхъ слоевъ, долго остававшихся въ сторонѣ отъ умственнаго движенія, а впослѣдствіи, по мѣрѣ вымиранія санскрита, повліявшихъ и на письменный языкъ и на его стихосложеніе.

Примѣровъ, доказывающихъ древность стихосложенія, основаннаго на смѣнѣ сильныхъ и слабыхъ слоговъ у разныхъ народовъ, можно было-бы привести много, но главнымъ доказательствомъ останется все-таки соображеніе, опирающееся не на сборъ данныхъ изъ словеснаго творчества отдѣльныхъ племенныхъ единицъ, который никогда не можетъ быть полонъ, а на самое существо дѣла: такъ какъ стихотворный складъ рѣчи возникъ несомнѣнно въ тѣснѣйшей связи съ напѣвомъ и съ пляской, а напѣвъ и пляска немыслимы безъ ритма, т. е. правильнаго чередованія сильныхъ и слабыхъ звуковъ голоса и ударовъ ноги, въ соотвѣтствующей имъ рѣчи долженъ быть осуществленъ прежде всего ритмъ, т. е., примѣнительно къ слову, правильное, хоть по возможности, чередованіе сильныхъ и слабыхъ слоговъ. Понятно, что сильный слогъ есть слогъ ударяемый. А что значитъ «ударяемый слогъ» въ ритмѣ? Очевидно — ударяемый такъ, чтобы его удареніе могло опредѣлять ритмическое движеніе рѣчи. Такимъ слогомъ можетъ быть только ударяемый напорно, выдыхательно (экспираторно), а не пѣвуче (хроматически). Оба эти рода ударенія едва-ли гдѣ встрѣчаются въ чистомъ видѣ: выдыхательное удареніе обыкновенно соединяется съ нѣкоторымъ повышеніемъ голоса, а пѣвучее — съ нѣкоторымъ усиленіемъ дыханія. Такъ напр. по-русски ударяемый средній слогъ въ словѣ собáка звучитъ приблизительно на двѣ ступени (терцію) выше перваго и на три ступени (кварту) выше послѣдняго. По-сербски рѣзко-выдыхательное

короткое нисходящее удареніе ̏ — отличается, хоть и не во всѣхъ говорахъ, отъ пѣвучаго короткаго-же восходящаго такъ явственно и опредѣленно, что ихъ нельзя смѣшать даже въ однословныхъ словахъ, какъ ви̏т «гибокъ» и ви̇т, ви̇т! «гуля, гуля!» (крикъ для призыва голубей); однако напр. въ словахъ «бра̏те, опро̀сти» ударяемый слогъ перваго слова звучитъ не только сильнѣе послѣдняго, но и выше на три ступени, а такой-же слогъ второго не только выше перваго слога на три ступени и послѣдняго— на двѣ ступени (опять-таки приблизительно), но и сильнѣе обоихъ, почему такое удареніе безусловно годится для установленія ритма, напр. у Йована Илича:

Ỳбило је мо̀је у̀здисање.

Въ нѣмецкомъ Sónnàbend слогъ подъ главнымъ удареніемъ не только сильнѣе, чѣмъ слѣдующіе за нимъ слогъ подъ второстепеннымъ удареніемъ и слогъ безъ ударенія, но и выше обоихъ на три ступени.

Но такія смѣшенія двухъ началъ въ удареніяхъ не мѣшаютъ ударенію въ однихъ языкахъ имѣть первенствующее или даже исключительное значеніе для ритма, а въ другихъ — быть для него совершенно безразличнымъ. Эта разница зависитъ, конечно, отъ преобладанія того или другого начала въ удареніи даннаго языка, однако непремѣнно въ связи съ количественными отношеніями слоговъ, а именно: гдѣ нѣтъ постояннаго различія между долготою и краткостью, т. е. гдѣ всѣ слоги количественно безразличны, какъ напр. въ русскомъ языкѣ, въ польскомъ, лужицкомъ, болгарскомъ, тамъ и полу-выдыхательное, полу-пѣвучее удареніе служитъ ритму достаточной, да и единственной опорой; гдѣ слышится только естественная долгота, т. е. обусловленная количествомъ однихъ гласныхъ, и при томъ лишь подъ удареніемъ, какъ у Словѣнцевъ и у современныхъ германскихъ народовъ, ритмъ основывается на удареніи; гдѣ помимо долготы гласныхъ есть и долгота слоговъ съ короткой гласной и послѣдующимъ сочетаніемъ согласныхъ (долгота по положенію, позиціонная), но то и другое слышно лишь подъ удареніемъ, хотя-бы второстепеннымъ, какъ въ древнихъ германскихъ языкахъ, тамъ ритмъ опредѣляется удареніемъ, однако съ условіемъ, чтобы сильная часть стопы состояла или изъ долгаго слога или изъ двухъ слоговъ, короткихъ или короткаго и долгаго; гдѣ ощутительны обѣ причины долготы слоговъ независимо отъ ударенія, но отношеніе между долгими и короткими слогами не кратно (не раціонально), т. е. долгота не равняется двумъ краткостямъ, какъ въ языкахъ сербо-хорватскомъ, чехословацкомъ, мадярскомъ, главной основой ритма служитъ удареніе, но на ряду съ нимъ и долгота можетъ сама по себѣ занимать сильную часть стопы; гдѣ при наличности обоихъ родовъ долготы долгота, по крайней мѣрѣ,

въ извѣстномъ положеніи между краткостями, равняется двумъ краткостямъ, а удареніе выдыхательное или пѣвуче-выдыхательное, какъ въ языкахъ арабскомъ (древнемъ), персидскомъ, афганскомъ и сѣверныхъ индѣйскихъ (hінді и урду), тамъ удареніе непригодно для ритма; въ языкахъ съ тѣми-же свойствами, но съ удареніемъ существенно пѣвучимъ, какъ у древнихъ Индѣйцевъ, Грековъ и Латинянъ, возможенъ ритмъ исключительно на основѣ разницы между долготой и краткостью, и при томъ въ такомъ разнообразіи, какое недоступно языкамъ, хотя-бы и не менѣе чувствительнымъ къ количественности, но сильнѣе напирающимъ на ударяемые слоги.

Въ первыхъ четырехъ разрядахъ языковъ, т. е. тѣхъ, въ которыхъ ритмъ опредѣляется удареніемъ, нѣкоторая примѣсь пѣвучести къ ударенію, въ основѣ выдыхательному, тѣмъ менѣе способна помѣшать его ритмическому значенію, что высота не связана съ ихъ удареніемъ неразрывно; напр. въ томъ-же русскомъ словѣ «собáка», если оно произносится въ смыслѣ вопроса, выражающаго удивленіе, ударяемый слогъ можетъ быть или одной высоты съ первымъ или ниже его на одну ступень и ниже послѣдняго на пять ступеней (сексту); по-нѣмецки главное удареніе бываетъ не только выше второстепеннаго и неударяемаго на три ступени, но при говорѣ на распѣвъ, какъ у Саксонцевъ, понижается сравнительно съ прочими слогами на пять ступеней; по-шведски (не въ Финляндіи) главное удареніе состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ вторая, содержится-ли она въ томъ-же слогѣ или въ слѣдующихъ, ниже первой на одну ступень, а второстепенное удареніе выше второй части главнаго на четыре. И такъ языки по свойству ударенія, по наличности или отсутствію количественности слоговъ и по отношенію долготы къ краткости распадаются съ точки зрѣнія ритма на количественные, качественные и смѣшанные. Такъ какъ для ритма нужны сильныя и слабыя части подлежащаго ему вещества (τοῦ ῥυθμιζομένου), въ словѣ должны соотвѣтствовать сильнымъ частямъ ритма сильные слоги, т. е. тѣ, которые могутъ имѣть значеніе слоговъ ритмически ударяемыхъ. Въ языкахъ качественныхъ такими являются слоги разговорно-ударяемые, потому что удареніе этихъ языковъ и обусловлено силою выдыханія, а въ языкахъ количественныхъ ритмическое удареніе принимаютъ на себя слоги долгіе, поставленные въ опредѣленное соотношеніе съ короткими, или короткіе, соединенные по-два и такимъ-же образомъ сопоставленные съ другими короткими (послѣднее невозможно не только въ такихъ языкахъ, какъ сербскій и чешскій, но и въ такихъ, какъ арабскій или персидскій). Въ языкахъ смѣшанныхъ можно было-бы, разсуждая отвлеченно, ожидать дѣленія на преимущественно качественные и на преимущественно количественные, но въ дѣйствительности языки второго рода едва-ли встрѣчаются,

потому что преобладаніе числа ритмическихъ удареній на долгихъ слогахъ надъ числомъ ритмическихъ удареній на слогахъ разговорно ударяемыхъ такъ пріучаетъ слухъ къ различію сильныхъ и слабыхъ частей стопы по длительности, т. е. напр. къ чередованію ⊥⏑⊥⏑⊥⏑⊥⏑ и т. д., и такъ ослабляетъ въ ощущеніи ритмическое значеніе разговорно-ударяемыхъ короткихъ слоговъ, что ритмическая строка ⊥⏑⊥⏑́⏑⊥⏑ или ⊥⏑́⏑⊥⏑⊥⏑ (гдѣ | ритмическое удареніе, а ′ — разговорное) не можетъ показаться правильной. Другое дѣло языки преимущественно качественные, привыкшіе къ совпаденію ритмическаго ударенія съ разговорнымъ, однако не утратившіе чутья и къ долготѣ, которая, задерживая на себѣ голосъ, производитъ впечатлѣніе если не сильнаго времени, то и не такого слабаго, какъ неударяемая краткость: въ нихъ строка въ родѣ ⏑́⏑⏑́⏑⏑́⏑⊥⏑ или ⏑́⏑⏑⏑⊥⏑⏑ не приводитъ слушателя въ недоумѣніе относительно ритма.

Каково было стихосложеніе Индоевропейцевъ до распаденія ихъ на племена, мы не знаемъ, но можно поручиться за то, что основой ему служилъ не отвлеченный счетъ слоговъ, а ритмическія средства языка, каковы-бы ни были они и какъ-бы несовершенно ни примѣнялись. Во всякомъ случаѣ, если это доисторическое стихосложеніе перешло въ отдѣльные индоевропейскіе языки, оно оставалось въ каждомъ изъ нихъ лишь до тѣхъ поръ, пока данный языкъ сохранялъ праязычныя ритмическія средства, но какъ только длительность, высота и сила его звуковъ подвергались измѣненіямъ въ степени и въ распредѣленіи, онъ неизбѣжно бывалъ вынужденъ усвоить себѣ другой складъ стиховъ, какъ уже въ историческія времена греческій языкъ, утративъ опредѣленное различіе длительности слоговъ и замѣнивъ свое нѣкогда пѣвучее удареніе выдыхательнымъ, перешелъ отъ количественнаго стихосложенія къ качественному и еще позже въ романскихъ языкахъ, въ основѣ своей качественныхъ, происшедшихъ изъ латинскаго, существенно количественнаго, водворился качественно-слоговой складъ. Потому нечего и думать о какой-то наукѣ сравнительнаго стихосложенія индоевропейскихъ языковъ. Если такая наука мыслима, то съ точки зрѣнія не исторіи, обусловленной взаимнымъ родствомъ, а физіологіи рѣчи и отчасти въ цѣляхъ изслѣдованія культурныхъ вліяній. Но такому сравнительному изученію разныхъ видовъ стихотворнаго склада не за чѣмъ ограничиваться индоевропейскими языками.

Иначе обстоитъ дѣло съ доисторическимъ стихосложеніемъ одного какого-нибудь отдѣла языковъ до его распаденія. Нельзя сомнѣваться напр. въ томъ, что стихосложеніе общегерманскаго праязыка было въ главныхъ чертахъ таково-же, какъ древне-нѣмецкое и древне-скандинавское, т. е. вольное качественное. Съ меньшей увѣренностью, однако не

безъ значительной вѣроятности можно предположить, что стихосложеніе индо-иранскаго праязыка походило на то, которое мы находимъ въ Ведахъ, въ Магабхаратѣ и въ другихъ повѣствовательныхъ и учительныхъ памятникахъ санскрита, т. е. вольное количественное съ долготами то кратными, то некратными, гдѣ одна и та-же стопа могла быть представлена слогами ⊥⏑ $(2+1=3)$, ⏑́⏑⏑ $(1+1+1=3)$, ⊥ – $(1\frac{1}{2}+1\frac{1}{2}=3)$, ⊥⏑⏑ $(1\frac{1}{2}+\frac{3}{4}+\frac{3}{4}=$ $=3)$, ⏑́⏑– $(\frac{3}{9}+\frac{3}{9}+1\frac{1}{2}=3)$, а въ приступѣ передъ ритмически ударяемой долготой –̇ даже ⊥⏑– $(1\frac{1}{3}+\frac{1}{3}+1\frac{1}{3}=3$, если не съ излишкомъ)[6]. О праславянскомъ стихосложеніи можно сказать рѣшительно лишь одно — что въ основѣ его лежала не количественность. Заключить это позволительно 1) изъ полнаго отсутствія количественнаго стихосложенія въ славянскихъ языкахъ и 2) изъ уже сильно развитой наклонности общеславянскаго языка къ сокращенію долгихъ гласныхъ (см. А. А. Шахматовъ, Къ исторіи звуковъ русскаго языка стр. 48—56, откуда, по видимому, можно вывести, что у Славянъ во время ихъ единства долгота удерживалась фонетически только въ тѣхъ слогахъ, гдѣ двѣ ея части различались по высотѣ или по силѣ, напр. — если изобразимъ долготу двойной буквой — *ду́у̀шѫ, *виѝно́, *но́сѝить, *носѝйте и т. п., да и то не въ конечномъ открытомъ слогѣ, какъ вода́ изъ древнѣйшаго *вода̀а́ ср. греч. χαρά = kharàá). Что въ тѣхъ изъ славянскихъ языковъ, которые различаютъ долготу и краткость, число долготъ увеличилось вслѣдствіе стяженій, утраты слогового значенія глухими, положенія передъ нѣкоторыми сочетаніями согласныхъ, переноса ударенія назадъ, доказано изслѣдованіями Лескина, Ягича, Чернаго и др., къ которымъ въ новѣйшее время присоединился С. М. Кульбакинъ со своимъ трудомъ «Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка». И не смотря на очень значительное число долготъ въ языкахъ чешскомъ и сербо-хорватскомъ, опыты сложенія стиховъ по древне-греческимъ образцамъ остались и тамъ и здѣсь доказательствами того, что при учености и терпѣніи нѣкоторымъ, самымъ простымъ греческимъ размѣрамъ подражать — по крайней мѣрѣ, по-чешски — возможно, но для того, чтобы наслаждаться этими подражаніями, нужны со стороны читателя тѣ-же ученость и терпѣніе, которыя еще въ добавокъ далеко не всегда бываютъ вознаграждены: то онъ сбитъ съ толку короткимъ ударяе-

---

6) Ср. древнѣйшее латинское стихосложеніе, допускавшее напр. такіе стихи (Ter. Eun. 692):

Respondeat. Roga. Venisti hodie ad nos? negat,

т. е. по приблизительному подсчету длительности слоговъ въ этой связи

$$\frac{3}{2}+|2+1+\frac{3}{2}+\frac{1}{2}+1+|\frac{3}{2}+\frac{3}{2}+\frac{3}{4}+\frac{3}{4}+\frac{3}{2}+|2+1+2.$$

мымъ слогомъ, поставленнымъ на мѣсто законной долготы, то недоумѣваетъ, принять-ли ему сочетаніе согласныхъ за достаточную причину для долготы или пренебречь имъ, то не знаетъ, какъ измѣрить односложное слово, то сомнѣвается, сохранить-ли за слоговыми r и l ихъ слоговое значеніе или приравнять ихъ къ прочимъ согласнымъ, то колеблется передъ ě послѣ губной, не сразу догадываясь, долженъ-ли онъ признать предшествующій слогъ за долгій, какъ училъ Нидерле, или за короткій (ср. Král, o prosodii české въ Listy filologické за 1892 и 1893 г.). Это и понятно при шаткости отношенія между долготою и краткостью въ чешскомъ языкѣ (см. J. Král a F. Mareš, Trvání hlásek a slabik dle objektivné míry тамъ-же 1893 г.). Въ сербо-хорватскомъ языкѣ это отношеніе при точныхъ изслѣдованіяхъ, можетъ быть, оказалось-бы устойчивѣе, особенно въ слогахъ ударяемыхъ, напр. вра̑н и вра̏на, гла̑с и гла̀сни̑к, гла́ва и гла̀вица. Веберъ (Ткальчичъ) утверждаетъ даже, что, какъ пишетъ онъ, mnogo vȍjnīkāh, dōsta dȁsākah (по Вуку: мно̏го војни́ка̄, до̏ста даса́ка̄) и т. п. звучатъ «въ естественномъ говорѣ» такъ, что слоги ni и sa превосходятъ силою остальные (Rad XL стр. 41); но, если это вѣрно, трудно понять, какъ можетъ онъ одобрять напр. такой гексаметръ (тамъ-же стр. 40):

Около гле̏дни и сву̏д а̏х ја̏ӯк чу̏т ће̑ш и ле̏ле̄к,

въ которомъ ритмическое удареніе трижды основано только на разговорномъ, а долгота въ пятой стопѣ идетъ за краткость. Правда, все это какъ-то согласуется съ его ученіемъ о сербскомъ гексаметрѣ, но оно не менѣе отзывается личнымъ вкусомъ и личнымъ выговоромъ, нежели правила Трнскаго или Суботича (Наука о србском стихотворству). А личный или мѣстный выговоръ много значитъ: кто ¯̀ произноситъ пѣвуче, тому легче отнять у него ритмическое значеніе, чѣмъ другому, кто отличаетъ ¯̀ отъ ¯̏ только меньшимъ напоромъ выдыханія, не говоря уже о тѣхъ Сербахъ, которые смѣшиваютъ эти ударенія; а если мы при этомъ примемъ въ расчетъ сокращеніе конечныхъ слоговъ, сильно распространенное въ Сербіи, то должны будемъ допустить, что напр. кра̀љицē можно употребить и за анапестъ и за дактиль или, пожалуй, и за кретикъ (по Веберу чуть-ли не именно такъ). Произвольнымъ кажется непризнаніе долготы по положенію: кр̏ст, ужъ конечно, дольше, чѣмъ кр̏т, а пр̏ст едва-ли короче, нежели пр̑т, и по-чешски milostivý звучитъ такъ, что человѣку, привыкшему только къ неколичественному языку, ударенія слышатся не на первомъ и третьемъ слогахъ, гдѣ ихъ произноситъ Чехъ, а на второмъ и на четвертомъ [7]). Что сербскіе и хорватскіе гексаметры суть лишь трудная и не-

7) Чешскаго музыканта Ба́бушку (Babuška) въ Москвѣ звали Бабу́шкой, утверждая, что онъ самъ такъ выговариваетъ свое имя.

удачная ученая выдумка, ясно изъ самой ихъ рѣдкости. У Чеховъ количественные гексаметры и другіе греческіе размѣры встрѣчаются гораздо чаще и выходятъ понятнѣе, однако человѣкъ не предупрежденный и не предубѣжденный даже въ такомъ образцевомъ гексаметрѣ, какъ

⊥ ⏑ ⏑| ⊥ ⏑ ⏑| ⊥|| ⏑ ⏑| ⊥ ⏑ ⏑| ⊥ ⏑ ⏑| ⊥ –
Louka kosou sečená voňavé tady zápachy dává

Винаржицкаго прочтетъ первую половину такъ-же, какъ

Šly tři hezké silnicí,

по ритму, опредѣляемому разговорнымъ удареніемъ. Нѣсколько понятнѣе строй количественныхъ стиховъ у Мадяръ, обладающихъ не только весьма значительными долготами, но и подчеркивающихъ ихъ отличіе отъ краткостей качественною разницей, особенно рѣзкой въ a (=å) и á (=ā), e (=e открытому) и é (=ē сильно закрытому). Однако нѣкоторая неясность и неустойчивость ритма есть общій удѣлъ такихъ языковъ, которые обладаютъ выдыхательнымъ или хоть полу-выдыхательнымъ удареніемъ и количественностью, независимой отъ него, но неопредѣленной и шаткой: въ нихъ удареніе разговорное, тождественное по своей природѣ съ ритмическимъ, мѣшаетъ основать ритмъ на количественности, а долгота, привлекая на себя ритмическое удареніе, затрудняетъ теченіе ритма, опредѣляемаго удареніемъ разговорнымъ. Потому такимъ языкамъ, оснуютъ-ли они свое стихосложеніе на одномъ разговорномъ ударенiи или, въ случайной смѣнѣ съ нимъ, и на долготѣ, приходится ограничить свой стихотворный складъ лишь простѣйшими видами ритма, а именно состоящими изъ двусложныхъ или, пожалуй, четырехсложныхъ стопъ, но непремѣнно съ удареніемъ черезъ слогъ, т. е. трохеями и ямбами. Народное творчество такъ и поступаетъ, уклоняясь отъ этого правила только при подражаніи иноязычнымъ образцамъ. Въ двусложныхъ стопахъ и разница между долготою и краткостью на столько слышнѣе, чѣмъ въ трехсложныхъ, что чисто-количественные трохеи и ямбы удаются Чехамъ и Мадярамъ очень недурно (Сербы и Хорваты, кажется, не производили такихъ опытовъ).

И такъ обще-славянское стихосложеніе не было количественнымъ, а должно было для осуществленія ритма, по которому слагались тогдашнія пѣсни, пользоваться разговорнымъ удареніемъ, хотя, можетъ быть, и допускало тамъ и сямъ долгіе слоги въ качествѣ носителей ритмическаго ударенія. Простѣйшій изо всѣхъ мыслимыхъ стиховъ есть ⏑́⏑⏑́⏑|⏑́⏑⏑́⏑, т. е. двѣ стопы въ $\frac{4}{8}$ или, что̀ то-же, въ $\frac{2}{4}$. Такіе стихи есть чуть-ли не у всѣхъ народовъ земного шара, говорящихъ съ выдыхательнымъ удареніемъ, а у перво-

бытныхъ Славянъ ихъ можно предполагать тѣмъ болѣе, что они встрѣчаются въ народной поэзіи всѣхъ нынѣ существующихъ славянскихъ племенъ, напр. по-великорусски:

Пóлно, дрёмушка, дремáти,

по-малорусски:

У сусíда хáта бíла,

по-бѣлорусски:

Сѣ́ю, вѣ̆ю конопéльки,

по-сербски:

Кȍњ јунáка ȍставио,

по-болгарски:

Пáсалъ ќ Стоя́нъ телцú-тѣ,

по-словѣнски:

Tȏ s' je vóščil túrški bȃša,

по-чешски:

Kdo to chodí po hřbitově,

по-словацки:

Seděla pod borovičkú [8]),

по-польски:

Na podołu biały kamień,

по-лужицки:

Wšitcy panja z wójny ća'nu.

Послѣдній слогъ можетъ быть откинутъ и въ пѣніи замѣненъ соотвѣтственной передышкой или протяженіемъ предшествующаго слога:

в. р. Я постáвила кисéль.

м. р. Вúйшли в пóле косарí.

б. р. Ой ты, гáлинькій цвятóкъ!

---

8) Впрочемъ поется въ иномъ ритмѣ:

⊥ ⏑ | ⊥ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ .

Пользованіе такими примѣрами вызывается иногда просто случайнымъ отсутствіемъ лучшихъ, но въ подобномъ примѣненіи не есть такой подлогъ, какъ это кажется: ритмъ, указанный въ текстѣ, данъ разговорнымъ удареніемъ и потому естественъ до такой степени, что при стихахъ того-же склада всегда можно его ожидать въ другихъ такихъ пѣсняхъ. Недостатокъ въ подручныхъ примѣрахъ былъ одною изъ причинъ и того, что ниже различные размѣры подтверждены не изо всѣхъ славянскихъ языковъ; но такое подтвержденіе едва-ли и нужно.

срб. Ста̏де сла̀вӯј пе̏вати.
слов.[9]) V čȓni góri bêli grâd.
луж. Dobry wečor, maćerka

и т. п. Отпасть можетъ и еще одинъ изъ послѣднихъ слоговъ, но въ пѣніи первоначальная продолжительность двустопнаго стиха возстановляется продолженіемъ или передышкой такъ:

⏑́⏑⏑̀⏑|⊥⏑̀

или такъ:

⏑́⏑⏑̀⏑|⏑́⏑̀(⏑),

напр.

в. р. Зва́ли, зазыва́ли.
м. р. Го́ре-ж минї, го́ре.
срб. Кра̑љу, све̑тлӣ кра̑љу.
слов. Čêla je letéla.
чеш. Za našima humny.
пол. Śpiéwa słowik, śpiéwa.
луж. Wujeřoveskej zemi.

Усѣченія такого осьмисложнаго, ритмически двустопнаго стиха о четырехъ удареніяхъ — двухъ главныхъ и двухъ второстепенныхъ — могутъ идти и далѣе, т. е. до ⏑́⏑⏑̀⏑|⊥(⏑̀) и даже ⏑́⏑̀|⊥(⏑̀), но это уже не самостоятельные стихи, а лишь вторыя части стиховъ, употребительныя только у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ и потому, можетъ быть, и чуждыя общеславянскому стихосложенію (ср. вообще L. Zima, Nacrt naše metrike narodne obzirom na stihove drugih naroda o osobito Slavenâ въ Rad XLVIII 170—221 и XLIX 1—64 и его-же I opet o metrici narodnich pjesama тамъ-же XCIII 197—235). А что стихи состояли у Славянъ искони, по малой мѣрѣ, изъ двухъ частей или соединялись въ пѣніи по-два и по-три, слѣдуетъ не только изъ наличности этого явленія въ народномъ творчествѣ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, но также изъ музыкальной необходимости: самый напѣвъ слагается не менѣе чѣмъ изъ двухъ такъ называемыхъ предложеній (у Грековъ κῶλον) — повышенія и пониженія, вопроса и отвѣта. Эти части составляютъ вмѣстѣ музыкальную фразу (у Грековъ περίοδος), которая иногда исчерпываетъ собою напѣвъ, иногда связывается съ другою фразой, въ которой разработывается и развивается тотъ-же напѣвъ, и это соединеніе у насъ по недоразумѣнію или подъ вліяніемъ

9) Т. е. по-словѣнски (а не по-словацки), какъ и ниже.

принятаго музыкантами изъ грамматики слова «предложеніе», называется періодомъ (у Грековъ στροφή или, какъ часть строфы, σύστημα). Соединенію двухъ стиховъ въ одно музыкальное цѣлое нѣмецкіе писатели по стихосложенію придали названіе Langvers или Langzeile. Связанные такимъ образомъ два стиха часто, но далеко не всегда снабжаются примѣтами, указывающими на ихъ сопринадлежность къ одному цѣлому. Таковы различное число слоговъ, а иногда и стопъ, присутствіе безударнаго приступа въ одномъ стихѣ и отсутствіе этой прибавки въ другомъ, въ позднѣйшія времена — созвучіе концевъ (ассонансъ и риѳма). Можно догадываться, что нѣкоторыя изъ такихъ соединеній, со внѣшними примѣтами или безъ нихъ, были извѣстны Славянамъ еще въ пору ихъ нераздѣльности, напр. полный стихъ ◡◡◡|◡◡◡ дважды:

в. р. Изъ-подъ ду́ба, изъ-подъ вя́за, изъ-подъ вя́зова коре́нья,
м. р. Танцюва́ла ри́ба з ра́ком, а петру́шка з пустерна́ком.
срб. Ни̏т ōн ȍрē, ни̏т ōн плу̏жӣ, вȅћ за дра̄го̄м ми̏ло ту́жӣ.
слов. Àl me bôš kaj ráda 'mêla, ko bôm nósil sûknjo bélo.
чеш. Uliánka, čistá panna, u Dunaja šaty prala

и т. п. Такъ-же и урѣзанный ◡◡◡|◡◡(◡) или, въ пѣніи, ◡◡◡|◡◡:

в. р. Дру́женька хоро́шенькій, дру́женька приго́женькій.
м. р. Ой, к в ме́не ча́роньки: бі́ле ли́чко, бро́воньки.
срб. Нѐмōјте ме стре́љати: ја̑ ћу ва̏ма пѐвати.
слов. Mója lánjska ljûbica, ki me nóčeš ljúbit vèč.
чеш. A já jednu miluju, a druhé zas slibuju.
луж. Teptana jo šćažcycka; chtóga ju jo huteptał?

Вдвойнѣ урѣзанный или, ритмически, стянутый въ концѣ ⊥◡◡ | ⊥– или ⊥◡◡ | ◡–:

в. р. До́бры ко́ни то́нутъ, мо́лодцы томя́тся (XVII в.).
м. р. Ой, за га́км, га́км, га́км зелене́ньким.
б. р. А ци до́ма, до́ма, па́не господа́ру?
срб. Цва̏ла јѐси, ро́жа, ли̏по јѐси цва̏ла.
болг. Ка́звай, До́нке, ка́звай, що́ си съгрѣши́ла.
слов. Kítica zelêna, rôžica rumêna.
чеш. Já ji koupil pentli barvy proměňavé.

пол. Świeci miesiąc, świeci   i nie długo zgaśnie.
луж. We tej našej brózni   šjere mósje pišča.

Соединятся и стихи разной длины: ⏑́⏑⏑⏑ | ⏑́⏑⏑⏑ + ⏑́⏑⏑ | ⏑́⏑⏑, напр.:

в. р. Ѣхалъ пóваръ на чумúчкѣ,   двѣ́ кастрю́ли впередú.
слов. Dávi pà je slánca pála   na zelêne trávnike.
луж. Hólčik jjedže pó -wsy delje,   holčo dźeše po wodu [10]).

и т. п., но все въ пѣсняхъ новыхъ и отчасти искусственныхъ, потому что послѣдовательное чередованіе стиховъ одного и того-же ритма и отличающихся другъ отъ друга только присутствіемъ или отсутствіемъ одного безударнаго слога въ концѣ чуждо старой народной пѣснѣ. Другое дѣло — сокращеніе большее, слога на-два, при которомъ стихъ, по крайней мѣрѣ, въ разговорномъ произношеніи теряетъ свое послѣднее удареніе, напр.

в. р. Во саду́-ли, въ огородѣ   дѣвица гуля́ла.
м. р. Шли́ корóви из дубрóви,   а овéчки з пóля.
срб. Бо̀сиоче, бо̀сиоче,   у̏ ширину рáсти.
слов. Žôlta vtíca lépo póje   dòl pod bêlim grâdom.
пол. Otóż tobie, moja córko,   na pamiątkę daję

или:

м. р. Ой летíла зозу́ленька   через пóле, гáй.
срб. Jào, жȅно, жи̑ва̑ жȅљо,   дȁ што ħу ти jа̑? [11]).
слов. Rôža cvéla, rôža cvéla   blízu Dúnaja.
пол. Ożenił się stary z młodą,   razem poszli spać [12])

или:

м. р. Ой, у пóлї кринúченька —   вúдно днó.
словацк. Ešče sa vás, mámušečko,   spytat mám.

Такъ-же съ урѣзаннымъ на слогъ первымъ стихомъ или, точнѣе, полустишіемъ, за которымъ слѣдуетъ передышка:

---

10) Въ пѣніи размѣръ ⏊ ⏑ ⏑ ⏊ | ⏊ ⏑ ⏑ ⏊ | ⏊ ⏑ ⏑ ⏊ | ⏊ ⏑ ⏊ (Smoleŕ i Haupt I, LXV).
11) Ср. Hektorović, Ribanje, ст. 229—232.
12) Въ языкахъ, пользующихся слоговымъ стихосложеніемъ, не всегда было возможно пріискать примѣры безукоризненно ритмическія. Впрочемъ ниже будетъ выяснена зависимость слогового стихосложенія отъ стопнаго.

в. р. Ой, спаси́бо-же тебѣ́, си́нему кувшину[13]).
м. р. Чи́ я му́жу не жона́, чи́ не господи́ня?
срб. Да̏рове је спре́мила за сва̏ког јуна́ка.
слов. Kádar bȍš ti vȃndrat šèl, prídi mén' povéjdat.
пол. Musiał księdzu grzywnę dać, marmurową świécę.

Должно впрочемъ замѣтить, что въ пѣсняхъ чисто народныхъ число слоговъ перваго полустишія рѣдко выдерживается не только при разницѣ между полустишіями всего на одинъ слогъ, о чемъ сказано выше, но и при болѣе значительной, а именно первое полустишіе одной и той-же пѣсни можетъ являться въ видѣ то ◡◡◡ | ◡◡◡, то ◡◡◡ | ◡−, то ◡◡◡ | ⊥− безо всякаго порядка. Поучительно сравнить первые стихи двухъ сходныхъ между собою галицкихъ пѣсенъ — польской:

Jasia konia poił, Kasia wodę brała.
Jaś sobie zaśpiéwał, Kasia zapłakała.
«Nie płacz, Kasio, nie płacz, dosyć tego płaczu:
Pójdziesz do Jasiunia gdyby do pałacu

и малорусской:

Коза́к коня́ напова́в, Дзю́ба во́ду бра́ла.
Коза́к собі́ заспі́вав, Дзю́ба заплака́ла.
«Не пла́ч, Дзю́бо моя́ лю́ба, до́кіль я з тобо́ю;
Як поі́ду на Вкраї́ну, запла́чеш за мно́ю,

которыя допускаютъ одинъ и тотъ-же напѣвъ. Попадается такое разнообразіе и во второмъ полустишіи, напр. у Малорусовъ-же, но несравненно рѣже. Тѣмъ замѣчательнѣе выдержанность очень употребительной строфы, которой первый, второй и четвертый стихи усѣчены, а третій сохраняетъ всѣ восемь слоговъ:

---

13) Этотъ размѣръ, какъ и предъидущій, по видимому, зашелъ въ Великую Россію изъ Малой, почему они и являются часто въ слоговомъ строѣ, напр. въ пѣснѣ (Пальчиковъ, Крестьянскія пѣсни № 110):

Какъ со ве́чера рябину до́ждичкомъ мочило

далѣе поется:

Танцу́й, дѣвка, танцу́й, кра́сна, танцу́й веселенько,

что̀ похоже на простой переводъ съ малорусскаго

Танцюй, дівко, танцюй, серце, танцюй веселенько.

Пустѝ менѐ ма́ти,   в по́ле жи́то жа́ти;
Бу́ду, ма́ти, жи́то жа́ти,   до́леньки шука́ти.
Czysta woda, czysta,   tam koniki piją,
Tam si stoi ładna panna,   tam się chłopcy biją[14])

или:

Na té louce zelení   pásou se tam jeleni;
Páse jich tam mysliveček   v kamizolce zelení,

также посредствомъ повторенія стиха:

Teče voda studená,   teče voda studená
K nejmilejší do dvorečka,   k nejmilejší do dvora.

Первая изъ этихъ строфъ есть и у Литовцевъ;

Аугино мочіутѐ   трис јаунас дукрялѐс.
Oj ку̑ варду дуктерѐлѐс,   мочіутѐс дукрялѐс?

и т. д. — пѣсня изъ 12 строфъ, въ сборникѣ Ф. Ѳ. Фортунатова и Вс. Ѳ. Миллера № XXVIII. Причина такого неравенства стиховъ можетъ заключаться въ какихъ-нибудь особенностяхъ соотвѣтствующей имъ пляски. Впрочемъ основа такого построенія строфы не только не славяно-балтійская, но и не славянская, какъ видно напр. изъ того, что оно встрѣчается въ стихотвореніи англійской королевы Елисаветы, состоящемъ изъ своеобразнаго сочетанія стиховъ обыкновенной англійской балладной строфы:

The doubt of future foes
Exiles my present joy;
And wit me warnes to shun such snares,
As threaten mine annoy

---

14) Но во второй строфѣ того-же краковяка всѣ стихи равны:

«Nie bijcie się, chłopcy,   dla Boga świętego:
Nie pójdę za wzystkich,   tylko za jednego.

То-же явленіе въ другомъ краковякѣ:

Siwy konik, siwy,   malowane sanki,
A ja siadę i pojadę   do swojéj kochanki.
Cztery mili lasu   jadę bez popasu,
Piąta mila — pola,   gdzie kochanka moja.

Оба эти краковяка сообщены мнѣ А. Е. Крымскимъ при слѣдующей припискѣ: «Обідві пісні відомі міні з дитячих літ. Чи були вони де оголошені друком, не знаю».

и т. д. (Thomas Percy, Reliques of ancient english poetry. Vol. 2 p. 169 Tauchn.).

Число слоговъ меньшее числа ритмическихъ единицъ (временъ, χρόνοι), составляющихъ стопы, возможно не только въ концѣ стиховъ, но и внутри ихъ. Примѣры тому мы видѣли выше у Германцевъ и Грековъ, также у Лужичанъ и Словѣнцевъ; но есть ихъ не мало и у другихъ Славянъ, особенно у Русскихъ. Первоначальный стихъ ◡́◡◡ | ◡́◡◡ и даже ◡́◡◡ | ◡́◡– рѣдко является у Великорусовъ и Бѣлорусовъ въ чистомъ видѣ, а по большей части со стяженіями, напр. въ общей обоимъ веснянкѣ:

А мы про́со сѣ́яли, сѣ́яли,

которой у Малорусовъ соотвѣтствуетъ (А. Метлинскій, Народныя южнорусскія пѣсни, стр. 296):

Ой, ми по́ле о́ремо, о́ремо,

и таковъ-же обыкновенно этотъ сложный стихъ у Малорусовъ и въ другихъ пѣсняхъ, напр.

Кукурі́ку, пі́внику, на току́.

Кромѣ того для пониманія строя русскихъ стиховъ необходимо замѣтить, что въ нихъ 1) ритмическіе ряды ◡́◡◡ | ◡́◡◡ соединяются по-два такъ тѣсно, что граница между двумя такими рядами, составляющими одинъ сложный стихъ (Langvers, περίοδος), не совпадаетъ обязательно съ концемъ первой стопы, напр. (А. И. Соболевскій, Великорусскія народныя пѣсни, VII, 67):

Ши́ла, вышива́ла то́нки бе́лы рукава́

и ниже въ той-же пѣснѣ:

Хва́сталъ онъ, нахва́стывалъ бога́чествомъ свои́мъ;

2) такой-же двусложный или односложный безударный приступъ, какой вслѣдствіе неточнаго разграниченія двухъ членовъ сложнаго стиха образуется передъ вторымъ членомъ, часто прибавляется и къ началу перваго, напр.

Ахъ, у́сыньки, усы́ да удалы́е молодцы́.
А хозя́йка-то божится: «Ни полу́шки за душе́й»;

3) стихъ ⏑⏑⏑ | ⏑⏑⏑ подводится подъ одно главное удареніе и образуетъ одну стопу ⏑⏑⏑⏑⏑⏑, напр.

Ахъ вы, сѣ́ни, мои́ сѣ́ни, сѣ́ни но́выя мои́.

Соединеніе этихъ трехъ условій даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію строя такихъ вольныхъ, но ритмически правильныхъ сложныхъ стиховъ, каковы слѣдующіе:

Во сто́льномъ го́родѣ Кі́евѣ,
У ла́скова кня́зя Влади́міра
Было пирова́нье, поче́стный пи́ръ,
Было столова́нье, поче́стный сто́лъ
На мно́ги кня́зи, бо́яра
И ру́сски могу́чи бога́тыри.

Особый видъ этого стиха допускаетъ въ концѣ еще большее стяженіе:

Спла́чется ма́ла пти́чка,
Бѣ́лая пелепѣ́лка:
«О́хте, мнѣ́, молоды́, горева́ти:
Хотя́тъ сы́рый ду́бъ зажига́ти»

и т. д. (XVII в.). Возможенъ тотъ-же конецъ и съ постоянной передышкой: ⏑⏑(⏑). Отсюда сильно урѣзанный стихъ ⏑⏑ | ⏑⏑⏑⏑⏑⏑ | ⏑, который впрочемъ измѣряется чуть-ли не всегда вдвое болѣе короткими стопами, вѣроятно, во избѣжаніе черезчуръ долгой передышки, и лишенъ сѣченія (цезуры) по серединѣ:

Ты поди́, моя́ коро́вушка, домо́й [15]).

Тамъ-же со стяженіями:

Ужь какъ всѣ́ мужья́ до жё́нъ добры́.
Онъ купи́лъ мнѣ́ коровушку.

15) Издатель, акад. А. И. Соболевскій, замѣчаетъ (VII стр. 137): «Пѣсня, можетъ быть, искусственная». Почему? Складомъ и напѣвомъ она совершенно сходна съ величальною «Ужь и не́ было тако́го молодца́», а въ языкѣ не содержитъ ничего хоть сколько-нибудь подозрительнаго.

Въ другой пѣснѣ (XVII—XVIII в.):

У Спа́са къ обѣ́днѣ звоня́тъ.
Тѣ́ща къ обѣ́днѣ спѣши́тъ.

И въ тѣхъ пѣсняхъ, изъ которыхъ примѣры приведены выше, гораздо больше стиховъ со стяженіями или, въ сѣченіи, съ передышками, чѣмъ полныхъ, напр. въ «Ахъ вы, сѣни»:

Сѣ́ни но́выя, клено́выя, рѣшё́тчатыя.
Зову́тъ Ва́нюшкою пивова́рушкою,

въ «Шила, вышивала»:

За́мужъ-ли идти́, во вдова́хъ-ли мнѣ сидѣ́ть?
За́мужъ не ходи́ и во вдова́хъ не сиди́.

Тамъ-же съ безударнымъ приступомъ:

Пойди́, дитя́ ми́лое, въ дѣви́чій монасты́рь.
Посидѣ́нки соберу́ и весе́лье заведу́.

Первоначальный стихъ ◡◡◡ | ◡◡ часто стягивается уже въ самомъ началѣ:

За́инька, попляши́! сѣ́ренькій, поскачи́!

Въ пѣсняхъ протяжныхъ или, иначе, проголосныхъ растяженіе слоговъ доходитъ до того, что напр. изъ стиха

Внизъ по ма́тушкѣ по Во́лгѣ,

въ разговорномъ произношеніи ничѣмъ не отличающагося отъ

А хозяйка-то божится

или отъ

Ахъ вы, сѣни, мои сѣни,

возникаетъ въ напѣвѣ четырех-членный сложный стихъ (περίοδος τετράκωλος)

Вниизъ по маатуш- кѣѣ по Воо- оооооол- гѣ,

а изъ слѣдующаго за нимъ

По ширóкому раздóлью —

трех-членный (περίοδος τρίκωλος):

По широоко- муу раздооо- оооль-ю.

Стихъ обычнаго эпическаго размѣра

Вдоль по мóрю, мóрю сúнему

въ хороводной пѣснѣ развертывается посредствомъ протяженія и повтореній въ два стиха:

Вдоль по-о морю (дважды),
Вдоль по морю, морю си- инему

и т. п. вплоть до повторенія отдѣльныхъ слоговъ или частей словъ. Такое отношеніе къ рѣчи словно къ подставкѣ для напѣва или къ руслу, по которому онъ течетъ, отличающее также персидское пѣніе, стало возможно лишь тогда, когда не только произошло полное отдѣленіе пѣсни отъ пляски, отъ которой нѣкогда, вѣроятно, зависѣлъ ея строй, но и напѣвъ получилъ на столько самостоятельное значеніе, что, хотя пѣніе не могло обходиться безъ словъ, чтò свойственно лишь инструментальной музыкѣ, однако пѣвецъ уже считалъ дозволеннымъ свободно пользоваться словами пѣсни для показанія своего искусства во всей его широтѣ. Такое обращеніе съ пѣсенной рѣчью, свидѣтельствующее о высокомъ развитіи пѣнія, не можетъ быть принадлежностью отдаленной, безъискусственной старины, а потому при догадкахъ о временахъ славянскаго единства безопаснѣе придерживаться пѣсенъ, наиболѣе простыхъ и упорядоченныхъ въ своемъ ритмическомъ движеніи, т. е. преимущественно эпическихъ, исполненіе которыхъ по самому ихъ содержанію должно бережно относиться къ словамъ, и плясовыхъ, отличающихся рѣзкой опредѣленностью ритма. Указанными выше стихотворными размѣрами далеко не исчерпывается ритмическое богатство великорусской старинной пѣсни, но для выясненія ея внѣшняго строя въ общихъ чертахъ довольно и сказаннаго. Старинная пѣсня Бѣлорусовъ складывается такъ-же до мелочей; есть въ ней напр. и широко распространенная въ великорусскомъ пѣснопѣніи энклиза:

Изъ подъ лѣсу, лѣсу цёмнаго
Ишлá тýчка волочóбная

и т. п. У Малорусовъ пѣсни такого склада встрѣчаются гораздо рѣже, но все-таки встрѣчаются, и при томъ — а это очень знаменательно — особенно между обрядовыми, какова «Петрівочна» (Метлинскій, стр. 312):

Ма́ла ні́чка Петрі́вочка,
Що не ви́спалась на́ша ді́вочка

или «зажнївна» (тамъ-же, стр. 322):

Розгори́ся, вече́рняя зóря,
перед ра́ннёю стóя;
Прибери́ся, на́ша господи́нька,
перед на́ми жнїя́ми,

изъ «заплачки» (тамъ-же, стр. 292):

Ой, коли́ нам тебе́ сподíва́ться,
Щоб нам ик тобі́ прибра́ться?,

изъ другой (тамъ-же, стр. 293):

Не чу́кш, моя́ родителько,
Не чу́кш ти мене́, моя рідне́сенька?
Одходи́ли твої ні́женьки,
Одроби́ли твої ру́ченьки,
Оддиви́лись твої óченьки

и т. д. съ безпорядочной смѣной двустопныхъ стиховъ въ $^4/_4$ (или четырехстопныхъ въ $^2/_4$) и трехстопныхъ въ $^3/_4$, какъ и въ слѣдующей свадебной (Метл., стр. 211):

Зажури́лась перепе́лочка:
«Бі́дна моя́ та голóвочка,
Що я ра́но из ви́рію ви́летіла!
Нíгде мині́ гнізда́ зви́ти

(съ энклизою) и т. д.

И такъ стихосложеніе этого рода, т. е. качественное, но не стопное въ новѣйшемъ смыслѣ, предполагающемъ выраженіе каждаго ритмическаго времени внутри стиха особымъ слогомъ, мы можемъ смѣло признать общерусскимъ. Слѣды такого стихосложенія попадаются, по видимому, и у Болгаръ; по крайней мѣрѣ, можно такъ прочесть напр. слѣдующую хороводную (К. А. Шапкаревъ, Сборникъ отъ български народни умотворения. Часть третя, стр. 106):

Ми се по́боли неве́шче-то, ја́с, си́ромах!
А од-ошчо? — Ни о́д-нишчо! —
Ми се на́пило три гѫ́рнина благо́-вино, до́-Бога!

и т. д. (ср. также Auguste Dozon, Български народни пѣсни. Chansons populaires bulgares inédites №№ 3, 37, 62, 63, 66, 67, 83, Supplément 5, 6, 11). При такомъ чтеніи, хоть оно, можетъ быть, и не совпадаетъ съ современнымъ намъ напѣвомъ, получается даже тотъ самый размѣръ, который намъ хорошо знакомъ изъ эпическихъ и многихъ плясовыхъ и лирическихъ русскихъ пѣсенъ. Тотъ-же складъ слышится иногда у Болгаръ изъ-подъ излюбленнаго ими осьмисложнаго слогового стиха, напр. (Dozon, № 39):

Да́не ба́не целе́пине,
Да́н ми ба́н ми вино́ пиќ
Со се́ляне, сос кме́тове.
Се́ляне му говóрѣха

и т. д., почти такъ-же, какъ напр. въ великорусской пѣсенкѣ

Ска́четъ га́лка по е́льничку,
Машетъ хвосто́мъ по бере́зничку.

У другихъ Славянъ нечего искать и слѣдовъ такого стихосложенія: одни изъ нихъ сходный съ этимъ въ основѣ складъ стиховъ переняли у Нѣмцевъ, другіе не признаютъ стиха внѣ счета слоговъ. Но каково было ихъ стихосложеніе до иноязычнаго вліянія и до перемѣнъ въ удареніи? какъ слагали свои стихи Сербы и Хорваты ранѣе распространенія штокавскаго выговора и Поляки, Чехи, Лужичане въ то время, когда ихъ удареніе еще не было прикрѣплено однообразно къ такимъ-то мѣстамъ въ словѣ? Можетъ быть — за исключеніемъ равносложности — напр. такъ:

Соко̏лъ гнѣздо̏ ви̏је̄ у јело̏во̄ј гори̏,
У јело̏во̄ј гори̏, на јело̏во̄ј гра̄ни̏.
Соколу̏ дола̏зе̄ из горе̂ јуна̄ци̏…

Производить такіе опыты съ другими изъ названныхъ выше языковъ, древнѣйшее удареніе которыхъ не засвидѣтельствовано памятниками, было-бы ужь совсѣмъ не научно; относительно этихъ языковъ можно лишь на всякій случай, не принимая на себя никакой отвѣтственности за такое указаніе, упомянуть о томъ, какъ легко даже въ ихъ настоящемъ видѣ примѣняется къ нимъ иногда древне-русское стихосложеніе, напр. въ нижне-лужицкой пѣснѣ:

Šłej stej dwje rjednej tam pśi wjazoŕe,
Pśi tom mje wjazoŕe pśi dłymokem.
Nikogo ńejstej tam nadejšłoj,
Ak tog' jadnego pśewjadnika

и т. д., между прочимъ

Posreź teje dłyḿe tam pśijježeštej.

И такъ очень часто именно у Лужичанъ. Случайность-ли это? Правда, стихотворный складъ лужицкихъ пѣсенъ вообще и этотъ размѣръ носятъ на себѣ несомнѣнную печать нѣмецкаго вліянія, но съ другой стороны нельзя не отмѣтить того, что Нѣмецъ слагаетъ стопу такого ритма обыкновенно изъ двухъ или трехъ слоговъ, а Лужичанинъ нисколько не затрудняется четырьмя и кромѣ того гораздо менѣе Нѣмца гоняется за риѳмой и даже за простымъ созвучіемъ гласныхъ. Вообще у Нѣмца, какъ и у всѣхъ Германцевъ, больше наклонности къ куплетному построенію, которое перешло и къ Словѣнцамъ даже въ сравнительно старыя пѣсни, допускающія русское ритмическое измѣреніе, какова въ Водниковомъ сборникѣ пѣсня Brašno:

Mója mêhka čȓna rútica
Pólna bélih je solzâ,
Šópek lôša bôm narédila,
Svój'ga šáplja svîtlega [16].

16) Здѣсь приведена вторая строфа, потому что въ первой есть два сомнительныхъ ударенія.

А складъ рѣчи или, говоря иначе, пѣсенная реторика? У Смолера и Гаупта лужицкія пѣсни переведены нѣмецкими стихами, но даже въ этомъ превосходномъ переводѣ то та, то другая выдаютъ свое славянское происхожденіе. Да и за только-что приведеннымъ примѣромъ слышится что-то въ родѣ

Проходили двѣ дѣвицы, двѣ красныя
У того-ли у озера глубокаго.
Никого онѣ тамъ не примѣтили,
Только одного перевозничка.

Есть у Лужичанъ размѣры и не нѣмецкіе, напр. краковякъ, восходящій, по видимому, къ общеславянской порѣ. Почему же не допустить, что изъ нѣмецкихъ стиховъ именно вольные такъ сильно привились на лужицкой почвѣ вслѣдствіе своего сходства съ вольными-же стихами славянскими, сохранившимися у Лужичанъ издревле? Такое предположеніе едва-ли можно опровергнуть указаніемъ на то, что у Лужичанъ, какъ и у Нѣмцевъ, эти стихи трехдольны, а у насъ — по крайней мѣрѣ, какъ кажется, первоначально — двухдольны: и нашъ эпическій стихъ поется иногда трехдольно, напр.

Ты прости, прощай, весь вольный свѣтъ

или въ той-же пѣснѣ:

Въ зеленыхъ-то лугахъ тамъ ростётъ трава [17]).

Этотъ ритмъ могъ развиться у Лужичанъ постепенно путемъ превращенія первоначальнаго двухдольнаго стиха ⏑⏑⏑⏑ | ⏑⏑⏑⏑ въ трехдольный ⏑⏑⏑⏑ | ⏑⏑⏑⏑, какъ

Hólčik jjedže po -wsy delje,
Holčo dzješe po wodu.

Такой стихъ мы находимъ въ польской мазуркѣ, напр.

Jeszcze Polska nie zginęła.

---

17) У Пальчикова (Крестьянскія пѣсни № 65) въ этой пѣснѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, приступъ не выдѣленъ.

Отсюда путемъ разложеній, какія встрѣчаются и въ той-же лужицкой пѣснѣ, напр.

Z tymaj nowymaj khanamaj[18]),

и потомъ посредствомъ новыхъ стяженій легко получить четыре четверти въ чистомъ видѣ, какъ у Шопена въ одной изъ мазурокъ:

Но какъ-бы слабы или спорны ни были остатки славянской старины въ лужицкихъ пѣсняхъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что старинное русское стихосложеніе возникло не позже поры единства всѣхъ русскихъ племенъ, а такъ какъ оно представляетъ собою стихотворный складъ гораздо болѣе древній, чѣмъ стихи прочихъ Славянъ, отчасти чуждые по происхожденію, отчасти заключенные въ опредѣленное число слоговъ, древность его, по всей вѣроятности, заходитъ за предѣлы обще-русскаго языка. Однако для того, чтобы признать его обще-славянскимъ, нужно доказать, что всѣ роды славянскаго стихосложенія, не носящіе на себѣ явныхъ признаковъ чужого вліянія, могутъ быть выведены изъ того склада, который лежитъ въ основѣ древне-русскаго стихосложенія.

Всѣ Славяне, кромѣ Великорусовъ, Бѣлорусовъ, Словѣнцевъ и Лужичанъ, пользуются такъ называемымъ слоговымъ (силлабическимъ) стихосложеніемъ, т. е. основаннымъ на счетѣ слоговъ. Это не значитъ, чтобы въ каждомъ стихѣ было необходимо совершенно одинаковое число слоговъ; такое условіе исполнимо только въ искусственной поэзіи, а въ народной, неизмѣнно сопровождаемой пѣніемъ, оно и ненужно, и въ самомъ дѣлѣ мы могли убѣдиться хотя-бы изъ помѣщенныхъ выше примѣровъ, что народъ соблюдаетъ его далеко не всегда. Но отмѣченные тамъ случаи неравенства стиховъ сводятся къ пропуску или прибавкѣ слоговъ не внутри стиха, а въ концѣ, гдѣ возможна передышка. Помимо этого мѣста, допускающаго и другія вольности, напр. въ количественныхъ стихахъ—безразличный слогъ, число слоговъ меньшее числа ритмическихъ единицъ времени встрѣчается развѣ лишь въ общеизвѣстныхъ и прочно утвердившихся видахъ стиховъ, напр. въ томъ, къ которому относится польскій краковякъ, но, конечно, предназначенномъ не для сопровожденія пляской, напр. въ малорусской пѣснѣ:

Хочà я убóга, не мáю грóшей[19]),
Не піду̀ за тéбе, бо ти нехорóший.

18) У Смолера и Гаупта (I, LXV), кажется, опечатка въ нотахъ.

19) Такъ у Метл. стр. 113; но поютъ, вѣроятно, и «хоч не маю грошей». Для размѣра сравни впрочемъ Радомысльскую стр. 361—362 (послѣдній стихъ строфы).

и т. д. съ разными измѣненіями, между прочимъ

Я ж тобі доріженьку перегорожу,

въ болгарской:

Посадил ми дедо три леи цфекье

и въ той-же пѣснѣ (Шапкаревъ III, стр. 111):

Да му го корнат корен по корен,

въ польской:

Już miesiąc zeszedł, gwiazda się zaćmiła,

въ чешской:

Hezké je to město, to město Praha,

въ лужицкой:

Zady našej pecy kuntworki 'raja,
Čerwene, zelene suknički maja

и въ той-же пѣснѣ (Smolér i Haupt I, LXII) даже

Kup mi lik, kup mi lik, Juračko, woła[20]).

---

20) Ср. Малорусскую:

Сіявъ мужик жито, жінка каже: «Мак, мак».
Нехай так, нехай так: нехай жито буде мак

и латышскую (Э. А. Вольтеръ, Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губерніи I, стр. 12, № 17):

Ceiruls olu dora iz to mita gola.
Wel nå tai, wel nå tai, soksim wel no gola.

То-же съ нѣсколько болѣе длиннымъ основнымъ стихомъ во второй части строфы чешскаго страшака (strašák—родъ польки):

A já jednu miluju a druhé zas slibuju.
Já sem tak, jako pták: pomiluju, nechám tak.

Такъ-же въ пятой строфѣ старо-польской Богородичной пѣсни:

Nas dla wstał z martwych syn Boży — wierzyż w to, człowiecze zbożny,
Iż przez trud Bóg swój lud odjął djablej stróży,

Свободно употреблены стянутые виды стиха въ примѣрахъ болгарскомъ и лужицкомъ, а въ польскомъ и въ чешскомъ стяженія пріурочены однообразно къ опредѣленнымъ мѣстамъ строфы съ не меньшею искусственностью, чѣмъ у Францисκа Карпинскаго (Pieśni, księga II, XXXI Szczęście przy Dorydzie):

Kiedy ja usiądę koło méy Dorydy,
Oczy w nię wlepię i zapomnę biédy,
A ona mi jeszcze powie, jak mawiała:
Day mi twe serce: jam ci moje dała

и т. д. съ Wtenczas, Jeszcze, Dla jéy, Zorzę въ началѣ каждаго второго стиха, очевидно, ради ритма, который довольно исправно соблюденъ въ этомъ стихотвореніи (см. однако ст. 3). И такъ стяженія помимо конца мы находимъ въ совершенно опредѣленномъ стихотворномъ размѣрѣ, до такой степени ясномъ не только слушателю, но и читателю, что ихъ рѣшился употребить въ немъ, хоть и съ предосторожностями, такой ужь совсѣмъ не народный поэтъ, какъ Карпинскій. Возможно, что и сербскій десятисложный стихъ стянутъ изъ двѣнадцати-сложнаго и т. д. (ср. мое изслѣ-

---

если третье полустишіе ритмически не одинаково съ четвертымъ. Такъ-же въ мадярской пѣснѣ того-же склада:

Kinek van, kinek van karika gyűrűje,
Annak van, annak van barna szeretője

и т. д. и даже въ искусственномъ Családi kör Ивана Арани (Arany Jánoš):

Este van, este van: kiki nyugalomba!
Feketén bólingat az eperfa lombja,
Zug az éji bogár, neki megy a falnak,
Nagyot koppan akkor, azután elhallgat

и т. д. Изъ одной чешской (ганацкой) пѣсни мнѣ вспоминается припѣвъ, приблизительно такой:

Budeš má, budeš má,
Byť chťula, byť nechťula.

Есть и въ одной великорусской пѣсенкѣ не то нѣмецкаго, не то чешскаго происхожденія такіе стихи, распѣваемые на голосъ такихъ-же стиховъ страшака:

Хи, хи, хи! ха, ха, ха!
Какъ намъ жалко пѣтуха!

дованіе «Происхожденіе десятисложнаго стиха южныхъ и западныхъ Славянъ» въ «Сборникѣ въ честь В. И. Ламанскаго»).

Но вообще числовое начало въ этомъ родѣ стихосложенія сохраняетъ свою существенность тѣмъ болѣе, что такіе стихи слагаются безъ опредѣленнаго, выдержаннаго ритма. Однако и послѣднее правило требуетъ оговорки. Во первыхъ оно касается слоговыхъ стиховъ лишь въ разговорномъ произношеніи, а пѣніе вноситъ въ нихъ ритмъ, не менѣе строгій, чѣмъ во всякіе иные, хотя въ тѣхъ языкахъ, которые не сохранили никакихъ остатковъ древнѣйшаго стихосложенія, этотъ ритмъ состоитъ изъ двусложныхъ и четырехсложныхъ стопъ, т. е. бываетъ всегда двухдольный, а если и трехдольный, то все-таки въ четырехъ слогахъ: ⏑́⏑⏗⏘, напр. въ мазуркѣ. Во вторыхъ должно замѣтить, что относительно единственнаго въ качественныхъ (тоническихъ) языкахъ способа осуществленія ритма, а именно— посредствомъ совпаденія двухъ удареній, ритмическаго и разговорнаго, въ одномъ и томъ-же слогѣ, языки, пользующіеся слоговымъ стихосложеніемъ, должны быть раздѣлены на два разряда: языки, ищущіе указаннаго совпаденія, по крайней мѣрѣ, въ концѣ стиха[21]) или ритмическаго ряда, передъ сѣченіемъ, и языки, равнодушные къ этому совпаденію. Къ первому разряду принадлежатъ языки романскіе (кромѣ румынскаго, въ искусственной поэзіи усвоившаго себѣ стопное стихосложеніе), а изъ славянскихъ — польскій, ко второму — сербо-хорватскій, болгарскій (не въ письменности), чехо-словацкій (также, но не всегда) и отчасти малорусскій. Возможно впрочемъ, что и у Поляковъ совпаденіе разговорнаго ударенія съ ритмическимъ въ концѣ стиха или полустишія или, по напѣву, музыкальнаго предложенія зависитъ не отъ какого-либо правила, хотя и безсознательнаго, а просто отъ того, что разговорное удареніе падаетъ по-польски на предпослѣдній слогъ слова, что̀ въ свою очередь обусловливаетъ женское окончаніе ритмическихъ рядовъ за исключеніемъ лишь того случая, если въ концѣ окажется односложное ударяемое слово. Но такихъ словъ сравнительно мало, и народъ не станетъ ихъ подъискивать такъ, какъ напр. Асныкъ въ чрезвычайно искусно сложенномъ стихотвореніи Różowa chwilka:

Pięknym jest ten gaj, Piękną jezior toń,
Pięknym świeży maj, Co roznosi woń

и т. д. Потому совершенно естественно дается упомянутое совпаденіе въ народномъ двѣнадцати-сложномъ стихѣ (краковякъ):

Opuszczę te kra|je, pojadę w te stro|ny,

21) Ср. въ количественно-слоговыхъ древне-санскритскихъ gāyatrī и anuṣṭubh почти обязательное окончаніе ⏑ — и въ возникшемъ изъ anuṣṭubh классическомъ çloka безусловно обязательное въ концѣ ⏑ — ⏑—.

въ искусственномъ соотвѣтствующемъ нашему пяти-стопному ямбу одиннадцатисложномъ:

Śniła się zima, ja biegłem w szeregu,

и т. п., хотя, при встрѣчѣ удареній обоихъ родовъ лишь передъ остановками, только-что приведенные примѣры съ точки зрѣнія качественно-стопнаго склада кажутся не трохаическимъ и ямбическимъ, какъ они должны слышаться въ пѣніи, а амфибрахическимъ и дактилическимъ. Но Полякъ объ этомъ не думаетъ, обращая вниманіе лишь на послѣднія ударенія. Однако въ самомъ обычномъ и распространенномъ размѣрѣ, который или остался изъ тѣхъ временъ, когда польское удареніе еще не было закрѣплено за предпослѣднимъ слогомъ, или заимствованъ Поляками у Малоруссовъ, въ тринадцати-сложномъ стихѣ совпаденіе обоихъ удареній на исходѣ перваго полустишія представило имъ, по малой мѣрѣ, съ XVI в., первой извѣстной намъ поры его появленія, такую трудность, что они не успѣли вполнѣ справиться съ нею и въ XIX в. Ритмъ этого стиха въ напѣвѣ тотъ-же, что въ уже приведенномъ малорусскомъ примѣрѣ

Чи я мужу не жона́, чи не господи́ня?

Такъ и у Рея (Rozdzyał piąty):

Widzisz iáko marny swiát ná tym sie zásádził

съ односложнымъ словомъ въ сѣченіи. Но, чѣмъ болѣе этотъ размѣръ былъ употребителенъ, тѣмъ чаще слагатели стиховъ должны бывали разрѣшать себѣ въ этомъ мѣстѣ болѣе длинныя слова, а при нихъ разговорное удареніе падало на предпослѣдній слогъ полустишія, что̀ по требованіямъ стопнаго стихосложенія давало такой ритмъ, какой мы находимъ у Рея въ стихѣ, слѣдующемъ за выписаннымъ:

A iáko dzyeći czaczkiem, ták nas wszytki zdrádził,

т. е. тотъ-же, что — mutatis mutandis — въ латинскомъ Сатурновскомъ [22]).

---

22) Разумѣется, если мы будемъ читать versus, quos olim Fauni vatesque canebant, такъ, какъ ихъ читалъ Теренціанъ Мавръ, разбирая въ видѣ примѣра угрозу Метелловъ Невію:

«Malum dabunt Metelli» clauda pars dimetrist;
Post «Naevio poetae» — tres vides trochaeos,

Но Полякамъ нѣтъ дѣла до разговорныхъ удареній ни въ началѣ, ни въ серединѣ полустишія, и потому при чтеніи они довольствуются блѣднымъ и шаткимъ подобіемъ случайнаго ритма, основаннымъ лишь на двухъ удареніяхъ, изъ которыхъ только одно связано опредѣленнымъ мѣстомъ:

Litwo, ojczyzno moja, ty jesteś jak zdrowie.
Ile cię trzeba cenić, ten tylko się dowie,
Kto cię stracił. Dziś piękność twą w całej ozdobie
Widzę i opisuję, bo tęsknię po tobie.

Но въ той-же первой книгѣ «Пана Тадеуша» черезъ какихъ-нибудь три страницы мы натыкаемся на стихъ

Wyszedł zmieszany i czuł, że mu serce biło,

на слѣдующей страницѣ:

Od dni kilku zbiera się na sądy graniczne

и т. п. съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ перваго полустишія, въ томъ числѣ и

He. Ojczyzna! Ja nie szpieg, a po polsku umiem,

что̀ въ пѣніи дастъ тотъ самый ритмъ, въ который отлился идеальный съ этой стороны стихъ Кохановскаго въ «Сатирѣ» (Satyr):

W różnych głowach muszą być różne obyczaje,

а не такъ, какъ вздумалось читать этотъ стихъ Турнейзену будто-бы по древнѣйшему разговорному ударенію:

Malum dabunt Metelli Naevio poetae

безъ вниманія къ количественности. Но если мы вообразимъ себѣ хоть славянскія строки съ такимъ-же распорядкомъ долготъ и краткостей, напр. — да не посѣтуютъ сербскіе и чешскіе читатели на эту нескладицу! —

У то̑м ти̑хо̑м за̏хла̄ђу мла̑д сла̏ву̑ј жу̏бо̄рка̄.
Kdež dub stojí tajemný, tam stená holoubek,

количественный ритмъ едва-ли ускользнетъ и отъ славянскаго уха, не пріученнаго къ такому строю стиховъ; а могъ-ли его не замѣтить Римлянинъ, да еще въ стихахъ латинскихъ? Ср. Fr. Leo, Der Saturnische Vers. Berlin. 1905.

т. е. основной качественно-стопный. Не даромъ и нашъ Кантемиръ, писавшій свои тринадцатисложные стихи по польскому образцу, въ позднѣйшихъ своихъ сатирахъ сталъ склоняться къ мужескому окончанію перваго полустишія, напр.

◡ ◡ ◡ ◡ ◡ ◡| ⊥ (◡) ◡| ⊥ ◡ ◡| ⊥ ⏓
Тотъ лишь въ жизни сей блаженъ, кто малымъ доволенъ.

Въ старину такіе стихи попадались у Поляковъ сплошь да рядомъ и даже не въ одиночку, напр. у Рея Do Boga:

Day słyszeć on wdzięczny głos pospołu z onemi,
Które będziesz raczył zwać przyjacioły swemi.

Но, какъ мы видѣли, не вывелись они и у позднѣйшихъ стихотворцевъ. И хорошо дѣлаютъ Поляки, что, хоть изрѣдка и безсознательно, вспоминаютъ стопный первообразъ, потому что только съ его помощью и можно слѣдить непосредственно и постоянно за правильнымъ строемъ такого громоздкаго стиха. Иначе, отвлекшись отъ образца ⊥◡◡◡|⊥◡⏓, легко сбиться съ вѣрнаго расчлененія, какъ въ «Іудиномъ мѣшкѣ» (Worek Judaszow):

Za sprawedliwe się i za nabożne stawią

или тамъ-же:

Przyczynę kładą i na potrzebę zawitą

и еще хуже у стихотворца XIX в., Люціана Семенскаго (Fraszki, Przesada):

Czemu? bo i pomysł zwy- czajny i obrazy.

Можно запутаться и въ счетѣ слоговъ, что̀ случилось съ Мицкевичемъ въ первой книгѣ «Пана Тадеуша»:

Z palcami swemi zabiegał aż do drugiej strony,

если только не правъ Р. Ѳ. Брандтъ, подозрѣвая, что самъ Мицкевичъ написалъ Z palcy. Допустимо впрочемъ, что это слишкомъ длинное полустишіе вырвалось у Мицкевича въ силу воспоминанія о такихъ народныхъ стихахъ, какъ

Oj, a gdzież ten krzywy Jan, co chodził z toporem,
Kijanką się opasywał, podpierał się worem?

И лучше было-бы Полякамъ усвоить себѣ въ письменности полный видъ полустишія, не требующій ни особыхъ усилій со стороны стихотворца,

ни противорѣчія между удареніями ритмическимъ и разговорнымъ тамъ, гдѣ они должны сходиться. Та-же борьба замѣчается на первыхъ порахъ и въ одиннадцатисложномъ стихѣ, котораго стопный строй можно найти кое-гдѣ уже у Рея, напр. въ Рokoy z walką:

˘ ˘ ˘| ⊥ ˘(˘)| ˘ ˘ ˘ ˘| ⊥ –
Jednego walka zniszczy tak i z domem,

но тамъ-же:

Dziwnato jest rzecz, kiedy się dwa zwadzą,

гдѣ впрочемъ вслѣдствіе долготы закрытаго *a* въ dziwna, да еще при энклизѣ, ритмъ могъ быть лучше, нежели намъ кажется; но несомнѣнно рѣзкое противорѣчіе въ стихѣ

Lać niewinną krew prze uporną chciwość.

Янъ Кохановскій уже рѣшительно избѣгаетъ такого ритма даже въ сапфинской строфѣ, гдѣ онъ могъ-бы найти себѣ оправданіе въ древнемъ первообразѣ, особенно латинскомъ у Горація. Впрочемъ у Карпинскаго (Pieśni, księga II, XIII = Przeciwko Fanatyzmowi):

Kiedy ktoś ręce równo ze mną wznosi,
Nie potępiać go, on je wzniósł do góry,

если онъ не имѣлъ въ виду какого-нибудь особеннаго мѣстнаго выговора. Таковы исключенія изъ правила о согласованіи послѣдняго въ стихѣ или полустишіи ритмическаго ударенія съ разговорнымъ; но правило остается.

Въ языкахъ, не ищущихъ этого совпаденія, вопросъ объ удареніяхъ отчасти сложнѣе, отчасти проще. Обратимся прежде всего къ племени, стихосложеніе котораго кажется особенно загадочнымъ даже въ рукахъ писателей, пользующихся чужими размѣрами, — къ Сербамъ и Хорватамъ, слагающимъ стихи, помимо разницы въ удареніяхъ ихъ нарѣчій, совершенно одинаково. Оговоримся, что здѣсь рѣчь идетъ только о Штокавцахъ, такъ какъ въ тѣхъ немногихъ образчикахъ пѣсеннаго творчества Чакавцевъ, которые до сихъ поръ извѣстны, слѣды чакавскаго ударенія, если и есть, то во всякомъ случаѣ незначительны вслѣдствіе очевиднаго подражанія штокавскому складу. Чтобы выяснить себѣ понятія самихъ Сербовъ и Хорватовъ о средствахъ ихъ языка для осуществленія ритма, разсмотримъ въ видѣ примѣра стихотвореніе, по намѣренію сочинителя, стопное—«Јуначки одговор» Миты Поповича, поэта новаго, родомъ изъ города Баи (Ба̑ја)

въ Бачкѣ, что̀ важно въ томъ смыслѣ, что говоръ австрійскихъ Сербовъ занимаетъ какъ-бы середину между говорами балканскихъ и хорватскихъ Штокавцевъ (не Кайкавцевъ, склоняющихся отчасти къ чакавщинѣ, отчасти къ словѣнщинѣ). Кромѣ того это стихотвореніе написано трохеями, болѣе свойственными сербо-хорватскому языку, чѣмъ какая-бы то ни была стопа, и потому наиболѣе привычными слуху сербскаго или хорватскаго стихотворца изъ народныхъ пѣсенъ:[23])

Пру̏жило се по̏ље ра̑вно,
По̏ље ду̑го, зѐлено,
А на њѐму кне̑з Дани́ло
Пи̏је ви́но цр̀вено.

Према њѐму О̏мер-па̑ша
Ра̏запео ша̑торе,
Па он ша̏ље по̀сланика,
Да му с' ла̏ви по̀коре.

Сви̏ се гро̑том насмѐјаше,
Кне̑з Дани́ло на̑јвише,
Па о̏дговор О̏мер-па̑ши
На фи̏шеку он пи̑ше:

«Ро̀дио си с', да кр̏ст бра̑ниш,
А са̑д си му ти зло̀твор;
По̀турице О̏мер-па̑ша,
Фи̏шек ти је о̏дговор!»[24])

---

23) Ударенія размѣчены въ этомъ стихотвореніи преподавателемъ Бѣлградской Великой Школы Радованомъ Ивановичемъ Кошутичемъ изъ Срема, гдѣ говорятъ нарѣчіемъ очень сходнымъ, если не тождественнымъ, съ бачванскимъ. Въ этомъ нарѣчіи конечныя открытыя гласныя, по видимому, вездѣ сокращаются, а закрытыя — тамъ, гдѣ имъ предшествуетъ неударяемый слогъ, слѣдующій за ударяемымъ, или долгота, хотя и ударяемая, или короткое нисходящее удареніе; и такъ *во̀де*, *го̀вори*, *го̀ворим*, *и̏зговор*, *гла́вом*, *ри̏бом*. Но *ка̏ме̄н* (= камень, а *ка̏мен* = каменный) съ явственной долготой, а *чѝнӣм*, *во̀до̄м*, *госпо̀да̄р*, *стру̏га̄ч* даже съ такимъ преобладаніемъ долготы надъ удареніемъ, что слышится почти *чини̑м*, *водо̑м* и т. п., если же за долготой съ предшествующимъ короткимъ восходящимъ удареніемъ слѣдуютъ еще одинъ или два слога, удареніе падаетъ на эту долготу: *чини̑мо*, *чини̑те*, также *пије̑мо*, *пије̑те*, потому что тамъ говорятъ не *пи̏је̄м*, *пи̏је̄ш*, *пи̏је̄*, а *пи̏је̄м*, *пи̏је̄ш*, *пи̏је* (однако *би̏јем*, *кри̏јем* и т. п.). Иногда, какъ и во многихъ другихъ нарѣчіяхъ, короткое восходящее удареніе уступаетъ въ Сремѣ свое мѣсто короткому нисходящему, примѣры чему ниже.

24) По Вуку и Даничичу *ра̑вно̄*, *ду̏го̄*, *зѐлено̄*, *пи̏је̄*, *цр̀вено̄*, *ра̀за̀пео*, *шато̀ре* (? *ша̏тор* род. *шато̀ра*), *па̑*, *ша̏ље̄*, *по̀сланӣка*, *по̀коре̄*, *пи̑ше̄*, *бра̑нӣш*, *о̏дгово̄р*.

Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторые случаи противорѣчія между удареніями ритмическимъ и разговорнымъ. Въ стихѣ 9 *насмѐјаше* и въ ст. 12 *на фи̑шеку* въ значеніи двухъ трохеевъ — оба случая съ восходящимъ удареніемъ на второмъ слогѣ, которое, очевидно, не только звучитъ слабо, съ относительно ничтожнымъ напоромъ, но и захватываетъ въ предѣлы своего дѣйствія, согласно съ наблюденіями проф. Мазинга, послѣдующій слогъ достаточно сильно для того, чтобы онъ могъ при нуждѣ сойти за ритмически ударяемый и даже распространить свою ритмическую силу назадъ черезъ непосредственно предшествующій ему слогъ, какъ въ стихѣ Пушкина

На бѐрегу́ пусты́нныхъ во́лнъ

ударяемый слогъ *гу́*, подавляя слогъ *ре*, усиливаетъ слогъ *бе*. Въ ст. 11 сочетаніе *Па ȍдговор* представляетъ собою два трохея, въ ст. 12 *он пи̑ше* и въ ст. 14 *ти злȍтвор* — кретики, въ ст. 13 *да кр̏ст* и въ ст. 14 *А сад* — трохеи, гдѣ ритмомъ обойдено уже нисходящее удареніе, сильное, но лишь на одно мгновеніе [25]), и во всѣхъ пяти случаяхъ оно ритмически пропадаетъ послѣ односложныхъ словъ. Всѣ эти сочетанія словъ можно признать кретиками и трохеями больше въ умозрѣніи, чѣмъ на дѣлѣ. И все-таки Сербъ принимаетъ такія сочетанія съ односложнымъ впереди, особенно двухъ односложныхъ, когда нужно, за трохеи и другія нисходящія стопы, если не по слуху, то по привычкѣ къ подавляющему дѣйствію односложнаго слова на слѣдующее удареніе, — привычкѣ, глубоко укоренившейся въ ритмическомъ сознаніи сербо-хорватскаго племени и, конечно, имѣющей физіологическое основаніе.

Разберемъ еще одинъ примѣръ личнаго, искусственнаго творчества, менѣе стройный въ ритмическомъ отношеніи, — изъ Аріостова Orlando furioso въ переводѣ Драгиши Станоевича, замѣчательномъ между прочимъ тою особенностью, что переводчикъ, подобно недавно скончавшемуся словѣнскому ученому и поэту, Ва́лявцу, признаетъ риѳмы только съ безусловно одинакими удареніями, которыя онъ и размѣтилъ на всѣхъ риѳмующихся словахъ. Возьмемъ строфу семидесятую двадцать-пятой пѣсни, разставивъ однако ударенія не на однихъ послѣднихъ словахъ каждаго стиха и вообще на помѣченныхъ самимъ переводчикомъ, а на всѣхъ ударяемыхъ и замѣ-

---

25) Такъ и на долготѣ, потому что напр. а̑ звучитъ приблизительно какъ *ȁа*, а не какъ *а̀а*, и напрасно я склонялся къ смѣшенію сербскаго ̑ съ греческимъ ͂ («Двоегласныя въ древне-греческомъ языкѣ съ физіологической точки зрѣнія» примѣч. 6 — въ «Сборникѣ статей» въ честь Ф. Ө. Фортунатова). Къ упомянутому тамъ *двȁа* вмѣсто *два̑* прибавь изъ Вука-же *тȁобора* вмѣсто *та̑бора* въ стихѣ

Усред ту̏рско̄г си̏лна тȁобора.

нивъ знакъ ⌢ на долгихъ неударяемыхъ гласныхъ обыкновеннымъ знакомъ долготы. Размѣръ — такъ называемый дванаестéрац, уже извѣстный намъ ◡́◡◡ | ⊥ ⁚ | ◡́◡◡ | ⊥ ⁚.

Родо̀ману[26]) да̑ти дје̑ву у за̏мену
За о̀тѣту, сми̑сли Та̀тарин[27]) пра̀ктички̅,
Марфи́зу, ви̑тѣштвом сво̀јијем зна̏мену,
Хтје̏де употре́бит' при тра̑мпи фа́ктички̅!
К'о да А́мор не̑ма̅ во̀љицу ста̑мену,
Нит' опѐрисати у̀мијē та̀ктички̅!
К'о да би̑ва̅ да̀ се и о̏н прила̀годи̅
О̀нōм, што Та̀тарин јѐдан му на̀годи̅.

Ст. 1: *Родо̀ману*, ст. 3: *Марфи́зу*, ст. 7: *прила̀годи̅*, ст. 8: *Та̀тарин* и *на̀годи̅* — ср. замѣченное выше къ ст. 8, а въ ст. 2 *За о̀тѣту* ритмическое усиленіе слога *тѣ* облегчается долготою и предшествующимъ односложнымъ словомъ, въ ст. 2 *пра̀ктички̅*, въ ст. 4 *фа́ктички̅*, въ ст. 6 *та̀ктички̅* предпослѣдніе слоги также долги по положенію. Въ ст. 3 *ви̑тѣштвом* съ амфибрахическимъ измѣреніемъ извиняется долготою средняго слога. Труднѣе объяснить возможность такой постановки словъ *за̏мену*, *зна̏мену*, *ста̑мену* въ концѣ стиховъ 1, 3 и 5. Въ первомъ изъ этихъ случаевъ еще можно допустить вліяніе предшествующаго *у* какъ односложнаго, а въ двухъ остальныхъ мыслимо лишь одно — такое-же вліяніе предшествующихъ *сво̀јијем* и *во̀љицу*, дактилей съ ритмическимъ значеніемъ кретиковъ. Что риѳма въ этихъ стихахъ составлена изъ трехъ слоговъ, а не изъ двухъ, какъ требуетъ размѣръ, зависитъ только отъ щепетильно-добросовѣстнаго отношенія переводчика къ разговорному ударенію помимо его связи съ удареніемъ ритмическимъ. Это видно между прочимъ изъ тѣхъ стиховъ, которыхъ риѳма состоитъ изъ неравныхъ словъ, двусложнаго и болѣе длиннаго, напр. XXIV 53 ст. 7—8:

И̏зра̅жена бје̏ше неи̏змјерна[28]) бо̏̄љка
На ли́цу дје̏вичнōг о̏вōга пу̑пōљка

или тамъ-же 61 ст. 7—8:

На Дуринда́нино сијѐва̑ње стра̑шнō
Јури̏шати бо̀гме дје̏ло је за̏ма̅шно,

26) Или *Родома́ну?*
27) По выговору Р. И. Кошутича *Та̑тарин.*
28) По выговору Р. И. Кошутича *бе́ше неи̏змѣрна.* Впрочемъ простое прошедшее несовершенное въ сремскомъ нарѣчіи почти пропало.

что̀ Станоевичъ со своей точки зрѣнія могъ разрѣшить себѣ только потому, что писалъ по Вукову способу *пу̏по̄љка*, *за̏ма̑шно*, обозначая долготу за удареніемъ той-же дугой, какою въ *бо̑љка* и *стра̑шно̄* отмѣчено самое удареніе. Та-же забота, отчасти зрительная, о полномъ взаимномъ сходствѣ риѳмующихся словъ, начиная съ ударяемаго слога, не менѣе явствуетъ изъ риѳмъ, захватывающихъ цѣлыхъ два трохея, какъ тамъ-же въ строфѣ 85:

Уза́луд по̀током су̏зе про̀лијева̄,
Го̀лемо̄ме ја̏ду не одо̀лијева̄.

Правда, въ послѣднемъ примѣрѣ созвучіе доведено до такого совершенства, дальше котораго можетъ завлечь только шутка, подобная Пушкинской въ «Графѣ Нулинѣ»:

Но что-же дѣлаетъ супруга
Одна, въ отсутствіи супруга?

А Сербы не раздѣляютъ такой взыскательности къ созвучіямъ и довольствуются риѳмами напр. Йована Илича, у котораго среди стиховъ тогоже размѣра нетрудно найти такіе (Космај):

Од ту̏тњаве̄ пу̑сте̄ и̏гре̄ и пје̏са̄ма̄
Чѝни̑ ти се, по̑бро, го̀ра се про̀ла̄ма̄!
Ти̏це џа̑гор ди̏гле по го̀ри зѐлено̄ј,
Да прѐотмӯ жу̏бер во̀дици сту̏дено̄ј [29]),
Прѐлијеħӯ ле̄том ви́лино ко̀рито,
Гдје'но ви́ла ку̑па̄ че̏до по̀носито̄.
О̀да̄вно је би́ло, ал' се и̏ сад па̑мти̑,
Кад но гњѐвом Ма̑рко на ви́лу за̏пламти.
И ко̏л'ко се, по̑бро, за̏нио би̏ја̄ше,
У ко̀риту си̑на по̀сјеħи јој шħа̑ше!
Врѝсну б'је̑ла̄ ви́ла, и Бо̑г јој по̏може:
У ко̀риту Ма̑рко са̏ло̀мио но́же.
Но је ју̀на̄к ди̑ван спо̏ме̄н о̀ставио,
Те се и̏ сад па̑мти̑, ко̏ је Ма̑рко би̏о.

Цѣль этой довольно длинной выписки состоитъ въ томъ, чтобы 1) показать, какія условія Сербъ считаетъ достаточными для ясности двуслож-

29) Въ Сремѣ *сту̏деној* (ср. у Вука *сту̏де̄н* ж. р. = стужа), ниже *гњѐвом* (ср. у Вука *гње̑ван*, *гњѐвити*), *бија́ше*. О сокращеніи конечныхъ гласныхъ уже было сказано въ примѣчаніи 23.

наго созвучія, которое — чтò важно для этого изслѣдованія — содержитъ въ себѣ слогъ ритмически ударяемый, и 2) провѣрить на примѣрѣ, по замыслу стопномъ, но довольно безъискусственномъ, тѣ соображенія о ритмическихъ средствахъ сербскаго языка, которыя изложены выше по поводу другихъ двухъ примѣровъ. И эти соображенія подтвердились на столько, что теперь, кажется, можно выразить ихъ въ видѣ правилъ, хотя-бы только предварительныхъ, ожидающихъ дальнѣйшей провѣрки со стороны самихъ Сербовъ и Хорватовъ, изъ которыхъ внимательно разсматривалъ этотъ вопросъ чуть-ли не одинъ Миливой Шрепелъ въ своей книгѣ Akcenat i metar junačkih narodnih pjesama (Zagreb 1886). И такъ: 1) ритмическое удареніе можетъ падать не только на разговорно ударяемые слоги, но и на непосредственно сосѣдніе съ восходящимъ удареніемъ, которое въ такихъ случаяхъ лишается своего ритмическаго значенія, напр. *набàцати* — не только ◡◡́◡◡́, но и ◡́◡◡́◡, и такъ-же *загáсити*, не смотря на долготу; 2) односложное слово, въ разговорѣ даже неударяемое, можетъ считаться ритмически ударяемымъ со всѣми послѣдствіями этого усиленія для послѣдующаго слова, напр. *у ри̏бама* — не только ◡◡́◡◡́, но и ◡́◡◡́◡; 3) такое-же дѣйствіе имѣютъ иногда слова и сочетанія по разговорному ударенію дактилическія, напр. *ги̏здава ки̏тица* = ◡́◡◡́◡◡́◡, *о̏д зла̄та ја̏бука* = ⊥–◡́◡◡́◡; 4) всѣ эти условія значительно поддерживаются долготою въ качествѣ ритмически ударяемаго слога, напр. 1) *набàца̄мо* = ◡́◡⊥◡, *загáсӣмо* = ◡́–⊥◡, 2) *да ви̏дӣмо* = ◡́◡⊥◡, *зло̀погле̄ђа* (только внѣшнее сложеніе, Zusammenrückung) = ◡́◡⊥◡, 3) *зла̂ћено̄м ја̏буко̄м* = ⊥◡⊥◡◡́◡, *ту̏рско̄га ко̀њӣка* = ⊥–◡́◡⊥◡, еще лучше *зла̂ћенӣх ја̏бӯка̄* = ⊥◡⊥◡⊥–, и, повидимому, уже вполнѣ правильно *из го̀ре̄ дјѐво̄јка* = ⊥◡⊥◡⊥◡, годное для риѳмы напр. съ *о̏де у̏сред бо̀јка* или *с ње̂ме о́вца Го̄јка* или *вр̂шта̄ лу̂да̄ со̂јка*. Ритмическое значеніе долготы давно признано самими Сербами, но, говоря о немъ, они обыкновенно разумѣютъ долготу естественную, а между тѣмъ едва-ли можно отрицать ритмическую силу и въ долготѣ по положенію, производимой двумя согласными двухъ разныхъ слоговъ, какъ *картà-шица* = –◡́◡◡́, но и = ⊥◡◡́◡, *ја̀сак чи̏нӣ* = ◡́–◡́– или ◡⊥◡⊥. Какъ-бы то ни было, всѣ или почти всѣ эти способы, такъ сказать, обхода разговорнаго ударенія, особенно энклиза многосложнаго слова послѣ слова дактилическаго или такого-же соединенія словъ, представляются вольностями довольно условнаго свойства, и чѣмъ искусственнѣе размѣръ — т. е., говоря попросту, если онъ не состоитъ изъ трохеевъ —, тѣмъ болѣе насильственнымъ кажется примѣненіе этихъ сдѣлокъ съ естественнымъ ходомъ рѣчи, а потому и стихи тѣмъ менѣе производятъ впечатлѣніе плавности, напр. въ стихотвореніи Станка Враза «Лијепа Анка», написанное будто-бы четырехстопнымъ ямбомъ:

Ала̀ је л’је́па на̏ша А̑нка!
Да л’ је и̏стина? да л’ је са̏н?
Тре́сӯ се бо̑р и је́ла та́нка̄,
Зави́ђајӯћ јој стру̑к та̏нан

и т. д. Изъ этихъ четырехъ стиховъ только въ первомъ ясно слышится предположенный стихотворцемъ ритмъ, во второмъ приходится пустить въ дѣло сомнительную силу односложнаго неударяемаго слова, въ третьемъ — пѣвучесть восходящаго ударенія и тяжесть долготы, а четвертый держится также силою односложнаго слова, впрочемъ съ долгой ударяемой гласной. Это впрочемъ еще не значитъ, что Сербы и Хорваты должны довольствоваться одними трохеями, отказавшись даже отъ ямбовъ: не отъ ямбовъ, а только отъ спорныхъ вольностей, особенно въ началѣ стихотворенія, пока читатель еще не усвоилъ себѣ его ритма. Справедливость этого замѣчанія показываютъ такіе примѣры, какъ посланіе «Људевити» Хорвата Юрія (Ђуро) Арнольда:

Ти пи̏та̄ш, ли́ца за̏што су̑ ми бл’је́да,
Хладо̀вит по̏гле̄д по̀пӯт кр̏хка ле̏да,
И пи̏та̄ш, о̀ткуд сдво̑јне ми̑сли пи̏чӯ,
Па ко̀ја̄ ли ме мо̏рӣ вј’е̑ком бј’е́да,
На чѐлу да се ту́ге̄ зна̑ци сти̏чӯ.
А̏х, нѐмо̄ј пи́тат — слу̏ша̄ј ту̑жнӯ при̏чу

и т. д. Но такіе стихи достаются не легко и потому обыкновенно отзываются искусственностью. Всѣ исчисленныя выше вольности и даже связанныя съ ними неправильности такъ въѣлись въ понятія Серба о стихосложеніи, что безъ нихъ онъ не можетъ сочинять стихи непосредственно и остается равнодушенъ къ сочиненнымъ иначе. И это понятно: таковъ строй его народныхъ пѣсенъ. А если такъ, всѣ эти замѣны разговорнаго ударенія въ качествѣ ритмическаго и вообще невзыскательность по части ритма должны имѣть естественное основаніе, если не въ настоящемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ прошедшемъ. Выше уже было сказано, что подъ Сербами или Хорватами здѣсь разумѣются только Штокавцы, оттянувшіе, какъ извѣстно, древнее восходящее удареніе на одинъ слогъ ближе къ началу слова и потому говорящіе *во̏да* вмѣсто *вода̀*, *гла́ва* (= *глаа̀ва*) вмѣсто *гла̄ва̀*, *ко̀ва̄ч* съ род. пад. *кова́ча* вмѣсто *кова́ч* съ род. *кова̄ча̀*, какъ до сихъ поръ произносятъ Чакавцы. Переходъ отъ ударенія чакавскаго къ штокавскому совершился, конечно, не сразу и даже не вездѣ послѣдовательно (ср. напр. А. А. Шахматова «Къ исторіи удареній въ славянскихъ

языкахъ» въ Извѣстіяхъ Отдѣл. р. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ III, стр. 31—34 и особенно изслѣдованіе Милана Решетара Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten въ Schriften der Balkancommission. Linguistische Abtheilung I), и, если еще въ наши дни Штокавцы различаютъ ударенія въ *вòда*, *гла́ва* и въ *вȍду*, *гла̑ву*, то, чѣмъ болѣе отдаленную пору штокавщины мы себѣ представимъ, тѣмъ яснѣе должна была въ то время слышаться эта разница. Древнѣйшіе Штокавцы произносили *вòда*, вѣроятно, такъ, что оба слога были приблизительно одинаковы по силѣ и по высотѣ, и при такомъ выговорѣ имъ было все равно, который изъ этихъ слоговъ поставить подъ ритмическое удареніе. Въ такое время ясно слышалась риѳма напр. въ пословицѣ «Ца̏ревац је ца̏ревац, ако не̑ ће̑ ѝмати и нòвац, а мàгарац је мàгарац, ако ће̑ ѝмати и зла́тан покрòвац (или пòкровац)», откуда эпиграмма «Човјек» Дубровчанина XVI в., Николы Димитрича:

Чòвјек ће̑ би̏т чòвјек, да не̑има ни нòвац,
А ȍсо̄ ȍсо̄ вјек, да ѝма̄ зла̑т покрòвац. [30])

Впослѣдствіи такое колебаніе стало возможно только въ словахъ, содержащихъ въ себѣ болѣе двухъ слоговъ, какъ *вòдица*, гдѣ возможно сравненіе нѣкогда ударяемаго слога съ искони безударнымъ. Вотъ начало постановки словъ, подобныхъ разобраннымъ выше *насмѣ̀јаше*, *на фи́шеку* и т. д., въ такихъ мѣстахъ стиха, гдѣ ритмическое удареніе должно падать не на разговорно ударяемый слогъ, а на предшествующій и на послѣдующій, однако именно въ такихъ словахъ, въ которыхъ за разговорно ударяемымъ слогомъ слѣдуетъ не менѣе двухъ слоговъ. Но въ народныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ

---

30) Въ выпискахъ изъ старинныхъ сербохорватскихъ стихотвореній я размѣчаю ударенія согласно съ общепринятымъ штокавскимъ выговоромъ, на сколько онъ мнѣ извѣстенъ, хотя несомнѣнно, что ударенія этихъ памятниковъ, различныхъ по времени и мѣсту, были иныя. О древнемъ дубровницкомъ удареніи можно сказать навѣрное лишь то, что оно было не таково, какое отмѣчено Решетаромъ въ нынѣшнемъ Дубровникѣ. Едва-ли можно сомнѣваться и въ томъ, что оно было штокавское, по крайней мѣрѣ, относительно конечнаго слога, почему напр. *ту́га* риѳмуется съ *дру́га* и съ *дру̏га*, *ви́ла*—съ *си̏ла* и т. п. Изъ такихъ риѳмъ, какъ *нòге̄—мно̏ге*, *ѝма̄—при̏ма̄*, *гòрӣ—тво̏рӣ*, по видимому, слѣдуетъ, что Дубровчане шли въ штокавскомъ удареніи дальше тѣхъ Штокавцевъ, которые сохраняютъ древнее удареніе на конечной долготѣ, напр. *воде̑*, *водо̑м* (при *вòда*, *вòди*, *вòдама*), и дальше Кайкавцевъ, съ которыми у Дубровчанъ есть какъ-будто нѣкоторая связь, между прочимъ въ томъ, что старое удареніе въ серединѣ слова звучало у нихъ, кажется, слабѣе и пѣвучѣе, нежели у Чакавцевъ — не *води̏ца*, а *води́ца* (ср. Vatroslav Rožić, Kajkavački dijalekat u Prigorju—Rad XXXVIII, XXXIX и XL) или, точнѣе, *вòди́ца*, какъ въ черногорскомъ говорѣ, изслѣдованномъ А. А. Шахматовымъ (см. его указанную выше статью). Впрочемъ, кто хоть касается этого вопроса, тотъ

incedit per ignes
Suppositos cineri doloso.

Лȅпо пȅва̄ славу́јак
У зѐленō̄ј шу̏мици

или тѣмъ-же размѣромъ

Сȍкō лѐти̅ висȍко
Кри́ла нȍси̅ ширȍко,

и т. п., какъ въ XVI в.:

Под нȅбом љȅпшē пти̏цē ни̑,
Нȅго ли сȍкō сивȍпер.
Да би м' се њи̑ме ствȍрити,
Лȅтнуо си бих висȍко,
Висȍко сȍкō пȍд обла̄к,
А пȁднуо бих [31]) низȍко,
Низȍко сȍкō на ȍрах.
А под ȍрахом ви́ла спи̑.
А̏ли је ви́ла а̏ли ни̑,
А̏ли је кȍја̄ и̏на звѝер,
Бȍже, лие́по т' је створе́ње,
Љȅпше нȅго ли љȅтни̅ да̑н.

Пѣсня эта выписана здѣсь цѣликомъ не только какъ образчикъ народнаго или, во всякомъ случаѣ, полународнаго и при томъ стараго стихосложенія, но и какъ примѣръ рѣдкихъ въ то время четырехстопныхъ ямбовъ, сближающій старинное хорватское пѣсенное творчество со словѣнскимъ, гдѣ этотъ размѣръ особенно употребителенъ въ пѣсняхъ повѣствовательныхъ, какова обнародованная Валентиномъ Водникомъ Pegam ino Lambergar:

Molî tâm k vîšku Dúnaj bél,
Na Dúnaji káj Pegam jèl,
Vam bôm junáško pêsen pèl

и т. д. — пѣсня не новая, однако уже съ риѳмой, вездѣ на три стиха, совсѣмъ какъ въ Прешерновомъ Judovsko deklè; такъ-же сложена сохраненная Водникомъ пѣсня Nevésta kralja Matijáža, но съ риѳмой на два стиха, и многія лирическія, съ риѳмой или на два стиха или въ четырех-

31) Записано padnuo si bih.

строчныхъ строфахъ съ вольностями, звучащими по-нѣмецки, напр. у Штрекля 2070 (но ср. и 2071—2076):

Nicōj je păč ēna lûštna nôč,
Ker mēsec svéti célo nôč

и т. д. Но что четырехстопныя ямбы явились у южныхъ Славянъ не отъ Нѣмцевъ, видно напр. изъ стихотворенія «На лову» Георгія (Ђоре) Држича, дубровницкаго поэта XV в.:

Лȍвац лȍвеħи, дѝклице,
С крагу̏јцем дрȍбне птѝчице,
Бје̏ше т' ми гр́ко су̏на̄чце
Тер ѝсках хла́днē вȍдицē

и т. д. совершенно въ духѣ народной пѣсни. Ср. великорусскую пѣсню:

На у́лицѣ то до́ждь, то снѣ́гъ,
То до́ждь, то снѣ́гъ, то вья́лица,
То вья́лица, то мете́лица

и пр. съ тѣми колебаніями въ числѣ слоговъ, которыя ясно показываютъ, что этотъ размѣръ тождественъ съ разобраннымъ выше общерусскимъ эпико-лирическимъ стихомъ. Впрочемъ тотъ-же размѣръ есть и у позднѣйшихъ Грековъ, напр. въ колыбельной пѣснѣ Passow, Popularia carmina Graeciae recentioris CCLXXXI:

Νανὰ, νανὰ τὸ γιοῦδι μου
Καὶ τὸ παλληκαροῦδι μου

и т. д., см. также Legrand, Recueil de chansons populaires grecques № 23 (визант.), 73 (1826 г.), 79, 99, 120.

Вторая особенность сербо-хорватскаго стихосложенія состоитъ, какъ мы видѣли, въ подавляющемъ дѣйствіи односложнаго слова на слѣдующее за нимъ удареніе, почему напр. въ пѣснѣ у Кухача 48 (вторая строфа):

А̑к на мѐне нȇ гледа̄ш, вѐħ тӣ дру̏гōг љу́бӣш.
У кȍга се тӣ у̏зда̄ш, ка̏д тӣ тàко су́дӣш?

и даже помимо напѣва въ приговоркѣ, приведенной Вукомъ въ словарѣ подъ *Ототòлити*:

Ототòли дебѐло, као мо̀је ко̀љено;
А̏ко ли ћѐш и де̏бље, као мо̀је и бе̏дре!

Исходной точкой этого явленія могли быть предлоги передъ словами съ исконнымъ нисходящимъ удареніемъ и передъ энклитиками, какъ *на̏ воду*, союзы передъ односложными-же служебными словами, какъ *и̏ сад*, *а̏ кад*, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ отрицаніе. Могли влiять предлоги и отрицанія даже въ сложеніяхъ, именно такихъ, гдѣ вторая часть имѣетъ значеніе сама по себѣ, какъ исконныя *по̏да̄вно, не̏вриjеме*, и штокавскія, какъ *по̀пӯт*, *нѐвjера*. Въ штокавщинѣ нѣкоторое усиленіе односложнаго слова на счетъ силы послѣдующаго, особенно односложнаго-же или даже двусложнаго, тѣмъ естественнѣе, что оно совпадаетъ съ общимъ строемъ штокавской рѣчи, трохаическо-дактилическимъ. То-же и у Поляковъ съ ихъ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ, но, конечно, только въ примѣненіи къ двумъ односложнымъ, напр. у Семенскаго въ переводѣ «Забоя» изъ пресловутой Краледворской рукописи:

Jaki zwyczaj w obcej stronie Od mroku do świtu,
Taki zwyczaj dziecku, żonie Narzucił i tu

и въ переводѣ «Збыгоня» оттуда-же:

«Gołąbka-ż to czyja?». «Od zdrajcy Zbigona
Więziona, jak i ja, na zamku więziona».

Такъ иногда и по-чешски, напр. въ сонетѣ строгаго къ стихосложенію Ярослава Врхлицкаго (Portréty básníkův, XXII. Parini):

Chceš, jak on, pravdu, právo, volnost všech.

Но такъ какъ чешскій языкъ отодвинулъ удареніе не на предпослѣдній, а на первый слогъ съ нѣкоторымъ усиленіемъ послѣдующихъ слоговъ черезъ одинъ, напоръ на односложное слово возможенъ въ немъ и въ ущербъ ударенію слова болѣе длиннаго, какъ въ томъ-же сонетѣ выше:

Děl jiný druh tvůj, pln svatého hněvu,

что̀ можно было-бы приписать долготѣ слога -té-, если-бы Врхлицкій не исключилъ изъ своихъ стиховъ, кромѣ первой стопы, долготу въ качествѣ

составной части ритма безъ какихъ-либо привходящихъ условій. Гораздо рѣшительнѣе въ народныхъ пѣсняхъ, напр.

Včera mně skázala jeho panímáma,

а такой-же переносъ ударенія въ томъ случаѣ, какой представляется въ стихѣ, непосредственно слѣдующемъ за только-что выписаннымъ,

Bych si ne myslila na jejího syna,

обыченъ и въ разговорѣ. Англичане, какъ и всѣ Германцы, въ своихъ, не заимствованныхъ, словахъ ударяютъ первый слогъ; такъ, разумѣется, и въ словахъ сложныхъ, вторая часть которыхъ должна довольствоваться у нихъ второстепеннымъ удареніемъ. Но если первая часть сложенія состоитъ изъ одного слога, вторая легко становится безударной и потому въ концѣ ямбическаго или трохаическаго стиха — даже ямбической, напр. у Шекспира въ «Венеціанскомъ купцѣ» I, 1:

And laugh, like parrots, at a bag - piper,

II, 4:

We have not spoke us yet of torch - bearers

и такъ то-же слово еще два раза въ той-же сценѣ и одинъ разъ въ II, 6; тамъ-же V, 1:

I'll have the doctor for my bed-fellow

и такъ-же ниже. Близко къ сложному тамъ-же IV, 1:

And if your wife be not a mad woman,

и отсюда дальнѣйшая ступень въ старинной балладѣ[31]), которую поетъ Офелія (Гамлетъ IV, 5):

He is dead and gone, lady,

какъ этотъ стихъ измѣряется въ напѣвѣ (см. В. Шекспиръ. Трагедія о Гамлетѣ, принцѣ датскомъ. Переводъ К. Р. III, стр. 206). И такое обращеніе съ двусложными послѣ односложныхъ въ концѣ стиха встрѣчается очень часто, даже въ искусственныхъ стихотвореніяхъ, но написанныхъ болѣе или менѣе по-народному, напр. у Шотландца Вилльяма Миллера:

31) Ср. первый стихъ съ Percy II стр. 78, ст. 5.

O, dinna look sae kind, Willie,
Or else wi' joy I'll dee,
An' dinna read my heart, Willie,
Wi' thae lang lucks o' your ee.

Еще чаще предлоги уничтожаютъ удареніе мѣстоименій, хоть и не обязательно, и въ слѣдующемъ стихѣ изъ «Венеціанскаго купца» (IV, 1) мы видимъ и то и другое:

For giving it to me. Well, peace be with you,

за то въ другомъ оттуда-же (V, 1) — полное подавленіе второго односложнаго (it):

I'll die for 't, but some woman had the ring.

То-же попадается и у Нѣмцевъ, напр. въ Wehmuth Гёте:

Als ich, Engel, an dir hing,

и у Скандинавовъ, напр. въ Stellurímur[32]) Исландца Сигурда Петурссона:

Ef mig styrkja eitt-hvað fer,
Á þig skal eg trúa.

Въ тѣснѣйшей связи съ общимъ ритмомъ языка состоитъ и дѣйствіе дактилическаго или кретическаго сочетанія слоговъ (качественно, иногда количественно, т. е. ´⏑⏑, ´⏑´ или ⊥⏑⏑, ⊥⏑⊥) на послѣдующее слово въ концѣ стиха, какъ въ народной пѣснѣ (по разговорному съ ⏑´⏑ впереди):

А и пётӯ ибрйшим-ткӓницу.

То-же и въ чешскихъ стихахъ, по крайней мѣрѣ, народныхъ, откуда и у Челаковскаго въ Ohlas písní českých XXII:

Holubička s dubu Letěla k holubu,

и такъ-же въ старинныхъ искусственныхъ стихахъ, напр. въ пѣснѣ XIII в., открытой Патерою (см. Časopis Musea kral. českého 1878 seš. 2):

(Z)lovo dozveta ztworene vbostui zhowano
ſeſ pro euíno zreſſeníe nazuet pozlano

32) Знакъ ударенія показываетъ въ исландскомъ письмѣ то-же, что въ чешскомъ и мадьярскомъ, — долготу.

и пр. У Лужичанъ подъ вліяніемъ ритма подчиняется двусложное слово въ концѣ стиха предшествующему двусложному-же (ср. серб. *мимо гору*), напр.

Seduj mi, bratsiko, konika,
Seduj mi, přeco wobej' dweju

и въ той-же пѣснѣ (Mi je so dźens zejdźało):

Wone je dźensa mi rune lěto,
Zo smy ju na keŕchow dowjezli,

также трохаическому сочетанію двухъ односложныхъ, которое впрочемъ поется не такъ въ другой пѣснѣ съ инымъ распредѣленіемъ тактовыхъ величинъ:

Syrotka hobešła tři raz kjarchob —

не безъ насилія надъ естественнымъ ритмомъ, что̀ особенно сказывается дальше:

Stawajšo wy górej, mója maśi

и т. п.

Въ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ послѣднее въ полустишіи или стихѣ двусложное трохаическое слово теряетъ свое удареніе послѣ другого ударенія, напр.

Онъ кида́лъ пе́рья по чисту́ по́лю.

Въ искусственныхъ, но неискусно построенныхъ стихахъ безъ обязательнаго сѣченія попадается то-же, напр. у Державина въ стихотвореніи «Стрѣлокъ»:

Ахъ, бере́чь бы́ло моне́ту
Бѣ́лую на чёрный де́нь

или въ малорусской Энеидѣ Котляревскаго (п. II):

Колй-б, каже, твоя́ здоро́ва
Була́, Непту́не, голова́.

Впрочемъ и у Англичанъ на трохаическое слово дѣйствуетъ обыкновенно односложное только потому, что чисто-англійскихъ словъ съ удареніемъ на концѣ довольно мало, но вотъ примѣръ изъ шотландской пѣсни

съ кельтскимъ словомъ (у Вальтеръ-Скотта въ предисловіи къ роману Rob Roy):

I am as bold, I am as bold,
I am as bold and more, lady;
Any man that doubts my word,
May try my gude claymore[33]), lady.

Въ ново-греческихъ старинныхъ и народныхъ стихахъ трохаическое слово передъ сѣченіемъ становится безударнымъ подъ вліяніемъ предшествующиго ямбическаго или односложнаго, на которое въ такомъ случаѣ кладется сильное удареніе, хотя-бы это слово и не имѣло его въ обыкновенной рѣчи, напр. Passow CLXI ст. 4:

Καὶ ὁ Μῆτρος μάνα δὲν ἔχει   νὰ τὸν κουμανταρίσῃ.

То-же и внутри полустишій; но тамъ допускаются всякія вольности. Какъ бы то ни было, удареніе въ родѣ δέν ἐχει или, въ болѣе раннюю пору, οὐδέν ἐχει, а еще раньше — οὐκ ἐχει основано не на одномъ ритмѣ, а также на отвлеченіи отъ такихъ случаевъ, какъ LX ст. 26:

Γυφτάκι μ', τί κακό 'καμες   καὶ σ' ἔχουνε κομμένο;,

гдѣ ударяемая гласная слова ἔκαμες поглощена ударяемою конечною гласною предшествующаго слова, а этотъ остатокъ въ самостоятельномъ видѣ получитъ удареніе, конечно, на первомъ слогѣ — κάμες, какъ κάμε, κάμνω, νὰ κάμω, θέλω κάμει. Отсюда, если хотя-бы только призрачное κακὸ κάμες можетъ превратиться въ κακὸ καμές, то и вмѣсто δὲν ἔχει можно сказать δὲν ἐχει. Поддерживалось такое представленіе безсознательнымъ воспоминаніемъ съ одной стороны о древнихъ энклитикахъ, какъ οὐδέν ἐστι, а съ другой—унаслѣдованными изъ древности сліяніями, подобными соединенію словъ ποῦ ἔκαμες въποὔκαμες (ср. мои «Замѣтки къ тексту поэмы объ Аполлоніи Тирскомъ по изданію Вагнера» въ одесской «Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества» вып. II къ стихамъ 639—641, «Критическія замѣчанія къ Συναξάριον τοῦ τιμημένου γαδάρου по тексту Вагнера» въ «Византійскомъ Временникѣ» 1896, № 3 и 4 къ стихамъ 389—393, «О русскомъ народномъ стихосложеніи» въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія р. яз. и сл.

33) Шотландскій палашъ — изъ clay (др.-ир. claideb=лат. gladius, др.-сканд. hjalt) мечъ и mōr (др.-ир. mār) большой — въ отличіе отъ короткаго римскаго меча. Ср. кабард. *са́' шхуа*, дословно «ножъ длинный» = шашка.

Импер. Академіи Наукъ» II, стр. 434—456, гдѣ это явленіе прослѣжено также въ языкахъ англійскомъ и — особенно — великорусскомъ). Нѣкоторое, по крайней мѣрѣ, подобіе грамматическаго основанія для ритмическаго подчиненія послѣдующаго слова предшествующему мы видѣли и у Англичанъ. Есть такое основаніе, и при томъ общее, также у Русскихъ и у Сербовъ — въ сохраненной ими праславянской наклонности къ отдачѣ нисходящаго ударенія предшествующему слогу: *бѣлы́ руки*, *рѣзвы́ ноги*, какъ *доба̏р вечē(р)*, *добро̏ јутро* (или даже — *итро*) при соединеніи двухъ словъ не менѣе тѣсномъ, чѣмъ *на́ воду*, *на̏ воду*. Правда, что сербскій языкъ почти не знаетъ такой энклизы помимо соединеній съ предлогами, но такъ какъ такіе примѣры, подобные малорусскому *добрй день* (вмѣсто **добръ́ дьнь*), польскому dobranoc, восходятъ къ общеславянскому языку, а число энклитическихъ сочетаній во всѣхъ языкахъ убавляется, слѣдуетъ предполагать, что нѣкогда Сербы обладали значительно бо́льшимъ числомъ энклитикъ. У Штокавцевъ-же явились новыя соединенія этого рода, отличающіяся отъ древнихъ только качествомъ ударенія, какъ *једа́н пу̑т* или *једа̀(н) рēд*, *два́ пу̑т*, *по́ ноћи*, *ономáдне* (изъ **ономь́ дьне*), *двáдесет* или *двáест* и др., которыя впрочемъ отчасти лишь заняли мѣсто подобныхъ имъ старыхъ: ср. русскія *два́ раза*, *по́лночь*, *наме́дни*, *два́дцать*. Такимъ путемъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ развилась привычка къ энклизѣ, которая въ стихосложеніи отразилась ритмическимъ подчиненіемъ послѣдующихъ словъ предъидущимъ односложнымъ или трехсложнымъ словамъ или сочетаніямъ словъ. Согласно съ только-что высказанными соображеніями можно ожидать, что лѣтъ за 400 тому назадъ эта привычка сказывалась еще сильнѣе; и въ самомъ дѣлѣ у старыхъ дубровницкихъ стихотворцевъ есть и энклиза односложныхъ словъ послѣ двусложныхъ или трехсложныхъ, которая изрѣдка попадается въ народныхъ пѣсняхъ до нашего времени, напр. у Кухача 981:

Гдо̏ те бу̏дē, дѐвче, љу́бил, ка̏д јā бу̏дēм Францо́зе би̏л?
Гдо̏ ћē, лу̀ла, тво̑ј га̏зда би̏т, ка̏д јā бу̏дēм мо́рал у̏мрӣт?[34])

Любопытны здѣсь и односложныя созвучія при ритмическомъ ударенія на предшествующемъ слогѣ, какъ у тѣхъ-же Дубровчанъ, напр. въ «Дервишѣ» Степана Дёрдича (Стијепо Ђорђић), написанномъ тѣмъ-же размѣромъ:

---

34) Ударенія разставлены по Вуку и Даничичу; но безъ непосредственнаго знакомства съ говоромъ, на которомъ сложена эта пѣсня, ручаться трудно за вѣрность такой разметки. Впрочемъ эта оговорка едва-ли нужна относительно конечныхъ словъ полустишій.

Jȃ сам Де́до а̀шик дѐрви̅ш,
Кӣ ти и̏зрањен па̏да̑м при̑д двор;
Изи́д', ца̏нум, да ме ви̏ди̅ш,
И да чу̏је̅ш мо̑ј ра̏зговор —
Је ли сла̏дак, а̏ што вѐли̅ш? —
Ја̑ сам Де́до стра̏вљен дѐрви̅ш!

Риѳмы *љу́бил — би̏л*, *дѐрви̅ш — ви̏ди̅ш* и т. п. даются непосредственно только при такомъ растяженіи предпослѣдняго слога, которымъ на слѣдующемъ слогѣ вызывалось-бы ритмическое удареніе, т. е. напр. *љубил* — *Францозе бил*, и напѣвы четырехъ пѣсенъ въ Гекторовичевой драмѣ «Св. Ловринац», сложенной этимъ размѣромъ (ст. 147—168, 773—780, 799—809 и 1203—1214), построены именно такъ, но въ приведенной народной пѣснѣ такого растяженія нѣтъ. Слѣдовательно такія риѳмы болѣе или менѣе условны; а такъ какъ все условное въ жизни имѣло нѣкогда свое основаніе, мы въ правѣ искать какого-нибудь основанія и для такихъ неестественныхъ созвучій. Находится оно, вѣроятно, въ любимомъ Дубровчанами двѣнадцатисложномъ стихѣ, дванаесте́рац или, какъ его называетъ Суботичъ, кра̀љички̅ вѐћи̅, который соотвѣтствуетъ польскому краковяку:

◡◡◡◡|⊥ –| ◡◡◡◡|⊥ –

или по-польски:

◡◡◡ | ◡ –(◡)| ◡◡◡ | ◡ –(◡)

синкопически, съ отчетливымъ выбиваньемъ послѣдняго слога въ каждомъ полустишіи. Отсюда можно объяснить и у Чеховъ напр. такія риѳмы:

Syna na provázku, na hedbávné šňůrce,
Aby nechodíval k chudobné panence

или въ словацкой пѣснѣ:

Já som se nazdala, že sa pole mrači,
A to sa milému začerneli oči,

откуда и въ другомъ размѣрѣ, въ томъ-же осьмисложномъ, который мы только-что видѣли въ хорватской пѣснѣ и въ первой строфѣ «Дервиша»:

Donesla mu tvrdý kameň: «Ostávaj tu s Panem Bohem!»

То-же въ такомъ-же стихѣ у Мадяръ, которые обходятся съ концемъ стиха совсѣмъ по-сербски, напр. въ пѣснѣ:

A kit az én szivem szeret,
Nem ir az nekem levelet;
De a szive, tudom, szeret,
Mert az régen az enyém lett,

при чемъ слѣдуетъ помнить, что разговорное удареніе падаетъ по-мадярски всегда на первый слогъ. У Дубровчанъ односложная риѳма вмѣсто двусложной встрѣчается особенно часто, именно въ двѣнадцатисложномъ стихѣ, напр. у Шишка Менчетича (1457—1507):

Бла́же̄ни ча̏с и хи̂п, на̂јпрво кад сам ја̂
Ви̏дил тво̂ј о̀браз ли̂п, од ко́га сла̏ва сја̂,
Бла́жена сва̏ ми̏ста, ка̀да те гди ви̏ди̅х,
Дни̏, но̏ћи, го̀ди̅шта, ко̀ја те ја̄ сли́ди̅х.
Бла́жен ча̏с и ври́ме, на̂јпрво ка̀да чу̏х
Љéпости тве̂ и̏ме, ко̀јо̄ј да̏х ва̏с по̏слӯх.
Бла́жене бо̀љёзни, ке̂ па̏ти̅х но̂ћ и да̂н
Ци̂ћ тво̀је̄ љу̀бе̄зни, за ко̀јӯ гу̏бља̄х са̏н.
Бла́жени ја̏д и ва̂ј, ки̂ ство̀рих доса̀де̄,
Жѐље̄ћи о̀браз та̂ј све̏ мо̀је дни̏ мла̂де̄.
Бла́жено ва̀пи̅ње, кад и̏ме тве̂ зо̀ви̅х,
И го̂рко̄ тр́пи̅ње, у жѐљах кад пло̀ви̅х.
Бла́жен тра̂к од у̏зе̄ љу̀вене̄, у ко̀јо̄ј
Ство̀рих пла̏ч и су̏зе, жѐље̄ћи да сам тво̂ј.
Бла́жена љéпо̄с тва̂, бла́жена тва̂ мла̏до̄с,
По̏кли се мѐни сва̏ да̏рова̄ за ра̏до̄с.

Здѣсь мы видимъ уже знакомую энклизу односложнаго не только послѣ другого односложнаго, какъ *и хи̂п* или можетъ быть, *и̏ хи̅п* и т. п., но и послѣ двусложнаго, какъ *о̀браз ли̂п* и даже *сла̏ва сја̂*. Слѣдуетъ однако замѣтить, что полустишіе сербскаго двѣнадцатисложнаго стиха обыкновенно дѣлится концами словъ на двѣ части такъ: ⊥⏑⏑ | ⏑⊥⏑, т. е. на дактиль или кретикъ и на амфибрахій, а ритмическое дѣйствіе двухъ первыхъ изъ этихъ стопъ на послѣдующую намъ уже извѣстно. Такое дѣленіе ритмическаго ряда ⊥⏑⏑⏑⊥⏑ именно въ этомъ стихѣ достойно тѣмъ большаго вниманія, что въ другихъ соединеніяхъ, напр. съ осьмисложнымъ стихомъ впереди, этотъ рядъ дѣлится произвольно, а въ хороводныхъ пѣсняхъ (пјесни од кола) Динка Ранины третій слогъ даже рѣдко отдѣляется, напр. 335:

Ȁх, дјѐво̄јко, ду̑шо мо̀ја,   ка̑ ми с' смр́цу | да́ла,
Кад за́го̄рјем грѐду с тобо̄м   ста̏до мо̀је | па́се,
Тȅре вр̏гу на́ те о̏ко   и ти̑ гле̏да̄ш | на́ ме,
Ства̑р, ко̀ја̄ ми ср̏це жѐже̄   о̀гњено̄м | жѐљо̄ме

и т. д. приблизительно съ тѣмъ-же отношеніемъ между мужескимъ и женскимъ дѣленіями. То-же и во второй части десятисложнаго стиха. Исключенія найдутся и въ двѣнадцатисложномъ, особенно при обиліи риѳмъ, которымъ сильно затрудняли себѣ свою задачу напр. Маруличъ («Дјевици Марији»), Луцичъ[36]) и Бараковичъ, однако они рѣдки даже въ сложенныхъ этимъ размѣромъ сонетахъ Георгія Држича и Динка Ранины, а Менчетичъ и совсѣмъ воздержался отъ такихъ уклоненій въ своей «Пјесни о Исусу», не смотря на четверную риѳму. Что̀ до окончаній на двусложное слово съ односложнымъ, то въ этихъ случаяхъ сѣченіе послѣ третьяго слога обусловлено самымъ числомъ слоговъ. Риѳма въ двѣнадцатисложномъ стихѣ охватываетъ по большей части два слога, но при односложномъ словѣ въ концѣ двухъ стиховъ или полустишій или хоть одного изъ двухъ она можетъ ограничиться однимъ послѣднимъ слогомъ, какъ въ ст. 1—2 (такъ-же 7—8, 9—10, 15—16) и 5—6 (такъ-же 13—14). Созвучіе только послѣднихъ слоговъ помимо односложныхъ словъ попадается гораздо рѣже, напр. въ стихотвореніи Ранины «У злорека завидника» (368) ст. 7—8:

При́личан ти јѐси   у свȅму к зви̑ри о̀но̄ј,
Ка̑ ви̏де̄ћ си̏нове   при̏тиле толи̏ко̄ј

и съ той-же риѳмой тамъ-же въ ст. 55—56:

Ки̑ ка̏ми ни̑ ка̏ми,   ка̑ ли се зви̑р о̀но̄ј
Нѐ ра̄ђа̄ с јѐзиком   по̏требни̑м толи̏ко̄ј?

Но за то ст. 19—20 двусложная риѳма даже при односложномъ:

Ткȍ хȍће̄ ту́ђӯ ства̑р,   ку̑ па̏ме̄т по̀да̄је̄,
Ра́зложно ху̏лити,   при̏е то̏га три́ба је

и пр. Ср. И. В. Ягичъ, «Размѣръ (двѣнадцатислоговой) древнѣйшихъ стихотвореній поэтовъ славянскихъ (сербо-хорватскихъ) въ *Далмаціи*» въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія р. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ» т. I, стр.

36) Впрочемъ и безъ того грѣшившій въ этомъ отношеніи, какъ и Гекторовичъ, что̀ можетъ быть и не случайностью, такъ какъ оба они родомъ съ острова Хвара, т. е. чакавцы.

439—466. Но вообще женское окончаніе на двусложное или трехсложное слово съ односложнымъ встрѣчается почти только въ этомъ размѣрѣ и при томъ чуть-ли не исключительно въ дубровницкой письменности, да еще кое въ какихъ далматинскихъ и хорватскихъ пѣсняхъ, отчасти продолжающихъ старыя дубровницкія преданія, а впрочемъ старинныя народныя, по видимому, не знаютъ этой вольности. Но въ самомъ обычномъ и вмѣстѣ самомъ свободномъ стихѣ позднѣйшей сербской народной поэзіи, десятисложномъ, она иногда попадается, напр. въ пѣснѣ о Бановичѣ Страхинѣ:

Ка̏жи, зе̑те, шта̏ је и ка̏ко је,

совсѣмъ какъ у Ветранича въ двѣнадцатисложномъ стихѣ:

Те̏р не́ ви̑ем за̏че̄ти, по̀добно ка̏ко је,
Пје̏са̄нцу по̀че̄ти бе̏з помо̄ћи тво̀је̄.

Вѣрнымъ кажется, по крайней мѣрѣ то, что такихъ концевъ нѣтъ въ тѣхъ образчикахъ народнаго пѣснопѣнія, которые такъ или иначе сохранены дубровницкими стихотворцами. Между этими примѣрами особое вниманіе заслуживаютъ такъ называемыя «бугарштице» (вѣроятно, отъ *Бу̏гарин* = Болгаринъ, но въ смыслѣ пастуха, иначе—«вла̏х», што̀ по-албански *бу̏гарч*). Онѣ дошли до насъ, по видимому, безъ передѣлокъ, между прочимъ — и безъ риѳмы, безъ которой не обходятся Дубровчане. Ко второй и третьей изъ тѣхъ бугарштицъ, которыя Гекторовичъ вставилъ въ свою идиллію «Рибање» (ст. 523—592, 595—685 и 698—718) сохранились ноты, важныя не только въ музыкальномъ отношеніи, но и для установки тогдашняго ударенія и даже количественности, такъ какъ исполненіе бугарштицы можно назвать, очевидно, не столько пѣніемъ, сколько пѣвучимъ произношеніемъ стиховъ, которые къ тому-же не одинаковы по длинѣ и по строю и соединены въ строфы, также не равныя между собою. Вотъ начало второй бугарштицы по ритму напѣва (съ ⏑ = $^1/_4$ подлинника въ видахъ упрощенія ритмическихъ знаковъ, для чего и вмѣсто $^3/_8 + ^1/_8$ вездѣ отмѣчено ⏑):

Ка̏да ми се Ра̏досаве во̏јевода оди̑ља̄ше
О̏д сво̀је̄га гра̑да ди̏вно̄га, ди̏вно̄га Севери́на,
Че̏сто ми се Ра̏до̀сав на Сиве̏ри̑н о̏бзира̑ше
Те̏ре то̄ ми ова̀ко̄ бие́лу гра̑ду бѐсидја̑ше.

Начало третьей:

И кли̑че̄ дѐво̄јка, по̀кли̑че̄ дѐво̄јка,
jо̑ш кли̑че̄ дѐво̄јка мла́да ми те̏ре ги̏здава,
Мла́да те̏ре ги̏здава, са̏ бри̑г, бе́ла дѐво̄јка, Ду̏наја.

Изъ ударенiй можетъ показаться чакавскимъ развѣ только *одѝља̄ше* и *ова̀ко̄*, которыя болѣе согласовались-бы съ размѣромъ при ударенiи *оди̑ља̑ше* и *овако̑*; но ни то, ни другое не доказательно вслѣдствiе уже упомянутой ритмической неустойчивости восходящаго ударенiя. За то въ пользу штокавскаго ударенiя въ обоихъ образчикахъ свидѣтельствуютъ *када*, *обзираше*, *бесиdјаше*, *девојка* или *девојка* (при которомъ *девојка* и *девојка* теряютъ свое значенiе), *млада* или *млада*, *бела*, *Дунаја* и также, съ замѣной разговорнаго ударенiя долготою, *Сиверина*, *Сиверин* и *Радосав*, такъ какъ, по свидѣтельству Р. И. Кошутича, вопреки Вуку, дающему въ словарѣ *Ра̏досав* (вѣроятно изъ звательнаго *Ра̏досаве*), это имя произносится обыкновенно *Ра́досав*. Протяженiе разговорно-ударяемаго, но ритмически безударнаго слога въ пѣнiи напоминаетъ повышенiе такого слога въ великорусскихъ пѣсняхъ, напр.:

Разовьёмъ мы берёзу, Разовьёмъ мы кудряву,

гдѣ слоги *-рё-* и *-дря-* поются на четыре степени выше предшествующихъ и на двѣ выше послѣдующихъ.

Если эти замѣтки о сербскомъ стихосложенiи мы дополнимъ двумя предположенiями, во всякомъ случаѣ не совсѣмъ лишенными основанiя, а именно — что дубровницкiе стихотворцы подобно тому, какъ они употребляли *ли̏јеп* (*ли̑еп*) и *ли̑п*, *грѐду* и *грѐде̄м*, *што̏* и *ча̏* и т. п., могли прибѣгать иногда и прямо къ чакавскому ударенiю, и что самая ихъ штокавщина извѣстна намъ не вполнѣ, то едва-ли согласимся безусловно съ увѣренiемъ Решетара, что у этихъ стихотворцевъ «ударенiе точно такъ-же свободно и въ риѳмѣ и внѣ ея, какъ у нашихъ нынѣшнихъ поэтовъ» («Антологиjа дубровачке лирике стр. XXVII примѣч.): ни въ старыхъ, ни въ новыхъ сербскихъ и хорватскихъ стихахъ дѣло не ограничивается однимъ счетомъ слоговъ, а во всякомъ стихѣ, народномъ-ли или искусственномъ, какъ-бы онъ ни былъ неровенъ или шероховатъ (храпав, какъ говорятъ Сербы), по большей части есть хоть намеки на лежащiй въ его основѣ ритмъ, которые состоятъ именно въ пользованiи выше изложенными правилами,

и хорошій чтецъ не только замѣчаетъ эти указанія на разумѣемый строй стиха — при чемъ дѣло облегчается простотою ритма, — но и находитъ возможнымъ осуществлять ихъ, по крайней мѣрѣ, до такой степени, что слушатель, хотя и замѣчаетъ то тамъ, то сямъ погрѣшности противъ плавности ритмическаго движенія, все-таки получаетъ въ общемъ впечатлѣніе чего-то благозвучно-стройнаго. Несомнѣнно, что этому впечатлѣнію сильно содѣйствуетъ, какъ и въ итальянскихъ стихахъ, благозвучіе самаго языка. Но сербскій стихъ течетъ и развертывается отлично отъ итальянскаго: второй открываетъ свободой своего построенія полный просторъ выразительному разнообразному чтенію, которое заставило-бы забыть, что слышишь размѣренную, а не вольно льющуюся рѣчь, если-бы сила послѣдняго ударенія не указывала границъ стихо̀въ и тѣмъ не пріучала-бы слухъ къ воспріятію взаимнаго равенства этихъ отдѣловъ, а первый, нѣсколько стѣсняющій чтеца требованіемъ бо̀льшей равномѣрности во времени, то въ началѣ, то въ серединѣ, то ближе къ концу даетъ чувствовать основной ритмъ и, по мѣрѣ дальнѣйшаго своего хода все чаще и чаще исправляя свои прежнія неровности, мало по малу какъ-бы гипнотизируетъ слушателя и внушаетъ ему безсознательную вѣру въ полную, хоть и своеобразную, ритмичность этихъ строчекъ, изъ которыхъ лишь немногія даютъ ритмъ во всей его чистотѣ, но каждая стремится къ нему по-своему, пользуясь обильными ритмическими средствами сербскаго языка. Въ сербскомъ стихосложеніи, какъ чуть-ли не во всякомъ иномъ, есть кое-что такое, что̀ держится больше преданіемъ, чѣмъ дѣйствительными свойствами языка; но это преданіе самобытно. Произведенія старыхъ Дубровчанъ кишатъ всяческой итальянщиной, но лишь въ языкѣ, да и то кромѣ словаря, а стихосложеніе ихъ несомнѣнно перенесено изъ народной пѣсни, можетъ быть, за исключеніемъ риѳмы. Въ этомъ отношеніи Дубровчане болѣе объитальянились во времена позднѣйшія, когда стали распѣвать пѣсенки въ родѣ

С Бо̏гом, не̏ха̄рна̄ ду̑шо!
Тре̏ба̄ се ве̏ћ дјѐлити.
А̏х, што̏ ћу учѝнити,
Ка̀да ме ти̑ мр̀зи̑ш?

дословно съ итальянскаго:

Anima ingrata, addio!
Lasciarti ormai conviene.
Oimè, chè far degg' io,
Se sono in odio a te?

Начало третьей:

И кли̏че̄ дѐво̄јка, по̀кличе̄ дѐво̄јка,
јо̏ш кли̏че̄ дѐво̄јка мла́да ми тѐре гѝздава,
Мла́да тѐре гѝздава, са̏ бри̏г, бе́ла дѐво̄јка, Ду̏наја.

Изъ ударенiй можетъ показаться чакавскимъ развѣ только *одѝља̄ше* и *ова̀ко̄*, которыя болѣе согласовались-бы съ размѣромъ при ударенiи *оди̅ља̑ше* и *овако̑*; но ни то, ни другое не доказательно вслѣдствiе уже упомянутой ритмической неустойчивости восходящаго ударенія. За то въ пользу штокавскаго ударенія въ обоихъ образчикахъ свидѣтельствуютъ *када*, *обзираше*, *бесидјаше*, *девојка* или *девојка* (при которомъ *девојка* и *девојка* теряютъ свое значенiе), *млада* или *млада*, *бела*, *Дунаја* и также, съ замѣной разговорнаго ударенія долготою, *Сиверина*, *Сиверин* и *Радосав*, такъ какъ, по свидѣтельству Р. И. Кошутича, вопреки Вуку, дающему въ словарѣ *Ра̏досав* (вѣроятно изъ звательнаго *Ра̏досаве*), это имя произносится обыкновенно *Радо̄сав*. Протяженiе разговорно-ударяемаго, но ритмически безударнаго слога въ пѣнiи напоминаетъ повышенiе такого слога въ великорусскихъ пѣсняхъ, напр.:

Разовьёмъ мы берёзу, Разовьёмъ мы кудряву,

гдѣ слоги *-рё-* и *-дря́-* поются на четыре степени выше предшествующихъ и на двѣ выше послѣдующихъ.

Если эти замѣтки о сербскомъ стихосложенiи мы дополнимъ двумя предположенiями, во всякомъ случаѣ не совсѣмъ лишенными основанiя, а именно — что дубровницкiе стихотворцы подобно тому, какъ они употребляли *ли̏јеп* (*ли̑еп*) и *ли̏п*, *грѐду* и *грѐде̄м*, *што̑* и *ча̏* и т. п., могли прибѣгать иногда и прямо къ чакавскому ударенiю, и что самая ихъ штокавщина извѣстна намъ не вполнѣ, то едва-ли согласимся безусловно съ увѣренiемъ Решетара, что у этихъ стихотворцевъ «ударенiе точно такъ-же свободно и въ риѳмѣ и внѣ ея, какъ у нашихъ нынѣшнихъ поэтовъ» («Антологија дубровачке лирике стр. XXVII примѣч.): ни въ старыхъ, ни въ новыхъ сербскихъ и хорватскихъ стихахъ дѣло не ограничивается однимъ счетомъ слоговъ, а во всякомъ стихѣ, народномъ-ли или искусственномъ, какъ-бы онъ ни былъ неровенъ или шероховатъ (храпав, какъ говорятъ Сербы), по большей части есть хоть намеки на лежащiй въ его основѣ ритмъ, которые состоятъ именно въ пользованiи выше изложенными правилами,

и хорошій чтецъ не только замѣчаетъ эти указанія на разумѣемый строй стиха — при чемъ дѣло облегчается простотою ритма, — но и находитъ возможнымъ осуществлять ихъ, по крайней мѣрѣ, до такой степени, что слушатель, хотя и замѣчаетъ то тамъ, то сямъ погрѣшности противъ плавности ритмическаго движенія, все-таки получаетъ въ общемъ впечатлѣніе чего-то благозвучно-стройнаго. Несомнѣнно, что этому впечатлѣнію сильно содѣйствуетъ, какъ и въ итальянскихъ стихахъ, благозвучіе самаго языка. Но сербскій стихъ течетъ и развертывается отлично отъ итальянскаго: второй открываетъ свободой своего построенія полный просторъ выразительному разнообразному чтенію, которое заставило-бы забыть, что слышишь размѣренную, а не вольно льющуюся рѣчь, если-бы сила послѣдняго ударенія не указывала границъ стихо́въ и тѣмъ не пріучала-бы слухъ къ воспріятію взаимнаго равенства этихъ отдѣловъ, а первый, нѣсколько стѣсняющій чтеца требованіемъ бо́льшей равномѣрности во времени, то въ началѣ, то въ серединѣ, то ближе къ концу даетъ чувствовать основной ритмъ и, по мѣрѣ дальнѣйшаго своего хода все чаще и чаще исправляя свои прежнія неровности, мало по малу какъ-бы гипнотизируетъ слушателя и внушаетъ ему безсознательную вѣру въ полную, хоть и своеобразную, ритмичность этихъ строчекъ, изъ которыхъ лишь немногія даютъ ритмъ во всей его чистотѣ, но каждая стремится къ нему по-своему, пользуясь обильными ритмическими средствами сербскаго языка. Въ сербскомъ стихосложеніи, какъ чуть-ли не во всякомъ иномъ, есть кое-что такое, что́ держится больше преданіемъ, чѣмъ дѣйствительными свойствами языка; но это преданіе самобытно. Произведенія старыхъ Дубровчанъ кишатъ всяческой итальянщиной, но лишь въ языкѣ, да и то кромѣ словаря, а стихосложеніе ихъ несомнѣнно перенесено изъ народной пѣсни, можетъ быть, за исключеніемъ риѳмы. Въ этомъ отношеніи Дубровчане болѣе объитальянились во времена позднѣйшія, когда стали распѣвать пѣсенки въ родѣ

С Бо̏гом, не̏ха̄рна̄ ду̑шо!
Тре̏ба̄ се ве̏ћ дјѐлити.
А̏х, што̏ ћу учѝнити,
Ка̀да ме ти̑ мр̍зӣш?

дословно съ итальянскаго:

Anima ingrata, addio!
Lasciarti ormai conviene.
Oimè, chè far degg' io,
Se sono in odio a te?

и т. д.—то и другое по напѣву ⊥◡◡|⊥ ⏑|⏑|⏑| (трижды) + ⊥◡◡|⊥ ⏑|⏑. Но, какъ-бы сербо-хорватское стихосложеніе ни отличалось отъ итальянскаго своею ритмичностью и потому близостью къ стопному, оно все-таки должно быть признано слоговымъ не только по своей свободѣ относительно удареній, но и на томъ основаніи, что ритмическимъ образцемъ ему служатъ стопы двусложныя, изъ которыхъ ни одинъ слогъ не можетъ быть выпущенъ внутри стиха.

Очень близко къ сербскому стихосложенію стоитъ чешское народное; близость эта такова, что его особенности изложены выше въ связи съ особенностями сербскаго стихотворнаго строя. И здѣсь сильно сказывается ритмъ языка, у Чеховъ еще рѣшительнѣе двухдольный, чѣмъ у Сербовъ: какъ въ разговорѣ dorozuměti, ne-pamatovala и dorozuměti se, такъ въ стихахъ s půlnoci byla, by pamatovala, pomoci hledati и nech svítí komu chce. Въ послѣднемъ примѣрѣ уже значительно помогаетъ долгота естественная и по положенію. Для того, чтобы показать, какъ сильно долгота обоихъ родовъ притягиваетъ къ себѣ ритмическое удареніе въ чешскихъ стихахъ (но лишь въ двухдольныхъ), довольно привести вторую строфу изъ правильно-ямбическаго стихотворенія Челаковскаго Společná píseň, при чемъ гласныя, ударяемыя ритмически только вслѣдствіе долготы, какъ и производящія ее согласныя, отмѣчены курсивомъ:

Kdo předků zápasy hrd*insk*é
Zpěv*em* *p*oto*mk*ům zvěstuješ
A, v sady nehledě ciz*insk*é,
Dom*á*cí krásy pěstuješ,
Rad*ost* a žel a sladkou tíseň
Kdo znáš vyl*í*ti v českou píseň,
Tys bratr náš, tys bratr náš,
Prav*ý* ty poklad v duši máš.

Трехсложныя стопы, именно съ удареніемъ на первомъ слогѣ, очень обыкновенны въ пѣсняхъ, напр.

Ach, není, tu není, co by mne těšilo,

но исполняются такъ только въ пѣніи, а безъ знанія напѣва легко принять такой стихъ за извѣстный ⊥◡◡|⊥ ⏑| ⊥◡◡|⊥ ⏑.

Одно изъ замѣтныхъ, но внѣшнихъ отличій чешскаго стиха отъ сербскаго есть и въ народныхъ пѣсняхъ риѳма, хоть часто и сомнительная. Эта черта, не древняя и не славянская, ясно показываетъ, что чешская пѣсня

ближе къ западной, нежели сербская. Риѳма часто мужеская. Разговорныя ударенія главныя и побочныя въ риѳмѣ не различаются, напр. у Челаковскаго въ трохеяхъ (Růže stolistá XXV):

I to sobě vážím mnoho,
Tak žití že anděl přál,
Až i města do jednoho
Byt náš zemský uchystal.

Слоговыя плавныя въ началѣ и въ концѣ словъ иногда лишаются своей длительности, напр. у него-же въ четвертомъ стихѣ количественной Алкеевской строфы (Na smělost):

Sílil a vedl hrdinných mužův krok,

что̀ впрочемъ странно въ виду двухъ другихъ его также количественныхъ стиховъ, переведенныхъ изъ Марціала, съ одной стороны — пентаметра:

Div že mi, jak jsi otcem   státi se, Fauste, mohl,

и съ другой — гексаметра:

Uchránit přez léto   ryby kde beze škody bys moh'? [36])

Въ Краледворской рукописи есть почему-то — быть можетъ, plzně-dle veršovníka — нѣсколько такихъ примѣровъ, какъ

Počechu trsti spolu vojevati (Jaroslav)

(даже внутри слова) или

By sě lsknula braň jich v zrace vrahóm
(Čestmír a Vlaslav),

но и

Srst črvená po něj sě lskněše (тамъ-же).

36) Съ сѣченіемъ κατὰ τρίτον τροχαῖον; но возможно также съ τριθημιμερής и ἑφθημιμερής:

Uchránit   přez léto ryby   kde beze škody bys moh',

но первое лучше, потому что позволяетъ дѣлить rybyk de, безъ чего нѣтъ долготы по положенію.

Со вторымъ изъ этихъ трехъ примѣровъ (гдѣ начальное неслоговое *l* послѣ гласной) сходно у Верхлицкаго (Portréty básníkův, Shakespeare III, ст. 6):

Kde Caliban řve, lkají elfův stíny,

но послѣ сѣченія (цезуры). Впрочемъ и помимо этихъ условій (тамъ-же L. Göthe), ст. 9:

Kde Byron lkal a zoufal, sok všem lidem.

Бываетъ и другая крайность, напр. въ стихотворномъ возраженіи Вячеслава Стаха противъ силы разговорнаго ударенія, tona (Starý veršovec pro rozumnou kratochvíli):

Ten jest neskrotitedlný?
V slovích nesměnitedlný?,

гдѣ на слоговое l подъ третьестепеннымъ разговорнымъ удареніемъ падаетъ удареніе ритмическое. Впрочемъ здѣсь виноваты прежде всего sesquipedalia verba. Какъ-бы то ни было, ритмъ здѣсь выраженъ разговорными удареніями; но это уже искусственное стихосложеніе, въ которомъ возможны даже трехсложныя стопы, напр. въ переводахъ Борецкаго изъ Прешерна, хотя такіе стихи, по признанію самого переводчика, стоили ему большого труда и все-таки не вполнѣ удались вслѣдствіе двусложности чешскаго ударенія. А народное чешское стихосложеніе приходится признать слоговымъ почти въ томъ-же смыслѣ и по тѣмъ-же причинамъ, какъ сербо-хорватское.

Но еще болѣе слоговое, — можно сказать, даже безусловно слоговое стихосложеніе мы находимъ въ болгарскихъ народныхъ стихахъ съ опредѣленнымъ числомъ слоговъ, напр. въ излюбленномъ у Болгаръ осьмисложномъ (Dozon 5):

Са́мси се Го́спод подка́ни
Че́ркова да си загради́
Между́ двѣ ви́ти планини́
И под два тѣ́нки о́блаци

и т. д. Здѣсь размѣренность рѣчи обнаруживается только ариѳметически, т. е., какъ выражаются о такихъ стихахъ Турки, счетомъ по пальцамъ (пармаk hысаб-ы), а ритмъ слышится только въ пѣніи, такъ какъ при разговорномъ произношеніи въ строчкахъ, подобныхъ приведеннымъ, нѣтъ ничего ритмическаго. Такъ-же или почти такъ-же строятъ Болгаре и тож-

дественный съ сербскимъ десятисложный стихъ и другой десятисложный, соотвѣтствующій сербскому и чешскому ⊥⊥∸ | ∸∸ (или ⊥⊥ или ⊥⊥ˆ дважды), напр. у Дозона 37 (со вставкой припѣва между полустишіями):

Ту́рчин ми ка́ра (джа́нъм) клета́ роби́ня,
Лю́то ѭ ка́ра (джа́нъм) по лю́та слана́,
Биѥ́м ѭ би́ѥ (джа́нъм) по бѣ́ло лице́:
«Ма́ри хвѣ́рли си (джа́нъм) мѫ́жко-то дѣте́

и т. д. съ полнымъ равнодушіемъ къ основному ритму, который появляется въ этой пѣснѣ лишь случайно, какъ ст. 13 (не считая припѣва):

Би́лѣ за гла́ва, би́лѣ за ро́жба.

Немудрено, что пѣвцы часто сбиваются въ счетѣ слоговъ, напр. тамъ-же 7 ст. 5—9, 21 ст. 1 и 24, 38 ст. 47, 54 ст. 7. Откуда это равнодушіе? Причина, вѣроятно, скрывается въ тѣхъ смѣшеніяхъ съ иноплеменниками, которымъ подвергались Болгаре, и въ переворотахъ, пережитыхъ вслѣдствіе этого болгарскимъ языкомъ, который давно уже разбился на нѣсколько нарѣчій, отличающихся одно отъ другого между прочимъ удареніями. Стихъ 38 той-же пѣсни:

Духа́ ке вѣтре́ц, та ке го люля́

былъ-бы правиленъ по двуслоговому ударенію (считая отъ конца), ст. 8:

Ка́то сам я́зе попо́ва снаха́ —

по трехслоговому, ст. 21:

Та го отне́се на планина́-та

вѣренъ только съ такимъ, т. е. свободнымъ, удареніемъ. При этомъ положеніи дѣла не удивительно, что попадаются и такіе стихи, какъ 35:

Ти не́мой гри́жа за мѫ́жко дѣте́,

который не будетъ, кажется, безукоризненъ ни при одномъ изъ болгарскихъ распорядковъ ударенія. Ложно представленіе, будто народная пѣсня такъ-таки совсѣмъ безъискусственна: въ ней всегда есть доля условности вслѣдствіе того, что, зародившись въ одной мѣстности, она переходитъ въ другую, въ третью и такъ далѣе, откуда и слагается у народа свой пѣсенный языкъ и свое пѣсенное стихосложеніе, которые, правда, не такъ строго установлены, какъ въ поэзіи грамотныхъ людей, но не соотвѣтствуютъ

точно особенностямъ ни одного говора. Въ полной мѣрѣ примѣняется это наблюденіе къ стихотворнымъ размѣрамъ, заимствованнымъ у другихъ народовъ, а такихъ размѣровъ у Болгаръ много, въ томъ числѣ и разобранные выше: десятисложный съ сѣченіемъ послѣ четвертаго слога пришелъ къ нимъ отъ Сербовъ отчасти съ самыми пѣснями (какова, по видимому, 38 у Дозона); онъ-же съ сѣченіемъ послѣ пятаго — отъ Грековъ, напр. въ пѣснѣ

Κάτω 'ς τὸν κάμπον, 'ς τὸ ῥημονήσι
'βγῆκ' ὁ σουλτάνος νὰ κυνηγήσῃ

и пр.; осьмисложный — отъ Грековъ-же, у которыхъ онъ такъ распространенъ, по малой мѣрѣ, съ XIV в., что вошелъ даже въ пословицы, какъ

Ὁ τρελὸς τὸν ζουρλισμένον 'σὰν τά 'μάτια του τὸν ἔχει[37]).

Стихотворные размѣры переходятъ изъ одного мѣста въ другое, конечно, не въ видѣ отвлеченныхъ образцевъ, а вмѣстѣ съ напѣвами, и вотъ именно такой готовый напѣвъ и вызываетъ на своей новой почвѣ пѣсни соотвѣтствующаго склада, но соотвѣтствующаго лишь приблизительно, хотя-бы только въ числѣ слоговъ, потому что безъ послѣдняго условія нельзя и примѣнить заносный напѣвъ къ самодѣльнымъ словамъ. Такъ возникаютъ пѣсенки, подобныя извѣстной нѣкогда Москвичамъ съ напѣвомъ, перенятымъ у Нѣмцевъ или у Чеховъ:

На у́лицѣ двѣ ку́рицы
Съ пѣтухо́мъ деру́тся.

и пр.—см. примѣч. 20. То-же дѣйствіе оказываютъ иногда и свои напѣвы, отличающіеся рѣзкой опредѣленностью ритма и при томъ широко распространенные, каковы нѣкоторые плясовые; и они способны породить стишки въ родѣ

Одна́ нога́ коро́че,

т. е., по звукамъ въ пѣніи,

А́дна на́га ка́роче́,

37) Впрочемъ можно замѣтить на всякій случай, что этотъ размѣръ извѣстенъ также Вогуламъ и Остякамъ, предполагаемымъ родичамъ или предкамъ Болгаръ Камскихъ Аспаруховыхъ, и Финнамъ, особенно Суоми.

впрочемъ съ ясными *а* на мѣстѣ бывшихъ ударяемыми. Но Великорусы такъ привыкли къ совпаденію ритмическаго ударенія съ разговорнымъ, что послѣ такихъ неправильныхъ стиховъ, каковы только-что приведенные, тутъ-же воспроизводятъ надлежащій ритмъ, какъ уже во второмъ стихѣ перваго примѣра, а дальше — еще полнѣе и точнѣе:

Изъ свѣтли́цы двѣ́ дѣви́цы
Смо́трятъ да смѣю́тся,

во второмъ примѣрѣ слѣдуетъ если не изящный, то хоть ритмическій стихъ:

А дpyгáя дли́ньше.

Вообще Великорусъ плохо мирится со слоговымъ строемъ въ качествѣ самой основы стихосложенія, потому что 1) онъ и до сихъ поръ не утратилъ вполнѣ свой исконный пѣсенный складъ, которымъ онъ невольно провѣряетъ свои новыя произведенія, 2) письменные образцы его позднѣйшаго пѣснотворчества могутъ только поддержать въ немъ потребность въ соотвѣтствіи между обоими родами ударенія, 3) онъ никогда не испытывалъ на себѣ непосредственнаго чужого вліянія. Положеніе Болгарина совсѣмъ иное. Какъ уже было замѣчено выше, онъ еще не окончательно потерялъ свой старый пѣсенный складъ, но между пѣснями этого склада и сложенными по новому, все умножающимися на счетъ первыхъ, лежитъ пропасть, сказывающаяся и въ пріемахъ пѣнія, не говоря уже о самыхъ напѣвахъ: одни напоминаютъ не только голосомъ, но и свойствомъ исполненія старинныя русскія пѣсни, а другія поются съ какими-то похожими на вой переливами и громкими передышками, очевидно, не славянскими. Можетъ быть, эти своеобразныя черты чуть-ли не большинства болгарскихъ пѣсенъ представляютъ собою также наслѣдіе старины, но во всякомъ случаѣ не славянской, а той, которая превратила славянскую рѣчь нынѣшнихъ Болгаръ въ нѣчто единственное въ своемъ родѣ среди славянскихъ языковъ, подобное армянскому языку среди индоевропейскихъ или чувашскому и якутскому среди турецкихъ. Это, конечно, возможно, но несомнѣнно и позднѣйшее восточное вліяніе, именно персидское черезъ Турокъ, распространившееся тѣмъ-же путемъ и среди Грековъ и Арнаутовъ. Турецкому вліянію предшествовали другія, почти такія-же чуждыя, — тѣ, которыя создали обще-балканское словосочиненіе, въѣвшееся въ болгарскій языкъ не менѣе, нежели въ ново-греческій и въ румынскій, откуда оно впрочемъ, кажется, и расползлось по всему полуострову еще до прихода Сербовъ. Съ этими вліяніями или, по крайней мѣрѣ, съ древне-романскимъ былъ неразрывно связанъ если не слоговой, то полу-слоговой, полу-стопный пѣсенный складъ,

выросшій па останкахъ разлагавшагося количественнаго стихосложенія и заявившій о своемъ зарожденіи уже въ томъ будто-бы количественномъ надгробіи, которымъ, можетъ быть, самъ императоръ Гадріанъ почтилъ память своего коня, гдѣ есть не только

Caesăreus verēdus

и

Per tŭmulos et rúscos

и т. п., но и

Spársĭt ab ŏre caŭdam.

Или, если этотъ примѣръ, какъ рукописный (см. Anthologia latina rec. A. Riese I. 903), можетъ показаться недостаточно надежнымъ, то вотъ другой, съ камня изъ римскаго колумбарія (тамъ-же II. Carmina epigraphica conl. Fr. Buecheler 134):

Píus et sănctus vĭxi quam diu pŏtui

или слѣдующій, изъ окрестностей Кордовы (тамъ-же 223) — правда, вѣка VII или VIII, когда латинская рѣчь уже смолкла, но за то яркій:

Hic Theudefrēdi cŏndita
Mémbră quiēscunt ărida,
Cúiŭs orĭgo fŭlgida
Brébĕ [37]) refŭlsit ínclita

уже съ подобіемъ риѳмы, которая въ западной Европѣ является гораздо раньше, чѣмъ въ восточной (у Грековъ она извѣстна съ XV в.).

Таково-же приблизительно было положеніе и малорусскаго народнаго творчества, хотя чужія вліянія на него менѣе сложны. Юго-западная часть русскаго племени была долго почти отрѣзана исторіей отъ сѣверо-восточной части и гораздо раньше ея попала въ круговоротъ западно-европейской жизни. Потому тотъ переломъ, который великорусская пѣсня еще переживаетъ, совершился въ малорусской такъ давно, что отъ обще-русской пѣсенной старины въ ней сохранились лишь кое-какіе слѣды, которые не входятъ въ разсчетъ при опредѣленіи отличительныхъ чертъ малорусской народной пѣсни. При сопоставленіи съ великорусской она кажется похожею

37) Т. е. breve = breviter, in breve tempus. Первыя двѣ буквы утрачены, но возстановлены по догадкѣ Берлангою.

на романсъ, чѣмъ и объясняется ея успѣхъ среди Великорусовъ, даже далекихъ отъ любви къ народному творчеству. Таковы и всѣ западныя пѣсни — романскія, германскія и славянскія кромѣ сербскихъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) и болгарскихъ. Внѣшніе признаки этого, можно сказать, обще-европейскаго пѣсеннаго строя — риѳма и куплетъ, т. е. строфа, по большей части изъ четырехъ или болѣе полустишій (которыя, если риѳмуются между собою, слывутъ обыкновенно за стихи), часто съ припѣвомъ, или, по крайней мѣрѣ, съ повтореніемъ послѣдняго стиха, полустишія или конца его. Къ Малорусамъ такое построеніе проникло черезъ Поляковъ, столкнувшихся съ Западомъ лицемъ къ лицу еще въ то время, когда они, судя по чертамъ ихъ быта, общимъ съ балтійскими Славянами, съ Новгородцами и съ казаками, жили почти такъ-же, какъ ихъ обще-славянскіе предки. Потому у нихъ, какъ и у чехо-словацкаго племени и у Словѣнцевъ, старинный пѣсенный складъ пропалъ въ незапамятныя времена, что однако не значитъ, чтобы съ нимъ утратилась и всякая память о древнихъ размѣрахъ: противъ этого свидѣтельствуетъ уже краковякъ, не только сохраненный Поляками, но и получившій у нихъ преобладаніе надъ всѣми иными родами пѣсни. Приписывать такой переворотъ въ южно-русскомъ стихосложеніи именно польскому вліянію можно между прочимъ потому, что онъ проявляется чуть-ли не исключительно въ стихахъ, начинающихся прямо съ сильнаго ритмическаго ударенія, какъ у Поляковъ, и по большей части похожихъ на стихи мазурки и краковяка, а малорусскіе стихи другого склада, съ безударнымъ приступомъ впереди, напр. въ черниговской пѣснѣ:

Ой, у неді́лю ра́но, по ране́ньку я́сна зо́ря зіхо́дила;
Збі́ралася кре́вная роди́на, мене́ въ ві́йсько випрово́дила

и пр., слагаются обыкновенно по разговорному ударенію. Польское вліяніе на западныхъ Малорусовъ началось давно и подвигалось мало по малу на востокъ вмѣстѣ съ ними до крайнихъ предѣловъ Слободской Украйны. Въ XV и XVI в. оно возобновилось и усилилось въ Заднѣпровьѣ, откуда отозвалось отчасти и дальше. Въ этотъ разъ оно, что касается народной пѣсни, пало на почву, болѣе податливую, чѣмъ прежде, потому что къ тому времени южная вѣтвь малорусскаго племени, еще раньше обособившаяся отъ сѣверной, уже успѣла окончательно подѣлиться на нарѣчія галицкое, заднѣпровское, полтавское и слободское, распадшіяся въ свою очередь на говоры. Эти нарѣчія, цѣликомъ или по говорамъ, различались между прочимъ и удареніями: въ то время, какъ на востокѣ сохранялось по бо́льшей части обще-русское или, по крайней мѣрѣ, южно-русское удареніе, до древней энклизы включительно, на западѣ началась уже кое-гдѣ закрѣпка уда-

ренія, по-польски, на предпослѣднемъ слогѣ. Малорусская пѣсня двигалась, какъ отчасти и до сихъ поръ, съ запада на востокъ и, попавъ напр. въ Запорожскую Сѣчь, собиравшую въ себѣ всякую вольницу, но и распускавшую ее по всей южной Руси, перекочевывала въ разные углы малорусскаго міра и въ концѣ XVIII в. вмѣстѣ съ Запорожцами дошла до сѣверозападнаго Кавказа, гдѣ поютъ до нашихъ дней (Метл. стр. 172):

Ой, дівчина сіни мелá та й засміялася;
Вийшла мáти води́ брáти та й догадáлася,

что̀ даетъ правильный ритмъ только при двуслоговомъ, польскомъ удареніи: *дівчи́на* (впрочемъ такъ не на одномъ западѣ), *мéла*, *вóды*. Что̀ до *засміялáся* и *догадалáся*, то въ нихъ родной говоръ этой пѣсни виноватъ лишь косвенно, такъ какъ по его грамматикѣ слѣдуетъ *ся засміяла* и *ся догадáла*. Такъ въ Галичинѣ поютъ:

Ой, ти, гóро кáмінная, чóм ся не лупáєш?
Скажи́ мені́, ді́вко, прáвду: в кім ти ся кохáєш?,

а на Украйнѣ — *лупаéсся* и *кохаéсся*. По-галицки эти стихи — съ точки зрѣнія слогового склада — совершенно правильны, но по-украински для того, чтобы въ концѣ стиховъ получилось совпаденіе ритма разговорнаго съ пѣсеннымъ, пришлось просто переставить удареніе. Послѣ такихъ передѣлокъ легко уже было пѣть и

Коти́лися вóзи з гори́ та в доли́ні стáли.
Люби́лися, кохáлися та вже перестáли,

гдѣ нельзя сваливать вину на галицкій подлинникъ. Къ нѣкоторымъ изъ крайне-западныхъ удареній Малорусы такъ привыкли, что скажутъ напр. *спáла*, *вдóва*, *серде́нько*, *козáка* вмѣсто *спалá*, *вдовá*, *сéрденько*, *козакá* даже и тогда, когда не поютъ, а передаютъ пѣсню обыкновеннымъ голосомъ, потому что считаютъ эти ударенія законной принадлежностью пѣсенной рѣчи; но судятъ они такъ не по наукѣ, а по тому, какъ сами неоднократно слыхали эти слова въ пѣніи. Можно-ли при этомъ ожидать соблюденія надлежащихъ границъ? Но все-же эти границы были окончательно забыты лишь въ искусственныхъ стихахъ, предназначенныхъ для чтенія и потому не провѣряемыхъ напѣвомъ. Въ этомъ отношеніи любопытны такія личныя произведенія, какъ «Стихи умилительные» монаха Михаила изъ Нямецкаго монастыря, находящіеся въ хранилищѣ рукописей монастыря

Агапія (см. А. И. Яцимирскій, Славянскія и русскія рукописи румынскихъ библіотекъ, стр. 72—73). Вотъ ихъ начало:

Умили́ся, прослези́ся, ду́ше моя́ грѣ́шна,
Бу́ди къ Бо́гу по премно́гу въ моли́твахъ поспѣ́шна.
Сме́рть прихо́дитъ, су́дъ наво́дитъ и тягча́йшу му́ку:
Что́ сотвори́шь, ка́мо збѣжи́шь та́мошняго зву́ку?
До́брыхъ дѣ́лъ нѣ́сть, Бо́гъ же вся́ вѣ́сть, что́ содѣ́яхъ зла́я.
Не оута́йся, но пока́йся и начни́ блага́я.
Увы́, ду́ше, мѣ́ры вы́ше еси́ согрѣши́ла,
Отъ ю́ныхъ лѣ́тъ коли́кій свѣ́тъ страстми́ погуби́ла.
«Го́ре, оувы́!» всегда́ зови́ отны́нѣ до вѣ́ка,
Зане́ сме́рть бли́зъ, потре́бно сле́зъ, яко (ч. якъ) рѣка́ вели́ка.
Исповѣ́ждся и пока́йся, до́ндеже въ се́мъ мі́рѣ,
Бо́га бо́йся, подвиза́йся за́повѣдми въ вѣ́рѣ.

Въ этомъ примѣрѣ обращаютъ на себя вниманіе первыя полустишія тѣмъ, что каждое изъ нихъ раздѣлено ровно пополамъ сѣченіемъ, которое отмѣчено болѣе или менѣе полнымъ созвучіемъ съ концемъ полустишія (между прочимъ *оувы́ — зови́* и *бли́зъ — сле́зъ*, такъ какъ Михаилъ былъ, очевидно, Малорусъ, откуда и риѳмы *вѣ́ка — вели́ка*, *мі́рѣ — вѣ́рѣ*), а эти созвучія, то женскія (двусложныя), то мужескія (односложныя), показываютъ, что стихотворецъ склонялся то къ трохаическому ритму (который и свойственъ такому стиху при пѣніи), то къ ямбическому, не отдавая предпочтенія ни тому, ни другому. Есть мѣстныя ударенія и у Великорусовъ, и у нихъ они точно такъ-же вошли въ пѣсенный языкъ, признающій *широ́ко*, *высо́ко*, *дале́ко*, *глубо́ко* и *широко́*, *высоко́*, *далеко́*, *глубоко́*, *мо́лодецъ* и *молоде́цъ*, *уда́лый* и *удало́й*, *дѣ́вица* и *дѣви́ца*, *си́дючи* и *сидючи́* и т. п., и возможно, что такая свобода въ постановкѣ разговорнаго ударенія, принимаемая поющимъ народомъ исключительно за стихотворную вольность, въ связи съ относительною слабостью ритмическаго ударенія въ самой короткой изъ стопъ, двухдольной ($^2/_4$), способствовала и у Великорусовъ развитію пѣсенъ особаго склада, изъ вольныхъ стиховъ осьмисложныхъ или семисложныхъ, по напѣвному ритму — трохаическихъ, которые все болѣе вытѣсняютъ другіе, древніе размѣры, состоящіе изъ стопъ качественныхъ, но одинаковыхъ по числу слоговъ и выравнивающихся только при напѣвѣ. Такому распространенію стиховъ слогового склада могло отчасти содѣйствовать въ свою очередь малорусское вліяніе, напр. въ слѣдующей пѣснѣ, извѣстной и въ Московской губерніи:

На горѣ-то мали́на,
Подъ горо́ю кали́на.
Тамъ гуля́ла дѣвчи́на,
Кали́нушку лома́ла,
Во пуче́чки вяза́ла

и т. д. (съ повтореніемъ каждаго стиха, а въ третій разъ со вставкой слова «сиротина» передъ послѣднимъ словомъ): помимо малорусскаго *дѣвчина* сравни напр.

Чи я у лузї не калина була?
Чи я у темнім не червоная цвїла?
Взяли ж мене, поламали и в пучечки повьязали

и т. д. Нѣкоторая доля польщизны могла зайти къ Великорусамъ и черезъ литовскій рубежъ, который въ XVI, а еще болѣе въ XVII вѣкѣ существовалъ не столько для двухъ сосѣднихъ и родственныхъ, хотя и недружныхъ народовъ, сколько для ихъ правителей. Но среди Великорусовъ такое стихосложеніе распространялось туго вслѣдствіе привычки къ другому строю, въ теченіе многихъ вѣковъ не нарушаемой никакими посторонними вліяніями, пока изъ города не нахлынули въ деревню романсы и самодѣльныя подражанія имъ. Малорусы стояли, такъ сказать, болѣе на юру и потому легче подвергались дѣйствію западныхъ вѣяній. Но, какъ ни сильно было воздѣйствіе со стороны Поляковъ — сильно тѣмъ болѣе, что и они, по видимому, позаимствовались кое-чѣмъ отъ Малорусовъ и Бѣлорусовъ—, малорусское стихосложеніе сохранило въ себѣ нѣчто отличное отъ польскаго и вообще отъ западнаго: слоговой складъ его сказывается въ равнодушіи къ разговорному ударенію, но не въ числѣ слоговъ, которое осталось почти такъ-же свободно, какъ было въ обще-русскомъ стихосложеніи. Есть, правда, и у Малорусовъ пѣсни, построенныя въ числовомъ отношеніи не менѣе правильно, чѣмъ польскія, напр. мазурочнаго склада, какова:

Ой, колú-б я, зозу́ленько, та крилéчки мáла,
То я-б свою Украïну кругóм облïтáла,

но больше такихъ, какъ напр.

Ой, уж ве́чір та повечорíло,
Та вже моє се́рденько та повеселíло.

Съ другой стороны попадаются, какъ мы видѣли, и у Поляковъ пѣсни со стихами различной мѣры, при чемъ иногда нарушается вообще соблюдаемое согласованіе послѣдняго разговорнаго ударенія съ ритмическимъ, напр. въ шуточномъ краковякѣ:

Wisła nam się zajęła, ryby pogorzały,
Osmalone szczupaki do lasu leciały,

но то и другое только въ концѣ ритмическаго ряда, а кромѣ того здѣсь могло сказаться малорусское или бѣлорусское вліяніе. Въ свободѣ стяженій у Малорусовъ древность выражается еще тѣмъ, что въ стяженныхъ словахъ замѣтно болѣе бережное обращеніе съ разговорными удареніями, чѣмъ въ тѣхъ, которыхъ слоги соотвѣтствуютъ основнымъ ритмическимъ единицамъ стопъ — осьмушкамъ или шестнадцатымъ. Древняя свобода въ числѣ слоговъ свойственна особенно пѣснямъ двухдольнымъ или четырехдольнымъ (γένους ἴσου κατὰ πόδα или κατὰ διποδίαν). Къ нимъ относятся, по крайней мѣрѣ, отчасти, такъ называемыя думы, напр. о смерти Богдана Хмельницкаго:

Эй, зажýриться, захлопочеться
Хмельни́цького старáя головá,
Що при є̂му-то не булó ні сóтників,
ні̂ полкóвників немá.
Ті́лкі пробувáв при є̂му Ивáн Лугóвський,
Пи́сарь військóвий, козáк лейстрóвий

и т. д., если только ритмъ тамъ и самъ не мѣняется ради точнѣйшаго воспроизведенія словъ со всѣми ихъ разговорными особенностями. Жаль, что эта дума напечатана безъ нотъ даже въ превосходномъ трудѣ проф. М. Н. Сперанскаго «Южно-русская пѣсня и современные ея носители» (Кіевъ, 1904), гдѣ большинство пѣсенъ снабжено напѣвами съ голоса бандуриста Т. М. Пархоменка. За то вотъ начало другой, «VIII. Про Федора Безроднаго», болѣе упорядоченной и, вѣроятно, поэтому имѣющей при себѣ ноты:

Гéй, по потрéбі̂, по потрéбі̂ бáрзо цáрській,
гей у громáді̂ козáцькій,

Ой, да там-то много війська понадженo
да через мечу положено
Да й не єдиного тіла козацького молодецького
живого й не оставлено[38]).

Трудность нотной записи думъ зависитъ отъ того, что стихи ихъ не столько поются, сколько произносятся на распѣвъ, какъ и сербскія юнацкія пѣсни, потому что въ тѣхъ и другихъ главное есть содержаніе, а пѣніе — лишь прикраса, предназначенная къ поддержкѣ того настроенія, которое дается повѣствуемыми событіями. Но по своему стихотворному складу настоящая, старинная дума не имѣетъ ничего общаго со слоговыми стихами, къ которымъ принадлежитъ и сербскій «јуначки» десятисложный; въ этомъ отношеніи она стоитъ гораздо ближе къ бугарштицѣ. И въ обѣихъ слышится отзвукъ далекой, общеславянской старины, къ которой восходятъ съ одной стороны общерусское стихосложеніе, съ другой — польскій краковякъ. Впослѣдствіи за думу принялась бурса, и на многихъ образчикахъ этого рода пѣсни чувствуется школьный налетъ, доходящій кое-гдѣ, напр. въ Мазепиной думѣ «Всї покою щиро прагнуть», почти до полнаго истребленія народнаго духа.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ слоговое стихосложеніе у Славянъ, мы набрали достаточное количество данныхъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи этого стихотворнаго склада вообще, что̀, какъ мы видѣли выше, не лишено важности для рѣшенія другого вопроса — объ общеславянскомъ стихосложеніи. Пробѣгая приведенные выше образчики слоговыхъ стиховъ, читатель, можетъ быть, спрашивалъ себя не разъ: «Да что-же это за особое стихосложеніе? Просто, человѣкъ хотѣлъ сложить правильный стихъ, да полѣнился или не сумѣлъ». Такое объясненіе очень близко къ истинѣ, чтобы не сказать: есть сама истина. Стихотворецъ изъ образованныхъ, пишущій стихи только для чтенія, руководится уже однимъ преданіемъ, но стихотворецъ народный, слагая стихъ по числу слоговъ, неизбѣжно представляетъ себѣ тотъ ритмъ, который соотвѣтствуетъ воображаемому имъ напѣву, и тѣмъ болѣе старается осуществить его, чѣмъ менѣе, на оборотъ, связанъ преданіемъ, часто влекущимъ его въ другую сторону. Строго выдержанные, правильно-стопные первообразы найдутся въ стихосложеніи

38) У проф. Сперанскаго:

–‿‿‿‿‿‿ | –‿– | ‿‿–‿‿‿ | ‿‿–‿‿–– | ‿‿‿‿‿‿–– | ‿‿––‿ | ‿‿‿–‿ | –‿–‿ | ‿‿‿––‿‿ | –––‿‿!
––‿–(‿)‿ | ‿‿‿‿–––

съ призрачнымъ тактомъ 5/4 и возможнымъ только на бумагѣ 6/4.

не всѣхъ тѣхъ народовъ, которые привыкли къ слоговымъ стихамъ; но такіе стихи могутъ зайти къ одному народу, не имѣвшему стопныхъ образцевъ, отъ другого, который ихъ имѣлъ. Такъ напр. къ западнымъ Славянамъ основы слогового стихосложенія могли проникнуть отъ Романцевъ, древнѣйшій стихъ которыхъ, соотвѣтствующій качественнымъ пятистопнымъ ямбамъ десятисложный или, при женскомъ окончаніи, одинадцатисложный, происходитъ, по видимому, отъ латинскаго количественнаго ямбическаго триметра (сенарія), оставившаго ему въ наслѣдство и свое сѣченіе послѣ перваго двустопія (или второй стопы)[39].

Тотъ-же количественный размѣръ отразился у новыхъ Грековъ въ двѣнадцатисложномъ слоговомъ, напр. Passow CCCCLXXX:

Ὅσα καστριὰ κι ἂν εἶδα　　κι ὅσα λόγιασα

или тамъ-же:

Οὐδὲ τ' ἄσπρα σου θέλω　　οὐδὲ τὰ φλωριά.

Древній количественный трохаическій урѣзанный тетраметръ перешелъ у новыхъ Грековъ въ такой-же стихъ качественный, отчасти стопный, отчасти слоговой, напр. Passow DLXXXV:

Μία εὔμορφη κοπέλα　　εἰς τὸ σπίτ' ἑνὸς παπᾶ,

но тамъ-же:

Ἂν ἀπὸ τὄνα καὶ 'πάνω,　　ἔστωσαν συγχωρητά

и ниже:

Αἴ, παιδί μου, εἶναι πρᾶγμα　　ποῦ τὄχω ἀπὸ παιδί.

Новогреческій такъ называемый политическій (т. е. житейскій) пятнадцатисложный стихъ (8+7 слоговъ), въ народныхъ произведеніяхъ —

39) Едва-ли кто согласится съ Тенъ-Бринкомъ, будто этотъ романскій стихъ образовался изъ размѣра старофранцузской пѣсни объ Эвлаліи:

Bona pulcella fut Eulalia,
Bel auret corps, bellezour anima

и т. д. по латинскому количественному образцу, введенному, кажется, Септиміемъ Сереномъ въ III в. по Р. Х. (Inquit amicus ager domino и т. д.) и усвоенному латинскими стихотворцами изъ христіанъ, но не романскими. Скорѣе ужь можно было-бы подумать о Phalaecius hendecasyllabus, который въ самомъ дѣлѣ вошелъ въ народную поэзію, по крайней мѣрѣ, у позднѣйшихъ Римлянъ, напр. въ стихахъ на Александра Севера, очень похожихъ при чтеніи по разговорнымъ удареніямъ на одиннадцатисложные романскіе:

Quod púlcrum vídes　　ésse nóstrum régem,
Quem Sýrum súa　　détulit propágo

и т. д.

слоговой, въ древнѣйшихъ своихъ образчикахъ является стопнымъ, съ вольностями только въ первой стопѣ каждаго двустишія, а впрочемъ качественнымъ ямбическимъ, какъ у Ѳеодора Продрома:

Ἀπὸ μικρόθεν μ' ἔλεγεν ὁ γέρων ὁ πατήρ μου·
Τέκνον μου, μάθε γράμματα, ἂν θέλῃς νὰ 'φελέσῃς,

и таковъ онъ остался въ искусственной поэзіи до нашихъ дней, а восходитъ онъ, по видимому, къ количественному образцу, употреблявшемуся и въ народныхъ пѣсняхъ, напр.

Ποῦ μοι τὰ ῥόδα, ποῦ μοι τὰ ἴα, ποῦ μοι τὰ καλὰ σέλινα;

Отъ Грековъ этотъ размѣръ въ своемъ качественномъ видѣ перешелъ къ Итальянцамъ, у которыхъ находимъ его въ слоговомъ строѣ, напр.

Rosa fresca, aulentissima ch' apparì inver l' estate.

Пути его распространенія изъ Италіи къ сѣверу прослѣдить трудно, но, какъ-бы то ни было, сходство англійскаго балладнаго стиха съ греческимъ пятнадцатисложнымъ такъ очевидно, что Байронъ, объясняя послѣдній своимъ соотечественникамъ, ограничился выпиской одного домашняго примѣра:

The captain bold of Halifax, who lived in country quarters.

И въ самомъ дѣлѣ обращеніе съ этимъ стихомъ у Англичанъ то-же, что у Грековъ: то онъ у нихъ стопный, то слоговой. Число такихъ примѣровъ можно было-бы значительно увеличить, но довольно и приведенныхъ для того, чтобы показать, какъ стихи стопные переходятъ въ слоговые, можно сказать, по неумѣнью или по небрежности. Нѣтъ такого языка, который-бы не допускалъ стопнаго стихосложенія, не исключая и языковъ съ неподвижнымъ удареніемъ, каковы французскій и польскій. Такъ у Альфреда Мюссе въ Nuit d'Octobre встрѣчается безукоризненная трохаическая строфа

Honte à toi qui la première
M' as appris la trahison
Et d' horreur et de colère
M' as fait perdre la raison.

На склонность Богдана Залѣсскаго къ стопному построенію стиховъ обратилъ вниманіе въ особомъ изслѣдованіи профессоръ Львовскаго университета Колесса; и въ самомъ дѣлѣ этотъ поэтъ писалъ такимъ образомъ

цѣлыя стихотворенія, напр. въ четырехстопныхъ трохеяхъ Księżna Hanka (небольшая поэма), Dumy (не всѣ), Milica (Wiośnianki), Serb junak (тамъ-же), Mętny Dunaj (тамъ-же), Rozmowa kochanków (тамъ-же), Najmilsza woń, Czy kwiatki czy dziewczę, Myśliwy, I wy tu, Matki winne, Samochwał dziewczyna, Tak czy owak zawsześ moja (даже безъ риѳмы кромѣ двухъ послѣднихъ стиховъ), Aż strach, Urodziwa, Sokół i dziewczyna, Dziewczę na uwięzi, въ двустопныхъ трохеяхъ Rada junaczka, въ четырехстопныхъ амфибрахіяхъ Król dziadek (Der Erlkönig Гёте), въ трехстопныхъ анапестахъ Z mogiły Sawor (Dumy), въ двустопныхъ Bożur i róża, Sokół i chłopiec и др. Въ двустопныхъ и трехстопныхъ анапестахъ написаны Мицкевичемъ Trzech Budrysów и Czaty. Много стопныхъ стиховъ у Асныка, напр. четырехстопные трохеи въ Napad na Parnas, Szkoda!, Krąg przemian, Róża, Między nami nic nie było, Powrót piosenki, Rada, Na początku, Huczy woda po kamieniach, Słonko, четырехстопные и трехстопные трохеи въ Siwy koniu, двустопные и трехстопные ямбы въ Choć pól i łąk, четырехстопные и трехстопные ямбы въ Szczęśliwa młodość!, Daremne żale (кромѣ начала девятаго стиха), трехстопные амфибрахіи въ Idź dalej!, двустопные анапесты въ Szumi w gaju brzezina. Отдѣльные совершенно правильные стопные стихи попадаются чуть не въ любомъ слоговомъ стихотвореніи, и ихъ, конечно, тѣмъ больше, чѣмъ ближе предносящійся стихотворцу ритмъ къ распорядку удареній въ данномъ языкѣ. И такъ слоговое стихосложеніе, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ языкахъ, гдѣ одновременно съ возникновеніемъ дошедшихъ до насъ пѣсенъ или ихъ первообразовъ не происходили перемѣны въ удареніяхъ, какъ у Сербовъ, или гдѣ оно не встрѣчается и не перекрещивается со стихосложеніемъ напѣвно-стопнымъ, какъ у Малорусовъ, есть въ сущности лишь искаженное ритмическими вольностями стопное стихосложеніе. Эти вольности являются, какъ уже было сказано, вслѣдствіе неумѣлаго или небрежнаго присочиненія словъ къ уже готовымъ напѣвамъ, и непремѣнно такимъ, которые разсчитаны на однообразно текущую рѣчь, расчлененную по одинаковымъ сочетаніямъ ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ. Отсюда слѣдуетъ, что до появленія слоговыхъ стиховъ должны быть напѣвы съ однообразной постановкой ритмическихъ удареній черезъ опредѣленное число нотъ, а такая постановка могла выработаться только объ-руку съ построяемой такимъ-же образомъ рѣчью, что̀ возможно лишь тогда, когда напѣвъ пріобрѣтаетъ такое значеніе самъ по себѣ, что подчиняетъ себѣ строй сопровождающей его пѣсенной рѣчи на столько, на сколько это нужно для отчетливаго оттѣненія всѣхъ особенностей задуманнаго ритма. Такая самостоятельность напѣва предполагаетъ уже высокую степень развитія пѣснотворчества. Весьма вѣроятно, что чисто-народное стихосложеніе нигдѣ не достигло этой сте-

пени, которая соединяетъ въ себѣ оба стихотворныхъ начала — ритмическое и слоговое, такъ какъ равномѣрное выраженіе ритма въ языкѣ требуетъ опредѣленнаго числа слоговъ: нигдѣ и никогда безъискусственное творчество не шло въ усовершенствованіи своей ритмической стороны дальше нѣкотораго приближенія къ стопности и даже по рѣшительномъ вступленіи на этотъ путь, совершившемся не безъ содѣйствія сознательнаго искусства, сохраняло въ себѣ слѣды предшествующей ступени, на которой равномѣрность ритма осуществлялась въ словѣ только при помощи напѣва, что̀ мы видимъ напр. у Германцевъ до нашихъ дней, однако и въ переходномъ состояніи между равномѣрностью лишь напѣвной и равномѣрностью словесной народное стихосложеніе, особенно для нѣкоторыхъ родовъ пѣсни, можетъ уже такъ значительно развить въ себѣ стремленіе къ соотвѣтствію не только силы слоговъ, но и ихъ числа ритмическимъ единицамъ напѣва, что отдѣльные стихи, по старой памяти требующіе нѣкотораго восполненія при посредствѣ напѣва, являются какъ-бы исключеніемъ изъ правила, сознаваемаго всѣмъ народомъ. Такой равномѣрности въ стихосложеніи, хотя не исключительной, но господствующей, совершенно достаточно для того, чтобы по выработкѣ или занесеніи извнѣ напѣвовъ, состоящихъ изъ постояннаго числа нотъ, стихосложеніе напѣвно-стопное уступило свое мѣсто слоговому, сначала также въ видѣ отдѣльныхъ и случайныхъ вольностей, но уже относительно не числа слоговъ, а мѣста разговорнаго ударенія, впослѣдствіи иногда до потемнѣнія чутья къ первоначальному ритму, какъ въ первой части польскаго тринадцатисложнаго стиха. И, не смотря на существенность числа слоговъ для слогового стихосложенія, все-таки не только у Малорусовъ, еще не безслѣдно утратившихъ пѣсенную старину, но даже у Поляковъ то тамъ, то здѣсь мы наталкиваемся на пережитки древнѣйшаго стихосложенія, сказывающіеся въ нарушеніи числа слоговъ, по крайней мѣрѣ, послѣднихъ первой половины двойного стиха.

Изо всего, сказаннаго здѣсь о слоговомъ стихосложеніи, слѣдуетъ съ полной очевидностью, что это стихосложеніе, какъ въ значительной мѣрѣ условное, появляется вездѣ сравнительно поздно.

Подводя итоги этому изслѣдованію, возвратимся къ вопросу объ обще-славянскомъ стихосложеніи и его судьбахъ по раздѣленіи Славянъ.

Едва-ли возможно какое сомнѣніе въ томъ, что древнѣйшее славянское стихосложеніе было основано на разговорномъ удареніи, можетъ быть, съ такимъ-же приблизительно участіемъ долготы, какое замѣчается въ стихахъ сербо-хорватскихъ и чехо-словацкихъ. Обще-славянскіе стихи могли быть троякаго рода по степени ихъ приближенія къ равномѣрности: 1) такіе-же или почти такіе-же, какъ германскіе до Отфрида или какъ малорусскія въ думахъ, свободныхъ отъ вліянія бурсы и лирическихъ пѣ-

сенъ, т. е. то длинные, то болѣе короткіе въ одномъ и томъ-же стихотвореніи и состоящіе изъ разнообразныхъ стопъ, выравниваемыхъ только въ напѣвѣ, однако едва-ли допускающихъ обычное у Германцевъ стяженіе нѣсколькихъ ритмическихъ единицъ въ одинъ слогъ; 2) сходные со старинными русскими, т. е. состоящіе изъ такихъ-же стопъ, но въ опредѣленномъ числѣ — по три или по четыре стопы на стихъ послѣдовательно съ начала до конца пѣсни, хотя, конечно, мыслимо случайное появленіе напр. четырехстопнаго стиха между трехстопными, какъ и въ англійскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ искусственныхъ драмахъ между пятистопными ямбами попадаются иногда шестистопные; 3) равномѣрно-стопные со случайными стяженіями тамъ и сямъ въ видѣ вольности. Первый родъ, самый безъискусственный, есть, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и самый древній; второй, уже значительно позднѣйшій, появился сначала, вѣроятно, въ лирическихъ пѣсняхъ, а впослѣдствіи проникъ и въ эпическія; третій, самый новый, могъ развиться, по видимому, только въ связи съ инструментальной музыкой и на почвѣ упорядоченной пляски, въ которой личная изобрѣтательность плясуновъ была уже значительно стѣснена установившимися правилами, какъ напр. въ краковякѣ. Можно допустить, что всѣ эти три рода стиховъ, хотя и зародились въ разныя времена, однако существовали долго вмѣстѣ, распредѣлившись по различнымъ родамъ пѣснотворчества. Позже, у отдѣльныхъ славянскихъ племенъ въ произведеніяхъ искусственныхъ и сложныхъ они могли уживаться рядомъ, напр. въ Словѣ о Пълку Игоревѣ, гдѣ есть и

Дре́млеть[40]) въ поли Ольгово хоро́бьрое гнѣздо́,
далéче залетѣло

и

Не лѣ́по-ли ны бя́шеть, бра́тие

и, можетъ быть,

Побара́я за христья́ны на пога́ныѣ пълкы́.

Къ стихамъ перваго рода примыкаютъ стихи старѣйшихъ малорусскихъ думъ, если только не произошли путемъ одичанія одного изъ позднѣйшихъ видовъ; къ стихамъ второго рода относятся чуть не всѣ старинные великорусскіе и бѣлорусскіе размѣры и нѣкоторые остатки древнѣйшаго стихосложенія у Малорусовъ и у Болгаръ; отъ стиховъ третьяго рода ведутъ

40) На сохраненіе слоговой длительности за конечными ъ и ь въ Словѣ о Пълку Игоревѣ слѣдуетъ смотрѣть, вѣроятно, такъ-же, какъ на счетъ «нѣмого» *e* за слогъ въ новыхъ французскихъ стихахъ.

свое начало краковякъ и, можетъ быть, нѣкоторые другіе размѣры съ постояннымъ числомъ слоговъ, напр. старыхъ сербо-хорватскихъ хороводныхъ пѣсенъ. При этихъ родахъ были виды переходные, какъ напр. между первымъ и вторымъ, можетъ быть, занималъ мѣсто первообразъ великорусскихъ протяжныхъ пѣсенъ (въ $^2/_4$, но съ колеблющимся числомъ слоговъ, съ растяженіями и повтореніями словъ и слоговъ, распространяющими стихъ изъ четырехъ — шести стопъ на четыре или на пять напѣвныхъ членовъ); между первымъ и третьимъ — длинные краковяки произвольнаго числа слоговъ, каковъ слѣдующій:

Karazyja wyszywana, haftowana
Petliczkami, sznureczkami, kułeczkami, hafteczkami,
złocistemi klapeczkami
Do kolusieneczka, moja kochaneczka,

и бугарштицы; между вторымъ и третьимъ—великорусскія веселыя пѣсни (удалыя, хороводныя, величальныя, шуточныя и т. п.), стихи которыхъ въ напѣвѣ сходны съ древнегреческими анапестами, напр.

Ужь и пó мосту, мостý, по калúновому
Какъ и шёлъ, прошёлъ дѣтúнка, голубóй на нёмъ кафтáнъ

или знаменитая «Камаринская»:

Ахъ ты, сукинъ сынъ Камаринскій мужикъ!
Ты зачѣмъ не хочешь барину служить?

Говоря строго, между вторымъ и третьимъ родами можно провести только такую границу, что стопными стихами въ собственномъ смыслѣ этого слова мы условимся признавать лишь тѣ, которые при полномъ согласованіи удареній ритмическаго и разговорнаго содержатъ въ себѣ ровно столько слоговъ, сколько нужно для полнаго выраженія ритма. Во многихъ другихъ случаяхъ разграниченіе родовъ затруднено ихъ взаимодѣйствіемъ, продолжающимся отчасти до сихъ поръ. Выше было сказано о среднемъ положеніи великорусскихъ протяжныхъ пѣсенъ между первымъ и вторымъ родомъ; но помимо такого положенія по самому существу этого пѣсеннаго

склада нерѣдка передѣлка пѣсни второго рода на ладъ перваго, какъ напр. пѣсня первоначально такая:

Ужь я вздýмаю про дѣвичье   своё житьё

и пр. поется такъ (Пальчиковъ 74):

Охъ, да ужь я вздумаю,   охъ, я про дѣвичье,
охъ, да я про дѣвичье   своё житьё.

Впрочемъ отъ чистаго перваго рода самыя протяжныя и ритмически запутанныя пѣсни отличаются постояннымъ числомъ стопъ. Въ только-что приведенномъ примѣрѣ мы видѣли растяженіе первоначальнаго стиха посредствомъ напѣва до потери его ритмическаго образа. Но то-же и въ еще большей степени происходитъ вслѣдствіе ускоренія, сопровождаемаго переносомъ главнаго ударенія къ самому началу стиха, на безударный приступъ. Такъ напр. стихъ, сложенный, очевидно, по-старинному,

Шлá ýтушка   бережóчкомъ

поется теперь

Шла утушка бережочкомъ,

а это почти уже слоговой стихъ, такъ какъ въ немъ ясно слышится при пѣніи не правильное *ýтушка*, а вызванное ритмомъ *утýшка*. Такой переходъ качественнаго стиха въ слоговой со всѣми послѣдствіями этой перемѣны для отношенія разговорныхъ ударенiй къ ритмическимъ совершается незамѣтно, помимо сознанія пѣвцевъ, потому что хотя-бы то-же самое *утýшка* было-бы правильно съ точки зрѣнія стариннаго склада напр. въ такомъ положеніи:

Какъ и шла утушка сѣрая   по бережку,

т. е. подъ третьестепеннымъ удареніемъ. Но стóитъ лишь сильно ударить первый слогъ и разбить напѣвныя стопы пополамъ, напр. такъ:

Какъ и шла утушка полемъ, —

и получится уже такая погрѣшность противъ разговорнаго ударенія, какая возможна только при счетѣ слоговъ безъ вниманія къ ихъ относительной силѣ. Въ словахъ двусложныхъ удареніе перемѣщается ради ритма не-

сравненно чаще, и потому въ двухдольныхъ пѣсняхъ безъ слабаго приступа стихи слогового строя—кромѣ послѣдней стопы, какъ у Поляковъ—нерѣдки уже давно, напр. въ пѣснѣ отнюдь не новой:

Пряди́, моя́ пря́ха, пряди́, не лѣни́ся

и пр. или въ присказкѣ при игрѣ, также не новой:

Гори́, гори́ жа́рко:
Прі́ѣхалъ Заха́рка,
Дѣ́ти на телѣ́жкѣ,
Щѣ́лкаютъ орѣ́шки —

то и другое размѣромъ краковяка.

Но чѣмъ легче и неуловимѣе такіе переходы, тѣмъ труднѣе и запутаннѣе вопросъ о происхожденіи того или другого рода стиховъ у того или другого изъ племенъ, связанныхъ между собою языкомъ, бытомъ или хотя-бы только сосѣдствомъ и сношеніями. Возможно, что въ разрѣшеніи такихъ задачъ наукѣ о стихосложеніи могла-бы оказать содѣйствіе наука о музыкѣ; но о такой «наукѣ» приходится пока еще только мечтать.

Ѳ. Коршъ.

K slovanské kolonisaci M. Asie a Syrie

v VII — X. století.

Podává L. Niederle.

съ картою.

O staré slovanské kolonisaci Malé Asie a Syrie psal už před téměř 50 lety — odmyslímeli stručné nástiny v dílech Šafaříka, Rambauda, Kunika, Uspenského[1]) — Vl. I. Lamanskij[2]). Nově tuto práci doplnil zajímavým dokladem ze VII stol. B. A. Pančenko, připojiv k němu opětně přehled celé kolonisace a zejména velmi cenný rozbor o slovanských sídlech v thematu Opsikijském a o poměru v němž opsikijští Slované byli k vojenské organisaci říše byzantské[3]). Přišel jsem při čtení pramenů ještě na řadu jiných dat, které v pracích jmenovaných nejsou. Doplňuji proto jimi obě zmíněné záslužné práce.

Se Slovany v Malé Asii setkáváme se poprve v dobách Justinianových. Starší stopy, nehledímeli ani k theoriím o slavismu paflagonských Henetů, jsou příliš nepravděpodobné přez zdánlivý slovanský ráz[4]). Za Justiniana vystupují však už určitě, zprvu jen v plucích vojsk vysílaných proti Peršanům a jiným východním nepřátelům. Tak čteme jména slovanských jednotlivců,

---

1) Stat'. Uspenského «Къ исторіи крестянскаго землевладѣнія въ Византіи» je však důležita rozborem oekonom. poměrů asijských Slovanů (Ж. М. Н. П. 1883. № 225). Druhé stati viz u Šafaříka SS. II. 247 sl., Kunika Зап. Акад. Н. 1874. T. 24., A. Rambauda L'empire grec au X siècle. (Paris 1870) 249.

2) Lamanskij Vl. O Славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи (Зап. II Отд. И. Акад. Наукъ. V. 1859).

3) B. A. Pančenko. Памятникъ Славянъ въ Виѳиніи VII вѣка (Изв. р. арх. Инст. въ Констант. 1902. VII. 15 сл.).

4) Sem patří jména Ζάγωρα, Ζάγωρον, Κίος, Λίβυσσα, Μόδρα (srv. o nich Lamanského l. c. 152. sl.).

prostých vojáků (Σουαρούνας) i vůdců (Δαβραγέζας, 'Ουσίγαρδος). Je pravdě podobno, že při tom zůstali jednotlivci nebo i větší tlupy sěděti v různých pevnostech už v VII století, ale první zprávu o skutečném osídlení poskytuje nám teprve vzácná pečeť z poloviny VII stol., kterou mezi sbírkami ruského archaeologického ústavu v Cařihradě našel a publikoval B. A. Pančenko. Je to doklad kolonisace vzešlé patrně ze služeb vojenských. Pečet nesoucí na líci obraz císaře, kol něhož je legenda porušena a těžko čitelná (nečitelno jméno majitele, u něhož stojí označení «ἀπὸ ὑπάτων) a na rubu nápis:

ΤΩΝ ΑΝΔΡΑΠΟΔΩΝ ΤΩΝ CΚΛΑΒΟΩΝ ΤΗC ΒΙΘΥΝΩΝ ΕΠΑΡΧΙΑC [1])

náleží patrně organisovaným slovanským foederatům oblasti opsikijské z doby kolem r. 650. Na toto vročení svědčí nejen označení eparchie Bithynské, jež se po VII. století nevyskytuje, paleografický ráz legendy a podoba imperatorova, ale zejména přímo značky na líci I H, označující osmý indikt, jenž v VII. století spadal na r. 650 do doby vlády Konstantovy [2]). Druhou zprávu o osídlení a to na území arabském máme k r. 664 u Theofana a jeho excerptora Anastasia [3]). Roku toho 5000 Slovanů přešlo k Abderrachmanovi, jenž vpadl do asijské Romanie (Ρωμανία), a bylo jim usídleno v Syrii blíže Apameje, hlavně v osadě Seleukobolu [4]). Z toho je viděti, že už musily v Malé Asii existovati buď větší osady nebo výbojné hordy slovanské, ale odkud se vzalo těchto pět tisíc, blíže nevíme.

Třetí zpráva o osídlení Slovanů padá do doby Justiniana II. U Theofana čteme k r. 688, že Justinian, poraziv Bulhary, podnikl výpravu do krajin slovanských v okolí Soluně a odvedl odsud množství slovanských rodů (γένη), které zajal nebo které se mu bez boje podaly; dal je přes Abydos přepraviti do Asie a usadil v oblasti opsikijské, rozkládající se hned za Hellespontem. Slovanů těch musilo býti mnoho [5]), poněvadž už za 4 leta r. 692 vybral z nich pod vůdcem Nebulem (Νεβοῦλος) Justinian 30,000 vojínů, kterým dal titul «περιούσιος λαός», (gardové?, vybrané? vojsko) a vyslal je směrem na Se-

---

1) Pančenko, l. c. 25 četl τῶν ἄνδρας δόντων Σχλαβόων, což G. Schlumberger opravil ve čteni výše uvedené (Sceau des esclaves slaves de l'éparchie de Bithynie. Byz. Zs. XII. 277).

2) Pančenko, 17, 22, 26.

3) Theofanes ed Boor I. 348, Anast. Bibl. Hist. trip. ed. Boor 219. O významu slova προρρυῆναι viz Pančenko l. c. 30.

4) Σελευκόβολος (srv. Hieroclis. Synecd. 712,9 Σελευκόβηλος v eparchii syrské). Nyní nejspíše ves Ṣaḳálibije. srv. Pančenko l. c. 28. Chybně pojímal a datoval tento styk Slovanů s Abderrachmanem Rambaud l. c.

5) Uspenskij čítá 250,000 (l. c. 319).

bastopolis proti Arabům[1]). Ale Slované zradili císaře, přešedše k nepříteli, načež prý císař rozkázal všechny ostatní slovanské kolonisty pobíti i s ženami a dětmi a těla jejich z mysu Leukata naházeti do moře[2]). Vidíme z toho, že osady slovanské nalézati se musily někde v nejbližším okolí tohoto mysu a Nikomedie. Ostatně zpráva tato sotva bude v plném obsahu správna. Pančenko se právem domnívá, že vojsko opsikijské (στρατὸς τοῦ Ὀψικίου), s nímž spojil Justinian pomocné vojsko bulharsko-slovanské na výpravě do Asie r. 710[3]), bylo slovanské[4]).

Kam se poděli a usadili Slované přešlí k Arabům? Pančenko a Rambaud nevědí. První se jen domnívá, že zprávy o slovanských přebělících ve vojsku Mohamedově r. 694[5]) a o množství Slovanů ve vojsku Abu Muslimově r. 754[6]) vztahují se na zbytky opsikijských Slovanů, jimž asi náleželo i osídlení několika pevností na hranici Syrie a Kappadokie (srv. dále).

Ale Pančenko ve své stati nepoužil současných zpráv orientálních, a v nich nalézáme další odpověď na svrchu položenou otázku. Kronika Michala Syrského v líčení vlády Justiniana II, zmiňuje se o výpravě Abd-Allaha (směrem k Caesareji) proti Řekům, kteří si najali množství Slovanů (Sglav). Ale tito byli poraženi a kteří zbyli, v počtu 70,000 jezdců připojili se k Arabům, načež byli, dostavše zásoby a ženy, usazeni v městech «Andak» a «Guris» zvaných[7]). Zpráva ta očividně doplňuje, přes odchylné detaily, vypravování Theofanovo. Spadá i u Michala Syrského krátce před r. 694 a přejata je dodatečně i Barhaebreem[8]). Z toho vidíme, že množství Slovanů

1) Theof. ed. Boor 364, 365; Nikeph. Brev. 41 B (Boor 36); Leo Gramm. Chron. 163. ed. Bonn. Pančenko l. c. 33 překládá «опричное ополченіе», Uspenskij l. c. 320 «опричный, отборный отрядъ». Výklad je nesnadný. Leon Grammatikos perifrasuje: λαβὼν τὸν περιούσιον ἢ μᾶλλον ἀνόσιον (bezbožný) εἰπεῖν λαὸν (l. c.). Srv. i Georg. Monachos ed. Boor. 729, Hist. misc. 1059, 1060, Ephr. 69.

2) Theof. 366 (Boor), Zonaras (XIV, 22) ed. Pinder III. 229, Kedrenos ed. Bekker I. 773. Leo Gramm. l. c. Nikeforos o tom zprávy nemá. Leon Gramm. čitá, že 20,000 Slovanů přešlo k Arabům a zbylých 10,000 bylo pobito; zajímavé zprávy o pozdější nevěrnosti opsikijského vojska za vlády Artemisiovy viz u Theof. ad. a. 6207 (715).

3) Srv. Nikephoros Patr. ed. Boor 47 a Theof. 374 (Boor).

4) Pančenko l. c. 33.

5) Theof. 367 (Boor).

6) Theof. 428 (Boor) ἦσαν γὰρ οἱ πλείους Σκλάβοι καὶ Ἀντιοχεῖς.

7) Kronika Michala Syrského přel. Dulaurier (Journ. Asiat. 1849 Avril—Mai 340). Podobně čte Langlois ve svém překladě (srv. E. Oberhammer. Die Insel Cypern. München 1903, 36. Ve vyd. Chabotově viz zprávu Michalovu v kn. XI. kap. 15 (II. 470).

8) Barhebraeus ed. Bruns II. 118 o vpádu Mohammedově do Kappadokie: «Impetum in eum fecerunt Romani et Slavi. Romani victi sunt iuxta Caesaream, Sclavi cum Arabibus pace composita, cum iis in Syriam profecti sunt, circiter 7000, quibus domicilia Antiochiae et in Cypro ab Arabibus concessa sunt. Dererunt etiam mulieres et stipendia». U Barhaebraea čteme «Cyprus», což by ukazovalo na kolonie Slovanů na Kypru. Dulaurier ve svém překladě zase město Guris klade na Kypr, patrně podle Barhebraea. Je však zjevno, že jak v textu Michalově pod formou «Guris», tak i v textu Barhaebraeově, kde překladatelé čtli «Cyprus», dlužno rozuměti jen starý Cyrrhus, ležící severovýchodně od Antiochie, Araby zvaný Chorus.

přešlých k Arabům bylo jimi usazeno v Syrii a to v Antiochii a v městě Chorusu. Andak (arab. Antâkieh je zde zkomolená forma jména Antiochie (srv. text Barhebraeův), Guris pak starý Cyrrhus (Κύρρος), ležící severovýchodně [1]). U něho připomínají i pozdější arabské prameny Slovany.

Čtvrté historicky známé přesídlení Slovanů do M. Asie událo se v polovici VIII stol. R. 762 podle Theofana množství Slovanů, opustivši oblast bulharskou, přešlo k císaři Konstantinu V., který je přesídlil do Malé Asie na řeku Artanu [2]). Podle Nikefora patriarchy bylo těchto Slovanů 208,000, tedy velké množství. Nová sídla jejich už Šafařík klade správně na Bithynii [3]), kde při moři nedaleko od ústí Bosporu tekla k severu řeka Ἀρτάνης [4]). Tak i Boor a Pančenko; Rambaud (l. c.) ji hledá někde na hranici themy Paflagonské i arménské.

Po této době máme ještě jednu zprávu o stěhování Slovanů u Niketa Akominata, podle níž Jan Komnenos (císař 1118—1143) přesídlil část Triballů—Srbů opětně do kraje nikomedského, podarovav je štědře územím [5]). Jinak o slovanských plucích, které ještě v Asii bojovali, srv. další zmínky u Pančenka a Lamanského (l. c.).

Že však těchto pět historicky doložených přesídlení nevyčerpává všechnu slovanskou kolonisaci Orientu, je zřejmé z výroku pokračovatele Theofanova při r. 821, podle něhož přesídlení před tou dobou byla už četná [6]); dole uvidíme, že slovanská vojska pevně usídlená vystupují i na jiných místech, než byla ta, o nichž jsme dosud slyšeli. Topografie slovanských kolonií na východě je bohatší a po té stránce můžeme dnes opětně stať Pančenkovu i starou práci Lamanského doplniti řadou nových dokladů.

Hlavním střediskem maloasijských Slovanů byla vždy, jak už z uvedených zpráv viduo, západní končina starověké Bithynie, zvaná později Opsikiem a rozdělená v X. století na thema Optimaton a Opsikion (θέμα Ὀπτίματον, θέμα Ὀψίκιον). Iméno Opsikia pošlo od zvláštního druhu císařského vojska (gardy), konajícího pod velením komita službu zv. obsequium (τὸ θεο-

1) O Cyrrhu srv. Itin· Anton. 189, 193, 194 (ed. Parthey) Tab. Peut. (XI. 1). V I. stol. po Kr ležela zde X. legie (Tac. Ann. II. 57), pak byla pevnost pobořena ale od Justiniana opět zřízena (Prokop. de aed. II. 11).

2) Theof. 432 (Boor), Anastas. 284 (Boor). Nikef. Brev. 68—69 (Boor) k r. 764.

3) Šafařík SS. II. 248. Tam ji umisťuje též prof. W. Ramsay The historical geography of Asia Minor (London 1890) 162, 438.

4) Arrian Periplus (ed. Müller) c. 3. U Nikephora u Theophana l. c. ὁ Ἀρτάνας.

5) Niketas Chon. 23 (ed. Bonn). Srv. Kinnamos 8 ed. Bonn. (Pančenko l. c. 35, Lamanskij l. c. 9, 13). Lamanskij má dále i obšírný výklad o pozdějších slov. koloniích až do konce novověku (str. 7—37).

6) Theof. Continuatus (ed. Bekker) II c. 10: Σκλαβογενῶν τῶν πολλάκις ἐγκισσευθέντων κατὰ τὴν Ἀνατολήν. Srv. také, že v Žití sv. Demetria Soluňského připomínají se výboje slovanských kmenů od Soluně do M. Asie už v VII století. (Migne PG. 116 str. 1355, 1362 sl., 1368 B).

φύλακτον βασιλικὸν Ὀψίκιον)[1]. K hranicím těchto them, jakož i těch, o nichž dále mluvím, srv. připojenou mapu, na níž hranice them zakresleny jsou tečkovanými čarami podle poslední práce Gelzerovy[2]) Zde, v Opsikiu bylo usazeno nejvíce Slovanů, a kteří zde zůstali přes pohromu, jež je stihla r. 692, zváni byli Σθλαβησιάνοι (viz konec stati). Odtud se ještě v X. stol. sestavují čety slovanské proti kretským Arabům[3]), při nichž vojáci brali mzdu po 3 nomismech a tři jejich náčelníci po 5[4]). V kterých osadách Opsikia Slované seděli, přesně nevíme,—patrně nejvíce v okolí Nikomedie a Nikaie. Vedle toho však biskupství a osada Γορδόσερβα na cestě z Malaginy k Doryleiu, připomenutá už v nejstarším seznamu biskupství «Notitiae episcopatuum» pocházejícím od sv. Epifania ze VII stol.[5]) a patrně totožná s pozdějším označením «Servochoria»[6]),—označuje asi přímo osadu slovanskou předpokládámeli ovšem v ní kolonisty srbské, jako činí Pančenko[7]). Ramsay residenci biskupa Gordoserbů umísťuje k dnešnímu Sugutu[8]), Pančenko ji mimoto ztotožnuje s osadou κωμόπολις Σαγουδάοι ἐγχωρίῳ καλουμένη u Anny Komneny (Alex. XV. 2). což bych nečinil; zato ji správně spojuje se jménem slov. Sagudatů z okolí Soluně. Jeli však jméno Modrina (Μωδρινή), uvedené už u Nikefora Patriarchy jakožto název domácího lidu[9]), slovanského původu, dlužno velmi pochybovati vzhledem k tomu, že je zná zde už Strabon (τὰ Μόδρα XII. 3. 7).

Další osady Slovanů v M. Asii a Syrii, mimo srvchu již uvedené okolí Nikaie, Nikomedie, Apameje, Antiochie, Seleukobola a Chorusu znám z pramenů jestě tyto:

V letech 873/4—6/7 připomínají některé arabské prameny, z nichž nově přeložil výňatky A. Vasiljev, že Slované měli obsazenu pevnost Lulu na hranicích Kappadokie a Syrie[10]).

1) Srv. Kulakovskij. Къ вопросу объ имени и исторіи ѳемы Опсикій. Виз. Врем. XI 409 str.).

2) H. Gelzer. Die Genesis der byz. Themenverfassung (Abh. sächs. Ges. Wiss. XLI. № 5). Hranice them nejsou ovšem na základě kusých zpráv Konstantina Porfyrogenneta a Ibn Churdádbiha vždy jisté; také se měnily (srv. Konst. Porfyr. Deadm. imp. 50); pro to se mapa Gelzerova dosti liší od současně vydané mapy Buryho (R. Lane Poole. Historical Atlas of Modern Europe. Map. 72. Oxford 1897).

3) Konst. Pofyr. de cerem. II. 44: οἱ Σθλαβησιάνοι οἱ καθιστθέντες εἰς τὸ ὀψίκιον ἐγορεύθησαν οὕτως. II. 45: ἀπὸ τῶν Σθλαβησιάνων τῶν καθημένων εἰς τὸ ὀψίκιον.

4) Srv. blíže u Pančenka 39, 50, kde je vůbec obšírný výklad o tom, jaké postavení v státni administrativě měli opsikijšti Slované.

5) Gelzer Abh. d. bayr. Akad. I. Cl. Bd. XXI. 538, 545: Ἐπαρχία τῆς αὐτῆς Μητρόπολις Νικαίας ἔχει ὑπ' αὐτὴν πόλεις ἤτοι ἐπισκοπὰς τρεῖς οἷον τὸν Μοδρινῆς ἤτοι Μελίτου τὸν Λινώης, τὸν Γορδοσέρβων. Doklady z jiných pramenů viz u Pančenka 58.

6) Fontes rerum austr. XII. 475, 491, 494.

7) Pančenko 57 sl. Srv. i mé Slov. Star. II. 279.

8) Ramsay l. c. 183. Sr. mapu na str. 179.

9) Nikef. 61 (Boor): πρός τι χώριον... Μωδρινὴν τῇ ἐπιχωρίῳ φωνῇ προσαγορευόμενον.

10) Původni tvar jména byl Halala; od Aurelia přezvána byla osada jménem Faustino-

V IX. a X století byly stálé boje na této hranici arabsko-řecké, zejména o Malatyji (Melitene), Samosatu, Amidu, Edessu, Tars a jiná města. Důležitou pevností, jež tvořila klíč při výpravách do Syrie, byla právě Lulu, jež ležela při vojenské silnici, přecházející Taurus[1]) mezi Tarsem a Tyanou, dn. Kizli-Hissarem (srv. mapu). Podle itineráře Chordádbihova ten, kdo cestoval z Tarsu do řecké Malé Asie, přišel na cestě nejdříve v průsmyk Darb-as-Salám (Pylae Ciliciae), pak vedle pevnůstek Al-Ollaik, Ar-Rahva, Al-Džauzát, Al-Džardakúb, Hisn-as-Sákáliba («pevnost Slovanů) k Badhandúnu (ř. Podandos) a dále k teplým pramenům, poblíže nichž se nalézala Lulua[2]). Slované měli v IX. stol. tuto pevnost v rukou, ale pro Araby, kteří ji dobyli r. 832[3]) a kteří jim odváděli za to příslušný poplatek. R. 876/7 nebo podle jiné verse r. 873/4, když místodržítel v Tarsu Archúz-ibn-Jáil-ibn-Tarchán poplatek odpíral, ba docela si sumu 15,000 dinarů sebranou od obyvatelů tarských, ponechal, Slované nad tím rozhněvaní, předali pevnost a tím klíč ku Tarsu císaři[4]).

Tabarí a Ibn Vadich zv. al-Ja'kúbí mají ještě zajímavou zprávu k r. 716/7, podle níž Arabové pod Maslamou a Omarem okupovali celé území od Bosporu až po Kustantinyi a dobyli «města Slovanů»[5]). Kde bylo toto město Slovanů, ze zpráv není zřejmo. Jest možno, že je to pevnost Lulu, ale také se může jednati, jak Broocks dobře podotýká, o nějakou osadu položenou na západě Malé Asie. Snad docela o některou osadu opsikijskou, neboť Arabové okupovali tehdy i končiny západní.

Ale Lulu nebyla jedinou pevností slovanskou na hranici syrské. Právě

---

polis. V pramenech řeckých čte se obyčejně φρούριον Λοῦλον (tak Konst. Porfyr. de them. I. 2 Theof. ed. Bonu 197, 277; Zonaras XVI. 5) ale i φρούριον Λουλοῦ (Anna Komnena XIII. 12). Chordádbih (podle edice Goejovy str. 82, 85, 86) píše Lulua. Vasiljev ve výňatcích z Al-Asira a jiných dále uvedených užívá nominativu Lulu.

1) O strategické důležitosti tohoto průsmyku srv. výklad u R. Oberhummera a. H. Zimmerera v knize «Durch Syrien und Kleinasien». Berlin 1899. 111.

2) Chordá dbih ed Goeje. (Bibl. geogr. arab. VI) str. 82. K poloze a další historii pevnosti Lulu srv. Ramsay l. c. 353 sl., Murray Handbook for travellers in Asia Minor 160, a Vasiljev Виз. и Арабы I. 97. Murray klade ji na mapce k cestě Güllck-Boghaz—Eregli, ne na Kizli-Hissarskou.

3) Vasiljev l. c. I. 98. Srv. Michal Syr. XII. 16.

4) Srv. výňatek z Tabarího k r. 877, a ještě obšírnější líčení v kronice Ibn-al-Asira (+ 1233) u Vasiljeva Виз. и Арабы II přílož. 7, 87, 93, a výklad tamže I 97 a II. 61. Udaj roku se rozchází. Tabarí uvádí, že byla Lulu dvakrát vzata od Řeků r. 873/4 a 876/7, ale patrně chybně (Vasiljev II. Прилож. 6), neboť se to událo jen jednou. Rok 873/4 uvádí i Ab-ul-Mahásin (+ 1469) ve své historii, pak Sujútí (+ 1505) v histori chalifů a 'Aini (+ 1451). Srv. výňatky u Vasiljeva II, прил. 174, 180, 184. Proti tomu vzetí pevnosti r: 876/6 potvrzují vedle Asira ještě historikóvé Džauzi (1257), Ibn Chaldún (1406) a též 'Aini (Vasiljev II прил. 123, 170, 174).

5) Srv. výňatky z obou chronistů u Brooksa «The Arabs in Asia Minor 641—750 from Arabic sources». Journ of Hell. Stud. 1898. 194, 196. O výpravách arabských té doby srv. i Theof. ad a. 6208 (Boor 386); ale o dobytí pevnosti slovanské není tu zminky.

jsem uvedl citát z Chordádbiha, z něhož vysvítá, že na cestě z Tarsu do Tyany před Podandem byla ještě jiná pevnůstka v rukou slovanských, zvaná prostě «tvrzí Slovanů», Ḥiṣn-aṣ-Ṣákáliba. Nelze ji na tomto základě ztotožňovati v jedno s Lulu, jako činí Ramsay[1]). Al Beladzorí připomíná zase, jak čtu ve výňatku Harkavim uveřejněném[2]), jakéhosi vůdce Salmána «ze Slovanů», po němž — jedna pevnůstka poblíže Chorusu v kraji Halepském zvána byla Salmánovou — Ḥiṣn-Salmán. Patrně se tu jedná opět ne sice o vůdce Slovana ale o tvrz Slovany osazenou (odtud označení «ze Slovanů») a tím spíše, že, jak víme ze zpráv nahoře uvedených, Chorus byl Slovany kolonisován. Jiný vůdce «ze Slovanů» Zijád, také dal jméno tvrzi — Ḥiṣn-Zijád[3]), položené mezi Amidou a Malatyjí, jež snad také byla slovanská. Baladzorí připomíná ještě, že Marvan v městě zv. Chúsús nedaleko Kufy nad Eufratem usídlil vedle jiných i Slovany[4]) a že později, poraziv Slovany ruské v zemi Chazarů, usídlil z nich 20,000 zajatých v Chachitě, kde však brzy potom byli pobiti[5]).

Konečně bych uvedl, že Anna Komnena připomíná v XII. stol. (psala r. 1148) v thematě syrském Λαπάρα osadu pod jménem τὸ Σθλαβοτίλιν— patrně slovanskou[6]). Ležela kdesi v záp. Syrii.

Tito syrští Slované připomínají se v dějinách vícekráte. Některé zprávy uvedli jsme již výše. Připomněl bych ještě, že Slované, sedící v pohraniční části Syrie byli, jak Barhebraeus sděluje[7]), znovu podmaněni Tiberiem Apsimarem (698—705), že vystupují v bojích r. 716 a r. 754 a 757/8 и Theofana, Tabaríhо, a Al-Jakúbího[8]) a že podle Mas'udího r. 838 Slované (asi zdejší) pod Theofilem synem císaře Michala dobývali Zibatru v Mesopotamii a Malatyji[9]).

Nakonec zajímavo podotknouti, že byzantští historikové, mluvíce o potomcích Slovanů do M. Asie přestěhovaných, nenazývají jich více Slo-

---

1. Ramsay l. c. 353.

2) Harkavi Сказ. мусульман. пис. о Славянахъ etc. Спб. 1870 35, 37. («Сальманъ и Зіадъ суть тѣхъ Славянъ, которыхъ Марванъ ибнъ-Мухаммедъ поставилъ на границѣ») Srv. Vasiljev Виз. и Арабы I. 97 sl.

3) Srv. Harkavi 40. Jinak zvána byla tato pevnost Khartabirt. Défrémery (Journal asiat. VI. sér. VII 259) udává vzdálenost její od Podandu na 7 mil.

4) Harkavi l. c. 37. Odtud je chalif Mansúr přesídlil zpět do Syrie (tamže 40).

5) Harkavi 38. 41. Jméno této kolonie vykládá Harkavi na Kachetii v Grusii, ale jinak právem celé této zprávě nepřikládá mnoho víry.

6) Alex. XIII. 12. Jiný rk. má Α(σ)θλαβοτίλιν.

7) Barhebreus ed. Bruns. II. 118: Tiberius ille Sclavos subjecit, qui a Romanis defecerant. In regionem Samosatenam profecti occiderunt 5000 Arabum. Direptione facta, redierunt.

8) Theof. 386, 428 (Boor). Al Jakúbí u Harkaviho l. c. 63, Al-Tabarí u Broocksa l. c. 196. (útok Bulharů a Slovanů na Maslamu).

9) Srv. výňatek u Vasiljeva Виз. и Арабы I. 114. Прилож. 67.

vany ale jen «lidmi pocházejícími ze Slovanů» tady ne Σκλάβοι ale Σκλαβησιανοί[1]) nebo Σθλαβογενεῖς[2]). Dva vysocí úředníci slovanského původu za císaře Alexandra Basilia označeni jsou slovy Γαβριηλοπουλος καὶ Βασιλίτζης ἀπὸ Σκλαβισίας»[3]).

---

1) Σκλαβησιανοί nebo Σθλαβησιάνοι (Konst. Porfyr. De adm. 50. o vtržení Slavisianů do Peloponnésu, jež odlišuje od tamějších Slovanů «Σκλάβοι»; de cerem. II. 44, 46 (srv. výše). K tvaru srv. analogické θέμα Ἀρμενιάκων, Θρακησίων.

2) Σθλαβογενεῖς (Theofanes Cont. II. 10).

3) Theof. Cont. VI. (ed Bonn.), Leon Gramm. ed. Bonn. 286.

Sur l'initiale des mots vieux slaves есе et а.

Tout mot slave commun commençant par *e* a développé la yodisation initiale de l'*e* slave assez pour que la prononciation soit notée *je-* dans tous les dialectes qui ont une notation quelconque du yod. Tout *e* initial est donc représenté par *e* dans l'alphabet glagolitique, qui ne distingue pas entre *e* et *je*, mais par ѥ dans l'alphabet cyrillique tel que le présente le Suprasliensis: le dictionnaire de Miklosich ne renferme aucun mot sous la lettre е. Toutefois, à l'article ѥсе «voici», on rencontre cités quelques exemples de есе, avec е initial: Supr. 17, 22 Сев.=27, 16 M.; 476, 10 Сев.=362, 17 M.; 478, 10 Сев.=364, 22 M.; 486, 25 Сев.=372, 7 M.; 504, 11 Сев.=387 28 M. Ce mot *ese* «voici» doit être coupé *e-se*. Le premier élément *e-* se retrouve dans les dialectes modernes, par exemple dans r. это, экой; s. *ȅvo*, *èno*, *ȅto*; tch. *ej*; pol. *edyć*; etc.; il est donc slave commun (cf. Ильинскій, О нѣкоторыхъ архаизмахъ, p. 90). Cet élément *e* était un mot isolé, et encore considéré comme tel en russe au XVIIe siècle (voir Соболевскій, Лекціи[2], p. 128).

Dans des mots empruntés du grec, ou, plus exactement, transcrits du grec, comme ересь «αἵρεσις», Supr. 188, 79 et 189, 6 Сев.=140, 12 et 16 M; 191, 10 Сев.=141, 27 M., ou епитимии «ἐπιτιμία», Supr. 188, 17 Сев.=140, 5 M., ce е-, qui répond exactement à la prononciation grecque, n'a rien que de naturel; mais, dans un mot slave original, un *e-* initial constitue une anomalie, et la difficulté que pose l'absence du *j-* ordinairement préposé semble si insoluble qu'elle a conduit M. Fortunatov à supposer l'existence d'un **h-* indo-européen qui ne serait attesté par aucun autre témoignage (*Arch. f. slav. phil.*, XII, 96 et suiv.). Sur l'étymologie du mot slave commun *e-* on peut lire en dernier lieu, Brugmann, *Kurze vergl. Grammat.*, § 495, Anm. 3, p. 401 et § 828, p. 615. L'hypothèse de l'existence d'un i.-e. **h*, ne trouvant hors du slave aucun appui, a semblé gratuite et n'a pas été admise par la plupart des linguistes. Mais la difficulté subsiste, et la théorie de M. Fortunatov, si peu prouvée et si peu probable qu'elle soit en elle-même, ne sera définitivement écartée que si le problème est résolu par un autre moyen.

Or, quand on examine les exemples de есе, cités ci-dessus, on constate que tous commencent une phrase, ou du moins un membre de phrase isolé; en revanche, Miklosich cite deux exemples de ѥсе Supr. 88, 23 Сев. = 66, 8 M., et 369, 25 Сев. = 273, 21 M., et, dans tous les deux, ѥсе est précédé d'un autre mot et ne commence pas la phrase; ainsi по божиї же любʼви ѥсе мꙑ Supr. 88, 23 Сев. Cette circonstance semble indiquer que la forme phonétique était есе au début de la phrase, et ѥсе après un autre mot; on sait d'autre part que tout mot vieux slave se termine par une voyelle et que tel était déjà l'état slave commun. En d'autres termes, pour donner à ce fait particulier sa formule générale, *e* initial de phrase subsiste en slave commun; mais le même *e* devient *je* à l'intérieur de la phrase, c'est-à-dire quand une voyelle précède. Comme il arrive souvent en cas de différences de ce genre dues à la phonétique syntactique, celle des deux formes qui est possible en toutes positions a été généralisée, tandis que la forme admise seulement en certaines situations est éliminée: de là le fait que tout mot slave ayant eu autrefois *e*- initial a à l'époque historique *je*-. Mais le mot *e*-, qui se trouvait être particulièrement fréquent à l'initiale de la phrase a, par une exception unique, conservé dans la plupart des cas sa forme phonétique. Le vieux russе a осе, qui représente **jese*, à côté de его et fournit ainsi *je*- et *e*- simultanément; mais la répartition ancienne n'est pas conservée, comme elle l'est dans le Suprasliensis. — Le mot еда «est-ce que ne pas» renferme également la particule *e* suivie de *da*, comme le montre le synonyme ега; or, l'Evangile d'Ostromir, où ѥ est noté d'une manière presque constante, n'a jamais que еда par е initial dans tous les exemples (v. Козловскій, dans Изслѣдованія по русск. яз., I, 18); c'est que еда est, par sa nature même, un mot initial de phrase. Il n'y a dans Ostromir qu'un seul autre mot qui ait régulièrement е initial, c'est еи, «oui», aussi initial de phrase par nature. Les autres exemples de е- initial dans des mots slaves d'Ostromir sont des restes isolés de la graphie générale par е-, qui est celle du livre de Sava par exemple; ces exemples se rencontrent notamment dans des mots archaïques, inconnus du scribe, comme етеръ, ou dans des mots dont la forme russe était très divergente, ainsi еꙁеро (r. озеро), etc.

L'explication qui précède est confirmée par l'examen d'un autre cas analogue que signalait déjà M. Fortunatov (loc. cit.). Dans tous les dialectes autres que les parlers bulgares (y compris le vieux slave), un *a*- initial du slave commun est représenté par *ja*-; un seul mot fait constamment exception à cette règle, et c'est la conjonction а «mais», russe *a*, serbe *a*, pol. *a*, slov. *à*, etc. (cf. lit. *õ*, véd. *ā́t*, zd *āt*). Or, il s'agit précisément d'un mot qui toujours commence la phrase.—Et en effet, tandis que l'on a v. sl. аште «si», avec *a* initial, et de même v. r. аче, v. tch. *ače*, *ač*, v. pol. *acz*, on rencontre aussi v. sl. ꙗште à l'intérieur de la phrase, ainsi ѣште L. VI, 32 et да ѣште J. VI,

22 dans le Marianus, бо нъ же дьнъ ѣште Ps. XIX, 10, dans le *Psalterium sinaïticum*, etc., et ceci a naturellement entraîné l'emploi sporadique de ѣште même à l'initiale de la phrase, ainsi Ps. XVIII, 14; or, si l'étymologie de аште n'est pas sûrement connue, il est au moins probable que c'est une combinaison dont le premier terme est *a*; on a donc ici la forme qu'affecte le petit mot *a* à l'intérieur de la phrase slave.

Dès lors, on entrevoit le moyen de rendre compte en principe de l'hésitation entre а- et ѣ- (noté en glagolitique ѣ-) que présentent les textes vieux slaves à l'initiale des mots. Il est possible que а- ait été originairement la forme employée au début de la phrase, et ѣ- la forme employée après un autre mot; mais les manuscrits que l'on possède n'ont pas conservé ce contraste, dont on ne saurait même affirmer qu'il ait encore existé au temps où a été écrite la traduction de l'Evangile. Par exemple, on constate dans les manuscrits glagolitiques de l'Evangile slave les deux graphies авити et ѣвити (c'est-à-dire ѣвити), mais la répartition ne concorde pas avec la formule ci-dessus relative à une différence entre l'initiale et l'intérieur de la phrase; ainsi on lit ѣвихъ J. XVII, 6 Zogr. Mar. Ass. au début d'une phrase, tandis qu'on a да бѫ сѧ авили Mt. VI, 16 Zogr. Mar. Ass. L'emploi de а- et ѣ- diffère du reste en chaque cas d'un manuscrit à l'autre: l'un des rares emplois concordants est celui de а- après la négation не, par exemple да не авиши сѧ Mt. VI, 18 Zogr. Mar. Ass..; et de même Mt. VI, 18; XVI, 17; Mc IV, 22; L. VIII, 17; le fait n'est, il est vrai, contraire au principe général qu'en apparence: la négation est étroitement jointe au verbe suivant, et l'on est ici dans un cas tout particulier, très analogue à celui de l'intérieur du mot. En revanche, la graphie constante par а- de азъ «moi» peut tenir à ce que ce pronom, dont la valeur est essentiellement emphatique, a sa place normale au début de la phrase. Mais il ne reste pas moins vrai que l'on ne peut rien dire de la répartition de а- et ѣ- initiaux dans les textes vieux slaves et qu'on doit se borner à constater la coexistence des deux formes: il y a eu dans la transmission des textes trop d'actions et de réactions entre les formes bulgares à *a*- initial et les formes des autres dialectes à *ja*- pour qu'on puisse rien tirer de documents dont aucun ne reproduit à cet égard l'état original d'une manière exacte.

Un détail vient appuyer en quelque mesure la doctrine, indiquée par M. Pedersen, que le *j* développé devant un *a*- initial slave commun serait dû au contact avec la voyelle finale d'un mot précédent. C'est que, à côté de *j*, on trouve un exemple isolé de *v* (v. Pedersen, K. Z., XXXVIII, p. 311, § 17): s. *vȁtra* «feu», pt. r. *vátra*, pol. *watra*, tch. *vatra*, cf. zd *ātar*- «feu», arm. *ayrem* «je brûle» (v. Hübschmann, Arm. Gramm. I, p. 418), irl. *áith* «fourneau» (cf. Bezzenberger, dans Fick-Stokes, *Et. wört.*, II, p. 9). Et de

plus le tchèque a *vejce* (gén. plur. *vajec*), en regard de *jajĭce* «oeuf» des autres dialectes. Ces deux faits sont trop isolés pour qu'on ose les invoquer avec pleine confiance; mais, comme ils admettent malaisément une autre explication, il est au moins permis de supposer, avec M. Pedersen, qu'on a ici affaire à l'influence des diverses voyelles finales de mots; on aurait eu *a-* au début des phrases, *ja-* après les finales *-i*, *-ĭ*, *-e*, *-ě*, *-a*, et enfin *va-* après les finales *-u*, *-ŭ*, et *-o*.

Le développement du *j* à l'initiale des mots à l'intérieur de la phrase s'explique par le caractère même de la prononciation de cette consonne en slave. Les transcriptions modernes du vieux slave donnent l'illusion que le *j* était un phonème normal, de pleine valeur; mais, si l'on examine les anciens alphabets slaves, on constate que le *j* n'y a en aucun cas de notation autonome. Dans l'écriture glagolitique, il n'est pas noté devant *e*, et le *ja* n'est noté que par le caractère du ѣ; le *ę* n'est pas distingué de *ję* dans le Psalterium sinaïticum et les feuilles de Kiev, et le signe commun de *ę* et *ję* paraît se composer de *e*+*n*, comme le signe de *ą* de *o*+*n*, ce qui indique que la distinction de *ę* et *ję*, faite dans Zogr., Mar., Ass., Cloz., Euch., a été inventée après coup (cf. Vondrák, *Altkirchensl. gramm.*, p. 25); c'est dire que, aux yeux du créateur de l'alphabet glagolitique dont se servait le traducteur de l'Evangile, le *j* n'était pas essentiellement distinct de la yodisation qui accompagne toute voyelle de la série prépalatale *i*, *ĭ*, *e*, *ě*; et, pour qu'un homme doué d'un sens aussi fin de la phonétique de sa langue que l'était le créateur de l'alphabet glagolitique n'ait pas institué un caractère propre pour *j* comme pour les autres consonnes, il faut que le *j* de son parler n'ait pas eu de valeur autonome à cette date dans le slave de la région de Salonique, et ceci d'autant plus que les alphabets orientaux dont il semble s'être inspiré à plusieurs égards possédaient un yod et qu'il n'avait aucune raison de ne pas créer un signe pour yod, comme il en créait pour *š*, *ž*, *c*, *č*, *ě*, *ĭ*, *ŭ*. L'alphabet cyrillique a introduit, par une voie indirecte, la notation du yod, en étendant à la notation de *je* et *ja* le procédé de ligatures donton se servait pour noter *ją* et *ju*, qui sont distingués de *ą* et *u* dans tous les textes glagolitiques: c'est sans doute que l'alphabet cyrillique est plus récent, et surtout est l'oeuvre d'un homme ou d'un groupe d'hommes parlant un dialecte différent de celui de l'auteur du glagolitique; au surplus, le *je* est encore noté ε constamment dans les feuilles (cyrilliques) d'Undolskij, et le plus souvent dans le livre de Sava, où cependant on rencontre déjà quelques cas de la ligature ѥ. On sait en effet que, seule, une portion du bulgare a maintenu la yodisation slave commune, si bien conservée en russe et en polonais, et que les autres dialectes slaves du sud ont perdu de bonne heure la distinction des voyelles dures et des voyelles molles; si les lettres cyrilliques ε et ѣ notaient des

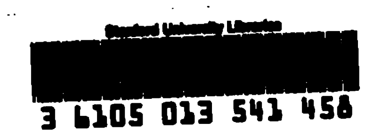
voyelles sans yodisation ou faiblement yodisées, elles ne pouvaient, comme les lettres glagolitiques correspondantes, être utilisées à écrire *je* et *ja*. Mais il ressort de la comparaison du russe et du polonais que le vieux slave, sous sa forme glagolitique, représente l'état slave commun en ce qui concerne la distinction des voyelles dures et molles: le *j* que le slave commun a développé au commencement des mots à l'intérieur de la phrase n'est donc pas un *j* autonome et fort, c'est un élément accessoire de la voyelle auquel le créateur de l'alphabet glagolitique a eu raison de ne pas attribuer une notation indépendante[1]).

Les consonnes intervocaliques ont communément une débilité particulière, et c'est ce qui fait que le *j*, qui est par lui-même un phonème très faible en slave, est sujet à se réduire à zéro entre voyelles, après une longue: on sait que *dobrajego* devient *dobraago*, *dobrago* etc. (sur le fait général de la chute de *j* intervocalique, v. O. Broch, Сборникъ статей en l'honneur de M. Fortunatov, p. 134 et suiv.). C'est ce qui fait aussi que *l* mouillé qui a été complètement développé à l'initiale après labiale dans tous les dialectes slaves (v. sl. бл̂юдо, r. блю́до, bulg. блю́до, pol. *bluda*), n'existe pas dans une partie des dialectes slaves là où le groupe labiale plus yod est intervocalique: зємл̂ѣ Zogr. Mar. Ass. Cloz. etc., r. земля́, s. zèmlja, slov. *zémlja*, mais зємльꙗ Supr. et Sav., bulg. зємѝ, pol. *ziemia*, tch. *země*. On s'explique ainsi que, dans le cas où les mots sont le plus étroitement unis par le sens et où par suite il semblerait que le développement du *j* fût inévitable si l'hypothèse proposée ici est correcte, le *j* manque précisément: on a нє авитъ сѧ, sans *j* initial (voir ci-dessus p. 389).

Le *j*, dont la débilité est ainsi constatée, a été généralisé devant tout *e* slave, et sans doute devant tout *a*; seules ont échappé à cette généralisation les particules essentiellement initiales *e-* et *a*.

A. Meillet.

1) Sur la valeur de є et ѣ dans l'alphabet glagolitique, on peut voir maintenant des observations analogues à celles présentées ici dans un article de M. Leskien, *Arch. f. slav. phil.*, XXVII, 164 et suiv. (Note de correction).

D
377
.S76
v.2

DATE DUE			

Stanford University Libraries
Stanford, Ca.
94305

